SEMINARIUM KONDAKOVIANUM

RECUEIL D'ÉTUDES.

ARCHÉOLOGIE. HISTOIRE DE L'ART.

ÉTUDES BYZANTINES.

I

»SEMINARIUM KONDAKOVIANUM«

PRAGUE 1927

СБОРНИКЪ

СТАТЕЙ ПО АРХЕОЛОГІИ И ВИЗАНТИНОВѢДѢНІЮ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

СЕМИНАРІЕМЪ ИМЕНИ Н. П. КОНДАКОВА.

I

»SEMINARIUM KONDAKOVIANUM«

ПРАГА 1927

Типографія »Политика« Прага.

AVANT-PROPOS

Le volume, qui vient d'être présenté au public, est considéré par le Seminarium Kondakovianum comme le premier fascicule d'une série de publications analogues.

Il est à espérer que les volumes suivants paraîtront annuellement.

Tous les articles du présent volume sont en russe, mais il est possible, que les autres fascicules contiendront des travaux écrits en d'autres langues.

Comité de Rédaction.

ОРАНТА

(КЪ ВОПРОСУ О ВОЗНИКНОВЕНІИ ТИПА)

Максъ Дворжакъ въ посмертной статьѣ своей »Die Entstehung der christlichen Kunst« (Wiener Jahrbuch für Kunstgeschichte, II., 1923, 12) говоритъ, что древнѣйшее христіанское искусство, сохраненное катакомбами, примыкая къ родственнымъ ему теченіямъ античнаго искусства, занимаетъ въ отношеніи его самостоятельное положеніе и является „новымъ революціоннымъ художественнымъ направленіемъ". Съ этимъ утвержденіемъ можно согласиться, поскольку рѣчь идетъ о внутренней, идейной, сторонѣ христіанскаго искусства. Порвавъ съ античнымъ міросозерцаніемъ — хотя и не въ такой, можетъ быть, степени, какъ это представлялось ранѣе и какъ это продолжаетъ представляться нѣкоторымъ еще и теперь — христіанство, естественно, должно было черпать вдохновеніе для своего художественнаго творчества изъ своихъ источниковъ, письменныхъ, поскольку они начали получать фиксированную форму, и устныхъ, поскольку матеріалъ для нихъ доставляла народная традиція, несомнѣнно существовавшая и оказывавшая свое вліяніе на міровоззрѣніе начальной христіанской общины. Пока христіанское вѣроученіе не было зафиксировано въ новозавѣтномъ канонѣ и не получило догматическаго характера — а это, какъ извѣстно, произошло не сразу и, вѣроятно, потребовало не мало усилій, — единственнымъ письменнымъ авторитетомъ для христіанъ могъ служить лишь Ветхій Завѣтъ и тѣ литургическія формулы, которыя были выработаны для потребностей христіанскаго культа. Если присмотрѣться къ тѣмъ изъ росписей римскихъ катакомбъ, которыя Вильпертъ въ своемъ альбомѣ относитъ еще ко второй половинѣ I в., то въ нихъ мы не встрѣтимъ ни одного новозавѣтнаго сюжета, и найдемъ или сюжеты, такъ сказать, безличные, никакого отношенія къ христіанству не имѣющіе и явно заимствованные изъ антика, или сюжеты, взятые изъ Ветхаго Завѣта (Даніилъ во рву — табл. 5); то же приходится сказать и о росписяхъ, относимыхъ Вильпертомъ къ началу II в. (Моисей, изводящій воду изъ скалы, Три отрока въ Пещи, Ной въ Ковчегѣ, Сусанна среди старцевъ — табл. 13, 14, 16). Конечно, отсутствіе въ раннихъ катакомбныхъ росписяхъ новозавѣтныхъ сюжетовъ можетъ быть объясняемо дѣломъ случая, но и эта случайность, при наличіи иныхъ соображеній, должна быть учитываема.

Давно уже отмѣчено, что „эллинистическое направленіе, лежащее въ основѣ помпеянской фрески, ложится и въ основу христіанской фрески катакомбъ" (Д. В. Айналовъ, Мозаики IV и V вѣковъ, СПБ. 1895, 7). Думается, что это положеніе должно быть распространено и на всю христіанскую архаику. Послѣ того, какъ христіанство, выйдя изъ узкихъ предѣловъ мѣста своего зарожденія, Палестины, — которая, къ слову сказать, врядъ ли могла дать обильную пищу для художественнаго воображенія христіанъ, — стало, по мѣрѣ своего распро-

страненія, соприкасаться все шире и шире съ тѣми областями, гдѣ античная художественная культура достигла къ тому времени пышнаго и разносторонняго расцвѣта, оно, естественно, не могло остаться не затронутымъ ею.[1] И это воздѣйствіе вполнѣ окрѣпшей художественной культуры антика на формирующееся христіанское искусство должно быть учитываемо не только въ формальномъ отношеніи, но и по существу. Не однѣ только прочно выработанныя антикомъ художественныя формы и способы ихъ выраженія давались, такъ сказать, сами собою въ руки христіанскимъ художникамъ, точнѣе — художникамъ, работавшимъ для христіанъ,[2] къ ихъ услугамъ могли быть и нѣкоторые прочно укоренившіеся въ античномъ искусствѣ образы и типы.

Я только что сказалъ „христіанская архаика“. Лишь ее мы знаемъ; примитивы христіанскаго искусства скрыты отъ насъ. И вотъ, подобно тому, какъ греческая архаическая скульптура выработала своего рода каноническіе типы мужской и женской фигуръ, — т. н. Аполлоны, или куросы, и коры, — такъ и катакомбная живопись являетъ тоже своего рода каноническіе типы мужской и женской фигуръ, — Добраго Пастыря и Оранту. Трудно было бы оспаривать, что образъ Добраго Пастыря, по крайней мѣрѣ, въ формальномъ отношеніи, — античное наслѣдіе (O. Wulff, Altchr. u. byz. Kunst 62 сл.). Въ отношеніи Оранты мы не можемъ утверждать это съ такою же опредѣленностью, и тотъ же Вульфъ, напримѣръ, признавая характеризующій Оранту жестъ восходящимъ къ античному обычаю, самый же образъ Оранты коренящимся „въ духѣ античной художественной практики — подчеркивать понятіе, какъ таковое“ (у. с. 71), считаетъ самый мотивъ олицетворенія молитвы въ образѣ Оранты взятымъ не изъ антика, а представляющимъ собою „свободное новообразованіе“ (у. с. 67). Н. П. Кондаковъ (Иконографія Богоматери, I, 64) говоритъ, что образъ Оранты былъ избранъ христіанскимъ искусствомъ „въ обширномъ арсеналѣ художественныхъ формъ антика“ самостоятельно.

Характеризующій Оранту, какъ фигуру молящуюся, жестъ засвидѣтельствованъ разрозненными памятниками древняго искусства на всемъ протяженіи его исторіи. Мы находимъ жестъ, характеризующій Оранту, на египетскихъ памятникахъ (см. Erman, Die ägyptische Religion, Berl. 1905, рис. 89, 131, 156). Если исключить вызывающаго сомнѣніе, въ смыслѣ истолкованія, „Молящагося мальчика“, то фигуры Оранта засвидѣтельствованы и для греко-римской пластики; изъ сопоставленныхъ въ „Repertoire“ С. Рейнака типовъ Орантъ болѣе или менѣе близкими къ типу христіанской Оранты должны быть признаны: бронза въ Неаполитанскомъ музеѣ (II, 654, 3), бронза, изданная Кэлигомъ (II, 654, 8; о ней см. Leclercq, Manuel d'arch. chr., Paris 1907, 155), бронза въ Британскомъ музеѣ (III, 189, 10), фигура въ Палермо (III, 191, 9). Жестъ, характеризующій Оранту, встрѣчается и въ вазовой живописи; ср, напр., фигуру Кирки, которой грозитъ Одиссей, на вазѣ, изображенной у Roscher Lex. d. Myth. II, 1195), или „дополнительную“

---

[1]) Вульфъ правильно указываетъ, что самое раннее соприкосновеніе христіанской и языческой культуръ должно было произойти въ Малой Азіи, бывшей первою большою областью распространенія христіанства.

[2]) Что среди этихъ художниковъ были и не христіане, едва ли можетъ быть оспариваемо, равно какъ и то, что христіанскіе мастера работали на язычниковъ еще на рубежѣ II и III вв. Тертулліанъ жалуется, что люди, занимавшіеся фабрикаціей идоловъ, допускались даже въ число клириковъ. П. Ѳ. Преображенскій, Тертулліанъ и Римъ, Москва 1926, 114.

женскую фигуру на одной изъ вазъ Эрмитажнаго собранія (S. Reinach, Rep. des vases, I, 45, 2). Всего же ближе, пожалуй, жестъ христіанской Оранты мы видимъ воспроизведеннымъ на одной фрескѣ изъ Остіи, на фигурѣ Евридики (Roscher, Lex. d. Myth. III, 1175).

Всѣ эти случайно подобранные примѣры свидѣтельствуютъ, что характеризующій Оранту жестъ былъ извѣстенъ античному искусству.[1] Для выясненія христіанскаго образа Оранты и зависимости, или независимости, его отъ антика эти примѣры ничего не даютъ, тѣмъ болѣе, что и въ христіанской архаикѣ съ такимъ же молитвеннымъ жестомъ, что и Оранта, изображаются ветхозавѣтныя фигуры Ноя, Даніила, трехъ отроковъ, Авраама и Исаака въ сценѣ жертвоприношенія послѣдняго, и пр.

Большій интересъ представляютъ нѣкоторые памятники античнаго прикладного искусства, ставшіе извѣстными сравнительно недавно; на нихъ мы видимъ изображеніе жеста Оранты не на изолированныхъ примѣрахъ, а на серіи ихъ. Я имѣю въ виду 1) греко-египетскія терракотты, поступившія въ Берлинскій музей изъ находокъ въ различныхъ мѣстностяхъ Египта и 2) рельефныя бронзовыя пластинки, найденныя въ окрестностяхъ теп. Разграда (въ сѣв.-вост. Болгаріи) и хранящіяся въ мѣстномъ музеѣ.

Греко-египетскія терракотты изданы W. Weber'омъ: Königliche Museen zu Berlin. Mitteilungen aus der Aegyptischen Sammlung. II. Die ägyptisch-griechischen Terrakotten (Berl. 1914), табл. 22 и 23, 226—228. См. также терракотту во Флоренціи у Le Coq, Bilderatlas zur Kunst- und Kulturgeschichte Mittelasiens, Berlin 1925, fig. 174. Веберъ датируетъ ихъ, въ грубыхъ чертахъ, эпохою второй половины Имперіи (стр. 17). Терракотты воспроизводятъ сидящія или стоящія женскія фигуры, различающіяся, правда, деталями композиціи, одежды, украшеній, но объединяющіяся всѣ „молитвеннымъ" жестомъ воздѣтыхъ рукъ (см. рисунокъ 1 на табл. I, воспроизведенный по альбому Вебера, табл. 22, 224). По мнѣнію Вебера (стр. 145), всѣ эти фигуры стоятъ въ какомъ-то отношеніи къ имъ родственнымъ, или по крайней мѣрѣ, схожимъ съ ними божествамъ, хотя, тамъ и сямъ, онѣ передаютъ черты „aus dem Wesen der dargestellten"; это или богиня плодородія, или умершая, пріобщенная къ хтоническому культу, или богиня любви. Въ описательномъ текстѣ Веберъ именуетъ ихъ то „Totengöttin", то „Tote", то „Totenweib"; въ подписяхъ на таблицахъ онъ называетъ ихъ „Totengöttin".

Разградскіе рельефы изданы съ обстоятельнымъ описаніемъ Г. И. Кацаровымъ: Arch. Anzeiger, 1922, 191 сл., рис. 8, 9, 10. Отличаясь опять-таки другъ отъ друга деталями композицій, костюма, головного убора, украшеній, всѣ они воспроизводятъ погрудную женскую фигуру съ поднятыми „молитвенно" руками[2] (см. рис. 2 на табл. I, воспроизведенный по любезно доставленной Кацаровымъ фотографіи). Какъ ближайшую аналогію къ разградскимъ рельефамъ, Кацаровъ приводитъ, грубой работы, каменный рельефъ Софійскаго музея, найденный вблизи мон.

---

[1]) Жестъ Оранты воспроизводитъ и грубая глиняная фигурка изъ Кносса, см. Winter, Kunstgeschichte in Bildern. Das Altertum, 3-es Heft, стр. 92, рис. 14. Такой же жестъ попался мнѣ на глаза при просмотрѣ альбома H. Kuhn'a, Die Kunst der Primitiven, München s. a., табл. 63 (фигура изъ дерева въ Гамбургскомъ этнографическомъ музеѣ).

[2]) Въ типѣ „молящейся" задуманы и фигуры на рельефахъ, изображенныя на рис. 11 и 17; изъ за недостатка мѣста руки остались неизображенными. Фигура на рис. 12 имѣетъ руки подъ грудями, что, вѣроятно, обусловлено бывшимъ въ распоряженіи у мастера пространствомъ.

Бачково (Б. Филовъ, Изв. Бълг. Арх. Друж. III (1913), 51, рис. 45), съ изображеніемъ стоящей женской фигуры въ длинномъ дважды опоясанномъ хитонѣ, въ спускающемся сзади головы до земли гиматіи, съ руками, поднятыми также, какъ на разградскихъ рельефахъ; справа отъ фигуры невысокій четыреугольный алтарь. Нужно также вспомнить, говоритъ Кацаровъ, и нѣкоторыя изображенія Анаиты, на которыхъ богиня представлена въ видѣ одѣтой въ длинную одежду женщины, поднимающей правую руку съ вывернутою наружу ладонью (ссылка на Cumont у Pauly-Wissowa, R. E. I, 2031). Исходя изъ того соображенія, что на одномъ изъ разградскихъ рельефовъ (рис. 9) изображена рыба и принимая во вниманіе роль послѣдней въ культѣ Великой малоазійской и семитической богини, слившейся въ М. Азіи съ иранскою Анаитою, Кацаровъ (стр. 199 сл.) признаетъ женскую фигуру на разградскихъ рельефахъ за изображеніе Великой богини. Это мнѣніе Кацарова встрѣтило одобреніе и М. И. Ростовцева (The social and economic history of the Roman Empire, Oxf. 1926, 560, 90).

Признавая вполнѣ правильнымъ отнесеніе разградскихъ рельефовъ къ числу памятниковъ, восходящихъ къ одному изъ синкретистическихъ культовъ, столь распространенныхъ въ императорскую эпоху, къ каковой рельефы относятся, я затруднился бы признать въ изображенной на нихъ женской фигурѣ богиню.[1] Изображеніе на одномъ изъ рельефовъ рыбы не можетъ служить доказательствомъ въ пользу непремѣнно такого истолкованія, такъ какъ культъ рыбы характеренъ не только для богини, но и для адептовъ ея культа, въ мистической трапезѣ которыхъ рыба играла важную роль. Самымъ же главнымъ препятствіемъ для истолкованія разградскихъ фигуръ, какъ изображеній богини, служитъ ихъ жестъ, не подходящій для божества (кому оно молитвенно воздѣваетъ руки?), но характерный какъ разъ для служительницъ его культа, ея іеродулъ.[2] Точно такъ же и на упомянутыхъ греко-египетскихъ терракоттахъ, исходя изъ характеризующаго ихъ жеста, я склоненъ усматривать изображеніе не богини, а служительницъ ея культа, іеродулъ.

Свѣдѣнія объ іеродуліи сопоставлены въ статьѣ Hepding'a у Pauly-Wissowa R. E. VIII, 1459 сл. Достаточно здѣсь отмѣтить широкое распространеніе іеродуліи, особенно въ синкретистическихъ религіяхъ Сиріи, М. Азіи и пр. Въ нѣкоторыхъ храмахъ число іеродуловъ и іеродулъ доходило до 6000. Такое обиліе ихъ заставляетъ предполагать, что не всегда и не обязательно они были рабами и рабынями въ прямомъ значеніи этого слова; что были іеродулы, — мужчины и женщины, — становившіеся „рабами“ добровольно, изъ чисто религіозныхъ побужденій. Hepding правильно указываетъ, что степень зависимости іеродула и іеродулы отъ того божества, которому они служили, могла быть въ отдѣльныхъ случаяхъ самою разнообразною.

---

[1]) Что касается въ частности Анаиты, то въ приводимой Кацаровымъ выпискѣ изъ статьи Кюмона, Анаита характеризуется, какъ поднимающая одну руку. На воспроизведенной у Sarre, Die Kunst des alten Persien, Berlin 1923, 46, рис. 12, капители съ изображеніемъ, по мнѣнію автора, Анаиты, послѣдняя представлена не въ позѣ Оранты: Анаита держитъ въ воздѣтыхъ рукахъ по вѣнку.

[2]) Филовъ правильно считаетъ бачковскую фигуру какъ адоранту — за это, помимо жеста, говоритъ наличность на рельефѣ жертвенника. Изображенныя на разградскихъ рельефахъ такія детали, какъ бубенъ, флейта, столько же говорятъ въ пользу истолкованія фигуры, какъ богини, сколько и какъ іеродулы.

Еще Цоэга и Велькеръ усмотрѣли изображеніе іеродулъ, совершающихъ священную пляску, въ женскихъ фигурахъ на рельефахъ римскаго алтаря въ Луврѣ (S. Reinach, Rep. de la stat. I, 62, 1 = Daremberg-Saglio, Dict. d. ant. III, 1, стр. 174, рис. 3834). Одна изъ іеродулъ (ср. ibid. IV, 2, стр. 1037, рис. 6063) характеризована жестомъ Оранты; другая бьетъ въ бубенъ (ср. одинъ изъ разградскихъ рельефовъ, на которомъ мы находимъ изображеніе бубна). Головной уборъ іеродулъ — плетеная корзинка — напоминаетъ калаѳъ разградскихъ фигуръ (въ такомъ же уборѣ іеродулы, совершающія священный танецъ вокругъ Палладіона, на луврской терракоттовой табличкѣ, Daremberg-Saglio, Dict. III, 2, стр. 1925, рис. 5060) На нѣкоторыхъ изъ греко-египетскихъ терракоттъ воспроизведены слишкомъ реально женскія αἰδοῖα; мы знаемъ, что въ нѣкоторыхъ синкретистическихъ культахъ практиковалась „священная проституція".

Если я говорилъ о языческихъ іеродулахъ, то вовсе не для того, чтобы объяснять образъ христіанской Оранты, какъ заимствованіе отъ образа языческой іеродулы, хотя и, несомнѣнно, этотъ образъ былъ христіанамъ хорошо извѣстенъ. Молитвенный жестъ, характеризующій Оранту, вовсе не является специфически-христіанскимъ. Онъ былъ извѣстенъ, какъ мы видѣли, античному міру, онъ былъ извѣстенъ и іудейству. Вспомнимъ библейскій разсказъ (Исаія, 17, 8), какъ, во время войны израильтянъ съ амаликитянами, Моисей, съ Аарономъ и Оромъ, взошелъ на вершину холма и какъ, когда Моисей поднималъ свои руки, одолѣвалъ Израиль, когда онъ опускалъ ихъ, побѣждалъ Амаликъ; какъ Ааронъ и Оръ стали поддерживать затекавшія руки Моисея; въ результатѣ врагъ былъ побѣжденъ. Поднятіе рукъ Моисея знаменовало его молитву. Въ 87-мъ псалмѣ (ст. 10) говорится: „Глаза мои ослабѣли отъ нищеты; я воззвалъ къ тебѣ, Господи, весь день, распростеръ (διαπέτασα) руки мои" (ср. пс. 142, 6). Богъ говоритъ устами Исаіи (1, 15): „Когда вы протянете (ἐκτείνητε) руки, я отвращу очи мои отъ васъ." Обычай воздѣвать руки при молитвѣ перешелъ изъ Ветхаго Завѣта въ Новый. Павелъ пишетъ Тимоѳею (I, 2, 8): „Я хочу, чтобы мужи молились на всякомъ мѣстѣ, воздѣвая (ἐπαίροντας) благочестивыя руки". Позже этотъ молитвенный жестъ распростертыхъ рукъ сталъ истолковываться какъ символъ креста (см. тексты у Sittl, Die Gebärden der Griechen und Römen, 198, 4).

Въ составѣ служительскаго персонала Іерусалимскаго храма въ послѣплѣнное время упоминаются Nethinim, неѳинеи славянскаго перевода Библіи (о нихъ см. Herzog-Hanck, Realenc. 3/XI, 421. Евр. энциклопедія Брокгауза-Ефрона, XI, 679 сл.). LXX передали Nethinim чрезъ ἱεροδοῦλον. Неѳинеи вербовались изъ числа военноплѣнныхъ, но такъ какъ число ихъ было довольно значительно, то, очевидно, въ составѣ неѳинеевъ были и свободорожденные. Можетъ быть, съ теченіемъ времени и у евреевъ понятіе неѳинеевъ = іеродуловъ (и іеродулъ) охватывало не только оффиціальныхъ служителей культа, но распространялось и на лицъ, добровольно бравшихъ на себя званіе „священнаго рабства". Кто, какъ не такая добровольная іеродула, была евангельская Анна пророчица, которая, рано овдовѣвъ, „не отлучалась отъ храма, служа постомъ и молитвою" (Лк. 2, 37).[1] Дѣва Марія, жившая при храмѣ до помолвки съ Іосифомъ, была, въ сущности, іеродулой.

---

[1]) Даръ пророчества засвидѣтельствованъ и для языческихъ іеродулъ. Strab. XI, 503.

Христіанское міровоззрѣніе, провозгласивши принципъ всеобщаго равенства предъ Богомъ, не только сняло съ понятія рабства одіозный характеръ, но, болѣе того, вознесло его на недосягаемую дотолѣ высоту, признавъ въ земномъ Іисусѣ „зракъ раба" (Фил. 2, 7). Всѣ христіане разсматривались какъ рабы Господа Бога (ср. I Кор. 7, 22. II Тим. 2, 24. Еф. 6, 6. I Петр. 2, 16). Павелъ именуетъ себя рабомъ Христовымъ, рабомъ Божіимъ (Римл. 1, 1. Гал. 1, 10. II Кор. 4, 5. Фил. 1, 1); по его примѣру также именуютъ себя авторы посланій Іакова (1, 1), Петра (II, 1, 1), Іуды (1, 1).[1] Каждый членъ христіанской общины, съ этой точки зрѣнія, можетъ быть разсматриваемъ какъ своего рода іеродулъ или іеродула. Въ христіанствѣ іеродулія должна была принять идеальный характеръ, іеродулъ и іеродула являлись олицетвореніемъ христіанина, христіанки вообще, какъ рабовъ Божіихъ, беззавѣтно преданныхъ Христу. А такъ какъ преданность эта находила свое реальное выраженіе, прежде всего, въ духовномъ общеніи со Христомъ, общеніе же это внѣшнимъ образомъ выражалось въ молитвенномъ обращеніи къ нему, то мы и склоняемся къ мысли усматривать въ христіанскихъ Орантахъ, прежде всего, идеальные образы христіанокъ (и христіанъ) безъ какого-либо специфическаго отношенія къ заупокойному культу, тѣмъ болѣе, что катакомбы, гдѣ фигуры Оранты нашли наиболѣе широкое примѣненіе, имѣли не только погребальное назначеніе, но служили и мѣстомъ молитвенныхъ собраній христіанъ.

При такомъ пониманіи Орантъ, какъ „рабынь Божіихъ", разрывается сама собою та „искусная сѣть гадательныхъ толкованій" (Н. П. Кондаковъ) образа Оранты, которая сплетена была наукою христіанской археологіи. По подсчету Вильперта, въ катакомбахъ насчитывается 153 изображенія Орантъ, и это обиліе ихъ, по его мнѣнію, доказываетъ, что мы имѣемъ въ этихъ Орантахъ представленія душъ усопшихъ. Справедливо по этому поводу замѣчаетъ Н. П. Кондáковъ (ук. с. 67), что „это обиліе изображеній гораздо болѣе говоритъ въ пользу общаго декоративнаго значенія этихъ образовъ". А затѣмъ, какъ объяснить численное превосходство женскихъ Орантъ предъ мужскими, если держаться общепринятаго толкованія Орантъ, какъ „изображеній усопшихъ, стоящихъ въ молитвѣ предъ престоломъ Божіимъ"?[2]

Въ наиболѣе раннихъ изъ дошедшихъ изображеній Орантъ ихъ декоративный характеръ врядъ ли можетъ подлежать сомнѣнію. Въ относимой къ началу II в. росписи нефа въ Cappella Greca (Wilpert, табл. 14) центральную картину, какъ и обѣ боковыя, считаютъ изображеніями эпизода изъ исторіи Сусанны, но я затруднился бы найти для изображенныхъ здѣсь съ молитвенно воздѣтыми руками мужской и женской фигуръ подходящее объясненіе въ разсказѣ о Сусаннѣ въ книгѣ Даніила. Въ относимой къ первой половинѣ II в. росписи той же капеллы съ изображеніемъ сцены на мотивъ „Се Дѣва во чревѣ прі-

---

[1]) Формально эта терминологія могла быть заимствована изъ Ветхаго Завѣта, гдѣ рабами Божіими именуются не только Исаакъ, Іаковъ, Моисей, Іисусъ Навинъ, Илія, Давидъ и пр., но и всѣ правовѣрные іудеи; ср. напр., Пс. 33, 23. II Ездр. (ἡμεῖς ἐσμὲν δοῦλοι τοῦ θεοῦ).

[2]) Schulter, Grundriß der chr. Arch., München, 1918, 82, гдѣ приведена и главная литература. Если Вульфъ особенно подчеркиваетъ въ образахъ Орантъ персонификацію молитвы, какъ таковой, то это толкованіе можетъ быть приложимо лишь къ болѣе поздней стадіи развитія христіанскаго искусства, когда, какъ на Багауатской фрескѣ (В. Г. Бокъ. Мат. по арх. христ. Египта. табл. 15), мы встрѣчаемъ, наряду съ фигурою Εὐχή, и фигуры Δικαιοσύνη и Εἰρήνη.

иметъ“ мы видимъ по сторонахъ сцены двѣ, а, можетъ быть, и три (третья фигура сильно пострадала) фигуры Орантъ (Wilpert, табл. 21), не могущія быть поставленными въ какое-либо соотношеніе къ главному сюжету. Несомнѣненъ декоративный характеръ Орантъ на относимой къ первой половинѣ II в. росписи потолка крипты Лицины (Wilpert, табл. 25), гдѣ фигуры Орантъ корреспондируютъ фигурамъ Добраго Пастыря.[1] Я не могу разбирать здѣсь болѣе позднихъ катакомбныхъ росписей и ограничусь лишь указаніемъ, что въ цѣломъ рядѣ примѣровъ можно встрѣтить такія „корреспондирующія“ фигуры Оранта и Оранты (ср. Wilpert, табл. 60, 1. 61, 72. 96. 164, 1. 188. 290. 217. 233), что встрѣчающіяся изображенія Орантъ среди овецъ (Wilpert, табл. 75. 116, 2. 168) навѣяны, скорѣе всего, соотвѣтствующими композиціями Добраго Пастыря.[2]

Подчеркивая декоративный характеръ фигуръ Орантъ въ христіанской архаикѣ, я этимъ вовсе не хочу сказать, что этотъ характеръ ихъ оставался всегда и всюду неизмѣннымъ. Образъ Оранты, несомнѣнно, имѣетъ свою исторію, которую слѣдовало бы прослѣдить. Изъ идеальныхъ, декоративныхъ фигуръ Орантъ, олицетворявшихъ безличныхъ рабовъ и рабынь Божіихъ, нѣкоторые образы ихъ получили реальный, портретный характеръ. Такія Оранты, въ особенности если изображенія ихъ снабжены именными надписями, или отличаются деталями внѣшняго убора, могли служить и, надо полагать, служили изображеніями усопшихъ. Но и при этомъ идеальный характеръ Оранты, какъ олицетворенія христіанки продолжалъ сохранять свою силу и служилъ для цѣлей художественно-декоративныхъ.

Историческій разборъ образа Оранты приведетъ изслѣдователя и къ вопросу о происхожденіи образа Богоматери-Оранты. Связь его съ Орантою, рабою Божіею, несомнѣнна, и не только связь художественная, но и идейная. Н. П. Кондаковъ (ук. с. 92) правъ, когда говоритъ, что типъ Божіей Матери-Оранты возникъ изъ апокрифическаго представленія Маріи, служительницы Іерусалимскаго храма. Къ этому можно добавить, что и по евангельской традиціи Дѣва Марія говоритъ о себѣ архангелу Гавріилу: Я — раба Господня.

С. Жебелевъ.

9/22 августа, 1926.

---

[1]) Если Вульфъ, ук. с. 71, и здѣсь склоненъ усматривать «das eigentliche Ziel des Flehens» въ томъ, что Оранты оказываются повернутыми въ сторону Добраго Пастыря, то надо замѣтить, такой поворотъ данъ въ одномъ случаѣ, въ другомъ же Оранта повернута отъ Добраго Пастыря въ обратную сторону.

[2]) Въ области ранне-христіанской скульптуры мы встрѣчаемъ „корреспондирующія“ фигуры Оранты и Добраго Пастыря на саркофагахъ изъ La Gayolle (Sybel, Chr. Antike, II, рис. 3), въ Palazzo Rondanini (рис. 9). На всецѣло проникнутомъ античнымъ духомъ саркофагѣ съ Via Salaria (рис. 2) фигура Оранты составляетъ одну группу съ фигурою Добраго Пастыря, занимающей центръ всей композиціи, и является, конечно, фигурою декоративною. Лишь на галльскихъ и позднихъ римскихъ саркофагахъ (Sybel, рис. 15. 27. 42, 43, 44) Оранта, за рѣдкими исключеніями, занимаетъ въ композиціи центральное мѣсто, ср. Wulff, ук. с. 109.

1

2

3

4

МОЛДАВСКАЯ ПОСУДА МОСКОВСКОЙ ОРУЖЕЙНОЙ ПАЛАТЫ

(ОПЫТЪ АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО ОБЪЯСНЕНІЯ)[1]

Посвящается профессору С. А. Жебелеву по случаю его 35-лѣтней ученой дѣятельности

Въ Оружейной Палатѣ, среди многочисленной посуды, находится нѣсколько предметовъ, по формѣ и рисунку ихъ орнаментаціи существенно отличающихся отъ остальной русской и иностранной посуды собранія Палаты. Заинтересовавшіе меня предметы датируются XVI вѣкомъ и четыре изъ нихъ носятъ имя царя Ивана Васильевича; они сгруппированы въ одной витринѣ и принадлежатъ къ прежнимъ поступленіямъ, поэтому упомянуты въ печатной Описи Оружейной Палаты 1884 г. Наименованія ихъ слѣдующія: 1) Братина № 683. 2) Чара № 1805. 3) и 4) Два ковша №№ 733, 734. 5) Стаканъ или купа № 1598. Къ нимъ прибавлю: 6) серебряный окладъ маленькаго образка „Усѣкновеніе главы Іоанна Предтечи" позднѣйшаго письма (Опись, № 4000); на окладѣ рѣзана славянская надпись XVI в., о которой далѣе скажу нѣсколько словъ, и 7) серебряную перечницу съ надписью о принадлежности ея царевичу Федору Ивановичу (Опись, № 1518, табл. 226). Происхожденіе ея неизвѣстно. Поверхность перечницы покрыта лиственнымъ орнаментомъ мелкой чеканки, близко напоминающимъ орнаментъ на братинѣ, что заставляетъ меня предположить, что перечница и братина изготовлены въ одной мастерской (р. 3, т. I). На поддонѣ ея рѣзаны контрольные знаки: старымъ почеркомъ — Грив к҃а (=21) зол, новымъ — Д 172 67. Включаю перечницу въ рядъ перечисленныхъ предметовъ условно, до выясненія стиля орнамента на ней.[2] Прилагаются рисунки: съ братины (рис. 1 на т. II), чары (рис. 2 на т. II), ковша съ молдавскимъ гербомъ (рис. 3 на т. II), перечницы царевича Федора Ивановича (рис. 3 на т. I) и ковша съ надписями по лентамъ (р. 4 на т. I).

Изъ всѣхъ сосудовъ только стаканъ или купа по формѣ не выдѣляется отъ другихъ стакановъ съ раструбомъ, прочіе же всѣ имѣютъ своеобразную форму, несходную ни съ однимъ аналогичнымъ по своему назначенію памятникомъ Оружейной Палаты. Это общее замѣчаніе относительно формы всѣхъ сосудовъ связываетъ ихъ въ отдѣльную группу, указываетъ на особую культуру мѣстности, откуда произошла эта форма, несходная не только съ извѣстными мнѣ предметами западнаго издѣлія, но и съ русскими. Еще болѣе выдѣляются всѣ пять сосудовъ по ихъ своеобразной орнаментаціи. Начну съ братины (р. 1, т. II).

---

[1]) Изъ рукописнаго сборника въ честь С. А. Жебелева.

[2]) Всѣ описаны въ „Описи Оружейной Палаты" подъ соотвѣтствующими №№ и изображены, кромѣ оклада образка, на фототипическихъ таблицахъ Описи 188, 189, 225, 226, 227.

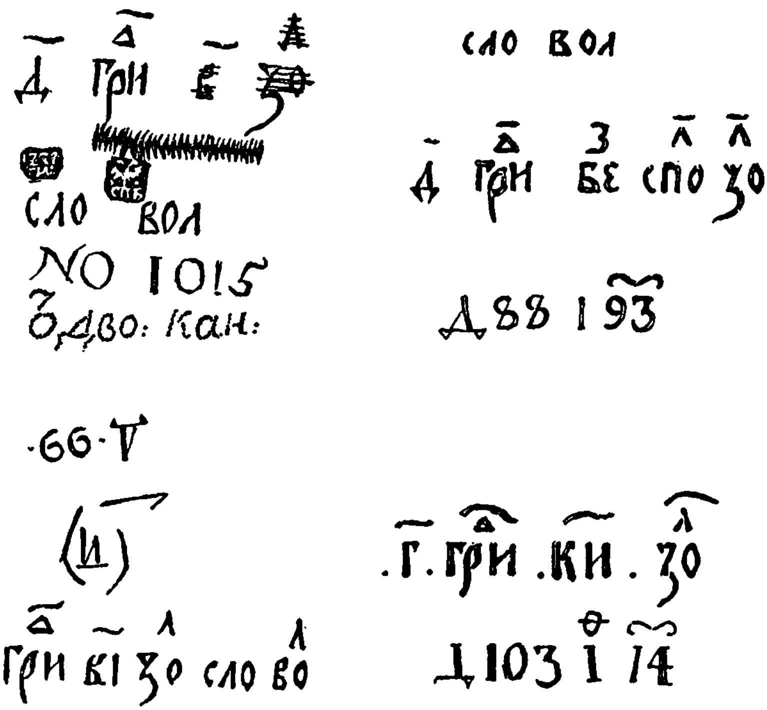
Форма ея замѣтно отклоняется отъ всѣхъ братинъ русскаго издѣлія, также иностранныхъ, изготовленныхъ въ Германіи и Швеціи (судя по клеймамъ на нихъ) несомнѣнно для ввоза въ Россію, такъ какъ на Западѣ братины, повидимому, не были въ обиходѣ. Братина безъ позолоты, поддона не имѣетъ, какъ у русскихъ братинъ, который выдѣляетъ всю массу сосуда отъ плоскости, на которой стоитъ, описываемая же братина сливается съ плоскостью, такъ какъ небольшая выпуклость ея нижней части нисколько не выдѣляетъ ея массы. Тулово расчеканено двумя рядами выпуклостей: верхній рядъ въ видѣ сердцевидныхъ пупышей, нижній — ложками. По самому низу чеканены дуги, изъ которыхъ выходятъ между ложками стилизованные цвѣточные стебли. Средина между выпуклостями занята зигзагообразной полосой орнамента изъ цвѣтовъ и травъ на подобіе кружевного узора. Несмотря на тщательность чеканки, приложенную мастеромъ серебреникомъ, орнаментъ тяжелъ и вся братина уступаетъ въ изяществѣ формы и орнамента превосходнымъ русскимъ братинамъ съ роскошнымъ чеканнымъ травнымъ орнаментомъ, наприм. двумъ братинамъ, принадлежавшимъ думнымъ дьякамъ Данилову и Третьякову, которыя мы видимъ на 188 таблицѣ Описи Оружейной Палаты. По вѣнцу чеканена въ 4 клеймахъ рельефомъ надпись: „Божиею милостию црь и великии князь Иванъ Васильевичь гсдрь всея Русии". Нѣкоторыя буквы связаны въ лигатуру изъ 2—3 буквъ.[1] Пространство между клеймами заполнено чеканнымъ орнаментомъ изъ вѣтвей растеній. Поле надписи и орнамента рѣзано въ клѣтку изъ параллельныхъ черточекъ съ надрѣзами. На днахъ четырехъ сосудовъ съ именемъ Грознаго рѣзаны контрольныя надписи, а на братинѣ, кромѣ того, отчеканены 2 клейма, одно съ двуглавымъ орломъ и буквами **СПБ** подъ нимъ, другое съ 1737 г. и буквами **ГШ**. Рѣзьбою исполнены: „взрѣзъ", замѣнявшій до второй половины XVIII в. пробу, затѣмъ старымъ почеркомъ вѣсъ братины въ гривнахъ, слова **САО** и **ВОА** и новымъ почеркомъ: **ПО** 1015, отдво: кан: (отъ дворцовой канцеляріи). Для ясности прилагаю рисунокъ съ надписью на днахъ всѣхъ четырехъ сосудовъ (см. рис. въ текстѣ на стр. 11).

Не менѣе братины выдѣляется своею формою и орнаментомъ чара (№ 1805), напоминающая ковшъ (р. 2, т. II). Позолотою покрыты чеканныя части, остальное безъ позолоты. Форма ея овальная. На одной изъ широкихъ частей чары находится прорѣзная полка, расчеканенная растительнымъ орнаментомъ: изъ центра отъ стержня расходятся въ стороны переплетающіеся стебли съ двумя цвѣтами, узкими листьями и мелкими завитками; на верхнемъ концѣ центральнаго стержня морда животнаго (быка?). По краю полки ободокъ изъ жгута, оканчивающійся у основанія двумя головами драконовъ. Съ испода полки, по срединѣ, придѣлана узкая пластинка, конецъ которой загнутъ и оканчивается въ видѣ передней части туловища дракона со сложенными крыльями. По нижней наружной части тулова чары протянуты двѣ полосы, расчеканенныя орнаментомъ изъ плетеній въ видѣ узловъ шнура (т. н. Кафимскій узелъ) и листьевъ. Концы полосъ упираются въ 2 круглыхъ клейма со львами въ каждомъ, исполненными сильнымъ рельефомъ по канфаренному полю. Внутри чары, въ срединѣ, чеканено клеймо изъ 4 полуоваловъ съ розеткою въ центрѣ, окруженною четырьмя рыбами. По вѣнцу чеканена рельефомъ по канфаренному полю надпись изъ связанныхъ

[1]) У нѣкоторыхъ словъ я раскрываю титла, іотованное *а* и *юс* переданы буквою *я*.

въ лигатуры изъ 2-3 буквъ, переходящая иногда въ вязь изъ 5 буквъ: „Божиею млстию црь и великиі князь Иванъ Васильевичь гсдрь всея Русии володимерскии московскиі ноугородцкиі црь казанскии и астараханскиі гсдрь псковскиі и иныхъ многихъ". Между концомъ и началомъ надписи рѣзанъ орнаментъ изъ розетки и завитковъ. На днѣ рѣзано старымъ почеркомъ: **СЛО ВОЛ**, вѣсъ въ гривнахъ и новымъ — вѣсъ въ фунтахъ (см. рис. верхній справа). Аналогіи такой чарѣ какъ по формѣ, такъ и орнаменту мнѣ не случалось видѣть.

Къ описаннымъ сосудамъ примыкаютъ по оригинальности ихъ формъ два ковша съ именемъ Ивана Грознаго. Форма одного (№ 733) полусферическая, ладьеобразная съ приклепанною остролистной формы небольшою полкою, на которой рѣзана птица, повидимому попугай, среди лиственнаго орнамента; на опереніи и на полѣ сохранились слѣды темносиней финифти (р. 3, т. II). На днѣ ковша круглая мишень съ молдавскимъ гербомъ: на щиткѣ голова быка впрямь, между рогами звѣзда о 5 лучахъ, по сторонамъ головы двѣ розетки;[1] на гербѣ сохранились слѣды финифти краснокирпичнаго цвѣта. По вѣнцу, по заштрихованному полю, рѣзана надпись: „Божиею милостию црь и великіи кнзь Иванъ Васильевичь гсдрь всея Русіи † владимерскіи московскіи ноугороцкіи црь казаньскіи и иныхъ". Ниже надписи, подъ полкою и носикомъ, рѣзаны 2 одинаковыхъ орнамента, каждый изъ двухъ птицъ, напоминающихъ попугаевъ, спинами другъ къ другу съ соприкасающимися клювами; подъ клювами стилизованный листъ. Между орнаментами съ птицами рѣзаны 2 другихъ одинаковыхъ орнамента въ видѣ стилизованныхъ листьевъ. Всѣ части ковша съ рѣзьбою вызолочены, остальное безъ позолоты. На днѣ рѣзано старымъ почеркомъ: вѣсъ въ гривнахъ, **СЛО ВОЛ**, надъ ними неясный значокъ въ скобкахъ, новымъ — **Л** 99 (см. рис. нижній слѣва).

Другой ковшъ (№ 734) также полусферической формы съ небольшимъ носикомъ и съ массивною длинною плоскою полкой, конецъ которой немного расширенъ и покрытъ орнаментомъ, наведеннымъ темносинею финифтью; средина полки имѣетъ продольную ложбину (р. 4, т. I). На днѣ круглая мишень, на ней чеканенъ

[1]) Рисунокъ герба изображенъ въ т. 10 „Описи" на дополнительной таблицѣ.

двуглавый орелъ подъ двумя коронами, кругомъ орла надпись: „Бжиею млстию црь и великиі кнзь Иванъ Васільевічь гсдрь всея Русиі“.[1] На средине мишени наведена зеленая финифть, поле надписи съ темносинею финифтью. Нѣкоторыя слова надписи связаны въ лигатуру изъ двухъ буквъ. По вѣнцу снаружи и внутри, на верхней и нижней сторонахъ полки и на 4 полосахъ, протянутыхъ по наружной сторонѣ тулова, рѣзана по заштрихованному косыми чертами полю надпись съ подробнымъ титуломъ Грознаго. Въ какомъ порядкѣ слѣдуетъ читать перечень царскихъ владѣній, разбросанный въ разныхъ мѣстахъ надписи на ковшѣ, я руководился еще болѣе подробнымъ текстомъ титула Ивана IV на золотой буллѣ, приложенной къ договору съ Даніей отъ 7 августа 1562 г.[2] „Бжиею млстию црь и великиі кнзь Иванъ Васильевичь гсдрь всея Русии владимерскиі московскиі новгороцкиі црь казанскиі црь астараханскии гсдрь псковъскии и великиі кнзь смоленски тверскии югорскии пермскии вяцкиі болъгарскиі нныхъ (такъ!) гсдрь и великиі княз новагорода низовскіе (такъ!) земли черниговскиі рязанскиі ростовскиі ярославскиі белозерскиі удорскиі обдорскиі кондинскиі и всея сибирския земли и сѣверныя страны повелитель и гсдрь и иныхъ многихъ“.[3] Всѣ надписи позолочены, тулово безъ позолоты. На днѣ рѣзано старымъ почеркомъ: вѣсъ въ гривнахъ, новымъ: Д 103 и вѣсъ въ фунтахъ (см. рис. нижній справа). Общности характера всѣхъ описанныхъ четырехъ сосудовъ, кромѣ обработки ихъ съ технической стороны, позволяющей видѣть въ нихъ издѣліе одного мастера, или правильнѣе одной школы, придаютъ контрольныя надписи на днахъ. Кромѣ вѣса, на трехъ первыхъ видимъ одинаковыя сокращенія двухъ словъ: **СЛО** и **ВОЛ**, рѣзанныхъ старымъ почеркомъ; къ тому же времени относятся и отмѣтки вѣса; остальные же знаки съ арабскими цифрами принадлежатъ къ XVIII в., ко времени императрицы Анны, судя по 1737 году на клеймѣ братины. Клейма мастеровъ и города отсутствуютъ на всѣхъ сосудахъ, что затрудняетъ еще болѣе вопросъ объ ихъ происхожденіи. Но не можетъ ли прійти на помощь такой внѣшній, неожиданный для предмета съ именемъ русскаго царя, признакъ, какъ молдавскій гербъ на ковшѣ № 733? Появленіе этого герба на одномъ предметѣ позволяетъ мнѣ высказать предположеніе, что какъ этотъ ковшъ, такъ и остальные описанные сосуды принадлежатъ къ издѣліямъ молдавскимъ или волошскимъ. Въ Россіи въ XV и XVI в. в. все, что касалось Молдавіи, будь то человѣкъ (напр. посолъ), предметъ и т. д. называлось волошскимъ, но не молдавскимъ; напримѣръ, при посылкѣ въ 1480 г. къ Менгли Гирею посла князя Ив. Ив. Звенца, въ наказѣ сказано: „Князь великій велѣлъ тобѣ говорити: присылалъ ко мнѣ Стефанъ воевода Волошскій о дѣлѣ“ и т. д.[4] или „(Въ лѣто 6990) сватался вел. князь съ Волошьскимъ воеводою Степаномъ взяти дщерь его Олену за своего сына“ или „(въ лѣто 6991) передъ Рожествомъ Христовымъ приведена бысть дщерь Стефанова воеводина Елена изъ Волохъ за вел. князя сына за Ивана“,[5] тогда какъ Стефанъ оффиціально

---

[1]) Рисунокъ мишени изображенъ въ т. 10 „Описи“ на дополнительной таблицѣ.

[2]) Снимки древнихъ русскихъ печатей. Изд. Комм. печатанія госуд. грамотъ и договоровъ, табл. 12.

[3]) Сокращеніе въ титулѣ слова гсдрь слѣдуетъ читать не государь, но господарь, какъ читаемъ это слово безъ сокращенія на вышеупомянутой буллѣ 1562 г.

[4]) Дѣла Крымскія, № 1, л. 54—56. Карамзинъ И. Г. Р., VI, прим. 278.

[5]) П. С. Р. Л. VI, 234.

въ грамотахъ именовался такъ: ...„Къ вѣчной памѣти милостію Божіею мы Іоанъ Стефанъ воевода гсподаръ земли молдавской, знаменито чинимъ" и т. д.[1] Молдавскіе послы въ лѣтописяхъ, какъ увидимъ ниже, назывались въ XVI в. Волошскими.

Установивъ, хотя предположительно, молдавское происхожденіе сосудовъ, слѣдовало бы перейти къ оцѣнкѣ ихъ съ художественной стороны и указать на связь ихъ съ подобными памятниками, но, при отсутствіи въ извѣстныхъ мнѣ собраніяхъ Москвы аналогичнаго матеріала и неимѣнія соотвѣтствующей западной литературы, сдѣлать это затруднительно. А. И. Яцимирскій, много работавшій по памятникамъ древней Румыніи, преимущественно въ области литературы, далъ очеркъ „Старинное Румынское искусство", въ которомъ касается матеріальныхъ памятниковъ молдавской культуры. Говоря о главномъ хранилищѣ древностей Румынъ — музеѣ въ Букурештѣ, авторъ пишетъ: „Въ нѣсколькихъ витринахъ тутъ хранятся предметы церковнаго культа — кресты, серебряные оклады на Евангелія, потиры, дискосы и т. д." О предметахъ бытового, нерелигіознаго, характера авторъ не упоминаетъ; не говоритъ о нихъ также и въ своемъ очеркѣ, посвящая его, главнымъ образомъ, архитектурѣ и живописи; очевидно бытовыхъ вещей въ Музеѣ Букурешта въ то время не находилось. Отмѣченные авторомъ предметы религіознаго культа — оклады на Евангелія, панагіи — не могутъ служить подмогою къ опредѣленію стиля сосудовъ Оружейной Палаты. Но нужно ли искать аналогичныхъ памятниковъ только въ Румыніи — утвердительно сказать нельзя: Молдавія имѣла сношенія съ Венгріей, Польшей и др. странами, откуда могло идти вліяніе на молдавскихъ мастеровъ или же предметы могли быть доставляемы готовыми изъ указанныхъ странъ въ Молдавію. Другой авторъ, занимавшійся почти тѣмъ же вопросомъ, Н. И. Петровъ въ статьѣ „Румынскіе художественные памятники въ Россіи и возможность вліянія ихъ на русское искусство"[2] перечисляетъ извѣстные ему предметы румынскаго происхожденія XV, XVI и XVII в. в., не давая имъ художественной оцѣнки; имъ описаны: кипарисный рѣзной крестъ Кіево-Братскаго монастыря, сдѣланный въ 1600 г. по заказу валашской царицы Неги; артосная панагія молдавскаго господаря Стефана Томши 1623 г. собранія гр. Уваровой, теперь въ Историческомъ Музеѣ; крестъ митрополита Феоктиста, опредѣляемаго авторомъ Сочавскимъ, XV в., изъ Житомирскаго музея. Болѣе подробно авторъ останавливается на извѣстномъ золотомъ молдавскомъ талерѣ, впервые упомянутомъ Карамзинымъ.[3] Кромѣ перечисленныхъ памятниковъ, въ статьѣ упомянута шитая плащаница 1545 г. одной Кіевской церкви. Повидимому, чеканныхъ предметовъ молдавскаго дѣла въ русскихъ собраніяхъ не находится. Съ другой стороны, у меня возникаетъ вопросъ, не могли ли сосуды

---

¹) Матеріалы для исторіи взаимн. отнош. Россіи, Польши, Молдавіи, Валахіи и Турціи въ XIV-XVI в. в. Чтенія, 1887, кн. III, 113. Грамота Стефана 1484 г. къ Казимиру Польскому.

²) Труды XIV археологическаго съѣзда въ Черниговѣ, М. 1911 г., т. II. стр. 89.

³) Т. VI, стр. 140, изд. Эйнерлинга. Карамзинъ приписываетъ его дочери Ивана III Феодосіи, вышедшей замужъ за кн. Вас. Дан. Холмскаго. Позднѣе талеръ былъ объясненъ акад. Куникомъ въ Зап. Акад. Наукъ т. 41, кн. 2-я; статья его была перепечатана съ дополненіями въ „Нумизматическомъ Сборникѣ", т. I-й, 1911 г. Куникъ разобралъ непрочтенную Карамзинымъ надпись и отнесъ талеръ къ молдавскому великому дворнику Никору (Николаю) начала XVII в. Петровъ, тѣмъ не менѣе, иначе читаетъ надпись и относитъ талеръ къ 1493 г.

быть сдѣланы въ Россіи? На это навели на мысль слѣдующія соображенія: во первыхъ, форма буквъ, по крайней мѣрѣ для меня, не позволяетъ сомнѣваться, что буквы чеканены или рѣзаны если не русскимъ серебреникомъ, то иностранцемъ по указаніямъ русскаго мастера; это особенно замѣтно при сравненіи надписей на посудѣ Грознаго съ надписями на памятникахъ несомнѣнно молдавскаго издѣлія, на купѣ Лупехура и окладѣ Александра и Роксанды (см. ниже). Во вторыхъ, текстъ надписей, т. е. титулъ царя, точности котораго Иванъ IV, безъ сомнѣнія, придавалъ большое значеніе, могъ быть написанъ или проредактированъ только лицомъ, вѣдавшимъ царскимъ титуломъ или близко стоявшимъ къ Посольскому приказу. Исполнить послѣднія условія едва ли возможно было въ далекой отъ Москвы Молдавіи, особенно въ то смутное для Молдавскаго господарства время, и это соображеніе заставляетъ меня склониться къ мысли, что сосуды изготовлены въ Москвѣ. Не жилъ ли въ то время въ Москвѣ мастеръ Молдованинъ или „изъ Волохъ", который, по заказу Молдавскаго господаря, и сдѣлалъ сосуды въ стилѣ своей страны для поднесенія Ивану IV?

Послѣ всего сказаннаго, къ предметамъ Оружейной Палаты приходится подойти только съ археологической стороны, не касаясь художественной. Я попытаюсь объяснить надписи, какъ рѣзанныя на днахъ сосудовъ, которыя упомянуты при описаніи сосудовъ, такъ и тѣ, которыя чеканены по вѣнцу и по тулову.

Поддоны многихъ сосудовъ Оружейной Палаты и бывшей Патріаршей ризницы, слившейся съ нею, какъ русскихъ, такъ и иностранныхъ, поднесенныхъ царямъ, покрывались нарѣзными надписями, имѣвшими контрольное значеніе; по этимъ надписямъ, почти въ каждомъ случаѣ, можно опредѣлить страну, откуда привезенъ предметъ. Приведу нѣсколько примѣровъ подобныхъ надписей: на кружкѣ № 816 рѣзано, кромѣ вѣса, что прислана въ дарехъ отъ Свейскаго короля; на кубкахъ №№ 851-854 рѣзано, что присланы Христиной Шведской; на кубкѣ № 856 — присланъ Польскимъ королемъ; на кубкѣ № 857 — поднесенъ датскимъ королевичемъ Вальдемаромъ и т. д. Но кромѣ даровъ королевскихъ, отмѣчались имена и группы русскихъ служилыхъ людей, напримѣръ, подъячихъ Разряднаго приказа на кубкѣ № 884 или властей Троице-Сергіева монастыря на кубкѣ № 896; на кубкѣ № 7 бывшей Патріаршей ризницы рѣзано, что въ 154 (1646) году государю челомъ ударили Нѣмцы Давыдъ Микалаевъ съ товарищи; на кубкѣ № 9 — царицѣ челомъ ударили думный дьякъ Иванъ Гавреневъ и т. д.[1] Перечисленныя надписи относятся къ XVII в.; онѣ показываютъ, что лица, завѣдывавшія имуществомъ государя, считали необходимымъ отмѣчать на сосудѣ вѣсъ и происхожденіе поднесеннаго дара. По аналогіи, мы должны были бы видѣть и на посудѣ Грознаго, кромѣ вѣса, отмѣченнаго на всѣхъ четырехъ предметахъ, также отъ кого они поступили, но таковаго не видимъ, а вмѣсто обозначенія государя страны на трехъ рѣзаны сокращенія двухъ словъ: **СЛО** и **ВОЛ**. Но какъ дополнить ихъ? Молдавскій гербъ на ковшѣ № 733, указывающій на „волошское" происхожденіе ковша, даетъ мнѣ мысль видѣть въ сокращеніи второго слова „вол" прилагательное в о л о ш с к і й. Какъ я выше сказалъ, для Русскихъ XV—XVI в. в. Молдавія была

[1]) Примѣры взяты изъ „Описи" Моск. Окруж. Палаты и изъ „Указателя" Патріаршей Ризницы, сост. архіеп. Саввою.

Волошскою землею, Волохами, такъ что дополнить сокращеніе вол словомъ волошскій не будетъ натяжкою, но сокращеніе „сло“ представляетъ большія затрудненія для его возстановленія. Для разрѣшенія этого вопроса приведу слѣдующее соображеніе: у Карамзина[1] есть одно мѣсто, взятое изъ дѣлъ Польскихъ, гдѣ сообщается о наградахъ, данныхъ Борису Годунову за удачное изгнаніе въ 1591 г. Крымскаго хана изъ предѣловъ Россіи: „Далъ ему Борису государь шубу дорогу съ своихъ плечь, словетъ Руская, въ тысечу рублевъ, съ золотыми пуговицами, да съ себя чѣпь золоту дорогу, да судно золото, словет Мамай, что на Мамаевѣ побоищѣ побилъ... в. к. Дмитрей Ив. Донской Мамая царя“ и т. д. Повидимому, выраженіе „словетъ“ въ примѣненіи къ одеждѣ и посудѣ, было обычнымъ въ XVI в. и передавало наше выражеше „извѣстное подъ названіемъ“ или что нибудь въ этомъ родѣ. Срезневскій въ „Матеріалахъ для словаря древне-русскаго языка“ подъ слути, слову опредѣляетъ: быть считаемымъ, считаться, а также называться; подъ послѣднимъ опредѣленіемъ онъ даетъ нѣсколько примѣровъ. Приведу одинъ: Понетьское (Понтійское) море... словеть Руское (изъ Пов. врем. лѣтъ, введ., 6) и др. Такимъ образомъ, выраженіе для контрольнаго знака „словетъ волошское“ (судно, сосудъ или подобное) въ данномъ случаѣ является пока единственно возможнымъ для возстановленія сокращеній „сло“ и „вол“.

Опредѣливъ страну, или вѣрнѣе мастера-иностранца, сработавшаго описанные четыре сосуда съ именемъ царя Ивана Васильевича, рождается вопросъ: какія обстоятельства привели ихъ къ русскому царю? Поднесены ли они посольствомъ или инымъ путемъ. Отвѣтъ на это могутъ дать только письменные источники.

Возможно, что о сношеніяхъ Молдавіи съ Россіей въ XVI в. имѣются данныя въ Румынскихъ изданіяхъ, изъ которыхъ я могъ познакомиться только со статьею проф. И. Богдана Letopisetul lui Azarie, напечатанною въ Analele Academiei Romane (Seria II, tomul XXXI, 1909), гдѣ авторъ издалъ „Сказаніе въ кратцѣ о молдавскых господарехь“ по рукописи Публичной библіотеки, но интересующихъ меня свѣдѣній въ Сказаніи Азаріи я не нашелъ. Такимъ образомъ, приходится руководиться только русскими лѣтописными источниками.

Связи Россіи съ Молдавіей, какъ это выше сказано, начались еще при дѣдѣ Грознаго, вел. князѣ Иванѣ III, въ 1482 г., сватовствомъ Ивана Молодого къ Еленѣ, дочери молдавскаго воеводы Стефана, и продолжались во все правленіе Ивана III.[2] Къ сожалѣнію, для интересующей насъ эпохи, эпохи Грознаго, письменныя свѣдѣнія очень скудны. Первое извѣстіе о сношеніяхъ Молдавіи съ Россіей при Иванѣ IV въ лѣтописяхъ появляется подъ 8 ноября 7051 (1542) года;[3] въ этотъ день „пріидоша къ вел. кн. на Москву послы Волосскые отъ воеводы отъ Ивана Петра Степановича, Крестовладовичъ Перколагъ да Петръ Корковичъ Логовитъ да писаръ Иванъ Степановъ. Били челомъ послы великому государю отъ воеводы, чтобы его великій государь пожаловалъ, далъ ему на поможеніе окупитися отъ Турскаго салтана, что его выгналъ Турецкый

---

[1]) И. Г. Р., X, прим 270.

[2]) См. Палаузовъ. Румынскія господарства Валахія и Молдавія. СБП. 1859. Стр. 78.

[3]) П. С. Р. Л. XIII, 144.

салтанъ изъ его земли Мольдовьскые, и воевода хотелъ ѣхати къ тебѣ, къ великому государю, на Москву, ино ему было не мощно проѣхати: Турской и Крымьской его землю плѣнили, а съ королемъ такоже ратенъ и онъ ѣхалъ во Угорскую землю и изъ Угорскые земли ходилъ х турецкому салтану бити челомъ, чтобы ему отдалъ его государство Молдовьскую землю, и салтанъ Турецкый пожаловалъ его, отдалъ ему 2 части Мольдовскіе земли, а съ третіее части взялъ у него салтанъ окупа 300.000 золотыхъ черленыхъ, опричь дани, что ему давати отъ году до году: и великій бы государь пожаловалъ, помочь учинилъ, чѣмъ окупитися, да и впредь бы его государь жаловалъ и берегъ". Въ упоминаемыхъ въ лѣтописи лицахъ можно видѣть слѣдующихъ: воевода Иванъ Петръ Степановичъ — молдавскій господарь изъ рода Драгошичей Іоаннъ Петръ Рарешъ, незаконный сынъ Стефана; Крестовладовичъ перколагъ — сербъ Христо Владовичъ, комендантъ крѣпости; въ званіи Петра Корковича логовитъ слѣдуетъ читать логофетъ;[1] логофетъ, степень одного изъ высшихъ должностныхъ лицъ Молдавіи, происходящая, судя по названію, изъ Византіи. Логофетовъ было три: великій, второй и третій; великій логофетъ соотвѣтствовалъ верховному канцлеру. Турецкій султанъ — Солиманъ или Сулейманъ II Великолѣпный. Критическое положеніе Молдавіи кратко, но ясно обрисованное лѣтописью, заставило Петра Рареша прибѣгнуть къ русскому государю, который, какъ говоритъ далѣе лѣтописецъ, принялъ мѣры черезъ Сигизмунда II Августа о свободномъ возвращеніи пословъ и 11 февраля 1543 г. отпустилъ ихъ вмѣстѣ съ Сем. Дан. Батюшковымъ къ воеводѣ „съ своимъ жалованіемъ."

Безъ сомнѣнія, посольство 1542 г. прибыло не съ пустыми руками и въ числѣ даровъ, казалось, могли быть и описанные сосуды, но они никоимъ образомъ не могутъ быть отнесены къ этому времени: въ этомъ году Иванъ Васильевичъ царемъ еще не титуловался, царскій титулъ онъ принялъ въ 1547 году: (Въ лѣто 7055) 16 Генваря, въ недѣлю, вѣнчанъ бысть на царство русское (титулъ) Иванъ Васильевичъ преосв. Макаріемъ.[2] Предметы сохранившіеся отъ посольства 1542 г., конечно имѣли бы надписи безъ царскаго титула, но таковыхъ въ Оружейной Палатѣ нѣтъ, кромѣ серебрянаго пѣтуха (№ 1936), относимаго къ Ивану III. Этотъ прекрасный декоративный кубокъ — пѣтухъ до сихъ поръ не былъ научно описанъ и изученъ; происхожденіе его неизвѣстно; къ русскимъ издѣліямъ я бы его не отнесъ: реальная форма птицы и тщательная обработка оперенія указываютъ на искусную руку западнаго художника — реалиста. Найти аналогію пѣтуху Оружейной Палаты будетъ одной изъ задачъ будущему изслѣдователю торевтики по образцамъ русскихъ собраній. Въ переписной книгѣ 1663 г. (см. текстъ „Описи") пѣтухъ показанъ между сосудами неизвѣстнаго времени. На туловѣ рѣзанъ вѣсъ (3 ф. 76 зол.), наименованіе сосуда „пѣтухъ" и отдѣльно, около крыла, рѣзана буква Б; на обрѣзѣ шеи овальное, не вполнѣ отчеканившееся, клеймо съ буквою К; подобное клеймо съ буквою К, но въ кругѣ, не въ овалѣ, города Кицингена въ Баваріи, описано у Розенберга; можетъ быть и на пѣтухѣ буква К означаетъ

---

[1]) Палаузовъ, у. с., стр. 83.

[2]) П. С. Р. Л. XIII, 150. У Палаузова, у. с., стр. 82—83, объ эпохѣ, когда прибыло посольство, разсказывается подробнѣе, нежели у Карамзина, И. Г. Р., т. VIII.

1

2

3

тотъ же городъ, но Розенбергъ древнѣйшую марку съ буквою К относитъ къ посудѣ Кицингена 1595 года. Внутри отъемной головы пѣтуха находится круглая мишень съ наведеною зеленою финифтью и золоченою надписью: „кнзь велики Иванъ Василъевичь". Нѣкоторыя буквы связаны въ лигатуры изъ 2 буквъ. Отсутствіе титула царя въ надписи и заставило видѣть имя Ивана III, а не его внука, но титулъ великаго князя носилъ и Иванъ IV до 1547 г. Разрѣшить вопросъ, къ какому времени, т. е. къ концу ли XV или къ концу первой половины XVI в., относится надпись, возможно будетъ только послѣ палеографическаго изученія надписи. Если будетъ доказано, что написаніе буквъ не противорѣчитъ времени Ивана IV, то возможно будетъ предположить, что пѣтухъ одинъ изъ даровъ молдавскаго посольства 1542. г. Д. Д. Ивановъ, директоръ Оружейной Палаты, относитъ пѣтуха ко времени в. к. Ивана III, считая его тѣмъ самымъ куромъ (куръ = пѣтухъ), который упоминается среди посуды князя Дм. Ив. Жилки, сына Ивана III, въ его духовной грамотѣ, ошибочно отнесенной издателемъ Собранія Госуд. грамотъ и договоровъ (т. I, стр. 405) къ внуку Ивана III.

Слѣдующее по времени извѣстіе о сношеніи Молдавіи съ Россіею находимъ въ лѣтописи подъ 7063 (1555) годомъ:[1] Въ январѣ этого года „пришли послы отъ Воложскаго воеводы Александра Степанъ Перкалабъ Романовъской, да Микула Перколабъ Сорокичъ бити челомъ, чтобы государь для христіаньства помогъ, чѣмъ окупиться отъ Турскаго. И царь и великій князь ихъ пожаловалъ пословъ и отпустилъ по прежнымъ обычаемъ". Историки не отмѣчаютъ посольства 1555 г. и извѣстіе о немъ нашей лѣтописи остается единственнымъ показателемъ сношенія царя Ивана IV съ Молдавіей. О цѣли посольства въ лѣтописи сказано глухо; какая причина заставила молдавскаго господаря просить, чтобы государь для христіанства помогъ (надобно понимать далъ бы денегъ) „окупиться" отъ турецкаго султана Солимана II — неизвѣстно, но просьба „волошскаго воеводы" была, повидимому, уважена и послы были отпущены по прежнимъ обычаямъ. Упоминаемый въ лѣтописи воевода Александръ ранѣе носилъ имя Петра Лепушано или Лапушняно (Lapuşneano), какъ пишетъ проф. Богданъ (Letopisetul, 69); онъ стоялъ во главѣ бояръ, которые старались истребить преемниковъ господаря Петра Рареша — Илью и Стефана; изъ нихъ Илья, принявъ исламъ, исчезъ изъ ряда молдавскихъ правителей, а Стефанъ былъ убитъ въ 1552 г. Петръ Лапушняно, женившись на дочери Петра Рареша Роксандѣ или Локсандрѣ (имя, по словамъ Палаузова, происходящее отъ мужского имени Александръ), принялъ имя Александръ.[2] Послѣдовавшія въ 1550-хъ годахъ смуты въ Молдавіи заставили Александра удалиться; въ 1564 г. онъ вновь принялъ бразды правленія, но жестокости, проявленныя имъ, привели

---

[1]) П. С. Р. Л., XIII, стр. 248.

[2]) У Азаріи сказано о женитьбѣ на Роксандѣ такъ: „По прѣтеченіи втораго лѣта царства своего (т. е. около 1554 г.) съпряже себѣ царицу благочьстива Роксанду, дъщи сущу Петроу воеводѣ стараго, изъ нея же роди Богдана и Петра, въспытана же бывша и вдана оучити ся книгамъ и благовѣрію наказана" (Letopisetul, 170). О смерти Александра у Азаріи (l. c. 176) разсказано иначе: на 4-й годъ своего второго царствованія Александръ тяжко заболѣлъ и умеръ, принявъ передъ смертью схиму подъ именемъ Пахомія, въ Мартѣ 7076 (= 1568) года. Преемникомъ Александру былъ назначенъ Богданъ, но, по молодости его лѣтъ, соправительницею назначили его мать Роксанду. „Въ коупѣ же сынъ и мати обладаста два лѣта и девять мѣсяць". Роксанда умерла въ ноябрѣ 7079 (= 1570) года (l. c., 177).

къ тому, что онъ былъ отравленъ въ 1566 г. Преемникомъ былъ объявленъ сынъ Богданъ 15 л. подъ регентствомъ матери его Роксанды.[1] Я остановился на подробностяхъ объ Александрѣ и Роксандѣ, чтобы яснѣе понять надпись на одномъ молдавскомъ памятникѣ Оружейной Палаты; это небольшой поздняго письма образокъ Усѣкновенія главы Іоанна Предтечи (№ 4000), вставленный въ серебряный позолоченный окладъ, не имѣющій художественнаго значенія, но интересный по надписи, рѣзанной на его задней глухой сторонѣ въ пяти строкахъ: „† Молба рабь бжіи Іѡ Аксаньдръ воевода гпръ земли молдавьскои и гжа его Рокса".[2] Буквы д и р связаны. Въ именахъ Аксандръ, т. е. Александръ, и Рокса, т. е. Роксанда, к и с изображены какъ греческое „кси". Упоминаемые на рамкѣ имена безъ сомнѣнія принадлежатъ тому господарю молдавскому Іоанну Александру Лапушняно и его женѣ Роксандѣ, которые отправляли посольство къ Грозному въ 1555 г. Конечно, посольство отъ Александра прибыло съ дарами; не будетъ большой ошибки, если къ дарамъ этого посольства отнесемъ братину, чару и ковшъ съ молдавскимъ гербомъ, но отнести къ этому времени другой ковшъ съ орломъ на мишени препятствуетъ слѣдующее соображеніе: на длинномъ титулѣ, изображенномъ на ковшѣ № 734, читаемъ, что царь именуется всея сибирскія земли и сѣверныя страны повелителемъ и государемъ. Возможно-ли, чтобы въ 1555 г. Грозный считалъ себя оффиціально повелителемъ Сибирской земли? Лѣтопись[3] подъ 7063 (1555) годомъ говоритъ что въ январѣ пришли къ царю послы отъ сибирскаго князя Едигера и били челомъ, чтобы государь ихъ князя и всю землю Сибирскую взялъ въ свое имя и дань свою на нихъ положилъ и т. д. Царь ихъ пожаловалъ, взялъ князя и всю землю въ свою волю и дань свою положилъ; но окончательно Сибирь была закрѣплена за Россіей въ 1569 году,[4] хотя уже въ 1562 г. Иванъ Васильевичъ именовался повелителемъ Сибирской земли, какъ это видимъ на золотой буллѣ, привѣшенной къ договору съ Даніей. Такъ же на двухъ грамотахъ Филиппа II испанскаго и его жены Маріи Тюдоръ, какъ короля и королевы Англіи, къ Ивану IV, писанныхъ въ Вестминстерскомъ дворцѣ около Лондона, обѣ отъ 28 апрѣля 1557 г., одна на англійскомъ, другая на итальянскомъ языкахъ, Иванъ Васильевичъ именуется въ одной, какъ Gouuernor over all the Land of Siberia, въ другой Gouernatore della Siberia (С. Г. Г. и Д., V, 113 и 114). Но еще ранѣе въ 1554 г., слѣдовательно до посольства отъ Едигера, въ грамотѣ къ англійскому королю Эдуарду VI, Иванъ Васильевичъ именуетъ себя повелителемъ Сибирской земли (Commander of all Siberia).[5] Несмотря на приведенные факты, мнѣ бы казалось, что помѣщать на ковшѣ, изготовленномъ ранѣе 1555 г. (молдавское посольство прибыло только въ этомъ году, титулъ повелителя Сибири было бы преждевременно и справедливѣе отнести его къ болѣе позднему году. Можетъ быть, даже отсутствіе сокращеній **СЛО** и **ВОЛ** на немъ указываетъ, что ковшъ не относится къ группѣ остальныхъ 3-хъ сосудовъ, имѣющихъ контрольные знаки **СЛО** и **ВОЛ**.

---

[1]) Палаузовъ, у. с., стр. 83 сл. и 97—98.

[2]) Въ „Описи" ошибочно прочтено Роза вмѣсто Рокса; правильное чтеніе далъ Д. Д. Ивановъ, директоръ Оружейной Полаты.

[3]) П. С. Р. Л., XIII, 248.

[4]) Карамзинъ, IX, 78, прим. 257.

[5]) Карамзинъ, VIII, 140, прим. 421, 485, по свидѣтельству Hakluyt'a.

Заканчивая обзоръ молдавскихъ памятниковъ Оружейной Палаты, упомяну о серебряномъ стаканѣ или купѣ, судя по именамъ въ надписи, молдавскаго издѣлія (№ 1598); расположеніе надписи на его туловѣ по лентамъ или полосамъ, какъ на ковшѣ № 734, обращаетъ вниманіе. Этотъ пріемъ расположенія надписей по лентамъ на предметахъ другихъ странъ мнѣ неизвѣстенъ и представляетъ, повидимому, особенность молдавскихъ издѣлій. Замѣченная особенность на молдавской купѣ сближаетъ нашъ ковшъ съ нею и потому позволяетъ отнести ковшъ къ произведеніямъ молдавскаго серебреника. На купѣ рѣзана надпись на лентѣ, представляющей тѣло дракона, слѣдующаго содержанія: „Сія купа сътвори Лупехуру и подружи его Кръстина и даде ея дщери своей Грозава да пиеть здравь въ лто 7088 (1580) мца Августа въ 8 день". На туловѣ, на противоположныхъ сторонахъ, рѣзаны два щитка: на одномъ буква Л, указывающая, вѣроятно, на фамилію Лупехура, на другомъ щиткѣ гербъ съ крестомъ, имѣющимъ три параллельныхъ перекрестія; гербъ, можетъ быть Лупехура, но подобный существуетъ также въ польской геральдикѣ и называется гербомъ Бойча (Boycza); его употребляли роды Бабинскихъ и Боравскихъ.[1]

Къ какому же выводу можно придти послѣ разсмострѣнія всѣхъ перечисленныхъ предметовъ? По формѣ всѣ сосуды съ именемъ Грознаго, какъ я сказалъ, отличаются отъ аналогичныхъ сосудовъ, сдѣланныхъ на Руси, но по техникѣ они не ниже сосудовъ московскаго издѣлія той же эпохи. Переходя къ купѣ Лупехура, къ сожалѣнію плохо снятой на 227 табл. Описи Оружейной Палаты, видимъ, что разница въ работѣ, при сравненіи ея съ русскими издѣліями XVI—XVII в., очевидна. То же долженъ сказать и относительно начертанія буквъ на надписяхъ: буквы купы Лупехура и на окладѣ Александра Лапушняно и его жены Роксанды имѣютъ совершенно иное начертаніе, нежели на 4-хъ сосудахъ съ именемъ Ивана Грознаго. Сравнивая, въ свою очередь, надписи описанныхъ 4 сосудовъ съ надписью на ковшѣ Ивана Грознаго (Опись № 788), безъ сомнѣнія московскаго издѣлія, видимъ, что начертанія всѣхъ буквъ какъ на 4 сосудахъ, такъ и на ковшѣ № 788 совершенно тождественны, изъ чего я заключаю, что въ работѣ 4 сосудовъ участвовала рука русскаго мастера. Если описанные 4 сосуда изготовлены въ Москвѣ, то для меня является непонятнымъ, зачѣмъ русскій заказчикъ взялъ за образецъ молдавскіе оригиналы, помѣстивъ даже на одномъ ковшѣ молдавскій гербъ, съ тѣмъ, чтобы украсить поставцы съ посудою въ хоромахъ царя? Вѣрнѣе, не могъ ли заказчикъ быть однимъ изъ членовъ Молдавскаго посольства къ Грозному, заказавши сосуды, по порученію своего правительства, въ Москвѣ для поднесенія ихъ русскому царю, взявъ за образецъ форму изъ своего отечества? Если заказчикъ былъ русскій, то едва ли бы онъ приказалъ поставить молдавскій гербъ на царской посудѣ. Это обратило бы вниманіе царя Ивана Васильевича, знатока такихъ тонкихъ вопросовъ, какъ титулатура и, можетъ быть, гербъ. Въ заключеніе долженъ добавить, что въ XVI в. въ Москвѣ была мода на подражаніе въ ювелирномъ искусствѣ иностраннымъ образцамъ: въ рукописной (неизданной) описи 1641 г. предметовъ Троицкой Лавры значатся 5 чарокъ съ именемъ царя Ивана Васильевича, сдѣлан-

---

[1]) J. N. Bobrowitz, Herbarz Polski, II, 262, также Гербовникъ дворянскихъ родовъ царства Польскаго, I, 69.

ныхъ „на мисюрское дѣло“ (мисюрка египетскій шлемъ полусферической формы), нѣсколько изъ этихъ чарокъ сохранились до настоящаго времени; затѣмъ въ описи вещей, оставшихся послѣ Бориса Годунова, упомянуты чарки „на волоское дѣло“, т.-е. сдѣланныя по волошскимъ (молдавскимъ) образцамъ. Отнести ли наши 4 сосуда къ сдѣланнымъ „на волошское дѣло“ или они волошскаго дѣла — вопросъ оставляю открытымъ.

А. Орѣшниковъ.

Москва.

ВЫДѢЛЕНІЕ ТРАПЕЗУНТА ИЗЪ СОСТАВА ВИЗАНТІЙСКОЙ ИМПЕРІИ[1]

Выдѣленіе Трапезунта изъ состава имперіи представляетъ собой очень любопытный процессъ медленнаго расчлененія. На основѣ географическихъ и этнографическихъ особенностей разныхъ областей, входившихъ въ образованіе имперіи это обширное, сложное и далеко не успѣвшее объединиться искусственное образованіе, какова было Византійская имперія, никогда не достигало стройнаго государственнаго единства.

Если всмотрѣться внимательно въ событія, подготовлявшія завоеваніе большей части имперіи горстью крестоносцевъ, участвовавшихъ въ IV крестовомъ походѣ, то окончательное образованіе Трапезунтской имперіи, происходившее почти одновременно съ занятіемъ Константинополя крестоносцами, не представится уже фактомъ случайнымъ и единичнымъ. Тѣмъ не менѣе, для правильнаго пониманія событій, которыми предстоитъ намъ заняться, необходимо остановить вниманіе на обстоятельствахъ, постепенно подготовлявшихъ выдѣленіе Трапезунта изъ состава Имперіи.

Основная задача заключается здѣсь въ томъ, чтобы опредѣленно выяснить, представляетъ ли Трапезунтская имперія продолженіе и естественную эволюцію византизма, насильственно оборваннаго латинскимъ завоеваніемъ, или же въ ней слѣдуетъ видѣть новое и самостоятельное образованіе, въ которомъ намѣчались другія цѣли, чѣмъ преслѣдуемыя Византіей, и въ которомъ созидающимъ началомъ не былъ исключительно римскій законъ и эллинскій націонализмъ, а еще разнообразные мѣстные народные, правовые и экономическіе интересы, объединявшіеся въ господствующей православной церкви, въ противоположеніи ея къ чуждымъ народностямъ и религіямъ. Между прочимъ важное и, можно сказать, особенное значеніе получаетъ Трапезунтская имперія по ея тяготѣніямъ къ той части Черноморскаго побережья, куда шла русская колонизація и гдѣ были важныя эллинскія колоніи: въ Крымъ и на сѣверное побережье Чернаго моря. Нельзя также не выдвинуть и того явленія, проходящаго черезъ всю исторію Трапезунта, что сосѣдняя съ нимъ Грузія-Лазика не только была главной опорой честолюбивыхъ притязаній Трапезунта въ первую половину его самостоятельной жизни, но и находилась съ нимъ въ постоянныхъ и оживленныхъ сношеніяхъ во весь періодъ существованія Трапезунтской имперіи. Не менѣе того не слѣдуетъ упускать изъ вниманія, что греческіе основатели Трапезунтской имперіи или прибыли въ Трапезунтъ съ большой свитой приверженцевъ и служилыхъ людей военнаго и гражданскаго званія изъ Константинополя, или открыли широкій пріемъ для Константинопольскихъ эмигрантовъ послѣ

---

[1]) Глава изъ неизданной „Исторіи Трапезунтской Имперіи".

завоеванія имперіи крестоносцами и по утвержденіи своемъ въ Трапезунтѣ. Такъ или иначе, но это приготовило партійную борьбу при дворѣ и въ администраціи изъ за преобладанія между мѣстной и пришлой партіей, между туземными и византійскими обычаями. Въ общемъ же, несмотря на скудость памятниковъ для исторіи Трапезунта, нельзя ей отказать въ извѣстнаго рода центростремительныхъ тенденціяхъ, которыя облегчаютъ пониманіе подробностей и частностей, такъ какъ имперія занимала небольшую территорію, на которой не могло образоваться слишкомъ большого разнообразія политическихъ и общественныхъ теченій, могущихъ пройти незамѣченными для центра. И самая царствовавшая въ Трапезунтѣ династія — великіе Комнины — должна была, послѣ нѣсколькихъ неудачныхъ попытокъ, отказаться отъ притязанія на титулъ Ромейскихъ императоровъ и довольствоваться болѣе скромнымъ политическимъ планомъ, какой ей былъ указанъ исконными географическими и этнографическими условіями, наложившими свою печать на исторію Трапезунта и его ближайшихъ окрестностей. Исторія Трапезунтской имперіи имѣетъ особенный научный интересъ съ точки зрѣнія входившихъ въ составъ ея, въ образованіе и въ дальнѣйшую историческую судьбу разнородныхъ инородческихъ элементовъ, которые предстояло объединить и культивировать пріобрѣтавшему постепенно преобладаніе и господство греческому элементу.

Насколько можно бросить взглядъ на исторію Трапезунта въ древности, онъ всегда игралъ выдающуюся роль въ мѣстной, собственно понтійской или черноморской исторіи. Наиболѣе выразительнымъ періодомъ, когда намѣчены были политическія задачи мѣстнаго понтійскаго происхожденія, это былъ періодъ Митридата Евпатора (114—64 до Р. Х.). Одно изъ главнѣйшихъ и первыхъ дѣлъ его правленія была помощь крымскимъ эллинамъ, угрожаемымъ варварскимъ засиліемъ. Херсоннисъ и Пантикапея, пережившіе опасный періодъ благодаря своевременно оказанной помощи, остались почти на весь періодъ византійской имперіи точкой опоры ея на сѣверномъ побережьи Чернаго моря. Увлеченный черноморской политикой, которая открывала ему въ перспективѣ образованіе сѣверной конфедераціи для борьбы съ Римомъ, имѣя прекраснаго исполнителя въ лицѣ полководца Діофанта, Митридатъ въ четыре похода завладѣлъ Черноморскимъ побережьемъ и удобными морскими стоянками съ неистощимой массой населенія, пополнявшаго его легіоны и служившаго на морскихъ судахъ. Колхида и Грузія (древняя Иврія) вошли въ составъ Понтійскаго царства, доставивъ Митридату обширные военные морскіе и сухопутные рессурсы. Создавъ прекрасное войско и флотъ въ 300 кораблей, онъ безъ особеннаго труда занялъ Виѳинію, Эгейское море и острова, хотя потомъ долженъ былъ уступить эти послѣднія завоеванія Римлянамъ.

По смерти Митридата Помпей въ 63 году провелъ зиму въ передней Азіи и произвелъ реформы въ завоеванныхъ Римлянами областяхъ, причемъ наслѣдственная область Митридата подъ именемъ Понта соединена съ Виѳиніей. На В. отъ Понта въ Колхидѣ оставались нѣкоторыя территоріи подъ самостоятельными династами. Изъ оставленнаго Помпеемъ наслѣдства въ Черноморской области особенно заслуживаютъ вниманія постройки многочисленныхъ городовъ и крѣпостей, которыми онъ продолжалъ начатое уже Митридатомъ дѣло. Римская провинція Pontus Polemoniacus съ главнымъ городомъ Трапезунтомъ составила административный и политическій центръ будущаго образованія,

въ которомъ должна была занять свое мѣсто и часть малой Арменіи съ 75 замками или сокровищницами Митридата, слѣды которыхъ сохраняются и въ Византійскій періодъ.[1] Уже въ эпоху римскаго господства Трапезунтъ пріобрѣлъ большое значеніе и стоялъ во главѣ военной организаціи, предпринятой римскимъ военачальникомъ Аникетой для подавленія мѣстнаго возстанія (69 годъ послѣ Р. Х.). По этому случаю въ исторіи Тацита упоминается Трапезунтъ, какъ городъ, уже пользовавшійся древней славой.[2]

Съ тѣмъ же опредѣленнымъ характеромъ съ одной стороны политическаго центра провинціи и опоры власти центральнаго правительства на Черноморскомъ побережьи, съ другой—морской и военной базы для защиты культурныхъ интересовъ противъ натиска Кавказскихъ инородцевъ Лазовъ и Цановъ, а также для поддержанія авторитета имперіи среди Армянъ и Грузинъ, — переходитъ Трапезунтъ въ средневѣковье, составивъ провинцію имперіи подъ наименованіемъ ѳемы Халдія. Не будемъ слѣдить за судьбой Трапезунта въ періодъ Византійской имперіи, достаточно сказать, что въ VIII вѣкѣ была уже организована ѳема Халдія съ шестью находившимися въ ней крѣпостями, т. е. Трапезунтъ, Келцина (Турма) и другими городами.[3] Важно, конечно, намѣтить наиболѣе кульминаціонные періоды, когда Трапезунтъ особенно выдвигается условіями своей мѣстной жизни и спеціально черноморскихъ интересовъ.

Прежде всего слѣдуетъ указать время Василія Болгаробойцы, чреватое обширными проектами и весьма важными достиженіями съ точки зрѣнія, правда, узкихъ и спеціальныхъ интересовъ эллинизма какъ на Балканскомъ полуостровѣ, такъ и въ Грузіи и Арменіи, въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ ѳемой Халдія. Современникъ нашего великаго князя Владиміра, византійскій царь Василій проводилъ какъ на Балканскомъ полуостровѣ, такъ и на Востокѣ, въ Арменіи и Грузіи, исключительную по своей послѣдовательности и неумолимой суровости греческую политику. Чтобы положить конецъ продолжительной борьбѣ между Славянами и Эллинами, онъ допустилъ цѣлый рядъ небывалыхъ безчеловѣчныхъ жестокостей, напримѣръ ослѣпивъ цѣлый отрядъ Болгаръ въ 15000 человѣкъ. Когда, наконецъ, ему удалось нанести царю Самуилу окончательный ударъ и разрушить болгарское царство, то онъ исполнилъ въ ближайшее затѣмъ время два историческихъ паломничества, которые, вмѣстѣ съ религіознымъ, соединяли политическое значеніе. Прежде всего разумѣемъ посѣщеніе Аѳинъ, гдѣ онъ принесъ благодарственную жертву и поклоненіе эллинскому національному

---

[1]) Здѣсь мы лишь намѣчаемъ факты, хорошо разработанные въ исторической литературѣ. Укажемъ прекрасные труды Th. Reinach, Mithridate Eupator roi de Pont. Paris 1890, p. XIII, 23, 66, 78. Niese Grundriß der römischen Geschichte nebst Quellenkunde. III Aufl. München 1906, s. 172, 191, 292.

[2]) Historia III. 47. Trapezuntem Vetusta fama civitatem a Graecis en extremo Ponticae orae conditam subitus irrupit (Anicetas Polemonis libertus) caesa ibi cohors.

[3]) Что касается другихъ крѣпостей, то по замѣчанію Гельцера, Die Genesis der byzantin. Themenverfassung s. 103 (Abhandl. der philol.-hist. Cl. der königl.-sächsischen Gesellsch. der Wissenschaften 1899 B. XVIII) ихъ слѣдуетъ предполагать въ епископіяхъ, зависимыхъ отъ Трапезунта: ὁ Χεριάνων, ὁ Χαματόζουρ, ὁ Χάλ, ὁ Παίπιρ, ὁ Κεραμίων, ὁ Λερίου, ὁ Βυζάνων. Ср. съ этимъ перечнемъ у Гельцера данныя изъ письма патріарха Меѳодія отъ 1670 г., сообщенныя въ журналѣ Byzantion t. I. p. 119 въ статьѣ Νίκο Βέης. Здѣсь вмѣстѣ съ старыми именами приводятся мѣстныя: Καλχέτι = Χαχαίου, Τερτζάν = Βυζάνων, Ἐρζιγκὰν = Χάντιερζ, Τζινίση = Σαχάβου, Πασένι = Φασιανῆς, Παγιπούρτι = Πάγιπερ, Κουάζι = Λερίου. (Corpus I. L. III add, 6052.)

святилищу на Акрополѣ, замѣнившему для Грековъ Аѳину Палладу, Аѳинской Богородицѣ. Другое его паломничество было въ Черноморскія области.

Здѣсь онъ возстановилъ власть византійскихъ императоровъ на Крымскомъ полуостровѣ, низвергнувъ, при помощи русскаго вспомогательнаго отряда, господство Казаръ, оставившихъ по себѣ недобрую память.[1] Трудно въ настоящее время сказать, раньше или позже этого императоръ Василій посѣтилъ Трапезунтъ. Митрополитъ Лазаропуло, составитель сказаній о чудесахъ св. Евгенія,[2] хорошо подмѣтилъ внутреннюю связь между этими двумя фактами: усиленіемъ эллинизма на Западѣ вслѣдствіе окончательнаго разгрома Болгаръ и не менѣе важнаго факта, происшедшаго на Востокѣ и также знаменовавшаго подъемъ греческой національности, который авторъ усматриваетъ главнѣйше въ побѣдѣ надъ грузинскимъ царемъ Георгіемъ. Вотъ въ какихъ выраженіяхъ высказана мысль автора по отношенію къ религіозной сторонѣ посѣщенія Трапезунта. „Прибывъ въ городъ, царь отправился въ храмъ славнаго мученика Евгенія, дабы поклониться ему и вмѣстѣ съ тѣмъ лично убѣдиться, не нуждается ли храмъ его въ такихъ поновленіяхъ. Поклонившись святымъ его мощамъ со всемъ благоговѣйнымъ почтеніемъ, онъ построилъ въ немъ двѣ большія апсиды“.

Уже не первый разъ царь Василій личнымъ присутствіемъ рѣшалъ важныя политическія задачи, какія назрѣвали въ сосѣдствѣ ѳемы Халдія, въ Арменіи и Грузіи. Для насъ весьма умѣстно бросить здѣсь хотя бы бѣглый взглядъ на политику Византіи въ этой окраинной провинціи, отъ которой въ значительной мѣрѣ зависѣли и дальнѣйшія судьбы какъ Трапезунта, такъ и Грузіи и Арменіи. Въ концѣ X вѣка Анійское армянское царство съ Ашотомъ III во главѣ имѣло преобладающее значеніе. Ашотъ III получилъ корону отъ багдадскаго калифа, и могъ импонировать сосѣдямъ своими связями съ мусульманскимъ сюзереномъ, но раздробленіемъ власти между вассальными, зависѣвшими отъ Ани, владѣтелями Карса и Лори, подготовилъ ослабленіе своей державы. Несомнѣнной заслугой его нужно признать украшеніе города Ани, своей столицы, прекрасными постройками и церковными сооруженіями, которыя лишь въ самое послѣднее время сдѣлались доступны изученію, благодаря счастливымъ раскопкамъ, производившимся здѣсь академикомъ Н. Я. Марромъ. Преемникъ Ашота, Сембатъ II укрѣпилъ Ани наружной стѣной и началъ постройку собора. Современникомъ Василія былъ Гагикъ I, братъ Сембата, и затѣмъ Ашотъ IV (1020—1040).[3]

Несмотря на внѣшній блескъ, армянское царство испытывало серіозныя потрясенія и подвергалось крайней опасности. Іоаннъ Сембатъ и Ашотъ IV должны были раздѣлить власть: первый остался во главѣ провинціи Ширакъ со столицей Ани, второй также съ титуломъ царя получилъ власть надъ другими областями и право наслѣдовать Іоанну Сембату, если переживетъ его. Это соглашеніе достигнуто при посредствѣ византійской дипломатіи и хорошо было использовано императоромъ Василіемъ.[4] Прежде всего раздѣленіе сопровож-

---

[1]) Труды Васильевскаго III, стр. CLXV.

[2]) Пападопуло-Керамевсъ, Fontes historiae imperii trapezuntini. Petropoli 1897, p. 85. (Отд. оттискъ — Сборникъ источниковъ по исторіи Трапезунтской имперіи).

[3]) Gfrörer. Byzantinische Geschichten. III, 430—440; Лингъ. Арменія, переводъ Джунковской I стр. 455—457 (Тифлисъ 1910).

[4]) Gfrörer. S. 437: dieser Vertrag war wie dazu gemacht, die Pläne des griechischen Basileus zu fördern; denn er legte gleichsam die Axt an die Wurzeln der Macht des Pagratidischen Hauses.

далось обычными волненіями среди мѣстной феодальной знати, и кромѣ того, притязаніями сосѣдей. Между ними ближайшими были грузины. Георгій грузинскій и абхазскій не преминулъ вмѣшаться во внутреннія смуты въ Арменіи, одержалъ побѣду надъ Сембатомъ и занялъ городъ Ани. Въ такихъ условіяхъ неминуемо было участіе Византіи въ дѣлахъ Арменіи, хотя бы въ виду того, что до того времени эта страна представлялась естественнымъ оплотомъ и задержкой для Турокъ-Сельджуковъ противъ ихъ неудержимаго натиска по направленію къ черноморскому побережью, т. е. къ границамъ непосредственно Византіи.

Вотъ какими обстоятельствами вызванъ былъ походъ Василія II на востокъ по окончаніи греко-болгарской войны. Отдавъ распоряженіе, чтобъ мѣстныя войска, содержавшіяся на границѣ, съ присоединеніемъ къ нимъ наемныхъ армянскихъ отрядовъ, вторглись въ Васпураханъ на озерѣ Ванъ, самъ Василій принялъ на себя задачу покончить дѣло съ Грузіей. Послѣ побѣды, одержанной надъ Георгіемъ, императоръ провелъ зиму въ Трапезунтѣ, гдѣ и имѣли мѣсто тѣ распоряженія относительно храма св. Евгенія, которыми мы начали разсказъ о походѣ его въ черноморскія области. Въ Трапезунтѣ же происходили тогда и важнѣйшія политическія событія, которыми ликвидировались временныя затрудненія на этой окраинѣ. Здѣсь было принято необычайно торжественное посольство отъ царя Ани въ лицѣ патріарха, 12-ти епископовъ и 70-ти монаховъ, въ сопровожденіи 300 рыцарей съ дорогими подарками. Царь Іоаннъ Сембатъ сдавался на всю волю царя, выслалъ ключи отъ Ани и сдѣлалъ завѣщаніе въ пользу византійскаго царя на всѣ города и области Арменіи. Формально Василій призналъ его и Ашота IV во владѣніи землями Багратидовъ, но лишь пожизненно, въ вассальномъ подчиненіи отъ Византіи. Затѣмъ Великая Арменія должна была войти въ составъ имперіи съ вознагражденіемъ потомства Багратидовъ участками въ другихъ имперскихъ областяхъ и почетными титулами. — Имѣя въ своихъ рукахъ Ахалцикъ на сѣверѣ и Ванъ на югѣ, императоръ могъ спокойно смотрѣть на дальнѣйшія событія на этой окраинѣ.[1]

Чтобы не возвращаться потомъ къ этому вопросу, скажемъ, что въ 1040 году, по смерти І. Сембата, племянникъ его, Гагикъ II пытался нарушить актъ передачи Арменіи византійскому царству, но въ 1045 году, при Константинѣ Мономахѣ, городъ сданъ былъ уполномоченному отъ императора лицу съ согласія армянской знати и патріарха. Послѣднему Багратиду предоставленъ удѣлъ въ Каппадокіи и дворецъ въ Константинополѣ. Городъ Ани и вновь пріобрѣтенное царство поступило въ управленіе императорскаго генералъ-губернатора. Примѣру Іоанна Сембата послѣдовалъ царь Васпурахана Іоаннъ Сеннахарибъ, который также совершилъ актъ передачи Византіи своихъ владѣній. Вся царская семья переселилась въ имперію и получила на правахъ помѣщичьяго владѣнія участки въ Сивасѣ. Когда были окончены всѣ формальности передачи, было предоставлено желающимъ присоединиться къ царской семьѣ, причемъ оказалось, что изъ Васпурахана переселилось въ Сивасъ до 40.000 армянъ. Что касается Абхазіи и Грузіи, то царь Василій предполагалъ весной того же 1022 года лично идти противъ Георгія. Чтобы побудить его къ уступчивости, Василій озаботился мѣрами къ доставкѣ новыхъ войскъ при помощи флота. Тогда

[1]) Подробности въ моей неизданной „Исторіи Византійской Имперіи“, томъ II, стр. 973 и сл.

Георгій, понимая всю опасность сопротивленія, и слѣдуя примѣру другихъ владѣтелей Арменіи и Грузіи, призналъ необходимость смириться. „И прибылъ къ нему, пишетъ Яхья,[1] отъ царя Георгія посолъ, черезъ котораго онъ старался склонить его къ милости, и обѣщалъ, что уступитъ ему всѣ крѣпости и всѣ владѣнія и отдастъ ему въ заложники своего сына Баграта и неизмѣнно и неуклонно останется, пока живъ, въ покорности ему и преданности". Слѣдствіемъ этого было, что царь Василій отправилъ въ Абхазію своихъ уполномоченныхъ, которые приняли отъ населенія присягу на вѣрность императору. Такимъ образомъ положеніе дѣлъ въ сосѣдствѣ съ ѳемой Халдія измѣнилось въ радикальномъ отношеніи. Сфера византійскаго вліянія распространялась теперь до озера Ванъ съ одной стороны и до Куры и даже до Тифлиса съ другой. Трапезунтъ, какъ пограничный пунктъ, какъ центръ административный и торговый, много выигрывалъ теперь въ политическомъ отношеніи, такъ, какъ дука, управлявшій этой областью, не могъ не стоять въ центрѣ политическаго движенія столь разнообразныхъ интересовъ, представляемыхъ большой смѣсью этнографическихъ элементовъ и торговымъ значеніемъ этой области.

Весьма важнымъ значеніемъ въ политикѣ Византіи и въ сношеніяхъ ея съ армянскими и грузинскими владѣтелями, равно какъ въ непрерывныхъ войнахъ съ сарацинами, пользовался Трапезунтъ уже въ началѣ XI вѣка. Немногіе преемники Василія могутъ равняться съ нимъ по талантливости, личной энергіи и пониманію насущныхъ интересовъ имперіи, чтобы лично показываться на столь удаленномъ политическомъ и военномъ театрѣ, большинство ограничивалось назначеніемъ въ Трапезунтъ довѣренныхъ людей съ обширными военными полномочіями и съ титуломъ дуки или князя-герцога. Свобода дѣйствій предоставленная этимъ вице-королямъ, говоритъ Финлей,[2] давала имъ легкую возможность завязывать личныя сношенія съ сосѣдними народами и владѣтелями ихъ и при ослабленіи центральной власти, внушало имъ желаніе стремиться къ независимости. Къ этому же направлялось и самое изолированное положеніе Трапезунта, смѣшанное населеніе города и центробѣжныя настроенія въ административныхъ и руководящихъ кругахъ, наконецъ постепенная убыль въ численности греческой расы вслѣдствіе сарацинскихъ опустошеній, плѣненія и убійствъ среди крестьянскаго населенія и проникновенія на опустѣвшія мѣста инородцевъ.[3] Центральное правительство, можетъ быть и противъ воли должно было поступаться значительными изъятіями въ пользу отдѣльныхъ сословій и гражданскихъ организацій и въ особенности по отношенію къ налогамъ. Нужно вспомнить, какъ часто въ Малой Азіи возникали движенія, во главѣ которыхъ стояли мѣстные крупные землевладѣльцы, стремившіеся отторгнуть цѣлыя области отъ имперіи, или принимавшіе отъ мѣстныхъ гарнизоновъ провозглашеніе въ царскомъ достоинствѣ, чтобы признать весьма естественными подобныя же явленія и въ исторіи Трапезунта. Для стратиговъ ѳемы Халдія, облеченныхъ и политической властью въ качествѣ носителей титула дукъ, это

---

¹) Баронъ Розенъ, стр. 62—3.

²) Finlay. The history of Greece... and of the Empire of Trebizond, p. 357.

³) Имѣвъ случай ознакомиться съ содержаніемъ греческой рукописи Публичной Библіотеки въ Петроградѣ, № 743, представляющей земельные акты монастыря Вазелонъ и переписи крестьянъ этого монастыря, я располагаю на этотъ предметъ свѣжимъ матеріаломъ, который постараюсь исчерпать въ печатаемомъ сочиненіи „Вазелонскіе акты".

было тѣмъ удобнѣе, что они легко могли заручиться военной помощью отъ кого-либо изъ сосѣднихъ эмировъ или племенныхъ вождей сосѣднихъ горныхъ областей, которые жили войной и хищеніями и пользовались всякимъ удобнымъ случаемъ, чтобы поживиться въ сосѣднихъ имперскихъ областяхъ. Періодъ смѣны династіи, т. е. время послѣ смерти Василія II и до конца XI вѣка, представлялъ собой исключительно благопріятныя условія для усиленія сепаратныхъ настроеній въ Трапезунтѣ. Попытаемся ознакомить съ нѣкоторыми за упомянутое время теченіями.

Въ самомъ концѣ столѣтія, при царѣ Алексѣѣ Комнинѣ, во главѣ ѳемы Халдія находимъ Ѳеодора Гавра, вельможу, повидимому, мѣстнаго происхожденія, ибо это имя встрѣчаемъ часто въ исторіи Трапезунта позднѣйшаго времени и въ земельныхъ актахъ. Замѣтимъ, что исторія основателя знаменитой династіи Комниновъ весьма полно освѣщена въ лѣтописи дочери Алексѣя, цесаревны Анны, насколько, конечно, родственныя чувства могли не приходить въ столкновеніе съ исторической точностью. Въ „Алексіадѣ“ этой писательницы не одна страница посвящена Гавру, и его политической роли и образовавшимися между ея отцомъ и трапезунтскимъ намѣстникомъ отношеніямъ. Мы приводимъ полностью эти страницы, посвященныя одному изъ замѣчательнѣйшихъ намѣстниковъ Трапезунта.

„Царь, зная рѣшительный характеръ Ѳедора Гавра, который тогда находился въ царственномъ городѣ, пожелалъ удалить его изъ столицы и назначилъ дукой Трапезунта, имъ освобожденнаго отъ власти Турокъ. Происходилъ онъ изъ Халдіи, изъ верхнихъ ея частей, отличался знаніемъ военнаго дѣла и превосходилъ всѣхъ умомъ и мужествомъ, никогда даже въ маленькомъ предпріятіи не имѣлъ неудачи и одерживалъ верхъ надъ всѣми непріятелями. И самый Трапезунтъ, взявъ его, онъ разсматривалъ какъ лично ему принадлежащій жребій, будучи непобѣдимъ. Его сына, Григорія, севастократоръ Исаакъ Комнинъ предполагалъ женить на одной изъ своихъ дочерей. Но какъ оба — и женихъ и невѣста были въ дѣтскомъ возрастѣ, дѣло ограничилось только сговоромъ. Оставивъ своего сына на попеченіи севастократора, чтобы, по достиженіи дѣтьми законнаго возраста, совершенъ былъ бракъ, самъ Гавръ получилъ отпускъ отъ царя и возвратился въ свою страну. Немного времени спустя, умерла его жена и онъ взялъ себѣ другую знатнаго рода изъ племени аланъ. Случилось такъ, что и жена севастократора и та, на которой женился Гавръ происходили отъ родныхъ братьевъ. Когда это выяснилось, предположенный между дѣтьми бракъ, какъ возбраняемый гражданскими законами и канонами церкви, не могъ состояться. Между тѣмъ царь, принявъ въ соображеніе военныя качества Гавра и его склонность къ произведенію большихъ смутъ, не пожелалъ, чтобъ его сынъ Григорій, послѣ расторженія брачнаго союза, возвратился къ нему, но рѣшился удержать его въ столицѣ, руководясь двумя цѣлями: съ одной стороны имѣть въ немъ заложника, съ другой привлечь къ себѣ расположеніе Гавра, и такимъ образомъ, если бы и замыслилъ измѣну, то удержался бы отъ выполненія ея. Онъ предполагалъ соединить бракомъ Григорія съ одной изъ моихъ сестеръ, по этимъ то причинамъ отложилъ отсылку этого мальчика.

Гавръ снова побывалъ въ столицѣ и, нисколько не догадываясь о намѣреніяхъ царя, обдумывалъ планъ тайно увести сына, но держалъ свое намѣреніе въ секретѣ, хотя самодержецъ пытался дѣлать ему намеки на свои намѣренія. Онъ же, или не понявъ намековъ, или не придавая имъ значенія, такъ какъ

еще такъ недавно разстроилось подобное предположеніе, не знаю почему, просилъ отдать ему сына при возвращеніи, но царь не давалъ на это согласія. Гавръ, давъ притворное согласіе на оставленіе сына и полагаясь на волю императора по отношенію къ нему, передъ отъѣздомъ изъ Константинополя простившись съ нимъ, былъ принятъ севастократоромъ, по причинѣ предположеннаго союза и возникшей отсюда близости, въ монастырѣ великомученика Фоки: это была прекрасная подгородняя усадьба, расположенная на Пропонтидѣ. Послѣ богатаго угощенія севастократоръ возвратился въ Константинополь, Гавръ же упросилъ его оставить при немъ сына еще на одинъ день, на что тотъ и согласился. Когда на другой день пришла пора разстаться съ сыномъ, Гавръ упросилъ сопутствовавшихъ мальчику педагоговъ прослѣдовать съ нимъ до Стеніи, гдѣ онъ думаетъ остановиться. Они согласились на это. Но когда нужно было разстаться тамъ, онъ снова просилъ дядекъ оставить съ нимъ сына до Фара, но на это ему не дано согласія. Гавръ, ссылаясь на родительскія чувства и на продолжительную разлуку и на другое подобное, подѣйствовалъ на сердца педагоговъ, которые, повѣривъ его словамъ, послѣдовали съ нимъ. Прибывъ въ Фаръ, онъ обнаружилъ свой планъ. Ибо, взявъ мальчика и посадивъ его на судно, вмѣстѣ съ сыномъ вышелъ въ Черное море. Автократоръ, освѣдомившись объ этомъ, поспѣшно отправилъ вслѣдъ за нимъ быстроходныя суда съ приказаніемъ передать Гавру царское письмо, а мальчика немедленно взять отъ него подъ страхомъ навлечь на себя гнѣвъ императора. Настигли посланные Гавра поблизости города Эгиній, по туземному Карамви и вручили ему царскую грамоту, въ которой самодержецъ изъявлялъ свою волю отдать за сына его одну изъ моихъ сестеръ. Сообщивъ ему и многое другое, убѣдили его отпустить съ ними сына. Самодержецъ, какъ скоро онъ явился, обычнымъ приказомъ утвердилъ брачное соглашеніе и поручилъ его воспитателю, евнуху Михаилу, состоявшему на службѣ у царицы. Такимъ образомъ, проживая во дворцѣ, онъ пользовался особеннымъ попеченіемъ, какъ въ нравственномъ воспитаніи, такъ во всѣхъ видахъ военной науки. Но не желая подчиняться, подобно всѣмъ непослушнымъ дѣтямъ, онъ выражалъ недовольство на недостаточное къ нему вниманіе и вмѣстѣ съ тѣмъ на своего воспитателя, а потому питался мыслію бѣжать къ своему отцу, вмѣсто того, чтобы быть благодарнымъ за всѣ объ немъ заботы. И онъ не остановился на намѣреніи, но приступилъ къ осуществленію замысла. О своемъ планѣ сообщаетъ нѣкоторымъ лицамъ: Георгію Декану, Евстаѳію Камицѣ и виночерпію Михаилу, который носилъ придворное званіе пинкерна, — это были люди мужественные и преданные императору; послѣдній доложилъ обо всемъ самодержцу, который не придалъ значенія этимъ словамъ. А какъ Гавръ настойчиво приготовлялся къ бѣгству, преданнѣйшіе автократору слуги говорили: „Поклянись въ томъ, что исполнишь свой замыселъ, тогда пойдемъ съ тобой." Когда онъ далъ на то согласіе, то ему указали мѣсто, гдѣ хранилось Святое Копье, которымъ нечестивые прободили моего Спасителя и предложили взять его и на немъ дать клятву именемъ Распятаго. Гавръ даетъ на это согласіе и тайно беретъ съ собой Копье. Тогда одинъ изъ тѣхъ, который заранѣе сообщилъ царю о дѣлѣ, поспѣшно докладываетъ ему: „Вотъ Гавръ съ Копьемъ за пазухой." Немедленно Гавръ былъ приведенъ и Копье оказалось при немъ. Признался во всемъ при первомъ допросѣ, выдалъ сообщниковъ и раскрылъ весь планъ. Въ наказаніе

его присудили послать къ дукѣ Филиппололя Георгію Месопотамиту для содержанія узникомъ въ акрополѣ, ... и другія лица посланы или подъ стражу или въ заточеніе."

Этотъ разсказъ объ отношеніяхъ между царской семьей и трапезунтскимъ намѣстникомъ, изъ котораго, при всемъ естественномъ для почтительной къ своему отцу дочери, желаніи не набросить тѣни на дѣйствія царя Алексѣя, легко можно понять, что съ Гавромъ не могли не считаться при дворѣ и что, несмотря на основательность питаемыхъ къ нему чувствъ недовѣрія, царь Алексѣй все же не находилъ возможнымъ лишить его званія дуки и задержать въ столицѣ. Правда, цесаревна Анна поскупилась на сообщеніе тѣхъ причинъ, которыя обусловливали такое независимое положеніе трапезунтскаго намѣстника и предоставила намъ самимъ разобраться въ этомъ. Такъ какъ приведеннымъ мѣстомъ не исчерпывается повѣствованіе ея объ Гаврѣ и его сынѣ Григоріи и снова возвращается она къ тому же лицу въ продолженіи своей исторіи,[1] то мы попытаемся въ своемъ мѣстѣ дополнить сообщенія Анны Комниной. Не лишено, конечно, значенія и то обстоятельство, что Ѳедоръ Гавръ есть національный герой Трапезунта и, кромѣ того, его память окрашена ореоломъ святости. До настоящаго времени въ Трапезунтѣ сохранился храмъ имени св. Ѳеодора Гавра.

Слѣдствія пораженія Романа Діогена при Манцикертѣ въ 1071 году имѣли громадное значеніе и для Трапезунта. Фишеръ, основательно разсмотрѣвшій исторію этого періода,[2] высказывается въ томъ смыслѣ, что Трапезунтъ подпалъ тогда подъ власть турокъ сельджуковъ и оставался подъ чуждымъ господствомъ по крайней мѣрѣ до 1075 года. Заслуга освобожденія Трапезунта и его области принадлежитъ герою Ѳеодору Гавру. На основаніи свидѣтельства Анны Комниной[3] слѣдуетъ допустить, что это было сдѣлано самостоятельно, безъ участія имперской военной силы и что Гавръ правилъ этой областью на правахъ автономнаго властителя, мало нуждаясь въ утвержденіи византійскимъ правительствомъ своихъ предпріятій.

Приведенный выше текстъ цесаревны Анны долженъ относиться къ 1091 году, какъ доказываетъ Фишеръ, когда Алексѣю Комнину предстояло усмирить возстаніе Убертопула и подавить волненія въ другихъ провинціяхъ. Нѣтъ ничего удивительнаго, если онъ оказывается столь предупредительнымъ къ Гавру и рѣшается обручить его сына съ дочерью севастократора Исаака, т. е. со своей племянницей. Самое присутствіе Гавра въ Константинополѣ, которое въ извѣстіи Анны ничѣмъ не объяснено, могло быть вызвано, какъ этимъ брачнымъ проектомъ, такъ и желаніемъ привлечь трапезунтскаго властителя къ интересамъ дома Комниновъ. Желаніе царя отправить Гавра въ Трапезунтъ и оставить сына его въ качествѣ заложника весьма понятно и стоитъ въ полномъ соотвѣтствіи съ политикой византійскаго двора въ подобныхъ случаяхъ.

Что касается каноническаго препятствія къ браку, нельзя не видѣть искусственности, съ какой дочь Алексѣя Комнина разсматриваетъ это обстоятельство, какъ неожиданное и случайное. И всѣ дальнѣйшія осложненія, изъ него вытекавшія, на нашъ взглядъ представляются естественнымъ желаніемъ партіи

[1]) Alexias XIII. 7 (p. 161).
[2]) Fischer. Trapezus in XI—XII Jahrh. 182.
[3]) Alexias I. 417.

выиграть дѣло въ завязавшейся борьбѣ. Нѣсколько странными должны представляться и дальнѣйшія извѣстія о Гаврѣ-сынѣ, котораго за попытку бѣжать изъ Константинополя сослали въ заключеніе подъ надзоръ дуки Филиппополя Георгія Месопотамита.

Между тѣмъ, Ѳеодоръ Гавръ продолжалъ вести въ ѳемѣ Халдіи самостоятельную политику, постепенно ослабляя сельджуковъ, у которыхъ отнялъ Байбуртъ и Колонію.

Можно было бы надѣяться, что въ связи съ религіознымъ почитаніемъ Гавра въ Трапезунтѣ вскроется его реальный характеръ и оказанныя имъ заслуги съ точки зрѣнія мѣстныхъ интересовъ. Жизнеописатель[1] ставитъ въ особенную его заслугу борьбу съ мусульманами, т. е. турками-сельджуками, самую память о которыхъ онъ желалъ истребить. Но когда настала надобность выразить въ конкретной формѣ „подвиги" его противъ невѣрныхъ, то онъ ограничился лишь шаблоннымъ выраженіемъ, что эти героическія дѣла нельзя передать на письмѣ. Въ одинъ изъ походовъ Гавръ попался въ плѣнъ и былъ преданъ смертной казни „за исповѣданіе Христа". Въ Трапезунтъ была перенесена лишь глава великомученика. Храмы воздвигались въ честь его какъ въ столицѣ, такъ и въ провинціи. Мученическая кончина должна относиться къ 1098 г.[2]

Между Гавромъ и Таронитомъ, какъ вторымъ герцогомъ Трапезунта, слѣдуетъ назвать еще Дабатина, стоявшаго нѣкоторое время во главѣ ѳемы въ качествѣ назначеннаго царемъ Алексѣемъ правителя. Роль этого дуки и неправильное чтеніе его имени въ изданіи Анны Комниной Βαχχηνοῦ ἀδελφιδοῦν основательно исправляетъ тотъ же Фишеръ (S. 202 anm. 2.).

Въ самомъ началѣ XII вѣка, именно въ 1104 году, дукой Трапезунта находимъ Григорія Таронита, или Торника. Таронитъ, повидимому, пошелъ еще дальше Гавра въ освобожденіи Трапезунта отъ центральной власти и позволилъ себѣ явно сепаративныя стремленія, вслѣдствіе чего не обращалъ вниманія на требованія центральной власти, которая принуждена была прибѣгнуть противъ него къ открытой силѣ.[3]

Посланная противъ него экспедиція захватила его и доставила въ Константинополь, гдѣ онъ содержался нѣкоторое время въ заключеніи, но затѣмъ выпущенъ на свободу и возвратился на свой постъ. Мы знаемъ, какъ ревниво правительство царя Алексѣя Комнина охраняло свои интересы въ провинціи и какъ трудно ему было находиться въ заблужденіи по отношенію къ столь важной окраинѣ, какъ трапезунтская область, тѣмъ не менѣе Тарониту предоставлена свобода, и онъ стоялъ во главѣ Трапезунта еще въ 1119 году, когда произошли событія, снова выдвинувшія его на видное мѣсто.

Любопытно здѣсь отмѣтить снова, какъ писательница Анна Комнина изъ патріотизма и преданности къ отцу оттѣняетъ факты. По ея словамъ Таронитъ, на пути въ Трапезунтъ, встрѣтилъ Дабатина, возвращающагося въ Константинополь вмѣстѣ съ нѣкоторыми знатными трапезунтцами: онъ всѣхъ ихъ взялъ подъ стражу и заключилъ въ крѣпость Тевенну. Ясное дѣло, что Дабатинъ

---

[1]) Византійскій Временникъ XII, ст. Пападопуло-Керамевса, Θεόδωρος ὁ Γαβρᾶς p. 132—147.

[2]) О Гаврѣ см. Извѣстія Р. А. И. въ Константинополѣ VIII, 3—4; Ιωαννίδου, Ἱστορία καὶ στατιστικὴ Τραπεζοῦντος 236, 239; Τριανταφυλλίδου, Οἱ φυγάδες 121.

[3]) Finlay, The History of Greece and of Trebizond, p. 362, 363 и сл. Fischer, Trapezus in XI—XII Jahrh. S. 201.

былъ взятъ Таронитомъ, какъ незаконный представитель власти, т. е. не назначенный византійской имперіей. Отсюда же объясняется и то обстоятельство, что его участь раздѣляютъ трапезунтскіе нобили, очевидно его поддерживавшіе. Но, прибывъ въ Трапезунтъ, Таронитъ также поступилъ какъ его ближайшіе предшественники.

Таковы свѣдѣнія о болѣе извѣстныхъ дукахъ Трапезунта, какими располагала наука и какіе находили себѣ мѣсто въ общихъ и спеціальныхъ исторіяхъ. Въ русской литературѣ еще въ 1879 году была напечатана статья, принадлежащая автору настоящаго изслѣдованія,[1] въ которой было обращено вниманіе на новыя данныя для освѣщенія дѣятельности Таронита и на его сношенія съ княземъ Антіохійскимъ Боэмундомъ, заимствованные изъ переписки болгарскаго архіепископа Ѳеофилакта. Какъ сейчасъ будетъ видно, роль Григорія Таронита въ Трапезунтѣ можетъ быть представлена въ совершенно иномъ освѣщеніи.

Политическая роль византійскихъ дукъ назначаемыхъ губернаторами въ Трапезунтъ или въ ѳему Халдію, всего легче можетъ быть обрисована на основаніи дошедшихъ до насъ извѣстій о Григоріи Таронитѣ, любимцѣ и родственникѣ царя Алексѣя Комнина. Родъ Таронитовъ происходилъ изъ Арменіи, это были владѣтельные князья въ провинціи Даронъ, перешедшіе на службу имперіи въ X вѣкѣ.[2] Хотя Анна Комнина ничего не сообщаетъ о политической и военной дѣятельности Таронита на востокѣ, зато даетъ знать о честолюбивыхъ притязаніяхъ дуки и — что для насъ еще важнѣе — о тѣхъ средствахъ, какими онъ пользовался для достиженія полной свободы дѣйствій и отложенія отъ имперіи.[3] Онъ былъ назначенъ въ Трапезунтъ въ 1104 году на мѣсто дуки Даватина, о которомъ извѣстно лишь то, что при возвращеніи въ Константинополь со своего поста, онъ былъ своимъ преемникомъ Таронитомъ взятъ подъ стражу и заключенъ въ крѣпость Довинъ или, по тогдашнему произношенію, Тивенну, въ долинѣ Аракса. Таронитъ провелъ на Востокѣ два года и въ это время, успѣвъ разобраться въ политическихъ теченіяхъ столь важной окраины, пришелъ къ такому же рѣшенію, къ какому неизбѣжно увлеченъ былъ Гавръ и къ какому будутъ приходить слѣдующіе за нимъ губернаторы ѳемы Халдіи. Основное извѣстіе о психологическихъ мотивахъ, подъ вліяніемъ коихъ находился Таронитъ въ первое время по прибытіи въ Трапезунтъ, находимъ въ перепискѣ Ѳеофилакта болгарскаго,[4] который сообщаетъ любопытныя свѣдѣнія о распространеніи въ это время сельджукскихъ завоеваній въ Арменіи, Грузіи и Каппадокіи и объ опустошительныхъ набѣгахъ ихъ на Черноморскія Византійскія области. Здѣсь получаетъ эффектное освѣщеніе фигура Мелика Гази Данишменда, эмира Неокесарійскаго. Оказывается, что Таронитъ вступилъ въ сношенія съ этимъ заклятымъ врагомъ христіанской имперіи, чтобы, при его содѣйствіи, основать въ Трапезунтѣ независимое отъ императора владѣніе.[5]

---

[1]) Меликъ Гази и Дзуль-Нунъ Динишменды (Записки Одесскаго Общества Исторіи и Древностей т. XI, 229).

[2]) Dulaurier, Bibliothèque historique arménienne. Paris 1853 p. 437; Cedreni II, p. 451.

[3]) Alexias XII. 7 (p. 162).

[4]) Migne Patrol. Graeca 126 col. 412.

[5]) Мы не будемъ приводить здѣсь текстовъ и давать обильныя ссылки на литературу, такъ какъ пользуемся своимъ же изслѣдованіемъ о Меликѣ Гази, помѣщеннымъ въ Запискахъ Одесскаго Общества Исторіи и Древностей т. XI.

Нужно сказать, въ честь Таронита, что по прибытіи въ Трапезунтъ, онъ занятъ былъ прежде всего возстановленіемъ мира и спокойствія, нарушеннаго турецкими набѣгами и опустошеніями въ разныхъ областяхъ имперіи. Эта сторона его дѣятельности весьма опредѣленно указана въ письмахъ Ѳеофилакта. „Подъ твоимъ управленіемъ", говоритъ онъ, „Понтійскіе города наслаждались ясной тишиной." Такимъ образомъ слѣдуетъ приходить къ заключенію, что Таронитъ обуздалъ набѣги Турокъ сельджуковъ на зависѣвшія отъ имперіи части Арменіи и на области по Черноморскому побережью. „У Данишменда привыкшаго собирать дани и съ другихъ эллинскихъ городовъ по Понту и съ передней Колхиды и со всей Арменіи и утучнѣвшаго отъ добычи — остріемъ меча ты отсѣкъ хищныя руки," — такъ говоритъ Феофилактъ въ своемъ письмѣ о заслугахъ Таронита въ 1104—1105 году.

Для выясненія дальнѣйшаго слѣдуетъ напомнить одинъ эпизодъ изъ исторіи перваго крестоваго похода, падающій какъ разъ на это время и случившійся во владѣніяхъ Мелика-Гази. Никто иной, какъ прославленный герой перваго крестоваго похода, князь Боэмундъ, которому досталась во владѣніе Антіохія, перенесъ свои политическія вожделѣнія на Арменію, гдѣ было глубокое недовольство турецкимъ господствомъ и живое чувство ожиданія помощи отъ христіанъ. Въ эту сторону направились притязанія Боэмунда, когда онъ сдѣлался Антіохійскимъ княземъ. Въ 1100 году онъ предпринялъ походъ въ Каппадокію и встрѣтился здѣсь съ Меликомъ-Гази, приближавшимся уже къ Самосату и Эдессѣ. Здѣсь, подъ Мелитиной, Боэмундъ потерпѣлъ отъ Турокъ пораженіе, былъ взятъ Меликомъ-Гази въ плѣнъ, отведенъ въ Неокесарію и содержался въ заключеніи до 1104 года, когда трапезунтскому дукѣ Григорію Тарониту выпала доля, по порученію императора Алексѣя, вести переговоры объ освобожденіи изъ плѣна князя Боэмунда.

Находясь въ плѣну, Боэмундъ не могъ быть забытымъ и оставленнымъ крестоносцами съ одной стороны, и императоромъ Алексѣемъ съ другой. Изъ Византіи дѣлали Данишменду лестныя предложенія и назначали большую выкупную сумму. Но Меликъ-Гази не сразу выпустилъ добычу изъ рукъ, очень хорошо понявъ, что другого такого случая не повторится. И какъ странно, что цесаревна Анна въ своей исторіи умолчала о многомъ, что касалось дипломатической дѣятельности ея отца по случаю плѣна Боэмунда. Правда, въ этомъ случаѣ политика Византіи оказалась ниже своей славы, ибо Боэмундъ и Меликъ-Гази перехитрили царя Алексѣя. Въ то время, какъ установлена была цѣна выкупа 260.000 византійскихъ иперперовъ, сосѣдъ Мелика-Гази, иконійскій султанъ Килиджъ-Арсланъ заявилъ требованіе на часть этой суммы и хотѣлъ силой побудить къ этому Неокесарійскаго эмира. Таронитъ, только что прибывшій въ Трапезунтъ, умѣло воспользовался раздорами и сталъ понуждать Мелика быть сговорчивѣе и не медлить освобожденіемъ Боэмунда, иначе давая понять, что онъ не останется празднымъ зрителемъ его ссоры съ Килиджъ-Арсланомъ.

Къ выясненію послѣдующаго нужно припомнить, что Боэмундъ лично не былъ склоненъ чувствовать себя на будущее время обязаннымъ за освобожденіе царю Алексѣю, съ которымъ у него были свои счеты, съ другой, нельзя забывать и того, что Григорій Таронитъ, какъ представитель мѣстныхъ интересовъ, не могъ не сочувствовать тѣмъ планамъ полнаго переворота на Востокѣ съ сокращеніемъ власти императора, какимъ былъ занятъ Боэмундъ

и которыхъ, какъ оказывается, не чуждъ былъ и Данишмендъ. Такъ или иначе, Боэмундъ получилъ свободу, но не попалъ въ Константинополь. По всей вѣроятности съ согласія Мелика-Гази и Григорія Таронита, Боэмундъ устроилъ дѣло о выкупѣ черезъ своихъ соплеменниковъ и друзей въ Антіохіи, Эдессѣ и Іерусалимѣ Когда сношенія доведены были до желаннаго конца, Боэмундъ былъ препровожденъ въ Мелитину, гдѣ Меликъ-Гази получилъ отъ западныхъ христіанъ половину той суммы, какую обѣщало византійское правительство. Это происходило въ началѣ 1105 года.

Само собой разумѣется, неудача должна была весьма сильно подѣйствовать на царя Алексѣя, и онъ не могъ болѣе съ довѣріемъ относиться къ своему представителю въ ѳемѣ Халдія,[1] котораго и поспѣшилъ отозвать. Таронитъ не исполнилъ полученнаго приказанія и дождался того, что за нимъ послана была военная команда. Но теперь мы снова предоставимъ слово Аннѣ Комниной, чтобы читатель далъ себѣ отчетъ въ характерѣ византійской лѣтописи за это время.

„Оканчивался XII индиктъ,[2] какъ названный уже Григорій, который назначенъ дукой Трапезунта, давно замышлялъ возстаніе, — обнаружилъ свои замыслы передъ отправленіемъ въ Трапезунтъ. Ибо, встрѣтивъ возвращающагося въ Константинополь Даватина, послѣ того, какъ власть дуки была предоставлена Тарониту, онъ взялъ его подъ стражу и посадилъ въ заключеніе въ Тивенну, и вмѣстѣ съ нимъ нѣсколько знатныхъ жителей Трапезунта и самого брата Вакхинова.[3] Такъ какъ ихъ не освобождали отъ узъ и темницы, то составивъ между собою заговоръ, они напали на стражниковъ, приставленныхъ къ нимъ бунтовщикомъ, выгнали ихъ за стѣны и прогнали, а сами завладѣли Тивенной. Самодержецъ неоднократно писалъ, то приглашая Григорія къ себѣ, то убѣждая прекратить скверное предпріятіе, если еще цѣнитъ расположеніе царя и дорожитъ прежнимъ состояніемъ, то наконецъ посылая угрозы въ случаѣ ослушанія. Онъ же такъ далеко былъ отъ того, чтобы подчиниться прекраснымъ увѣщаніямъ автократора, что составилъ обширное стихотвореніе, въ которомъ задѣвалъ не только членовъ сената и высшихъ лицъ войска, но не пощадилъ и самихъ родственниковъ и зятевей царя. Понявъ изъ означеннаго сочиненія, что онъ постепенно становится хуже и позволяетъ себѣ крайне безумные поступки, отчаявшись въ его исправленіи, въ началѣ XIV индикта (т. е. въ концѣ 1105 года) посылаетъ къ нему Іоанна, двоюроднаго брата своей сестры по отцу приходившагося двоюроднымъ братомъ бунтовщику, чтобы онъ попытался дать ему спасительный совѣтъ, питая надежду, что на него подѣйствуетъ родственное чувство и общность крови. Въ случаѣ же упорства онъ долженъ былъ начать съ нимъ энергичную борьбу на морѣ и на сушѣ, имѣя для этого значительныя силы.

„Узнавъ же объ его движеніи, Григорій Таронитъ выступилъ къ Колоніи — укрѣпленный и недоступный городокъ — съ цѣлью пригласить на помощь Данишменда. Освѣдомившись объ этомъ во время похода, Іоаннъ выдѣлилъ изъ своего отряда Кельтовъ и избранныхъ Ромэевъ и послалъ противъ него. Двое храбрецовъ напали на него и, копьями сбросивъ съ коня, захватили. Такимъ

---

[1]) Этотъ любопытный эпизодъ, оставшійся неизвѣстнымъ историкамъ перваго крестоваго похода, не исключая Зибеля, очень показателенъ и для выясненія политической роли дукъ Халдіи, которая подготовляла Трапезунтъ къ выдѣленію изъ состава имперіи.

[2]) XII индиктъ соотвѣтствуетъ 1103—1104 г. Alexias XII. 7 (p. 161 ed. Bonn.).

[3]) Выше говорено было о поправкѣ къ этому чтенію.

образомъ взятаго въ плѣнъ Іоаннъ представляетъ автократору, подтвердивъ клятвенно, что не видѣлъ его совсѣмъ и не говорилъ съ нимъ во время пути. Всячески ходатайствовалъ за него предъ царемъ, притворно давая слово лишить его зрѣнія, что съ трудомъ угадалъ императоръ, согласившись на его просьбу и потребовавъ, чтобы не приводилъ въ исполненіе своего слова. На третій день, остригши на голо голову и бороду, его водили по агорѣ и затѣмъ отвели въ башню Анема. Будучи узникомъ, онъ оставался сумасброднымъ и ежедневно позволялъ себѣ нелѣпыя слова передъ стражей, между тѣмъ императоръ всѣми мѣрами заботился о томъ, чтобы онъ перемѣнился и обнаружилъ признаки раскаянія. Онъ же оставался прежнимъ, часто однако просилъ свиданія съ моимъ кесаремъ, издавна питая къ намъ дружеское расположеніе, на что давалъ согласіе и императоръ, чтобы поддержать его духъ и дать спасительные совѣты. Довольно поздно въ немъ оказалась перемѣна къ лучшему, почему и заключеніе его было продолжительное. Съ теченіемъ времени онъ возвратилъ себѣ царскую милость и пользовался такимъ расположеніемъ, дарами и почестями какъ никогда прежде."

Этому подтвержденіе видимъ у Никиты Акомината (р. 16), который говоритъ о пожалованіи Тарониту чина протовестіарія. Послѣдними словами писательница, сообщившая о Таронитѣ семейные мемуары, а не то, что нужно для политико-дипломатической исторіи, желала объяснить тотъ неожиданный для насъ фактъ, что Таронитъ получилъ свободу, довѣріе и расположеніе царя Алексѣя, и снова былъ отправленъ въ Трапезунтъ, гдѣ оставался до 1119 года. На этотъ разъ мы можемъ снова отмѣтить широкій размахъ политической роли Трапезунтскаго дуки. Онъ заключаетъ союзъ съ эмиромъ Камахи и идетъ походомъ на Сельджукскаго эмира Мелитины. Но союзники потерпѣли пораженіе и Таронитъ попалъ въ плѣнъ къ Туркамъ, но получилъ потомъ свободу за выкупъ въ 40.000 золотыхъ.

У преемниковъ Гавра и Таронита, къ крайнему нашему удивленію, встрѣчаемся съ тѣми же притязаніями, т. е. представители мѣстнаго служилаго сословія и въ мѣстѣ съ тѣмъ крупные землевладѣльцы этой области держатъ въ своихъ рукахъ власть въ Халдіи. Такъ, послѣ Таронита, находимъ въ Трапезунтѣ дукой Михаила Гавра, о которомъ подъ 1319 г. упоминаетъ писатель Никита Акоминатъ какъ о генералъ-губернаторѣ, управлявшемъ провинціей Халдіей въ теченіи длиннаго ряда лѣтъ и державшемъ себя какъ независимый князь. Царь Іоаннъ Комнинъ замышлялъ лично отправиться въ Пафлагонію и посѣтить Трапезунтъ, чтобы утвердить свою власть на Черноморскомъ побережьи, но ему не удалось довести предпріятіе до желаемаго конца. Во второй половинѣ XII вѣка, при царѣ Мануилѣ Комнинѣ, имперское вліяніе въ Черноморскихъ областяхъ было вполнѣ возстановлено. По словамъ историка Киннама Михаилъ Гавръ спокойно именемъ императора производилъ наборъ войска въ Понтѣ и Трапезунтѣ.

Въ концѣ столѣтія, въ одномъ изъ городовъ Понта, указано было царемъ Мануиломъ жить въ почетной ссылкѣ родоначальнику Трапезунтскихъ имперторовъ Андронику Комнину. Назвавъ это имя, мы переходимъ къ ближайшимъ обстоятельствамъ основанія независимой отъ Константинополя имперіи въ Трапезунтѣ, что̀ не входитъ въ задачу настоящей статьи.

Ѳедоръ Успенскій.

СОЕДИНЕНІЕ ВОПРОСА О СВ. ИКОНАХЪ СЪ ХРИСТОЛОГИЧЕСКОЙ ДОГМАТИКОЙ ВЪ СОЧИНЕНІЯХЪ ПРАВОСЛАВНЫХЪ АПОЛОГЕТОВЪ РАННЯГО ПЕРІОДА ИКОНОБОРЧЕСТВА

Въ эпоху борьбы, разгорѣвшейся вокругъ установившагося въ православной церкви иконопочитанія, борьбы длительной и упорной, всколыхнувшей и взволновавшей весь христіанскій міръ, — доводы, которые приводили въ защиту иконъ православные ихъ апологеты, были и многочисленны и многообразны. Но среди всѣхъ аргументовъ, которые изобрѣталъ и выставлялъ, отстаивая православный обычай, изощренный въ діалектикѣ умъ византійскихъ богослововъ, варьируя ихъ согласно съ нуждами момента и примѣняясь къ новымъ этапамъ борьбы, все же неизмѣнно, съ самаго начала борьбы и до самаго ея конца, главной и исходной была одна мысль, основоположная въ существѣ своемъ, — мысль, что изображеніе Христа на иконахъ служитъ ручательствомъ за истинность и реальность Его воплощенія, а почитаніе иконъ ручательствомъ за вѣру въ непризрачность Его воплощенія. Разъ Сынъ Божій сталъ совершеннымъ человѣкомъ, то и писать Его можно, какъ всякаго человѣка. Непрестанно и неутомимо возвращались къ этой мысли всѣ византійскіе защитники св. иконъ. И положеніе это казалось столь очевиднымъ, столь неоспоримымъ, что несогласіе съ нимъ въ глазахъ иконопочитателей VIII и IX вв. было равносильно отрицанію реальности самаго воплощенія, а слѣдовательно таило въ себѣ угрозу вѣрѣ въ искупленіе и спасеніе міра. Отклонить эту угрозу со стороны иконоборческой ереси и поспѣшили православные, вставъ на защиту иконъ. Эта борьба за установившійся церковный обрядъ была одновременно борьбой за главный и центральный догматъ христіанскаго вѣроученія, въ этомъ обрядѣ нашедшій себѣ отраженіе. Изученіе византійскихъ памятниковъ, посвященныхъ защитѣ св. иконъ, привело насъ къ самому опредѣленному убѣжденію, что и въ сознаніи самихъ иконопочитателей VIII и IX вв. такой смыслъ именно и имѣла эта ихъ долгая, изнурительная борьба. Этимъ, намъ кажется, только и можно объяснить ея необычайную ожесточенность и длительность.

Отсюда слѣдуетъ, что для пониманія богословской сути спора объ иконопочитаніи необходимо исходить изъ разсмотрѣнія связи, существующей между вопросомъ объ иконахъ съ догматомъ воплощенія, и во главу угла надобно ставить неразрывно связанную съ этимъ вопросомъ христологическую проблему. То, что въ настоящей статьѣ мы останавливаемся спеціально на изученіи христологическихъ мыслей въ твореніяхъ апологетовъ ранняго періода иконоборчества, и именно въ твореніяхъ, возникшихъ еще до иконоборческаго со-

бора 754 года, имѣетъ еще свои особыя причины. Въ наукѣ распространилось какимъ-то образомъ мнѣніе, что въ эпоху, предшествующую иконоборческому собору 754 года, доказательства христологическаго порядка иконопочитателями вообще не примѣнялись, и что лишь усиленное привлеченіе этимъ соборомъ подобныхъ доказательствъ въ свою пользу, заставило и православную партію къ нимъ прибѣгнуть.

Если бы это дѣйствительно было такъ, т. е. если бы дѣйствительно христологическіе аргументы были привлечены иконопочитателями лишь въ противовѣсъ пущеннымъ въ ходъ аналогичнымъ методамъ противника, то, очевидно, мы бы здѣсь имѣли дѣло не болѣе какъ съ пріемомъ схоластической діалектики и объ основоположной роли христологической проблемы въ борьбѣ за иконы, не могло бы быть и рѣчи. Но это не такъ. Мы утверждаемъ, что вопросъ объ иконахъ былъ ихъ апологетами связанъ съ христологіей съ самаго начала, тогда, когда еще противникъ не подавалъ къ тому никакихъ внѣшнихъ поводовъ.

Въ подтвержденіе этому мы можемъ привести свидѣтельства изъ патріарха Германа, Іоанна Дамаскина, папы Григорія II и Георгія Кипрянина, т. е. изъ всѣхъ учителей православной церкви этого періода, ученія которыхъ до насъ вообще дошли, и притомъ изъ наиболѣе выдающихся ея представителей этого времени, такъ какъ именно Германа, Іоанна и Георгія анаѳематствовалъ, какъ столповъ враждебной имъ партіи, иконоборческій соборъ 754 года.

Догматическая цѣнность посланій, написанныхъ въ защиту иконопочитанія патріархомъ Константинопольскимъ Германомъ, вообще оставалась до сихъ поръ обычно незамѣченной, а иногда даже опредѣленно отрицалась. Мы не хотимъ утомлять читателя перечисленіемъ всѣхъ, встрѣчающихся въ этомъ отношеніи, въ наукѣ промаховъ. Укажемъ только на то, что даже проф. Андреевъ, посвятившій патріарху Герману спеціальное изслѣдованіе, совершенно просмотрѣлъ богословскую цѣнность и значительность посланій св. Германа. Содержаніе доводовъ Германа въ пользу иконопочитанія Андреевъ сводитъ къ слѣдующимъ пяти пунктамъ: 1) Иконы служатъ выраженіемъ любви къ изображаемымъ на нихъ лицамъ; 2) онѣ нужны въ качествѣ руководства и подмоги къ усвоенію слышаннаго; 3) онѣ побуждаютъ къ подражанію рвенію изображенныхъ на нихъ святыхъ; 4) черезъ иконы Богъ являлъ чудеса; 5) иконопочитаніе древній, укрѣпившійся въ церкви обычай. „Таковъ“, по мнѣнію Андреева, „весь запасъ положительной аргументаціи Германа“.[1] Изъ этихъ словъ уже ясно, что связи вопроса объ иконопочитаніи съ христологіей, съ вѣрой въ непризрачность воплощенія Христова и истинность искупленія, Андреевъ въ сочиненіяхъ Германа не находитъ.[2] Дѣйствительно, въ другихъ мѣстахъ своего изслѣдованія онъ категорически отрицаетъ установленіе Германомъ такой связи.[3]

---

[1]) И. Андреевъ. Германъ и Тарасій, патріархи константинопольскіе. Сергіевъ Посадъ 1907 стр. 45.

[2]) Но и помимо этого, „весь запасъ положительной аргументаціи Германа“ никакъ не можетъ быть сведенъ къ указаннымъ Андреевымъ пяти пунктамъ. Опущена имъ, напримѣръ, слѣдующая плодотворная мысль: „На дѣла надобно смотрѣть не просто, но всегда должна быть принимаема во вниманіе цѣль, какою руководились дѣлатели.“ Этимъ христіанское твореніе иконъ въ существѣ своемъ отграничивается отъ всякаго идольскаго служенія, такъ какъ центръ тяжести переносится съ внѣшнихъ результатовъ дѣйствія на внутреннюю настроенность дѣлателя. Эта мысль въ такой же связи встрѣчается уже у Леонтія, епископа Неаполя Кипрскаго (послѣ 642 г.).

[3]) Цит. соч. стр. 154 и passim.

Но это не болѣе какъ недоразумѣніе. Мы утверждаемъ какъ разъ обратное: патріархъ Германъ большое вниманіе удѣлялъ христологическимъ доводамъ въ защиту св. иконъ, онъ самымъ опредѣленнымъ образомъ высказывалъ мысль, что иконы служатъ подтвержденіемъ непризрачности воплощенія Христова, и что онѣ являются обличеніемъ еретиковъ, невѣрующихъ въ истинность Его вочеловѣченія. Внимательное изученіе твореній св. Германа не можетъ оставить ни малѣйшихъ сомнѣній по этому поводу.

На вопросѣ объ иконахъ патріархъ Германъ останавливался въ своемъ сочиненіи „О ересяхъ и соборахъ“ и въ трехъ посланіяхъ, спеціально посвященныхъ этому вопросу, въ посланіяхъ къ Іоанну, митрополиту синадскому, къ Константину, епископу наколійскому, и къ Ѳомѣ, епископу клавдіопольскому.

Въ книгѣ „О ересяхъ и соборахъ“ св. Германъ, говоря объ иконоборчествѣ, главное вниманіе удѣляетъ исторіи этой ереси; догматическія разсужденія и полемика здѣсь отодвигаются на второй планъ. Все же, отклонивъ обвиненіе въ идолопоклонствѣ, Германъ кратко объясняетъ значеніе и цѣль св. иконъ. Иконы святыхъ, согласно Герману, мы принимаемъ для выраженія нашего къ нимъ чувства любви; „Икону же Господа нашего Іисуса Христа“, говоритъ онъ, „изображающую Его человѣческія черты, ставшія видимыми благодаря Его богоявленію, мы принимаемъ для храненія вѣчной памяти о Его житіи во плоти, Его страданіи, спасительной смерти и происшедшемъ отсюда искупленіи міра: изъ иконы Его мы познаемъ высоту смиренія Бога Слова.“[1]

Въ посланіяхъ, написанныхъ св. Германомъ въ защиту св. иконъ, мысль, что иконы служатъ подтвержденіемъ истинности Христова воплощенія, высказывалась имъ еще опредѣленнѣе, получая и извѣстную полемическую заостренность. Полемическая заостренность, впрочемъ, и тутъ у Германа проявляется гораздо слабѣе, чѣмъ въ сочиненіяхъ православныхъ апологетовъ болѣе поздняго времени. Это объясняется, какъ мягкимъ и миролюбивымъ характерамъ столѣтняго старца патріарха, такъ и особенно тѣмъ, что посланія его написаны еще до собственнаго начала иконоборчества и направлены не противъ воинствующаго и открытаго врага православія, а представляютъ изъ себя лишь увѣщанія и наставленія, обращенныя къ отдѣльнымъ, заблуждавшимся іерархамъ, все значеніе и чреватость заблужденій коихъ еще не могли даже быть въ то время ясны. Но вѣдь такая разница между посланіями Германа и сочиненіями позднѣйшихъ авторовъ имѣетъ лишь формальное, а не сущностное значеніе. Связь же вопроса объ иконахъ съ догматомъ объ истинномъ воплощеніи была уже патріархомъ Германомъ указана самымъ опредѣленнымъ образомъ. Посланіе къ Константину наколійскому, въ которомъ Германъ лишь высказываетъ Константину порицаніе за то, что онъ не передалъ митрополиту синадскому порученнаго ему патріархомъ письма и увѣщеваетъ его измѣнить поведеніе, мы оставимъ въ сторонѣ, потому что въ этомъ посланіи по существу дѣла Германъ не высказывается. Остановимся на посланіяхъ къ Ѳомѣ клавдіопольскому и Іоанну синадскому.

И въ томъ и въ другомъ интересующая насъ мысль высказана чрезвычайно ясно. Приведемъ наиболѣе характерныя мѣста.

---

[1]) Migne Patrologia graeca. 98. col. 80 A.: Τοῦ δὲ κυρίου ἡμῶν Ἰησοῦ Χριστοῦ, κατὰ τὸν ἀνθρώπινον χαρακτῆρα ἀναστηλουμένου, ἤγουν κατὰ τὴν ὁρατὴν αὐτοῦ θεοφάνειαν, παρειλήφαμεν εἰς διηνεκῆ μνήμην τῆς ἐνσάρκου πολιτείας, τοῦ τε πάθους αὐτοῦ καὶ τοῦ σωτηρίου θανάτου, καὶ τῆς ἐντεῦθεν γενομένης τῷ κόσμῳ ἀπολυτρώσεως, δί αὐτοῦ τὸ τῆς ταπεινώσεως ὕφος τοῦ Θεοῦ Λογου κατανοοῦντες.

Епископу Θомѣ патріархъ Германъ пишетъ:

„Изображеніе образа Господа на иконахъ въ плотскомъ Его видѣ служитъ обличеніемъ еретиковъ, суесловящихъ, будто онъ лишь призрачно а не поистинѣ сдѣлался человѣкомъ“ ...[1]

Въ посланіи къ митрополиту синадскому, въ которомъ Германъ, по его собственному показанію, повторяетъ въ защиту иконъ доводы, приведенные имъ уже прежде, въ устной бесѣдѣ, знаменитому „ересіарху“ Константину наколійскому, эта мысль развивается шире и ярче, занимаетъ центральное положеніе среди всѣхъ выставленныхъ имъ здѣсь доказательствъ.

„Мы не представляемъ“, говоритъ Германъ, „изображенія, или подобія, или образа или вида Божества, Которое невидимо и Котораго не могутъ вполнѣ уразумѣть и постичь даже высшіе чины святыхъ ангеловъ. Но такъ какъ единородный Сынъ, сущій въ лонѣ Отца, воззвавшій Свое созданіе отъ осужденія на смерть къ жизни, по благоволенію Отца и Святаго Духа, соизволилъ содѣлаться человѣкомъ, преискренне пріобщившись нашей плоти и крови, какъ сказалъ великій апостолъ, и во всемъ сдѣлался подобнымъ намъ, исключая грѣха; то мы, изображая икону человѣческаго Его образа и человѣческаго вида Его по плоти, а не божества Его, которое непостижимо и невидимо, стараемся наглядно представить предметы вѣры и показать, что Онъ не фантастично и не призрачно соединился съ нашимъ естествомъ, какъ ошибочно учили нѣкоторые древніе еретики, но что на самомъ дѣлѣ и поистинѣ содѣлался совершеннымъ человѣкомъ, исключая одного посѣяннаго въ насъ діаволомъ грѣха. При такомъ пониманіи непорочной вѣры въ Него, мы представляемъ на иконахъ образъ святой плоти Его и цѣлуемъ его, и удостоиваемъ его всякихъ почестей и приличествующаго ему почитанія; и такимъ образомъ приходимъ къ воспоминанію о божественномъ, животворномъ и неизреченномъ вочеловѣченіи Его.“[2]

Приведенныя слова, намъ кажется, не допускаютъ уже ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что вопросъ объ иконахъ былъ патріархомъ Германомъ самымъ опредѣленнымъ образомъ поставляемъ въ связь съ догматомъ объ истинномъ воплощеніи, и требуютъ настоятельно пересмотра той низкой оцѣнки догматическаго достоинства посланій Германа о св. иконахъ, которая съ легкой руки Эргарда-Крумбахера водворилась въ наукѣ.[3] Значеніе этихъ посланій, какъ съ точки зрѣнія изученія историческаго развитія мысли о связи вопроса объ иконахъ съ христологіей, такъ и съ точки зрѣнія оцѣнки догматическаго достоинства ученій св. Германа объ иконахъ, усугубляется еще тѣмъ, что написаны были эти посланія, какъ мы уже указывали, до начала офиціальнаго иконоборчества и до открытаго выступленія императора Льва III противъ иконопочи-

---

[1]) Migne, ib. col. 173. B.

[2]) Ib. col. 157. B. C.; Дѣянія вселенскихъ соборовъ, изданныя въ русск. пер. при Казанской Духовной Академіи т. VII 2-е изд. Казань 1891. (Для предъидущаго отрывка мы предложили свой переводъ, такъ какъ въ указанномъ изданіи онъ сдѣланъ не вполнѣ точно.)

[3]) Krumbacher. Geschichte der byzantinischen Literatur² 1897. S. 67.: »Als literarischer Gegner der Bilderfeinde nimmt Germanos eine untergeordnete Stellung ein. Die 3 auf den Bilderstreit bezüglichen Briefe bieten nur historisches Interesse; ohne theologische Tragweite ist die Behandlung des herrschenden Streites und der früheren Irrlehren in einem Schriftchen (т. е. »De haeresibus et synodis«), worin Germanos selbst über den Mangel an literarischen Hilfsmitteln klagt.«

танія.[1] Слѣдовательно мысль, что иконы служатъ ручательствомъ за непризрачность воплощенія Христова и обличеніемъ всяческаго докетизма, была высказана въ литературѣ православныхъ съ самаго начала, при появленіи самыхъ первыхъ и еще только единичныхъ признаковъ надвигающейся на иконопочитаніе грозы.

Мало того: если вполнѣ опредѣленно и ясно эта мысль была формулирована впервые патріархомъ Германомъ, — и въ этомъ мы видимъ главную догматическую цѣнность его посланій, — то намѣчалась она уже въ концѣ VII вѣка, т. е. еще задолго до возникновенія иконоборчества императоровъ-исаврійцевъ. Она несомнѣнно лежитъ въ основѣ извѣстнаго постановленія пято-шестого собора, 82-е правило котораго предписываетъ, чтобы вмѣсто древняго изображенія Христа въ видѣ агнца, на иконахъ писали бы „Христа Бога нашего въ человѣческомъ обликѣ, усматривая чрезъ этотъ образъ высоту смиренія Бога-Слова и приводя себѣ на память Его житіе во плоти, страданіе, спасительную смерть и происшедшее отсюда искупленіе міра.“[2]

Съ оправданіемъ иконъ черезъ догматъ воплощенія мы встрѣчаемся и въ полемикѣ конца VII вѣка противъ язычниковъ и іудеевъ. Въ словѣ Іоанна, архіепископа Ѳессалоникійскаго, представляющемъ діалогъ христіанина съ язычникомъ, мы читаемъ: „Если же мы дѣлаемъ иконы Бога, то есть Господа и Спасителя нашего Іисуса Христа, то мы изображаемъ Его такъ, какъ Онъ былъ видимъ на землѣ и обращался между людьми, а не такъ, какъ мы представляемъ Его въ божественномъ естествѣ, потому что какое подобіе и какой образъ можетъ быть у безтѣлеснаго и неимѣющаго чувственнаго образа Слова Отчаго? Богъ, то есть, естество святой и единосущной Троицы, есть духъ, какъ написано; но такъ какъ, по благоволенію Бога и Отца, единородный Сынъ Его, Богъ Слово, снизошедши съ небесъ, воплотился нашего ради спасенія отъ Духа Святаго и непорочной Дѣвы и Богородицы Маріи, то мы и изображаемъ человѣческое Его естество, но не безтѣлесное Божество.“[3]

Полагаемъ, что эти указанія на встрѣчающіяся уже въ полемикѣ противъ язычниковъ доказательства въ пользу законности изображеній Христа при помощи ссылки на Его вочеловѣченіе, должны въ конецъ разсѣять предположенія, будто аргументы христологическаго порядка явились въ православной литературѣ лишь вынужденнымъ отвѣтомъ на полемическіе выпады иконоборческаго собора 754 года. Выше мы подчеркивали значеніе и цѣнность посланій патріарха Германа, выдвинувшихъ на самыхъ первыхъ, исходныхъ этапахъ борьбы въ защиту св. иконъ догматъ воплощенія. Мы видимъ однако, что эта мысль

---

[1]) Ср. Андреевъ, цит. соч. стр. 24.

[2]) Дѣянія Всел. Соборовъ. стр. 129. Mansi XI, 980 A B: ... „τὸν τοῦ αἴροντος τὴν ἁμαρτίαν τοῦ κόσμου, ἀμνοῦ Χριστοῦ τοῦ Θεοῦ ἡμῶν, κατὰ τὸν ἀνθρώπινον χαρακτῆρα, καὶ ἐν ταῖς εἰκόσιν ἀπό τοῦ νῦν ἀντὶ τοῦ παλαιοῦ ἀμνοῦ ἀναστηλοῦσθαι ὁρίζομεν, διὰ τῆς ταπεινώσεως ὕψος τοῦ Θεοῦ Λόγου κατανοοῦντες καὶ πρὸς μνήμην τῆς ἐνσάρκου πολιτείας τοῦ τε πάθους αὐτοῦ καὶ τοῦ σωτηρίου θανάτου χειραγωγούμενοι καὶ τῆς ἐντεῦθεν γενομένης τῷ κόσμῳ ἀπολυτρώσεως“.

[3]) Дѣянія Всел. Соборовъ стр. 187. Это слово, такъ же какъ и вышеприведенное правило Трулльскаго собора, было приведено на VII Вселенскомъ Соборѣ, въ качествѣ святоотческаго свидѣтельства въ пользу иконъ. Кромѣ того, оба эти свидѣтельства, на ряду съ семью другими, были выбраны какъ наиболѣе яркія и показательныя и прочитаны еще разъ на восьмомъ засѣданіи собора, имѣвшемъ мѣсто въ Константинополѣ, въ присутствіи императора, императрицы и народа.

зародилась еше ранѣе, въ исходѣ предшествуюшаго вѣка.[1] И съ этихъ поръ, т. е. съ конца VII вѣка, она выдвигалась каждый разъ, какъ возникалъ вопросъ объ иконахъ. Слѣдовательно соединеніе вопроса объ иконахъ съ христологической догматикой органически свойственно православному сознанію, а не является только простымъ полемическимъ пріемомъ схоластической діалектики.

Такъ и у св. Іоанна Дамаскина, этого крупнѣйшаго православнаго богослова и философа VIII вѣка, черезъ всѣ его посланія о св. иконахъ красной нитью проходитъ все та же мысль, что истиннымъ воплощеніемъ Христа узаконены изображенія Его человѣческаго облика. Во всѣхъ его посланіяхъ, — въ первомъ, написанномъ св. Іоанномъ при первыхъ дошедшихъ до него изъ Константинополя извѣстіяхъ объ ереси императора Льва, точно такъ же какъ въ двухъ послѣдующихъ, — это положеніе многократно высказывается и развивается, и положительно является исходной точкой и предпосылкой всѣхъ его разсужденій. Сочиненія Іоанна Дамаскина о св. иконахъ представляются намъ цѣлой системой, богословски очень богатой, философски очень сложной и интересной, и единственнымъ ключомъ къ пониманію ея является именно уразумѣніе той связи, въ какую вопросъ объ иконахъ поставленъ Дамаскинымъ съ таинствомъ воплощенія Бога Слова. Что Богъ, какъ νοούμενον, чувственно непостижимый, — неописуемъ, тогда какъ Богочеловѣкъ, какъ φαινόμενον, — описуемъ по плоти, — съ этимъ положеніемъ мы уже встрѣчались у Германа и Іоанна Ѳессалоникійскаго. Особенное же вниманіе удѣляетъ этому, благодаря своему философскому складу ума, Іоаннъ Дамаскинъ.[2]

Приведя библейскія слова „Образа Его не видѣстѣ“ (Втор. IV, 12), на которыя постоянно ссылались и иконоборцы, Дамаскинъ восклицаетъ:

„О, мудрость законодателя! Какъ изобразить невидимое? Какъ уподобить неподобное? Какъ описать не имѣющее количества и величины и неограниченное? Какъ обозначить не имѣющее формы? Какъ изобразить красками безтѣлесное? Итакъ, что здѣсь[3] таинственно показывается? Очевидно, что, когда увидишь безтѣлеснаго ради тебя сдѣлавшагося человѣкомъ, тогда сдѣлаешь изображеніе Его человѣческаго образа. Когда Невидимый сдѣлается видимымъ во плоти, тогда изобразите подобіе Видѣннаго. Когда безтѣлесный и не имѣющій формы, не имѣющій количества и величины и несравненный въ виду превосходства Своей природы, сущій во образѣ Божіемъ, принявши зракъ раба, смирится въ немъ до количества и величины и облечется въ тѣлесный образъ, тогда начертай Его на доскѣ; и возложи для созерцанія Того, который допустилъ, чтобы его видѣли...“[4]

---

[1]) Въ приведенномъ отрывкѣ изъ „книги о ересяхъ и соборахъ“ Германъ въ сущности лишь перефразируетъ заключительную часть 82-ого правила Трулльскаго собора.) Ср. прим. 1 на стр. 37 и прим. 2 на стр. 39).

[2]) На философскомъ значеніи этой проблемы, такъ же какъ на ученіи Дамаскина о познаніи ноуменальнаго, трансцендентнаго міра черезъ предметы міра феноменальнаго (и въ частности черезъ иконы), мы здѣсь не можемъ останавливаться. Скажемъ только, что въ спорѣ между иконопочитателями и иконоборцами чрезвычайно важной на ряду съ проблемой догматической намъ представляется проблема гносеологическая.

[3]) Т. е. въ приведенныхъ словахъ Втор. IV, 12; Іоаннъ Дамаскинъ тутъ также хочетъ доказать и то, что иконопочитаніе не только не противорѣчитъ Ветхому Завѣту, но даже, какъ бы предуказано имъ.

[4]) De imaginibus Oratio I, cap. 8. Migne 94, col. 1237 D—1240 A (cf. Oratio III, cap. 8, col. 1328 D)

Или еще:

„...Еслибы мы сдѣлали изображеніе невидимаго Бога, то существенно погрѣшили бы, потому что не можетъ быть изображено безтѣлесное, и невидимое, и неописуемое и неимѣющее образа...“ но „...послѣ того, какъ Богъ воплотившись, явился на земли во плоти, и съ человѣки поживе (Вар. III., 38), и принялъ по неизреченной благости и естество, и объемъ, и видъ, и цвѣтъ плоти, мы не погрѣшаемъ, дѣлая Его изображеніе, такъ какъ желаемъ созерцать Его черты.“ [1]

„Желаемъ созерцать Его черты...“ По гречески здѣсь собственно употреблено болѣе сильное выраженіе: „Ποθοῦμεν (въ другихъ мѣстахъ даже ἐπιποθοῦμεν, ἐπιθυμοῦμεν [2] γὰρ αὐτοῦ ἰδεῖν τὸν χαρακτῆρα.“ Этотъ моментъ чрезвычайно характеренъ: жажда видѣть человѣческія черты Спасителя міра, убѣдиться въ непризрачности Его пришествія въ міръ во плоти, и въ неложности своего спасенія.

„Я видѣлъ человѣческій образъ Бога, и спасена моя душа (εἶδον εἶδος Θεοῦ τὸ ἀνθρώπινον, καὶ ἐσώθη μου ἡ ψυχή). Созерцаю образъ Бога, какъ видѣлъ Іаковъ (Бытія 32, 30), и иначе, и иначе; ибо тотъ очами ума видѣлъ нематеріальный предвозвѣщающій будущее образъ; я же вижу то, что оживляетъ воспоминаніе о Томъ, котораго видѣли во плоти.“ [3]

И обращаясь противъ иконоборчества, Дамаскинъ восклицаетъ:

„Прочь, завистливый діаволъ! Ты завидуешь тому, что мы видимъ образъ нашего Владыки и освящаемся чрезъ него...“ [4]

Созерцаніе иконописнаго изображенія Сына Божьяго спасаетъ душу, освящаетъ, „ибо мы сущностно освятились съ того времени, какъ Богъ Слово сталъ плотью, уподобившись намъ по всему, кромѣ грѣха, и несліянно соединился съ нашей природой, и неизмѣнно обожествилъ плоть чрезъ несліянное взаимодѣйствіе Своего Божества и Своей плоти. И мы сущностно освободились съ того времени, какъ Сынъ Божій и Богъ, будучи безстрастнымъ по Божеству, пострадалъ чрезъ принятіе человѣческой природы, заплатилъ нашъ долгъ, изливши на насъ вѣрное и достойное удивленія искупленіе, ибо умилостивительна предъ Отцомъ и священна кровь Сына. Мы сущностно сдѣлались безсмертными съ того времени, какъ Онъ сошедши во адъ, возвѣстилъ отъ вѣка связаннымъ душамъ: плѣннымъ — отпущеніе, слѣпымъ — прозрѣніе, и, связавши крѣпкаго, преизбыткомъ силы воскресъ, сдѣлавши нетлѣнной принятую Имъ нашу плоть.“ [5]

Такъ, говоря объ иконахъ, Дамаскинъ въ своихъ догматическихъ разсужденіяхъ поднимается до самыхъ вершинъ христіанскихъ вѣрованій и чаяній. Почитаніе иконъ, — такъ же какъ почитаніе святыхъ и ихъ мощей, которые на ряду съ иконами защищаетъ Дамаскинъ противъ иконоборцевъ, — обосновывается

Русскій переводъ приведенъ изъ изданнаго С. Петерб. Дух. Акад „Полнаго Собранія твореній св. Іоанна Дамаскина“. С. П. Б. 1913, т. I, стр. 350. Ср. также Oratio I, cap. 4 col. 1236 C; Or. I, cap. 16 col. 1245 A; Or. II, cap. 14, col. 1300 B.

[1]) Oratio II, cap. 5. Migne 94, col. 1288 A. B (ср. or. III, 2, col. 1320 B); русск. пер. стр. 374—375. Ср. также „De Fide Orthodoxa“ lib. IV, cap. 16, col. 1169 D—1172 A.

[2]) Or. II, 20, col. 1308 A; or. III, 12, col. 1333 D.

[3]) Or. I, cap. 22, col. 1256 A; русск. пер. стр. 359.

[4]) Or. II, cap. 6, col. 1288 B C (ср. or. III, cap. 3, col. 1320 C D) русск. пер. стр. 375.

[5]) Or. I, cap. 21, col. 1253 B; русск. пер. стр. 358 (переводъ этого отрывка нами нѣсколько исправленъ и уточненъ).

имъ вѣрой въ происшедшее черезъ воплощеніе обожествленіе матеріи, въ „теосисъ“ всего тварнаго міра. Достопримѣчательно, что идея „Софійности“, даже въ главномъ произведеніи Дамаскина, въ „Точномъ изложеніи православной вѣры“, не играетъ и отдаленно той роли, какая отведена ей въ посланіяхъ объ иконахъ. Почитаніе священныхъ матеріальныхъ предметовъ, какъ и почитаніе святыхъ лицъ и ихъ освященныхъ, избѣжавшихъ тлѣнія плотскихъ останковъ, выводится изъ обожествленности міра, свершившагося черезъ пришествіе въ міръ Бога, черезъ ѵпостасное соединеніе плоти съ Божествомъ.

„Итакъ, какъ же намъ не изображать спасительныя страсти и чудеса Христа Бога, чтобы, когда спроситъ меня сынъ мой, что это, — я сказалъ бы, что Богъ Слово сталъ человѣкомъ, и чрезъ Него не Израиль только перешелъ Іорданъ, но все естество возвратилось къ древнему блаженству.“ [1]

Ощущеніемъ обрѣтеннаго тварнымъ міромъ и человѣческой плотью освященія черезъ соприкосновеніе въ лицѣ Богочеловѣка съ Божествомъ дышетъ каждая строчка посланій Дамаскина о св. иконахъ. Естество человѣческое, по Дамаскину, даже выше естества ангельскаго, потому что „не сдѣлался Богъ ангеломъ, но сдѣлался Богъ естественнымъ и истиннымъ человѣкомъ“.[2] „Не поклоняюсь матеріи (οὐ προσκυνῶ τῇ ὕλῃ)“, говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ,[3] „поклоняюсь же Творцу матеріи, ставшему матеріей ради меня, и благоволившему обитать въ матеріи и чрезъ матерію содѣлавшему мнѣ спасеніе; и не перестану почитать матерію (καὶ σέβων οὐ παύσομαι τὴν ὕλην), чрезъ которую совершено мое спасеніе“. Почитаніе иконъ есть какъ бы манифестація этого ощущенія освященности міра и вѣры въ конечное и всецѣлое его обоженіе.

Въ иконоборчествѣ же Іоаннъ Дамаскинъ видитъ манихейское гнушаніе матеріей: „Не хули матерію“, обращается онъ къ императору-иконоборцу, „ибо она не презрѣнна, такъ какъ нѣтъ ничего презрѣннаго въ томъ, что произошло отъ Бога. Это — мудрованіе манихеевъ.“ [4]

Обвиненія иконоборцевъ въ манихействѣ впослѣдствіи повторялись православными постоянно; манихейцевъ же повидимому разумѣетъ и патріархъ Германъ, говоря о „древнихъ еретикахъ“, заблужденія которыхъ обличаются иконнымъ изображеніемъ Христа. Такъ что и здѣсь мы видимъ въ противо-иконоборческой литературѣ единую линію развитія.

Мы привели лишь малую часть свидѣтельствъ, которыя бы можно было извлечь изъ твореній Іоанна Дамаскина въ подтвержденіе того, что проблема иконопочитанія связывалась имъ съ христологической догматикой; стараясь за то выбирать примѣры, могущіе особенно дать почувствовать все разнообразіе оттѣнковъ и значительность выводовъ, какіе даетъ эта мысль въ системѣ Дамаскина. Полагаемъ, однако, что эти немногія свидѣтельства достаточно краснорѣчивы и убѣдительны и потому удовольствуемся ими, и остановимся теперь вкратцѣ на посланіяхъ, сохранившихся подъ именемъ папы Григорія II.

Два посланія къ императору Льву мы, соглашаясь съ доводами Шварцлозе,[5]

---

[1]) Or. I, cap. 18, col. 1249 A; русск. пер. стр. 356.
[2]) Or. III, cap. 26, col. 1348 A B; русск. пер. стр. 404.
[3]) Or. I, cap. 16, col. 1245 A B; русск. пер. стр. 354; ср. or. III, cap. 24, col. 1353 A.
[4]) Or. I col. 1245 C.
[5]) Karl Schwarzlose. Der Bilderstreit, ein Kampf der griechischen Kirche um ihre Eigenart und um ihre Freiheit. Gotha 1890, S. 113 ff.

считаемъ интерполированными и принадлежащими, — въ томъ видѣ, въ какомъ онѣ сохранились, — не папѣ Григорію II, а неизвѣстному византійскому иконопочитателю, хотя намъ и кажется несомнѣннымъ, что въ основѣ ихъ лежитъ подлинный текстъ папскихъ писемъ. Но вопросъ объ авторствѣ для насъ здѣсь не существенъ; важно для насъ лишь то, что и въ этихъ посланіяхъ, — такъ же какъ во всѣхъ безъ исключенія апологіяхъ св. иконъ, — законность живописнаго изображенія Христа обосновывается Его явленіемъ въ мірѣ. Встрѣчается въ нихъ и характерное противопоставленіе Сына Божьяго, видѣннаго, и потому описуемаго, Богу Отцу, невидимому и въ силу этого неописуемому: „Почему мы не описываемъ Отца Господа Іисуса Христа? Потому что мы не видѣли Его... А еслибы мы увидѣли и познали Его такъ же, какъ и Сына Его, — то постарались бы описать и живописно изобразить и Его..."[1]

Гораздо шире развита и ярче высказана интересующая насъ мысль въ подлинномъ посланіи Григорія II къ патріарху Герману, ибо въ этомъ посланіи на первомъ планѣ стоятъ богословскіе вопросы, тогда какъ подложныя посланія главное вниманіе удѣляютъ вопросамъ церковно-политическимъ. Сославшись на постановленіе Трулльскаго собора, писать Христа въ человѣческомъ Его образѣ, „чтобы, при помощи такого изображенія, мы могли созерцать въ уничиженіи Бога Слова Его величіе и приходить къ воспоминанію о Его жизни во плоти, о Его страданіяхъ и спасительной смерти и происшедшемъ отсюда искупленіи", Григорій далѣе говоритъ: „Если пророческія изреченія не исполнились, то пусть и не изображаютъ того, что еще не свершилось, то есть, если Господь не воплотился, то пусть и не изображаютъ святаго образа Его въ человѣческомъ видѣ; если Онъ не родился въ Виѳлеемѣ отъ преславной Дѣвы Богородицы, если волхвы не приносили даровъ, если пастырямъ не являлся ангелъ, если множество небеснаго воинства не возносили пѣсни рожденному, если носящій все не былъ носимъ, какъ младенецъ, въ чреслахъ родившей Его и дающій пищу всякой плоти не питался молокомъ; то пусть не изображаютъ этого". И послѣ ряда подобныхъ, риторически весьма искуссныхъ гипотетическихъ построеній, охватывающихъ всю земную жизнь Спасителя, Григорій заключаетъ: „Но такъ какъ все это было и есть великая тайна благочестія, то, о если бы возможно было, чтобы и небо, и земля, и море, и всѣ животныя, и растенія и все провозглашало объ этомъ и звуками, и письменно, и живописными изображеніями."[2]

Перейдемъ теперь къ послѣднему апологету разсматриваемаго нами періода, — Георгію Кипрянину. Сочиненій его не сохранилось. Повидимому онъ ничего и не писалъ, а прославился устными поученіями и особенно своей подвижнической жизнью. Акты VII Вселенскаго Собора говорятъ, что онъ „съ юности считалъ за лучшее, послѣдуя словамъ пророка, сидѣть и молчать." Его ученіе о св. иконахъ извѣстно намъ только изъ записаннаго его ученикомъ Ѳеосевомъ „Наставленія старца о св. иконахъ" (Νουθεσία γέροντος περὶ τῶν ἁγίων εἰκόνων). Памятникъ этотъ, изданный Б. М. Меліоранскимъ по рукописи Московской Синодальной Библіотеки,[3] представляетъ изъ себя точную запись диспута,

---

[1]) Дѣянія Вселенскихъ Соборовъ VII, стр. 18.

[2]) Migne, 98, col. 152 A—C; Дѣянія Всел. Соборовъ VII, стр. 154—155.

[3]) Б. М. Меліоранскій. Георгій Кипрянинъ и Іоаннъ Іерусалимлянинъ, два малоизвѣстныхъ борца за православіе въ VIII вѣкѣ. (Записки историко-филол. фак. имп. с. петерб. унив. ч. LIX.) С. Петербургъ 1901.

происходившаго не за очень долго до собора 754 года между старцемъ Георгіемъ и нѣкимъ иконоборцемъ-епископомъ Косьмой. Этимъ обуславливается и самое содержаніе памятника: Георгій не развиваетъ здѣсь, подобно предшествующимъ, цѣлой системы разнообразныхъ доказательствъ въ пользу иконопочитанія, а лишь отвѣчаетъ на аргументы иконоборца Косьмы. Эти послѣдніе представляютъ изъ себя, столь обычныя, особенно для иконоборчества ранняго періода, обвиненія православныхъ въ идолопоклонствѣ. Весь споръ, такимъ образомъ, вращается всецѣло вокругъ этого одного пункта, и всѣ усилія старца Георгія направлены на то, чтобы разсѣять иконоборческія обвиненія въ идолопоклонствѣ и доказать ихъ неосновательность. Тѣмъ болѣе характерно, что Георгій все-таки выдвигаетъ разъ, — и притомъ въ самомъ началѣ диспута, — мысль о связи вопроса объ иконахъ съ догматомъ искупленія;[1] но такъ какъ Косьма на это никакъ не реагируетъ и вмѣсто отвѣта продолжаетъ твердить свои прежнія обвиненія, ссылаясь на тексты Ветхаго Завѣта, разговоръ къ этому больше не возвращается.[2] Но для насъ важно, что интересующая насъ

---

¹) Цит. соч. стр. X (по рукописи листъ 146 b.). Эта мысль высказана и еще разъ, въ I части „Наставленій" Георгія, (цит. соч. стр. V); но, какъ справедливо указываетъ Б. М. Меліоранскій, I часть присоединена къ этому памятнику лишь впослѣдствіи и притомъ позднѣе собора 754 года; поэтому мы, согласно заданію нашей статьи, оставляемъ ее въ сторонѣ, и обращаемъ вниманіе исключительно на II и III части памятника, написанныя ранѣе этого собора.

²) Этотъ примѣръ доказываетъ даже, что ко времени, непосредственно предшествующему созыву собора въ 754, стремленіе соединять вопросъ объ иконахъ съ христологической догматикой въ станѣ православныхъ было болѣе распространено чѣмъ въ станѣ ихъ противниковъ; во всякомъ случаѣ, такое стремленіе Георгію Кипрянину болѣе свойственно чѣмъ его оппоненту. Далѣе извѣстно, что „іересіархъ" Константинъ Наколійскій въ своемъ разговорѣ съ патріархомъ Германомъ ограничился тѣмъ, что указывалъ, какъ на доказательство противъ иконъ, на вторую заповѣдь Моисееву; тогда какъ Германъ въ отвѣтъ на это развилъ цѣлую систему доказательствъ въ пользу иконъ, нарочито останавливаясь при этомъ на вопросахъ христологическаго порядка (Посланіе Германа къ Іоанну синадскому). Не видно и изъ историческихъ источниковъ, чтобы въ первый періодъ борьбы иконоборцы обвиняли иконопочитателей въ чемъ-либо кромѣ идолопоклонства. Такимъ образомъ, больше уже основаній несомнѣнно имѣло бы утвержденіе, что христологическія разсужденія иконоборческаго собора явились лишь вынужденнымъ отвѣтомъ на доводы православной партіи, а никакъ не наоборотъ; во всякомъ случаѣ такое утвержденіе не противорѣчило бы такъ явно всѣмъ историческимъ даннымъ, какъ противорѣчитъ имъ, — мы это видѣли, — такъ часто встрѣчающееся обратное утвержденіе. Но мы лично не склонны были бы принять и такой точки зрѣнія (хотя для опроверженія ея столь безспорныхъ аргументовъ, какіе мы привели для опроверженія противоположной точки зрѣнія, не имѣемъ); намъ кажется, что и для иконоборчества догматическія воззрѣнія этой партіи слѣдуетъ считать основоположными, и что къ объясненію сути борьбы противъ иконопочитанія надо приступать именно путемъ раскрытія догматическихъ корней этой ереси. Раскрыть же эти корни, мы полагаемъ, должно скорѣе всего удасться черезъ сопоставленіе всѣхъ извѣстныхъ проявленій иконоборческаго заблужденія и черезъ оцѣнку ихъ догматическихъ основаній, — мы разумѣемъ, какъ отрицаніе иконъ, такъ и отрицательное отношеніе наиболѣе радикальныхъ иконоборцевъ къ культу Богородицы, святыхъ и почитанію мощей, а также взглядъ иконоборцевъ на евхаристію, какъ на образъ Христа (Послѣднее въ догматическомъ отношеніи чрезвычайно важно, но оставлено наукой совершенно безъ вниманія!). Обнаруженіе исходной догматической точки всѣхъ этихъ заблужденій съ одной стороны, и выясненіе степени вліяній, которымъ подвергалась иконоборческая партія со стороны восточныхъ культуръ, и настоящаго характера ея отношеній къ другимъ еретическимъ ученіямъ и теченіямъ съ другой стороны, дастъ, быть можетъ, разгадку сути этого движенія, до сихъ поръ еще не разгаданнаго, и позволитъ, можетъ быть, включить иконоборческую ересь въ цѣпь христологическихъ ересей, въ качествѣ ея послѣдняго и заключительнаго звена.

мысль была высказана Георгіемъ, и весьма примѣчательна форма, въ которую она у него облечена: „Тотъ, кто мыслитъ, какъ ты", говоритъ старецъ Косьмѣ, „кощунствуетъ противъ Христа, Сына Божьяго и не исповѣдуетъ совершеннаго Имъ во плоти домостроительства" — „καὶ οὐχ ὁμολογεῖ τὴν ἔνσαρκον οἰκονομίαν".

Это именно та формулировка, столь излюбленная въ полемикѣ иконопочитателей болѣе поздняго времени, которую не находили въ православной литературѣ ученые, утверждавшіе, что до иконоборческаго собора 754 года вопросъ объ иконахъ не былъ поставляемъ въ связь съ догматомъ искупленія. Такимъ образомъ, достаточно просто указать на приведенное мѣсто изъ „Нуѳесіи" Георгія Кипрянина, чтобы доказать ошибочность этого мнѣнія. Но, не удовлетворяясь этимъ, мы старались показать, что споръ объ иконахъ съ самаго момента его возникновенія, — и даже еще въ предшествующемъ столѣтіи (Іоаннъ Ѳессалоникійскій), — получилъ въ станѣ православныхъ ярко догматическую окраску, съ первыхъ же шаговъ былъ поставленъ въ связь съ христологической догматикой и въ зависимость отъ нея. Думаемъ, что приведенныя нами выше свидѣтельства достаточно краснорѣчиво говорятъ въ пользу нашего положенія. Мы не отрицаемъ того, что разсматриваемая нами мысль, въ болѣе позднее время приводилась еще чаще, чѣмъ въ изучаемый здѣсь періодъ: мыслью этой, самой плодотворной и изначально основоположной, пользовались чѣмъ дальше, тѣмъ больше, — и это вполнѣ естественно; не отрицаемъ мы и того, что мысль эта постепенно пріобрѣтала нѣсколько иную формулировку: по мѣрѣ усиленія борьбы страсти разгорались и обвиненія получали бóльшую полемическую заостренность, — и это тоже вполнѣ естественно. Исходное положеніе, согласно которому, описуемость Христа на иконахъ вытекаетъ изъ непризрачнаго Его воплощенія, подтверждая истинность Его „домостроительства" во плоти и вмѣстѣ обличая невѣрующихъ въ это таинство, — постепенно, съ возрастающей ожесточенностью борьбы, перешло въ обвиненіе, согласно которому утвержденіе неописуемости Христа является отрицаніемъ истинности Его вочеловѣченія, а слѣдовательно и ниспроверженіемъ Его „домостроительства". Проводить демаркаціонную линію между этими положеніемъ и обвиненіемъ невозможно, — ясно, что это одна и та же мысль, лишь по формѣ различно высказанная. Но дѣло вѣдь не въ формѣ, всецѣло зависящей отъ внѣшнихъ обстоятельствъ, — и руководствоваться здѣсь какими бы то ни было внѣшне-формальными признаками, намъ представляется совершенно ошибочнымъ. Дѣло вовсе и не въ томъ даже, приведено ли въ этой связи слово „домостроительство" — „οἰκονομία", а лишь въ существѣ самой мысли. И только, всматриваясь въ существо и догматическую значительность мысли, мы можемъ установить, поставленъ ли тѣмъ или другимъ авторомъ вопросъ объ иконахъ въ связь съ христологической догматикой или нѣтъ. (А только это и важно.) Слово же домостроительство, напротивъ, само по себѣ еще этого вопроса отнюдь не разрѣшаетъ. Ибо обвиненія въ ниспроверженіи домостроительства Христова выдвигались православными противъ иконоборцевъ по разнымъ причинамъ: съ одной стороны, дѣйствительно, потому что изображенія Христа въ православномъ сознаніи обуславливались вѣрой въ истинность Его воплощенія; съ другой же стороны и потому, напримѣръ, что иконоборцы говорили, будто отъ идолослуженія освободилъ міръ не одинъ Христосъ, а еще и императоръ Левъ III или вообще „кто-то другой", и тѣмъ какъ

бы умаляли подвигъ Христовъ. Ясно, что въ послѣднемъ случаѣ догматически-христологическій моментъ отсутствуетъ. Въ сочиненіяхъ же Германа и Дамаскина, какъ явствуетъ изъ приведенныхъ выше свидѣтельствъ, онъ несомнѣнно налицо и, несмотря на нѣсколько иную формулировку, играетъ первенствующую роль.[1]

Изслѣдованія Меліоранскаго показали, что извѣстная „Oratio adversus Constantinum Caballinum",[2] которую прежде приписывали Іоанну Дамаскину, скомпилирована изъ подлинныхъ рѣчей Іоанна Дамаскина и „Нуѳесіи" Георгія Кипрянина, скомпилирована изъ нихъ или непосредственно, или при посредствѣ сочиненій Іоанна Іерусалимлянина.[3] „Рѣчь противъ Константина Кабаллина" и сочиненія Іоанна Іерусалимлянина составлены были, какъ доказалъ тотъ же ученый, незадолго до VII Вселенскаго Собора и въ значительной степени послужили догматической основой для разсужденій и опредѣленій Собора; оправданіе иконъ догматомъ истиннаго воплощенія и обвиненія иконоборцевъ въ ниспроверженіи этого догмата играютъ въ этихъ сочиненіяхъ, такъ же какъ на самомъ Соборѣ, центральную, доминирующую роль. Почему же, спрашивается, положили Іоаннъ Іерусалимлянинъ и авторъ „Рѣчи противъ Константина Кабалина"[4] въ основу своихъ сочиненій посланія Дамаскина и наставленіе Кипрянина? Потому, очевидно, что видѣли, что все самое существенное въ нихъ уже сказано и основныя мысли уже намѣчены; вливать молодое вино въ ветхіе мѣхи они, конечно, бы не стали. Это включеніе позднѣйшими авто-

---

[1]) Необходимо еще отмѣтить, что постановленія иконоборческаго собора 754 года непрестанно полемизируютъ противъ доказательствъ православныхъ, что св. иконы слѣдуетъ творить вслѣдствіе вочеловѣченія Сына Божьяго. Это также подтверждаетъ конечно, — если вообще нужны еще послѣ всего вышесказаннаго этому подтвержденія, — что такія доказательства были и до 754 г. распространены въ средѣ иконопочитателей (ср. напр. Mansi XIII, 337. [Дѣянія, стр. 267]: „Кто неописуемое существо Бога Слова и ѵпостась Его старается, вслѣдствіе воплощенія Его, описывать на иконахъ человѣкообразно посредствомъ вещественныхъ красокъ, и болѣе уже не мыслитъ какъ богословъ, что онъ и по воплощеніи тѣмъ не менѣе неописуемъ, — анаѳема").

[2]) Migne 95 col. 309—344.

[3]) Изъ сочиненій Іоанна Іерусалимлянина напечатанъ лишь его „Διαλόγος στηλευτικός" (Migne 96, col. 1347—1362 и Migne 109, col. 501—516). Другое же его сочиненіе, повидимому, гораздо болѣе интересное и значительное, еще нигдѣ не напечатано. Извѣстны три его редакціи. Двѣ изъ нихъ были знакомы уже Комбефису и Лекіену (въ рукописяхъ Regius 2428, теперь Bibliothèque Nationale, fonds ancien 900, и Regius 2951, теперь 1115) и считались ими за редакціи „Oratio adversus Constantinum Caballinum". Но Меліоранскій доказываетъ вполнѣ убѣдительно, что эти сочиненія принадлежатъ Іоанну Іерусалимлянину, являясь двумя редакціями его посланія, составленнаго имъ изъ рѣчей Дамаскина и наставленій Георгія Кипрянина. Третью редакцію посланія Іоанна Іерусалимлянина Меліоранскій нашелъ въ Московской Синодальной Библютекѣ (ркп. 197, лл. 192 в — 199 и ркп. 201, лл. 131 и слѣд.). По мнѣнію Меліоранскаго, основанному на данныхъ Комбефисомъ и Лекіеномъ свѣдѣніяхъ, эта редакція очень близка къ редакціямъ парижскихъ рукописей, особенно къ Regius 2428, съ которой быть можетъ даже совпадаетъ.

[4]) Мелюранскій (цит. соч. стр. 99) не считаетъ возможнымъ приписать „Oratio adv. Const. Cab." Іоанну Іерусалимскому, хотя вслѣдствіе ея большой схожести съ сочиненіями Іоанна это на первый взглядъ можетъ казаться вѣроятнымъ. (Мы указывали, что Комбефисъ и Лекіенъ считали сочиненія Іоанна Іерусалимлянина лишь редакціями „Oratio adv. Const. Cab.") Къ сожалѣнію, Меліоранскій своей точки зрѣнія не мотивируетъ. Намъ тоже кажется, что „Oratio adv. Const. Cab." не могла быть написана Іоанномъ Іерусалимляниномъ, такъ какъ въ ней встрѣчается слѣдующая фраза (Migne 95, col. 323 A.): „И ты если не хочешь почитать ихъ (иконы), никто тебя не заставляетъ; но по крайней мѣрѣ не безчесть ихъ и не называй ихъ идолами..."

рами въ свои произведенія мыслей и аргументовъ апологетовъ предшествующаго поколѣнія ясно показываетъ непрерывность и единство линіи въ православной литературѣ эпохи иконоборчества. Такую линію мы получаемъ: отъ учителей церкви конца VII вѣка (Трулльскій соборъ и Іоаннъ Θессалоникійскій)[1] къ Герману,[2] отъ Германа и Іоанна Дамаскина къ Григорію II,[3] и далѣе къ Георгію Кипрянину, который несомнѣнно былъ знакомъ съ произведеніями всѣхъ этихъ авторовъ;[4] отъ Дамаскина и Кипрянина къ Іоанну Іерусалимлянину и автору „Рѣчи противъ Константина Кабаллина"; отсюда къ VII Вселенскому Собору, и далѣе къ Θеодору Студиту и патріарху Никифору.

И черезъ всю эту цѣпь православной апологетики красной и связующей нитью проходитъ мысль, что иконами подтверждается истинность воплощенія Христова и обличается невѣріе въ истинность этого таинства. Повторяемъ еще разъ: попытка низведенія этой основоположной для всей православной литературы объ иконопочитаніи мысли до положенія вынужденнаго, полемическаго контръ-аргумента, опрокидывается какъ историческими данными, такъ и философско-богословской эксегезой сочиненій православныхъ апологетовъ.

Большое вниманіе при анализѣ богословской сути спора объ иконахъ удѣляли уже этой мысли Гарнакъ[5] и особенно Шварцлозе.[6] Послѣдній справедливо утверждалъ, что православные, отстаивая иконопочитаніе, боролись въ сущности за догматъ искупленія. Но бѣда въ томъ, что, благодаря нѣкоторымъ весьма существеннымъ недочетамъ работы Шварцлозе, возведенное имъ зданіе ока-

---

Такая удивительная уступка иконоборцамъ совершенно не вяжется съ личностью синкелла Іоанна, посколько о ней можно судить по актамъ VII Всел. Собора. Окончательное же сужденіе по этому вопросу можно будетъ составить только при изученіи рукописныхъ сочиненій Іоанна Іерусалимлянина, намъ въ настоящее время недоступныхъ. Отмѣтимъ кстати, что мы отнюдь несогласны съ мнѣніемъ Меліоранскаго (цит. соч. стр. 99), будто роль синкелла Іоанна на соборѣ была „невидная". Напротивъ, представитель антіохійскаго патріарха, синкеллъ Іоаннъ, изъ всѣхъ участниковъ собора самая яркая и значительная, на ряду съ патріархомъ Тарасіемъ, фигура; въ частности такъ опредѣленно и упорно, какъ синкеллъ Іоаннъ, ни одинъ другой членъ собора не настаивалъ на томъ, что иконоборчество ниспровергаетъ догматъ искупленія.

¹) Іоаннъ, архіепископъ Θессалоникійскій, былъ участникомъ и представителемъ папскаго престола на VI Вселенскомъ Соборѣ (680 г.). — Ср. Mansi XI, 640, 669, 688. У болѣе раннихъ авторовъ мы не находимъ оправданій иконъ догматомъ воплощенія, не находимъ ихъ даже еще въ полемикѣ и защитѣ св. иконъ противъ іудеевъ у Леонтія, епископа Неаполя кипрскаго (ум. вскорѣ послѣ 642 г.). Къ догматическому обоснованію иконопочитанія православная церковь приступила лишь послѣ того, какъ въ борьбѣ съ христологическими ересями, ею было окончательно вырабатано и установлено догматическое ученіе о Христѣ. Въ извѣстныхъ, приписываемыхъ св. Епифанію иконоборческихъ сочиненіяхъ мы встрѣчаемся съ полемикой противъ оправданія православными изображеній Христа черезъ догматъ воплощенія. Но въ противоположность Holl'у, который издалъ эти три сочиненія и старался доказать, что они написаны св. Епифаніемъ (Karl Holl. „Die Schriften des Epiphanius gegen die Bilderverehrung". Sitzungsberichte der königl. preuss. Akademie der Wissensch. XXXV. 1916. S. 828—868), мы считаемъ одно изъ нихъ совершенно подложнымъ, а два другихъ сильно интерполированными. Притомъ поддѣлка произведена, по нашему мнѣнію, послѣ собора 754 года, такъ что для настоящей статьи мы не могли воспользоваться этими произведеніями.

²) См. выше стр. 38—39.

³) Зависимость псевдо-Григорія отъ Дамаскина доказалъ Schwarzlose цит. соч. 120 и слѣд.

⁴) Меліоранскій цит. соч. стр. 18.

⁵) Harnack. Lehrbuch der Dogmengeschichte.³ Freiburg 1894. S. 450 ff.

⁶) Schwarzlose. Der Bilderstreit. Ein Kampf der griechischen Kirche um ihre Eigenart und ihre Freiheit, Gotha 1890.

залось построеннымъ на пескѣ. Тоже нерѣдко руководствуясь при богословской эксегезѣ сочиненій иконопочитателей исключительно внѣшне-формальнымъ критеріемъ, Шварцлозе самъ придерживался того превратнаго мнѣнія, что указаніе на христологическія заблужденія иконоборчества въ православной литературѣ появились лишь послѣ собора 754 года.[1] Исходя именно изъ этого положенія, Андреевъ настаиваетъ на томъ, что приведенный взглядъ Шварцлозе ошибоченъ, и что видѣть въ защитѣ иконопочитанія борьбу за догматъ искупленія невозможно, коль скоро связь между этимъ догматомъ и иконопочитаніемъ была указана самими борцами за иконы лишь нѣсколько десятилѣтій послѣ начала борьбы.[2]

Нельзя не сказать, что при условіи, что правильна сдѣланная Андреевымъ предпосылка, выводъ его неоспоримо вѣренъ. Но послѣ приведеннаго нами выше длиннаго ряда свидѣтельствъ ошибочность этой предпосылки едва ли подлежитъ вообще вопросу. Такимъ образомъ, оспариваемый Андреевымъ взглядъ пріобрѣтаетъ новое, твердое основаніе, и тѣмъ расчищается путь къ правильному пониманію сути борьбы за иконы.

Георгій Острогорскій.

---

¹) Присутствіемъ такихъ указаній въ „Oratio adv. Const. Cab." Шварцлозе, между прочимъ доказывалъ, что этотъ памятникъ не могъ быть написанъ Іоанномъ Дамаскинымъ, который, какъ явствуетъ по мнѣнію Шварцлозе изъ примѣненной къ нему лжесоборомъ 754 года формулы (ἡ Τριὰς τοὺς τρεῖς καθεῖλε, т. е. Германа, Георгія и Іоанна) скончался еще до этого собора. „Oratio adv. Const. Cab.", дѣйствительно, не принадлежитъ Дамаскину, но доводы, къ которымъ прибѣгаетъ Шварцлозе для того, чтобы это доказать, являются сплошнымъ недоразумѣніемъ. Замѣтилъ это однако, насколько намъ извѣстно, только Б. М. Меліоранскій (цит. соч. 88 и слѣд.), указавшій, что приведенная формула собора 754 года отнюдь ничего не говоритъ о смерти лицъ, къ которымъ она относится. (Въ ту же ошибку, что Шварцлозе, впадаютъ и Ehrhard въ Krumbacher'ѣ, Geschichte der byzantinischen Literatur,² стр. 68 и Langen Johannes von Damaskus. Gotha 1879.)

²) Андреевъ, цит. соч. стр. 154—156.

ЧЕРТЫ ПАЛЕСТИНСКОЙ И ВОСТОЧНОЙ ИКОНОГРАФІИ ВЪ ВИЗАНТІЙСКОЙ ПСАЛТИРИ СЪ ИЛЛЮСТРАЦІЯМИ НА ПОЛЯХЪ ТИПА ХЛУДОВСКОЙ

Не подлежитъ сомнѣнію, что редакція византійской лицевой псалтири типа Хлудовской возникла въ Константинополѣ. За это говорятъ прежде всего миніатюры, направленныя противъ иконоборцевъ — представляющія событія, ареной которыхъ былъ Константинополь, и изображающія лицъ — церковныхъ дѣятелей этой эпохи, жившихъ въ Константинополѣ. Здѣсь въ псалтири мы находимъ изображенія и иконоборческаго собора при Львѣ армянинѣ, и главнаго дѣятеля православія — патріарха Никифора съ иконой Спасителя въ рукѣ, и представителей иконоборческой среды: на первомъ планѣ Іоанна грамматика, знаменитаго Яннія, противъ котораго преимущественно были обращены инвективы православной полемики. Значеніе миніатюръ съ такимъ содержаніемъ хорошо было выяснено еще въ статьѣ Н. П. Кондакова „Миніатюры греческой рукописи псалтири IX вѣка изъ собранія А. И. Хлудова въ Москвѣ" (Москва, 1878; статья эта несмотря на свою давность не утратила своего руководящаго значенія и до настоящаго времени). Въ научной литературѣ были сдѣланы попытки частнѣе опредѣлить мѣсто, откуда вышла эта редакція псалтири. Первый Н. П. Кондаковъ, учитывая большую роль въ защитѣ иконопочитанія, какая принадлежала Студійскому монастырю, и исходя изъ того факта, что псалтирь Британскаго Музея 1066 г., судя по записи, дѣйствительно написана для Студійскаго монастыря (по порученію игумена монастыря), высказалъ то предположеніе, что именно въ этомъ монастырѣ сложилась наша редакція. Это мнѣніе было принято учеными, останавливавшими свое вниманіе на нашей редакціи псалтири. У L. Bréhier, какъ въ его L'art chrétien (Paris, 1918, p. 126), такъ и въ L'art Byzantin (Paris, 1924, p. 58), мы находимъ прямое утвержденіе, что псалтирь нашей редакціи вышла изъ Студійскаго монастыря, тамъ была создана. Въ особой замѣткѣ мы стараемся указать на нѣкоторыя данныя, противорѣчащія такому утвержденію.[1] Прежде всего, обращаетъ на себя вниманіе то обстоятельство, что въ древнѣйшихъ кодексахъ нашей редакціи псалтири ни разу не изображенъ въ качествѣ защитника иконопочитанія Θеодоръ Студитъ, между тѣмъ какъ патріархъ Никифоръ изображается неоднократно (изображеніе Θеодора появляется только въ псалтири 1066 г., какъ упомянуто, написанной по заказу игумена Студійскаго монастыря): отсюда можно заключить, что наша редакція вовсе не студійскаго происхожденія. Далѣе, отсутствіе

[1]) Le psautier byzantin à illustrations marginales du type Chloudoff est-il de provenance monastique? Замѣтка назначена для сборника, издаваемаго въ честь акад. Θ. И. Успенскаго.

изображенія преподобныхъ въ древнѣйшихъ кодексахъ псалтири, повидимому, указываетъ вообще на не монастырское происхожденіе данной редакціи псалтири. Мало того, — тексты антифоновъ въ псалтири Хлудовской, въ псалтири Parisin. № 20 свидѣтельствуютъ о церковномъ употребленіи этихъ кодексовъ псалтири согласно уставу Великой Константинопольской церкви; точно также особенности состава библейскихъ пѣсней въ Хлудовской псалтири и псалтири Пантократорской, какъ кажется, должны быть отнесены насчетъ порядка устава Великой Константинопольской церкви. Получается такимъ образомъ тотъ выводъ, что нашу редакцію псалтири нельзя связывать съ монастырскимъ искусствомъ, какъ особой вѣтвью искусства византійскаго, противополагая въ данномъ случаѣ среду, въ которой возникла эта псалтирь, средѣ искусства оффиціальнаго, придворнаго, т. е. нельзя признать теоріи, высказываемой по данному вопросу L. Bréhier.

Можно сказать вообще, что наша редакція псалтири возникла на почвѣ Константинополя. Но если такъ, если учитывать еще указанную связь текстовъ древнѣйшихъ кодексовъ псалтири съ уставомъ Великой Константинопольской церкви, то представляется естественнымъ поставить вопросъ, не отражаетъ ли въ художественномъ и иконографическомъ отношеніи наша редакція псалтири памятниковъ искусства именно Константинополя. Къ такому заключенію пришелъ A. Heisenberg при анализѣ опубликованнаго имъ текста Месарита (описанія церкви Апостоловъ). По мнѣнію A. Heisenberg'a, источникомъ иконографіи псалтири нашей редакціи явились мозаики церкви Апостоловъ, какъ важнѣйшаго художественнаго памятника Константинополя. Само по себѣ a priori вѣроятное, это предположеніе (о связи иконографіи лицевой псалтири съ иконографіей, утвердившейся на Константинопольской почвѣ) въ дѣйствительности, однако, не можетъ быть доказано.[1] Тѣ аналогіи, какія приводятся A. Heisenberg-омъ, недостаточно твердыя и опредѣленныя. Единственно прочной, казалось бы, аналогіей является изображеніе учащихъ апостоловъ, но устанавливать отсюда взаимозависимость нашихъ памятниковъ едва-ли представляется возможнымъ. Въ отношеніи композиціи воскрешенія Лазаря извѣстную вѣроятность имѣетъ то заключеніе, что на мозаикѣ церкви Апостоловъ былъ представленъ адъ, выпускающій душу Лазаря, на подобіе гиганта-сатаны, удерживающаго душу на своей груди въ лицевой псалтири (въ остальныхъ деталяхъ композиціи церкви Апостоловъ и псалтири расходятся); возможно, однако, допускать, что указаніе Месарита, касающееся ада, продиктовано ему вовсе не самимъ мозаическимъ изображеніемъ, но текстомъ соотвѣтствующихъ церковныхъ пѣснопѣній. Но если бы даже было несомнѣнно, что на мозаикѣ находилось изображеніе ада, то сдѣлать выводъ о зависимости отъ него миніатюры псалтири все-таки было бы нельзя, такъ какъ изображенія гиганта-сатаны настолько характерны для псалтири, что естественно и данное изображеніе въ воскрешеніи Лазаря связывать съ общей группой изображеній сатаны, какъ типичнымъ для псалтири мотивомъ, а не считать его особымъ заимствованіемъ изъ мозаики церкви Апостоловъ. Что касается изображенія распятія при 45 псалмѣ, въ Хлудовской псалтири, принятаго A. Heisenberg'омъ за воспроизведеніе правой части мозаики

[1]) См. объ этомъ нашу статью — Remarques sur la date des mosaïques de l'église des Saints-Apôtres à Constantinople, décrites par Mésaritès. Статья назначена для помѣщенія въ Byzantion.

церкви Апостоловъ, то нужно сказать, что данная миніатюра совершенно индивидуальна по содержанію и представляетъ видѣніе Діонисія Ареопагита. По другимъ сюжетамъ также нельзя найти соотвѣтствія между мозаиками церкви Апостоловъ, какъ онѣ описываются Месаритомъ, и иллюстраціями псалтири. Мало того, миніатюры псалтири часто не находятъ для себя параллелей въ византійской иконографіи, стоятъ совсѣмъ особнякомъ. Въ виду этого представляется законнымъ другой подходъ къ нашему памятнику, предполагающій, что несмотря на то, что данная редакція возникла въ Константинополѣ въ эпоху, непосредственно примыкающую къ иконоборческой, основа для нея сложилась гораздо раньше и на Востокѣ. Съ такой точки зрѣнія затрагиваетъ вопросъ A. Baumstark въ его статьѣ Zur byzantinischen Odenillustration (Römische Quartalschrift 1907, S. 157 ff.). Разсматривая рядъ псалтирей, имѣющихъ иллюстраціи къ библейскимъ пѣснямъ, A. Baumstark различаетъ здѣсь двѣ группы иллюстрацій: одну — заимствованную изъ цикла иллюстрацій историческаго характера, прежде всего изъ цикла, обнимающаго событія изъ жизни Моисея, другую — дающую изображенія авторовъ библейскихъ пѣсней (среди послѣднихъ иллюстрацій A. Baumstark указываетъ доминирующій мотивъ „родительскаго счастья" (Elternglück): Анна съ Самуиломъ, Захарія съ Іоанномъ, Божья Матерь съ Іисусомъ). A. Baumstark склоненъ относить происхожденіе этихъ иллюстрацій насчетъ сирійскаго и восточнаго искусства, во всякомъ случаѣ, не связываетъ ихъ съ Византіей. Слѣдуетъ отмѣтить, что J. J. Tikkanen, въ своей работѣ объ иллюстраціяхъ къ псалтири (Die Psalterillustration im Mittelalter, Helsingfors, 1895) не ставившій этого вопроса о первоосновахъ для редакціи нашей псалтири, въ одной изъ позднѣйшихъ своихъ работъ „Zwei Gebärden mit dem Zeigefinger" (Helsingfors 1913, S. 16) выражаетъ убѣжденіе, что иллюстраціи византійскихъ псалтирей восходятъ къ древнимъ восточно-христіанскимъ образцамъ (александрійскимъ и сирійскимъ).

Больше всего для уясненія нашего вопроса сдѣлано G. Millet. Уже въ 1905 г., въ L'art byzantin, G. Millet ставилъ вопросъ о первоначальномъ ядрѣ, изъ котораго могла возникнуть псалтирь нашей редакціи (p. 227). Въ своихъ Remarques sur l'iconographie des peintures cappadociennes[1] G. Millet показалъ на двухъ примѣрахъ близость иконографіи псалтири нашей редакціи къ иконографіи сирійской и каппадокійской: именно въ изображеніи тайной Вечери (съ Іудой на правомъ концѣ сигмы) и въ изображеніи предательства Іуды (гдѣ Іуда подходитъ справа, іудеи держатъ въ рукахъ факелы и палки). Далѣе, въ своемъ капитальномъ трудѣ — Recherches sur l'iconographie de l'Evangile — G. Millet усматриваетъ эту традицію восточную еще въ слѣдующихъ изображеніяхъ псалтири: омовеніи ногъ, отреченіи Петра и распятіи. Подтверждая свои прежнія наблюденія надъ иконографіей псалтири, G. Millet такъ опредѣляетъ процессъ образованія наличнаго состава миніатюръ псалтири: по его словамъ, иллюстрація, слѣдуя эволюціи сирійской экзегезы, отыскивала въ псалмахъ прежде всего факты, какіе они содержатъ, затѣмъ намеки на Ветхій Завѣтъ и, наконецъ, на послѣднемъ мѣстѣ пророчества (p. 556). Такимъ образомъ, у G. Millet тезисъ о восточныхъ основахъ для иллюстрацій нашей редакціи псалтири получаетъ раскрытіе и опирается на вполнѣ конкретныя данныя. Эти заключенія G. Millet служатъ

[1]) Académie des Inscriptions et Belles-lettres. Comptes rendus des séances de l'année 1912.

точкой отправленія и для настоящаго очерка, имѣющаго своей задачей дополнительно указать въ иконографіи нашей редакціи псалтири слѣды именно восточныхъ вліяній; наблюденія автора основываются на изученіи древнѣйшаго кодекса псалтири нашей редакціи — греч. Хлудовской псалтири — нынѣ собранія Историческаго Музея въ Москвѣ.

Прежде всего слѣдуетъ отмѣтить ту особенность иконографіи псалтири нашей редакціи, что здѣсь значительное мѣсто отведено архитектурнымъ памятникамъ Палестины, ея священнымъ сооруженіямъ и вообще ея святынямъ.

Когда заходитъ рѣчь о палестинскихъ отраженіяхъ въ памятникахъ иконографіи, то, какъ классическій примѣръ, приводится композиція явленія ангела женамъ мироносицамъ въ ее сиро-палестинскомъ ритуальномъ типѣ, гдѣ изображается сооруженіе Константина на мѣстѣ гроба Господня. Этой композиціи, какъ это ни странно, въ псалтири нѣтъ. Художникъ вмѣсто ангела, благовѣствующаго у гроба, изображаетъ самого Христа, стоящаго у гроба или же поднимающагося съ ложа гроба. Иногда же художникъ довольствуется для указанія на воскресеніе Христа изображеніемъ Давида и башни гроба. Въ одномъ случаѣ изображеніе Давида, склоненнаго передъ зданіемъ гроба съ покрытыми хламидой руками (иллюстрація къ словамъ пс. 7, 7, л. 6 Хлудовской псалтири), сопровождаетъ надпись Δᾶδ προφητεύει εἰς τὸ ἅγιον μνῆμα, т. е. употребленъ терминъ для обозначенія гроба столь знакомый намъ по описанію Константиновскаго монумента Евсевіемъ Кесарійскимъ, также Кирилломъ Іерусалимскимъ. Въ двухъ случаяхъ читаемъ надпись Δᾶδ προφητεύει περὶ τῆς ἀναστάσεως,[1] причемъ — надобно думать — художникъ наименованіемъ ἀνάστασις желаетъ указать не только на событіе воскресенія, но и на самое зданіе гроба Господня, какъ носившее такое наименованіе; въ самомъ дѣлѣ, здѣсь одинъ разъ представленъ у гроба Давидъ одинъ безъ воскресшаго Христа (пс. 43, 24; Хлуд. псалт. л. 44); такимъ образомъ, мы имѣемъ дѣло съ явленіемъ аналогичнымъ изображенію зданія гроба Господня (тоже безъ евангельской сцены) на римской таблеткѣ (вѣроятно палестинскаго происхожденія) съ надписью ἀνάστασις (Garr. t. 480, 14). Всего зданіе гроба Господня представлено въ Хлудовской псалтири восемь разъ: это дѣйствительно большая цифра сравнительно съ общимъ числомъ — около 200 — миніатюръ псалтири. Миніатюристъ псалтири изобразилъ зданіе гроба даже въ сценѣ подкупа воиновъ, т. е. тамъ, гдѣ, собственно говоря, изображеніе гроба не представляется вполнѣ умѣстнымъ, такъ какъ сцена сговора между первосвященниками и воинами происходила, судя по евангельскому разсказу, уже внутри города (Мѳ. 28, 11). Насколько эти изображенія гроба Господня въ псалтири реально отвѣчаютъ палестинскимъ сооруженіямъ, можно, конечно, сомнѣваться, учитывая, что предъ нами памятникъ уже не ранній и возникшій на византійской почвѣ, что миніатюристъ могъ имѣть въ виду формы зданія уже постройки Модеста, и, наконецъ, что въ иконографіи такая форма зданія вообще встрѣчается нерѣдко и въ частности типична для гробничныхъ построекъ. Въ самомъ дѣлѣ, въ Ашбурнгэмскомъ пентатевхѣ точь-въ-точь такое сооруженіе представляетъ гробницу Іакова:[2] тѣ же ступеньки на базѣ, та же

[1]) Не останавливаемся подробно на всѣхъ этихъ изображеніяхъ гроба Господня въ виду того, что изображеніямъ воскресенія въ Хлудовской псалтири посвящена особая статья Е. О. Костецкой (статья не напечатана).

[2]) O. Gebhardt. The miniatures of the Ashburnham Pentateuch, pl. XIII. Библейскій разсказъ

коническая крыша и то же увѣнчаніе зданія главкой (въ видѣ шара или шишки). За относительный реализмъ нашихъ миніатюръ говоритъ, однако, то обстоятельство, что, когда миніатюристъ представляетъ Христа поднимающимся изъ гроба, онъ ясно изображаетъ внутренній киворій, а подъ нимъ ложе гроба, хотя даетъ базу для сооруженія такую же, какъ для всего зданія гроба (л. 9 об.; пс. 9, ст. 33). Во всякомъ случаѣ, это желаніе напомнить столь часто зданіе гроба Господня въ псалтири является характернымъ для разсматриваемаго памятника и даетъ возможность пріурочить возникновеніе указанныхъ иллюстрацій къ мѣстамъ, близкимъ къ святынямъ Палестины.

Кромѣ зданія гроба Господня, миніатюристъ изображаетъ изъ іерусалимскихъ зданій еще сооруженія Сіона. При пс. 50, ст. 20 „ублажи, Господи, благоволеніемъ твоимъ Сіона" представленъ въ Хлудовской псалтири Сіонъ на возвышеніи, къ которому ведетъ лѣстница; онъ окруженъ стѣнами; внутри стѣнъ изображено базиличное зданіе и башни. Едва-ли эти монументальныя сооруженія можно толковать какъ только домъ Б. Матери (мнѣніе Н. П. Кондакова). Не имѣлъ-ли въ виду художникъ здѣсь грандіозную базилику, существовавшую на Сіонѣ? Здѣсь, на этой миніатюрѣ, внизу Сіона, представлена еще царственная жена съ надписью ἁγία πόλις — изображеніе, можетъ быть, тоже показательное для этого устремленія мысли художника къ Палестинѣ, какъ къ святой землѣ, и къ Іерусалиму, какъ святому граду. Зданія Сіона фигурируютъ еще въ Хлудовской псалтири на л. 70 (пс. 77, ст. 68) съ изображеніемъ Б. Матери съ младенцемъ, также при изображеніи Воскресенія Христова (л. 100 об., пс. 101, 14). Особенно интересно изображеніе Сіона при пс. 86, 1 (л. 86 об.). Здѣсь зданія представлены аналогично иллюстраціи при пс. 50, но съ тою разницей, что на стѣнѣ виденъ прямоугольный образъ Б. Матери съ младенцемъ; передъ образомъ пророчествуетъ Давидъ (см. т. III, рис. 1). Художникъ ясно хотѣлъ представить на стѣнѣ икону Б. Матери, въ виду чего позволительна догадка, не разсматривалъ ли онъ эту икону, какъ своего рода палестинскую реликвію. На иконѣ дано прямоличное изображеніе Б. Матери съ младенцемъ; Б. Матерь кладетъ руку на плечо младенца, младенецъ изображенъ погрудно. Такой образъ Б. Матери данъ въ Хлудовской псалтири еще два раза, но не прямоугольный, а въ медальонѣ. Одинъ разъ мы его видимъ на вершинѣ Сіона, представленнаго уже не въ видѣ зданія, а въ видѣ горы. Это иллюстрація къ словамъ 67 пс., ст. 16—17 о горѣ Божіей, горѣ тучной, на которой Богъ благоволилъ поселиться.[1] Внизу съ лѣвой стороны изображенъ Даніилъ на ложѣ; надпись — „Даніилъ пророчествуетъ о горѣ великой", очевидно, имѣется въ виду библейскій разсказъ объ открытіи Даніилу во снѣ значенія сна Навуходоносора, видѣнія послѣднимъ истукана, какой былъ разбитъ камнемъ, оторвавшимся отъ горы, причемъ самъ камень сдѣлался великою горою и наполнилъ всю землю. Въ христіанскомъ истолкованіи камень это — Христосъ, гора, отъ которой оторвался камень, это — Божья Матерь. Здѣсь на миніатурѣ справа, у подножія горы, представленъ и этотъ камень съ надписью

говоритъ о погребеніи въ пещерѣ, но поскольку употребленъ терминъ „гробница" — monumentum (μνῆμα, — ср. Быт. 23, 20), миніатюристъ считалъ себя въ правѣ изобразить именно гробничное зданіе (надпись подъ миніатюрой: Iacob ubi sepellitur in monumento quod edificavit abrahā in spelunca duplici quod comparavit ab efron etteo).

[1]) Миніатюра воспроизведена у Н. П. Кондакова на табл. XI.

λίθος.[1] Вверху горы, какъ сказано, образъ Б. Матери указаннаго выше типа. Такой же образъ Б. Матери съ голубемъ надъ медальономъ (вверху десница, выходящая съ неба, съ снопомъ лучей) при 44 пс. (повидимому, къ словамъ: „изліяся благодать во устнахъ твоихъ, сего ради благослови тебя Богъ"). Среди византійскихъ изображеній Б. Матери настоящій типъ изображенія будетъ отвѣчать образу Никопеи, какъ онъ устанавливается по свинцовымъ печатямъ и какъ онъ представленъ, судя по гравюрнымъ воспроизведеніямъ, на образѣ въ соборѣ св. Марка въ Венеціи.[2] Быть можетъ, мніатюристъ, если только онъ воспроизводилъ византійскій образъ Никопеи, исходилъ здѣсь изъ мысли о палестинскомъ происхожденіи этого образа, но возможно также, что здѣсь предъ нами воспроизведеніе образа Б. Матери, чтившагося дѣйствительно въ Палестинѣ. Можно сослаться, въ подтвержденіе такой догадки, на то, что такое изображеніе Богоматери мы знаемъ на рядѣ крестовъ сирійскаго происхожденія.[3] Этотъ же образъ Богоматери мы находимъ въ криптѣ катакомбъ св. Валентина, роспись которой, какъ извѣстно, связывается съ именемъ папы Θеодора, сына іерусалимскаго епископа (средина VII-го в.). Папѣ Θеодору принадлежитъ, между прочимъ, мозаика въ церкви св. Стефана Круглаго (около 648 г.) съ изображеніемъ креста, украшеннаго драгоцѣнными камнями, и надъ нимъ бюста Спасителя, т. е. дающая композицію, извѣстную намъ по монцкимъ ампуламъ. Возможно, что специально сирійскія вліянія отразились и въ росписи названной крипты. При изображеніи здѣсь Б. Матери надпись Dei Genetrix, т. е. наименованіе Богоматери отвѣчаетъ греческому Θεοτόκος (вмѣсто обычнаго sancta Maria). Можно думать отсюда, что самый типъ образа стоитъ въ связи съ восточными изображеніями[4]).

Къ памятникамъ Палестины относится въ Хлудовской псалтири иллюстрація къ словамъ 131 пс., ст. 6: „мы слышали о немъ въ Ефраѳѣ". Въ связи съ этимъ стихомъ миніатюристъ могъ вспомнить слова пророчества Михея (Мих. 5, 2), „и ты Виѳлееме, доме Ефраѳовъ" и, поскольку это пророчество приводится въ евангельскомъ разсказѣ о рождествѣ Христовѣ, могъ естественно изобразить рождество Христово. Любопытно, что его вниманіе устремлено къ самой Виѳлеемской святынѣ. На миніатюрѣ (см. т. IV, рис. 1) дано изображеніе Давида, которое сопровождаетъ надпись: „Давидъ пророчествуетъ о святомъ Виѳлеемѣ", далѣе представлена базилика, увѣнчанная крестомъ, — ясно, что это Виѳлеемская базилика. Абсида показана сбоку (можетъ быть, это указаніе на трансептъ). На концѣ базилики, противоположномъ входу, виденъ или верхъ циркульнаго зданія, или, можетъ быть, художникъ имѣетъ въ виду представить куполъ. Опять-таки реальная точность изображенія весьма сомнительна; художникъ,

---

[1]) Въ прориси, бывшей въ распоряженіи Н. П. Кондакова, читалось λίμος, что заставляло Н. П. Кондакова искать уподобленій Б. Матери озеру или водному стану въ церковной поэзіи.

[2]) См. Н. П. Лихачевъ — Историческое значеніе итало-греческой иконописи, СПБ, 1911, стр. 64—80.

[3]) Сирійскихъ крестовъ съ указаннымъ изображеніемъ Богоматери касался Н. П. Лихачевъ въ докладѣ, читанномъ въ Р. Академіи Исторіи Матеріальной Культуры въ 1923 г.

[4]) Роспись этой крипты, въ настоящее время почти совсѣмъ разрушенная и извѣстная, главнымъ образомъ, по старымъ воспроизведеніямъ, можетъ быть сближаема съ мозаиками ораторія Іоанна VII, которыя тоже, вѣроятно, основаны на сирійскихъ оригиналахъ и которыя въ своей иконографіи (поскольку онѣ извѣстны опять-таки по старымъ рисункамъ) даютъ такъ много аналогій къ нашей псалтири.

видимо, воспроизводитъ шаблонныя архитектурныя формы. За базиликой на миніатюрѣ на переднемъ планѣ представленъ киворій и подъ нимъ не престолъ, но пустой ящикъ, очевидно — ясли, главная реликвія Виѳлеема, служившая также престоломъ (ср. у блаж. Іеронима — ad Sabinum lapsum: inter ostia quondam praesepis Domini, nunc altaris, — Migne, s. l., XXII, 1195). Сверху подпись — ефраѳа. Въ Пантократорской псалтири надъ этими яслями надпись, прямо обозначающая предметъ — φάτνη. Одного этого изображенія яслей въ псалтири, какъ главной святыни Виѳлеема, полагаемъ, достаточно, чтобы ставить вопросъ о связи нашего памятника именно съ палестинской почвой.

Возможно, что нѣкоторыя композиціи евангельскія, какъ онѣ представлены въ псалтири нашей редакціи, восходятъ къ палестинскимъ оригиналамъ. G. Millet высказано уже предположеніе, что изображеніе отреченія Петра (въ псалтири оно съ слѣдующими особенностями — пѣтухъ на землѣ,[1] а не на колонкѣ, Петръ въ одной туникѣ) воспроизводитъ композицію, украшавшую, по свидѣтельству анонима Алляція (Іоанна Фоки), пещеру подъ храмомъ у Геѳсиманіи, „въ которую Петръ послѣ своего отреченія удалился, гдѣ онъ сидѣлъ и плакалъ горько и гдѣ онъ былъ представленъ плачущимъ“ (εἰς ὅν καὶ πενθῶν ἱστορῆται ὁ ἀπόστολος).[2]

Насчетъ палестинской иконографіи, повидимому, нужно отнести и ту особенность въ изображеніи псалтири Сошествія св. Духа, что здѣсь апостолы представлены сидящими по горизонтали, а не полукругомъ, какъ обычно; единственная параллель для этого изображенія, какъ мы его видимъ въ Хлудовской псалтири,[3] это мозаика Гротта Ферраты (на тріумфальной аркѣ). Композиція сошествія св. Духа обычнаго типа (съ апостолами, сидящими полукругомъ и съ нишей между ними) по вѣроятной догадкѣ A. Heisenberg'а восходитъ къ къ купольному оригиналу.[4] Наше изображеніе будетъ отвѣчать монументальной композиціи, помѣщенной или на горизонтальной поверхности стѣны или же въ конхѣ абсиды. Дѣйствително, какъ обратилъ вниманіе A. Baumstark,[5] на основаніи свидѣтельства того же Іоанна Фоки,[6] можно предполагать, что „въ углубленіи алтаря“ въ сіонской церкви было помѣщено именно сошествіе св. Духа. Соображенія A. Heisenberg'а, высказанныя имъ въ Ikonographische Studien (München, 1922, S. 99), о томъ, что въ абсидѣ сіонской базилики была первоначально изображена тайная вечеря, тогда какъ въ locus coenae въ куполѣ ротонды было изображено сошествіе св. Духа, но что эти композиціи впослѣдствіи, такъ сказать, помѣнялись мѣстами, не представляются убѣдительными. Правда, разбирая свидѣтельство армянскаго паломника VII в. объ изображеніи „таинства вечери Господней“ въ куполѣ ротонды, A. Heisenberg съ полнымъ основаніемъ выражаетъ сомнѣніе, какимъ образомъ композиція тайной вечери могла первоначально появиться въ куполѣ, въ виду чего имъ и дѣлается заключеніе объ измѣненіи первоначальнаго порядка композицій. Но свидѣтельство армянскаго паломника — возможно — относится не къ изображенію тайной

---

[1]) Ближайшія аналогіи — Пермское блюдо, плита изъ имѣнія Воронова.
[2]) Правосл. палестинскій сборникъ, 23 вып., СПБ. 1889, стр. 15 и 45.
[3]) Л. 62 об. пс. 65. Воспроизведено въ прориси у Н. П. Кондакова на табл. VIII.
[4]) Apostelkirche, S. 204.
[5]) Il mosaico degli Apostoli nella chiesa abb. di Grottaferrata, Oriens christ. 4 (1904), S. 145.
[6]) O. c. стр. 12 и 42.

вечери, а къ изображенію причащенія апостоловъ, т. е. композиціи легко приспособляемой и къ помѣщенію въ куполъ. Во всякомъ случаѣ композицію сошествія св. Духа, если она была типа, представленнаго въ нашемъ памятникѣ, естественѣе всего отнести именно къ абсидѣ, а не къ куполу.

Можетъ быть высказана догадка и насчетъ палестинскаго происхожденія изображеній въ псалтири креста съ бюстомъ Христа въ перекрестьѣ, такъ какъ, казалось бы, есть нѣкоторая связь между этими изображеніями и типичными для Палестины изображеніями креста съ бюстомъ Христа надъ нимъ, извѣстными намъ прежде всего по монцкимъ ампуламъ. Впрочемъ, непосредственную зависимость здѣсь можно утверждать лишь предположительно.

Теперь цѣлый рядъ евангельскихъ изображеній, если не можетъ быть отнесенъ непосредственно насчетъ палестинской иконографіи (за отсутствіемъ данныхъ), то обнаруживаетъ, однако, черты, расходящіяся съ установившейся впослѣдствіи византійской иконографіей и отсылающія насъ къ Востоку. Здѣсь, прежде всего, слѣдуетъ сказать о композиціи тайной вечери, анализъ которой уже данъ въ трудѣ G. Millet. Мы остановимся нѣсколько подробнѣе на этомъ изображеніи въ Хлудовской псалтири, имѣя въ виду дополнить высказанное въ литературѣ нѣкоторыми своими личными наблюденіями.

Особенность того типа композиціи тайной вечери, какой данъ въ Хлудовской псалтири, заключается, во-первыхъ, въ мѣстѣ, усвоенномъ здѣсь за сигмой Іудѣ — крайнее справа (см. т. IV. рис. 2). Въ изслѣдованіи E. Dobbert'a (Das Abendmahl Christi in der bild. Kunst, Repert. f. Kunstwissenschaft, 1891, 1892) были приведены справки изъ Сирмонда и Лямбеція о значеніи и порядкѣ мѣстъ возлежанія за сигмой. Такъ какъ наиболѣе почетнымъ, послѣ мѣста хозяина (крайнее слѣва отъ зрителя) считалось крайнее справа, то въ отношеніи нашей композиціи могло возникать недоумѣніе, почему именно такое (почетное) мѣсто усвоено здѣсь Іудѣ, тогда какъ Петру, первому изъ апостоловъ, усвоено послѣднее по значенію мѣсто — за спиной хозяина. G. Millet указалъ, что художникъ въ данномъ случаѣ имѣлъ въ виду характеризовать наглость и безстыдство Іуды, который, какъ сказано у Іоанна Златоуста, возлежалъ на тайной вечери даже выше верховнаго апостола. Эта мысль Іоанна Златоуста, находившая для себя опору въ предшествующей литературѣ, вошла вообще въ церковное обращеніе. Какъ поздній ея отголосокъ, можемъ указать слѣдующее мѣсто изъ синаксаря, читаемаго на утрени Великаго четверга, Никифора Ксанфопула: „мнится же яко прежде всѣхъ Іуду умы Христосъ безстуднѣ предсѣдяща, послѣди же къ Петру приходитъ“.[1] Самочинное занятіе Іудой перваго мѣста предполагается и церковнымъ ритуаломъ омовенія ногъ. Такъ, по чину, изданному у Goar'a, настоятель монастыря начинаетъ омовеніе ногъ съ вратаря, представляющаго Іуду, и заканчиваетъ экономомъ или экклезіархомъ, представляющимъ Петра. Такой порядокъ омовенія ногъ указывается въ описаніи этого чина въ Московской Руси Павломъ Алеппскимъ,[2] прослѣживается по старымъ московскимъ чиновникамъ[3] и сохраняется еще донынѣ въ практикѣ

---

[1]) Еще у Аммонія Александрійскаго (III в.) считается вѣроятнымъ, что Христосъ началъ омовеніе ногъ именно съ Іуды. Fragm. in Io. c. 13, v. 4. Цитата указана Garrucci I, 385.

[2]) Путешествіе Антіох. патр. Макарія, переводъ Муркоса, Москва, 1896, III, 184; ср. у него же описаніе чина омовенія ногъ въ Молдавіи, I, 133; V, 118.

[3]) См. напр., рукописный чиновникъ Петерб. Дух. Академіи (описаніе рукописей А. Родос-

1. Давидъ передъ Сіономъ. Хлудовск. псалт. л. 86 об. (пс. 86, 1).

2. Христосъ и Закхей, блудница и кровоточивая жена. Хлуд. пс. л. 84 об. (пс. 84, 3).

3. Изведеніе Моисеемъ воды изъ скалы. Хлуд. пс. л. 76 (пс. 77, 20).

III

вечери, а къ изображенію причащенія апостоловъ, т. е. композиціи легко приспособляемой и къ помѣщенію въ куполъ. Во всякомъ случаѣ композицію сошествія св. Духа, если она была типа, представленнаго въ нашемъ памятникѣ, естественѣе всего отнести именно къ абсидѣ, а не къ куполу.

Можетъ быть высказана догадка и насчетъ палестинскаго происхожденія изображеній въ псалтири креста съ бюстомъ Христа въ перекрестьѣ, такъ какъ, казалось бы, есть нѣкоторая связь между этими изображеніями и типичными для Палестины изображеніями креста съ бюстомъ Христа надъ нимъ, извѣстными намъ прежде всего по монцкимъ ампуламъ. Впрочемъ, непосредственную зависимость здѣсь можно утверждать лишь предположительно.

Теперь цѣлый рядъ евангельскихъ изображеній, если не можетъ быть отнесенъ непосредственно насчетъ палестинской иконографіи (за отсутствіемъ данныхъ), то обнаруживаетъ, однако, черты, расходящіяся съ установившейся впослѣдствіи византійской иконографіей и отсылающія насъ къ Востоку. Здѣсь, прежде всего, слѣдуетъ сказать о композиціи тайной вечери, анализъ которой уже данъ въ трудѣ G. Millet. Мы остановимся нѣсколько подробнѣе на этомъ изображеніи въ Хлудовской псалтири, имѣя въ виду дополнить высказанное въ литературѣ нѣкоторыми своими личными наблюденіями.

Особенность того типа композиціи тайной вечери, какой данъ въ Хлудовской псалтири, заключается, во-первыхъ, въ мѣстѣ, усвоенномъ здѣсь за сигмой Іудѣ — крайнее справа (см. т. IV. рис. 2). Въ изслѣдованіи E. Dobbert'a (Das Abendmahl Christi in der bild. Kunst, Repert. f. Kunstwissenschaft, 1891, 1892) были приведены справки изъ Сирмонда и Лямбеція о значеніи и порядкѣ мѣстъ возлежанія за сигмой. Такъ какъ наиболѣе почетнымъ, послѣ мѣста хозяина (крайнее слѣва отъ зрителя) считалось крайнее справа, то въ отношеніи нашей композиціи могло возникать недоумѣніе, почему именно такое (почетное) мѣсто усвоено здѣсь Іудѣ, тогда какъ Петру, первому изъ апостоловъ, усвоено послѣднее по значенію мѣсто — за спиной хозяина. G. Millet указалъ, что художникъ въ данномъ случаѣ имѣлъ въ виду характеризовать наглость и безстыдство Іуды, который, какъ сказано у Іоанна Златоуста, возлежалъ на тайной вечери даже выше верховнаго апостола. Эта мысль Іоанна Златоуста, находившая для себя опору въ предшествующей литературѣ, вошла вообще въ церковное обращеніе. Какъ поздній ея отголосокъ, можемъ указать слѣдующее мѣсто изъ синаксаря, читаемаго на утрени Великаго четверга, Никифора Ксанфопула: „мнится же яко прежде всѣхъ Іуду умы Христосъ безстуднѣ предсѣдяща, послѣди же къ Петру приходитъ“.[1] Самочинное занятіе Іудой перваго мѣста предполагается и церковнымъ ритуаломъ омовенія ногъ. Такъ, по чину, изданному у Goar'a, настоятель монастыря начинаетъ омовеніе ногъ съ вратаря, представляющаго Іуду, и заканчиваетъ экономомъ или экклезіархомъ, представляющимъ Петра. Такой порядокъ омовенія ногъ указывается въ описаніи этого чина въ Московской Руси Павломъ Алеппскимъ,[2] прослѣживается по старымъ московскимъ чиновникамъ[3] и сохраняется еще донынѣ въ практикѣ

[1]) Еще у Аммонія Александрійскаго (III в.) считается вѣроятнымъ, что Христосъ началъ омовеніе ногъ именно съ Іуды. Fragm. in Io. c. 13, v. 4. Цитата указана Garrucci I, 385.

[2]) Путешествіе Антіох. патр. Макарія, переводъ Муркоса, Москва, 1896, III, 184; ср. у него же описаніе чина омовенія ногъ въ Молдавіи, I, 133; V, 118.

[3]) См. напр., рукописный чиновникъ Петерб. Дух. Академіи (описаніе рукописей А. Родос-

1. Давидъ передъ Сіономъ. Хлудовск. псалт. л. 86 об. (пс. 86, 1).

2. Христосъ и Закхей, блудница и кровоточивая жена. Хлуд. пс. л. 84 об. (пс. 84, 3).

3. Изведеніе Моисеемъ воды изъ скалы. Хлуд. пс. л. 76 (пс. 77, 20).

III

1. Давидъ пророчествуетъ о Виѳлеемѣ. Хлудовск. псалт. л. 131 об. (пс. 131, 6).

2. Тайная вечеря. Хлуд. пс. л. 40 об. (пс. 40, 10).

1. Причащеніе апостоловъ. Хлудовск. псалт. л. 115 (пс. 109, 4).

2. Казнь Маккавеевъ. Хлуд. пс. л. 79 (пс. 78).

Востока.[1] Эта мысль объ омовеніи ногъ первому Іудѣ въ иконографіи самого омовенія ногъ не нашла отраженія, такъ какъ центральнымъ моментомъ для послѣдней композиции является омовеніе ногъ Петра (изображается или его предварительный протестъ, или послѣдующее согласіе: „не только ноги, но и руки и голову"). Но въ композиціи тайной вечери, поскольку здѣсь существеннымъ моментомъ явилось обнаруженіе предателя, вниманіе художника могло быть привлечено къ мѣсту Іуды. На изображеніи тайной вечери типа Хлудовской псалтири художникъ какъ разъ усвояетъ Іудѣ первое мѣсто среди апостоловъ, тогда какъ въ Византіи на крайнемъ мѣстѣ справа стали изображать Петра, какъ перваго изъ апостоловъ. Повидимому, эта же мысль о самочинномъ занятіи перваго мѣста Іудой на тайной вечери сказалась въ Хлудовской псалтири и въ другой композиции — пріобщенія апостоловъ (л. 115, пс. 109, 4: „Ты еси іерей во вѣкъ по чину Мелхиседекову"). Въ этой композиціи Христосъ не дублированъ; съ одной стороны онъ пріобщаетъ хлѣбомъ ап. Петра, а съ другой стороны апостолъ съ чертами Іуды (безбородый) самъ пьетъ изъ чаши (см. т. V, рис. 1). Не есть ли это на самомъ дѣлѣ Іуда? Въ византійскомъ искусствѣ съ этой стороны изображается ап. Павелъ, т. е. апостолъ не бывшій на тайной вечери; въ XIV в., когда наблюдается стремленіе придать композиціи историческій характеръ, когда исчезаютъ, напримѣръ, ангелы, въ число апостоловъ вводится Іуда; мало того, онъ подходитъ первымъ въ группѣ апостоловъ справа; такъ именно въ росписи Өеодора Стратилата и Волотовской въ Новгородѣ и въ Кральевой церкви въ Студеницѣ. Не произошло ли въ данномъ случаѣ въ XIV в. возстановленія иконографическаго мотива значительно болѣе ранней эпохи, въ существованіи котораго насъ удостовѣряетъ композиція Хлудовской псалтири? Здѣсь такимъ образомъ мы имѣли бы дѣло съ явленіемъ вообще типичнымъ для послѣдней эпохи византійскаго искусства, когда съ образованіемъ новаго художественнаго стиля возстанавливаются часто особенности и детали композицій архаическія и, казалось, уже совсѣмъ утраченныя. Въ качествѣ примѣра можно привести хотя бы композицію сошествія въ адъ (ἡ Ἀνάστασις), въ которой въ XIV в. наблюдаются особенности, присущія этой композиции въ ранній періодъ ея существованія и въ частности данныя въ Хлудовской псалтири (Христосъ въ ореолѣ, безъ креста, со свиткомъ, отсутствіе вратъ и пр.[2]

Другимъ существеннымъ отличіемъ композиции тайной вечери въ Хлудовской псалтири является мѣсто Іоанна, изображеннаго непосредственно предъ Христомъ. Такое положеніе Іоанна, какъ это выяснено въ научной литературѣ, отвѣчало исторической обстановкѣ тайной вечери, гдѣ Іоаннъ возлежалъ на лонѣ вѣрнѣе у груди Христа (Іо. 13, 23 — ἀνακείμενος ἐν τῷ κόλπῳ...; ст. 25

скаго, № 127). О немъ — Савва, Обрядъ омовенія ногъ въ Византіи и на Руси, сборникъ статей по славяновѣдѣнію, посвящ. М. С. Дринову, 79—82. Ср. также А. П, Голубцовъ, Чиновники Моск, Усп. Соб., М. 1908, 114. Первый разъ „Іуда не былъ представленъ въ Русской церкви въ 1682 году. А въ Іудино мѣсто никого не было: отставилъ Святѣйшій Іоакимъ патріархъ" (А. Голубцовъ XLIII—XLIV прим.).

[1]) C. S. Pétridès, Le lavement des pieds du Jeudi saint dans l'église greque, Echos d'Orient, III, 1899—1900, 321—326.

[2]) См. объ этомъ въ упомянутой статьѣ Е. О. Костецкой („Иконографія воскресенія въ греч. Хлудовской псалтири").

ἀναπεσὼν ἐπὶ τὸ στῆθος): при возлежаніи опирались лѣвой рукой о ложе, правая рука была свободна для принятія пищи; если Іоаннъ находился у груди, то значитъ онъ возлежалъ по правую сторону Христа, находясь передъ нимъ, такъ какъ, если бы онъ былъ за нимъ, то имѣлъ бы обращенную къ себѣ не грудь, не лоно, но спину. Нужно сказать, что вполнѣ опредѣленно Іоаннъ представленъ передъ Христомъ лишь въ Хлудовской псалтири. Въ позднѣйшихъ репликахъ псалтири нашей редакціи въ этомъ отношеніи не наблюдается полной ясности. Въ Британской псалтири XI в., судя по воспроизведенію у Tikkanen'a и Dobbert'a, полустершаяся фигура Іоанна оказывается какъ-то сзади Христа. Въ отношеніи къ Іудѣ здѣсь произошло смѣшеніе композицій двухъ типовъ: нашего и византійскаго. Согласно византійской схемѣ, художникъ помѣстилъ Іуду въ срединѣ, протягивающимъ руку къ блюду. Выдерживая схему, художникъ долженъ былъ бы на крайнемъ мѣстѣ справа помѣстить ап. Петра, между тѣмъ, въ псалтири, служившей оригиналомъ для художника, на этомъ мѣстѣ очевидно былъ юный Іуда; художникъ его и изобразилъ и далъ юную фигуру, но въ соотвѣтствіи съ византійскими источниками онъ ему усвоилъ нимбъ, какъ ап. Петру. Въ псалтири Барберинієвой XII в. Іоаннъ сзади Христа, Іуда — пятый справа. G. Millet справедливо, однако, не ограничиваетъ вліяніе композиціи типа Хлудовской однѣми репликами псалтири нашей редакціи; по его словамъ, художники Балликъ-Килиссе и парижскаго кодекса № 115 воспроизводили аналогичный образецъ, но опуская фигуру Іоанна (p. 293). Это опусканіе фигуры, указываемое G. Millet, нужно понимать не въ томъ только смыслѣ, что художникъ особо не отмѣчаетъ фигуры Іоанна (передъ Христомъ), но въ томъ, что онъ совсѣмъ ее опускаетъ, какъ непонятную для него, и благодаря этому даетъ неполное число апостоловъ. Дѣйствительно, на фрескѣ Балликъ-Килиссе, гдѣ Іуда занимаетъ крайнее мѣсто справа (есть надпись), ихъ только одиннадцать. Ясно, что недостаетъ фигуры Іоанна, какъ находившейся передъ Христомъ и оставшейся непонятной художнику фрески.

Мы лично склонны къ непонятой фигурѣ Іоанна оригинала возводить на нѣкоторыхъ изображеніяхъ тайной вечери и такъ называемую фигуру слуги. Вообще изображеніе слуги необычно для композиции тайной вечери. Можетъ быть, оно здѣсь является неумѣстнымъ, поскольку содержаніе композиции составляетъ μυστικὸς δεῖπνος. Правда, слуга, подносящій блюдо, представленъ на колоннѣ киворія собора св. Марка въ Венеціи, но это изображеніе еще совершенно эллинистическое по трактовкѣ и не можетъ быть отнесено къ числу историческихъ изображеній тайной вечери (здѣсь Христосъ юный, число трапезующихъ только трое). Слуга далѣе представленъ въ ев. парижскомъ № 74 на л. 156 въ иллюстраціи къ словамъ Христа на тайной вечери о страданіи.[1] На другихъ изображеніяхъ тайной вечери въ этомъ кодексѣ (всего пять) слуги нѣтъ. Прислуживающія лица за столомъ представлены въ этомъ евангеліи въ рядѣ другихъ евангельскихъ трапезъ (теща Петра — pl. 15, 61,[2] Марѳа — pl. 117 и 166, или просто слуги — pl. 82, 126). — Теперь на фрескѣ S. Bastianello in Pallara въ Римѣ за Христомъ на тайной вечери представлена фигура, которую

---

[1]) См. G. Millet, Evangile, p. 287, n. 2.

[2]) См. изданіе H. Omont-Evangiles avec peintures bysantines du XI siècle. T. I—II. Reproduction des 361 miniatures du ms. grec 74 de la Bibl. Nat.

G. Millet принимаетъ за фигуру служанки (р. 291). Фреска эта намъ извѣстна по акварельной копіи, стилистически несомѣнно не отвѣчающей своему оригиналу и, возможно допускающей нѣкоторыя иконографическія неточности; тѣмъ не менѣе, изображеніе на фрескѣ ясно интересующаго насъ типа. Іуда здѣсь крайній справа: та же, что въ Хлудовской псалтири, форма стола съ валикомъ и съ выемкой на этомъ валикѣ въ срединѣ передней стороны стола,[1] тотъ же, наконецъ, свѣтильникъ. Фигура, принимаемая за служанку, вплотную стоитъ за Христомъ, повидимому, одѣта въ хитонъ и иматій (т. е. необычно для слуги) и съ открытой головой.[2] Не является ли эта фигура аналогичной фигурѣ Іоанна сзади Христа, какъ ее представляютъ псалтири Лондонская и Барберинiева, иначе говоря, не имѣемъ ли мы дѣла съ фигурой Іоанна, не совсѣмъ понятной или для автора копіи или же для мастера самой фрески? Художественный образецъ могъ быть переданъ съ Востока въ эпоху около VIII в. и, возможно, былъ закрѣпленъ на мозаикѣ ораторія Іоанна VII извѣстной намъ по рисунку Grimaldi. G. Millet считаетъ несомнѣннымъ, что на мозаикѣ воспроизведенъ былъ именно восточный типъ композиціи тайной вечери съ Іудой на правомъ концѣ стола (р. 290). Къ этому заключенію мы можемъ присоединиться, не только исходя изъ того наблюденія, что иконографія утраченныхъ мозаикъ ораторія Іоанна VII весьма близка къ иконографіи псалтири нашей редакціи,[3] но имѣя въ виду наличіе несомнѣнныхъ признаковъ композиціи тайной вечери типа Хлудовской на рисункѣ Гримальди. Послѣдній рисунокъ, давая скорѣе намекъ на изображеніе, воспроизводитъ, однако, сигму и, повидимому, той же формы, что въ Хлудовской псалтири, а главное удерживаетъ тотъ же самый свѣтильникъ,[4] характерный вообще для изображеній тайной вечери по типу близкихъ къ псалтири. Свѣтильникъ этотъ, кромѣ упомянутой фрески S. Bastianello in Pallara, данъ на фрескѣ въ Балликъ-Килиссе (гдѣ 11 апостоловъ), на миніатюрѣ ев. Parisin. № 115; два свѣтильника въ евангеліи Petrop. 21.[5]

Въ связи съ вопросомъ о возможности изображенія слуги въ композиціи тайной вечери слѣдуетъ коснуться и мозаики въ церкви Апполинарія Новаго въ Равеннѣ. Долгое время изслѣдователи считали въ представленной группѣ апостоловъ всего одиннадцать человѣкъ, и отсюда дѣлали выводъ, что опущенъ Іуда, какъ оставившій вечерю и не участвовавшій въ пріобщеніи апостоловъ.[6]

---

[1]) См. о формѣ этихъ столовъ — Strzygowski, Der sigmaförmige Tisch und der älteste Typus des Refectoriums, Wörter und Sachen, 1909, 5, 70 ff.

[2]) О значеніи этой фигуры Dobbert не рѣшался высказаться опредѣленно, но предполагалъ, что она не случайна и имѣетъ для себя основу въ византійскомъ оригиналѣ.

[3]) Сходство наблюдается, напр., въ композиціи срѣтенія, сошествія въ адъ, распятія, воскрешенія Лазаря (погребальный эдикулъ, а не пещера) и пр. Связь иконографіи и мозаикъ ораторія Іоанна VII съ иконографіей псалтири нашей редакціи могла бы служить предметомъ особой штудіи.

[4]) Форма этого свѣтильника характерна, между прочимъ, для коптскихъ памятниковъ (см. напр. Dalton, Byzantine art and archaeology, fig. 396; такого же типа рядъ свѣтильниковъ въ коптскомъ собраніи Гос. Эрмитажа.

[5]) Любопытно, что свѣтильникъ фигурируетъ въ ритуалѣ омовенія ногъ, выдѣляющемъ на первое мѣсто Іуду. Такъ, въ описаніи чина Московской Руси Павломъ Алеппскимъ разсказывается, что для Іуды и Петра приготовляются особыя высокія сидѣнья. Первымъ выводится лицо, изображающее Іуду, и посаждается на высокое сѣдалище подлѣ подсвѣчника; съ него и начинается омовеніе.

[6]) Е. Рѣдинъ, Мозаики Равеннскихъ церквей, СПБ 1896, стр. 111.

Противъ такой возможности опущенія Іуды въ изображеніи тайной вечери, однако, слѣдуетъ возразить въ виду того, что въ этой композиціи основной моментъ — обнаруженіе предателя, такъ что изображеніе Іуды здѣсь необходимо.[1] J. Kurth первый опредѣлилъ крайнюю фигуру справа на Равеннской мозаикѣ, какъ фигуру Іуды, сопоставивъ ее съ изображеніемъ Іуды въ сценѣ лобзанія и возвращенія сребренниковъ.[2] Такъ какъ за Христомъ на мозаикѣ помѣщенъ ап. Петръ, то уже одно это обстоятельство заставляетъ искать фигуру Іуды съ праваго конца (т. е. согласно расположенію фигуръ на композиціи разбираемаго типа). Kurth также первый отмѣтилъ, что на мозаикѣ представлено не 11, а 12 апостоловъ. Фотографія Ricci[3] дѣйствительно ясно позволяетъ различить 12 головъ апостоловъ, но голова апостола за апостоломъ Петромъ производитъ впечатлѣніе втиснутой или вставленной. На это обстоятельство обратили вниманіе M. van Berchem и E. Clousot (Mosaïques chrétiennes du IV au X siècle, Genève, 1924, p. 132), высказавшіе предположеніе, что эта голова вставлена впослѣдствіи, чтобы восполнить число апостоловъ. Если, какъ вѣроятно, первоначально было представлено 11 апостоловъ, то, поскольку Іоаннъ не отмѣченъ на мозаикѣ, недоставало именно его. И вотъ здѣсь слѣдуетъ вспомнить о фигурѣ слуги, представленной на рисункѣ съ данной мозаики 1842 г. (у Kurth'а эти рисунки 1842 г. фигурируютъ подъ именемъ Ravennatische Federzeichnungen). Здѣсь, налѣво отъ Христа, немного позади его, юная фигура, одѣтая въ хитонъ и иматій, съ кувшиномъ въ рукѣ. Костюмъ этой фигуры опять-таки не подходящій для слуги, который долженъ былъ бы быть одѣтъ въ рабочую тунику. Не былъ ли здѣсь изображенъ Іоаннъ, принятый затѣмъ рисовальщикомъ 1842 г. за слугу? Возможно и такъ, что ко времени 1842 г. мозаика была уже частично реставрирована или передѣлана въ томъ, что касается фигуры Іоанна. Конечно, эти соображенія представляются гадательными, но естественность ихъ едва-ли можно отрицать, если учитывать особенности разбираемаго типа композицій тайной вечери.

Изображеніе тайной вечери въ Хлудовской псалтири — это одинъ изъ яркихъ примѣровъ восточной иконографіи въ иллюстраціяхъ псалтири нашей редакціи, вообще болѣе или менѣе ее отражающей. Коснемся изображенія нѣкоторыхъ другихъ евангельскихъ сюжетовъ въ нашемъ памятникѣ.

Въ композиціи распятія въ псалтири нашей редакціи G. Millet указано, какъ на черту восточной иконографіи, на жестъ Богоматери, подобно Іоанну держащей въ знакъ скорби (правую) руку у щеки (въ лѣвой рукѣ у нея платокъ). Въ Хлудовской псалтири распятіе съ такой особенностью дано какъ иллюстрація къ словамъ пс. 73, 12 — „Содѣла спасеніе посреди земли".[4] Въ памятни-

---

[1]) Слѣдуетъ отмѣтить, что древне-отеческая литература настаивала на томъ, что былъ пріобщенъ и Іуда, хотя и не во спасеніе себѣ, но на погибель. Такъ одинаково учили на Западѣ блаж. Августинъ (Tract. in Io. 26) и на Востокѣ — Іоаннъ Златоустъ (De proditione Iudae). На раннихъ изображеніяхъ евхаристіи можно предполагать и наличность Іуды. Въ евангеліи Раввулы, на которое дѣлается ссылка у Рѣдина, какъ на параллель для Равеннской мозаики, въ изображеніи числа причащаемыхъ апостоловъ фигура двѣнадцатаго апостола, вѣроятно, просто утрачена. См. Д. В. Айналовъ: Эллинистическія основы византійскаго искусства, СПБ 1901, стр. 71.

[2]) Die Mosaiken der christlichen Ära, I, S. 151.

[3]) N 115 (cp. Italia artistica, Ravenna, fig. 70).

[4]) Н. П. Кондаковъ видѣлъ здѣсь на Голгофѣ представленнымъ омфалосъ земли (о. с. стр. 15); въ дѣйствительности дана голова Адама.

кахъ византійскаго искусства Б. Матерь при распятіи держитъ лѣвую руку у груди, иногда поднимаетъ ее къ подбородку, тогда какъ правая ея рука протянута въ сторону креста. Въ другихъ особенностяхъ изображенія распятія въ псалтири нашей редакціи сказываются черты, характерныя для болѣе ранняго періода христіанскаго искусства (прямое положеніе тѣла Христа, несогнутыя руки, воинъ, прободающій копьемъ, и воинъ, подносящій губку, отсутствіе сотника, наконецъ, колобій Христа). Мы хотѣли бы отмѣтить еще одну деталь въ изображеніяхъ распятія въ псалтири, хотя мелкую, однако, служащую къ классификаціи памятниковъ — это форма верхней дощечки креста съ треугольниками по концамъ, — такъ называемое cartello ansato (изъ 4-хъ изображеній распятія въ Хлудовской псалтири въ трехъ случаяхъ). Это cartello ansato дано на монцкомъ образкѣ,[1] на монцкой ставротекѣ,[2] на иконѣ, написанной на реликваріи изъ Латеранскаго клада,[3] на рядѣ западныхъ памятниковъ, начиная съ фрески катакомбъ Валентина (разумѣется, и въ ораторіи папы Іоанна VII). На византійскихъ памятникахъ оно встрѣчается только въ видѣ исключенія, и наличность его каждый разъ заставляетъ предполагать, что мастеръ пользовался какимъ-нибудь старымъ оригиналомъ.[4]

Заслуживаетъ особаго вниманія изображеніе евангельскихъ сценъ при словахъ пс. 84, 3 — (Хлуд. л. 84 об.): „Оставилъ еси беззаконія людей твоихъ, покрылъ еси вся грѣхи ихъ". Представленъ Закхей на деревѣ, Христосъ, обращенный головой въ сторону его, налѣво отъ Христа блудница (ἡ πόρνη) съ распущенными волосами, возливающая миро на ноги Христа, и кровоточивая жена, припадающая съ простертыми руками (ἡ αἱμοροοῦσα). Подпись — καὶ ἀφῆκεν τὰς ἀνομίας αὐτῶν (миніатюра воспроизведена въ прориси у Н. П. Кондакова на табл, IV, см. т. III, рис. 2). Сцены, представленныя здѣсь, имѣли мѣсто въ различное время при разныхъ обстоятельствахъ. Скомбинировалъ ли ихъ вмѣстѣ миніатюристъ въ виду иллюстрируемаго текста? Едва-ли это можно допустить, такъ какъ изъ указанныхъ евангельскихъ сценъ только съ одной былъ связанъ торжественный актъ отпущенія грѣховъ (Лук. 7, 48); Закхей, правда, названъ по своему прошлому грѣшнымъ человѣкомъ (Лук. 11, 7); гемороисса же въ евангельскомъ разсказѣ вовсе не трактуеся какъ грѣшница. Это объединеніе въ одной композиціи названныхъ сценъ, надобно думать, произошло не въ виду приведеннаго стиха объ отпущеніи грѣховъ, а явилось на болѣе раннихъ памятникахъ

---

[1]) Garr. 433, 4.

[2]) Garr. 433, 2.; также Kraus, R. Enz. Fig. 98; невѣрное воспроизведеніе у Н. В. Покровскаго — „Евангеліе въ памятникахъ иконографіи", рис. 165.

[3]) Lauer (pl. XIV) относитъ реликварій къ X в. (!), Н. П. Кондаковъ (Иконографія Богом. I, 218) къ VII в. Cartello ansato дано еще на эмалевомъ изображеніи на внутренней крышкѣ мѣднаго реликварія изъ того же Латеранскаго клада. Lauer (pl. XII) нѣсколько произвольно относитъ этотъ реликварій къ XII в. (въ дѣйствительности гораздо болѣе ранній).

[4]) Ср., напр., на парижскомъ триптихѣ (Schlumberger, Epopée byzantine I, 17), гдѣ мы находимъ совершенно прямое положеніе тѣла Христа и его рукъ и гдѣ Іоаннъ изображенъ съ книгой (мотивъ восточной иконографіи, въ византійскомъ искусствѣ встрѣчающійся лишь изрѣдка); или же на образкѣ изъ собранія Боткина, гдѣ Христосъ въ колобіи, и Іоаннъ держитъ книгу (Худож. сокровища Россіи II, стр. 56); cartello ansato и Іоаннъ съ книгой на чеканной иконѣ въ Шемокмеди (Н. П. Кондаковъ, Опись памятниковъ древности на нѣкоторыхъ храмахъ и монастыряхъ Грузіи, СПБ 1890, рис. 58); cartello ansato и колобій на Христѣ на многихъ сирійскихъ крестахъ.

и не на страницахъ псалтири. Ближайшую аналогію представляетъ изображеніе евангельскихъ сценъ въ такомъ именно ихъ порядкѣ на гностическомъ амулетѣ, изданномъ Д. В. Айналовымъ и Е. М. Придикомъ.[1] На лицевой сторонѣ этого амулета въ третьемъ ярусѣ изображеній въ центрѣ представленъ Христосъ, съ лѣвой стороны его жена, касающаяся края его одежды,[2] и справа жена, простирающая руки,[3] и дальше направо фигура Закхея на деревѣ. По сторонамъ отъ этой центральной группы помѣщены налѣво — исцѣленіе слѣпорожденнаго, исцѣленіе бѣсноватаго; направо — исцѣленіе разслабленнаго и, повидимому, исцѣленіе еще одного бѣсноватаго. Близкое къ амулету и къ Хлудовской псалтири сочетаніе сценъ мы находимъ на мозаикѣ ораторія Іоанна VII, хотя рисунокъ Гримальди, на которомъ приходится основываться, равно присоединенное имъ описаніе мозаики, ясно страдаютъ недоразумѣніями. Во всякомъ случаѣ, здѣсь было изображено miraculum coeci nati (ср. амулетъ), mulieris tangentis fimbrias (ср. амулетъ и псалтирь), Zacchaei in siccomoro (ср. амулетъ и псалтирь). Несомнѣнно, что представленъ былъ и бѣсноватый, принятый Гримальди за нищаго, связаннаго цѣпями (pauper compedibus vinctus). Неясно значеніе фигуры, о которой Гримальди пишетъ : Zacchaeus in siccomoro habens togatum (!) baiulum ante baiulantem sarcinam rotundam. Не была ли это жена съ сосудомъ для возливанія мира? — Въ этомъ сочетаніи евангельскихъ сценъ на мозаикѣ ораторія Іоанна VII мы имѣемъ еще одно доказательство общей иконографической близости этихъ мозаикъ къ памятникамъ Востока.[4]

Въ заключеніе нашего очерка[5] остановимся на одной детали въ миніатюрахъ

---

[1]) Д. В. Айналовъ — Эллинистическія основы визант. иск. стр. 192—197; Е. М. Придикъ — Гностическій амулетъ неизвѣстнаго происхожденія, Ж. М. Н. Пр. 1901, авг., стр. 91.

[2]) На нашемъ изображеніи (въ Хлуд. псалтири) гемороисса не касается края одежды Христа. Нельзя, однако, считать непремѣнной особенностью изображеній исцѣленія кровоточивой женщины касаніе одежды Христа, въ какомъ смыслѣ высказался въ послѣднее премя рядъ западныхъ ученыхъ по поводу изображенія Христа и колѣнопреклоненной жены на латеранскомъ саркофагѣ № 174 (A. Heisenberg, V. Schulz, G. Stuhlzanth, J. Wilpert). Евсевій Кесарійскій принималъ Панеадскую группу за исцѣленіе кровоточивой женщины, несмотря на то, что тамъ жена представлена была простирающей руки, молящей. Рядъ памятниковъ византійской миніатюры изображаетъ гемороиссу не касающейся края одежды Христа. Объ этомъ у насъ въ спеціальной замѣткѣ „Разборъ книги A. Heisenberg'a Ikonographische Studien".

[3]) Д. Б. Айналовъ по поводу жены, изображенной направо, пишетъ: „Эта жена можетъ представлять или одну изъ женъ мироносицъ, или Маѳу — сестру Лазаря, или, наконецъ, грѣшницу" (о. с. 195). Сопоставленіе со сценой въ псалтири даетъ основаніе толковать ее именно какъ грѣшницу (блудницу).

[4]) M. V. Berchem и E. Clousot въ цитированномъ трудѣ отмѣчаютъ необычность для своего времени росписи ораторія Іоанна VII и считаютъ ее анахронизмомъ, поскольку для нея не находится аналогій на римской почвѣ ни въ предшествующую эпоху, ни въ непосредственно слѣдующую (р. 216—217). Едва-ли, однако, вопросъ о происхожденіи этой росписи рѣшается предположеніемъ авторовъ, что папѣ Іоанну VII принадлежитъ лишь центральная фигура Богоматери съ донаторомъ, остальныя же мозаики болѣе позднія. Объясненія для этой росписи съ ея особенностями слѣдуетъ искать въ той волнѣ восточныхъ вліяній, какая проникаетъ въ Римъ въ эпоху Іоанна VII.

[5]) Нашъ очеркъ не выходитъ за границы бѣглыхъ замѣтокъ. Для полной характеристики памятника необходимо, чтобы онъ детально былъ описанъ и изданъ. Къ сожалѣнію, такая задача до сихъ поръ не выполнена. Въ отношеніи Хлудовской, напр., псалтири — въ распоряженіи изслѣдователей лишь прориси, изданныя съ небольшого числа миніатюръ Н. П. Кондаковымъ, и небольшое число рисунковъ Tikkanen'a. Изданіе памятника, между тѣмъ, настоятельно диктуется кардинальной важностью его въ исторіи византійскаго искусства. Здѣсь

псалтири нашей редакціи, тоже отсылающей насъ къ Востоку. Обращаетъ на себя вниманіе форма жезла въ рукахъ Моисея, въ видѣ палки съ шаромъ наверху, въ Хлудовской псалтири, напр., въ сценахъ: перехода евреевъ черезъ Чермное море, л. 148 об., изведенія воды изъ скалы, л. 76, (см. т. III, рис. 3), ропота противъ Моисея, л. 77.[1] Интересно, что этой же формы жезлъ дается въ руки и языческому царю, Антіоху Епифану (л. 79, см. т. V. рис. 2) въ сценѣ казни Маккавеевъ, причемъ Антіохъ одѣтъ въ восточный костюмъ — въ длинный кафтанъ съ узкими рукавами; на головѣ у него шапка въ видѣ колпака. Въ такомъ же кафтанѣ и шапкѣ-колпакѣ царь Авимелехъ (л. 27 об.). Фараонъноситъ хламиду, но на головѣ его колпакъ (л. 101 об.). Повидимому, этотъ жезлъ Моисея, совпадающій по формѣ съ жезломъ, въ той же псалтири, сирійскаго царя, является спеціально восточнымъ аксессуаромъ, и нельзя ли его сблизить съ булавами восточныхъ народностей? Какъ извѣстно, восточная булава фигурируетъ на одномъ памятникѣ въ евангельскихъ композиціяхъ — именно на блюдѣ Эрмитажа (найденномъ въ Пермскомъ краѣ), гдѣ не только воины имѣютъ булавы, но булаву держитъ и ангелъ въ сценѣ благовѣстія женамъ мироносицамъ. Въ числѣ другихъ особенностей памятника (иконографическихъ и стилистическихъ) эти булавы давали основаніе изслѣдователямъ болѣе или менѣе опредѣленно высказаться о мѣстѣ его происхожденія.[2] Быть можетъ, и указанная форма жезла Моисея не безразлична въ установленіи восточной основы для иллюстраціи псалтири.

Ник. Малицкій.

огромнаго значенія его иконографія, въ отношеніи которой нашъ очеркъ затрагиваетъ лишь одну изъ существенныхъ ея сторонъ — наличіе восточныхъ вліяній; не менѣе важно отложеніе въ памятникѣ эллинистическаго наслѣдія ранне-христіанскаго періода. Не касаемся стиля памятника, вообще не встрѣчающаго для себя параллелей въ византійскомъ искусствѣ: здѣсь сочетаніе эллинизма съ другой стихіей, нашедшей у изслѣдователей опредѣленіе „народной", корни, которой, должно быть, даны тоже въ художественномъ творчествѣ Востока.

[1]) Послѣдняя сцена воспроизведена у Tikkanen'a (Taf. II.).

[2]) Я. И. Смирновъ, Матеріалы по археологіи Россіи, издав. Археологической Комиссіей, № 22, стр. 25—26; В. В. Стасовъ „Серебряное восточное блюдо имп. Эрмитажа". СПБ 1904, стр. 29—38.

ЗАМѢТКИ КЪ ТЕКСТАМЪ NOTITIAE EPISCOPATUUM

При изслѣдованіи текстовъ Notitiae episc. очень важно обратить вниманіе на купленную въ 1915 г. отъ наслѣдниковъ А. И. Пападопуло-Керамевса Госуд. (б. Имп.) Публ. Библіотекой рукопись греч. № 716 (сокращенно будетъ обозначаться далѣе Pap.). Она состоитъ всего изъ 6 написанныхъ, кажется, въ XVI вѣкѣ бум. листовъ большого формата (отъ 307 до 315 мм. выш. и 212 мм. шир.), по 23—26 строкъ на стран. (текстъ занимаетъ 266—290 мм. выш., 165—175 мм. шир.); бумага плотная, безъ филиграней, vergeures среднія. Въ самомъ низу на л. 3 v. есть помѣта писца р-си:

Ζήτει ἐν τῷ τέλει τοῦ βιβλίου καὶ τὰς ἐπαρχίας καὶ ⟨τὰ⟩ ὅρια τῶν λοιπῶν πατριαρχῶν· Ἀλεξανδρείας, Ἀντιοχείας καί Ἱεροσολύμων.

Это значитъ, что лл. 4—6, гдѣ какъ разъ и находятся указанные патріархаты, были помѣщены отдѣльно отъ лл. 1—3 въ концѣ какой-то р-си (βιβλίον); вѣроятно, эти листы были приложены къ ней при переплетѣ спереди и сзади совершенно чистыми, но не по 3, а по 4, т. е. полутетрадями. Когда писецъ XVI вѣка сталъ вносить на три переднихъ листа свой текстъ, то увидѣлъ, что Александрійскій патріархатъ не можетъ умѣститься на л. 3 v., и почти половину текста пришлось бы отнести далеко въ конецъ р-си; поэтому писецъ предпочелъ заполнить л. 3 v. подходящимъ по объему матеріаломъ, а всѣ три патріархата перенести въ заднюю тетрадь, въ которой и заняты 5 страницъ (л. 4 v. — 6 v.); 4-й л. тетради, вѣроятно, былъ наклеенъ на заднюю доску переплета и пропалъ вмѣстѣ съ нею.

Въ рукахъ А. И. П.-Керамевса Pap. находился уже въ 1884 г., когда набирался изданный въ Ἀνέκδοτα ἑλληνικὰ συγγραμμάτια ἔγγραφά τε καὶ ἄλλα κείμενα κατ᾽ἐκλογὴν συλλεγέντα ἐκ τῶν ἐν τῇ «Μαυρογ. Βιβλιοθ.» ἀναγραφομένων χειρογράφων καὶ νῦν πρῶτον ἐκδιδόμενα, на стр. 65—68 списокъ епархій Антіох. патріархата.

Каждый изъ находящихся въ Pap. списковъ епископій представляетъ интересъ самъ по себѣ, какъ это будетъ показано ниже для каждаго особо; но не менѣе важенъ и весь составъ ихъ въ Pap., позволяющій сдѣлать нѣкоторыя предположенія, объединяющія въ нѣчто цѣлое рядъ Notitiae, кажущихся на первый взглядъ далекими другъ отъ друга. Изслѣдованіе частью описанныхъ, частью изданныхъ далѣе текстовъ должно составить предметъ особой работы.

I

На л. 1 v. — 3 v. находится впервые въ 1866 г. у Parthey изданный списокъ епархій Константинопольскаго патріархата, обозначаемый Not. X. Текстъ его въ Pap. сохранился безъ начала, со словъ: θρόνος τῇ Καισαρείᾳ τῆς Καππαδοκίας

(Not. X 138); пропавшее начало занимало, вѣроятно, одну страницу. Но возможно, что и заглавіе Not. X не было такимъ простымъ, какъ въ извѣстныхъ нынѣ у Parthey спискахъ (Lips. Senat. Rep. I no. 66, saec. XV vel XVI, и Paris. du fonds gr. 1356, saec. XIV), и задуманный неизвѣстнымъ авторомъ обзоръ четырехъ вост. патріархатовъ предварялся особымъ предисловіемъ[1] и въ началѣ украшенъ былъ заставкой: для всего этого была использована еще одна страница.

Not. X въ Pap. представляетъ много отличій отъ печ. текста; главнѣйшія сводятся къ слѣдующему.

1) Отсутствуютъ схоліи 1082, 1084, 1088 и 1089 г. г. (Not. X 522, 531, 577, 645); схолія 1082 г. (Not. X 577) встрѣчается ниже (стр. 68) на л. 3 v. въ другой связи.

2) Послѣ 12-го митроп. округа Амасіи Эленопонтской (Not. X 291—296) вставлено:

ιγ'. Τούτῳ τῷ ἀριθμῷ θρόνοι δύο παράκεινται ἥ Μελιτινὴ καὶ ἥ Σικελία. καὶ τῇ μὲν Μελιτινῇ τῆς Ἀρμενίας ὁ Ἄρκης, ὁ Κουκουσοῦ, ὁ Ἀραβισοῦ, ὁ Ἀριαράθης.

3) Порядокъ митрополій измѣненъ, такъ какъ 57-я (Σελευκεία τῆς Παμφυλίας Not. X 779—802) сдѣлана 31-й.

4) Составъ епархій по отдѣльнымъ митрополіямъ сильно измѣненъ и вставками и пропусками.

5) Конецъ списка совершенно своеобразенъ сравнительно съ Not. X 750—778, такъ какъ въ Pap. дается продолженіе перечня митрополій, обрывающагося въ Not. X 802 на 57-й:

νε'	Τῇ δὲ Ἀμάστριδος.	(Not. X 750, 54)
	Τῇ Χωνῶν.	(„ X 751, 55)
	Τῇ Πομπιηουπόλεως.	(„ X 61)
	Τῇ Ὑδροῦντος.	(„ X 752, 56)
	Τῇ Σερῶν.	(„ X 60)
	Τῇ Σαμοσάτων.[2]	
	Τῇ Κολωνείας.	(„ X 777, 58)
	Τῇ Θηβῶν.	(„ X 59)
	Τῇ Αἴνου ἤτοι Κελτζηνῇ.	(„ X 64, 57)
	Τῇ Κερκύθας.	(„ X 75: τὰ Κέρκυρα)
	Τῇ Μηλίτου.	(„ X 86: ἡ Μίλητος).

6) Есть дополненія, имѣющія видъ схолій:

a) Καὶ ὁ Ἀλανίας σὺν τοῖς ὑπ' αὐτὸν τελεῖ ὑπὸ τὸν θρόνον Κωνσταντινουπόλεως.

b) Ὅρα. Ὁ Θεσσαλονίκης· ὁ Συρακούσης· ὁ Κρήτης· ὁ Κορίνθου· ὁ Νικοπόλεως· ὁ Ἀθηνῶν· ὁ Πατρῶν· οὗτοι ἀπεσπάσθησαν ἐκ τῆς ῥωμαϊκῆς διοικήσεως καὶ τελοῦσιν ὑπὸ τὸν θρόνον Κωνσταντινουπόλεως μετὰ τῶν ὑφ' αὐτῶν ἐπισκόπων διὰ τὸ ὑπὸ τῶν ἐθνῶν κατέχεσθαι τὸν πάπαν τῆς πρεσβυτέρας Ῥώμης.[3]

c) Ἐγένοντο ὕστερον καὶ ἐν τῇ Οὐγγροβλαχίᾳ... Κυέβου καὶ πάσης Ῥωσίας.[4]

---

[1]) Не стояла ли тамъ Not. V въ своей древнѣйшей редакціи?

[2]) Должно быть Ἀσμοσάτων (Gelzer, Ungedr. u. ungen. veröff. Texte, 567).

[3]) Сравн. у Gelzer, Ungedr. u. ungen. veröff. T., 633.

[4]) Такъ въ Not. IV 71—74 и Gelzer, l. c., 631—632.

d) Σημείωσαι ὅτι οἱ Ῥῶς ἐπὶ τοῖς χρόνοις Βασιλείου τοῦ Μακεδόνος χριστιανίσαντες διὰ θαύματος, καὶ ἀρχιερέα ἐδέξαντο ἀπὸ Κωνσταντινουπόλεως, ὅ γίνεται καὶ μετὰ τοῦ νῦν εἰς τὴν Μικρὰν Ῥωσίαν ἤτοι τὸ Κίεβον.[1]

Рѣдко встрѣчающаяся въ р-сяхъ Not. X, благодаря Par., получаетъ новый интересъ, и пересмотръ относящихся къ ней наблюденій и выводовъ Гельцера (въ Jahrbb. f. protest. Theol., 1886, XII) становится настоятельно необходимымъ.

II

На л. 3 v. данъ перечень подчиненныхъ архіепископу Болгарскому епископій въ составѣ и порядкѣ, которые не совпадаютъ ни съ текстами перечней, изд. H. Gelzer,[2] А. И. П.-Керамевсомъ[3] и мной,[4] ни съ новеллой Василія II.[5]

Τῇ ἀρχιεπισκοπῇ τοῦ Βουλγαρίας ὑπόκεινται οὗτοι·

1 Ὁ Πελαγονίας. **2** Ὁ Διαβόλεως. **3** Ὁ Πρέσπας. **4** Ὁ Καστωρίας. **5** Ὁ Γρεβενοῦ. **6** Ὁ Μολίσκου. **7** Ὁ Μογλένων. **8** Ὁ Β⟨ο⟩δένων. **9** Ὁ Ὀστροβῶν. **10** Ὁ Σκορπίων. **11** Ὁ Ποτούγου. **12** Ὁ Τριαδίτζης. **13** Ὁ Ῥάσου. **14** Ὁ Νήσου. **15** Ὁ Σθ⟨λ⟩ανίτζης. **16** Ὁ Ραβδοβισδίου. **17** Ὁ Βελεβουσδίου. **18** Ὁ Λιπενίου. **19** Ὁ Στρουμπίτζης. **20** Ὁ Κανίνων ἤτοι Ἰλλυρικοῦ. **21** Ὁ Δεύρης. **22** Ὁ Βρεανόγου ἤτοι Βλάχων.

Слѣдующая непосредственно за этимъ перечнемъ замѣтка писца внизу л. 3 v. (выше стр. 65) показываетъ, что Болгарская архіепископія считается входящей въ составъ КП. патріархата; если бы она считалась независимой, то должна была бы занять мѣсто послѣ четырехъ вост. патріархатовъ.

III

На л. 3 v. собраны образцы титулатуры подъ заглавіемъ:
Ἐγράφη ἡ παροῦσα ἔκθεσις σεπτεμβρίου α´ τῷ ϛωҁε´ Ἔκθεσις νέα ὅπως γράφει νῦν ὁ Κωνσταντινουπόλεως τοῖς λοιποῖς πατριάρχαις καὶ ἀρχιεπισκόποις καὶ μητροπολίταις.
Текстъ незначительно отличается отъ изд. Ралли и Потли, V, 497—498.

IV

Равнымъ образомъ не значительны отличія отъ Not. IV 44—70 въ текстѣ на л. 3 v.:
Εἰσὶ μητροπολῖται οἳ ἐτιμήθησαν ἀπὸ ἀρχιεπισκόπων καὶ ἐπισκόπων κατὰ διαφόρους καιρούς.

---

[1]) Извѣстное сказаніе использовано для подтвержденія практики при поставленіи Григорія Цамвлака.

[2]) Ungedr. u. wenig bekannte Bistümerverzeichnisse d. orient. Kirche (BZ, 1892, I, 256—257, по Vatic. 828 s. XV—XVI, f. 354 v. и Berol. Phillipp. 1477 s. XV f. 95 v. съ варіант. изъ Vatic. 1897 s. XV); Ungedr. u. ungenügend veröff. Texte d. Not. episc., (München 1901), S. 20 (по Athen. 1382 s. XVII f. 257 v.), 29—31 (по Hieros. Metoch. 418 s. XVII и Hieros. Patr. 487 s. XVIII f. 146 v.).

[3]) Ἑλλην. κώδικες Τραπεζοῦντος (Виз. Вр. 1914, XIX, 253).

[4]) Опис. греч. р-сей м-ря св. Екат. на Синаѣ, III/1, 101, по Sinait. 1609 s. XV f. 533 v.

[5]) Gelzer (BZ, 1893, II, 41—55); Йорд. Ивановъ (Спис. на Бълг. Акад., I, 93—112). Мимоходомъ отмѣчу, что до сихъ поръ продолжаютъ пользоваться старыми изданіями новеллы, несмотря на то, что въ моемъ Опис. греч. Син. р-сей, I. 542—554 предложено болѣе надежное.

Стоитъ отмѣтить только то, что Not. IV 55 сокращено въ: ὁ δὲ Σουγδαίας καὶ Φούλλων γράφεται. А Not. IV 62 расширено, благодаря присоединенію схоліи изъ Not. X 577, и гласитъ: ἀπὸ τοῦ Παλαιῶν Πατρῶν ἐτιμήθη ὁ Λακεδαιμονίας παρὰ τοῦ βασιλέως κυροῦ Ἀλεξίου ἐπὶ Εὐστρατίου πατριάρχου ἐν ἔτει ςφϟ´ (см. выше стр. 66).

V

Самая интересная часть р-си начинается съ л. 4 v., гдѣ, согласно указанію писца (выше стр. 65), помѣщены патріархаты Алекс., Антіох. и Іерус.: здѣсь даются не только перечни подчиненныхъ каждому епархій, но для Алекс. и Антіох. еще и очень живыя и подробныя описанія границъ этихъ патріархатовъ и входящихъ въ нихъ митрополичьихъ округовъ. Совершенно не извѣстно въ печати и не встрѣчалось пока ни въ какой другой р-си описаніе Алекс. патріархата, которое поэтому и печатается здѣсь цѣликомъ. Сравн. для первоначальной оріентировки въ текстѣ указанія Gelzer (BZ, 1893, II, 22—40) или le P. Cyr. Charon, Hist. des Patr. Melk., III (1909) fasc. I, 213—221, къ сожалѣнію, очень недостаточныя, такъ какъ во многихъ мѣстахъ требуются еще разнообразныя справки и разысканія.

Ἡ Ἀλεξάνδρεια θρόνος πατριαρχικὸς β´.

A Ἡ ἐνορία τῆς Ἀλεξανδρείας ἄρχεται ἀπὸ Πενταπόλεως καὶ καταλήγει ἕως τοῦ Ἄρκε. καὶ ἀπὸ τῆς Ἁλμυρᾶς θαλάσσης ἕως τῆς Μεγάλης Αἰθιοπίας διὰ τῶν ὑποκειμένων αὐτῷ μητροπολιτῶν, καθὼς εὑρέθη ἐν τοῖς συγγράμμασι τοῦ ἁγιωτάτου Ἀλεξανδρείας τοῦ μεγάλου Ἀθανασίου.

I Ὁ Μαριάτου· ἡ ἐνορία αὐτοῦ ἀπὸ τοῦ Ταμιάθη ἕως τῆς λίμνης Φοῦε.

II Ὁ Πενταπόλεως· ἡ ἐνορία αὐτοῦ ἀπὸ τοῦ μεγάλου χειμάρρου ἕως τοῦ ὑψηλοῦ βουνοῦ.

III Ὁ Λεοντώ· ἡ ἐνορία αὐτοῦ.

IV Ὁ Ὀξυρίγχου· ἡ ἐνορία αὐτοῦ.

V Ὁ Ἀτήνου.

VI Ὁ Πτολεμαΐδος.

VII Ὁ Δαρνιέων.

VIII Ὁ Τενεσίου, ἔστι δὲ νῆσος· ἡ ἐνορία αὐτοῦ πάντα τὰ πέριξ νησία.

IX Ὁ Ταμιάθου· ἡ ἐνορία αὐτοῦ ἀπὸ τοῦ ποταμοῦ Νείλου ἕως τοῦ χειμάρρου, ἔνθα καὶ ἡ μονὴ τοῦ ἁγίου Ἱερεμίου.

X Ὁ Σάτου ἡ ἐνορία αὐτοῦ ἀπὸ τοῦ χειμάρρου Σάτου ἕως τοῦ στομίου τοῦ Νείλου ποταμοῦ.

XI Ὁ τοῦ Κλύσματος, ὅ καὶ Ἐρυθρὰ θάλασσα καλεῖται· ἡ ἐνορία αὐτοῦ ἀπὸ τοῦ βουνοῦ Αἰγύπτου ἕως τῆς Ἐρυθρᾶς θαλάσσης ἔστι δὲ ἐντὸς αὐτῆς καὶ ἡ μονὴ τοῦ μεγάλου Ἀντωνίου.

XII Ὁ Ἄρκης· ἡ ἐνορία αὐτοῦ ἐκ τοῦ Ἄρκε ἕως τοῦ στομίου τοῦ Νείλου ποταμοῦ.

XIII Εἶχε ⟨δὲ⟩ ἡ Ἀλεξάνδρεια καὶ ἑτέρους θρόνους πολλούς· μετὰ δὲ τὸ γενέσθαι τὴν αἵρεσιν τοῦ τρισκαταράτου Σεβήρου, καθηρπάγησαν ὑπὸ τῶν Σεβηριανῶν.

B Καὶ ταῦτα μὲν ἐκ τοῦ παλαιοῦ κώδικος· ἔχει δὲ ἑκάστη μητρόπολις ἐπισκοπὰς διαφόρους·

I Τῇ Πηλουσίου

1 ὁ Σεθροντῆς
2 ὁ Ταύης
3 ὁ Θμούεως
4 ὁ Ῥινοκουρούρας
5 ὁ Ὀστρακίνης
6 ὁ Πενταςχοίνου
7 ὁ Κασσίου
8 ὁ Ἀφθαίου
9 ὁ Ἡφαίστου
10 ὁ Πανεφέσου
11 ὁ Γέρως
12 ὁ Τραγέρας
13 ὁ Θενήσου.

II Τῇ Λεοντοῦς

1 ὁ Ἀθριδῆς
2 ὁ Ἰλίου
3 ὁ Βουβάστου
4 ὁ Βαρένθου
5 ὁ Ἀραβίας.

III Τῇ Ὀξυρίγχου

1 ὁ Ἡρακλέους
2 ὁ Κοινῶ
3 ὁ Νειλουπόλεως
4 ὁ Ἀρσενόης
5 ὁ Θεοδοσιουπόλεως
6 ὁ Ἀφροδίτης
7 ὁ Μέμφεως.

IV Τῇ Ἀτήνου

1 ὁ Ἑρμουπόλεως
2 ὁ Θεοδοσιουπόλεως
3 ὁ Κούσου
4 ὁ Λυκῶ
5 ὁ Ὑψηλῆς
6 ὁ Ἀντέου
7 ὁ Πανῶ.

V Τῇ Πτολεμαΐδος

1 ὁ Διοκλητιανουπόλεως.
2 ὁ Διοσπόλεως
3 ὁ Τεντύρας
4 ὁ Μαξι⟨μι⟩ανουπόλεως
5 ὁ Θηβαΐδος
6 ὁ Λητοῦς
7 ὁ Ἰάμβου
8 ὁ Ἑρμάνθης
9 ὁ Ἀπόλλωνος
10 ὁ Κώμης ἀνάσσης μεγάλης
11 ὁ Θηβαΐδος ἄνω.

VI Τῇ Βαίου

1 ὁ Μαθῶν
2 ὁ Τριμοθῶν
3 ὁ Ἑρμῶν.

VII Τῇ Δαρνιέου

1 ὁ Παρατονίου
2 ὁ Τζαυτζάλλης.
3 ὁ Ἀμμωνικῆς
4 ὁ Ἀντιπύργου
5 ὁ Ἀντίφρου
6 ὁ Ἐδωνιάδος.
7 ὁ Μαρμαρικῆς.

VI

Антіох. патріархатъ не описанъ такъ, какъ Алекс. и Іерус., а на л. 4 r.-v. дается только перечень подчиненныхъ ему епархій и іерарховъ. Этотъ перечень изъ Par. и напечатанъ А. И. П.-Керамевсомъ еще въ 1884 г. на стр. 68—70 его уже упом. выше (стр. 65) труда,[1] какъ особая редакція другого перечня, напечат. на

[1]) Ошибки изданія немногочисленны (указываю строки по сплошной нумераціи): должно быть 15 μητροπολιτῶν τῶν ὑπὸ / 18 ἥτις / 22 Μαρτυροπόλεως / 25 Πομπηϊ⟨ου⟩πόλεως / 27 ἀρχιεπισκόπων между 52 и 53 ὁ Καλῶν / 87 Γερασῶν / 98 Παόμβλου / 104 Νεήλων / 111 Εἰρηνοπόλεως / 185 ἀρχιεπίσκοποι καὶ ἐπίσκοποι ὑπόκ.

стр. 65—67 по р-си Халк. Богор. м-ря № 22 1551 г. л. 4 r.—6 v. Но въ этой же Халк. р-си находится и описаніе границъ Антіох. патріархата, соотвѣтствующее имѣющимся въ Par. для Алекс. и Іерус. и изд. А. И. П.-Керамевсомъ на стр. 67—68. Необходимо будетъ переиздать всѣ перечни епископій и описаніе границъ Антіох. патріархата не только потому, что изданіе П.-Керамевса единственное, притомъ не безупречное, но еще болѣе потому, что за сорокъ лѣтъ со времени его появленія набрался новый рукописный матеріалъ и рядъ цѣнныхъ изслѣдованій; указанія и на то и на другое собраны въ прекрасномъ трудѣ E. Honigmann, Studien zur Notitia Antiochena (BZ, 1925, XXV, 60—88) и мною въ примѣчаніи къ изданію текста Not. Antioch. по Hieros. Patr. 39 XII—XIII вѣка л. 198 v. — 200 r.[1] въ моемъ изслѣдованіи: Die byz. Ranglisten nach dem Kletorologion Philothei u. nach den Jerusalemer Hss. (имѣетъ появиться въ V т. Byz.-Neugr. Jahrbb.).

VII

Послѣднее мѣсто въ Par. на л. 4 v. — 6 r. отведено патріархату Іерус. Здѣсь перечень митрополій соединенъ съ указаніемъ границъ въ одно цѣлое, но зато нѣтъ точнаго перечня епископій подчиненныхъ каждому митрополиту; въ концѣ перечисляются πρωτοπαπάδες, сидящіе въ κάστρα καὶ χωρία Іерус. патріархата. Весь этотъ текстъ изданъ въ замѣчательной для своего времени и до сихъ поръ не потерявшей значенія книгѣ Ἱεροσολυμιὰς ἤτοι ἐπίτομος ἱστορία τῆς ἁγίας πόλεως Ἱερουσαλὴμ ἀπὸ τῆς θεμελιώσεως αὐτῆς ἕως τῶν νεωτάτων χρόνων. Ὑπὸ Γρηγ. ἱεροδιακ. τοῦ Παλαμᾶ (Ἐν Ἱεροσ. 1862), стр. τος' — τπβ', на основаніи какой-то Іерус. р-си, озаглавленной Ἱερὰ Ἱστορία περὶ τῆς πόλεως τοῦ μεγάλου βασιλέως καὶ πάσης Παλαιστίνης. Въ настоящее время извѣстны списки этой Notitia:

1) Hieros. Metoch. 185, XVII в., л. 8—13, но А. И. П.-Керамевсъ Ἱεροσ. Βιβλ. IV, 159 прим. 1 категорически указываетъ, что не отсюда взятъ текстъ у Паламы;

2) Hieros. Patr. 293, нач. XVIII в., л. 140 r. — 141 v.;

3) Hieros. Patr. 326, XVII в., л. 193 v. — 194 v.; оба эти списка даютъ текстъ въ своеобразной сокращенной редакціи;

4) Гос. Публ. Библ. 252, 1661 г., л. 48 v. — 56 v., гдѣ текстъ часто исправнѣе, чѣмъ у Паламы.

Вопросъ о рукописномъ источникѣ изданія Паламы интересенъ потому, что, повидимому, издатель не ограничился воспроизведеніемъ текста р-си, но сдѣлалъ отъ себя нѣкоторыя добавленія. Всетаки въ общемъ это изданіе не хуже другихъ, а самъ памятникъ настолько важенъ, что заслуживалъ бы и пристальнаго изученія и хорошаго изданія. Въ свое время онъ остался неизвѣстнымъ почтенному G. Parthey, и потому нынѣ приходится отмѣчать незнакомство съ нимъ даже такихъ изслѣдователей, которые спеціально интересовались границами Іерус. патріархата; наприм., H. Gelzer (BZ, 1892, I, 251—253, 256, 280—282; 1893, II, 70—72), S. Vailhé, L'érection du patriarcat de Jérusalem, 451 (Revue de l'Or. Chr., 1899, IV, 44—57), le P. Cyr. Charon, Hist. des Patr. Melk., III/1, 261—269.

По указанію А. И. П.-Керамевса, Ἱεροσ. Βιβλ., I, 372, та же Іерус. Notitia изд. и въ книгѣ Π. Νεοκλέους, Τὸ κανονικὸν δίκαιον, 142—146, мнѣ не доступной.

---

[1]) Копія 1663 года въ Hieros. Metoch. 522 лл. 199 r. — 203 v.

VIII

Въ видѣ приложенія къ Іерус. Not. присоединенъ на л. 6 r. маленькій трактатъ о синкеллахъ Іерус. патріарха, чрезвычайно важный для выясненія сущности этого института.

Δεῖ δὲ εἰδέναι, ὅτι ὁ πατριάρχης Ἱεροσολύμων οὔτε κρίσιν ἐξάγει ἐκκλησιαστικὴν ἢ δημοτικήν, οὔτε ἄλλο τι ποιεῖ χωρὶς συγκέλλου· ἔστι δὲ ὁ Λύδδης, ὁ Ἰόππης, ὁ Νεαπόλεως, καὶ ὁ τοῦ ἁγίου Ἰορδάνου· ὧν εἷς ἕκαστος προσκαρτερεῖ ἀδιαλείπτως μετὰ τοῦ πατριάρχου νύκτωρ καὶ μεθ' ἡμέραν τρεῖς μῆνας· εἶτα λαβὼν παράθεσιν, ἀπέρχεται εἰς τὴν ἐκκλησίαν αὐτοῦ· καὶ ἔρχεται ἄλλος καὶ προσκαρτερεῖ τῷ πατριάρχῃ ὁμορόφιος καὶ ὁμόστεγος, καθὼς καὶ ὁ πρῶτος. καὶ οὕτω ποιοῦσιν ἀμοιβαδὸν εἷς τὸν ἕτερον διαδεχόμενοι, ἕως οὗ πληρωθῇ ὁ χρόνος, καὶ πάλιν ἄρχονται. ἡ δὲ διοίκησις τοῦ προσμένοντος ἀρχιεπισκόπου καὶ τοῦ μαθητοῦ αὐτοῦ καὶ τῶν ἀλόγων αὐτοῦ ἀπὸ τοῦ πατριαρχείου γίνεται ἅπασα.

Περί συγκέλλων.

Σύγκελλοι, ὡς οἶμαι, ἐλέγοντο οἱ ἀποταττόμενοι εἰς βουλὴν οἱονεὶ κελλικὴν τοῦ πατριάρχου, καὶ εἰς βουλὴν τῶν ἄλλων αὐτῷ ἀναγκαίων· καὶ ὅπερ ἐστὶ παρὰ τῷ βασιλεῖ ἡ σύγκλητος, τοῦτό εἰσιν οἱ σύγκελλοι παρὰ τῷ πατριάρχῃ.

Περί πρωτοσυγκέλλου.

Πρωτοσύγκελλος δὲ εἰλέγετο ὁ πρῶτος τῶν συγκέλλων ὁ ἐχόμενος συνάγειν τοὺς συγκέλλους καιροῦ καλοῦντος ἐν χρέιαις· ἐδίδου δὲ τὸ τοιοῦτον ὀφφίκιον καὶ ὁ βασιλεὺς πρὸς μοναχοὺς καὶ ἀρχιερεῖς, χρώμενος ἐνίοτε αὐτοῖς καὶ εἰς ἰδίαν βουλὴν κατὰ τὴν τάξιν τῶν συγκλητικῶν, ἢ ἐν οἷς εἶχε χρείαις εἰς τὸ πατριαρχεῖον, ὥστε εἶναι αὐτοὺς συμβούλους καὶ εἰς τὰ συμπίπτοντα κοινὰ τῇ βασιλείᾳ καὶ τῇ ἐκκλησίᾳ.

IX

Попытки представить іерархію всего христіанскаго міра черезъ соединеніе Notitiae episcopatuum отдѣльныхъ автокефальныхъ церквей въ рукописяхъ или черезъ включеніе всѣхъ церквей въ одну Notitia извѣстны давно. Но въ Par. задуманъ болѣе широкій планъ: не только дать списокъ епархій, но и указать границы главнѣйшихъ, основныхъ частей вселенской церкви. Можетъ быть, этотъ же планъ проведенъ и въ неизвѣстной пока Іерус. рукописи, использованной у Паламы (выше стр. 70), и въ той Халкинской рукописи, которая использована А. И. П.-Керамевсомъ (выше стр. 69—70); необходимо будетъ обслѣдовать и такія рукописи, какъ, напр., Venet. Bess. cl. III cod. 1, XV вѣка,[1] или Venet. Bess. 539, XII вѣка (Zanetti, p. 291), въ которыхъ собраны данныя о составѣ четырехъ патріархатовъ.[2] Во всякомъ случаѣ лежащая въ основѣ этого плана идея единства церкви ясно выражена въ Not. V, гдѣ весь міръ

---

[1]) Замѣтки о немъ Blume въ Biblioth. ms. ital., p. 12, и въ Rhein. Mus. f. Jurispr., IV, 240.

[2]) Въ Venet. 539 на первомъ мѣстѣ поставленъ Іерус. Заглавіе всей Not. таково: Γνῶσις καὶ ἐπίγνωσις τῶν πατριαρχικῶν θρόνων — по указанію C. F. Georg Heinrici, Greich.-byz. Gesprächsbücher u. Verwandtes aus Sammelhss., 7—8, 20—28 (Abh. d. Philol.-Hist. Kl. d. K. Sächs. Ges. d. Wiss. Bd. XXVIII, № VIII, 1911), который добавляетъ: dies ein oft wiederholtes Stück.

дѣлится на пять частей, и для каждаго изъ пяти патріархатовъ указаны границы. Таковъ первоначальный видъ Not. V, сохранившійся въ спискѣ Гос. Публ. Библ. 123, XV вѣка, л. 1 r.-v. подъ заглавіемъ: Τάξις καὶ προκαθεδρίας ἀρίθμησις τῶν ὁροθεσίων τῶν ἁγιωτάτων πατριαρχῶν καὶ ἀποστολικῶν θρόνων.[1] Мало-по-малу присоединяются подробности, нарушающія единство первоначальной конструкціи: въ Vatic. 2210, XI вѣка,[2] Vatic. 1167 и Vatic. 1183[3] добавленъ перечень епархій Антіох., а въ неизвѣстномъ пока „vetustus Codex MS. Vaticanus"[4] и Coisl. 346, л. 299—305, добавлены перечни и Антіох. и Іерус.[5]; наконецъ, въ еще болѣе осложненномъ составѣ Not. V становится основой, на которой въ 1143 г. строитъ свою Notitia Нилъ Доксапатръ.

Можно ли думать, что и работа по указанію границъ хотя бы пока только трехъ патріархатовъ (Алекс., Ант. и Іерус.) проникнута единствомъ мысли такъ же, какъ и Not. V? Иначе говоря, должны ли мы смотрѣть на дошедшіе до насъ въ Par. и Халк. спп. описанія, какъ на разрозненныя части единаго труда и доискиваться недостающихъ элементовъ (хотя бы только описанія границъ КП. патріархата), или же предъ нами только искусственное соединеніе частей разновременнаго происхожденія?

В. Н. Бенешевичъ.

8/X 1926.

---

[1]) Эта редакція переведена на армянскій не позже 1180 г. (BZ, 1896, V, 118, 119).

[2]) Изд. A. Mai, Script. vet. nova coll., I/2, откуда перепеч. A. Schoene, Eusebii Chronica, I (1875). append., 81—83; сравн. S. Vailhé (Échos d'Or. 1907, X, 363 n. 2); E. Gerland (BZ, 1925, XXV, 63).

[3]) Изд. Schelstrate, Antiqu. Eccles., II (1697), 635.

[4]) Изд. Carolus a S. Paulo, Episcopus Abrincensis, Geographia Sacra (1646, 1666, 1703, 1711, p. 4,-6), откуда перепеч. J. Goar въ своемъ изд. Кодина (1648), 363. Отыскать Ватик. кодексъ можно по указанію Car. a S. Paulo, что изъ него имъ изданы Nott. V, VI, IX и Іероклъ. Курьезно, что Parthey принялъ слова Гоара „ex vetusto MS. Vaticano apud Geographiam Sacram Illustriss. D. Abrincensis" за указаніе на новую рукопись, и потому одинъ и тотъ же текстъ обозначаетъ двумя сиглами C и G. Слишкомъ рѣзокъ отзывъ Гельцера объ изданіи Not. V у Parthey: „Parthey's Texst ist unvollständig und, wie gewöhnlich, nicht zu gebrauchen" (BZ, 1892. I, 230 Anm. 2); но въ Jahrbb. f. prot. Theol. 1886, XII, 360 отзывается какъ о verdienstliche Ausgabe. Конечно, переиздать Not. V можно теперь съ пользой и удобствомъ на основаніи хотя бы однихъ указанныхъ выше спп.; интересно знать, что представляетъ Lips. Univers. 71, s. XVIII, p. p. 59—71.

[5]) Вѣроятно, того же состава, но съ какими то особенностями въ Sinait. 1609, XV вѣка, л. 533 r. — v. (Опис. греч. р-сей м-ря св. Екат. на Синаѣ, III/1, 100—101). Къ сожалѣнію, фот. снимокъ этого текста пропалъ у меня вмѣстѣ со многими другими.

ЗОЛОТАЯ ОРДА, ЕГИПЕТЪ И ВИЗАНТІЯ ВЪ ИХЪ ВЗАИМООТНОШЕНІЯХЪ ВЪ ЦАРСТВОВАНІЕ МИХАИЛА ПАЛЕОЛОГА

I

Восточный уголъ Средиземнаго моря — Египетъ, Сирія и Киликія, въ теченіе длиннаго ряда вѣковъ служилъ полемъ взаимодѣйствія и столкновенія различныхъ культуръ и народовъ. Въ раннемъ средневѣковьѣ здѣсь сталкивались двѣ основныя силы: Византія и Сасаниды, потомъ Византія и Арабы.

Позднѣе положеніе усложнилось. Турецкая орда сельджуковъ во второй половинѣ XI вѣка захватила Малую Азію (Иконійскій султанатъ, Румъ). Съ конца XI в. началось движеніе латинянъ или „Франковъ" на Востокъ (Крестовые походы).

Къ началу XIII вѣка международное положеніе въ восточномъ углу Средиземнаго моря можетъ быть такимъ образомъ разсматриваемо, какъ результатъ взаимодѣйствія и столкновенія четырехъ главныхъ политическихъ силъ: 1) Византіи; 2) Латинянъ; 3) Сельджуковъ; 4) Египта (Эйубидовъ).

Въ XIII вѣкѣ устанавливавшаяся было система взаимоотношеній коренным образомъ мѣняется. Крестоносцы четвертаго похода основали латинскую имперію въ Константинополѣ. Остатки прежняго византійскаго царства удержались въ видѣ двухъ малоазійскихъ лоскутовъ — Никейской и Трапезунтской имперіи. Лишь въ 1261 г. Михаилу Палеологу удалось изгнать латинянъ изъ Константинополя и возстановить такимъ образомъ Византійское царство — хотя уже далеко не въ прежнемъ могуществѣ.

Михаилу Палеологу удалось отчасти использовать новый международный факторъ громадной важности — монгольскую имперію.

Монголы неоднократно и прежде становились мощной международною силою всякій разъ, когда создавалась крѣпкая внутренняя организація монгольскихъ племенъ. Такую организацію удалось создать Чингисхану въ началѣ XIII в. При Чингисханѣ и его ближайшихъ преемникахъ монголы совершенно измѣнили всѣ народно-государственныя отношенія въ средней и передней Азіи.

Въ монгольскомъ завоеваніи передней Азіи въ XIII в. можно различать нѣсколько послѣдовательныхъ волнъ. Первая — начало 1220-хъ годовъ — набѣгъ Джебе и Субутая, имѣвшій характеръ предварительной рекогносцировки. Въ концѣ 1220 или началѣ 1221 года монгольскіе полководцы заняли Азербейджанъ, Арменію, Грузію и затѣмъ устремились на сѣверъ, разбивъ силы половцевъ и русскихъ князей въ битвѣ при Калкѣ (1223).[1]

---

[1]) См. G. Altunian, Die Mongolen und ihre Eroberungen in kaukasischen und kleinasiatischen Ländern im XIII. Jahrhundert (Berlin 1911), стр. 19—24.

Вторая волна монгольскаго завоеванія поднялась въ 1236 г. Это было систематическое завоеваніе всего Закавказья, руководимое Чармаганъ-нояномъ. Грузія признала монгольскій протекторатъ въ 1239 г. Въ этомъ же году штурмомъ взятъ былъ гор. Ани. Къ 1240 г. вся Арменія была во власти монголовъ.[1]

Третья монгольская волна — 1240-е годы, завоеваніе Малой Азіи. Послѣ смерти Чармагана, дѣйствіями монгольскихъ войскъ въ этомъ районѣ руководилъ Бачунoянъ. Сельджуки были разбиты въ 1243 г. въ битвѣ при Акшарѣ. Сельджукскій султанъ Кайхозрой II долженъ былъ признать себя подданнымъ Великаго Хана. Хетумъ, царь Малой Арменіи (Киликійской) подчинился монголамъ, не доводя дѣла до военнаго сопротивленія.[2]

Слѣдующая монгольская волна — конецъ 1250-хъ годовъ. Въ 1256 г. Великій Ханъ Мёнке поставилъ своего брата Хулагу во главѣ юго-западнаго сектора монгольскаго движенія. Возникло такимъ образомъ персидско-монгольское ханство. Военныя операціи перешли на югъ. 5 февраля 1258 г. войска Хулагу взяли Багдадъ (гдѣ держались потомки Абассидовъ); городъ былъ страшно разграбленъ. Въ 1259 г. монгольскій военачальникъ Китбока взялъ Алеппо и Дамаскъ и вытѣснилъ изъ Сиріи египетскихъ мусульманъ.

Монгольское движеніе 1250-хъ годовъ было такимъ образомъ направлено прямо противъ мусульманства. Монгольскія арміи состояли изъ шаманистовъ, буддистовъ и христіанъ (несторіанъ). Китбока самъ былъ христіаниномъ. Успѣхъ монгольскихъ завоевателей сопровождался всюду подъемомъ въ средѣ христіанскаго населенія — главнымъ образомъ среди несторіанъ, но въ Сиріи также и среди православныхъ и латинянъ. Это обстоятельство дало поводъ нѣкоторымъ новѣйшимъ историкамъ характеризовать движеніе Хулагу и его генераловъ, какъ „желтый крестовый походъ" противъ мусульманства.[3] Вполнѣ понятны попытки соглашенія между „бѣлыми" и „желтыми" крестоносцами. Во время шестого крестоваго похода, когда французскій король Людовикъ IX проводилъ на Кипрѣ зиму передъ высадкой въ Египтѣ (зиму 1248—49), его посѣтилъ тамъ монгольскій посолъ, предлагавшій ему союзъ.[4] Людовикъ отправилъ въ ставку Великаго Хана трехъ доминиканскихъ монаховъ на развѣдку — впрочемъ, безъ опредѣленныхъ полномочій и порученій.[5] Послѣ Мансурской катастрофы Людовика (1250) и египетскаго плѣненія его, имъ былъ отправленъ новый посолъ, извѣстный Рубрукъ (1253 – 1255), на этотъ разъ уже съ болѣе опредѣленною просьбою о военной помощи.[6]

Почти одновременно царь Малой Арменіи Хетумъ лично отправился къ Великому Хану и просилъ его о помощи противъ мусульманъ.[7]

Отвѣтомъ на эти дипломатическіе шаги и явилась посылка монгольской арміи Китбоки въ Сирію. Однако ко времени похода Китбоки (1259), настроеніе латинскихъ крестоносцевъ измѣнилось. Людовикъ IX вернулся уже во Францію. Франкскій гарнизонъ Акки не склоненъ былъ поддерживать монголовъ и соблю-

---

[1]) Altunian, o. c., стр. 35—37; ср. René Grousset, Histoire de l'Asie, III (Paris 1922), стр. 45—46.
[2]) Altunian o. c., 39—42; Grousset o. c., 46.
[3]) »Croisade Jaune« — ср. Grousset, o. c. III, 100.
[4]) Ср. Grousset, o. c. I (1921), стр. 252.
[5]) Grousset, I, 252; III, 58.
[6]) Grousset, I, 254; III, 58—59.
[7]) Altunian, 42; Grousset, III, 59—60.

далъ нейтралитетъ, когда Бейбарсъ повелъ своихъ мамлюковъ изъ Египта въ Сирію противъ Китбоки. 3 сентября 1260 г. монгольская армія была совершенно разбита при Айнъ-Джалудѣ. Китбока погибъ въ сраженіи.[1]

II

Айнъ-Джалудская битва положила предѣлъ возможности проникновенія монголовъ въ Египетъ. Однако эта битва врядъ ли бы получила такое рѣшающее значеніе, если бы одновременно не произошелъ расколъ въ средѣ самихъ монголовъ и если бы египетская (мамлюкская) дипломатія не сумѣла использовать этого раскола.[2]

Именно въ 1259 (или въ концѣ 1258) году западные монголы раскололись на двѣ половины.[3] Эти двѣ половины: персидскіе монголы (царство Хулагу) и кипчацкіе монголы (улусъ Джучіевъ или Золотая Орда).

И Хулагу и Джучиды являлись съ точки зрѣнія монгольской имперіи лишь мѣстными ханами („царями" по терминологіи русскихъ лѣтописей). Они подчинялись оба Великому хану, имѣвшему ставку въ глубинахъ Монголіи (Каракорумъ), позже въ Китаѣ. Формальное единство монгольской имперіи продолжалось до второй половины XIV вѣка (1368 — конецъ монгольской династіи въ Китаѣ). Но при соподчиненіи своемъ одному центру, отдѣльныя части монгольской имперіи тѣмъ не менѣе часто вели другъ по отношенію къ другу враждебную политику. Хулагиды и Джучиды находились въ состояніи явной войны другъ съ другомъ начиная съ 1259 г. и въ теченіе всего конца XIII в. Причиною вражды между прочими были притязанія золотоордынскихъ хановъ въ Закавказьѣ, Хорасанѣ и Хорезмѣ. Кромѣ того была и религіозная почва для раздора. Хулагу былъ шаманистъ,[4] и, какъ сказано, выступалъ прямо противъ мусульманства. Между тѣмъ Берке (1254—1266) еще до того, какъ сталъ ханомъ, принялъ мусульманство.[5] Возможно, что именно извѣстія о насиліяхъ надъ мусульманами и ниспроверженіи калифата въ Багдадѣ какъ разъ послужили поводомъ для окончательнаго разрыва между Берке и Хулагу.

Разрывъ этотъ былъ ловко использованъ Египетской дипломатіей. Въ Египтѣ съ 1250 года на мѣсто Эйубидской утвердилась новая, мамлюкская династія. Мамлюки (рабы) были въ Египтѣ при Эйубидахъ охранной гвардіей султана. Какъ объяснялъ византійскій историкъ Никифоръ Григора „египтяне не хороши для войны, потому что по большей части боязливы и не мужественны.

---

[1]) Stanley Lane-Poole, A history of Egypt in the Middle-Ages (London 1901) стр. 262; Grousset, III, 104.

[2]) Ср. о дипломатіи египетскаго султана Бейбарса и его сношеніяхъ съ Берке замѣчанія L. Cahun (Lavisse et Rambaud, Histoire Générale, II, 971; III, 923—924).

[3]) Разрывъ между Хулагу и Берке (ханомъ Золотой Орды) не могъ произойти ранѣе конца 1258 г., т. к. еще при взятіи Багдада (5 февраля 1258) въ войскѣ Хулагу находились вспомогательные отряды изъ улуса Джучіева. См. Н. И. Веселовскій, Ханъ изъ темниковъ Золотой Орды Ногай и его время (Петр. 1922), стр. 11.

[4]) Преемники Хулагу были близки къ христіанству. Лишь въ 1285 г. во главѣ персидскаго монгольскаго царства сталъ мусульманинъ.

[5]) Этимъ объясняется вражда съ племянникомъ его Сартакомъ, повидимому — христіаниномъ. См. разсказъ Насировыхъ таблицъ въ переводѣ В. В. Бартольда (Записки Вост. Отд. Русс. Археол. Общества, VI, 330—331); W. Kotwicz замѣтка въ Rocznik Orjentalistyczny, II (Lwów, 1925), 271.

Поэтому они принуждены набирать войско изъ иныхъ странъ и такъ сказать дѣлать своими господами покупаемыхъ за серебро".[1]

Кончилось тѣмъ, что „покупаемые за серебро" произвели внутренній переворотъ и захватили власть въ государствѣ. Это произошло во время шестого крестоваго похода, когда Людовикъ IX высадился въ Египтѣ, мусульманскому государству въ Египтѣ грозила гибель, и спасено оно могло быть только величайшимъ военнымъ напряженіемъ. На два съ половиною вѣка утвердилась въ Египтѣ Мамлюкская династія.[2]

Мамлюки набирались преимущественно изъ среды невольниковъ, вывозимыхъ изъ южной Россіи. Со второй четверти XIII в. главный контингентъ мамлюкской гвардіи составляли половцы (куманы), бѣжавшіе отъ монгольской арміи или захваченные монголами и проданные въ рабство. По словамъ того же Никифора Григоры, мамлюки набирались изъ „европейскихъ Скиѳовъ (живущихъ) около Меотійскаго (озера) и Танаиса".[3]

Другой византійскій историкъ Георгій Пахимеръ, приводитъ длинное естественно-историческое объясненіе необходимости для Египтянъ набирать войско изъ Скиѳовъ. „Противоположныя другъ другу страны" — говоритъ Пахимеръ — „сѣверная и южная, испытываютъ противоположныя вліянія отъ природныхъ силъ на тѣлесное и душевное расположеніе; изъ-за климата можно найти не только опредѣленныя различія между безсловесными животными, но и между людьми. Животныя на сѣверѣ бѣлѣютъ, на югѣ чернѣютъ. Люди на сѣверѣ неспособны къ логическимъ понятіямъ, у нихъ не существуетъ ни словесныхъ, ни естественныхъ наукъ, ни знанія, ни разумѣнія, ни хозяйственныхъ или техническихъ работъ, — ни другого, чѣмъ отличаются люди отъ животныхъ; (сѣверные люди) имѣютъ безумныя и воинственныя страсти, легко подвигаются, когда ихъ кто возбудитъ, имѣя въ себѣ нѣчто отчаянное и вакхическое, и служа Арею. На югѣ же все противоположное. (Жители юга) отлично одарены и способны къ общежитію, искусству и словеснымъ наукамъ, но вялы для гнѣва, мягки для битвъ, и предпочитаютъ, живя въ бездѣятельности, имѣть немногое, чѣмъ брать многое, много хлопоча. Если бы кто испытуя природу (поискалъ причину) этого (различія), то нашелъ бы причину въ солнцѣ, которое (у сѣверныхъ людей) свѣтитъ мало и не долгое время, и непрямыми (лучами) разогрѣваетъ мозгъ, изъ котораго родятся способности; (солнце) производитъ давленіе на кожу и вырабатываетъ прочность членовъ; въ противоположныхъ же краяхъ (т. е. на югѣ) солнце больше свѣтитъ и согрѣваетъ способности въ мозгу: ибо природный порядокъ мѣняетъ тѣла и души. Вслѣдствіе этого Эѳіопы и цѣнили скиѳское племя, пріобрѣтая (скиѳовъ) для работы или пользуясь ими какъ воинами.[4]"

Половецкое происхожденіе мамлюковъ должно было сыграть роль въ укрѣпленіи связей съ южной Россіей. Часть курановъ (половцевъ) осталась въ южной Россіи и послѣ монгольскаго завоеванія.

„Когда во главѣ управленія (Египтомъ) сталъ Скиѳъ" — объясняетъ тотъ

---

[1]) Niceph. Gregora, I (ed. Bonn.), 102.

[2]) Stanley Lane-Poole, o. c., 242 слл. В. Тизенгаузенъ, Сборникъ матеріаловъ, относящихся къ исторіи Золотой Орды, I (Спб. 1884), стр. X—XI.

[3]) Ibid.

[4]) Pachym., I, (ed. Bonn.), 175—176.

же Пахимеръ — „то еще болѣе потребовалось (въ Египтѣ) скиѳское племя, изъ нихъ составлялось войско.[1]"

Такимъ образомъ, помимо соображеній международнаго характера, и внутренне-политическія соображенія толкали египетскаго султана Бейбарса на путь соглашенія съ властителемъ южной Россіи ханомъ Берке. Сношенія эти однако нелегко было наладить. Путь изъ Египта въ Золотую Орду пó-суху, черезъ Сирію и Кавказъ, былъ перерѣзанъ владѣніями Хулагу. Морской путь, черезъ Босфоръ, зависѣлъ отъ воли Константинопольскаго Императора.

Сношенія сухимъ путемъ могли быть лишь случайны и эпизодичны. Такъ, къ Бейбарсу послѣ разрыва между Хулагу и Берке пробрались золотоордынскія воинскія части, находившіяся до разрыва въ войскахъ Хулагу, какъ вспомогательные отряды, и не имѣвшіе возможности вернуться къ своему хану.[2] Въ 659 г. или 660 г. Гиджры (1260—62) Бейбарсу удалось отправить къ Берке письмо съ однимъ изъ аланскихъ торговцевъ.[3]

Постоянныя сношенія между Египтомъ и Золотою Ордою могли однако наладиться только черезъ Константинополь. Это хорошо понимали и греки. По словамъ Пахимера, сношенія Египта со Скиѳіей не иначе могли происходить „какъ черезъ проливъ Чернаго Моря, это же они не могли сдѣлать безъ содѣйствія царя".[4]

Пока Константинополемъ владѣлъ Латинскій Императоръ, Бейбарсъ вѣроятно не могъ расчитывать на его содѣйствіе. Но когда Михаилъ Палеологъ возстановилъ Греческое царство въ Константинополѣ, можно было думать о переговорахъ.

Трудности, которыя предстояло преодолѣть египетской дипломатіи, заключались въ томъ, что Михаилъ Палеологъ находился въ дружественныхъ отношеніяхъ съ Хулагу со времени еще сношеній Хулагу съ Никейскимъ дворомъ.[5]

III

Какъ было уже упомянуто, сношенія Бейбарса съ Берке начались съ письма которое Бейбарсъ отправилъ къ Берке черезъ одного изъ аланскихъ торговцевъ. Арабскій историкъ Ибнабдеззахыръ, секретарь Бейбарса, такъ разсказываетъ объ этомъ письмѣ: „Въ 660 г. (1261—2) онъ (султанъ) написалъ къ Берке великому царю татарскому письмо, которое я писалъ со словъ его (и въ которомъ) онъ подстрекалъ его противъ Хулавуна, возбуждалъ между ними вражду и ненависть, да разбиралъ доводъ тому, что для него обязательна священная война съ татарами, т. к. получаются одно за другимъ извѣстія о принятіи имъ ислама, и что этимъ вмѣняется ему въ долгъ воевать съ невѣрными, хотя бы они были его родичи. Вѣдь и пророкъ — надъ нимъ благословеніе Аллаха и миръ — сражался съ своими соплеменниками родичами и воевалъ противъ Курейшитовъ; ему было повелѣно (Аллахомъ) биться съ людьми до тѣхъ поръ, пока они

---

[1]) Ibid., 176.

[2]) Веселовскій о. с., 21.

[3]) Тизенгаузенъ о. с., 55 и 98; Веселовскій, о. с., 20—21.

[4]) Pachym. l. c. 176—177. Cp. Niceph. Greg. l. c. 101—102.

[5]) Объ этихъ сношеніяхъ см. работу М. А. Андреевой въ Recueil d'études dédiées à la mémoire de N. P. Kondakov (Prague 1926).

скажутъ: нѣтъ божества кромѣ Аллаха! Исламъ не состоитъ только въ однихъ словахъ; священная война есть одна изъ (главныхъ) опоръ его".[1]

Въ концѣ 1261 или началѣ 1262 года Бейбарсу удалось договориться съ Византіей о пропускѣ его пословъ къ Берке. Михаилъ Палеологъ совершилъ торжественный въѣздъ въ Константинополь 15 августа 1261 года. „Когда царь устроилъ всѣ дѣла хорошо и какъ хотѣлъ" — разсказываетъ Пахимеръ — „были направлены посольства къ далеко живущимъ, одно къ князю (архонту) тохаровъ Халау, а другое — къ султану эѳіопскому".[2]

Арабскій историкъ Шафи, сынъ Али, разсказывая о событіяхъ 662 года Гиджры (1262—3) говоритъ, что Ласкарисъ (т. е. Михаилъ Палеологъ) уже передъ тѣмъ „поклялся султану въ соблюденіи мира и дружбы, и въ удостовѣреніе этого прислалъ ему грамату на греческомъ языкѣ".[3]

Египетское посольство могло быть отправлено черезъ Византію лѣтомъ 1263 г., при чемъ передъ тѣмъ черезъ Византію же прибыли въ Египетъ послы отъ Берке. Обо всемъ этомъ такъ разсказываетъ арабскій историкъ Эльмуфаддаль: „Въ этомъ (661) году 11 реджаба (= 21 мая 1263 г.) прибыли моремъ въ Александрію два посла отъ Берке: одинъ по имени Джелалледдинъ, сынъ Кадія Дауката, другой Изеддинъ Эттуркмани. Содержаніе посланія было (слѣдующее): знай, что я другъ правовѣрія, а что этотъ супостатъ, т. е. Хулавунъ, невѣрный: онъ уже злодѣйски избилъ мусульманъ и овладѣлъ ихъ землями. Я разсудилъ, чтобы ты двинулся на него съ твоей стороны, а я пойду на него съ своей стороны. Мы нападемъ на него сразу и выгонимъ его изъ края. Я отдаю тебѣ (всѣ) мусульманскія земли, находящіяся въ рукахъ его. Поблагодарилъ его султанъ за это и отправилъ къ нему великолѣпный подарокъ да посла, сеида почтеннаго Имамеддина Абдеррахима Эльшахеми Эльбасси и эмира Фариседдина Акуша Эльмасуди Эльасади, въ сообществѣ пословъ Берке... Посланіе (султана) содержало заявленіе готовности (на предложеніе) да просьбу жить въ мирѣ и оказать имъ помощь противъ Хулавуна".[4]

По словамъ другого арабскаго историка Ибнабдеззахыра послы султана благополучно добрались „въ земли Ласкариса", и Ласкарисъ (т. е. Михаилъ Палеологъ) „принялъ ихъ съ почетомъ".[5] Прибытіе египетскихъ пословъ въ Константинополь совпало съ пріѣздомъ туда пословъ отъ Берке.

Въ дальнѣйшемъ, произошла однако заминка. Египетскіе послы должны были быть отправлены дальше къ Берке, вмѣстѣ съ послами Берке, пришедшими въ Византію,[6] но затѣмъ задержаны въ Византіи.

Шафи сынъ Али сообщаетъ, что задержка пословъ вызвана была тѣмъ обстоятельствомъ, что со стороны Берке сдѣланъ былъ грабительскій набѣгъ на Византію.[7]

Возможно однако, что Шафи сынъ Али спуталъ, и набѣгъ Берке, о которомъ онъ упоминаетъ не предшествовалъ задержкѣ пословъ, а ею былъ вызванъ.

---

[1]) Веселовскій 20—21.
[2]) Pachym. l. c., 174.
[3]) Тизенгаузенъ, 126.
[4]) Тизенгаузенъ, 189—190.
[5]) Тизенгаузенъ, 57.
[6]) Тизенгаузенъ, ibid.
[7]) Тизенгаузенъ, 126.

Изъ словъ Эльмуфаддаля совершенно ясно, что задержка пословъ объяснялась интригами Хулагу, и колебаніемъ византійскаго царя между двумя системами союзовъ. По разсказу Эльмуфаддаля, египетскіе послы не застали „Василевса Кирмихаила" въ Константинополѣ, т. к. онъ занятъ былъ войною съ франками, и должны были ѣхать къ нему еще въ теченіе 20 дней изъ Константинополя до крѣпости Кесая (?). Царь выѣхалъ къ нимъ навстрѣчу, оказалъ имъ почетъ и обѣщалъ имъ содѣйствіе въ отправленіи въ земли (кипчацкія). Застали они у него пословъ отъ Хулавуна, и онъ (Михаилъ, медля отправкою пословъ Египетскаго султана) оправдывалъ передъ ними замедленіе въ отправленіи ихъ опасеніемъ, чтобы Хулавунъ не узналъ объ этомъ.[1] Затѣмъ онъ приказалъ имъ возвратиться въ Константинополь и оставаться тамъ до тѣхъ поръ, пока онъ не вернется и отправитъ ихъ. Не переставалъ онъ дѣлать имъ проволочки до того, что они провели у него годъ и 3 мѣсяца. Когда пребываніе ихъ (тамъ) затянулось, то они послали сказать ему: „если тебѣ нельзя оказать содѣйствіе къ отправкѣ нашей, то отпусти насъ обратно въ Египетъ." Позволилъ онъ вернуться одному лишь шерифу и опять сталъ оправдываться тѣмъ, что боится Хулавуна." Ибнельфоратъ тутъ добавляетъ: „Извинялъ онъ удерживанье ихъ отъ отправки (въ Кипчакъ) тѣмъ, что земля его далека отъ странъ, сосѣднихъ съ царствомъ султана Рукнеддина (т. е. Бейбарса), но близка къ землямъ сосѣднимъ съ царствомъ Хулаку, (который) услышавъ, что я позволилъ посламъ царя Египетскаго отправиться къ царю Берке, заподозритъ (въ этомъ) нарушеніе мира между мною и имъ и поспѣшитъ ограбить сосѣднія ему земли мои".[2]

Извѣстіе о задержкѣ пословъ дошло до султана въ рамазанѣ 662 г. (= 27 іюня — 26 іюля 1263 г.) и вызвало страшный гнѣвъ султана.[3]

„Султанъ созвалъ патріарховъ и священниковъ (греческихъ) и потребовалъ отъ нихъ постановленія насчетъ того, кто поклялся въ соблюденіи подобнаго договора и нарушилъ (его). Они признали его за клятвопреступника и отступника отъ своей религіи. Онъ взялъ собственноручныя удостовѣренія ихъ въ этомъ и отослалъ ихъ къ Ласкарису".[4]

Вѣроятно, задержкою египетскихъ пословъ и была, вызвана война Берке противъ Византіи въ 1264–65 г. г.

На сторонѣ Берке участвовалъ въ этой войнѣ и болгарскій царь Константинъ Тихъ.[5] Война 1264—65 г. г. связана была также съ тѣмъ обстоятельствомъ, что въ Византіи держался въ плѣну бывшій иконійскій султанъ Изеддинъ; Бейбарсъ и Берке требовали его освобожденія по ходатайству брата его, иконійскаго султана Рукнеддина.[6]

Война кончилась побѣдою войскъ Берке надъ греческими войсками. Михаилъ Палеологъ долженъ былъ отказаться отъ Хулагу и рѣшительно примкнулъ къ кипчацко-египетскому соглашенію.

---

[1]) Ибнельфоратъ прибавляетъ: „Это была уловка съ его стороны" (Тизенгаузенъ, 190).

[2]) Тизенгаузенъ, 190.

[3]) Тизенгаузенъ, 62.

[4]) Тизенгаузенъ, 126.

[5]) Ср. П. Никовъ, Татаробългарски отношенія прѣзъ срѣднитѣ вѣкове (София, 1921), стр. 6—7; Pachym., ed. Bonn. I, 229—240; Niceph. Gregoras, ed. Bonn. I, 100.

[6]) Вѣроятно это также была интрига противъ Хулагу.

На Балканахъ дѣйствовалъ не самъ Берке, а его полководецъ, одинъ изъ его темниковъ[1] Ногай. Послѣ смерти Берке (1266) при новомъ ханѣ Менгутимурѣ Ногай пріобрѣлъ еще больше значенія.[2]

Этого Ногая Михаилъ Палеологъ и рѣшилъ привлечь на свою сторону и далъ ему въ жену свою незаконную дочь Евфросинью. Помощью Ногая Михаилъ воспользовался въ 1271 г. при столкновеніи съ болгарскимъ царемъ Константиномъ.[3]

Дипломатическія сношенія между Золотой Ордой, Египтомъ и Византіей продолжались и послѣ смерти Берке, при Менгутимурѣ. Въ 70-хъ годахъ XIII вѣка можно отмѣтить нѣсколько случаевъ обмѣна посольствами.

„Въ 671 (= 1273) г. онъ (султанъ) снарядилъ въ путь пословъ царя Менгутимура, пословъ царя Ласкариса и пословъ Исмаилитовъ.[4] Они уѣхали въ мѣсяцѣ шабанѣ (= 21 февраля — 22 марта 1273 г.).[5] 18 реджеба 674 г. (= 18 янв. 1276) „отправленъ былъ (также) подарокъ царю Менгутимуру съ эмиромъ Изеддиномъ Айбекомъ Эльфахри. Отпустилъ онъ (султанъ) пословъ царя Ласкариса, пословъ Альфонса и пословъ Генуэзскихъ“.[6] Въ обоихъ этихъ случаяхъ, и въ 1273 г. и въ 1276 г. кипчацкіе послы проходили очевидно черезъ Византію.

Можно думать, что оба раза съ этимъ обмѣномъ посольствами между Зол. Ордой и Египтомъ связанъ былъ и обмѣнъ посольствами между Византіей и каждымъ изъ главныхъ союзниковъ, между которыми Византія была посредникомъ. Относительно Египта это ясно, т. к. въ цитованныхъ сообщеніяхъ Эльмакриди оба раза прямо говорится о послахъ Ласкариса въ Египтѣ. Но можно думать, что съ этимъ же связанъ былъ и обмѣнъ посольствами между Византіей и Золотой Ордой. Со стороны Золотой Орды при этомъ посломъ являлся иногда представитель русской православной церкви. Объ этомъ совершенно опредѣленно говорится въ Никоновской лѣтописи. Именно подъ 6787 (= 1279) годомъ въ Никоновской лѣтописи разсказывается, что Сарайскій епископъ Ѳеогностъ вернулся изъ Константинополя, куда его посылали „царь Ординскій“ Менгутимуръ и митрополитъ Кириллъ съ грамотами къ греческимъ царю и патріарху.[7] При этомъ говорится, что епископъ Ѳеогностъ вернулся „втретіи“ изъ Греческой земли „изо Царяграда“. Можно думать, что первыя двѣ поѣздки Ѳеогноста въ Царьградъ совпадали съ поѣздками пословъ Золотой Орды въ Египетъ, т. е. приходились на 1273 и 1276 г. г.[8]

Быть можетъ, третья поѣздка Ѳеогноста въ Царьградъ, т. е. поѣздка 1279 г. связана была съ посылкою кипчацкихъ пословъ въ Египетъ. По крайней мѣрѣ 1280 г. изъ Египта снаряжено было въ Кипчакъ посольство съ подарками Сарайскому хану. Послами были отправлены Шемседдинъ Сонкоръ Эльгутми и Сей-

---

[1]) Темникъ — начальникъ 10.000.

[2]) Послѣ же смерти Менгутимура (1280) Ногай сдѣлался почти самостоятельнымъ владѣтелемъ и наоборотъ самъ распоряжался въ Золотой Ордѣ именемъ ея хановъ.

[3]) Никовъ, l. c. 11—12; Pachym. I, 348, 427 сл.; Greg. I, 149.

[4]) Ассасиновъ.

[5]) Свѣдѣнія Эльмакриди (Тизенгаузеръ, 434).

[6]) Эльмакриди (Тизенгаузенъ, 434). Альфонсъ — вѣроятно Альфонсъ X Кастильскій (1255—1284).

[7]) Полное Собраніе Русскихъ Лѣтописей, т. X (1885), стр. 157.

[8]) Ѳеогностъ былъ Сарайскимъ епископомъ съ 1269 по крайней мѣрѣ по 1291 г.

фединъ Балабанъ. Посольство было снаряжено еще до смерти кипчацкаго хана Менгутимура.[1]

Слѣдующій обмѣнъ посольствами между Золотой Ордой и Египтомъ происходилъ уже при ханѣ Туданъ-Менгу,послѣ смерти Михаила Палеолога, въ 682 г. Гиджры (= 1283—84 г.).[2]

IV

Дипломатическія сношенія между Египтомъ и Золотою Ордою не проходили безслѣдно для культурной жизни того и другого государства.

Прежде всего, для новообращенныхъ въ исламъ кипчацкихъ хановъ Египетъ былъ религіозной митрополіей, что и понятно, т. к. въ XIII вѣкѣ Египетъ былъ дѣйствительно центромъ мусульманской культуры.

Выше уже приведено было посланіе Берке къ египетскому султану въ передачѣ Эльмуфаддаля.[3]

Берке прямо заявилъ, что онъ „другъ правовѣрія" и готовъ былъ отдать Бейбарсу всѣ „мусульманскія земли", захваченныя Хулагу.

Примѣру Берке послѣдовалъ его темникъ Ногай. Въ 669 г. Г. (1270/1) прибыло въ Египетъ посланіе отъ Ѣсу-Ногая „родственника царя Берке и главнаго предводителя войскъ его". Въ этомъ посланіи Ногай сообщалъ: „Хвалю Аллаха всевышняго за то, что онъ включилъ меня въ число правовѣрныхъ и сдѣлалъ меня (однимъ) изъ тѣхъ, которые слѣдуютъ вѣрѣ очевидной".

И далѣе: „Мы идемъ по пути отца нашего Беркехана, слѣдуемъ за истиной и уклоняемся отъ лжи."[4]

Неизвѣстно, исповѣдывалъ ли исламъ слѣдующій послѣ Берке ханъ, Менгутимуръ. Повидимому нѣтъ.[5]

Въ 682 г. Гиджры (1283/84) въ Египетъ прибыли послы отъ слѣдующаго хана Золотой Орды Туданменгу съ извѣстіемъ, что онъ принялъ мусульманство. Туданменгу просилъ султана сообщить ему прозвище изъ именъ мусульманскихъ и прислать „знамя халифское да знамя султанское, съ которыми онъ могъ бы поражать враговъ религіи".[6]

Дипломатическія сношенія влекли за собою проникновеніе канцелярской письменности и бюрократическихъ формъ изъ одного государства въ другое, въ частности проникновеніе монгольской письменности изъ Сарая въ Египетъ.

Переписка мамлюкскихъ султановъ съ золотоордынскими ханами производилась большею частью на монгольскомъ языкѣ. Для этого при Египетскомъ дворѣ приходилось держать особыхъ чиновниковъ, знакомыхъ съ языкомъ, обычаями и законами своихъ соотечественниковъ.[7]

---

[1]) Менгу-Тимуръ умеръ въ 679 г. Гиджры, т. е. 1280 г. (см. табл. Веселовскаго въ Изв. отд. р. яз. и слов., 1916, XXI, 1). Туданъ-Менгу воцарился въ Сараѣ въ 680 г. Гиджры въ мѣсяцѣ джумадиэльахырѣ (=въ августѣ 1281). См. Тизенгаузенъ, 104.

[2]) Тизенгаузенъ, 362.

[3]) См. выше стр. 78.

[4]) Тизенгаузенъ, 101—2, 434; Веселовскій, 22.

[5]) Элькалькашанди (ум. въ 821 г. Гиджры = 1418/19) утверждаетъ, что послѣдовавшіе за Берке ханы до Узбека (1313—1341) не исповѣдывали ислама (Тиз. 406). Это однако во всякомъ случаѣ невѣрно по отношенію къ Туданъ-Менгу.

[6]) Тизенгаузенъ, 362.

[7]) Тизенгаузенъ, стр. XI.

Такъ было не только въ XIII вѣкѣ, но продолжалось и въ XIV-мъ. Эломари (ум. 749 г. Г. = 1348/9) сообщаетъ между прочимъ слѣдующее: „Въ настоящее время власть надъ ними (кипчаками) въ рукахъ одного изъ сыновей Узбека: Тинибека или Джанибека, я полагаю Тинибека.[1] Порядокъ переписки съ нимъ (такой): пишется по-арабски, какъ пишется царю Ирана, но большей частью пишется къ нему по-монгольски и это (писаніе составляетъ) одно изъ дѣлъ, возложенныхъ (въ Египтѣ) на Итмыша Эльмухаммеди, на Таирбугу Эннасыри и на толмача Аргадака; впослѣдствіи этимъ сталъ распоряжаться кравчій Кусунъ Эннасыри".[2]

Перенималась однако не только форма: перенимались и юридическія нормы государственной жизни, въ частности, Чингизова яса. Эссуюти (ум. 1418) сообщаетъ такое извѣстіе: „султанъ Бейбарсъ дѣлалъ все, что могъ, чтобы ввести въ своемъ царствѣ въ земляхъ Египетскихъ порядки и уставы Татарскаго царя Чингисхана".[3]

Ибнтагрибирди (ум. 1470) разсказываетъ, что египетскій эмиръ Арташъ до тонкости изучилъ ясу, (а также превосходно зналъ генеалогію и происхожденіе татарскихъ родовъ и часто ссылался на лѣтописи своего народа).[4]

Сношенія между Египтомъ и Византіей сопровождались также проникновеніемъ предметовъ художественной промышленности изъ одного государства въ другое, преимущественно изъ Египта въ Золотую Орду. Въ арабскихъ источникахъ подробно описываются напр. подарки, посланные египетскимъ султаномъ кипчацкому хану въ первое посольство 1263 г.

Ибнабдеззахыръ такъ разсказываетъ объ отправленіи этого посольства: „Когда письмо (султана къ Берке) было окончено, то изготовили высочайшіе подарки, какъ то: священное писаніе, написанное, говорятъ, Османомъ, сыномъ Аффана — да ниспошлетъ ему Аллахъ свое благоволеніе — въ обложкѣ изъ краснаго, шитаго золотомъ, атласа, и въ футлярѣ изъ кожи, подбитой шелкомъ; налой для него изъ слоновой кости и чернаго дерева, выложенный частями серебра, съ серебрянымъ замкомъ; большое количество превосходныхъ венеціанскихъ матерій; разные цвѣтные молитвенные подушки и ковры; нѣсколько цвѣтныхъ левантскихъ одеждъ; подушки изъ кожи и ковры съ навѣсами; великое множество подставокъ для подсвѣчниковъ; калджурскіе мечи съ серебряной насѣчкой; булава, съ желѣзнымъ основаніемъ, позолоченная и др.; франкскіе шлемы съ серебряными закраинами; лакированные латы; фонари съ венеціанскими обложками (Тиз.: стеклами); машинки для свѣтильниковъ лакированныя съ футлярами; серебряные фонари съ венеціанскими обложками; шестовъ въ видѣ копій для серебряныхъ фонарей изрядное количество; множество двойныхъ свѣтильниковъ на плакированныхъ подставкахъ; плакированныя удила съ головками, обтянутыми шнуркомъ и украшенными серебромъ; серебряныя позолоченныя пластинки; пахвы разукрашенныя и войлоки; сѣдла харезмскія

---

[1]) Джанибекъ царствовалъ въ Золотой Ордѣ съ 1341 по 1357 годъ. Ср. Вельяминовъ-Зерновъ, Изслѣдованіе о Касимовскихъ царяхъ и царевичахъ, I (Спб. 1863), стр. 227.

[2]) Тизенгаузенъ, 251.

[3]) Эссуюти, Булак. изд. стр. 10 (Тизенгаузенъ, стр. XI).

[4]) Тизенгаузенъ, стр. XI—XII. Интересно было бы выяснить, не сохранилось ли арабскаго перевода Чингизовой ясы? Утраченная въ подлинникѣ не можетъ ли яса быть найдена въ переводѣ?

и къ нимъ подушки; Булгарскіе мѣшечки (?), обшитые галуномъ и блестками серебра; Дамасскіе луки съ кольцомъ и шелковыми тетивами; луки для метанія (небольшихъ) ядеръ съ своими тетивами; сумки изъ шкуръ пестрыхъ обезъянъ; шандалы съ серебряной инкрустаціей; Канайскія копья съ желѣзными арабскими наконечниками; стрѣлы удивительной отдѣлки въ кожаныхъ футлярахъ; котлы изъ змѣевика; большіе канделябры съ золотыми разводами и серебряными позолоченными цѣпочками; слуги; прислужницы-поварихи; попугаи удивительные; (дикіе ослы); нѣсколько быстроногихъ коней; изрядное количество арабскихъ плащей; рѣдкіе нубійскіе верблюды; вьючныя животныя быстроты недостижимой; дрессированныя обезьяны; довольно (много) верблюжьихъ сѣделъ; уздечки съ цѣпочками; шерстяныя попоны для вьючнаго скота; хатайскія накидки для обезьянъ; жирафъ, у котораго вся попона шерстяная, красная, узорчатая. Всего этого онъ отправилъ большое количество".[1]

Эльмуфаддаль разсказываетъ о томъ же посольствѣ: „Въ числѣ подарковъ находились звѣри, чуждые этому краю, какъ то: слонъ, жирафъ, обезьяны, дикіе полосатые ослы (Тиз.: зебры?), верблюды и ослы Египетскіе; огромная кипа одеждъ и золотыхъ украшеній, шандалы серебряные, цыновки Абаданскія, (разная) утварь, Китайская посуда, одежды Александрійскія, множество издѣлій фабрики золотого шитья, сладостей и бѣлаго сахару".[2]

Животныхъ, отправленныхъ съ этимъ посольствомъ въ видѣ подарковъ, ждала печальная участь: большая часть ихъ погибла въ Константинополѣ,[3] гдѣ, какъ было выше указано, посольство задержалось около двухъ лѣтъ.

Византійскій историкъ Пахимеръ оставилъ намъ подробное описаніе посланнаго изъ Египта жирафа, помѣщая его однако въ число тѣхъ подарковъ, которые египетскимъ султаномъ были назначены византійскому царю.[4]

„Среди подарковъ былъ и жирафъ, животное чудесное и необычное, о которомъ я немного хочу сказать, видѣвшимъ для напоминанія, а не видѣвшимъ въ поученіе. Тѣло у него размѣромъ съ осла, изъ тѣхъ, которыхъ мы называемъ канѳонами (= вьючныя животныя [т. е. вѣроятно мулы]), а кожа на подобіе леопарда, бѣлая и усѣянная огненно-красными пятнами, а положеніе тѣла наподобіе верблюда, приподнятое отъ паха заднихъ ногъ къ плечамъ (переднихъ), такъ что переднія ноги значительно выше заднихъ. Шея же на подобіе журавля, вытянутая въ длину и подымающаяся къ головѣ, что придаетъ животному гордый видъ. Голова же маленькая и вида верблюжьей (головы). Животъ бѣлый, и отъ шеи черезъ весь спинной хребетъ и до хвоста умѣренной величины проходитъ правильнѣйшимъ образомъ прямая черная линія. Ноги же тонкія на подобіе оленя и съ раздвоеннымъ копытомъ. Впрочемъ, (животное это) ручное, такъ что и ребенокъ играя можетъ вести его за носъ, и покорно идетъ, куда хочешь, травоядное, кормить его можно хлѣбомъ и ячменемъ на подобіе овцы. Нравомъ ручное. Защитою же ему противъ обидъ (ибо по большей части это природа дѣлаетъ для животныхъ, чтобы если кто нападаетъ [на нихъ, имъ было бы чѣмъ] защищаться) [служитъ] не копыто, какъ у коня, ни рогъ, какъ у быка

[1]) Тизенгаузенъ, 60—61.
[2]) Тизенгаузенъ, 189.
[3]) Эльмуфаддаль (Тизенгаузенъ, 190).
[4]) О подаркахъ, посланныхъ изъ Египта въ Золотую Орду черезъ Византію, Пахимеръ не говоритъ вовсе.

(ибо роговъ у него нѣтъ), ни клыкъ, какъ у кабана, ни коготь, какъ у кошки, но только зубы, думаю, умѣренные, не серьезные для кусанія, такъ, чтобы отражать обиду, а не вредить: ибо въ зубахъ не заключается никакого яда, на подобіе тѣхъ (животныхъ), которыхъ природа вооружаетъ ими (зубами). Это-то (животное), какъ нѣкое чудо, присланное оттуда (изъ Египта) къ царю и водимое по площади, было зрѣлищемъ каждодневнымъ и наслажденіемъ для зрителей".[1]

Въ 682 г. Гиджры (1283/84 г.) были назначены къ отправкѣ въ Золотую Орду къ хану Туданменгу, принявшему мусульманство, слѣдующіе подарки: „200 кусковъ великолѣпной лучшей бѣлой Александрійской матеріи съ шитой каймой, изъ нихъ 100 кусковъ съ золотой каймой (содержавшей) титулы султана и 100 — съ шелковой каймой; 100 кусковъ съ шириною каймы въ 4 пальца сложенныхъ; 150 кусковъ полосатаго аксамита или вродѣ аксамита краснаго, сдѣланнаго на (султанской) фабрикѣ, съ шитыми золотомъ прозвищами султана; 100 кусковъ прекрасной бѣлой вошвы Александрійской работы съ шитыми золотомъ и шелкомъ обыкновенными прозвищами; 100 кусковъ тоже вошвы Дамьетской работы изъ... бѣлаго съ золотой и шелковой каймой; бѣлаго сахару превосходнаго, рафинаду, очищеннаго при срѣзкѣ (сахарнаго тростника), обычныя пряности; отправлено множество разныхъ припасовъ для мечети, которая строилась въ Крыму (= Солхатѣ), цѣною въ 2000 динаровъ. На этой мечети были начертаны прозвища султана Эльмелика Эльмансура. Былъ также посланъ... каменщикъ-каменосѣкъ, для изсѣченія на упомянутой мечети султанскихъ титуловъ. Посланы были съ ними (послами) масляныя краски".[2]

Можно думать, что подробное обслѣдованіе археологическихъ находокъ въ Сараѣ и вообще предметовъ археологіи Золотой Орды, напр. найденныхъ въ Москвѣ, легко установитъ элементы, обязанные своимъ происхожденіемъ такого рода египетскимъ посольствамъ.[3]

Г. Вернадскій.

---

[1]) Pachym. l. c. 177—178.

[2]) Ибнельфоратъ (Тизенгаузенъ, 362—363). См. статью И. Н. Бороздина Солхатъ (Новый Востокъ, кн. 13—14 [1926], стр. 271—301).

[3]) Интересны данныя, собранныя проф. Ф. Баллодомъ въ его книгѣ „Приволжские Помпеи" (Москва — Петроград, 1923); ср. его же „Культура Золотой Орды" (Новый Востокъ, кн. 6 [1924], стр. 336—349).

ЗАМѢТКИ О КИТАЙСКОМЪ ШЕЛКѢ НА ЮГѢ РОССІИ

Среди опубликованныхъ въ 1878 году въ Comptes Rendus тканей изъ погребеній Крыма и Тамани находится маленькій кусочекъ шелковой матеріи[1] съ сохранившимся желто-коричневымъ узоромъ изъ перекрывающихъ другъ друга ромбовъ, внутри которыхъ два слившіеся углами ромба образуютъ какъ-бы геометризованную восьмерку (см. рис. 1). Эта ткань была найдена въ 1842 году Корейшой, около Керчи, при слѣдующихъ обстоятельствахъ.[2] Раскапывая курганъ около Общественнаго Сада, Корейша нашелъ двѣ построенныя изъ каменныхъ плитъ могилы. Въ одной изъ нихъ былъ обнаруженъ маленькій, покрытый истлѣвшей тканью кипарисовый гробъ, передъ которымъ стоялъ кипарисовый треножникъ. Въ гробу находилась урна, завернутая въ фіолетовый, „какъ бы изъ толстой шелковой матеріи подбитой мѣхомъ“, покровъ. Въ урнѣ лежали сожженныя кости, завернутыя въ изданную въ Comptes Rendus шелковую ткань. Въ той-же могилѣ были найдены мелкія золотыя пластинки, гладкій золотой браслетъ и желѣзный мечъ. Найденные предметы къ сожалѣнію не были полностью опубликованы, а изданные въ Древностяхъ Босфора Киммерійскаго мечъ и золотой браслетъ не даютъ никакихъ указаній для опредѣленія времени погребенія.[3]

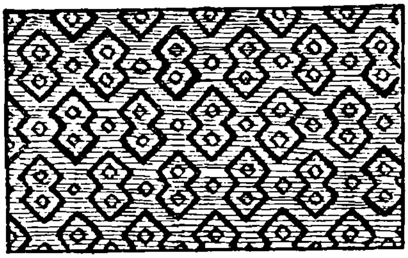

Рис. 1.
Узоръ шелковой ткани изъ Керчи.

Нѣкоторыя данныя для датировки можетъ дать кипарисовый треножникъ. Сохранившіяся ножки треножника украшены рѣзными фигурами собакъ; переднія лапы протянуты вверхъ по бокамъ ножки, тонкая длинная голова, сильно вытянутая вверхъ, вырѣзана отдѣльно, туловище переходитъ въ листъ аканѳа, оканчивающійся львиной лапой (см. рис. 2).[4] Ножки въ формѣ звѣриной лапы, съ различными усложненіями, встрѣчаются весьма часто на издѣліяхъ римской художественной промышленности.[5] Аналогичная ножка съ фигурой собаки, прі-

---

¹) Comptes Rendus de la Commission Impériale Archéologique 1878, 79. СПБ. 1881, стр. 135. Атласъ, табл. V, рис. 3.

²) См. Древности Босфора Киммерійскаго, Спб., 1854. Введеніе, стр. LXX—LXXII.

³) Болѣе обстоятельное изученіе инвентаря и отчета раскопокъ, если онъ сохранился, могло бы дать, вѣроятно, болѣе опредѣленныя данныя для сужденія о времени погребенія.

⁴) Древности Босфора Киммерійскаго, табл. LXXXI.

⁵) E. Pernice. Die Hellenistische Kunst in Pompeji, 1925, IV. Рис. 75—86. Mau, Pompeji in Leben und Kunst, рис. 192 и 194.

обрѣтенная въ Керчи, хранится въ Британскомъ Музеѣ.[1] Близкая копія керченской ножки была найдена въ развалинахъ маленькаго городка около Файума.[2] Найденные въ тѣхъ-же развалинахъ папирусы и римскія монеты принадлежатъ ко времени послѣднихъ Птоломеевъ и римскихъ императоровъ, кончая Маркомъ Авреліемъ.

Рис. 2. Кипарисовая ножка изъ Керчи.

Ransom относитъ Керченскій треножникъ ко времени Августа. Принимая во вниманіе, что треножникъ могъ быть сдѣланъ задолго до погребенія, осторожнѣе отнести время погребенія къ I или II вѣку по Р. Х. Слѣдовательно, шелковая ткань должна быть относима приблизительно къ тому-же времени.

Чрезвычайно мелкій узоръ шелковой ткани не позволяетъ отнести ее къ издѣліямъ египетской или римской промышленности. Всѣ извѣстныя намъ ткани греко-римскаго и египетскаго происхожденія характеризуются болѣе или менѣе крупнымъ узоромъ, зависящимъ отъ вкусовъ эпохи и отъ состоянія ткацкой техники. Ромбъ, какъ основная схема орнамента, въ равной степени свойственъ и узорнымъ тканямъ Египта, и древне-китайской орнаментикѣ. Развитіе этой схемы происходило совершенно самостоятельно, и можетъ быть прослѣжено въ Египтѣ начиная съ древняго царства. Какъ глубоко уходитъ въ древность ромбовый орнаментъ Китая — мнѣ не извѣстно. Чисто геометрическій орнаментъ изъ ромбовъ встрѣчается часто на памятникахъ, относимыхъ ко времени династіи Шу, Ханъ и позднѣе.[3] Чрезвычайное распространеніе этого орнамента на тканяхъ Египта и Китая въ началѣ I тысячелѣтія по Р. Х. — представляетъ большой интересъ, но едва ли можетъ быть объясняемо исключительно только вліяніемъ Китая на орнаментику Египта и Византіи.[4]

Среди китайскихъ тканей, найденныхъ A. Stein въ развалинахъ древняго Лу лань около Лобъ-нора, и относимыхъ ко времени отъ I вѣка до Р. Х. по III. вѣкъ по Р. Х., четыре ткани орнаментированы узоромъ изъ ромбовъ.[5] Чисто геометрическій узоръ на ткани рис. 14 (см. рис. 3) построенъ изъ пересѣкаемыхъ на углахъ маленькими ромбиками ромбовъ.

Многочисленные примѣры древне-китайскихъ шелковыхъ тканей съ мелкимъ ромбовиднымъ узоромъ опубликованы въ IV томѣ »Serindia« A. Stein'a.[6] Недавно найденныя Козловымъ въ курганахъ сѣверной Монголіи

---

[1]) C. Ransom. Reste Griechischer Holzmöbel in Berlin. Jahrb. d. Kais. deutsch. Archäol. Inst. XVII, 1902, стр. 125—140.

[2]) См. B. P. Grenfell, A. Hunt and D. Hogarth. Fayûm Towns and their Papyri. L. 1900. Табл. XVI, рис. 1.

[3]) Münsterberg. Chinesische Kunstgeschichte. I, рис. 32, 60, II, рис. 90—96, 384. Ars Asiatica, VII. Docum. d'Art Chinois de la Collect. O. Sirén. Paris, 1925, édit. Van Oest. Табл. XXVII, XLIII.

[4]) См. Strzygowski „Seidenstoffe aus Ägypten im Kaiser Friedrich Museum“. Jahrb. d. Kgl. Preuss. Kunstsamml. 1903.

[5]) См. F. H. Andrews. „Ancient chinese figured silks excavated by sir Aurel Stein“. The Burlington Magazine. XXXVII, 1920. Рис. 9, 11, 12 и 14.

[6]) Вслѣдствіе недоступности для меня этого труда, не могу привести болѣе точныхъ указаній.

ткани даютъ еще нѣсколько примѣровъ китайскихъ шелковъ съ подобнымъ же мелкимъ геометрическимъ узоромъ.[1]

Ромбъ, какъ узоръ ткани, встрѣчается на фрескахъ буддійскихъ храмовъ-пещеръ въ Китайскомъ Туркестанѣ.[2]

Болѣе близкую, но все же не полную аналогію нашему узору, находимъ на китайскомъ бронзовомъ сосудѣ, изданномъ у Мюнстерберга и отнесенномъ ко времени династіи Шу (1122—249 до Р. Х.).[3] Наружныя стѣнки сосуда покрыты сѣткой ромбовъ, внутри которыхъ помѣщаются геометризованныя восьмерки (см. рис. 4). Эта подробность особенно сближаетъ орнаментъ вазы съ узоромъ ткани.[4]

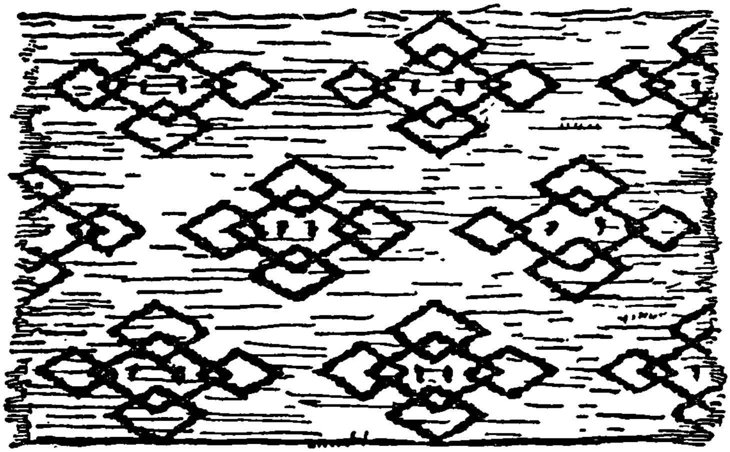

Рис. 3.
Китайская шелковая ткань.

Фактъ находки китайской шелковой ткани въ погребеніи I или II вѣка по Р. Х. въ Крыму — не представляетъ ничего неожиданнаго. Мы знаемъ, что въ I и II вѣкѣ торговыя сношенія римско-эллинистическаго міра съ Китаемъ уже вполнѣ установились.[5]

Шелковые товары шли въ Средиземноморскій міръ преимущественно двумя путями: сухимъ, упоминаемымъ Птоломеемъ и китайскими хрониками, черезъ Китайскій Туркестанъ, Фергану и Персію, и морскимъ, черезъ Индію, служившую посредницей между Китаемъ и Западомъ, въ Персидскій заливъ и Красное море, и далѣе караваномъ къ портамъ Средиземнаго моря. Изъ Сиріи или Египта шелкъ легко могъ попасть въ Крымъ и южную Россію.

---

¹) W. Perceval Yetts. Discoveries of the Kozlóv expedition. The Burlington Magazine, April 1926, табл. I A и табл. III F. Краткие отчеты экспедиций по исследованию Северной Монголии в связи с Монголо-Тибетской Экспедицией П. К. Козлова. Академия Наук. 1925.

²) Grünwedel. Alt Budhistische Kultstädte in Chin. Turkistan. Рис. 664, 665, 666.

³) O. Münsterberg. Chinesische Kunstgeschichte, II, рис. 189 f „Vase mit Deckel. Choustil. 1122—249 vor Chr.“

⁴) Очень мелкій рисунокъ у Münsterberg'а не позволяетъ вполнѣ точно различить формы восьмерокъ.

⁵) См. М. Хвостовъ. Исторія восточной торговли греко-римскаго Египта. Казань, 1907, стр. 150 слѣд. E. Pariset. Histoire de la soie. Paris, 1862. F. F. Richthofen. Uber die zentralasiatischen Seidenstrassen bis zum 2 Jahrh. nach Chr. Verhandl. d. Gesellsch. für Erdkunde. B. 1877. Hirth. China and the Roman Orient. München, 1885. Hirth. Zur Geschichte des antiken Orienthandels. Chines. Studien. München, 1890. Nissen. Der Verkehr zwischen China und dem römisch. Reiche. Jahrbuch. d. Vereins von Altertumfreunden in Rheinland, 1894. T. Yoschida. Entwickelung des Seidenhandels und der Seidenindustrie. Heidelberg, 1895. P. Vidal de la Blanche. Les voies de commerce dans la géographie de Ptolémée. Comptes Rendus. Acad. des Inscr. 1896. E. Chavannes. Les Pays d'Occident d'après le Heou Han chou. T'oung Pao, 1907. A. Hermann. Die Seidenstrassen von China nach dem Römischen Reich, Mitteil. d. kk. Geograph. Gesellsch. in Wien. LVIII. 1915.

Но кромѣ этихъ, вполнѣ установленныхъ наукой путей торговли, существовала еще одна возможность появленія китайскаго шелка и другихъ китайскихъ издѣлій въ южной Россіи.

Первое сообщеніе о торговомъ пути изъ черноморскихъ степей въ Центральную Азію находимъ у Геродота.[1] Разсказывая о Савроматахъ, Будинахъ, Ѳиссагетахъ, Іиркахъ, Скиѳахъ и Аргиппэяхъ, Геродотъ добавляетъ, что свѣдѣнія объ этихъ народахъ онъ собралъ у скиѳскихъ и греческихъ купцовъ, ходившихъ изъ черноморскихъ городовъ къ Аргиппэямъ. „О странѣ до этихъ плѣшивыхъ (Аргиппэевъ) и о племенахъ, обитающихъ по сю сторону ихъ, имѣются очень достовѣрныя свѣдѣнія: къ нимъ ходятъ нѣкоторые Скиѳы, отъ которыхъ не трудно добыть свѣдѣнія, равно какъ и отъ Эллиновъ изъ торжища Борисѳена и изъ другихъ припонтійскихъ торжищъ.“[2]

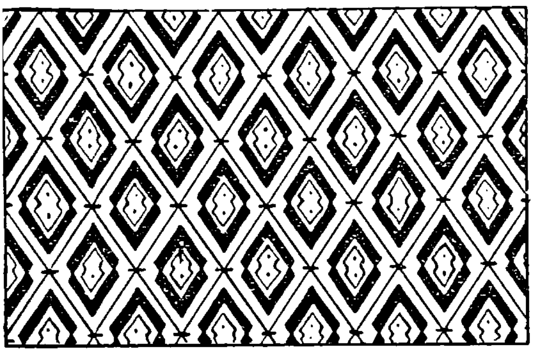

Рис. 4.
Орнаментъ китайской бронзовой вазы.

Одинъ изъ грековъ, Аристей изъ Проконниса (650 г. до Р. Х.), побывавшій не только у Аргиппэевъ, но проникшій даже къ Иссидонамъ, разсказалъ о своемъ путешествіи въ особой, не дошедшей до насъ поэмѣ.[3]

Изслѣдованія Томашка[4] устанавливаютъ географическое положеніе перечисляемыхъ Геродотомъ народовъ, и общее направленіе торговаго пути, шедшаго отъ черноморскихъ колоній на Сѣверъ къ Камѣ, въ область Ѳиссагетовъ, далѣе черезъ Уралъ и земли Іирковъ на Юго-Востокъ въ Центральную Азію — къ Аргиппэямъ. Аргиппэи, по мнѣнію Томашка, монгольское племя, обитавшее около Балхаша и сѣверныхъ склоновъ Тянь-шаня, были тѣмъ предѣломъ, за который обычные торговые караваны изъ Черноморья не проникали.

Миннсъ въ своемъ трудѣ „Scythians and Greeks,“ соглашаясь съ положеніями Томашка, пишетъ, что торговый путь отъ черноморскихъ колоній въ Азію существовалъ уже въ VII и VI столѣтіи, и шелъ въ область нынѣшней Кульджи, въ страну Аргиппэевъ Геродота. По этому пути проникали произведенія Іоническаго искусства въ Центральную Азію и Сибирь.[5]

Съ другой стороны, по указанію М. И. Ростовцева, торговые караваны съ

---

[1]) Извѣстія древнихъ писателей о Скиѳіи и Кавказѣ. В. В. Латышевъ. I. Спб., 1890. Приложеніе къ Зап. Имп. Р. Арх. Общ. V.

[2]) Геродотъ, IV, 24. Латышевъ, стр. 18. Μέχρι μέν νῦν τῶν φαλακρῶν τούτων πολλὴ περιφανεῖν τῆς χώρης ἐστὶ καὶ τῶν ἔμπροσθε ἐθνέων. Καὶ γὰρ Σκυθέων τινὲς ἀπικνέονται ἐς αὐτούς, τῶν οὐ χαλεπόν ἐστι πυθέσθαι καὶ Ἑλλήνων τῶν ἐκ Βορυσθένεός τε ἐμπορίου καὶ τῶν ἄλλων Ποντικῶν ἐμπορίων.

[3]) Геродотъ IV, 13, Латышевъ, стр. 15.

[4]) W. Tomaschek. Kritik der ältesten Nachrichten über den Skythischen Norden. CXVI, стр. 715—780. Die Nachrichten Herodot's über den Skythischen Karawanenweg nach Innerasien. CXVII. стр. 1—70. Sitzungsber. d. kk. Akad. zu Wien, 1888—89.

[5]) E. Minns. Scythians and Greeks. Cambridge, 1913, стр. 107, 108, 114, 261. M. Ebert. Südrussland im Altertum. Bonn u. Leipz., 1921, стр. 188.

продуктами Дальняго Востока шли изъ Центральной Азіи и Западной Сибири къ берегамъ Чернаго моря.[1]

Черезмѣрное отклоненіе къ Сѣверу пути, соединявшаго Россію съ Центральной Азіей, вызываетъ подозрѣніе, не смѣшалъ ли Геродотъ путь, шедшій отъ Черноморскихъ колоній на Сѣверъ въ область Камы, съ путемъ, связывавшимъ Черноморскія степи со степями Западной Сибири. По объясненію Миннса, путь изгибался къ Сѣверу, чтобы обойти безплодныя прикаспійскія степи.

Страбонъ сообщаетъ о большой караванной торговлѣ въ странѣ Аорсовъ, жившихъ къ Сѣверу отъ Каспійскаго моря.[2]

Плиній въ Hist. Natur. (VI книга, 20 глава) очень туманно говоритъ о какомъ то пути, идущемъ отъ сѣверныхъ береговъ Каспійскаго моря на Востокъ, черезъ пустынныя земли, населенныя лишь дикими звѣрями и Скиѳами антропофагами, въ страну Серовъ.[3]

Сообщеніе Плинія, несмотря на свою туманность, очень цѣнно тѣмъ, что устанавливаетъ существованіе шелковой торговли между Китаемъ и сѣверными берегами Каспія.

Болѣе подробныя свѣдѣнія о восточной половинѣ торговаго пути изъ Россіи въ Китай — узнаемъ изъ китайскихъ источниковъ.

Китайское сочиненіе Вей Ліо сообщаетъ о трехъ путяхъ, идущихъ изъ Китая на Западъ.[4] Южный путь проходилъ южнѣе Лобъ-нора и Тарима черезъ Лулань и Хотанъ, въ Кашемиръ, Кабулъ и Индію.[5] Средній путь шелъ черезъ Карашаръ, Аксу, Учъ Турфанъ въ Фергану, Бактрію, Парѳію и Сирію.[6] Новый или сѣверный путь былъ открытъ только во 2 году по Р. Х.[7] и проходилъ,

---

[1]) M. Rostovtzeff. Iranians and Greeks in South Russia. Oxford, 1922. Стр. 213.

[2]) Страбонъ, XI, V, 8. Латышевъ, стр. 148. ...Οἱ δὲ ἄνω Ἄορσοι καὶ πλείονας· καὶ γὰρ ἐπεκράτουν πλείονος γῆς, καὶ σχεδόν τι τῆς Κασπίων παραλίας τῆς πλείστης ἦρχον, ὥστε καὶ ἐνεπορεύοντο καμήλοις τὸν Ἰνδικὸν φόρτον καὶ τὸν Βαβυλώνιον, παρά τε Ἀρμενίων καὶ Μήδων διαδεχόμενοι· ἐχρυσοφόρουν δὲ διὰ τὴν εὐπορίαν.

[3]) A Caspio mari Scythicoque oceano in Eoum cursus inflectitur, ad orientem conversa littorum fronte. Inhabitabilis ejus prima pars a Scythico promontorio, ob nives; proxima inculta, saevitia gentium. Anthropophagi Scythae insident, humanis corporibus vescentes. Ideo juxta vastae solitudines ferarumque multitudo, haud dissimilem hominum immanitatem obsidens. Iterum deinde Scythae; iterumque deserta cum belluis usque ad jugum incubans mari quod vocant Tabin. Nec ante dimidiam ferme longitudinem ejus orae quae spectat aestivum orientem, inhabitatur illa regio. Primi sunt hominum qui noscantur, Seres, lanitio silvarum nobiles, perfusam aqua depectentes frondium canitiem: unde geminus feminis nostris labor redordiendi fila, rursumque texendi. Tam multiplici opere, tam longinquo orbe petitur, ut in publica matrona transluceat. Путь, о которомъ говоритъ Плиній, повидимому шелъ отъ сѣверныхъ береговъ Каспійскаго моря или отъ Волги, по мнѣнію Плинія соединявшей Каспійское море съ Сѣвернымъ океаномъ, на Востокъ. Слѣдуя, по представленію Плинія, вдоль сѣвернаго берега Каспійскаго моря, растянутаго съ Запада на Востокъ, путь приводилъ къ неизвѣстному намъ морю, а затѣмъ въ страну Серовъ, то есть въ сѣверный Китай. C. Plinius Secundus. Natur. Hist. Teubner, 1906. VI, 15; VI, 20.

[4]) См. E. Chavannes. Les pays d'Occident d'après le Wei lio. Toung Pao. 1905. Sér. II, vol. VI, стр. 519—571. Вей Ліо, по сообщенію Шаванна, было написано Yu Houan'омъ во второй половинѣ III вѣка по Р. Х., дошло до насъ въ позднѣйшихъ цитатахъ, и содержитъ описанія западныхъ странъ.

[5]) E. Chavannes. Les pays d'Occid. d'après le Wei lio, стр. 537—539.

[6]) Chavannes. Wei Lio, стр. 552—556. Pelliot. Note sur les anciens itineraires chinois de l'Orient Romain. Journ. Asiat 1921.

[7]) Chavannes, Wei Lio, стр. 533, прим. 1.

по мнѣнію Шаванна, къ сѣверу отъ Тянь-шаня черезъ Урумчи и Манасъ въ долину рѣки Или.[1] Китайскій текстъ (въ переводѣ Шаванна) сообщаетъ слѣдующее:

„La nouvelle route du Nord va à l'Ouest et atteint (les royaumes suivants:) le royaume de Tsiu-mi[2] oriental, le royaume de Tsiu-mi occidental, le royaume de Tan-houan, le royaume Pi-lou, le royaume de P'ou-lou,[3] le royaume de Wou-t'an,[4] qui tout dépendent du roi de la tribu postérieure de Kiu-che..."

По объясненіямъ Шаванна, эти шесть государствъ тянулись вдоль сѣвернаго склона Тянь-Шаня отъ Боръ-куля до Эби-нора.[5] „(La route) oblique vers le Nord-Ouest et ce sont alors les Wou-souen[6] et le K'ang-Kiu (Sogdiane); ces royaumes existaient auparavant et n'ont pas été modifiés. Le Wou-yi septentrional forme un royaume distinct qui est au Nord du K'ang-kiu. En outre, il y a le royaume de Lieou, puis le royaume de Yen, puis le royaume de Yen-ts'ai, qu'on appelle aussi A-lan;[7] ils ont tous les mêmes moeurs que le K'ang-Kiu; à l'Ouest, ils touchent au Ta-ts'in; au Sud-Est, au K'ang-Kiu; dans ces royaumes il y a beaucoup de martres réputées; (les habitants) sont pasteurs et vont à la recherche des eaux et des paturâges; ils sont voisins de grands marais; précédemment ils ont parfois été quelque peu soumis au K'ang-Kiu, mais maintenant ils n'en dépendent pas."

Далѣе упоминаются народы, жившіе къ Сѣверу и къ Западу отъ An-ts'ai. По аналогіи съ описаніями Средняго и Южнаго пути мы должны заключить, что Сѣверный торговый путь доходилъ до перечисляемыхъ далѣе народовъ: „Le royaume de Hou-tö est au Nord des Ts'ong-ling, au Nord-Ouest des Wou-souen, au Nord-Est du K'ang-Kiu; il y a plus de dix mille soldats d'élite; (les habitants) sont pasteurs et se déplacent à la suite de leurs troupeaux; (ce pays) produit d'excellents chevaux; il possède des martres. Le royaume de Kien-Kouen est au Nord-Ouest du K'ang-Kiu (Sogdiane); il a trente mille soldats d'élite; (les habitants) sont pasteurs et se déplacent à la suite de leurs troupeaux; (ce pays) aussi a beaucoup de martres et possède d'excellents chevaux. Le royaume des Ting-ling est au Nord du K'ang-Kiu..."[8]

Далѣе слѣдуетъ разсказъ о народѣ Ting-ling и живущихъ за ними людяхъ съ лошадиными ногами и народѣ карликовъ.

---

[1]) Chavannes, Wei Lio, стр. 534, прим. 3.

[2]) Кочевническое государство восточное Tsiu-mi находилось, какъ предполагаетъ Шаваннъ, между озеромъ Боръ-куль и городомъ Гучэнъ, см. Chavannes. Les pays d'Occident d'après le Heou Han chou, T'oung Pao 1907, sér. II. vol. VIII, стр. 210, прим. 2.

[3]) P'ou-lou, въ отличіе отъ P'ou-lei (около озера Боръ-куль), обозначаетъ, по мнѣнію Шаванна, новое государство, основанное бѣжавшею отъ Хунь-но частью населенія P'ou-lei около Урумчи и Манаса. См. Chavannes, Wei Lio, стр. 557, прим. 3. Chavannes, Heou Han chou, стр. 209.

[4]) Государство Wou-t'an, по сообщенію CXVIII главы Heou Han chou, соприкасалось на Западѣ съ царствомъ О-сунъ. Chavannes, Wei lio, стр. 557, прим. 4.

[5]) Chavannes, Wei lio, стр. 556, прим. 5. CXVIII глава Heou Han chou сообщаетъ, что шесть подвластныхъ Kiu-che государствъ граничили съ Хунь-но. Chavannes, Heou Han chou, стр. 211.

[6]) О-сунъ жили въ бассейнѣ Или между Иссыкъ-кулемъ и Балхашемъ. Глава CXVIII Heou Han chou сообщаетъ: „La tribu postérieure (Dsimsa), qui est sur la route septentrionale, du côté de l'Ouest communique avec les Wou-souen (vallée d'Ili)." Chavannes, Heou Han chou, стр. 211.

[7]) Hirth — Ueber Wolga Hunnen und Hiung-nu. Sitzungsberichte d. philos.-philol. u. hist. Classe d. K. bayer. Akad. d. Wissensch. 1899. II, Heft 2, München 1900. (Стр. 249—251) отождествляетъ Yen-ts'ai или An-ts'ai съ Аорсами.

[8]) Chavannes, Wei lio, стр. 556.

Такимъ образомъ, китайскій текстъ сообщаетъ о существованіи пути, идущаго изъ Китая къ озеру Боръ-куль и далѣе на Сѣверо-Западъ вдоль Тянь-Шаня, до народа О-сунъ въ бассейнѣ Или, и дальше черезъ кочевые народы въ земли Аланъ и Аорсовъ, лежавшія къ Сѣверу отъ Каспійскаго моря.

Общее направленіе этого пути въ западной его части совпадаетъ съ путемъ Геродота. Восточная часть пути, находившаяся повидимому со времени Геродота во власти Хунь-но, перешла въ руки китайцевъ лишь съ начала нашей эры, послѣ ослабленія могущества кочевой Имперіи. До перехода этого пути во власть китайцевъ, сообщеніе съ О-сунъ происходило по среднему пути, черезъ Китайскій Туркестанъ и Фергану, откуда путь поворачивалъ къ Сѣверу.[1]

Самый фактъ сношеній Китая съ О-сунъ устанавливается сообщеніями китайскихъ хроникъ о выдачѣ китайской принцессы въ замужество за князя О-сунъ, объ усиленныхъ дипломатическихъ сношеніяхъ и о военномъ союзѣ противъ Хунь-но — между 110 и 70 годами до Р. Х.[2]

Если бы найденная Радловымъ въ курганѣ на рѣкѣ Катандѣ шелковая одежда могла бы быть болѣе опредѣленно датирована, мы располагали бы очень убѣдительнымъ доказательствомъ въ пользу ранняго проникновенія китайскаго шелка въ западную Сибирь.[3]

Вполнѣ вѣроятно, что въ торговлѣ Китая съ западной Сибирью и южной Россіей принимали участіе въ качествѣ посредниковъ Хунь-но, долгое время отдѣлявшіе Китай отъ Запада. Начиная съ 190 года до Р. Х. китайскія хроники сообщаютъ рядъ извѣстій о посылкѣ шелка и другихъ товаровъ, иногда въ очень большомъ количествѣ, изъ Китая къ Хунь-но.[4]

Едва ли можно быть увѣреннымъ, что до 190 года Хунь-но не знали и не получали китайскаго шелка. При Ханской династіи требованія на шелкъ со стороны Хунь-но такъ возросли, что возникаетъ подозрѣніе, не служилъ ли шелкъ предметомъ торговли Хунь-но съ сосѣдними кочевыми народами. 94 глава Тсхіенъ Ханъ шу сообщаетъ: „когда онъ (царь Хунь-но) явился ко двору, онъ получилъ 20.000 кусковъ вышитаго и невышитаго шелка и 20.000 фунтовъ непряженнаго шелка".[5] (27 годъ до Р. Х.)

Въ 1 году до Р. Х. „число подаренныхъ ему одеждъ было увеличено до 370, количество золотой парчи, вышитаго и невышитаго шелка до 30.000, вѣсъ нетканаго шелка до 30.000 фунтовъ".[6]

Кромѣ этихъ вынужденныхъ подарковъ и дани, Хунь-но получали китайскіе товары и шелкъ путемъ оживленной пограничной торговли въ періоды военнаго затишья.[7]

---

¹) CXVIII глава Heou Han chou сообщаетъ: „plus à l'Ouest, la route du Nord franchit les Ts'ong-ling (Pamirs) et débouche à Ta-yuan (Ura-tepe), dans le K'ang-Kiu (Samarkand) et chez les Yen-ts'ai (Alains)." Chavannes, Heou Han chou, стр. 170.

²) J. J. M. de Groot. Die Hunnen der vorchristl. Zeit. I. B. u. L. 1921, стр. 192 слѣд.

³) Радловъ. Сибирскія Древности. (»Aus Sibirien« Переводъ Бобринскаго.) Зап. Имп. Р. Арх. Общ. VII. 1894. Стр. 181 слѣд. Dr. A. Zakharov. Antiquities of Katanda (Altai). Journ. of the Royal Anthropol. Inst. LV, 1925.

⁴) De Groot, стр. 69, 78, 87, 157, 185, 216, 220, 249, 261.

⁵) De Groot, стр. 249.

⁶) De Groot, стр. 261—262.

⁷) Глава 110 Ши ки (около 130 года до Р. Х.) сообщаетъ: »Jedoch der Handelsverkehr an den Sperrtoren wurde in Hung-nŏ sehr begehrt und geschätzt, denn die kostbaren Waren von Han

Археологическій матеріалъ не былъ мною использованъ вслѣдствіе недоступности для меня русской литературы и собраній. Конечно, при пересмотрѣ археологическаго матеріала нужно имѣть въ виду, что отдѣльные китайскіе предметы могли быть заносимы въ Западную Сибирь и Россію не только торговыми путями, но и періодическими движеніями кочевыхъ племенъ съ Востока на Западъ.

Великій путь, уже со времени Геродота соединявшій Россію съ Центральной Азіей и Китаемъ, при постоянныхъ сдвигахъ и войнахъ кочевниковъ конечно не всегда могъ служить для мирныхъ торговыхъ сношеній. Какъ предполагаетъ Миннсъ, возможность пользоваться путемъ на всемъ его протяженіи возникала всегда вмѣстѣ съ появленіемъ въ степяхъ большихъ объединеній кочевническихъ племенъ подъ властью общаго вождя. Во всякомъ случаѣ, и на Востокѣ и на Западѣ знали и помнили о существованіи великаго сѣвернаго пути, и при возможности пользовались имъ, чтобы снова наладить прерванныя торговыя сношенія.

Н. Толль.

---

hatte man zu gern; und auch Han legte dem Handel an den Sperrtoren einen zu großen Wert bei, als daß es durch Unterbindung davon Hung-nŏ hätte treffen wollen«. De Groot, стр. 97. Еще о пограничной торговлѣ см. сообщеніе 110 главы Ши ки, относ. къ 156 и 141 году до Р. Х., см. de Groot, стр. 91 и 96.

О РОЛИ ЧЕРНЫХЪ КЛОБУКОВЪ ВЪ ИСТОРІИ ДРЕВНЕЙ РУСИ[1]

„...Въ насъ ти есть, княже, и добро и зло“.
Изъ рѣчи Берендичей къ князю Мстиславу Изяславичу.
Ипат. лѣт. 1159 г.

...И рече князь: не дай Богъ поганому вѣры яти николиже“.
Ипат. лѣт. 1169 г.

О роли Черныхъ Клобуковъ въ дѣлѣ обороны русской земли отъ Половцевъ мы можемъ говорить далеко не исчерпывающе, изъ-за полнаго почти отсутствія источниковъ, которые бы освѣщали эту роль въ Галицкой, Волынской, Рязанской земляхъ. Лишь кое-что мы знаемъ о Переяславскомъ и Черниговскомъ княжествахъ и только о Кіевскомъ у насъ есть болѣе или менѣе достаточный матерьялъ, чтобы въ общихъ чертахъ представить себѣ роль тамъ Черныхъ Клобуковъ. Единственнымъ утѣшеніемъ намъ можетъ служить то, что именно въ Кіевскомъ княжествѣ, болѣе другихъ насыщенномъ тюркскимъ элементомъ, эта роль послѣдняго сильнѣе всего и сказывалась и здѣсь именно разыгрывались чаще всего столкновенія „дикихъ Половцевъ“ со „своими погаными“. Эти „свои поганые“ или Черные Клобуки, какъ собирательно называетъ ихъ русская лѣтопись, представляли собою осколки тюркскихъ племенъ Торковъ-Узовъ, Печенѣговъ и Берендѣевъ, которыхъ Половцы выгнали изъ мѣстъ ихъ прежнихъ кочевій — Черноморскихъ степей, почему Черные Клобуки и принадлежали къ непримиримымъ врагамъ Половцевъ. Поэтому и фактъ наличія Черныхъ Клобуковъ на югѣ Руси — не слѣдствіе какой-либо со стороны Руси „замирительной политики“, какъ то считали прежде, а просто результатъ общихъ интересовъ: Руси было выгодно имѣть такой военный матерьялъ для обороны своихъ границъ; Чернымъ же Клобукамъ — это былъ вопросъ существованія; за службу Руси они получали ту степень самостоятельности, самобытности, которая была бы невозможна для нихъ у Половцевъ, превратившихъ бы ихъ въ своихъ рабовъ.

Для Руси Черные Клобуки были дѣйствительно незамѣнимы. Сами степняки, знавшіе военное искусство своихъ противниковъ, они, будучи кавалеристами, лишь одни были въ состояніи догонять и ловить уходившихъ съ награбленной добычей Половцевъ, сами дѣлать быстрыя нападенія на нихъ, наконецъ, быть превосходными развѣдчиками. Всѣ эти качества какъ разъ необходимы были

[1]) Возможностью пользоваться многими необходимыми пособіями при составленіи настоящей работы авторъ обязанъ любезному содѣйствію проф. Л. Нидерле, которому авторъ и приноситъ искреннюю благодарность. — Настоящая статья представляетъ собою одну изъ главъ болѣе обширнаго изслѣдованія о Черныхъ Клобукахъ, которое въ этомъ томѣ Сборника не могло быть помѣщено полностью за недостаткомъ мѣста.

въ борьбѣ со степью; русскіе не могли равняться съ Клобуками въ этомъ искусствѣ, и отсюда-то особенное значеніе для Руси черноклобуцкаго войска.[1]

Взаимною враждою Черныхъ Клобуковъ къ Половцамъ и не меньшей — Половцевъ къ Клобукамъ, надо объяснять то обстоятельство, что на протяженіи полутораста лѣтъ, Черные Клобуки никогда серьезно не измѣняли русскимъ интересамъ, безпрестанно воюя со своими соплеменниками, порою даже сами подбивая на это молодыхъ русскихъ князей. Сами Половцы способствовали укрѣпленію такой „политики" Черныхъ Клобуковъ, въ особенности въ началѣ осѣданія послѣднихъ на Руси, когда Половцы спеціально на нихъ направляютъ свои походы, и затѣмъ своими послѣдующими, мелкими набѣгами не переставая безпокоить ихъ до самаго конца XII столѣтія.

Хотя Черно-клобуцкія поселенія въ южной Руси ведутъ свое начало съ послѣднихъ десятилѣтій XI вѣка, однако мы еще не видимъ тогда Черныхъ Клобуковъ въ роли активныхъ помощниковъ русскимъ при половецкихъ нападеніяхъ. Наоборотъ, мы видимъ ихъ лишь въ пассивной роли защищающихся въ русскихъ острогахъ или защищаемыхъ русскими князьями, когда послѣдніе „вгоняютъ" ихъ въ города, спасая отъ Половцевъ. Это были годы страшнаго натиска Половцевъ на Русь, безпрестанныхъ пораженій русскихъ и послѣдніе со „своими погаными" могли лишь отсиживаться за укрѣпленными городами. Да даже и отсиживаніе такое не всегда удавалось. Около десяти недѣль спасались Торки въ 1093 г. отъ Половцевъ въ Торческѣ, но все же принуждены были сдаться. Половцы нанесли тогда сильный ударъ молодымъ черноклобуцкимъ поселеніямъ на югѣ Руси, сжегши Торческъ и уведя самихъ Торковъ къ себѣ со всѣми ихъ вѣжами. Не видимъ Черныхъ Клолуковъ и въ большихъ отвѣтныхъ походахъ русскихъ въ степи въ началѣ XII вѣка. Это и понятно: Клобуковъ было тогда еще мало на Руси и только благодаря этимъ самымъ походамъ они начинаютъ переходить изъ степей на Русь. Съ 20-ыхъ же годовъ XII ст. затихаетъ на время напряженная борьба съ Половцами и ничего потому не слышимъ о дѣйствіяхъ за это время и Черныхъ Клобуковъ.

Лишь съ 50-ыхъ годовъ того же XII в. и теперь уже до самаго конца столѣтія, начинается ихъ дѣятельность, выражавшаяся и въ простомъ участіи въ походахъ русскихъ на Половцевъ и въ отдѣльныхъ походахъ подъ водительствомъ молодшихъ русскихъ князей, а иногда даже и въ самостоятельныхъ набѣгахъ въ степь, предпринимавшихся по собственной иниціативѣ; однако совершенно самостоятельные такіе набѣги довольно рѣдки; обычно Черные Клобуки для такихъ экспедицій зовутъ какого-нибудь удалого молодого князя, которому и отдавалось командованіе. Дѣлалось это вѣроятно только для того, чтобы придать такому походу легальность въ глазахъ Руси и вел. кн. Кіевскаго, въ подчиненіи у котораго Черные Клобуки находились.

Просмотримъ внимательнѣе роль, какую Черные Клобуки играли въ войнахъ русскихъ со степью. Лѣтопись сохранила извѣстія о 14-и походахъ русскихъ на Половцевъ, въ которыхъ участвуютъ Черные Клобуки. И хотя роль ихъ въ разныхъ походахъ различная, но всюду она одинаково очень значительная.

---

[1]) Впервые это отмѣтилъ Голубовскій, „Печенѣги, Торки, Половцы до нашествія Татаръ", гл. III, Кіев. Ун. Изв. за 1884 г. и отд. Въ XV—XVI вв. аналогичную борьбу со степняками ихъ же военною техникой видимъ въ Московскомъ государствѣ, которое сажало на южное пограничье татарскихъ князей, перешедшихъ на русскую службу.

Въ большихъ коалиціонныхъ походахъ русскихъ князей Черные Клобуки высылаются авангардомъ „въ сторожи", какъ то было въ 1185 г.[1], или, уже послѣ пораженія Половцевъ, — въ погоню за ними, какъ напр. въ 1170 г.[2] Особеннымъ талантомъ у Клобуковъ было „имать въ плѣнъ", и не только простыхъ Половцевъ, но гл. обр. половецкихъ хановъ, что служило выгодной статьей дохода, т. к. половецкій князь часто тутъ же откупался, послѣ чего и былъ отпускаемъ обратно на волю къ большому неудовольствію русскихъ князей.[3]

Но чаще видимъ Черныхъ Клобуковъ посылаемыми однихъ въ степи, только подъ начальствомъ какого-нибудь молодого русскаго князя или великокняжескаго воеводы. Въ 1152 г. Изяславъ Кіевскій „отряди сына своего Мстислава на Половци, съ Берендѣи и съ Торкы и съ Печенѣгы и съ нѣколикомъ дружины своея"; спустя немного времени „приде ему (Изяславу) вѣсть отъ сына отъ Мстислава, оже Богъ ему помоглъ Половци побѣдити на Углѣ и на Самарѣ, а полонъ многъ взялъ, самѣхъ прогна, вежѣ ихъ поима, конѣ ихъ и скоты ихъ зая и множьство душь крестьянскыхъ отполони, и възвратишася въ Переяславль хваляче Бога о таковѣй помочи, а отполоненыя отпусти въ роженіе свое". Вотъ образецъ подобныхъ походовъ.[4] Незамѣнимы были Черные Клобуки, когда надо было посылать ихъ перехватывать „путь" Половцамъ, заходившимъ далеко вглубь Кіевскаго княжества и отрѣзать имъ отступленіе[5] или когда надо было послать погоню за ускользнувшимъ въ степи, послѣ набѣга, врагомъ.[6] Хотя командованіе надъ Черными Клобуками и принадлежало всегда русскому князю, но они предпочитали дѣйствовать самостоятельно, правда, объясняя это заботою о безопасности князя. Примѣръ — 1172 годъ. Когда Михаилъ Юрьевичъ выѣхалъ, готовясь къ битвѣ, передъ полками Черныхъ Клобуковъ и своей переяславской дружины, — „Берендѣевѣ же (если вѣрить только этому подозрительному по интерполяціи мѣсту лѣтописи) яша коня княжа за поводъ и не даша имъ (т. е. князю и переяславцамъ) ѣхати, рекуще: не ѣзди-те вы напередъ, вы есте нашь городъ, ать мы поидемъ напередъ";[7] великому же князю Кіевскому, собравшемуся было лично въ погоню за Половцами, опустошившими въ его отсутствіе Кіевскую область, Берендѣи заявляютъ: „княже! не ѣздь; тобѣ лѣпо ѣздить въ великѣ полку (а князь Глѣбъ былъ дѣйствительно тогда только со своею дружиною) и егда совокупишися съ братьею; а нынѣ пошли брата котораго любо и Берендѣевъ нѣсколько"; и Кіевскій князь соглашается съ этимъ: „Глѣбъ же посла брата своего Михаила и съ нимъ Переяславець сто, а Берендѣевъ полторѣ тысячи."[8] Иногда же Черные Клобуки посылаются въ степь подъ командою какого-нибудь русскаго воеводы, какъ напр. въ 1187 г., когда „сдумавъ Святославъ (Кіевскій князь) со сватомъ своимъ

---

[1]) Полное Собраніе Русскихъ Лѣтописей, т. I, с. 166—167, II, 127—128. У меня не было возможности имѣть подъ руками новыхъ изданій лѣтописей, почему мнѣ приходилось пользоваться устарѣлымъ первымъ изданіемъ.

[2]) П. С. Р. Л. II, 97.

[3]) П. С. Р. Л. II, 140, 1190. Ср. II, 124-5, 1180 г. См. еще ibid. I, 97, 1095 г., когда Торки выкрадываютъ сына Мономаха изъ половецкаго стана.

[4]) П. С. Р. Л. I, 146, II, 71.

[5]) П. С. Р. Л. II, 103-4, 1172.

[6]) П. С. Р. Л. II, 105-6, 1173.

[7]) П. С. Р. Л. II, 104, 1172.

[8]) П. С. Р. Л. II, 104, 1172.

съ Рюрикомъ, посла Черны Клобукъ на вѣжѣ за Днѣпръ и Романа Недзиловича воеводою и взяша вѣжи за Днѣпромъ и возвратишася во свояси со славою и честью великою: Половци бо бягуть шли въ Дунаи и не бѣ ихъ дома въ вѣжахъ своихъ".[1] О подобныхъ походахъ лѣтопись упоминаетъ еще подъ 1154 и 1185 годами.[2]

Черныхъ Клобуковъ, предпринимавшихъ бы походы совершенно однихъ, безъ русскихъ, видимъ всего лишь два раза и то въ исключительныхъ случаяхъ. Первый былъ въ 1162 году, когда пришли Половцы и захватили много черноклобуцкихъ вѣжъ по рѣкѣ Ротѣ (Рутокъ, притокъ Роси); здѣсь уже было не до ожиданія русскихъ князей; „Черный же Клобукъ — говоритъ лѣтопись — весь съвъкупившеся ѣхаша по нихъ (т.-е. по Половцамъ) и постигоша я на Рси, и много биша ихъ и полонъ весь отъимаша у нихъ и самѣхъ изоимаша болѣ 500, яша же старѣйшихъ князей 9 и два княжича Сатмазовича и ины княжичѣ".[3] Другой случай нѣсколько иного характера. Въ погоню за отступающимъ половецкимъ княземъ Кончакомъ, вел. кн. Кіевскій посылаетъ Торкскаго князя Кунтугдыя съ шестьютысячнымъ отрядомъ, очевидно своихъ Торковъ.[4]

Зато неоднократно видимъ Черныхъ Клобуковъ выступающими иниціаторами походовъ-набѣговъ въ степь, подговаривая на это молодыхъ русскихъ княжичей. Знаемъ три такихъ случая.[5] Приведу наиболѣе характерный. Въ 1190 году „сдумаша лѣпшіи мужи въ Черныхъ Клобуцѣхъ и приѣхаша во Торцьскый къ Ростиславу Рюриковичю и рекоша ему: „се Половци сеѣ зимы воюють ны часто, а не вѣдаемъ — Подунайци ли есмъ что ли, а отець твой далече есть..." Ростиславъ же Рюриковичь улюби думу ихъ съ мужи своими и посла къ Ростиславу Володимеричю (другому „молодшему князю"), река ему: „брате! хотѣлъ быхъ ѣхати на вѣжѣ Половецькія, а отци наши далече суть (въ то время обоихъ кіевскихъ князей Святослава и Рюрика не было въ Кіевѣ; первый былъ въ Черниговскомъ княжествѣ, второй въ Овручѣ), а инѣхъ старѣйшихъ нѣтъ; а мы будева за старѣйшая, а поѣди ко мнѣ вборзѣ". Ростиславъ Владиміровичъ принялъ столь соблазнительное предложеніе и оба князя „совокупися съ Черными Клобукы и ѣхаша вборзѣ изъѣздомъ" въ степи. Походъ былъ очень удачный и князья пришли съ богатою добычею и плѣнными.[6]

Такую готовность Черныхъ Клобуковъ къ безпрестаннымъ походамъ въ степи надо въ значительной долѣ объяснять матерьяльной заинтересованностью въ этомъ Черныхъ Клобуковъ; въ случаѣ успѣха, они, какъ и русскіе князья и ихъ дружины, забирали неисчислимыя богатства Половцевъ: табуны, стада, рабовъ, рабынь, вооруженіе, конскіе уборы, золото, серебро, драгоцѣнныя ткани. Мы уже видѣли, какъ Черные Клобуки любили забирать въ плѣнъ половецкихъ хановъ, чтобъ получать съ нихъ откупы. О плѣнныхъ Половцахъ, которые

---

[1]) П. С. Р. Л. II, 136, 1187.

[2]) П. С. Р. Л. I, 148, II, 77, VII, 63, 1154 г.; II, 129, 319, 1185. Посылались Черные Клобуки и въ видѣ охраны различныхъ русскихъ посольствъ, проходившихъ черезъ степи. Такъ напр. когда въ 1153 году в. кн. Кіевскій Изяславъ послалъ къ Олешью для встрѣчи своей невѣсты — обезской княжны сына своего Мстислава, то приставилъ къ нему отрядъ Берендѣевъ (П. С. Р. Л. II, 73, 1153).

[3]) П. С. Р. Л. II, 91; дополнено по Густинской лѣт. ib. II, 307, 1162.

[4]) П. С. Р. Л. II, 129, 1185.

[5]) П. С. Р. Л. II, 140-141, 1190; II, 141, 1192, 142-3, 1193.

[6]) П. С. Р. Л. II, 140-141.

доставались именно имъ, Чернымъ Клобукамъ, у насъ есть цѣлый рядъ лѣтописныхъ извѣстій.[1]

Врядъ ли будетъ правильна точка зрѣнія нѣкоторыхъ ученыхъ, считающихъ, что если въ пер. пол. XII в. Черные Клобуки — еще горячіе русскіе патріоты, то со второй половины того же столѣтія они уже начинаютъ „льстить", сближаться съ Половцами. Такое мнѣніе основано, въ сущности, всего лишь на двухъ фактахъ: 1187 и 1192 г.г., изъ которыхъ, мнѣ кажется, будетъ слишкомъ поспѣшно дѣлать такіе выводы, тѣмъ болѣе, что для каждаго изъ этихъ случаевъ есть свои объясненія такому поведенію Черныхъ Клобуковъ.

Въ 1187 г. „Сдумавъ князь Святославъ со сватомъ своимъ Рюрикомъ пойти на Половцѣ вборзѣ, изъѣздомъ, повѣдахуть бо имъ: Половци близъ на Татинци, на Днѣпрѣнскомъ бродѣ; и ѣхаша изъѣздомъ безъ возъ. Володимеръ же Глѣбовичь пріѣха къ нимъ изъ Переяславля, съ дружиною своею, испросися у Святослава и у Рюрика ѣздити напередъ съ Чернымъ Клобукомъ (выѣзжать съ передовымъ полкомъ въ поле считалось въ древней Руси дѣломъ наиболѣе отвѣтственнымъ и труднымъ, но въ то же время и наиболѣе почетнымъ и славнымъ). Святославу же не любо бяшеть пустити Володимера напередъ передъ сыны своими: но Рюрикъ и иніи вси улюбиша, зане бѣ мужъ бодръ и дерзокъ и крѣпокъ на рати, всегда бо тосняся на добра дѣла. Княземъ же Рускимъ идущимъ на ня, изъ Черныхъ же Клобукъ даша вѣсть сватомъ своимъ въ Половци. Половци же слышавше, оже идуть на ня князи Рустіи, бѣжаша за Днѣпръ. Княземъ же Рускимъ нелзя бо ѣхати по нихъ, уже бо росполонился бяшеть Днѣпръ, бѣ бо весна и возвратишася восвояси"[2]. Можетъ быть эта „лесть" Черныхъ Клобуковъ была результатомъ треній между самими князьями, и эти несогласія въ русскомъ станѣ какъ-либо коснулись и Черныхъ Клобуковъ. Для другого случая, 1192 г., такое объясненіе будетъ наиболѣе вѣроятнымъ. „Сдумаша лѣпшіе мужи въ Черныхъ Клобуцѣхъ" и обратились къ вел. кн. Рюрику съ просьбой отпустить сына его Ростислава въ походъ на Половцевъ, „ѣхали бо бяху Половци на Дунай" и вѣжи ихъ остались незащищенными. Рюрикъ не отпустилъ сына. Въ походѣ видимъ другихъ князей; и вотъ „доѣхаша Днѣпра, Черни же Клобуци не восхотѣша ѣхати за Днѣпръ, бяхуть бо сватове имъ сѣдяще за Днѣпромъ близь, и распрѣшавшеся и возвратишася восвояси".[3] Здѣсь особенно странно видѣть въ Черныхъ Клобукахъ сперва иниціативу къ походу, отлично знавшихъ, что въ это время „ѣхали бо бяху Половци на Дунай", и затѣмъ, вдругъ, — отказъ идти, изъ-за обнаруживанія въ степяхъ своихъ „сватовъ". Надо помнить, что мы всегда имѣемъ здѣсь описанія событій съ точки зрѣнія русскаго лѣтописца, и намъ совершенно не извѣстно при этомъ, что было на умѣ у тюрковъ, т. к. повторяю событія изображаются въ пониманіи русскихъ, пониманіи, которое быть можетъ, часто основывалось на оффиціальныхъ заявленіяхъ черноклобуцкихъ старѣйшинъ (какъ напр., вѣроятно, здѣсь — объ обнаруженіи ими сватовъ) тогда какъ ихъ собственныхъ мыслей и настроеній мы совершенно не знаемъ, какъ быть можетъ не зналъ и лѣтописецъ (а если и зналъ, то не всегда стремился высказаться, въ особенности въ тѣхъ случаяхъ, когда виною

---

[1]) Напр. П. С. Р. Л. II, 78, 1155 г.; II, 91, 1162; II, 140, 1190.
[2]) П. С. Р. Л. II, 134, 1187.
[3]) П. С. Р. Л. II, 141, 1192.

неудавшагося похода были не Черные Клобуки, а свои же князья, какъ, по всей вѣроятности, было и въ этомъ походѣ 1192 года).

Изъ этихъ двухъ фактовъ дѣлать какіе-либо общіе выводы уже потому затруднительно, что въ послѣдующимъ 1193 г. мы снова видимъ тѣхъ же Черныхъ Клобуковъ опять подбивающими князя Ростислава на походъ съ ними въ степь. Теперь, наученные предыдущимъ отказомъ вел. кн. Рюрика отпустить съ ними своего сына, они подговариваютъ послѣдняго тайно отъ отца пойти съ ними. Ростиславъ послушался Черныхъ Клобуковъ, собралъ свою дружину, пригласилъ еще одного молодого князя, своего двоюроднаго брата, и соединясь съ Чернымъ Клобукомъ предпринялъ очень удачный походъ на Половцевъ. И русскіе и Черные Клобуки возвращаются съ богатѣйшимъ полономъ.[1]

Сколь велико было значеніе Черныхъ Клобуковъ въ дѣлѣ обороны Руси отъ Половцевъ, можетъ служить примѣромъ слѣдующій случай съ торкскимъ княземъ Кунтувдѣемъ, обитавшимъ со своими Торками въ Поросьи. Онъ жилъ въ 80—90-ыхъ годахъ XII стол. и пользовался большимъ довѣріемъ у вел. князя кіевскаго; послѣдній посылалъ его съ 6000 отрядомъ, безъ русскаго войска, въ степи на Половцевъ. Вотъ этого-то хана Святославъ Кіевскій арестовалъ, по доносу; обвиненія — неизвѣстны. Узнавъ объ этомъ кн. Рюрикъ Ростиславичъ просилъ Святослава освободить Кунтувдѣя „жалуя про нь, зане бѣ мужъ дерзъ и н а д о б е н ъ Р у с и". Святославъ послушалъ Рюрика, привелъ Кунтувдѣя къ присягѣ („водивъ его къ ротѣ") и отпустилъ. Но для послѣдняго такое отношеніе со стороны вел. кн. кіевскаго было слишкомъ оскорбительнымъ: онъ не могъ „стерпѣти сорома своего" и ушелъ къ Половцамъ. Отсюда, изъ степей, онъ вмѣстѣ съ Половцами „почаша часто воевати по Руси", держа въ неустанномъ страхѣ русскую границу. Князьямъ Святославу и Рюрику приходилось на ней простаивать цѣлыя лѣта „стерегучи земли Рускіѣ", или же оставлять тамъ своихъ сыновей. Такому напряженному состоянію положилъ конецъ Рюрикъ, сумѣвшій вызвать Кунтувдѣя изъ степей, умирить, послѣ чего „да ему городъ на Руси, Дверенъ, Р у с с к о ѣ з е м л ѣ д ѣ л я".[2] Во всемъ этомъ разсказѣ подчеркивается лѣтописцемъ насколько необходимы были Русской землѣ такіе личности, какъ Кунтувдѣй, насколько оскорбленіе ихъ или слишкомъ крутыя мѣры наказанія были пагубны для Руси, ведя за собою столько осложненій, и наконецъ, показываютъ, насколько такими личностями дорожили тѣ изъ русскихъ князей, которые лучше понимали значеніе для Руси черноклобукскихъ хановъ.[3]

Другой примѣръ — съ кіевскимъ княземъ Юріемъ Владиміровичемъ. Въ 1154 г. Берендѣи захватили въ плѣнъ Половцевъ, напавшихъ на русское пограничье, и забрали этихъ плѣнныхъ себѣ. Когда же въ слѣдующемъ году, Половцы, придя мириться съ Юріемъ, стали просить его выдать имъ ихъ братью,

---

[1]) П. С. Р. Л. II, 142-143, 1193. О нѣкоторыхъ другихъ фактахъ, въ которыхъ нѣкотор. историки хотятъ видѣть „лесть" Клобуковъ, см. ниже.

[2]) П. С. Р. Л. II, 139-141, 1190 и 1192.

[3]) Не могу отнести къ серьезной „лести" поведеніе Клобуковъ при набѣгахъ Половцевъ съ ханомъ Кунтувдѣемъ, когда населеніе Поросья (очевидно Черные Клобуки) сочувствовали больше врагамъ Руси, чѣмъ русскимъ князьямъ. Такое поведеніе Черныхъ Клобуковъ надо разсматривать скорѣе какъ простое сочувствіе своему бывшему хану, теперь опальному у Руси, чѣмъ измѣна въ пользу Половцевъ, какъ то хотѣлъ видѣть Голубовскій.

находящуюся у Берендѣевъ, то послѣдніе на-отрѣзъ отказали Юрію въ этомъ, „рекуче“ такою громкою фразою: „мы умираемъ за Русскую землю съ твоимъ сыномъ и головы своя съкладаемъ за твою честь“ и „Дюрги“, говоритъ лѣтопись, „не створи имъ насилья, но Половцы одаривъ дары, отпусти я, а самъ иде Кіеву“.[1] То, что Юрію, человѣку крутого и даже безцеремоннаго нрава, приходилось такъ считаться съ интересами Берендѣевъ и кое-какъ мириться съ Половцами, лишь бы не раздражать Клобуковъ, подчеркиваетъ какое они имѣли значеніе на Руси. Сейчасъ, когда мы перейдемъ къ разсмотрѣнію роли Черныхъ Клобуковъ во внутреннихъ дѣлахъ Руси, то это ихъ значеніе выступитъ еще отчетливѣе, еще опредѣленнѣе.

*

Значеніе Черныхъ Клобуковъ во внутреннихъ дѣлахъ Руси было очень велико. Тѣмъ не менѣе въ исторической литературѣ на это не было обращено должнаго вниманія. Самчевскій[2] говоритъ объ этомъ вскользь, Голубовскій,[3] обращая вниманіе на значеніе Черныхъ Клобуковъ, какъ лучшихъ помощниковъ противъ Половцевъ, обходитъ молчаніемъ роль Черныхъ Клобуковъ во внутренней жизни Руси; Грушевскій въ „Исторіи Кіевской земли“ удѣлилъ всего три-четыре страницы Чернымъ Клобукамъ, совершенно не подчеркнувъ всей важности значенія послѣднихъ въ исторіи Кіева.[4]

Разсмотримъ же послѣдовательно значеніе Черныхъ Клобуковъ въ военной, политической и наконецъ культурной жизни древней Руси.

Оговариваюсь — мы знаемъ только о Черныхъ Клобукахъ Кіевскаго княжества, гдѣ, собственно, ихъ вліяніе и было совершенно исключительнымъ; о значеніи же ихъ въ другихъ княжествахъ мы равно ничего не знаемъ; тамъ, случайныя упоминанія говорятъ лишь объ участіи „своихъ поганыхъ“ во внѣшнихъ войнахъ, и только. Можно предполагать, что тамъ и вообще роль ихъ была несравненно скромнѣе, чѣмъ въ Кіевщинѣ; доказательство тому — кромѣ какъ молчаніе о нихъ источниковъ — то, что черниговскіе напр. князья во внутреннихъ междоусобныхъ войнахъ прибѣгаютъ къ другому виду помощи: призываютъ изъ степей „дикихъ“ Половцевъ, что свидѣтельствуетъ, что у нихъ не было значительныхъ собственныхъ тюркскихъ силъ въ родѣ напр. Черныхъ Клобуковъ Кіевскаго княжества.

Каждый кіевскій великій князь, если только онъ прочно обосновывался на „золотомъ столѣ кіевскомъ“, получалъ въ свое распоряженіе и большую воинскую силу — легкую кавалерію Черныхъ Клобуковъ, расквартированную въ южной части княжества. Это было постоянное, собственными средствами вооруженное войско, и напрасно Грушевскій считаетъ, что только княжеская дружина составляла такое постоянное войско.[5]

---

[1]) П. С. Р. Л. I, 148, II, 77—78, VII, 63.

[2]) Торки, Берендѣи и Черные Клобуки. Архивъ Ист.-Юридич. Свѣдѣній подъ редакціей Калачева, т. 2, ч. 1 1855 г.

[3]) „Печенѣги, Торки, Половцы до нашествія Татаръ“.

[4]) Исторія Кіевской земли отъ смерти Ярослава Мудраго до конца XIV столѣтія. 1891. Болѣе опредѣленно было указано на значеніе Черныхъ Клобуковъ Молчановскимъ (Очеркъ извѣстій о Подольской землѣ до 1434 г. Кіевск. Унив. Извѣстія, за 1883 г.) да въ Исторії України — Руси М. Грушевскаго (второе изд. 1905 г.), безъ развитія однако этой темы.

[5]) И. К. З. с. 343.

Кіевскій великій князь широко пользовался этою военною силою и гдѣ только лѣтопись начинаетъ подробнѣе перечислять участниковъ великокняжескаго ополченія, всегда почти мы встрѣтимъ упоминаніе и о Черныхъ Клобукахъ. Съ ними великій князь прежде всего защищаетъ свою столицу и собственную власть въ ней — у самаго ли города (какъ то было въ 1151 г.)[1] или на подступахъ къ нему (1150 г.)[2] Участвуютъ Черные Клобуки и въ экспедиціяхъ Кіевскаго князя въ другія княжества, лично съ нимъ или въ посылаемыхъ имъ отрядахъ подъ командою молодыхъ князей или воеводъ. Видимъ т. о. Черныхъ Клобуковъ и подъ стѣнами сосѣдняго Владиміра Волынскаго[3] и еще дальше — въ Галицкомъ княжествѣ[4]; часто переправляли ихъ черезъ Днѣпръ на лѣвую сторону его и тогда они воюютъ Переяславскую область, осаждаютъ самый Переяславль,[5] проникаютъ въ Черниговское княжество, участвуютъ въ осадѣ Чернигова[6] и заходятъ даже въ Новгородъ — Сѣверское княжество, пробираясь черезъ его лѣсныя дебри и достигая на сѣверѣ Карачева.[7] Посылались они въ Турово-Пинскую землю, къ Пинску и за Припять;[8] два раза даже видимъ Черныхъ Клобуковъ въ далекомъ отъ Кіева Полоцкомъ Княжествѣ.[9] Наконецъ видимъ Черныхъ Клобуковъ посылаемыхъ въ Великій Новгородъ; и туда посылалъ Кіевскій князь Куевъ и Берендѣевъ для конвоированія своего сына въ тревожное время; но имъ не удалось пройти дальше Мозыря.[10] Только о проникновеніи Черныхъ Клобуковъ въ Суздальскую Русь ничего не извѣстно.

Въ большихъ походахъ внутри Руси, подобно тому, какъ и въ большихъ походахъ въ степь, Черныхъ Клобуковъ видимъ въ роли кавалерійскихъ авангардовъ, конными передовыми отрядами, посылаемыхъ впередъ или на развѣдку (часто вмѣстѣ съ русскою „молодью“) или въ качествѣ конныхъ стрѣлковъ завязывать битву.[11]

Далеко не всегда Клобуки исполняли роль лишь безмолвной военной единицы. Въ древней Руси было въ обычаѣ князьямъ совѣщаться съ дружиною, съ войскомъ. Черные Клобуки въ этомъ отношеніи были на равномъ положеніи съ русскими, принимали участіе въ совѣщаніяхъ и не разъ давали свои совѣты, которыхъ слушались князья.[12]

При всей отрывочности и случайности упоминаній нашими лѣтописями о количественномъ соотношеніи въ походахъ дружины княжеской и Черныхъ Клобуковъ или вообще „русскихъ вой“ и „своихъ поганыхъ“, все же можно, мнѣ

---

1) П. С. Р. Л. II, 60—62.
2) П. С. Р. Л. II, 50—51.
3) П. С. Р. Л. II, 80, 1157.
4) П. С. Р. Л. II, 61, 1152; II, 73, 1153.
5) П. С. Р. Л. II, 18, 1142, II, 26, 1142, II, 43, 1149, II, 65, 1151.
6) П. С. Р. Л. II, 37, 1148.
7) П. С. Р. Л. II, 27—28, 1146.
8) П. С. Р. Л. II, 82, 1158.
9) П. С. Р. Л. II, 11, 1128, II, 28, 1160.
10) П. С. Р. Л. II, 99, VII, 84.
11) П. С. Р. Л. II, 26, 1146; II, 43, 1149; II, 63, 1151; II, 87, 1160.
12) Напр. П. С. Р. Л. II, 36, 1147 г. Напрасно Ляскоронскій (Къ вопросу о Переяславскихъ Торкахъ, Ж. М. Н. Пр. 1905, IV, стр. 294), считалъ уп. здѣсь Черныхъ Клобуковъ „мѣстными жителями-степняками“, когда это были Изяславовы кіевскіе Черные Клобуки. См. еще П. С. Р. Л. II, 56—60, 1151 г., II, 103—104, 1172 г.

кажется, утверждать, что сврашительно — Черные Клобуки составляли очень значительное количество, которое, конечно, невозможно опредѣлять въ цифрахъ, но, по всему судя, „свои поганые" представляли въ этихъ походахъ очень часто преобладающій элементъ. Грушевскій, пытаясь опредѣлить количество кіевской княжей дружины, пришелъ къ выводу, что она „считалась сотнями и рѣдко переходила за тысячу", а далѣе указываетъ, что „съ теченіемъ времени, по мѣрѣ того, какъ кіевскіе князья становились менѣе могущественными и богаты, число дружины должно было еще болѣе уменьшиться.[1] Когда мы эти выводы поставимъ рядомъ съ 600-ымъ отрядомъ Торковъ, посылаемыхъ кіевскимъ княземъ на помощь полоцкому,[2] полторы-, двухъ- и шести-тысячными отрядами Черныхъ Клобуковъ въ походахъ въ степи,[3] и наконецъ когда вспомнимъ спорное мѣсто лѣтописи о 30.000 и 1000-мъ отрядѣ Берендѣевъ у вел. кн. Ярополка,[4] то высказанное предположеніе о Черныхъ Клобукахъ какъ о преобладающемъ элементѣ въ русскомъ (собственно, кіевскомъ) войскѣ не покажется слишкомъ смѣлымъ.[5]

Это обстоятельство показываетъ, насколько важно было претендентамъ на кіевскій столъ быть въ хорошихъ отношеніяхъ съ Чернымъ Клобукомъ, ибо отпаденіе послѣдняго и переходъ на сторону противника, сразу бы вырывало почву изъ подъ княжившаго въ Кіевѣ князя. Изяславъ Мстиславичъ такъ разсуждалъ, когда въ Кіевѣ сидѣлъ его непримиримый врагъ — дядя Юрій: „если нельзя будетъ ѣхать на Бѣлгородъ — разсуждаетъ Изяславъ, — то войдемъ въ Черные Клобуки, а какъ уже въ Черные Клобуки войдемъ и съ ними соединимся, то тогда надѣемся на Бога и не боимся больше ни Юрія ни Владиміра (Галицкаго союзника Юрія").[6] Въ другой разъ Юрій немедленно, безъ боя, бросилъ Кіевъ, уступивъ его Изяславу, когда только узналъ, что послѣдній изъ Волынской земли, куда онъ ушелъ, изгнанный изъ Кіева Юріемъ, очутился у Черныхъ Клобуковъ и былъ ими радостно встрѣченъ. Послѣ этого Юрію уже казалось безнадежнымъ удержать за собою Кіевъ.[7]

Очень характерной иллюстраціей можетъ служить эпизодъ съ черноклобуц-

---

[1]) Ист. Кіев. 3., с. 344; повторено въ И. У.-Р. III, 250. Надо еще замѣтить, что Грушевскій не совсѣмъ вѣрно оперируетъ съ числами, указывая напр. на трехтысячную дружину Изяслава Давидовича въ 1146 г. и упуская изъ вида то, что въ томъ числѣ были и Берендѣи кіевскаго князя и неизвѣстно въ какомъ количествѣ.

[2]) Р. С. Р. Л. II, 86, 1160.

[3]) П. С. Р. Л, II, 104, 1172 (1500 Берендѣевъ); II, 127, 1183; ср. I, 167 (2100 Берендѣевъ); II, 129, 1185, гдѣ, правда не говорится прямо о Черныхъ Клобукахъ, а лишь сказано, что посылаемый 6000-ый отрядъ былъ подъ начальствомъ торкскаго князя Кунтувдѣя. Но не мыслимо, чтобы были здѣсь русскіе подъ командою торкскаго князя, да и въ степи для погони болѣе всего подходила именно легкая конница кочевниковъ.

[4]) 30.000 стоитъ въ самыхъ надежныхъ лѣтописныхъ спискахъ — Лаврентьевскомъ (П. С. Р. Л. I, 133, 1138) и Ипатьевскомъ (II, 14, 1139); 1000-же — въ Воскресенской лѣт. (VII, 31) да въ Карамзин. и Оболен. спискахъ Софійск. Временника (V, 157; въ остальныхъ пяти спискахъ Соф. Врем. стоитъ 30.000).

[5]) Грушевскій, признавая многочисленность черноклобуцкихъ войскъ, не сдѣлалъ изъ этого дальнѣйшаго вывода: „полки Черныхъ Клобуковъ были важною составною частью княжескаго войска, особенно въ Кіевщинѣ, п. ч. тутъ эти полки бывали очень значительны, считаясь тысячами а м. б. даже и десятками тысячъ" (И. У.-Р. III, 251).

[6]) П. С. Р. Л. II, 55, 1150.

[7]) П. С. Р. Л. II, 49, 1150.

кою ордою Турпѣевъ въ 1150 году. Здѣсь, правда, дѣло идетъ не о Кіевскомъ а о Переяславскомъ княжествѣ, но это нисколько не умаляетъ характерности факта. Кіевскій князь Изяславъ велитъ своему сыну Мстиславу добыть Переяславль. Между Кіевомъ и Переяславлемъ, на лѣвобережной сторонѣ, но въ расположеніи кіевскаго княжества, которое простиралось здѣсь и на лѣвый берегъ Днѣпра, находились Турпѣи. Мстиславъ прежде всего посылаетъ за ними, съ приказаніемъ „ѣхати къ собѣ", т. е. на лѣвую сторону Днѣпра, что бы уже затѣмъ, собравъ ихъ и свою дружину, двинуться къ Переяславлю. Но переяславскій князь, услышавъ объ этомъ, торопится перехватить Турпѣевъ у Мстислава, что ему и удается: „...самъ гна къ Сакову и сгони Турпѣи у Днѣпра и поимавъ ѣ приведе ѣ Переяславлю". На этомъ примѣрѣ видимъ, какое значеніе, какъ слѣпой военной силы, имѣли тюркскіе отряды, за обладаніе которыми боролись князья.[1]

Но такая пассивная роль Черныхъ Клобуковъ — скорѣе исключеніе на страницахъ русскихъ лѣтописей. Обычно же мы видимъ Клобуковъ гораздо самостоятельнѣе, съ явно-выраженными симпатіями и антипатіями къ различнымъ вѣтвямъ княжескаго дома. Перехожу такимъ образомъ къ разсмотрѣнію политической роли Черныхъ Клобуковъ въ дѣлахъ Кіевской Руси.

*

Самостоятельными иниціаторами въ переворотахъ Черные Клобуки никогда не выступали (по крайней мѣрѣ объ этомъ нѣтъ ни одного указанія). Но дѣятельными участниками, въ большинствѣ случаевъ согласно съ Кіевскою общиною, выступали неоднократно, и по причинѣ той военной силы, какую они собою представляли, участія эти были очень ощутительны, а часто и рѣшающими. Характерно, что Черные Клобуки въ этихъ политическихъ дѣлахъ никогда не сливались съ русскими, въ частности съ кіевлянами, но наоборотъ, всегда подчеркивали свою самостоятельность. Такъ, когда умеръ вел. кн. Ростиславъ, то князья, сидѣвшіе въ кіевскихъ пригородахъ, и кіевляне послали къ Мстиславу Изяславовичу, зовя его сѣсть въ Кіевъ; тоже сдѣлалъ и Черный Клобукъ, но отдѣльно: „Въ лѣто 6674. По Ростиславли смерти начаша слати по Мьстислава; братья — Володимеръ Мьстиславичъ, Рюрикъ, Давидъ — и Кіяне отъ себѣ послаша, Черныи Клобукы отъ себѣ послаша."[2] Сынъ Юрія суздальскаго, Ростиславъ, чтобы поднять своего отца въ походъ на Кіевъ, такъ говоритъ Юрію: „Слышалъ есмь, оже хощеть тебе вся Руская земля и Черныи Клобукы."[3]

Остается спорнымъ, сколько было правды въ словахъ Ростислава Юрьевича, потому что обычно видимъ Черныхъ Клобуковъ приверженцами волынскихъ и смоленскихъ Мономаховичей. Когда въ Кіевѣ княжилъ „неугодный кіянамъ" Игорь Ольговичъ и Кіевляне призвали Изяслава Мстиславича, внука Мономаха, то Черные Клобуки тотъ часъ же приняли сторону послѣдняго: „прислашося къ нему Черніи Клобуци и все Поросье и рекоша ему: „ты нашь князь, а Олговичь не хочемъ; а поѣди вборзѣ а мы съ тобою!"[4]; въ другой разъ, когда въ

[1]) П. С. Р. Л. II, 50. Ср. I, 141.
[2]) П. С. Р. Л. II, 96, 1169.
[3]) П. С. Р. Л. II, 141, 1149.
[4]) П. С. Р. Л. II, 23, 1146.

Кіевѣ сидѣлъ Юрій Суздальскій, а тотъ же Изяславъ искалъ подъ нимъ Кіева, достаточно было ему пріѣхать въ расположеніе Черныхъ Клобуковъ, какъ „и ту пріѣхаша къ нему вси Черніи Клобуци съ радостью великою, всими своими полкы.“[1] Еще рѣшительнѣе заявляютъ они себя приверженцами этой линіи Мономаховичей въ 1151 году, говоря князьямъ: „хочемъ же за отца вашего за Вячеслава и за тя (т.-е. Изяслава Мстиславича) и за брата твоего Ростислава и за всю братью и головы своѣ сложити, да любо честь вашю налѣземъ, таки же хочемъ съ вами ту измерети, а Гюргя (Суздальскаго) не хочемъ“.[2] Въ свою очередь только отъ старшихъ Мономаховичей и видимъ такое теплое отношеніе къ Клобуку. Когда умеръ племянникъ Изяслава, Мстиславъ Ростиславичъ, „плакашеся по немъ вся земля Русская, не може забыти доблести его и Черные Клобуци вси не могутъ забыти приголубленія его“;[3] братъ Мстислава, Давидъ Смоленскій, въ свой пріѣздъ въ Кіевъ въ рядѣ даваемыхъ обѣдовъ, даетъ обѣдъ и Черному Клобуку: „потомъ же позва Давыдъ Черніи Клобуци вси и ту попишася у него вси Черніи Клобуци и одаривъ ихъ дарми многими и отпусти ихъ.“[4] Когда же умеръ самъ Изяславъ (1154 г.) то „плакася по немъ вся Руская земля и вси Черніи Клобуци, яко по цари и господинѣ своемъ, наипаче же яко по отци.“[5] Вокняженіе въ Кіевѣ правнука Мономаха Рюрика Ростиславича встрѣчается кіянами и погаными съ радостью „зане всихъ пріимаше (Рюрикъ) съ собѣ съ любовью и крестьяны и поганы и не отгоняше никого же.“[6]

Обратно: къ суздальскимъ Мономаховичамъ, къ черниговскимъ Ольговичамъ — видимъ холодность Черныхъ Клобуковъ, во всякомъ случаѣ они никогда не проявляютъ той рьяности, какую они и на словахъ и на дѣлѣ стремились проявить по отношенію къ старшимъ Мономаховичамъ. И сами лѣвобережные князья въ борьбѣ за Кіевъ избѣгаютъ опираться на нихъ, видимо сознавая всю непрочность для нихъ такой помощи.[7] Въ данномъ случаѣ симпатіи и антипатіи Черныхъ Клобуковъ совпадали съ отношеніями ко всѣмъ этимъ княжескимъ родамъ Кіевской общины, ибо какъ извѣстно, кіевляне издавна недолюбливали черниговскихъ Ольговичей, а старшихъ Мономаховичей предпочитали суздальскимъ. Объясненіемъ этому явленію можетъ быть то, что и Черные Клобуки и Кіевляне просто больше и лучше знали потомковъ Мстислава I, чѣмъ его брата Юрія съ сыномъ Андреемъ; къ первымъ они больше привыкли, постоянно видя ихъ, помогая имъ въ дѣлахъ. Также точно и на черниговскихъ Ольговичей Клобуки смотрѣли какъ на чужихъ, пришельцевъ. Но что мнѣ кажется особенно существенно, такъ это то, что и черниговскіе и суздальскіе князья являлись завоевывать Кіевъ съ ордами дикихъ Половцевъ, смертельныхъ

---

[1]) П. С. Р. Л. II, 49, 1150 г.

[2]) П. С. Р. Л. II, 60, 1151.

[3]) П. С. Р. Л. II, 121, 1179.

[4]) П. С. Р. Л. II, 144, 1195. Въ Ермолаевскомъ спискѣ варіантъ: „Клобуци вси у него (Давида) быша во чести велицѣ.“

[5]) П. С. Р. Л. II, 74, 1154.

[6]) П. С. Р. Л. II, 144, 1194. Ср. еще II, 85, 1159 г., гдѣ Клобуки говорятъ сыну Изяслава, Мстиславу: „аже ны хочеши любити, яко же ны есть любилъ отецъ твой...“

[7]) Примѣръ съ княземъ Изяславомъ Давидовичемъ Черниговскимъ; занявъ въ 1159 г. Кіевъ, онъ, чтобы удержать его, хотя и привлекаетъ къ себѣ Берендѣевъ, но въ то же время посылаетъ за „дикими“ Половцами. Берендѣи затѣмъ оправдали себя — и измѣнили Изяславу. (П. С. Р. Л. II, 85, 1159 г.)

враговъ Черныхъ Клобуковъ и уже это одно вызывало у нихъ достаточно невыгодныя ассоціаціи къ такимъ претендентамъ на Кіевъ.

Но все это, разумѣется, волновало Черныхъ Клобуковъ только въ дни борьбы за Кіевъ, когда они могли въ мутной водѣ междоусобій въ той или иной формѣ проявлять свои чувства; но какъ скоро въ Кіевѣ прочно утверждался князь, хотя бы и изъ Ольговичей, Черные Клобуки послушно становились передъ лицомъ совершившагося факта и напр. въ продолжительное и славное княженіе Святослава Всеволодовича (черниговскаго) видимъ ихъ исполнительными слугами кіевскаго князя. Даже нелюбимому Юрію Владиміровичу суздальскому они быстро подчиняются, какъ только онъ обосновался въ Кіевѣ и еще въ громкихъ фразахъ выражаютъ ему свои увѣренія въ преданности.

Вообще нельзя очень преувеличивать расположеніе Чернаго Клобука къ кому бы то ни было; нельзя это дѣлать потому, что по существу, Черные Клобуки выявляютъ себя рѣзко-выраженными оппортунистами. Такъ, когда ихъ любимецъ, в. кн. Изяславъ Мстиславичъ въ 1150 г., въ перипетіяхъ борьбы съ дядей Юріемъ оказался въ критическомъ положеніи, то Черные Клобуки, бывшіе съ нимъ въ его войскѣ, обратились къ нему съ такою характерною рѣчью: „княже! сила его (противника) велика, а у тебе мало дружины..., не погуби насъ, ни самъ не погыни; но ты нашъ князь, коли силенъ будеши, а мы съ тобою, а нынѣ не твое веремя, поѣди прочь!“ Имъ чуждъ былъ героизмъ Изяслава, отвѣтившаго имъ на это, что „луче, братье, измремъ сдѣ, нежели сей соромъ възмемъ на ся“, и вмѣстѣ съ покинувшими Изяслава кіевлянами, отправились въ свои вѣжи.[1] Черезъ девять лѣтъ они приблизительно то же самое говорятъ его сыну Мстиславу. Тогда кіевскій столъ на короткое время занялъ нелюбимый кіянами черниговскій князь Изяславъ Давидовичъ; Мстиславъ же, претендентъ на Кіевъ, былъ осаженъ Изяславомъ въ Бѣлгородѣ. Но Изяславъ имѣлъ неосторожность привести подъ Бѣлгородъ и Черныхъ Клобуковъ, Берендѣевъ. Послѣдніе входятъ въ сношенія съ осажденнымъ Мстиславомъ и тайно отправляютъ къ нему въ городъ своего посла съ такими знаменательными словами, могущими бы служить эпиграфомъ къ политической роли Черныхъ Клобуковъ: „въ насъ ти есть, княже, и добро и зло; аже ны хощеши любити, якоже ны есть любилъ отець твой, и по городу ны даси по лѣпшему, то мы на томъ отступимъ отъ Изяслава“.[2] Неудивительно поэтому, что когда на того же Мстислава въ 1169 году поднялась небывалая коалиція почти всѣхъ русскихъ князей, собранная Андреемъ Боголюбскимъ, то Торки и Берендѣи недолго стали защищать Мстислава, начали „льстить подъ нимъ“, и вѣроятно сыграли немалую роль въ ускореніи взятія Кіева, что привело къ первому, небывалому еще разгрому столицы Руси.[3] И не даромъ лѣтописецъ заставляетъ произносить князя Владиміра Мстиславича, обманутаго Клобуками, такія слова: „не дай Богъ поганому вѣры яти николиже, а язъ уже погинулъ и душею и жизнью“, что можно, пожалуй, счесть за общій взглядъ русскихъ книжниковъ на надежность Черныхъ Клобуковъ.[4]

Другая сторона политической роли Черныхъ Клобуковъ въ Кіевской Руси — это ихъ значеніе, ихъ вѣсъ въ общественной жизни Кіева и Руси. Съ ними князья

¹) П. С. Р. Л. II, 51, 1150.
²) П. С. Р. Л. II, 85, 1159.
³) П. С. Р. Л. II, 100, 1171.
⁴) П. С. Р. Л. II, 97, 1169.

готовы считаться, какъ считаются съ вліятельнѣйшими элементами русскаго общества. Когда Изяславу Кіевскому доносятъ на князя Ростислава Юрьевича, управлявшаго нѣсколькими городами Кіевскаго княжества, что послѣдній будто бы „подъмолвилъ" противъ Изяслава „люди Берендичи и Кіаны", — Ростиславъ, возмущенный этимъ доносомъ, обращается къ Изяславу съ такими словами: „брате и отце! ако ни въ умѣ своемъ ни въ сердци ми того не было; какы ли на мя кто молвить, князь ли который, а се язь къ нему, мужь ли который въ хрестьяныхъ или въ поганыхъ (т. е. среди Черныхъ Клобуковъ), а ты мене старѣй, а ты мя съ нимъ и суди".[1] Другой кіевскій князь, Ростиславъ Мстиславичъ неизвѣстно изъ какихъ причинъ, проситъ у Святослава Ольговича черниговскаго его сына Олега отпустить къ нему въ Кіевъ: „пусти ко мнѣ дѣтя Олга, ать познаеть Кіяны лѣпшія и Берендичѣ и Торкы. Святославъ же безо всякаго извѣта пусти ему сынъ свой"[2]. Насколько Черный Клобукъ представлялъ собою видную общественную роль, можно видѣть изъ словъ Изяслава Мстиславича къ венгерскому королю. Изяславъ въ такихъ словахъ сообщаетъ своему зятю и союзнику о своемъ вступленіи на кіевскій столъ: „а все ти скажуть твои мужи (венгерскаго вспомогательнаго отряда у Изяслава, теперь возвращавшихся домой) и братъ твой Мстиславъ (сынъ Изяслава, посылаемый въ Венгрію) како ны Богъ помоглъ, и пакы како ся по насъ яла Руская земля вся и Черніи Клобуци".[3]

Если пристальнѣе присмотрѣться ко всѣмъ большимъ междоусобіямъ конца XI и всего XII вѣковъ, то не трудно будетъ въ нихъ увидѣть, что эта борьба, борьба за Кіевъ, велась между Приднѣпровьемъ правымъ и лѣвымъ, между князьями суздальской, черниговской, сѣверской Руси и волынскими и смоленскими князьями, въ обладаніи которыхъ преимущественно былъ Кіевъ. Въ Правобережьи для этой борьбы существовала замѣчательно удобная и количественно большая военная сила Черныхъ Клобуковъ, которой кіевскіе князья очень широко и пользовались. Лѣвобережье же не могло изъ собственныхъ силъ противупоставить что-либо равноцѣнное этимъ тюркскимъ вспомогательнымъ войскамъ. Отсюда — обращеніе лѣвобережныхъ претендентовъ въ степи, къ „дикимъ" Половцамъ, единственно-равной Чернымъ Клобукамъ военной силѣ на тогдашнемъ политическомъ горизонтѣ лѣвобережной Руси. Быть можетъ поэтому, въ самомъ наличіи кіевскихъ черноклобуцкихъ населеній и былъ корень того зла, которымъ такъ страдала древняя Русь: наводъ Половцевъ въ междоусобныхъ войнахъ. Можетъ быть въ Черныхъ Клобукахъ и разгадка того удивлявшаго насъ всегда отсутствія патріотизма русскихъ князей, въ особенности черниговскихъ Ольговичей, такъ часто прибѣгавшихъ къ помощи ненавистныхъ Половцевъ. Конечно, этимъ очень мало оправдываются поступки князей, золотомъ взводившихъ половецкія орды на первопрестольный Кіевъ, но это все же, по крайней мѣрѣ объяснитъ ту настоятельную необходимость прибѣгать къ такому средству, как единственно-вѣрному для осуществленія своихъ стремленій: возсѣсть на Кіевскомъ столѣ.

Заканчивая обзоръ военно-политической роли Черныхъ Клобуковъ, мнѣ хочется завершить его лѣтописной иллюстраціей, показать какую картину пред-

---

[1]) П. С. Р. Л. II, 41, 1149.

[2]) П. С. Р. Л. II, 89, 1161. См. еще II, 86, 1160.

[3]) П. С. Р. Л. II, 58, 1151.

ставляли собою эти безконечныя междоусобныя войны за Кіевъ, и насколько сильно восточный, тюркскій элементъ игралъ въ нихъ роль, придавая этимъ войнамъ на территоріи славянской Руси, по многочисленности принимавшихъ въ нихъ участіе азіатовъ — да не покажется это парадоксомъ — восточный, азіатскій характеръ.

Весною 1151 года въ Кіевѣ правилъ номинально — старѣйшій среди Мономаховичей Вячеславъ, а фактически — его племянникъ, знаменитый Изяславъ Мстиславичъ. Передъ тѣмъ, въ предыдущемъ году, въ Кіевѣ сидѣлъ Юрій суздальскій, младшій братъ Вячеслава, но энергичный племянникъ его, Изяславъ, захватилъ Кіевъ и теперь Юрій на томъ берегу Днѣпра собирался къ новому нападенію. Съ той и другой стороны стягиваютъ войска. Юрій поджидаетъ Половцевъ, за которыми онъ послалъ въ степь. Послѣ Пасхи, Половцы, за присланное имъ золото, приходятъ къ Юрію, и послѣдній начинаетъ наступленіе. Ему надо переправиться на кіевскую сторону Днѣпра. Придя къ Зарубскому броду, Половцы въ боевомъ порядкѣ первыми бросились въ рѣку „и тако въбредоша на нѣ на конѣхъ, за щиты и съ копьи и въ броняхъ, якоже битися, и покрыша Днѣпръ отъ множества вои“; русскіе же переплыли „въ лодьяхъ“; это былъ лишь передовой русскій полкъ, за которымъ уже послѣдовалъ суздальскій князь со своими союзниками — черниговскими князьями. Замыкалъ переправу многочисленный обозъ, тѣ „возы“, безъ которыхъ тогда не предпринимали ни одного большого похода.

На кіевской же сторонѣ стояли со своими дружинами, кіянами и Черными Клобуками Вячеславъ съ Изяславомъ Мстиславичемъ и союзными князьями. Когда увидѣли, что врагъ переправился черезъ Днѣпръ, въ станѣ кіевскаго князя было рѣшено послѣдовать совѣту Черныхъ Клобуковъ, предложившихъ князьямъ обороняться подъ стѣнами Кіева; сами же они, въ виду этого, что бы не оставить беззащитными свои вѣжи въ Поросьи, испрашиваютъ у Изяслава позволенія поѣхать за ними, забрать ихъ, обѣщая къ вечеру того же дня уже быть въ Кіевѣ. Русскія войска пошли на сѣверо-западъ, къ Кіеву, а Торки, Куи, Берендѣи и Печенѣги, подъ начальствомъ брата Изяслава, Владиміра, пошли на юго-западъ, въ Поросье. На слѣдующій день, когда русская рать уже была разставлена подъ стѣнами Кіева, „отъ Торчина же и Володимеръ приде съ всими Черными Клобукы, и съ вѣжами и стады и скоты ихъ и многое множество, и велику пакость створиша, ѻно ратніи, а ѻно своѣ и монастыри оторгоша и села пожгоша и огороды вси посѣкоша. Вячеславъ же, Изяславъ и Ростиславъ повелѣша Володимиру пойти съ Берендѣи и съ вѣжами и съ стады ихъ пойти по Олговѣ и сташа мьжи дьбрьми отъ Олговы оли и въ огородъ святаго Іоанна, а сѣмо оли до Щковицѣ, а Коуеве и Торчи и Печенѣзи туда сташа отъ Золотыхъ воротъ по тѣмъ огородомъ до Лядьскихъ воротъ, а оттолѣ оли и до Клова и до Берестоваго и до Угорьскихъ воротъ и до Днѣпра“. Послѣ неудачныхъ переговоровъ о мирѣ — „утріи же день исполцився“, подступилъ Юрій къ Кіеву, у рѣчки Лыбеди. Впередъ были высланы Половцы, которые разбили передовой отрядъ противника, послѣ чего вернулись къ главнымъ силамъ Юрія. Но вечеромъ повелъ наступленіе Изяславъ Мстиславичъ, во главѣ съ Черными Клобуками, и разбилъ на-голову Половцевъ. Здѣсь былъ убитъ тогда и ихъ ханъ Севенъ Боняковичъ.

Послѣ нѣсколькихъ дней маневрированія, когда обѣ рати опять сошлись

другъ противъ друга, была сдѣлана послѣдняя попытка къ примиренію, но союзники Юрія — Ольговичи, Половцы, „не дадущимъ миритися, зане скора бяху на кровопролитье". Наконецъ рѣшительная битва произошла на рѣкѣ Руть. Кіевскій князь открылъ сраженіе тѣмъ, что послалъ конныхъ стрѣлковъ — черноклобуцкихъ и русскихъ — нападать на все еще уклонявшагося врага (противники ждали прихода галицкаго князя). Стрѣлки начали отбивать обозъ непріятеля, „возы", и наконецъ втянули всѣхъ въ битву. Половцы не старались, видимо, честно отрабатывать свое золото: „Половци же Юьреви по стрѣлѣ пустивше и побѣгоша", послѣ чего началось бѣгство и остальной части войскъ Юрія. Въ начавшейся рѣзнѣ былъ убитъ черниговскій князь „и ины многы избиша и Половечьстіѣ князи многы изоимаша, а другыхъ избиша". Нападеніе Юрія не удалось и было отбито. Онъ и всѣ его союзники бѣжали черезъ Днѣпръ обратно въ лѣвобережье.[1]

Если представить себѣ всю эту движущуюся массу войскъ: передовые отряды съ той и другой стороны тюркскихъ и русскихъ конныхъ стрѣлковъ, за ними внушительныя силы Половцевъ и Черныхъ Клобуковъ вмѣстѣ съ русскими дружинами, а за войскомъ, у однихъ — обозы, а у другихъ черноклобуцкія вѣжи съ „жены и дѣти и съ стады и скоты многое множество", — то получится картина съ сильно выраженнымъ восточнымъ оттѣнкомъ.

*

Заканчиваю очеркъ о Черныхъ Клобукахъ разсмотрѣніемъ вопроса о культурномъ вліяніи ихъ на Русь. Въ нашей исторической литературѣ не допускалось и возможности поднятія такого вопроса, въ виду того, что вообще не признавалось какой-либо культуры у кочевниковъ или возможности за ними какойлибо посредствующей роли въ передачѣ элементовъ другихъ культуръ. Молчановскій напр., судитъ о низкой степени культуры у Черныхъ Клобуковъ по ихъ способности въ какихъ-либо нѣсколько десятковъ часовъ перенестись всѣми вѣжами съ одного мѣста въ другое.[2] Грушевскій обратилъ вниманіе лишь на отрицательную сторону Черныхъ Клобуковъ, на ихъ степную дикость и грубость, оказавшую сильнѣе всего это нежелательное вліяніе на русское населеніе Поросья, среди котораго жили Черные Клобуки.[3] Это совершенно справедливое замѣчаніе Грушевскаго можно было бы иллюстрировать очень выразительными примѣрами. Когда нѣсколько видныхъ Берендѣевъ стали подговаривать волынскаго князя Владиміра Мстиславича къ захвату Кіевскаго стола подъ Мстиславомъ Изяславичемъ, то дружина князя отказалась поддерживать его въ этомъ предпріятіи и онъ почти одинъ явился къ Берендѣямъ. Тогда черноклобуцкіе старшины встрѣтили Владиміра назидательными словами о томъ, что разъ съ нимъ нѣтъ никакой силы, то они и поддерживать его станутъ, и проводили его стрѣлами: „...начаша въ нь пущати стрѣлы и ударша князя двѣма стрѣлама".[4] Въ Руси на князей вообще рѣдко поднимали руку, а такая безцеремонность въ отношеніи къ Владиміру Мстиславичу только можетъ быть отнесена за счетъ тюркской грубости. Тѣмъ болѣе рѣдки у насъ были случаи убійства князей.

---

[1]) П. С. Р. Л. II, 57—64; VII, 52—55, 6659—1151 г.
[2]) Молчановскій, с. 64.
[3]) Грушевскій, И. К. 3, с. 301.
[4]) П. С. Р. Л. II, 97, 1169.

И какъ разъ Василько Теребовльскій былъ ослѣпленъ „Торчиномъ именемъ Беренди“,[1] а главными распорядителями этого дѣла были нѣкіе Кульмѣй и Турякъ, мужи князя Давида Игоревича;[2] Глѣбъ, сынъ Владиміра, былъ зарѣзанъ Торкомъ;[3] Изяславъ Давидовичь черниговскій былъ зарубленъ, правда, въ битвѣ, Воиборомъ Негечевичемъ, Чернымъ Клобукомъ.[4] Всѣ перечисленные случаи убійствъ, кромѣ убіенія Изяслава Давидовича Воиборомъ, производились, правда, не по собственной волѣ этихъ лицъ, но что исполнителями этого выбирали именно тюрковъ — достаточно характерно.

Мысли же о томъ, что Черные Клобуки, подобно Половцамъ, могли вліять на матеріальную культуру Руси, въ вооруженіи, въ конскихъ уборахъ, въ предметахъ личнаго украшенія и пр., — не допускалось вовсе въ нашей исторической литературѣ. Говорить о видахъ этого культурнаго вліянія Черныхъ Клобуковъ на Русь я здѣсь не буду, т. к. невозможно раздѣлять, что шло къ намъ отъ Черныхъ Клобуковъ, а что — отъ Половцевъ. Это можно выполнить говоря о тюркскомъ вліяніи вообще, что я и постараюсь сдѣлать при разсмотрѣніи культурной роли Половцевъ въ русской исторіи. Сейчасъ же можно только подчеркнуть лишь ту роль, какую Черный Клобукъ сыгралъ въ дѣлѣ перенесенія на Русь элементовъ своей тюркской и другихъ восточныхъ культуръ.

Надо указать, прежде всего на ту близость, которая существовала между русскими и Черными Клобуками, въ особенности между ханами, черноклобуцкими старшинами, тѣми „лѣпшими мужами“, о которыхъ такъ часто говоритъ лѣтопись и русскими правящими кругами. Ихъ хорошо знали, этихъ старшинъ, знали ихъ по именамъ, сидѣли съ ними за общими столами на пирахъ, приглашали ихъ на совѣщанія, ссорились и мирились съ ними. Отдѣльныя лица наполняли собою различные классы общества; видимъ этихъ тюрковъ и простыми слугами князей, и княжими отроками, и наконецъ — въ высшемъ, боярскомъ классѣ, даже послами своихъ князей при сношеніяхъ съ другими князьями.[5] Хотя главная масса Черныхъ Клобуковъ жила на окраинѣ Руси, въ южной части Кіевскаго княжества, тѣмъ не менѣе они были хорошо извѣстны всей Руси. Лѣпшіе мужи ихъ жили въ самомъ Кіевѣ;[6] тамъ же находились иногда при князѣ и отдѣльные берендѣйскіе отряды;[7] во время междоусобныхъ

---

[1]) П. С. Р. Л. I, III, 1097.

[2]) Ib. 113.

[3]) П. С. Р. Л. I, 59, 1015.

[4]) П. С. Р. Л. II, 90, 1162.

[5]) О слугахъ — П. С. Р. Л. I, 59, 1015; I, III — 113, 1097; объ отрокахъ — П. С. Р. Л. I, 97, 1095; о бояринѣ — П. С. Р. Л. I, 116, 1100.

[6]) П. С. Р. Л. II, 54, 1150; II, 86, 1160; II, 89, 1161. Впрочемъ, въ послѣднихъ двухъ упоминаніяхъ можно видѣть и просто черноклобуцкіе военные отряды, расквартированные въ Кіевѣ при князѣ Ростиславѣ Мстиславичѣ.

[7]) Берендѣи были вообще близки Кіевскимъ князьямъ. Берендѣйскій военный отрядъ видимъ у князя Ростислава Мстиславича въ 1161 г. — П. С. Р. Л. II, 90. (Что это были не призванные изъ Поросья Черные Клобуки видно изъ словъ дружины Ростиславлей: „княже! се братья твоя къ тобѣ не притягнули, ни Берендичѣ, ни Торци, а сихъ (противниковъ) сила велика...“ Слѣд. упомянутые передъ этимъ Берендичи, которые отъ начавшаго врываться въ городъ врага „побѣгоша“ къ Угорскимъ воротамъ, были не изъ „притяглыхъ“, какъ то хотѣлъ видѣть Грушевскій, И. К. 3. с. 211, а мѣстные, кіевскіе, вѣроятно составлявшіе небольшой личный отрядъ Ростислава Мстиславича; ср. съ уп. передъ тѣмъ въ предыдущ. году Берендѣевъ у кн. Ростислава (П. С. Р. Л. II, 86, 1160). Отрядъ Черныхъ Клобуковъ видимъ въ Кіевѣ и въ 1195 г. у кн.

войнъ Черныхъ Клобуковъ видѣли всюду, почти по всей тогдашней Руси проходили ихъ полки. Можно предполагать, что въ первые годы ихъ проникновенія въ Русь, въ эпоху Святополка II и Владиміра Мономаха, они наводнили собою княжескія дружины; можетъ быть даже существовали самостоятельные тюркскіе отряды при князьяхъ. Все это не могло не сыграть существенной роли въ дѣлѣ передачи различныхъ тюркскихъ элементовъ на дотатарскую Русь; а въ исходѣ XI и начала XII вѣковъ, когда она была особенно насыщена этими элементами благодаря массовому наплыву Торковъ и Печенѣговъ, едва ли не создалось своеобразной моды на нихъ.

Какъ мы видѣли, Черные Клобуки, при удачныхъ для нихъ стычкахъ съ Половцами, захватываютъ въ плѣнъ половецкихъ хановъ, которымъ часто тутъ же даютъ возможность откупиться, тѣмъ, главнымъ образомъ, что было на нихъ и ихъ лошадяхъ. А на половецкихъ ханахъ было столько „злата" и „сребра", такія „паволокы" и „дрогыя оксамиты" и драгоцѣнное оружіе, а на коняхъ ихъ богатыя сѣдла и попоны, что было чѣмъ откупиться даже только „снимая на себѣ" (т. е. съ себя). Всѣ эти цѣнности не складывались, не прятались у кочевниковъ, а носились на себѣ, и Черные Клобуки несомнѣнно щеголяли ими, какъ трофеями и драгоцѣнностями.[1] Это не могло не оказать вліянія на русскихъ и для насъ, по всей вѣроятности, останется навсегда загадкою — кто, собственно, больше вліялъ на русскихъ въ усвоеніи ими этихъ тюркскихъ видовъ убранства — Черные ли Клобуки или сами Половцы, прививая и создавая на Руси своего рода тюркскую моду, подобно той, какую напримѣръ привносили Половцы — въ Венгрію, а Гунны и другіе варвары — въ Византію.

Д. Расовскій.

Рюрика Ростиславича (П. С. Р. Л. II, 144). Ср. еще П. С. Р. Л. II, 89, 1161. Хотя подъ 1160 г. и говорится, что „послалъ же бяше Ростиславъ изъ Кіева помочь Рогъволоду (полоцкому князю) съ Жирославомъ съ Нажировичемъ, Торкъ 600..." (П. С. Р. Л. II, 86), но врядъ ли здѣсь можно видѣть указаніе на пребываніе въ самомъ городѣ Кіевѣ такого значительнаго тюркскаго отряда. Эти Торки вѣроятно были вызваны съ Поросья.

[1]) П. С. Р. Л. II, 149, 1196. Примѣромъ богатства Черныхъ Клобуковъ можетъ служить погребеніе у села Россавы, раскопанное Самоквасовымъ („Могилы Русской земли", М. 1908, с. 222—225, курганъ № 1, въ окрестностяхъ села Россавы). Погребеніе вѣроятно принадлежало богатому черноклобуцкому хану. Его шапка была сдѣлана изъ золотой парчи, украшена серебр., золот. и рѣзными костяными бляхами и на верху кончалась шишакомъ вѣроятно изъ перьевъ. Тѣло было облечено въ длинный кафтанъ съ узорчатымъ пестрымъ рисункомъ, съ золотымъ и шелковымъ позументомъ, и съ нашитыми золотыми бляшками; на шеѣ — гривна; на поясѣ — рядъ золотыхъ бляшекъ; серебрянный браслетъ, золотой перстень, подвѣски формы бубенчика; серебряныя и позолоченыя бляшки конскаго убора съ изображеніемъ фантастическихъ животныхъ; позолоченая бляшка сѣдельнаго убора.

ЛОСИНЫЙ РОГ IX ВЕКА[1]

Среди эрмитажного собрания средневековых, резных из кости, изделий имеется одна совершенно необычайная и единственная в своем роде вещь — простой лосиный рог, украшенный богатой и тонкой резьбой (т. VI, 2). Второго такого экземпляра, представляющего столь любовно и пышно отделанный охотничий трофей, мы не знаем.

Рог, очищенный от верхнего коричневатого слоя, т. наз. моха, украшен резьбой, на выпуклой поверхности, по краям, у корня и на отростках. Корень отделан в виде львиной головы с открытой пастью и ошейником в виде гладкого кольца, от которого исходит, раздваиваясь, идущая по краямъ рога широкая кайма. Кайма состоит из виноградной, волнообразно бегущей лозы с листьями и гроздьями. Под каждой образуемой изгибами лозы дугой, опирающейся на край рога, крылатый дракон, кусающий конец стебля. На месте расхождения каймы, у корня рога, дракон, а над ним изображение льва с поднятой лапой. Такой же лев на месте выхода второго отростка. Отростки рога представляют: первый — львиную обращенную вверх голову, открытая пасть которой ведет в полость отростка; второй — двуногого, со сложенными крыльями дракона, кусающего хвост льва: третий отросток представляет такую же львиную голову, как и первый; четвертый покрыт стеблями, выходящими из пасти двух крылатых, спускающихся вниз, драконов, длинные, чешуйчатые шеи которых переплетаются; пятый представляет двуногого крылатого дракона, кусающего край рога; шестой отделан в виде ствола дерева с висящими на нем гроздьями и обвитого спускающимися вниз змеями; седьмой, верхушка которого отломана, представляет кусающую львиную голову, по сторонам которой видны две лапы. Поверхность восьмого, еле выступающего отростка отбита. Возможно, что он был украшен плоской львиной или драконьей головой. Три первых отростка имеют сквозные круглые отверстия. На первом — два отверстия, проходящие через нижнюю челюсть открытой львиной пасти. На втором имеются между туловищем льва и его задними и передними ногами четыре отверстия, от которых на обратной стороне отростка исходят неглубокие надрезы. Кроме того, загибающийся конец хвоста дракона образует петлю. На третьем — одно отверстие, также, как и на первом, проходящее через нижнюю челюсть львиной пасти. Возможно, что рог был некогда подвешен за эти три отростка. Впрочем, отверстия на первом и третьем производят впечатление более поздних. Сохранность рога, за исключениемъ немногих упомянутых поломов и небольших трещин, хорошая. Местами, особенно у края и по середине, в виде двух больших расплывающихся пятен, кость имеет губчатое строение. Вопрос о времени и происхождении этого таинственного лосиного

---

[1]) Из рукописного сборника в честь С. А. Жебелева.

рога представляется следующим образом. Французский археолог Abel[1] впервые упоминающий о нем в печати в середине прошлого века, считал издаваемый рог западной работой, но о времени его происхождения не высказался. Другой французский изследователь Darcel,[2] тридцатью годами позже, приписалъ его Востоку и датировал IX веком. Н. П. Кондаков[3] отверг мнение Дарселя о восточном происхождении и определил рог, как западную работу IX века.

Итак, что касается датировки, то, как мы видим, оба компетентнейших ученых, и Кондаков и Дарсель, считают его единодушно работой IX века, к каковому определению и мы вполне присоединяемся, разделяя мнение Кондакова о Западном происхождении нашего памятника.

Не менее интересным, чем самый факт резьбы в IX веке по лосиному рогу, представляется и происхождение этого редкого памятника прикладного искусства. До великой французской революции рог хранился в часовне-усыпальнице императора Людовика Благочестивого в аббатстве св. Арнульфа в Метце. Людовик Благочестивый умер в 840 году во время похода против обездоленного, но не смирившегося, сына Людовика на небольшом рейнском острове близ Ингельсгейма. Тело его было перевезено в Метц и погребено в названном аббатстве, в часовне, где уже покоился прах его матери Ингельгарды, жены Карла Великого. Во время великой революции рог исчез из часовни Людовика Благочестивого и в начале XIX века очутился в собрании метцского гражданина Paguet, по профессии пирожника, нажившего себе небольшое состояние и обладавшего страстью к собиранию всяких древностей и редкостей. В 1846 году в Метце состоялся съезд французских археологов, причем собрание Пагэ обратило на себя всеобщее внимание. После смерти Пагэ, коллекция по завещанию перешла к его племяннику, который, не разделяя археологических вкусов своего дяди, перевез собрание в Париж и продал его там с аукциона 9-го февраля 1856 года. Наш рог, проданный неизвестно кому, через вторые или третьи руки, попал в собрание А. П. Базилевского.[4] В 1878 году Базилевский его выставил на Всемирной выставке в Париже. В 1885 году рог, в составе собрания Базилевского, поступил в Эрмитаж. Уже Дарсель, составитель каталога названного собрания, пытался выяснить назначение таинственного рога. В статье, посвященной резной кости на Всемирной выставке 1878 года, Дарсель писал о нем следующее: »Notons encore dans la collection Basilewski un bois de renne... pièce curieuse que l'on a dû conserver dans quelque trésor d'église ou de couvent comme une rareté, provenant de quelque animal fantastique, au même titre que les défenses de narval qui passaient pour des cornes de licorne, que les côtes de baleine qu'on se figurait être des os du léviathan et que les œufs d'autruche qu'on disait être des œufs de griffon«.[5]

---

[1]) Ch. Abel, Essai sur d'anciens ivoires sculptés de la Cathédrale de Metz (Mémoires de la Société d'Archéologie et d'histoire de la Moselle, vol. II, Metz, 1868). На статью Абеля указал Я. И. Смирнов и сделал из нея краткую выписку на одном из вкладных листов, находящегося в Эрмитаже экземпляра каталога Дарселя, служившего приемочной описью при покупкѣ собрания Базилевского.

[2]) Darcel et Basilewsky, La colection Basilewsky, (1874) № 52, pl. XI.

[3]) Н. П Кондаковъ, Указатель отдѣленія среднихъ вѣковъ, стр. 158, № 73.

[4]) В 1865 г. рог в собрании Базилевского еще не находился.

[5]) Darcel, Le Moyen-âge et la Renaissance au Trocadéro — Les Ivoires (Gazette des Beaux Arts, 1878, II, p. 278).

Б А В

Рис. 1.

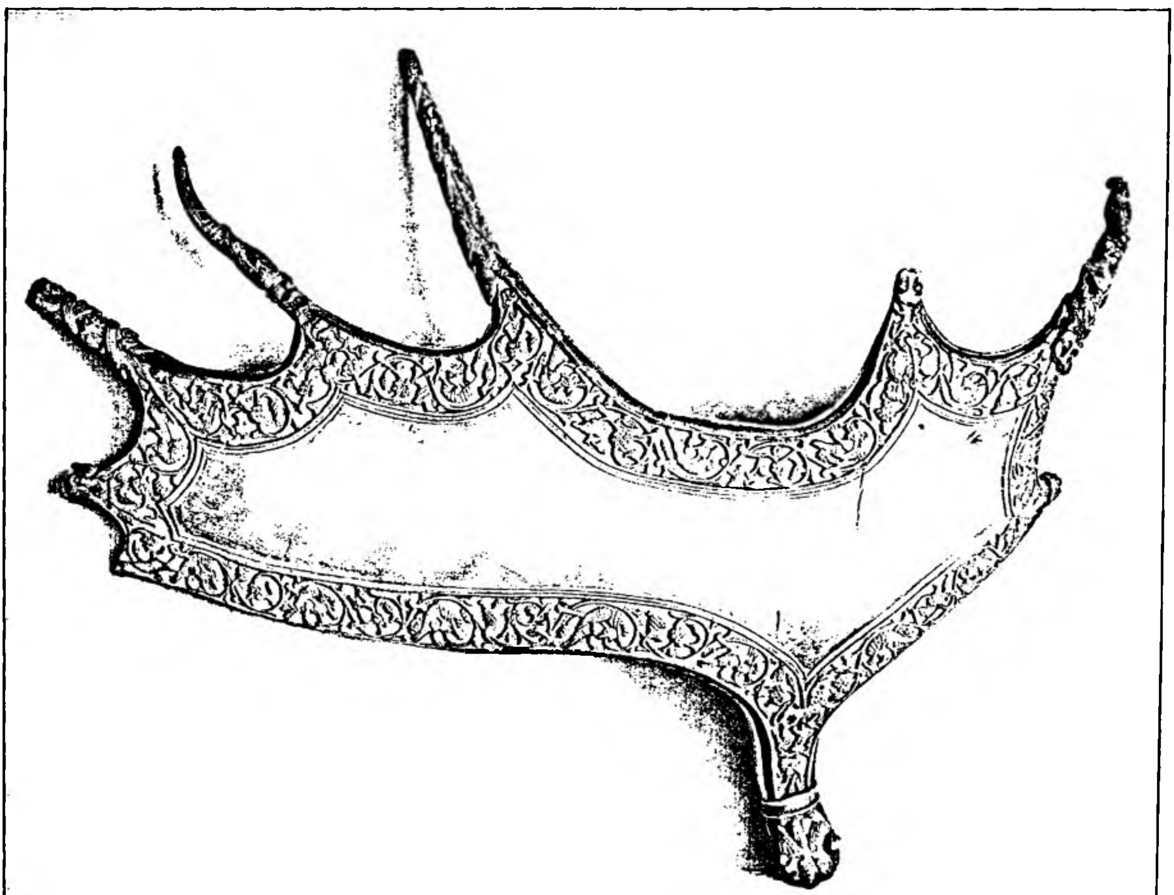

Рис. 2.

рога представляется следующим образом. Французский археолог Abel[1] впервые упоминающий о нем в печати в середине прошлого века, считал издаваемый рог западной работой, но о времени его происхождения не высказался. Другой французский исследователь Darcel,[2] тридцатью годами позже, приписалъ его Востоку и датировал IX веком. Н. П. Кондаков[3] отверг мнение Дарселя о восточном происхождении и определил рог, как западную работу IX века.

Итак, что касается датировки, то, как мы видим, оба компетентнейших ученых, и Кондаков и Дарсель, считают его единодушно работой IX века, к каковому определению и мы вполне присоединяемся, разделяя мнение Кондакова о Западном происхождении нашего памятника.

Не менее интересным, чем самый факт резьбы в IX веке по лосиному рогу, представляется и происхождение этого редкого памятника прикладного искусства. До великой французской революции рог хранился в часовне-усыпальнице императора Людовика Благочестивого в аббатстве св. Арнульфа в Метце. Людовик Благочестивый умер в 840 году во время похода против обездоленного, но не смирившегося, сына Людовика на небольшом рейнском острове близ Ингельсгейма. Тело его было перевезено в Метц и погребено в названном аббатстве, в часовне, где уже покоился прах его матери Ингельгарды, жены Карла Великого. Во время великой революции рог исчез из часовни Людовика Благочестивого и в начале XIX века очутился в собрании метцского гражданина Paguet, по профессии пирожника, нажившего себе небольшое состояние и обладавшего страстью к собиранию всяких древностей и редкостей. В 1846 году в Метце состоялся съезд французских археологов, причем собрание Пагэ обратило на себя всеобщее внимание. После смерти Пагэ, коллекция по завещанию перешла к его племяннику, который, не разделяя археологических вкусов своего дяди, перевез собрание в Париж и продал его там с аукциона 9-го февраля 1856 года. Наш рог, проданный неизвестно кому, через вторые или третьи руки, попал в собрание А. П. Базилевского.[4] В 1878 году Базилевский его выставил на Всемирной выставке в Париже. В 1885 году рог, в составе собрания Базилевского, поступил в Эрмитаж. Уже Дарсель, составитель каталога названного собрания, пытался выяснить назначение таинственного рога. В статье, посвященной резной кости на Всемирной выставке 1878 года, Дарсель писал о нем следующее: »Notons encore dans la collection Basilewski un bois de renne... pièce curieuse que l'on a dû conserver dans quelque trésor d'église ou de couvent comme une rareté, provenant de quelque animal fantastique, au même titre que les défenses de narval qui passaient pour des cornes de licorne, que les côtes de baleine qu'on se figurait être des os du léviathan et que les œufs d'autruche qu'on disait être des œufs de griffon«.[5]

---

1) Ch. Abel, Essai sur d'anciens ivoires sculptés de la Cathédrale de Metz (Mémoires de la Société d'Archéologie et d'histoire de la Moselle, vol. II, Metz, 1868). На статью Абеля указал Я. И. Смирнов и сделал из нея краткую выписку на одном из вкладных листов, находящегося в Эрмитаже экземпляра каталога Дарселя, служившего приемочной описью при покупкѣ собрания Базилевского.

2) Darcel et Basilewsky, La colection Basilewsky, (1874) № 52, pl. XI.

3) Н. П Кондаковъ, Указатель отдѣленія среднихъ вѣковъ, стр. 158, № 73.

4) В 1865 г. рог в собрании Базилевского еще не находился.

5) Darcel, Le Moyen-âge et la Renaissance au Trocadéro — Les Ivoires (Gazette des Beaux Arts, 1878, II, p. 278).

Б А В

Рис. 1.

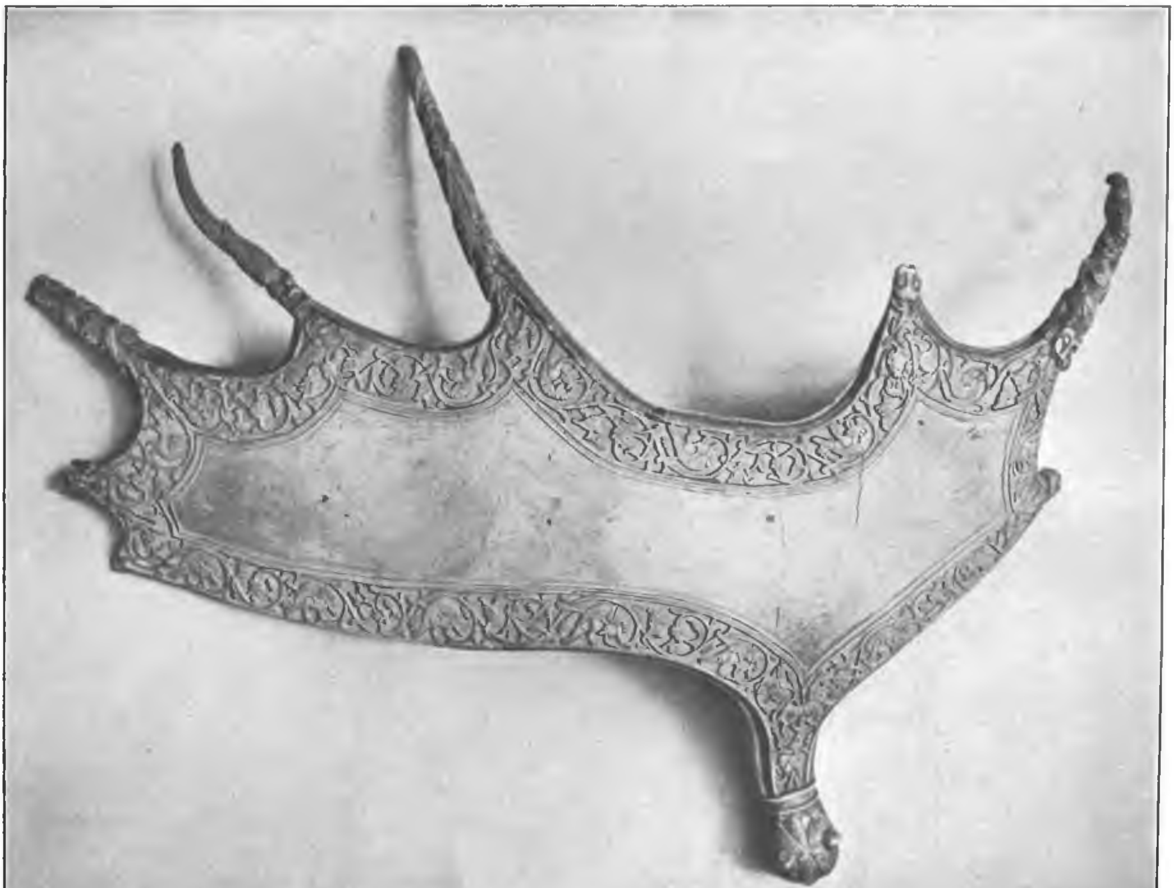

Рис. 2.

Дарсель, не зная истинного происхождения рога, все же совершенно правильно угадал, что он должен был некогда находиться в какой-нибудь церкви или каком-нибудь монастыре, но остальные его соображения, как нам кажется, должны быть безусловно отвергнуты. Клыки нарвалов, ребра китов и страусовые яйца привозились в Европу издалека, принадлежали неизвестным в Европе животным, а потому естественно вызывали изумление и вместе с тем самые фантастические толкования. Другое дело простой лосиный рог, не особенно больших размеров, который, даже украшенный резьбой, кстати, не содержащей никаких таинственных знаков или изображений, никак не мог быть приписан сказочному зверю. Скорее следует предположить, как нам кажется, что рог имел значение не раритета, а какой-то исторической реликвии и в качествѣ таковой был украшен резьбой. Принимая во внимание место хранения рога, т. е. императорскую усыпальницу в Метце, куда он, по всей вероятности, будучи одновременен Людовику, попал уже в IX веке, можно предположить, что таинственный рог имел то или иное отношение к самому императору. Быть может, мы имеем здесь перед собой подлинный или мнимый охотничий трофей самого императора Людовика Благочестивого, связанный с тем или иным неизвестным нам, но поразившим современников событием из жизни царственного охотника. Людовик Благочестивый, как известно, отличался необычайной страстью к охоте, которой он всецело отдавался »depuis l'époque où les cerfs engraissent jusqu'au moment des sangliers«,[1] и никто не умел лучше него владеть луком и метать дротик. Во всяком случае, в памяти ближайших потомков Людовик продолжал жить, как почти легендарный охотник.

Но если даже наш рог и не может претендовать на столь высокое происхождение, он в настоящее время занимает, во всяком случае, совершенно исключительное или, скажем лучше, обособленное место среди памятников прикладного искусства раннего средневековья.

А. Н. Кубе.

---

[1]) Lavisse, Histoire de France, II, I, p. 359.

СКАЗКА О „ПОТЕРПЕВШЕМ КОРАБЛЕКРУШЕНИЕ“ И ГРЕЧЕСКИЙ СКАРАБЕЙ VI-ГО ВЕКА[1]

Более сорока лет тому назад В. С. Голенищев открыл среди папирусов Эрмитажа знаменитый ныне папирус № 1115, на котором начертана сказка о „Потерпевшем кораблекрушение“.[2] Позволю себе в кратких словах напомнить содержание этой прелестной сказки, чрезвычайно простой по своей фабуле и в то же время неподражаемой по силе и яркости своеобразного чисто-египетского колорита.

Некий египтянин получил приказание от царя отправиться в далекую морскую экспедицию в страну Пунт. Снарядив корабль, египтянин пустился в путь. В открытом море на мореплавателей налетел шквал, поднялась буря и корабль, со всем экипажем, погиб. Спасся один лишь герой рассказа: он ухватился за обломок доски и волны прибили его к какой-то неведомой земле. Трое суток провел он здесь, лежа въ густой чаще, совершенно один — товарищем ему было лишь собственное сердце. На четвертый день он отправился в поиски за пищей и сразу заметил вокруг себя необычайное, сказочное обилие плодов земных. Здесь росли дыни, груши, фиги, виноград и другие ягоды и фрукты, было много всякой рыбы и дичи. Насытившись, египтянин принес жертву богам. „И вот, услышал я шум, подобный грохотанію грома.[3] Подумал я — это волна великой зелени (т. е. моря). Деревья ломались, земля трепетала. Я открыл лицо свое и узрелъ я змея. Он приближался ко мне. Длина его была 30 локтей, борода велика, более 2 локтей, члены его были выкованы из золота, цвет его обеих бровей был как цвет настоящего лапис-лазули. Он извивался, двигаясь сзади на перед. И вот открыл он рот свой. Я был на животе своем перед ним“. Змей грозно спрашивает египтянина, что привело его на этот остров и, не дожидаясь ответа, „он взял меня в рот свой и перенес меня в место своего отдохновения. Я был здрав и невредим и не было отнято у меня ничего моего“. Тут змей повторил свой вопрос и египтянин, „держа перед ним руки опущенными книзу“, рассказал ему о кораблекрушении. Змей не только не причинил египтянину никакого вреда, но ласково принял его под свое покровительство, считая, что это бог спас ему жизнь. Потерпевший кораблекрушение остается жить в гостях у змея — гения чудесного острова, и через четыре месяца, согласно предсказанию змея, в виду острова появляется случайно проходивший мимо корабль. На нем египтянин пускается въ обратный путь

---

[1]) Из рукописного сборника в честь С. А. Жебелева.

[2]) Библиографию сказки о „Потерпевшем кораблекрушение“ см. у Б. А. Тураева, „Египетская литература“. Москва. 1920. с. 84, прим. I.

[3]) Приводимый в ковычках дословный перевод текста сказки принадлежит Н. Д. Флиттнер.

и вскоре достигает своей родины. В награду за твердость и мужество на его долю выпадает величайшее счастье, доступное человеку на земле, — возвращение на родину, свиданіе с детьми и, после смерти, нетленное упокоеніе в собственной гробнице. Чудесный же остров навсегда исчезает с поверхности земли.

Папирус, на котором начертана изложенная сказка, датируется Средним Царствомъ, точнее эпохой XII-ой Династии. Сказка о „Потерпевшем кораблекрушение" является, таким образом, древнейшим образчиком столь распространенныхъ впоследствии повествований о приключениях в далеких, полусказочных, полных всяких чудес, морях и землях, а сам герой рассказа представляетъ собой предтечу и прообраз длинного ряда других, подобных ему, героев, в том числе Эллинского Одиссея и Арабского или Персидского Синдибада. Наука отметила немало общих этим литературным памятникам мотивов, мелких черт и даже отдельных выражений. Скромный памятник, который является предметом настоящей статьи, может, как мне кажется, обогатить историю замечательного произведения Египетской литературы новыми, интересными данными.

Этот памятник — маленький скарабей из сердолика, находящийся в настоящее время в собрании резных камней Эрмитажа[1] (См. рис. 1. А. на т. VI). Происхождение камня неизвестно. Можно лишь установить, что он был приобретен при императрице Екатерине. Сердолик красный, мало прозрачный, местами с желтым и коричневым оттенком. На нижней поверхности камня под головой змея имеется дефект — черное пятно, вкрапленное в сердолик вещество другой породы. Самый жук трактован поверхностно, в общих формах, без всякой деталировки. База, на которой жук стоит, гладкая, без украшений. Резьба на нижней поверхности камня исполнена в общем уверенно и свободно, но не очень тщательно. То же надо сказать и об ободке из точек, в который заключено все изображение. Резьба исполнена на станке и камень слегка отполирован.

На нижней поверхности скарабея вырезано следующее изображение. Громадный змей, изогнув свое тело въ кольца и высоко подняв голову, ползет по земле. В его широко раскрытой пасти застрял, словно в силках, человек. Ноги и нижняя часть туловища последнего глубоко ушли в зев чудовища и только верхняя часть его тела, голова и поднятые кверху руки выдаются наружу. Вся фигура человека вывернута: голова изображена в профиль влево, туловище и руки представлены впрямь, а ноги, судя по повороту нижней части туловища, обращены вправо. Человек этот совершенно наг и только голова его прикрыта туго охватывающим голову платком, конец которого свободно свешивается в виде ленты от затылка на левое плечо. Ухо намечено, но вследствие некоторой небрежности резьбы, неясно, хотел-ли резчик изобразить выпуклость, образуемую ухом под платком, или же ухо не скрыто головным убором и на этом месте в платке предполагается вырез. Равным образом, не совсем ясен край платка надо лбом: он здесь сливается с линией носа, и четкой границы между тем и другим не существует. Обе руки человека подняты кверху и растопырены — жест страха, пожалуй, смешанного с некоторым удивлением. Тело змея свернулось в кольца. Разобраться в них довольно затруднительно, но ясно, что резчик старался передать впечатленіе громадного чудовища, которое,

---

[1] № инвентаря 387. Дл. 0,013. Шир. 0,009. Толщ. 0,007.

распуская и вновь стягивая свое тело, шутя несетъ свою нелегкую ношу. Хвост змея расщеплен надвое и каждый конец переходит в два тонких отростка. Под пастью змея длинная, густая борода.

При некоторой отмеченной уже небрежности резьбы, следует указать на большую живость и непосредственность в передаче движения и общего впечатления изображенной сцены. Удачной в общем надо признать и композицию. Фигура египтянина, над которой сосредоточивается главный интерес, и голова змея выдвинуты на первый план, в самый центр композиции, а кольца змеиного тела удачно заполняют свободное пространство овальной поверхности камня. Неправильны лишь пропорции. Человек слишком велик по отношению к змею и ноги его не умещаются в пасти чудовища. В то же время голова и руки человека громадны по сравнению с туловищем. Резчик, очевидно, не вполне справился здесь со своей задачей; он не мог сделать фигуру человека еще более мелкой, а с другой стороны, размеры скарабеи не позволяли ему развернуть тело змея в надлежащую величину.

По своему содержанию, вырезанная на скарабее сцена вполне совпадает с тем эпизодом сказки о „Потерпевшем кораблекрушение", где описывается, как гений чудесного острова, громадный змей, взял в свою пасть попавшего к нему волею богов путешественника и перенес его в свой дом, не причинив ему никакого вреда. Как ни необычайна сама по себе подобная сцена, одного факта совпадения со сказкой было бы мало для установления прямой связи между двумя столь далекими друг от друга памятниками. Но в изображении на резном камне имеются некоторые подробности, способные, как мне кажется, положительно подтвердить высказанное предположение. Это, во-первых, головной убор человека. Несмотря на неясность некоторых подробностей, общая форма его передана достаточно отчетливо и не может быть сомнения в том, что убор этот негреческий, а так сказать экзотический, а, следовательно, и самый человек охарактеризован как представитель другого, негреческого племени. Представителя какого именно народа хотел изобразить резчик, решить нетрудно. Подобные повязки в виде туго облегающого голову платка, с длинными, свешивающимися с затылка концами, нередко встречаются на египетских памятниках; повидимому, этот головной убор принадлежал к самым распространенным в Египте.[1] Эти египетские повязки во всех существенных чертах совпадают с головным платком человека на скарабее и можно, на этом основании, утверждать, что резчик нашего камня хотел, при помощи головного убора, охарактеризовать изображенного им человека именно как египтянина. То же самое, т. е. негреческое происхождение главного действующего лица, художник постарался подчеркнуть и другими штрихами — формой его головы и чертами его лица. Голова на тонкой шее с маленькой, по сравнению с размерами лица, черепной коробкой, лицо бритое с чрезвычайно крупным носом „башмаком" и выдающаяся вперед нижняя челюсть — именно к таким приемам прибегали современные скарабею греческие художники, желая изобразить египтян.

Наш скарабей несомненно принадлежит к произведениям греческой глиптики

---

[1]) См. Maspero. Histoire des peuples d'Orient. II. с. 563. Perrot-Chipiez. Histoire de l'art. I. 25. рис. 14. Wilkinson. Manners and customs. Second Series III. Pl. 77, 2. E. Meyer. Geschichte des Alten Aegyptus. (Изд. Oncken'a) с. 188, 242, 290.

VI века. За это говорит, как стиль изображения, так и технические особенности резьбы, исключающие возможность приписать этот камень глиптике Египта, Финикии или Этрурии. В пределах греческой глиптики правильнее всего отнести наш скарабей к строгому архаическому направлению, на что указывает почти полное отсутствие внутренней мускулатуры и резкое противупоставление фаса туловища к профилю головы.[1] Датой изготовления нашего камня является следовательно середина VI-го века.

Среди приблизительно одновременных нашему скарабею памятников греческого искусства, особенно близкую аналогию представляет знаменитая „церетанская" гидрия с изображением пребывания Геракла у египетского царя Бусириса.[2] Оба эти памятника связываются не только тем, быть может, внѣшнимъ обстоятельством, что действующими лицами в них являются египтяне, но и теми приемами, к которым прибегли художники для того, чтобы охарактеризовать изображенных ими людей, именно как египтян (см. рис. I. Б. В. на т. VI.). Это маленькая голова на тонкой шее, чрезвычайно длинный нос, у фигур на вазе иногда загнутый книзу, иногда „башмаком", как нос египтянина на скарабее, и отсутствие растительности на лице. Далее, тот жест, которым „потерпевший кораблекрушение" выражает ужас, именно поднятие рук с растопыренными пальцами, повторяется с той же выразительностью и у жертв Геракла на вазе. Мало того: тот египтянин, которого Геракл душит правой рукой, всем поворотом своей фигуры ближайшим образом напоминает фигуру египтянина в пасти змея, и можно сказать, является почти буквальным ея повторением. Оба произведения, наконец, роднит между собой и общий им тон живого юмора. Если расправа Геракла с беззаконными египтянами вызывает в нас веселое чувство, то трудно удержаться от улыбки и при виде безпомощной, удивленной фигуры египетского путешественника, столь неожиданно очутившегося в таком необычном положении и не знающего, что ему думать об этом новом для него способе передвижения. Египетская сказка о „Потерпевшем кораблекрушение" вся выдержана в эпически бесстрастном, серьезном тоне. Приключения путешественника описываются в ней как события чудесные, случившиеся по повелению существ высшего порядка — богов и долженствующие быть принятыми на веру, для поучения и назидания. От глаз греческого художника не скрылась смешная сторона эпизода и он свободно интерпретировал встречу путешественника со своим спасителем в духе траги-комического происшествия.

Скарабей Эрмитажа, как это ясно показывает его стилистическое родство с вазой Бусириса, вышел из Ионийских художественных кругов, где, как известно, в VI веке существовало довольно тесное сближение с Египтом. Церетанская гидрия передает греческую легенду, возникшую на почве оживленных сношений с восточной монархией. На скарабее же мы видим чисто египетский сюжет в эллинской трактовке и можем отсюда заключить, что греки VI-го века были знакомы с египетской литературой и знакомы были настолько близко, что отдельные мотивы египетских сказок проникали даже в область сюжетов, служивших предметом изображений на личных печатях. Трудно предположить, чтобы сказка о „Потерпевшем кораблекрушение" просуществовала столько

---

[1]) Ср. резной камень у Furtwängler'a Antike Gemmen. Taf. VI, 3.
[2]) Furtwängler-Reichold. Griechische Vasenmalerei. Taf. 51.

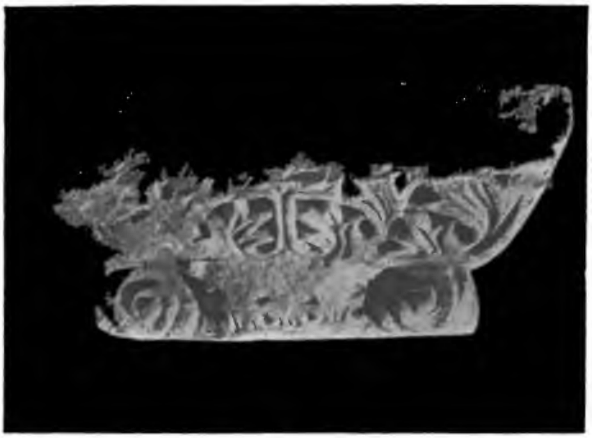
веков в той самой редакции, которая известна нам по папирусу Эрмитажа. Но отдельные эпизоды сказки, как встреча египтянина со змеем, вполне могли дожить до эпохи изготовления скарабея и наш памятник, живой свидетель этого явления, может служить подтверждением гипотезы о возможности влияния сказки о „Потерпевшем кораблекрушение“ на Одиссею Гомера.

М. Максимова.

LE CONTE »DU NAUFRAGÉ« ET UN SCARABÉ GREC DU VI SIÈCLE

Sur un scarabé en cornaline de travail grec conservé au Musée de l'Ermitage se trouve gravée une scène tout à fait singulière. On y voit un immense dragon barbu qui, tout en rampant sur le sol, tient dans sa gueule un homme complaitement nu, qui lève les bras au ciel en signe de frayeur. Cette scène correspond éxactement à un épisode du conte égyptien, le »Conte du Naufragé« où il est question du dragon, génie de l'île enchantée, qui acqueuillit le voyageur échoué sur son île, en le prenant dans sa gueule et en le transportant dans son logis, sans lui faire aucun mal. Ce qui nous permet de rapprocher le scarabé avec le »Conte du Naufragé«, c'est que l'artisan grec a certainement voulu représenter un égyptien et non un homme de sa race. Il l'à dabord coiffé d'une sorte de toque à longs pendants qu'on trouve souvent sur les monuments égyptiens et qui semble être une coiffure purement égyptienne. Ensuite son visage imberbe au nez long et menton saillant, sa petite tête posée sur un cou très mince — sont des traits dont se servaient les artisans grecs du VI siècle pour représenter les égyptiens. Les mêmes procédés artistiques se retrouvent sur le célèbre vase Ionien où est représentée l'aventure d'Hercule chez le roi Bousiris. Entre ce vase et le scarabé il y a une grande affinité de style. Les égyptiens étranglés par Hercule sont tout à fait pareils au voyageur porté par le dragon; ce sont les mêmes figures, les mêmes traits du visage et les mêmes gestes, exprimant la frayeur. C'est enfin le même goût artistique et la-même manière qui s'y manifestent: une grande vivacité d'expression jointe à une certaine bonhomie et une exécution plutôt sommaire, peu soignée dans le détail. Le scarabé de l'Ermitage est donc un travail Ionien du milieu du VI siècle. Le vase de Bousiris représente une légende grecque, dont l'action se passe en Egypte, au contraire le scarabé s'occupe d'un sujet de provenance égyptienne, d'un épisode du vieu »Conte du Naufragé« qui semble avoir vécu jusqu'au VI siècle. Le scarabé est donc un monument fort curieux qui prouve que les Ioniens de l'époque archaïque avaient connaissance de la littérature égyptienne, ce qui confirme indirectement l'hypothèse sur la probabilité de l'influence éxercée par le »Conte du Naufragé« sur l'Odyssée.

Marie Maximowa.

1 а

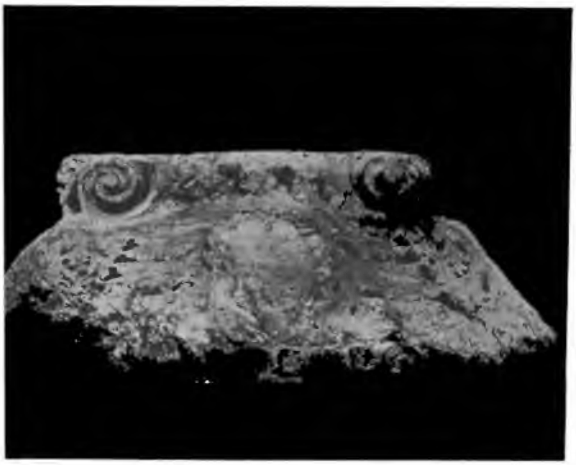
1 б

2

3

4 а

4 б

ВИЗАНТИЙСКАЯ КАПИТЕЛЬ В ХЕРСОНЕССКОМ МУЗЕЕ[1]

Во дворе старого Херсонесского Музея, среди множества сложенных там крупных мраморных фрагментов, преимущественно византийской эпохи, точное место и время находки которых, большей частью, неизвестно, находится капитель, обращающая на себя внимание своей орнаментикой и своими размерами, — точнее — половина капители, так как значительная часть ее отбита (рис. 1, а—б таб. VII). Капитель архитектонически состоит из двух частей: из ионической капители и из лежащего на ней импоста. Верхняя часть ее имеет форму опрокинутой, усеченной пирамиды с очень пологими, слегка выгнутыми сторонами, имеющей в основании и в сечении параллелограмм; меньшим сечением пирамида лежит на непосредственно с ней спаянной, высеченной в том же куске мрамора, ионической капители; верхний край ее образует нечто вроде абака, в виде отвесной полочки, орнаментированной вьющимся побегом с отходящими от него закрученными усиками. На нижней стороне капители имеется квадратное углубление, около 5 см. шир.[2]

Тип этот чрезвычайно распространен в ранне-византийскую эпоху. Он характеризуется сочетанием более или менее деформированной ионической капители и так называемого импоста, выработанного в византийской архитектуре в V веке, и известен в разнообразных вариантах; он получил удачное название ионическо-византийской капители.[3]

Наш экземпляр, кроме своих исключительно-больших размеров, отличается и своеобразной орнаментацией. В настоящем его виде уцелела одна лицевая, узкая сторона и около половины одной из боковых сторон; на другой боковой стороне орнамент совершенно сбит. Нижняя часть капители, как сказано, состоит из деформированной ионической капители, сохраняющей волюты на лицевой стороне; на середине боковой стороны — двойной поперечный перехват, от него в обе стороны к волютам расходятся полулисты аканфа, встречающиеся зубчиками; на лицевой стороне, между волютами — три вертикально стоящих листика аканфа (сильно оббиты). Верхняя часть капители (импост) имеет на углах по одному листу аканфа, состоящему из двух пар четырехчастных листиков и одного верхнего листка, почти оббитого; на середине лицевой стороны помещен рельефный, процветший крест типичной формы, с удлиненной вертикальной перекладиной, расширяющимися концами и круглым вы-

---

[1]) Из рукописного сборника в честь С. А. Жебелева.

[2]) Размеры капители: дл. лиц. ст. ок. 0,70 м.; дл. бок. ст. ок. 0,50 м. (в целом виде была ок. 0,90 м.); выс. 0,31 м. Материал: мрамор белый, в изломе крупно-зернистый.

[3]) O. Wulff, Altchristliche und byzantinische Kunst, I, 2, Berlin (1914). 275.

ступом на перекрестьи; нижний конец его образует два полулиста аканфа с 4-х частными листиками, поднимающихся по сторонам креста и загибающихся к нему.[1]

На боковой стороне капители имеется несимметричный, извивающийся побег такого же широколистного аканфа, конец которого загибается вниз, соприкасаясь зубцами с угловым листом. Но внутри изгиба, у облома капители, помещены два листка совершенно другого вида аканфа, не имеющего уже 4-х частного деления, с неглубокой средней бороздкой, с краями, сплошь вырезанными мелкими зубчиками, обработанными сверлом, так что кончики их отделены от фона. Прилегающий к ним листок соседнего, широколистного аканфа обработан такими же мелкими зубчиками.[2]

На почве Херсонеса это не единственный экземпляр такого вида капители. Оттуда же происходят еще три памятника, совершенно аналогичных вышеописанному. В Архиве Херсонесского Музея хранится чертеж М. Скубетова, изображающий капители. Затем, среди богатых матерьялов по Херсонесу, собранных Д. В. Айналовым и любезно им предоставленных мне для просмотра, имеются две фотографии с тех же капителей с пометками Дмитрия Власьевича: „Одесский Музей, 1876 г., № $\frac{\text{II в}}{252}$ и $\frac{\text{II в}}{253}$.“ (Рис. 2 и 3 таб. VII).[3] Этими пометками устанавливается, что капители были найдены в 1876 году.[4] Эти данные получают и иное подтверждение. В Архиве б. Археологической Комиссии хранятся два листка кальки с чертежами капителей, озаглавленные: „По древнему Херсонису. Рисунки капителей, открытых при раскопках, произведенных в 1876, 1877 и 1878 годах.“ На одном листе — капители за № 1—23, на другом — 24—33. Вышеописанная капитель Херсонесского Музея представлена в рисунке № 32, с двух сторон; несмотря на неточность рисунка (листики зубчатого аканфа переданы в виде веночка), ее все же безусловно можно узнать. Как известно, в 1876—78 г. г. раскопки производились Одесским Обществом Истории и Древностей, вблизи Уваровской базилики; тогда были открыты баптистерий и трехапсидная базилика с мозаичным полом (впоследствии погибшим).[5] Таким образом, можно с большой вероятностью предположить, что все три капители были открыты во время этих раскопок. Четвертая подобная же капитель из Херсонеса находится в Византийском Отделении Государственного Исторического Музея в Москве (рис. 4 а—б таб. VII); точное место и время ее находки неизвестно.[6] Она особенно близка к одной из капителей Одесского Музея (рис. 2 таб. VII); обе оне имеют на узкой стороне

---

[1]) Верхняя часть капители, с полочкой и частью креста, стесана.

[2]) Предложенные Стржиговским для обозначения этих двух видов аканфа термины: acanthus mollis и acanthus spinosus (Athen., Mitt., XIV, 1889, 278 sqq.; J. D. A. I., VIII, 1893, 7 sqq.) впоследствии другими исследователями (Wulff, Weigand) были оставлены, как дающие неверное представление о происхождении их от двух различных растительных форм дикого аканфа, тогда как здесь имеет место исключительно различие художественных форм.

[3]) Размеры: № $\frac{\text{II в}}{252}$: верх. часть $1{,}00^{m} \times 0{,}76^{m}$; ниж. ч. $0{,}50 \times 0{,}40^{m}$; выс. $0{,}40^{m}$. № $\frac{\text{II в}}{253}$: верх. часть $0{,}74^{m} \times 0{,}68^{m}$; ниж. часть $0{,}51^{m} \times 0{,}46^{m}$; выс. $0{,}35^{m}$.

[4]) Приношу Дмитрию Власьевичу Айналову мою глубокую благодарность за разрешение воспользоваться его материалом и издать эти два памятника.

[5]) Отчет Одесск. О-ва Ист. и Др. за 1876 г., стр. 9—10.

[6]) Издается по фотографии Г. Исторического Музея, с разрешения хранителя Н. Д. Протасова, которому приношу мою благодарность. Размеры капители: верхняя часть, лиц. ст. — ок. $0{,}70^{m}$; бок. ст. — $0{,}25^{m}$ (больше половины капители отбито); ниж. часть — $0{,}50^{m}$; выс. $0{,}32^{m}$.

медальон из листьев аканфа, а по углам большие листья мелкозубчатого аканфа.

К этим четырем памятникам можно еще присоединить, на почве Крыма, капитель, найденную в 1869 году, на южном берегу, в Партените, близь базилики монастыря св. Апостолов, основанного Іоанном Готским, в конце VIII вѣка.[1] Капитель эта, белого мрамора, совершенно подобная предыдущим, не находится ни в какой связи с базиликой, где все найденные архитектурные фрагменты сделаны из известняка, и принадлежат ко времени построения базилики.

Вся эта группа пяти капителей характеризуется некоторыми общими признаками: сочетанием ионической капители и импоста, формой последнего, и, наконец, наличием двух видов аканфа — широколистного и мелкозубчатого. Первый вид аканфа, с широкими листьями, состоящими из 4-х частных лопастей, отходящих по сторонам срединной бороздки, вырезанных крупными зубцами, с жилками ввиде остроугольных желобков, ведет свое происхождение от классического аканфа; одно из ранних его появлений в Византии, на Константинопольских Золотых Воротах, было отмечено Стржиговским;[2] позже он был обстоятельно изучен Э. Вейгандом.[3] Другой вид, мелкозубчатый, чрезвычайно типичен для V века; генезис его был прослежен Вейгандом на памятниках античных до начала III в.[4] На византийской почве он впервые отмечен на Золотых Воротах в Константинополе, на капителях пропилей, точно датируемых 447 г.[5] В чистом виде, вполне развитом, он является на так называемой „феодосианской" капители, характерной для І-й пол. V века. Но сочетание его с формами широколистного аканфа, как на крымских капителях, представляется исключительным и характеризует особый вид капители-импоста, к которому и принадлежат наши экземпляры. Этот вид довольно редок, и каждое его появление заслуживает быть отмеченным.

Близкую аналогию к нашим капителям представляет известная, много раз изданная капитель-импост из базилики Студиона в Константинополе,[6] точно датированной 463 годом. Здесь на-лицо то же сочетание двух видов аканфа, покрывающего трапецоидальные стороны импоста, тот же абак с вьющимся побегом, та же продолговатая форма импоста, почти те же размеры.[7] Разница в том, что в Студийском экземпляре нет сочетания ионической капители и импоста; это есть чистый импост (кемпфер). Тем не менее, сходство их разительное и хронологически они должны быть одновременны. Таким образом, Херсонесские капители мы датируем временем построения Студийской базилики, т. е. около 463 г.

---

[1]) Н. И. Репниковъ, Партенитская базилика, Извѣстія Археологической Комиссіи, вып. 32, стр. 92 и 112—113, рис. 46, 47, 48.

[2]) Strzygowski, Das goldene Thor in Konstantinopel, J. D. A. I., VIII, 1893.

[3]) E. Weigand, Neue Untersuchungen über das goldene Thor in Konstantinopel, Ath. Mitt., XXXIV. 1914.

[4]) Weigand, o. c., 36 sqq., 43 sqq.

[5]) Wulff, Altchr Kunst, 272; Weigand, o. c., 36.

[6]) Salzenberg, Altchristliche Baudenkmale Konstantinopels, Taf. III, 12—13. Strzygowski, o. c. 10, Abb. 7. Wulff, Beschreibung der Bildwerke christl. Epoche, III, 1 (1909). 55, Nr. 162. Wulff, Altchristl. Kunst, 272, Abb. 258, ныне в Берлине, в Kaiser-Friedrich-Museum. Срв. I. Ebersolt et A. Thiers, Les églises de Constantinople, P. 1913 (Monuments de l'art byzantin, III), texte, 14, note 1.

[7]) Выс. 0,44 m; разм. верх. части — 1,09 m × 0,86 m; нижн. части — 0,86 m × 0,56 m.

Выше было сказано, что группа эта немногочисленна; она может быть исчерпана кратким перечислением, причем в ней встречаются и ионическо-византийские капители и чистые импосты. К первым принадлежат капители на хорах св. Софии в Солуни[1] и несколько капителей в базилике S. Marco,[2] капитель в S. Ciriaco, в Анконе;[3] к последним — импост из Никомидии.[4]

Однако, с нею можно связать еще несколько капителей-импостов, чрезвычайно близких по формам и по стилю; это импосты Берлинского Музея из Никеи[5] и из Египта,[6] импост, найденный в Дельфах,[7] и целый ряд импостов в базилике св. Димитрия в Солуни, стоящих на „Феодосианских" капителях в главном нефе.[8]

Все они представляют собой чистый импост (без ионической капители), имеют форму опрокинутой пирамиды с слегка выгнутыми сторонами, сплошь покрытыми аканфом, и абак в виде полочки, с вьющимся побегом. Существенная разница их и Херсонесских и Студийской капителей в том, что на них имеется лишь один вид аканфа — широколистного, с архитектоническим делением листа на лопасти; но самый этот аканф и формы крестов, помещенных между листьями, совершенно сходны с нашими капителями; особенно близкое сходство между Херсонесской капителью (рис. I-а таб. VII) и капителью из Египта, Берлинского Музея. В виду этой близости, а также и того, что здесь более простая орнаментика, — отсутствует зубчатый аканф, — возможно считать этот вид импоста несколько более ранним, чем Студийский, непосредственно ему предшествующим. Если Студийская и Херсонесские капители датируются временем около 463 года, то эта группа может быть отнесена ко 2-й четверти (ближе к половине) V века. Однородность матерьяла (белый мрамор, считающийся некоторыми исследователями несомненно проконнесским), одинаковые размеры и полное стилистическое сходство позволяют объединять всю эту группу ионическо-византийских капителей и импостов и считать их происшедшими из Проконнесских ломок.

В том виде и в тех крупных размерах, как они были выработаны в половине V века, капитель-импост и ионическо-византийская капитель, столь родственные по формам и по стилю, вышедшие, повидимому, в течение очень

---

[1]) Ch. Diehl, M. Le Tourneau, H. Saladin. Les monuments chrêtiens de Salonique, P. 1918 (Monuments de l'art byzantin, IV), pl. XLIII и рис. 54, 55, 56.

[2]) Ongania, La basilica di S. Marco, tav. 193, 1—2, 194, 3, 199, 5, 203, 3. Срв. L. Bréhier, Etudes sur l'histoire de la sculpture byzantine (Nouvelles archives des missions scientif., N. S., fasc. 3, 1911), 72, pl. XV, 1, который датирует эти капители VI веком, на основании сходства их с капителями св. Софии Константинопольской.

[3]) Wilken von Alten, Geschichte des altchristlichen Kapitells, München-Leipzig, s a., Taf. V, 2, Сюда же можно присоединить капитель из Древово (Македония), хотя она имеет и некоторые отличия, — гладкую полочку — абак, и, кроме того, сильно повреждена; см. B. Filow, Altchristliches aus Mazedonien, Studien zur Kunst des Ostens, Josef Strzygowski zum sechzigsten Geburtstage von seinen Freunden und Schülern, 1923, S. 35 u. 37, Taf. IV, 2.

[4]) Известия Рус. Арх. Института в Константинополе, II, 1897, стр. 172, рис. 7.

[5]) Wulff, Beschr. der Bildw., III, 1, 56, № 163.

[6]) Wulff und Volbach, Beschr. d. Bilw., Ergänzungsheft, 1923, 7, № 6668.

[7]) J. Laurent, Bull. de Corr. Hell., XXIII, 1899, p. 223—224, fig. 6—7.

[8]) Diehl, Le Tourneau, Saladin, pl. XXIII, 2; Diehl, Manuel d'art byzantin, p. 177, fig. 84; G. Millet, Art byzantin. (Hist. de l'art, publ. par A. Michel, I, 1, p. 155. fig. 94.)

краткого хронологического промежутка из тех же Проконнесских мастерских и разнесенные по всему византийскому миру, — от берегов Адриатики до Египта и Крыма, — просуществовали очень недолго и были вытеснены другими формами, — появившимся в V веке кемпфером, поставленным на коринфскую (или композитную) капитель, и кубической капителью-кемпфером, выработанной в начале VI века и нашедшей свое блестящее выражение в капителях св. Софии Константинопольской.

Херсонесские капители дают еще одно подтверждение уже не раз отмечавшемуся факту тесной связи Херсонеса с Константинополем, и не только Херсонеса, но и южного берега Крыма: вспомним Партенитскую капитель. Судя по количеству фрагментов, относящихся к V веку, найденных в Херсонесе, связь эта уже в то время была живая и прочная. Однако, приурочить эти фрагменты к определенным сооружениям не представляется возможным, так как в Херсонесе не открыто пока ни одного здания, с несомненностью могущего быть отнесенным к V веку. Уваровская базилика, близь которой, повидимому, были найдены три капители, на основании раскопочных данных не может быть отнесена ко времени ранее рубежа VI и VII вв.[1] Остается предположить, что эти капители или принадлежали какому-то более раннему зданию, исчезнувшему еще до сооружения комплекса зданий с Уваровской базиликой, или же что они были, так сказать, случайным предметом импорта, не нашли себе своевременно применения и были использованы только впоследствии.

Эти недоумения пока не могут получить разрешения. Может быть, дальнейшие систематические раскопки, если им суждено когда-нибудь возобновиться, прольют свет на этом темный период строительной жизни Херсонеса.

Н. Измайлова.

---

[1]) Извѣстія Археологич. Комиссіи, вып. 4, 1902, стр. 80—81.

БОЛЬШАЯ ПРЯЖКА ПЕРЕЩЕПИНСКОГО КЛАДА И ПСЕВДОПРЯЖКИ.[1]

Большая золотая пряжка Перещепинского клада[2] представляет собою один из характерных вариантов обычного для раннего европейского средневековья типа пряжек (Рис. 1, т. VIII). Она состоит из трех отдельных частей — основания, кольца и иглы, соединенных вместе при помощи шарнира. Основание удлиненной формы. Архитектонически оно расчленяется на две части — прямоугольную и круглую, при чем, первая, если на пряжку смотреть от кольца, является как бы постаментом для второй. Такой постамент сжат у несущей поверхности и образует седло, подчеркнутое двумя волютами, которые сообщают устойчивость плотно примыкающему, поставленному на ребро массивному диску. Подобное же уравновешивание круга и прилегающих к нему других частей предмета находим на всех трех фибулах Петросского клада.[3] Однако, не только один лишь прием одинакового уравновешивания круга мы встречаем на памятниках раннего средневековья. Можно идти дальше и найти, особенно среди древностей Венгрии, основания пряжек, аналогичные в целом описываемой перещепинской.[4]

Сильно очерченные обрамления с косыми срезами, резко выражающие структуру основания нашей пряжки, характерны для эпохи. Сплошная орнаментация плоскости основания пряжки, исполненная штампом, подчеркивает архитектоническое расчленение формы. В центре каждой части помещена восьмилопастная розетка, вписанная, в одном случае, следуя форме сжатого в верхней части постамента, в неправильный шестиугольник, в другом случае, в круг. Тот же мотив орнаментации использован на корзинках опять-таки Петросского клада,[5] на короне Свинтила Гваррацарского клада,[6] и, тем самым, перещепинская пряжка об'единяется с художественным кругом раннего европейского средневековья, связанного с названными памятниками.

---

[1]) Настоящая статья является переработкой со значительными дополнениями статьи из рукописного „Сборника в честь С. А. Жебелева“.

[2]) Эрмитаж. Инв. №: Виз 914/128. Размеры: общая дл. 0 m 178, шир. основания и диам. его круглой части 0 m 056; поперечный диам. кольца 0 m 070, продольный диам. 0 m 035; длина иглы 0 m 065. Первоначально, после открытія клада, пряжка попала в собр. Б. И. Ханенко. Позднее, проданная Ханенкой Археологической Комиссии, была передана последней в Эрмитаж. Архив А. К. Дело № 174/1912. Опись и счет от 8. III. 1913. МАР, № 34 (1914), 116, № 42.

[3]) A. Odobesco, Le trésor de Pétrossa (Paris, 1889—1900), II, fig. 87—90, 99—101, pl. XI—XII.

[4]) J. Hampel, Alterthümer des frühen Mittelalters in Ungarn (Braunschweig, 1905), III, Taf. 160 Nr. 1, 2, 4, Taf. 276 Nr. 16—17, Taf. 159 Nr. 9.

[5]) Odobesco, II, fig. 104—108, 112—116, pl. XIII—XVI.

[6]) J. Amador de Los Rios, El arte latino-byzantino en España y las coronas visigodas de Guarrazar (Madrid, 1861), lam. V. 9, I. 2.

Характерно также и окружение центральных розеток. Оно состоит из бус и из простого геометрического узора. Украшение ободком из крупных бус, восходящих в прототипе к низкам отборного жемчуга, проходит красною нитью через варварские древности раннего средневековья.[1] В Перещепинском кладе на стенках одного золотого кубка применены еще в чистом виде низки настоящего жемчуга,[2] но в большинстве случаев их заменяют напаянные золотые шарики. Они унизывают контуры различных предметов. Но, вместе с тем, мы встречаем в нашем кладе и подражания бусам, исполненные в чеканке. При этом, как на разсматриваемой пряжке, так и на принадлежащем к ней большом наконечнике ремня,[3] такие чеканные ободки обходят не края предмета, а центральное узорчатое поле и, в свою очередь, окружены геометрическим орнаментом. В Перещепинском кладе любопытно проследить и случаи перерождения того же мотива. В то время, как ручка меньшего золотого кувшина еще сохраняет форму низки из жемчуга, на его кольцевой ножке бусы превращаются в 16 связанных между собой плоских кружков вогнутого профиля.[4] То же наблюдается и на некоторых ювелирных изделиях того же клада.

Орнаментация рассматриваемой пряжки кажется во многих местах ажурной. Но все просветы на ней оказываются лишь повреждениями. В тех местах, где пунцон при глубокой штамповке слишком утончил металл, последний с течением времени выкрошился. Первоначально же все углубления, повидимому, были заполнены цветной мастикой и, вероятно, стеклянными пластинками, подобно тому, как это частично еще сохранилось на игле и кольце пряжки. Основание ее представляло собою полихромное узорчатое поле, на котором основной материял предмета — золото — прорезывал лишь тонкими жилками плоскость инкрустации и получал силу только на ободках из бус и на мощных контурах. Таким образом, пряжка Перещепинского клада родилась в том же художественном потоке, который, начиная с IV века, широко разлился от Кавказа и южнорусских областей по всей центральной и западной Европе.

Основание нашей пряжки укреплялось на ремне при посредстве пяти больших петель, припаянных с исподней стороны пластинки.

Второй составной частью пряжек является кольцо. На большой золотой пряжке Перещепинского клада оно показывает все характерные для своего времени особенности. Оно по форме не круглое, а сильно сплющенное в продольном направлении и его поверхность обработана на неравные грани. Верхнюю составляет узкая лента, от которой косо расходятся, расширяясь, широкие боковые плоскости. В передней части кольца сделана глубокая выемка для того, чтобы игла возможно плотнее прилегала к кольцу, что так характерно для эпохи. По направлению к этой выемке шинка кольца расширяется с каждой стороны раструбом. Частичное расширение в виде выступа вовнутрь кольца наблюдаем и с противоположной стороны. Таким образом, зев его оказывается не округлым, а сжатым посредине и напоминает силуэт цифры 8. Кольцо литое, массивное. В его толще вырезаны и, отчасти, чеканены глубокие гнезда для

---

1) Л. Мацулевич, Серебряная чаша из Керчи, Памятники Эрмитажа, II, 25—28.

2) Эрмитаж. Инв. №: Виз. 914/76. МАР, № 34, тбл. X. 26.

3) Эрмитаж. Инв. №: Виз. 914/127. Не воспроизведено в МАР, № 34.

4) Эрмитаж. Инв. №: Виз. 914/68. МАР, № 34, табл. IX. 20.

1, 2. Поясная золотая пряжка с инкрустацией.
3. Золотой наконечник ремня с инкрустацией от поясного набора. Перещепинский клад. Государственный Эрмитаж.

Характерно также и окружение центральных розеток. Оно состоит из бус и из простого геометрического узора. Украшение ободком из крупных бус, восходящих в прототипе к низкам отборного жемчуга, проходит красною нитью через варварские древности раннего средневековья.[1] В Перещепинском кладе на стенках одного золотого кубка применены еще в чистом виде низки настоящего жемчуга,[2] но в большинстве случаев их заменяют напаянные золотые шарики. Они унизывают контуры различных предметов. Но, вместе с тем, мы встречаем в нашем кладе и подражания бусам, исполненные в чеканке. При этом, как на разсматриваемой пряжке, так и на принадлежащем к ней большом наконечнике ремня,[3] такие чеканные ободки обходят не края предмета, а центральное узорчатое поле и, в свою очередь, окружены геометрическим орнаментом. В Перещепинском кладе любопытно проследить и случаи перерождения того же мотива. В то время, как ручка меньшего золотого кувшина еще сохраняет форму низки из жемчуга, на его кольцевой ножке бусы превращаются в 16 связанных между собой плоских кружков вогнутого профиля.[4] То же наблюдается и на некоторых ювелирных изделиях того же клада.

Орнаментация рассматриваемой пряжки кажется во многих местах ажурной. Но все просветы на ней оказываются лишь повреждениями. В тех местах, где пунцон при глубокой штамповке слишком утончил металл, последний с течением времени выкрошился. Первоначально же все углубления, повидимому, были заполнены цветной мастикой и, вероятно, стеклянными пластинками, подобно тому, как это частично еще сохранилось на игле и кольце пряжки. Основание ее представляло собою полихромное узорчатое поле, на котором основной материял предмета — золото — прорезывал лишь тонкими жилками плоскость инкрустации и получал силу только на ободках из бус и на мощных контурах. Таким образом, пряжка Перещепинского клада родилась в том же художественном потоке, который, начиная с IV века, широко разлился от Кавказа и южнорусских областей по всей центральной и западной Европе.

Основание нашей пряжки укреплялось на ремне при посредстве пяти больших петель, припаянных с исподней стороны пластинки.

Второй составной частью пряжек является кольцо. На большой золотой пряжке Перещепинского клада оно показывает все характерные для своего времени особенности. Оно по форме не круглое, а сильно сплющенное в продольном направлении и его поверхность обработана на неравные грани. Верхнюю составляет узкая лента, от которой косо расходятся, расширяясь, широкие боковые плоскости. В передней части кольца сделана глубокая выемка для того, чтобы игла возможно плотнее прилегала к кольцу, что так характерно для эпохи. По направлению к этой выемке шинка кольца расширяется с каждой стороны раструбом. Частичное расширение в виде выступа вовнутрь кольца наблюдаем и с противоположной стороны. Таким образом, зев его оказывается не округлым, а сжатым посредине и напоминает силуэт цифры 8. Кольцо литое, массивное. В его толще вырезаны и, отчасти, чеканены глубокие гнезда для

---

[1]) Л. Мацулевич, Серебряная чаша из Керчи, Памятники Эрмитажа, II, 25—28.
[2]) Эрмитаж. Инв. №: Виз. 914/76. МАР, № 34, тбл. X. 26.
[3]) Эрмитаж. Инв. №: Виз. 914/127. Не воспроизведено в МАР, № 34.
[4]) Эрмитаж. Инв. №: Виз. 914/68. МАР, № 34, табл. IX. 20.

3

1

2

1, 2. Поясная золотая пряжка с инкрустацией.
3. Золотой наконечник ремня с инкрустацией от поясного набора. Перещепинский клад. Государственный Эрмитаж.

инкрустации. В них сохранилось несколько красных и синих пластинок стекла на мастике соответствующего цвета.

Игла (рис. 2, т. VIII) литая, снизу полая; только в передней части нижний, выступающий за кольцо срез ее прикрыт припаянной пластинкой. Самая форма иглы, высоко выступающей над кольцом и плотно прилегающей к его передней части, сохраняет характерные черты типичной для раннего средневековья иглы в виде изогнутого клюва птицы. Ее тыльная часть подчеркнута, выделена из общей массы, как это тоже обычно.[1] Она прямоугольная, сделана более мощной, в соответствии с чем и гнезда для вставок цветного стекла здесь более крупные, чем на остальной поверхности иглы, и прямые. Орнаментальным мотивом инкрустации, повторящимся с обеих сторон, является шестилопастная розетка, подобная центральным розеткам основания пряжки. Если эта розетка вновь напоминает о связи нашей пряжки с Петросским кладом и всем его кругом, то не менее любопытна примыкающая к розетке орнаментальная фигура из двух сопоставленных полупальметок, помещенная в суживающейся части иглы. Орнаментация из полупальметок, преимущественно, с круглыми на концах листами, покрывает значительное число и других предметов Перещепинского клада. Будучи иранской в своих истоках она стала характерным мотивом раннего средневековья.[2] Суживая для иглы перещепинской пряжки широкий круг аналогий, можно указать совершенно ту же форму композиции из полупальметок на орнаментальных бляшках из Бене-Пушта и из Токай в Венгрии[3] и на подвесках к цепи, найденной в Киевской губернии близь м. Смелы[4] и друг.

Остается еще подчеркнуть также один из характерных для эпохи приемов соединения воедино трех отдельных частей нашей пряжки. Шарнирное соединение маскировано восемью крупными бусами. На распространенность в раннем средневековьи мотива бус уже было указано выше. Сквозь бусы проходит ось, причем обе крайние пары припаяны к основанию пряжки, следующее за ними припаяны к кольцу, а средние к игле.

Разсмотрим теперь золотой наконечник ремня, составляющий одно целое вместе с нашей пряжкой.[5] Наконечник (рис 3, т. VIII) полый с открытой для насаживания на ремень тыльной частью. Лицевая пластинка сделана из тонкого листа золота, на котором при помощи штампа вдавлены глубокие контуры с ободком бус и вырезан ажурный орнамент. В прорезные ячейки его были вставлены выпиленные по данной форме пластинки красного и синего стекла, сохранившиеся частично, как во внутренней, так и во внешней частях орнамента. Снизу под инкрустацию подведена золотая пластинка. Формы орнамента ременного наконечника не повторяют орнамента нашей пряжки. Но в основных приемах орнаментации оба рассматриваемых предмета тожественны. В обоих случаях

---

¹) Мацулевич, ук. соч., 42, 46, рис. 8.

²) Hampel, I, 509 sq. J. Strzygowski, Altai—Iran und Völkerwanderung (Leipzig. 1917), 22 sq. Taf. V.

³) E. Radisics, Chefs-d'oeuvre d'art de la Hongrie (Budapest, 1897), I, 116, Hampel, I, Fig. 2311; II, 490; III, Taf. 341 №№ 2—3. Strzygowski, 34.

⁴) Гр. А. А. Бобринской, Курганы и случайныя археологическія находки близъ м. Смѣлы, I (Спб., 1887), 152, тбл. XX. 2.

⁵) Эрмитаж. Инв. n°: Виз. 914/127. Не воспроизведено в МАР, n° 34. Размеры: дл. 0 m 137, шир. тыльной части 0 m 055, шир. боковых стенок 0 m 006; наиб. шир. передней части 0 m 056 при соответствующей поперечной оси зева пряжки 0 m 057.

выделено центральное поле и обведено ободком крупных бус; широкое орнаментованное обрамление идет по краям. Контуры в обоих случаях представляют из себя как бы оправу, очень мощную, благодаря сделанной вдоль них глубокой выемке с косо срезанными краями. Тожественность обработки пряжкки и наконечника ремня, при соответствии их размеров, не оставляет сомнений в том, что перед нами одно целое, единый объект.

Если орнаментация центрального поля пряжки розетками связывает пряжку с полихромной петросской группой, то центральная ромбическая сетка наконечника, оставаясь полихромной, пользуясь для инкрустации тем же техническим приемом, что и плоская шейная гривна Петросского клада, связывается, вместе с тем, с памятниками и не полихромными, более простыми. Подобную ромбическую сетку, исполненную в бронзе, мы встрѣчаем на нескольких венгерских наконечниках ремней. Внешняя полоса орнамента перещепинского наконечника состоит из заостренныхъ овалов, расположенных зигзагом, с треугольниками между ними. Совершенно такой же орнамент также на внешней орнаментальной полосе бляшек ременного набора находим на памятнике южно-византийского круга — в Мерсинском кладе, хранящемся в Эрмитаже. Орнаментация нижней пластинки перещепинского наконечника ремня связывается с неполихромной группой средневековых европейских древностей. Ее мотивом являются сопоставленные полупальметки с характерными вытянутыми стрелками посредине. Фигура повторена дважды одна над другой. Такой же прием нагромождения полупальметок, при этом чрезвычайно близких к рассматриваемым, может быть указан в Венгрии на ременном наконечнике из Keszthely и на форме из Adony.[1] Полупальметки с высоко вытянутой между ними стрелкой, заканчивающейся листком, встречаем, между прочим, в украшении ножен меча, найденного, вероятно, на юге России. Ножны поступили в Эрмитаж в составе коллекции Алексеева. Наличие пальметок такой своеобразной формы на перещепинском наконечнике имеет крупное значение для клада в целом, потому что и на других предметах клада встречается несколько измененный вариант пальметок со стрелкою посредине. В данном же случае он неотъемлем от полихромной орнаментации лицевой пластинки наконечника и, тем самым, неразлучно связан со всем художественным кругом большой перещепинской пряжки.

В форме и орнаментации нашего наконечника резко выражено различие служебного назначения его частей. Отчетливо выделяются длинный язык передней части, предназначенный для удобства продевания ремня через пряжку, и более короткая тыльная часть, при помощи которой наконечник насаживался на конец ремня и укреплялся на нем. Такое расчленение обычно в раннем средневековьи. В памятниках Венгрии мы постоянно встречаем его в орнаментации наконечников ремней, но мне не известно там ни одного случая, где бы расчленению, выявленному в украшении пластинки, соответствовала бы и форма самого предмета, его внешние очертания. Венгерские наконечники имеют в передней части форму очень близкую, иногда даже одинаковую с перещепинским, но боковые контуры не передают расчленения между языком и тыльной частью, а дают сплошную вогнутую линию.[2] Для Перещепины аналогией в этом отношении

---

[1]) Hampel, I, Fig. 2049; III, Taf. 156, n° 2.

[2]) F. Fettich, Die Tierkampfscene in der Nomadenkunst, „Recueil d'études, dédiées à la mémoire de N. P. Kondakov" (Prague, 1926), Taf. IX—XIV. Hampel, III — многочисленные примеры.

являются не эти крупные роскошные образцы, а мелкие невзрачные изделия VI—VII в. в., распространенные на широкой территории восточно-европейского мира. На таблице IX (р. 1, 2, 3) воспроизведено для примера три различных варианта ременных наконечников этого рода (n° n° 2436, 2437, 2618), найденных в могильнике Чми, хранящихся в Историческом Музее в Москве в составе коллекции Д. Я. Самоквасова.[1] Эти небольшие изделия, обычно из серебра или бронзы, характеризуются сильной профилевкой с косым обрезом краев и прорезной геометрической орнаментацией, при своеобразных, неизменно повторяющихся формах. Круг распространения памятников этого стиля чрезвычайно широк. Начиная от Керчи и Суук-Су и могильников Кавказа и Черноморского побережья, область распространения этого стиля охватывает юго-западную и центральную Россию, северо-восточный край, переваливает через Урал, достигает Иртыша, а последними раскопками 1925 г. С. И. Руденки и А. Н. Глухова доведена до Алтая.[2] С другой стороны, тот же стиль в ином варианте охватывает на западе, ближайшим образом, Венгрию, приадриатическую Италию, Балканский полуостров, подходя по линии Чаталджинской позиции почти к самому Константинополю.[3] Все эти крайне многочисленные предметы, несмотря на ме-

¹) Д. Я. Самоквасовъ, Основанія хронологической классификаціи и каталогъ коллекціи древностей (Варшава, 1892), n° n° 2436, 2437 — два экземпляра, 2618 — пять экз.. ср. n° 2601. За предоставление мне для издания фотографического снимка приношу глубокую благодарность Заведующему Отделом ГИМ. проф. А. А. Захарову. Ср. три экземпляра в Эрмитаже из раскопок в Керчи в 1867—68 г. г. B. Pósta, Archeologische Studien auf russischem Boden (Budapest—Leipzig, 1905), Abb. 274 n°8, 304 n°b, 306 n°17. Пользуясь случаем внести поправку в подпись под рис. 304. Как установлено помощником хранителя Эрмитажа Н. И. Мацневым изображенные вещи происходят не из Сарая, а из Камунты. ОАК, 1902, рис. 205. А. А. Бобринской, Курганы и случайныя археологическія находки близъ м. Смѣлы, III (П., 1901), табл. XIV. 9. А. А. Спицынъ, Древности бассейновъ рѣкъ Оки и Камы, МАР, n°25 (1901), табл. XIV. 9. Один экземпляр подобного наконечника ремня найден в могильнике близ с. Неволина бывш. Пермской губ. во время последних раскопок А. В. Шмидта, летом 1926 г. Ряд экземпляров найден в 1925 г. в Кудырге на Алтае во время раскопок А. Н. Глухова и С. И. Руденки. Публикация могильника появится в ближайшее время в Материалах по Этнографии России, III, вып. 2.

²) Для Керчи и Крыма: предметы из раскопок в Керчи в 1867—68, 1873, 1904 г. г., хранящиеся в Эрмитаже. D. Macpherson, Antiquities of Kertch (London, 1857), pl. V. Н. И. Рѣпниковъ, Нѣкоторые могильники области крымскихъ готовъ, I, ИАК, 19 (1906); II, 300, XXVII (1907). Для Черноморского побережья и Кавказа: В. В. Саханевъ, Раскопки на сѣверномъ Кавказѣ в 1911—12 г. г., ИАК., 56 (1914). А. А. Миллеръ, Развѣдки на Черноморскомъ побережьи Кавказа въ 1907 г., ИАК., 33 (1909). ОАК, 1902, 91—97. Коллекция Д. Я. Самоквасова из раскопок могильника Чми в ГИМ в Москве. Предметы собр. Ольшевского из Камунты в Эрмитаже. Для юго-зап., центральной и сев.-восточной России: Бобринской, ук. соч. Спицын, ук. соч. J. R. Aspelin, Antiquités du Nord finno-ougrien (Helsingfors). А. А. Спицынъ, Древности Камской Чуди по коллекціи Теплоуховыхъ, МАР, n°26 (1902). Коллекция из раскопок Емельянова в с. Полом Вятск. губ. в Музее Антропологии и Этнографии Академии Наук. Раскопки А. В. Шмидта близ с. Неволина бывш. Пермской губ. Для зап. Сибири: A. Heikel, Antiquités de la Sibérie occidentale, Mémoires de la Société Finno-ougrienne, VI (1894), pl. IX.

³) Hampel, ук. соч. F. Fettich. Garnitures de fourreaux de sabres du temps des avares en Hongrie, Arethuse, III (1926), 49—62. G. Sergi, La necropoli barbarica di Castel Trosino presso Ascoli Piceno, Monumenti Antichi, publ. per cura della Reale Accademia dei Lincei, XII (1902). L. Venturi, Storia dell'arte italiana, II (Milano, 1902), fig. 59—61. К сожалению, мне осталась недоступной публикация некрополя Nocera Umbra в Mon. Lincei, XXV, указание на которую у R. Paribeni, Le Terme di Diocleziano eil Museo Nazionale Romano⁴ (Roma. 1922), 161—165. Также не имеется в доступных мне библиотеках работы N. Aberg, Die Goten und Langobarden in Italien. Ср. Strzygowski, Altai-Iran. Известия на Българското Археологическо Дружество, III (1912—1913), 324.

стные отклонения и различия, показывают исключительное единство стиля; с другой стороны, отдельные совершенно тождественные, неизменно повторяющиеся изделия встречаются в таких медвежьих углах тогдашнего культурного мира, что невольно приходит мысль о существовании единого крупного центра, рассадника этой культуры, каковым могла быть Византия. Под влиянием этого центра могла быть создана и перещепинская пряжка с наконечником ремня, если вообще они не были сделаны в самом центре. Они отличаются от всех местных групп, но, вместе с тем, остаются типичными представителями европейского средневековья. Они впитывают в себя местные особенности, являются как бы посредниками между ними и их объединителями. Это объясняется, быть может, тем, что они-то и есть типичные представители промышленности столицы, впитавшей в себя восточные варварские струи, притекавшие и северным путем и с юга. Не доказательством, а каким-то намеком, быть может, послужат для дальнейших поисков и цвета — синий и красный — инкрустации перещепинской пряжки и наконечника. Присутствие синего цвета, наряду с красным и зеленым, в инкрустации мы встречаем, между прочим, на константинопольском изделии — на крышке переплета в сокровищнице собора Марка в Венеции.[1] Чередование красного и синего наблюдаем и на более позднем византийском реликварии в Эрмитаже, поступившем из Музея Штиглица.[2]

Нет ничего удивительного в том, что предметы, входящие в состав клада VII в., найденного на территории массовых передвижений наций, оказываются характерными представителями эпохи. Перещепинский клад в целом, в своем составе является нерукотворным археологическим и художественным музеем. В самом комплексе клада неизбежно оказались и непосредственные представители главнейших художественных центров того времени. Ни один, даже счастливый и сведущий коллекционер не мог бы запечатлеть с большей наглядностью и полнотой руководящие факторы и жизнь искусства раскрывающегося европейского средневековья. В данном случае убедительна не столько общность для всей Европы художественных типов, приемов и задач, сколько простая повторяемость значительного числа изделий. Всякий, кто увидит планшетки Перещепинского клада, невольно останавливается перед золотым потоком из полутораста своеобразных высоких накладок на сбрую в виде цветочной чашечки.[3] Их аналогию дает Fönlak в Венгрии.[4] Любопытно при этом отметить, что венгерская находка представляет образцы различной высоты, при чем наиболее плоские проще других и отличаются от остальных геометрической орнаментацией верхней площадки.[5] Среди перещепинских накладок имеется четыре экземпляра также более плоских и, вместе с тем, более простых и — очень курьезно — тоже отличающихся от остальных иной геометрической орнаментацией верхней площадки.[6] Отметим затем, что маленькие пластинки, составляющие части ножен меча или кинжала, повсеместно находят аналогии в раннем

---

[1]) A. Pasini, Il Tesoro di San Marco in Venezia (Venezia, 1885), tav. VI—VII. O. M. Dalton, Byzantine art and archaeology (Oxford, 1911), 515—516.

[2]) Эрмитаж. Инв. nº: Виз. 925/45.

[3]) Эрмитаж. Инв. №: Виз. 914/161. МАР, № 34, тбл. XVI, 52.

[4]) Hampel, I, Fig. 2055—2057; III, Taf. 446 Nr. 11.

[5]) Там же, I, Fig. 2101.

[6]) Эрмитаж. Инв. №: Виз. 914/162. Не воспроизведено в МАР, № 34.

средневековьи, в частности, быть может, наиболее близкие опять-таки в венгерских древностях.[1] Не будем касаться столь типичных для эпохи и обычных памятников, как браслеты из несомкнутого дрота, расширяющегося к концам, и массы других предметов, а остановимся еще лишь на своеобразных представителях клада — на кубках из золота и серебра и на изогнутом золотом роге. Кубок, хранящийся в Вене,[2] вполне совпадает по форме с перещепинскими и, в частности, даже в орнаментации повторяет пару золотых перещепинских кубков.[3] У других перещепинских золотых кубков орнаментация из сопоставленных полупальметок и длинных стрелок является вариантом орнаментальных фигур нижней пластинки большого наконечника ремня, описанного выше.[4] И поскольку перещепинская пряжка и принадлежащий ей наконечник являются типичными представителями ранне-средневекового европейского искусства, быть может, даже византийского, постольку и эти кубки получают свое определение. Любопытно обратить внимание, что только что склеенный ювелиром-реставратором Эрмитажа Ф. К. Вейбелем стеклянный сосудик, мелкие осколки которого были найдены в кладе, показал ту же форму, что и металлические кубки.[5] Для изогнутого под углом золотого перещепинского рога общеизвестна венгерская аналогия в кладе Nagy-Szent-Miklós.[6] Хотелось бы обратить внимание еще на мелкую деталь не художественного, а чисто технического порядка. У пары золотых с инкрустацией браслетов, раскрывающихся на шарнире, замком является винтик с широкой шляпкой.[7] Этот винтик не нарезной, а состоит из стержня, спирально обмотанного проволокой. Как раз такого же устройства винтик-замок находим на браслетах с шарниром из Puszta-Bakod в Венгрии и на браслете в Историческом Музее в Москве, происходящем, вероятно, также из Венгрии, при чем форма самих браслетов аналогична перещепинским, только концы обработаны в виде звериных морд.[8]

Здесь, в настоящем случае, посвященном специальной теме, нет необходимости дольше задерживаться на всем разнообразии форм и художественных приемов Перещепинского клада, на обзоре его орнаментальных мотивов, частью уже упомянутых выше. Приведенные факты достаточно свидетельствуют, что

---

[1]) Эрмитаж. Инв. №: Виз. 914/160, Виз. 914/145. МАР, № 34, тбл. XII — справа, второй предмет сверху; нижний ряд, второй предмет слева и второй предмет справа; тбл. XVI, рис. 54 (слева). Fettich, Garnitures de fourreaux de sabres, Arethuse, III, 49—62, pl. V—X. Hampel, III, Taf. 260, Nr. 9—10; I, Fig. 274—275. Ср. могильник Чми в Ист. Музее в Москве (Самоквасов, №№ 2440—2441); Борисовский могильник близ Геленджика в Ист. Музее в Москве, планш. № 4/3а; собрание Алексеева в Эрмитаже; Castel Trosino, t. V, Nr. 8; Venturi, II, fig. 31.

[2]) Arneth, Die Antiken Gold- und Silber-Monumente des K. K. Münz- und Antiken-Cabinettes in Wien (Wien, 1850) Taf. S. X. Nr. 115.

[3]) Эрмитаж. Инв. №: Виз. 914/77. МАР, № 34, тбл. VII, 10.

[4]) Эрмитаж. Инв. №: Виз. 914/75. МАР, № 34, тбл. X. 23. 25. Strzygowski, Altai-Iran, 49—50, Abb. 55.

[5]) Эрмитаж. Инв. №: Виз. 914/166. МАР, № 34, 116, № 41. И. А. Зарѣцкій, Кладъ, найденный при селѣ Малая Перещепина, Труды Полтавской Ученой Архивной Комиссіи, IX (1912), № 44.

[6]) Эрмитаж. Инв. №: Виз. 914/70. МАР, № 34, тбл. X. 28; Hampel, III, Taf. 310. A. Riegl = E. H. Zimmermann, Die spätrömische Kunstindustrie, II (Wien, 1923), 97.

[7]) Эрмитаж. Инв. №: Виз. 914/83. МАР, № 34, тбл. XI, 38—39.

[8]) Hampel, III, Taf. 2, Nr. 2; E. Bassermann-Jordan, Der Schmuck (Monographien des Kunstgewerbes, XII, Leipzig, 1909); Отчетъ Р. Историческаго Музея за XXV лѣтъ (М., 1916), рис. 41; Cf. Riegl, Die spätrömische Kunstindustrie (Wien, 1901), Taf. XII, 8.

клад, в целом, и его большая пряжка, в частности, не случайные явления, а обусловлены каким-то общим, ранне-средневековым процессом. Этим, главным образом, процессом определено историческое бытие данной формы: постепенная выработка типа пряжки, распространение его на всем протяжении Европы, видоизменения в зависимости от той или иной социальной и племенной среды, различные местные переработки, взаимное перекрещивание вариантов, соприкосновения с иными формами и течениями. Но историческое бытие формы, познаваемое из сопоставления памятников и установления между ними исторической связи, еще не исчерпывает всего содержания художественной формы. Это только одна сторона ее жизни. Она не касается существа художественной формы, ее жизни, проявляющейся в процессе формообразования, в становлении формы.

Рядом с большой пряжкой Перещепинского клада в том же кладе имеется значительная группа предметов, повторяющих в меньшем масштабе формы большой пряжки.[1] Силуэт их основания и силует основания большой пряжки имеют много общего (т. IX, 10). Но в то время, как у последней оно расчленено на архитектонические части — прямоугольную и круглую, у первых оно разработано в виде одного вытянутого щитка, округлого с одной стороны, а с противоположной имеющего два заплечика с заостренным выступом посредине между ними. На поле щитка припаяно большое, удлиненной формы гнездо, в которое вставлено зеленоватое стекло. Вокруг щиток густо обсажен крупными шариками. Припаянный снизу к краю пластинки основания ободок сообщает предмету кажущуюся массивность. Три высоких петли, также припаянных к основанию снизу, служили для укрепления его на ремне.

Вторая часть рассматриваемых предметов, которая на первый взгляд кажется собственно пряжкой, отлита из золота отдельно. Общие ее очертания соответствуют характерному для того времени, сжатому кольцу пряжек. В тыльной части округлые формы перебиваются двумя выступающими заплечиками и прямым срезом. Подобный силуэт тыльной части мы получим и на описанной выше большой пряжке, если будем рассматривать кольцо ее совместно с шарниром, маскированным бусами. Но среди памятников того времени часто встречается вариант пряжек, в котором шарнирное соединение захватывает непосредственно тыльную часть кольца. В этом случае последняя обрабатывается в виде прямой оси, а самое кольцо немного расширяется в тыльной части и образует как бы два заплечика по сторонам. Несколько образцов таких пряжек есть и в Перещепинском кладе.[2]

Эти аналогии дают об'яснение общим очертаниям нашего предмета. Несомненно, в основе его лежит кольцо пряжки вместе с шарниром. На нашем памятнике переданы общие и частные особенности последних, характерные для того времени. Так, поверхность кольца обработана на грани и боковые стороны имеют косой, расширяющийся срез. И, тем не менее, это отнюдь не кольцо пряжки. Отверстия, через которое можно было бы продеть конец ремня или

---

[1]) Эрмитаж. Инв. №: Виз 914/100 — набор из 11 экземпляров. Размеры: основание — длин. 0^{m}031, шир. 0^{m}024; передняя часть — длин. 0^{m}021, шир. 0^{m}027. МАР, № 34, табл. X. 29. Зарецкий, укр. соч., № 61.

[2]) Эрмитаж. Инв. №№: Виз 914/176-178. МАР, № 34, табл. VII. 14.

ткани, нет. Выше указывалось, что зев большой перещепинской пряжки напоминает очертания цифры 8. И на нашем памятнике это очертание выражено отчетливо, но не при посредстве зева. Его, как сказано, вовсе нет. На месте каждой округлой части воображаемой восьмерки зева здесь напаяны крупные, немного вытянутые кверху полушарики. В их вершинах сделаны маленькие отверстия, в которые изнутри вставлены зеленоватые стеклышки. Таким образом, зев, как определенная зримая форма, здесь отчетливо выражен, даже подчеркнут. Но это отнюдь не зев. Здесь формообразование какого-то обратного порядка, как бы негативное. Вместо отверстия, вместо отсутствия массы дается ее наращение.

То же приходится сказать и об игле, как будто существующей у нашего предмета. Она будто бы является даже типичной: она изогнута в роде птичьего клюва; плотно примыкает к кольцу, при чем конец немного выступает вперед; тыльная часть выделена, сделана более массивной и украшена большим гнездом со вставкой цветного стекла. И тем не менее, это не игла. Это двугранно изогнутая неширокая пластинка, плотно припаянная к основной литой массе нашего памятника. А тыльная, как будто более массивная часть нашей кажущейся иглы представляет из себя отдельно напаянную на ребро изогнутую тонкую ленточку, образующую гнездо для вставки зеленоватого стекла. Таким образом, эта видимость иглы ничего не может застегнуть, ни через что не может быть продета, не имеет никакого движения.

Нашу поделку нельзя считать подражанием пряжке, потому что у нее нет ни одной реальной, целесообразной части пряжки. Это скорее, как бы передача декоративного впечатления от пряжки, суммирование особенностей ее стиля. Здесь не подражание, не вырождение, а совершенно иное выявление того же комплекса форм — оформление, частью, почти обратного порядка. Иными словами — рассматриваемое изделие является не изживанием мотива, не вторичным, производным от пряжек продуктом, а, наряду с пряжками, восходит к общему с ними роднику. Здесь, если можно так выразиться, соподчинение, а не подчинение. И чтобы не разрывать в самом названии нашей поделки память об общем с пряжкой источнике ее форм будем называть ее псевдопряжкой. Вся масса наблюдаемых нами в быту вариантов формы, вся множественность оформлений оттого-то и возможна, что вся она потенциально заключена в самопроявляющемся жизненном ядре художественной формы. И все многообразные оформления являются, в сущности, ничем иным, как раскрытием потенции этого ядра, как становлением формы. Нельзя, конечно, было бы говорить о каком-то проявлении жизненного начала художественной формы, о процессе формообразования, обусловленном не историческим бытием формы (хотя результат этого процесса, в свою очередь, становится историческим фактом), если бы мы имели дело с единичным случайным эпизодом. Но рассматриваемое нами изделие не единичное явление, не случайность и его значение выходит за рамки одного клада.

Круг памятников не замыкается одиннадцатью одинаковыми перещепинскими псевдопряжками, а должен быть значительно расширен. Прежде всего должна быть указана псевдопряжка в Венгерском Национальномъ музее в Будапеште,[1]

---

[1]) L. Venturi, II, fig. 39, № 22.

поступившая туда из собрания Jankovich. Благодаря вниманию и любезности Dr. F. Fettich'a, предоставившего в мое распряжение фотографические снимки, она может быть воспроизведена здесь в натуральную величину (т. IX, 12). Она приблизительно, одинаковых размеров с перещепинскими. Форма основания у них тожественная. Даже число бус вокруг щитка в обоих случаях по тринадцати. Более простая форма щитка без заплечиков не играет в данном случае существенной роли. Тем важнее обратить внимание на разницу в орнаментации щитка. Перещепинский щиток гладкий, с металлической поверхностью. У венгерского металл выступает лишь в виде перегородок, а все поле щитка было заполнено цветной инкрустацией из плоских выпиленных пластинок. Таким образом, у венгерской псевдопряжки сказывается соприкосновение с иным художественным кругом — с полихромной инкрустацией, чуждой церещепинским псевдопряжкам. Тем существеннее, поэтому, что при иной обстановке исторического бытия данного комплекса форм мы констатируемъ в обоих случаях — и в Перещепине, и в Ве́нгрии — одинаковое проявление жизненной силы художественного ядра, последовательно раскрывающегося в становлении формы. Главнейшее отличие венгерской псевдопряжки от перещепинских лишь в том, что у нее поверхность ложного кольца и полушариков на месте зева, а также и игла сплошь орнаментованы.

Другая псевдопряжка Венгерского Национального Музея, остававшаяся мне дотоле неизвестной, была указана мне также Dr. F. Fettich'ом во время наших научных собеседований в стенах Эрмитажа летом 1926 г. (т. IX, 13). Она составляет часть небольшого, но весьма важного по своему составу комплекса из Тéре в Венгрии. Подобно Перещепинскому кладу, включающему несколько выдающихся представителей византийского искусства, Тéре дал фрагмент прекрасного византийского блюда, рассмотрению которого я уделю место в специальной работе, посвященной ранне-византийской торевтике. Быть может, частичное совпадение состава Перещепинского клада и Тéре должно служить для нас путеводной звездой при об'яснении исключительной близости псевдопряжки из Тéре и перещепинских. Первая является только более роскошным, более богато орнаментованным экземпляром. Фрагменты еще двух псевдопряжек из собрания Jankovich в Венгерском Национальном Музее, издаваемые здесь в натуральную величину по фотографии любезно предоставленной мне также Dr. F. Fettich'ом (т. IX, 14, 15), интересны тем, что один из них (т. IX, 15), передает в упрощении орнаментацию псевдопряжки из Тéре, а другой (т. IX 14), лишенный орнаментации, не дает даже частного расхождения с перещепинскими.[1]

Иным вариантом являются четыре серебряных экземпляра из венгерского могильника Fenék[2] и один бронзовый из венгерской же находки Kis-Kun-Halas.[3] У всех этих памятников не сохранилось основанія, а до нас дошли одни лишь передние подвесные части. Форма их вполне соответствует перещепинским псевдопряжкам с тем лишь отклонением, что, вместо напаянных полушариков на месте зева, у этих экземпляров оказываются ровные площадки. В Fenék они орнаментованы спиралями, а в Kis-Kun-Halas кружечками.[4]

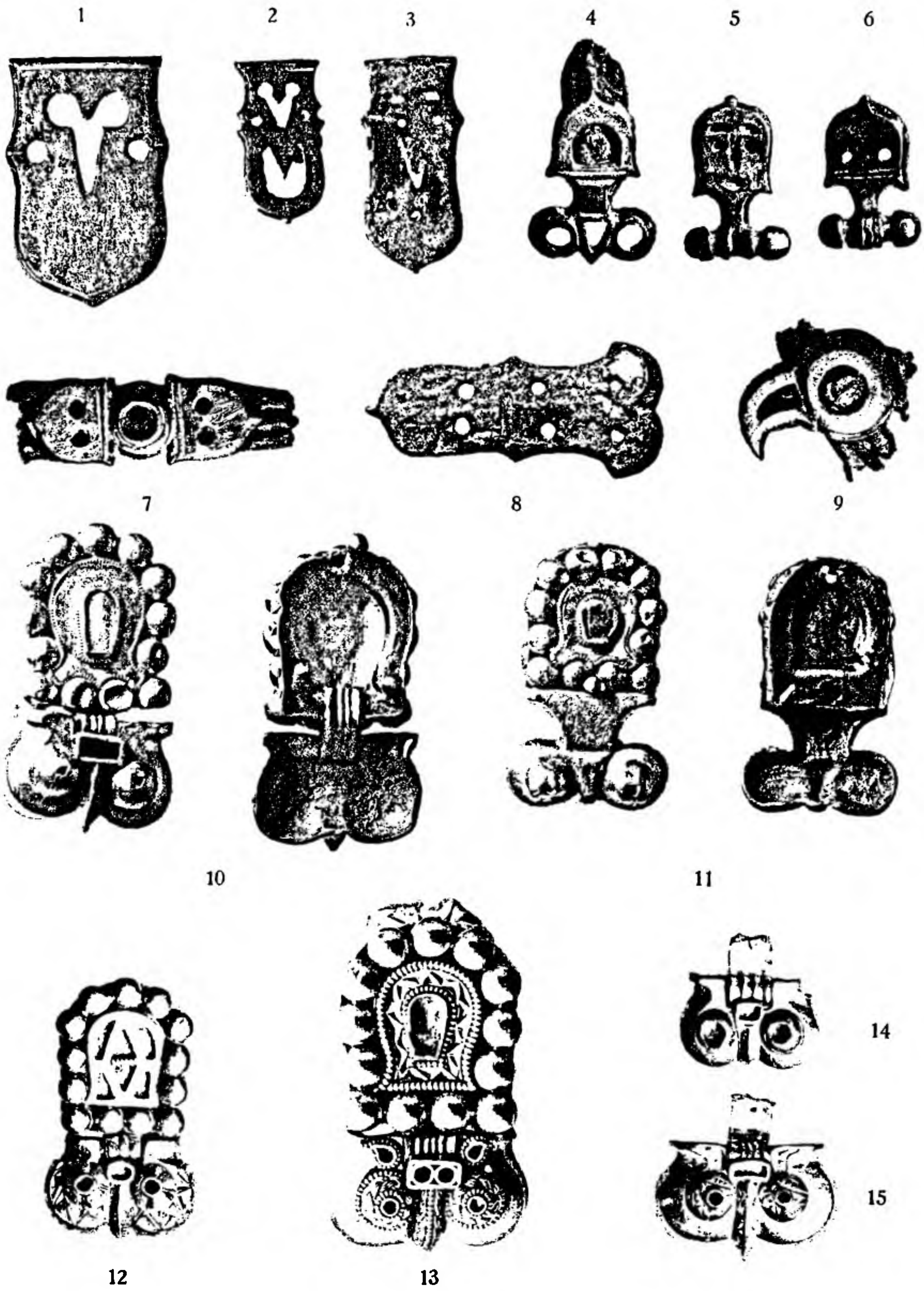
---

[1]) Venturi, II, fig. 39, №№ 14, 20.

[2]) Hampel, III, Taf. 180, № 4.

[3]) Там же, III, Taf. 427, № 4.

[4]) Быть может, в многочисленных изделиях того же времени, передающих и в общих очер-

1—9: Части поясного набора. Могильник Чми. Собр. Д. Я. Самоквасова. Государственный Исторический Музей в Москве (1. — 2436; 2. — 2437; 3. — 2618; 4. — 2463; 5. — 2467; 6. — 2464; 7. — 2462; 8. — 2617; 9. — 2465).
10—11. Золотые псевдопряжка и псевдопряжка-застежка от поясного набора. Перещепинский клад. Государственный Эрмитаж.
12—15. Золотые псевдопряжки в Венерском Национальном Музее. Будапешт.

поступившая туда из собрания Jankovich. Благодаря вниманию и любезности Dr. F. Fettich'a, предоставившего в мое распряжение фотографические снимки, она может быть воспроизедена здесь в натуральную величину (т. IX, 12). Она приблизительно, одинаковых размеров с перещепинскими. Форма основания у них тожественная. Даже число бус вокруг щитка в обоих случаях по тринадцати. Более простая форма щитка без заплечиков не играет в данном случае существенной роли. Тем важнее обратить внимание на разницу в орнаментации щитка. Перещепинский щиток гладкий, с металлической поверхностью. У венгерского металл выступает лишь в виде перегородок, а все поле щитка было заполнено цветной инкрустацией из плоских выпиленных пластинок. Таким образом, у венгерской псевдопряжки сказывается соприкосновение с иным художественным кругом — с полихромной инкрустацией, чуждой церещепинским псевдопряжкам. Тем существеннее, поэтому, что при иной обстановке исторического бытия данного комплекса форм мы констатируемъ в обоих случаях — и в Перещепине, и в Венгрии — одинаковое проявление жизненной силы художественного ядра, последовательно раскрывающегося в становлении формы. Главнейшее отличие венгерской псевдопряжки от перещепинских лишь в том, что у нее поверхность ложного кольца и полушариков на месте зева, а также и игла сплошь орнаментованы.

Другая псевдопряжка Венгерского Национального Музея, остававшаяся мне дотоле неизвестной, была указана мне также Dr. F. Fettich'ом во время наших научных собеседований в стенах Эрмитажа летом 1926 г. (т. IX, 13). Она составляет часть небольшого, но весьма важного по своему составу комплекса из Tépe в Венгрии. Подобно Перещепинскому кладу, включающему несколько выдающихся представителей византийского искусства, Tépe дал фрагмент прекрасного византийского блюда, рассмотрению которого я уделю место в специальной работе, посвященной ранне-византийской торевтике. Быть может, частичное совпадение состава Перещепинского клада и Tépe должно служить для нас путеводной звездой при об'яснении исключительной близости псевдопряжки из Tépe и перещепинских. Первая является только более роскошным, более богато орнаментованным экземпляром. Фрагменты еще двух псевдопряжек из собрания Jankovich в Венгерском Национальном Музее, издаваемые здесь в натуральную величину по фотографии любезно предоставленной мне также Dr. F. Fettich'ом (т. IX, 14, 15), интересны тем, что один из них (т. IX, 15), передает в упрощении орнаментацию псевдопряжки из Tépe, а другой (т. IX 14), лишенный орнаментации, не дает даже частного расхождения с перещепинскими.[1]

Иным вариантом являются четыре серебряных экземпляра из венгерского могильника Fenék[2] и один бронзовый из венгерской же находки Kis-Kun-Halas.[3] У всех этих памятников не сохранилось основанія, а до нас дошли одни лишь передние подвесные части. Форма их вполне соответствует перещепинским псевдопряжкам с тем лишь отклонением, что, вместо напаянных полушариков на месте зева, у этих экземпляров оказываются ровные площадки. В Fenék они орнаментованы спиралями, а в Kis-Kun-Halas кружечками.[4]

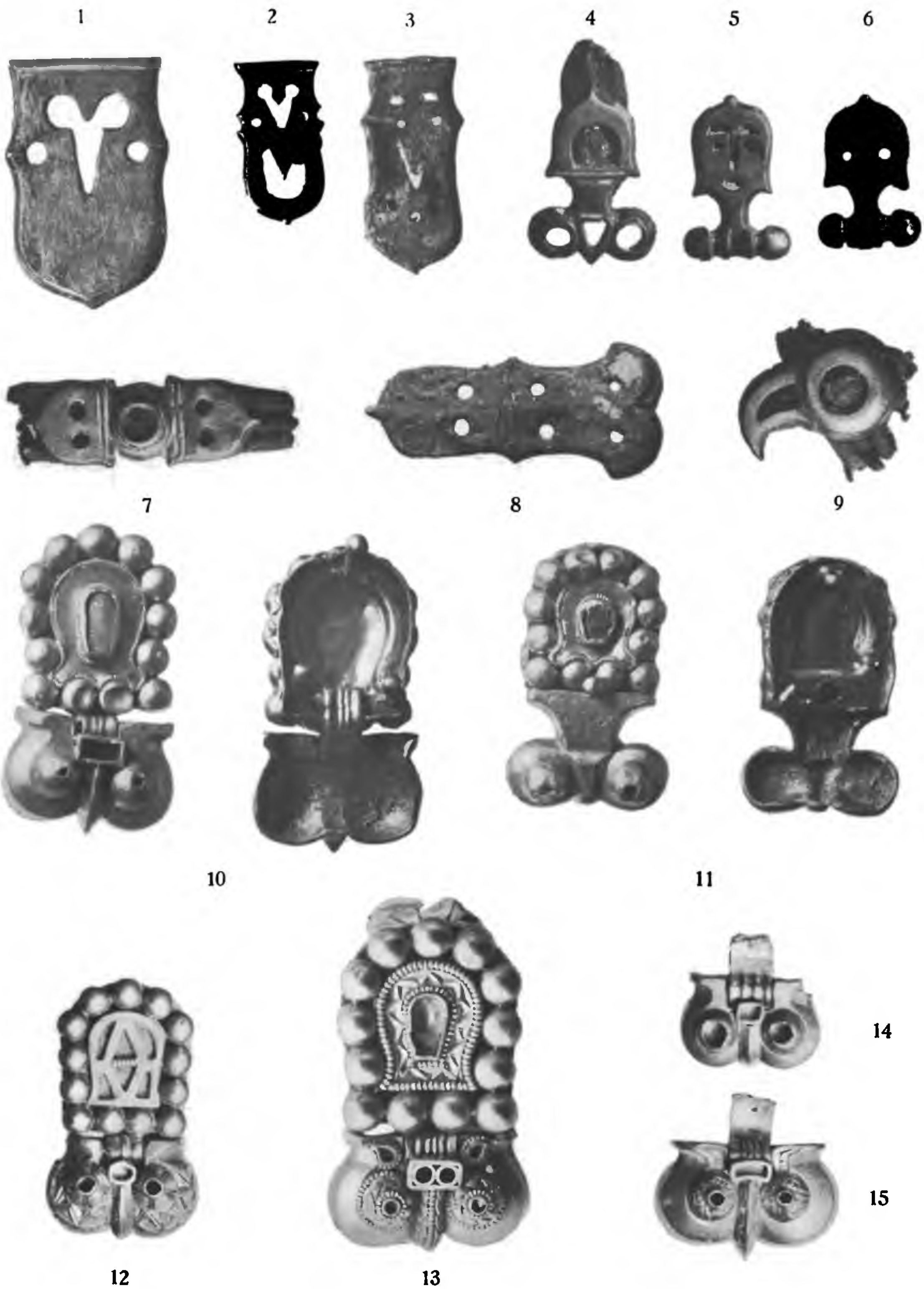
---

[1]) Venturi, II, fig. 39, №№ 14, 20.

[2]) Hampel, III, Taf. 180, № 4.

[3]) Там же, III, Taf. 427, № 4.

[4]) Быть может, в многочисленных изделиях того же времени, передающих и в общих очер-

1—9: Части поясного набора. Могильник Чми. Собр. Д. Я. Самоквасова. Государственный Исторический Музей в Москве (1. — 2436; 2. — 2437; 3. — 2618; 4. — 2463; 5. — 2467; 6. — 2464; 7. — 2462; 8. — 2617; 9. — 2465).
10—11. Золотые псевдопряжка и псевдопряжка-застежка от поясного набора. Перещепинский клад. Государственный Эрмитаж.
12—15. Золотые псевдопряжки в Венерском Национальном Музее. Будапешт.

С последними образцами из Венгрии любопытно сопоставить подобные же находки на территории России. У всех их ложное кольцо имеет косой срез боковых граней, а площадка на месте зева сохраняет очертания восьмерки и украшена, подобно Kis-Kun-Halas, двумя прорезными кружечками. Все литые из бронзы. Мне известны два экземпляра из района Новороссийска на Черноморском побережьи, хранящиеся в Историческом Музее в Москве,[1] и многочисленные примеры с северо-востока России. Наибольшее количество дал только что, в июне 1926 года, раскопанный А. В. Шмидтом могильник у с. Неволина на р. Ирени близ Кунгура Уральской области. Время раскопок совпало с моей научной командировкой в Кунгурский округ и я мог воспользоваться любезным приглашением всегда обязательного А. В. Шмидта посетить его работы. На мою долю выпала удача присутствовать при открытии могилы, в которой при непотревоженном костяке находился in situ кожаный пояс с тремя псевдопряжками. Кроме того, в других погребениях было найдено еще несколько отдельных псевдопряжек. На поясе все три экземпляра были помещены рядом один возле другого. Основания были наглухо укреплены на ремне при помощи припаянных снизу штифтов. Передние части, т. е., собственно, псевдопряжки свободно свисали вниз. Соединительных металлических шарниров не сохранилось; в одном случае псевдопряжка, кажется, была подвязана к основанию при помощи узкой полосы ремня. Основание всех неволинских псевдопряжек составляет щиток с небольшими заплечиками и заострением внизу. Боковые стороны имеют косой обрез, что так характерно для памятников определенного круга, как это было отмечено выше. Другие экземпляры псевдопряжек в районе бывшей Пермской губернии были найдены в д. Плесо и в бывшем Соликамском уезде.[2] Последние, как мне любезно сообщил А. В. Шмидт, хранятся в Пермском Музее и были найдены близ завода Майкор Верхне-Камского Округа Уральской области. B. Pósta, издавший рисунок с них, различает между ними Doppelbeschläge (a) и einfache Beschläge (b, c). Такое различие является недоразумением. Мы во всех случаях имеем здесь одинаковые экземпляры псевдопряжек, но две из них, как это подтвердил лично видевший их А. В. Шмидт, когда-то были искусственно соединены вместе в Пермском Музее, где и были так зарисованы Б. Поштой. Щитками, к которым подвешивались эти псевдопряжки, могли служить бляшки, изображенные у Б. Пошты на том же рисунке. При помощи штифта они плотно насаживались на ремень. У одного сохранилась пластинка, на которой могла быть подвешена псевдопряжка. Благодаря любезности А. В. Шмидта я мог ознакомиться еще с тремя совершенно такими же экземплярами в Музее Антропологии и Этнографии Академии Наук. Они происходят из раскопок Емельянова в селе Полом Вятской губернии.[3] Щитками, к которым они подвешивались, могли служить бляшки, аналогичные соликамским, у некоторых из которых также сохранились металлические пластинки для продевания сквозь вырез псевдопряжки.

ганиях и, иногда, даже в орнаментации стилистические черты пряжки, в изделиях, подобных найденным в венгерском могильнике Kunágota и мн. др., мы должны видеть дальнейшую стадию того же формообразующего процесса. Hampel, III, Taf. 261, Nr. 6.

[1]) МАК, II (1889), фот. XI.

[2]) Спицынъ, Древности Камской Чуди, тбл. XXII № 10 B. Pósta, ук. соч., Abb. 307.

[3]) Инв. №№: 1665/145, 147, 148. У № 1665/147 в прорезе сохранилась часть бронзовой пластинки шарнира.

А. В. Шмидт указал мне и наиболее восточную из известных находку псевдопряжки на Иртыше.[1] Основанием для нее могла служить бляшка (№ 14), изображенная у Heikel рядом с псевдопряжкой, близкая найденным в Неволине.

Широкий район распространения псевдопряжек, захватывающий даже медвежьи углы тогдашнего культурного мира, позволяет видеть в них отзвук мод какого-то одного крупного центра. Археологическое значение преобладает у этих неизменно повторяющихся изделий. Тем большее значение на фоне их получают, и каждый сам по себе и по их отношению к пряжкам, своеобразные роскошные образцы псевдопряжек Перещепинского клада и из Венгрии.

Жизненное ядро данного комплекса форм, ищущее полного раскрытия и выражения в процессе последовательного оформления, еще не исчерпало себя в описанных поделках, как показывают две иные псевдопряжки того же Перещепинского клада.[2] Их основание (т. IX, 11) вполне тожественно основанию описанных выше одиннадцати псевдопряжек. Оно то же плотно укреплялось на ремне при помощи петель, припаянных снизу к пластинке основания. Но в то время, как у первых передняя часть была подвижной, подвешенной к основанию при помощи пластинки, продернутой через специальное отверстие, у новой пары перещепинских псевдопряжек передняя часть неподвижная. Она отлита из золота отдельно и наглухо припаяна к основанию. Средоточием ее форм является ложный зев, напряженность выражения форм которого передана тем же, что и на первой группе псевдопряжек, негативным приемом напаянных полушариков. Кольцо с обычной обработкой на грани с косым срезом боковых сторон, низведено до минимума и служит как бы обрамлением или абрисом восьмерки ложного зева. Игла сделала еще больше уступок главенствующей части комплекса. Она в виде небольшого короткого выступа только расчленяет обе половины зева. Тыльная часть псевдопряжки получила большое развитие; заплечики кольца и шарнир слились в плоскую трапецевидную пластинку.

Эту новую стадию перещепинских псевдопряжек нельзя не сопоставить с многочисленными памятниками той же эпохи, которые в археологической литературе назывались и определялись различно.

Они входят в состав той своеобразной стилистической группы, на которую уже было обращено внимание выше и которая характеризуется сильной профилевкой с косым обрезом краев и прорезной орнаментацией. Известно очень значительное число таких предметов, найденных в различных местах.[3] Они состоят из небольшого поперечного бруска, соединенного со щитком основания при помощи пластинки или стержня. Основание снабжалось шипами или петлями для укрепления на ремне. Часть этих предметов являлась только ремен-

---

[1]) Heikel, ук. соч., pl. IX, № 13.

[2]) Эрмитаж. Инв. n°: Виз 914/99. Размеры: общая длин. 0m045; шир. спереди 0m028. Не воспроизведено в МАР, n° 34.

[3]) Для района Константинополя и Малой Азии: Извѣстия на Българското Арх. Друж., III, 324, обр. 255 = Archaeologischer Auzeiger, XXIX, (1914), 417-418. Н. П. Кондаковъ, Русскіе клады, I (П., 1896), табл. XIX. 6 (сохранился щиток основания и соединительная (?) часть). Для приадриатической Италии: Castel Trosino, fig. 93, 130, 232, tav. X, 11, Nocera Umbra (Venturi II, fig. 59). Lucca (B. Salin, Die altgermanische Thierornamentik, Stockholm, 1904, abb. 698). Для Венгрии и Германии: Fettich, Garnitures de fourreaux de sabres, pl. V n°n° 21, 23. Hampel, I, Fig. 854-857; II, 752; III, 38 n° 6, 161 n° 13, 180 n° 9, 266 n° 11, 284 n° 1. L. Lindenschmit, Handbuch der deutschen Alterthumskunde I, (Braunschweig, 1880-89), Fig. 402. L. Lindenschmit, Die Alterthümer

ными накладками-бляшками. Например, оба алтайские экземпляра из Кудырге снабжены и на щитке и на поперечном бруске штифтами для насаживания на ремень. Следовательно, они примыкали к ремню всей своей плоскостью. Другие имели и практическое значение. Они могли служить застежками, аграфами. На ремне укреплялся при помощи припаянного к щитку штифта только щиток, а поперечный брусок и соединительная часть оставались свободными. Поперечный брусок пропускался сквозь отверстие в ремне или ткани, или, быть может, через специальный металлический наконечник ремня с соответствующим вырезом. Ремень упирался в соединительную часть застежки, а поперечный брусок, повернутый поперек отверстия, не позволял ей выпасть (рис. в тексте). Возможно, что и пара перещепинских псевдопряжек служила застежками.

Выше уже несколько раз была отмечена исключительная неизменяемость изделий определенного круга, находимых в восточной Европе. Уже неоднократно указывалось, что район распространения предметов этого стиля теперь известен вплоть до Алтая. Тем важнее проследить редкие отклонения. Наиболее разнообразный ассортимент изделий мне известен в могильнике Чми. На таблице IX (р. 6 и 5) приведено два образца (№№ 2464, 2467) обычных застежек с поперечным бруском из этого могильника, хранящихся в Историческом Музее в Москве в составе коллекции Д. Я. Самоквасова. Рядом с ними (т. IX, 4) помещено изображение очень близкого им по форме предмета (№ 2463). Таковых в коллекции четыре экземпляра. Как ни близки они первым, они все-таки существенно отличаются от них. Поперечный брусок с окрулыми головками на концах здесь заменен более сложным комплексом форм, аналогичным паре перещепинских псевдопряжек-застежек. Здесь мы также видим отчетливо выраженными мотив иглы и восьмерки зева· Таким образом перещепинская пара не одинока, а находит видоизмененный отзвук на Кавказе. Весьма вероятно, что эта форма псевдопряжки, псевдопряжка-застежка сложилась на основе распространенных в быту застежек с поперечным бруском, концы которого обработаны в виде округлых головок. Тем любопытнее, что в прямолинейной „тау"-образной структуре таких застежек мог проявиться комплекс чуждых форм кольца и иглы пряжки. Тем

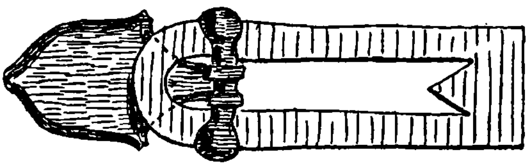

Схема предполагаемого употребления застежки с поперечным бруском.

---

unserer heidnischen Vorzeit, III (Mainz, 1881), Heft IV, Taf. 5 n° 6 (2776). Для Крыма и южной, России: четыре экземпляра в Эрмитаже из раскопок в Керчи в 1867-68, 1873 и 1904 г. г. Macpherson ук. соч., pl. V. Один экз. в бывш. собр. Новикова в Керчи, ныне в ГИМ в Москве (Отчетъ Р. Ист. Музея въ Москвѣ за 1883-1908 гг. (М., 1916), рис. 77). Репников, I, табл. V. 9-10; II, табл. XV. 10. B. Pósta, Abb. 226. 4, 282. Для Черноморского побережья и Кавказа: Саханев, ук. соч., рис. 22. 6 — восемь экз. Миллер, ук. соч., рис. 22, 3, 22. 9 — всего три экз. ОАК, 1902, рис. 203. Семь экз из могильника Чми в коллекции Самоквасова в ГИМ в Москве. Экземпляр из Камунты в коллекции Ольшевского в Эрмитаже. Riegl-Zimmermann, ук. соч., II, Fig. 36 (Кобань). Для юго-зап., центр. и сев.-вост. России: Бобринской, ук. соч., тбл. XIV. 3. Спицын, Древн. Оки и Камы, тбл. XVI. 4 = В. В. Гольмстен, Хронологическое значение эволюции древн. форм, Известия Самарск. Гос. Университета, V (1923), рис. 21. Aspelin, Autiquités, III (1878), n° 880. Два экземпляра из раскопок А. В. Шмидта близ с. Неволина б. Пермск. губ. Для Сибири: Heikel, ук. соч. pl. IX. 15 (?). Раскопки Глухова и Руденки в Кудырге на Алтае, n°n° 4389-22, 4150-122.

любопытнее, что живая сила формы подчиняет себе даже чуждые элементы, всюду ищет оформления, стремясь к исчерпывающему выражению — к полной жизни.

Мысль о стремлении творческой потенции формы к полной жизни была иллюстрована литературным образом Cavaliere Giambatista Piranesi из „Русских ночей" Одоевского. Неосуществленные, оставшиеся только лишь награвированными проекты Пиранези окружили своего творца, как призраки, „в образе дворцов, палат, домов, замков, сводов, колонн. Все они вместе давили меня своею громадою и с ужасным хохотом просили у меня жизни..." Они „допытываются, зачем осудил я их на жизнь неполную..."[1]

Такое вот стремление потенции художественной формы к полной жизни, к становлению, наблюдаем на пряжках и на псевдопряжках Перещепинского клада. Большая золотая пряжка с кольцом и иглой и — как противоположный полюс — псевдопряжка-застежка, отдавшая все напряжение зеву, то-есть, внутренней, пустой полости кольца, равноценны в процессе оформления. Крупнейший исторический факт, что и пряжка и псевдопряжки, найденные в одном кладе, были сделаны, как и их повсеместные аналогии, в одно время, когда, историческое бытие пряжек этого стиля еще не заканчивалось, когда их форма еще не изживала себя. Перещепинская пряжка и псевдопряжки не исторические ступени расцвета, умирания и вырождения, а активное проявление живой формы.

Л. А. Мацулевич.

---

[1]) В. Ф. Одоевскій, Русскія ночи, Изданіе книгопродавца Иванова. Спб., 1844. Ночь третья — Opere del Cavaliere Giambatista Piranesi.

БОГЪ-ВСАДНИКЪ

НА ЮГѢ РОССІИ, ВЪ ИНДО-СКИѲІИ И ВЪ КИТАѢ[1]

ПОСВЯЩАЕТСЯ С. А. ЖЕБЕЛЕВУ

Не хотѣлось бы мнѣ, дорогой и далекій другъ мой, чтобы Сборникъ въ твою честь (какъ мы постарѣли! Давно ли мы издавали Сборники въ честь нашихъ учителей?) не содержалъ хотя бы нѣсколькихъ словъ, написанныхъ мною. Судьба насъ разлучила, но узы дружбы и общность интересовъ продолжаютъ соединять насъ и черезъ океанъ.

Когда-то, когда мы еще были вмѣстѣ и когда наша небольшая группа („однихъ уже нѣтъ, а тѣ далече") такъ дружно работала надъ исторіей и археологіей юга Россіи, въ твое секретарство и подъ предсѣдательствомъ незабвеннаго П. В. Никитина я прочелъ въ засѣданіи Императорскаго Археологическаго Общества, нынѣ покойнаго, докладъ „Представленія о монархической власти въ Скиѳіи и на Боспорѣ", позднѣе напечатанный.

Въ немъ я старался доказать, что рядъ изображеній на золотыхъ и серебряныхъ вещахъ изъ скиѳскихъ кургановъ IV и III-го в. до Р. Хр. имѣютъ несомнѣнно религіозный характеръ и изображаютъ инвеституру царя богомъ или богиней, пріобщеніе царя власти черезъ посредство священнаго напитка, поданнаго богомъ или богиней царю въ священномъ ритонѣ. Наиболѣе ясна и убѣдительна сцена на ритонѣ изъ Карагодеуашха, гдѣ богъ на лошади пріобщаетъ власти царя также на лошади. Въ этой статьѣ и позднѣе въ моей „Декоративной живописи" и въ краткой французской статьѣ, посвященной тому же вопросу (Rev. d. Et. Gr. 1920), я старался доказать, что идея эта — иранская и что богъ пріобщающій есть никто иной какъ Аура-Мазда, до-зороастровой и зороастровой религіи. На это такъ ясно указывали фигуры простертыхъ враговъ подъ ногами лошадей бога и царя, символъ иранскаго дуализма, побѣды добра надъ зломъ.

Характерно, что черезъ рядъ столѣтій та-же идея и то-же художественное ея выраженіе встрѣчается на рядѣ Сассанидскихъ печатей, часть которыхъ я опубликовалъ. Лакуну въ рядѣ столѣтій въ то время я заполнить не могъ, но связь памятниковъ юга Россіи съ Сассанидской Персіей мнѣ казалась несомнѣнной. Съ тѣхъ поръ моя гипотеза нашла себѣ одно подтвержденіе за другимъ въ рядѣ новооткрытыхъ памятниковъ.

Начнемъ съ запада. Рядъ памятниковъ, подтверждающихъ мою гипотезу, найденъ былъ во Ѳракіи. Та-же сцена пріобщенія (богиня и царь) изображена на кольцѣ изъ Брезово IV-го — III-го в. до Р. Хр., т. е. на памятникѣ одновременномъ памятникамъ изъ Карагодеуашха. Опять она же распредѣлена между

---

[1]) Изъ рукописнаго сборника въ честь С. А. Жебелева.

двумя фаларами изъ Галиче, о которыхъ я говорю въ статьѣ въ память общаго нашего учителя и друга, покойнаго Н. П. Кондакова. Фалары эти, какъ я доказалъ въ этой статьѣ, относятся къ поздне-эллинистическому времени, ко II—I в. до Р. Хр. Богиня этихъ болгарскихъ памятниковъ, конечно, мѣстная „великая мать", по существу та-же, что и на югѣ Россіи. Но сцена пріобщенія пришла сюда, какъ и въ Румынію, съ юга Россіи, куда ее принесли иранцы-скиѳы, которымъ не чуждъ былъ на родинѣ и культъ „великой богини матери" степей юга Россіи и Ѳракіи.

Культъ великаго бога-всадника и богини-матери прочно привился въ степяхъ и горахъ Ѳракіи. Объ этомъ свидѣтельствуютъ недавнія находки вотивныхъ иконокъ съ ихъ изображеніями въ Разградѣ. Широко разлился культъ великой пары или троицы и по М. Азіи, врядъ ли только среди мало-азійскихъ ѳракійскихъ племенъ. Это я показалъ какъ въ упомянутой русской статьѣ, такъ и въ особой статьѣ „Une tablette Thraco-Mithriaque" въ Mémoires Французской Академіи. Иранскія идеи въ этомъ культѣ никогда не умирали. Особенно пышно расцвѣли онѣ, однако, въ религіи солдатъ римской императорской Дунайской арміи, начиная со II в. по Р. Хр. Памятниками этого новаго религіознаго синкретизма являются вотивныя мраморныя и свинцовыя таблички, на которыхъ изображены до-индоевропейская „великая мать" и два индо-европейскихъ великихъ бога-воителя, назовите ихъ Діоскурами, какъ ихъ назвали Греки, или Кабирами, какъ ихъ звали на Самоѳракѣ, или Героями, какъ ихъ назвали ѳракійцы, или Миѳрами, какъ ихъ звали, вѣроятно, римскіе солдаты, одѣвая ихъ въ восточный костюмъ. Во всякомъ случаѣ, боги эти или этотъ удвоенный богъ были богами синкретистическими, и иранскій элементъ въ ихъ мистическомъ культѣ и въ идеяхъ о нихъ ихъ почитателей едва ли не преобладалъ. На это указываетъ и то, что какъ боги побѣдители, боги добра, они попираютъ ногами своихъ лошадей поверженныхъ враговъ, и то, что церемоніи ихъ культа, особенно посвященія, такъ близки церемоніямъ культа Миѳры.

Культъ великаго бога и богини пышно расцвѣлъ не только во Ѳракіи. Онъ удержался и на югѣ Россіи, въ ея „сарматскую" эпоху, смѣнившую скиѳскую. И это я доказалъ въ своей русской статьѣ, опираясь какъ на монеты, такъ и на изображенія на нѣкоторыхъ золотыхъ погребальныхъ вѣнцахъ. Фигуру царя на лошади съ поднятой правой рукой на монетахъ боспорскихъ царей я объяснилъ какъ фигуру полу-иранскаго боспорскаго владыки, адорирующаго верховнаго бога или верховную богиню. Мнѣ возражалъ въ свое время уважаемый А. В. Орѣшниковъ. Онъ думалъ, что жестъ царя не есть жестъ адораціи, а жестъ аллокуціи, какъ на современныхъ римскихъ монетахъ, откуда эта фигура заимствована. Думаю, что А. В. Орѣшниковъ ошибается. Жестъ аллокуціи понятенъ тогда, когда передъ императоромъ есть слушатели-солдаты. Тотъ же жестъ передъ алтаремъ, какъ на одномъ изъ золотыхъ вѣнцовъ Боспора, не можетъ быть жестомъ аллокуціи, а только жестомъ адораціи. То-же и на монетахъ. Ни разу передъ царемъ не изображены его подданные или солдаты, но иногда передъ нимъ имѣется бюстъ Великой Богини въ контрмаркѣ и почти всегда этотъ бюстъ или вся фигура богини украшаетъ оборотъ монеты.

Не такъ увѣренъ я и въ томъ, что поднятая правая рука на монетахъ М. Аврелія и въ его статуѣ на Капитоліи воспроизводитъ жестъ аллокуціи. Всѣмъ извѣстна стоическая религіозность М. Аврелія, его вѣра въ высшее существо, и вполнѣ понятно, что на его памятникахъ жестъ аллокуціи превра-

тился въ жестъ адораціи. Какъ ни рѣшать вопросъ для М. Аврелія, несомнѣнно, что на боспорскихъ монетахъ царь дѣлаетъ жестъ адораціи.

Подтвержденіемъ этого положенія служитъ та-же эволюція типа царя всадника на монетахъ греческихъ, греко-индійскихъ, индо-скиѳскихъ и парѳяноиндійскихъ царей и царьковъ сѣв. Индіи и Бактріи. На монетахъ индо-греческихъ царей долины Кабула и Панджаба: Антимаха, Гиппострата, Гермэя (конецъ II в. до Р. Хр.) мы имѣемъ постоянно чисто греческую фигуру царя воителя и героя на лошади [V. A. Smith, Catalogue of the coins in the Indian Museum of Calcutta, 1906, табл. VI, 3, 4, (Антимахъ), 7 (Гиппостратъ), 11 (Гермэй)], какъ на раннихъ монетахъ Боспорскаго царства. Эту фигуру удерживаютъ и индо-парѳянскіе или сакскіе цари. Она постоянный типъ Азы I, царя Таксилы и з. Панджаба (см. ibid., p. 43, no 3—22), и попадается также позднѣе.

Но рядомъ съ ней на монетахъ парѳянскихъ и индо-парѳянскихъ царей Мауы (Maues) (Таксила), Вонона и его братьевъ (Дрангіана), Азы I (Таксила) и его преемниковъ Азилиса и Азы II-го, а также на монетахъ индо-парѳянскихъ царей долины Инда — Гондофарна и его преемниковъ появляется новый типъ царя-всадника (см. табл. X). Эти цари-всадники не носятъ болѣе греческаго костюма и греческаго вооруженія, они не аттакуютъ врага, какъ ихъ греческіе коллеги. Какъ ихъ родственники на Боспорѣ, они сидятъ торжественно на лошади, въ своемъ иранскомъ костюмѣ, часто съ лукомъ и колчаномъ и подымаютъ правую руку, въ которой иногда видна нагайка, иногда другой трудно распознаваемый предметъ. Иногда впрочемъ въ правой рукѣ нѣтъ ничего. Нѣтъ сомнѣнія, что всѣ они адорируютъ божество. Нагайка, какъ и для скиѳскихъ царей, для нихъ символъ власти, какъ сѣкира и скипетръ (возможно, что на нѣкоторыхъ монетахъ въ правой рукѣ царя не нагайка, а сѣкира или скипетръ).

Параллель получается полная. Не забудемъ, что саки и парѳяне такіе же иранцы, что и сарматы, и что, по всей вѣроятности, общее имя сарматовъ дано греками юга Россіи по недоразумѣнію первымъ племенамъ саковъ, надвинувшимся послѣ Александра на степи юга Россіи и появившимся на югѣ Россіи въ предѣлахъ Боспорскаго царства изъ за Дона и Азовскаго моря, гдѣ жили, согласно грекамъ, савроматы. Отъ саковъ и парѳянъ къ сассанидскимъ персамъ съ ихъ печатями — дорога прямая, и здѣсь такимъ образомъ ближайшее ознакомленіе съ матеріаломъ заполняетъ лакуну между IV в. до Р. Хр. и III—IV в. по Р. Хр.

Мы видѣли, однако, что царь на лошади на памятникахъ IV в. до Р. Хр. на югѣ Россіи соотвѣтствуетъ конному же богу. Такой конный богъ имѣется и на монетахъ сѣв. Индіи. A. Cunningham цитируетъ въ своей статьѣ объ индоскиѳскихъ божествахъ (Babylonian and Oriental Record II (1887—1888), стр. 43 сл.) монету своей коллекціи, на которой изображенъ богъ на лошади съ двумя (!) головами. Легенда MAZΔOOANO (см. рис. 1 таб. X увеличеніе съ монеты Cunningham'a, нынѣ въ Брит. Музеѣ). Эту легенду E. W. West (тамъ же стр. 236) объясняетъ или какъ „Mazda-smiting", т. е. „уничтожитель Мазды" (принимая, что царь былъ врагомъ культа Мазды, что конечно невозможно,) или „The spiritual faculties of Mazda", что гораздо болѣе вѣроятно. Кромѣ того среди монетъ Канишки имѣются монеты, гдѣ богъ изображенъ рядомъ съ лошадью. Легенда на монетахъ называетъ бога именемъ ΛΡΟΟΑСПО, что A. Stein толкуетъ какъ кушанское измѣненіе извѣстнаго зендскаго эпитета бога Солнца или „Сына водъ" „Aurvat-aspa" — „быстроконный" (см. A. Stein въ Indian Antiquary 17, 1888, стр. 89

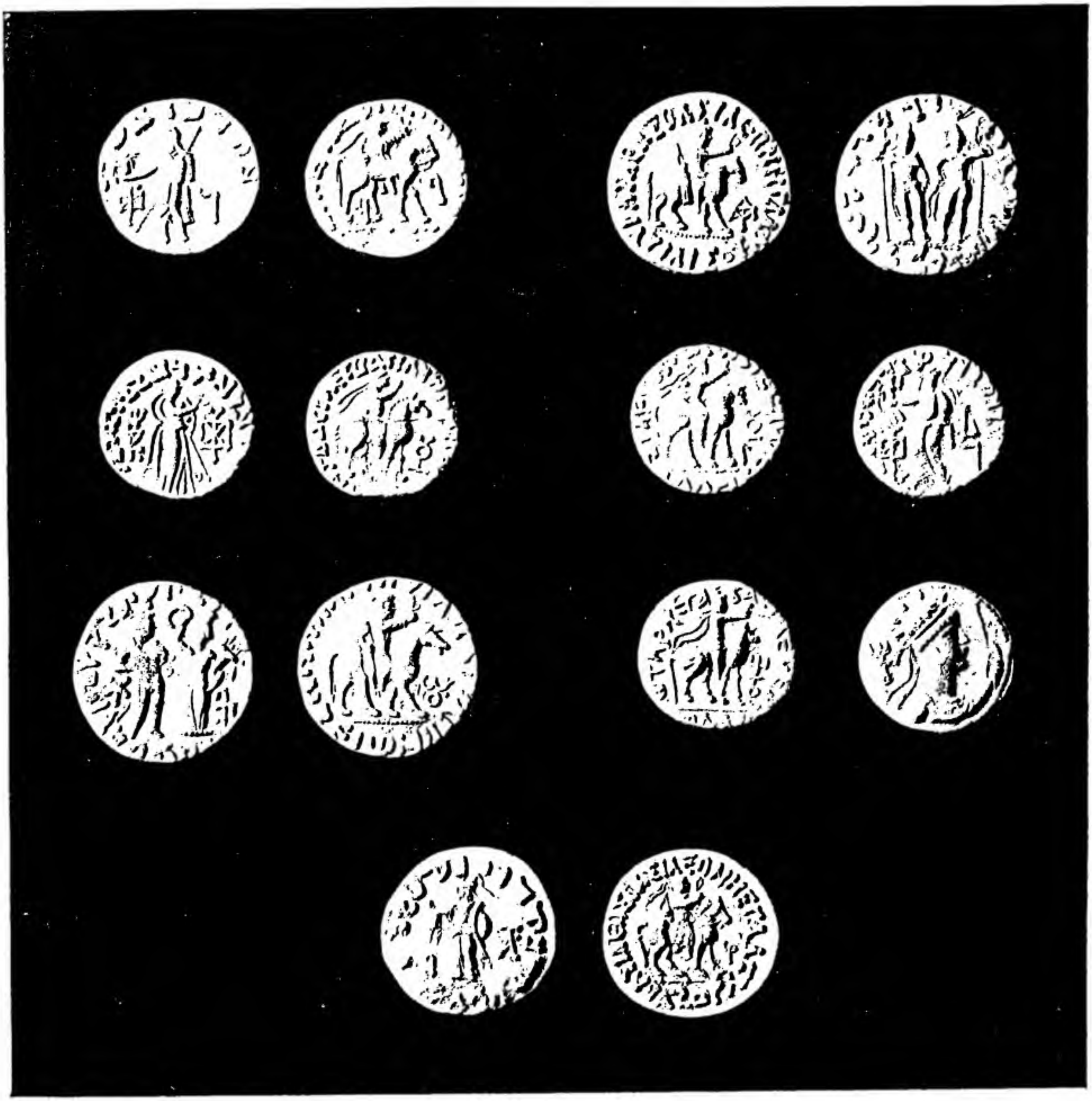
сл.; воспроизвожу два варіанта этой монеты изъ экземпляровъ Британскаго музея, см. рис. 2 и 3 таб. X).

Въ индо-скиѳской сферѣ, однако, фигура бога и молящагося царя на лошади или на другомъ животномъ не такъ необычна, какъ это кажется на первый взглядъ. На одной серебряной чашкѣ изъ дер. Нижне-Шахаровки, Красноуфимскаго у. Пермской губ. съ пехлевійской надписью, разобрать которую покойному В. Залеману не удалось (Я. И. Смирновъ, Восточное Серебро, табл. XX № 46), изображенъ на донышкѣ сосуда индо-скиѳскій всадникъ съ длинными прямо спадающими волосами, въ типичномъ сарматскомъ костюмѣ (кафтанъ съ отворотами, поясъ, штаны, мягкіе сапоги) и съ типичнымъ горитомъ на сѣдлѣ. Уздечка лошади также типично сарматская (круглые фалары на соединеніи ремней). Къ сожалѣнію описанія чаши Смирновъ не далъ. Самъ я чаши въ рукахъ не держалъ и ее не изслѣдовалъ. Судя по фототипіи, однако, за плечами этого всадника изображенъ либо полумѣсяцъ либо нимбъ. Если это такъ, то передъ нами несомнѣнно или царь, или богъ. Полумѣсяцъ за плечами бога обыченъ на кушанскихъ монетахъ изображающихъ бога-Мѣсяца. Укажу на монеты Канишки (V. Smith, l. c., стр. 20, № 3 и 4 съ надписью Мао) и Гувишки (ibid. p. 76, № 4 pl. XII, 9, надпись Manao bago, особенно же ibid. № 5 и 6, pl. XII, 10, гдѣ богъ изображенъ съ мечомъ на поясѣ и съ узломъ въ рукахъ; костюмъ его не греческій, прическа индійская; надпись Мао). Одновременно и позднѣе кушанскіе обожествленные цари въ типичномъ военномъ кушанскомъ костюмѣ и вооруженные изображаются съ аттрибутами боговъ и съ нимбомъ за плечами (Гувишка и Васудева). На нѣкоторыхъ монетахъ нимбъ можно принять за полумѣсяцъ.

Вопросъ о датѣ сосуда разрѣшить трудно. Смирновъ датируетъ сосудъ VII—VIII в. по Р. Хр. на основаніи сходства съ монетами китайско-тюркскими. На мой взглядъ аналогія съ кушанскими монетами болѣе убѣдительна и я датировалъ бы чашу II—III в. по Р. Хр., никакъ не позже IV-го.

Съ этимъ всадникомъ я бы сопоставилъ фигуру всадника изъ Пермскаго уѣзда Пермской губ. изъ мѣстности около рѣчки Малый Туй, недавно опубликованную А. В. Шмидтомъ въ Зап. Коллегіи Востоковѣдовъ т. I, 1925. Сохранилась только человѣческая фигура и сѣдло; лошадь не была найдена. Костюмъ всадника — сарматскій. Кафтанъ со складками (не кожаный, а изъ мягкой матеріи), поясъ, мягкіе штаны и мягкіе сапоги. Всадникъ бородатъ и съ пышной шевелюрой. Глаза смотрятъ на небо. Въ правой рукѣ онъ, судя по описанію Шмидта, держитъ нагайку, въ лѣвой возжи лошади. Я не увѣренъ, правильно ли описаніе Шмидта. Фигурки я въ Эрмитажѣ не видалъ. Возможно, что въ правой рукѣ у него ремень или нагайка, какъ у царей индо-скиѳскихъ монетъ (см. выше), въ лѣвой не возжи, а узелъ, какъ часто въ рукахъ боговъ на кушанскихъ монетахъ. Фигура всадника — полая. Верхъ головы открывается.

Шмидтъ относитъ фигурку всадника къ позднему времени (VI—VII в.) и считаетъ ее средне-азіатского дѣла. Со вторымъ я согласенъ, съ первымъ нѣтъ. Голова всадника настолько близка къ нѣкоторымъ скульптурамъ Гандары, особенно къ головамъ изъ штукатурки (см. особенно голову изъ Сиркапа Archaeol. Survey of India, Ann. Rep. 1912—1913, pl. XVII; голову яксы въ Берлинскомъ Этногр. Музеѣ A. Foucher, l'Art greco-bouddhique du Gandhâra, II, стр. 23, рис. 313; фигуру Варжапани тамъ же ibid. стр. 49, рис. 326 и рядъ другихъ головъ, стоящихъ подъ вліяніемъ типа Геракла, столь популярнаго въ искусствѣ Гандары), что

1 3 2

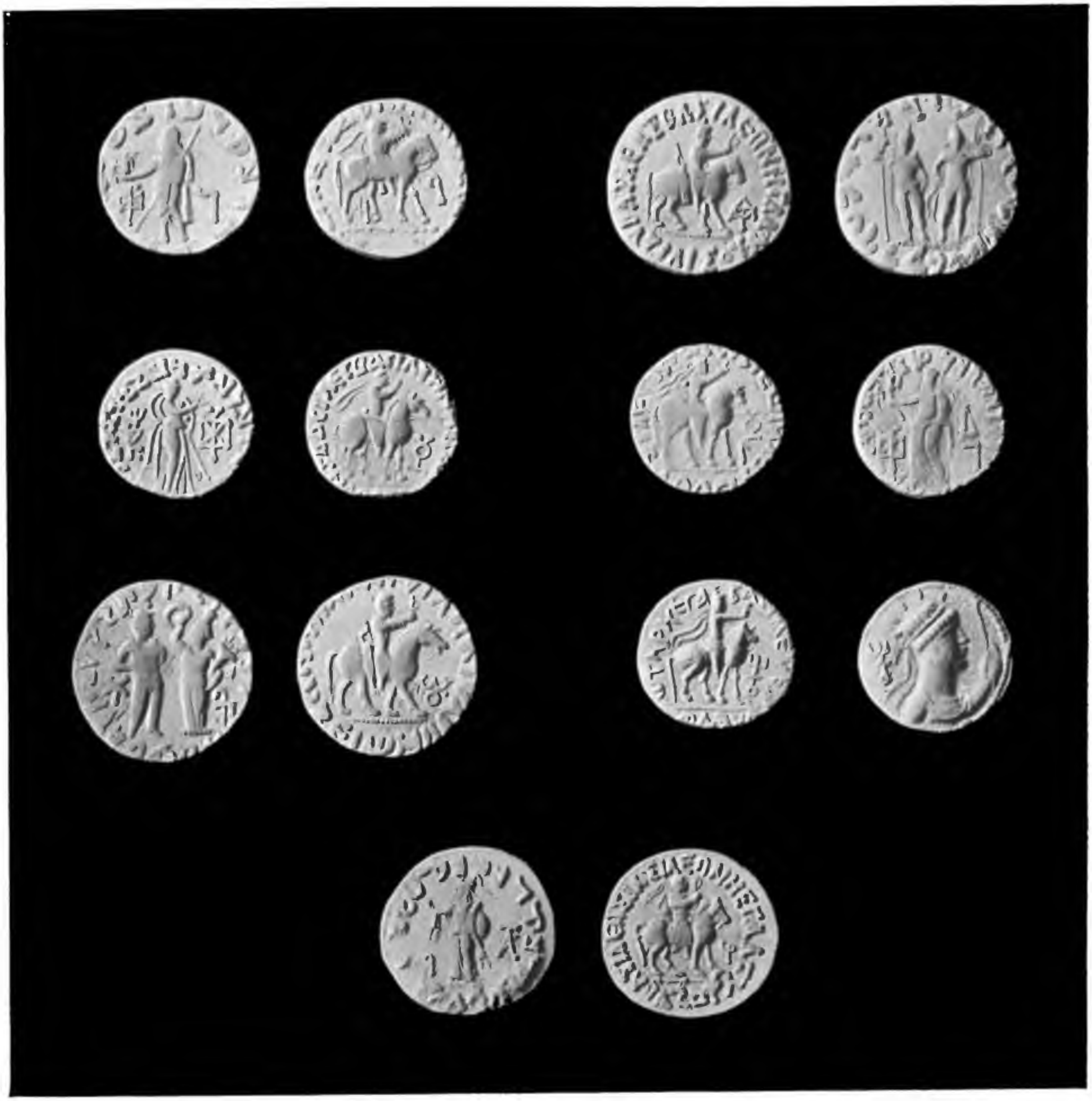
сл.; воспроизвожу два варіанта этой монеты изъ экземпляровъ Британскаго музея, см. рис. 2 и 3 таб. X).

Въ индо-скиѳской сферѣ, однако, фигура бога и молящагося царя на лошади или на другомъ животномъ не такъ необычна, какъ это кажется на первый взглядъ. На одной серебряной чашкѣ изъ дер. Нижне-Шахаровки, Красноуфимскаго у. Пермской губ. съ пехлевійской надписью, разобрать которую покойному В. Залеману не удалось (Я. И. Смирновъ, Восточное Серебро, табл. XX № 46), изображенъ на донышкѣ сосуда индо-скиѳскій всадникъ съ длинными прямо спадающими волосами, въ типичномъ сарматскомъ костюмѣ (кафтанъ съ отворотами, поясъ, штаны, мягкіе сапоги) и съ типичнымъ горитомъ на сѣдлѣ. Уздечка лошади также типично сарматская (круглые фалары на соединеніи ремней). Къ сожалѣнію описанія чаши Смирновъ не далъ. Самъ я чаши въ рукахъ не держалъ и ее не изслѣдовалъ. Судя по фототипіи, однако, за плечами этого всадника изображенъ либо полумѣсяцъ либо нимбъ. Если это такъ, то передъ нами несомнѣнно или царь, или богъ. Полумѣсяцъ за плечами бога обыченъ на кушанскихъ монетахъ изображающихъ бога-Мѣсяца. Укажу на монеты Канишки (V. Smith, l. c., стр. 20, № 3 и 4 съ надписью Мао) и Гувишки (ibid. p. 76, № 4 pl. XII, 9, надпись Manao bago, особенно же ibid. № 5 и 6, pl. XII, 10, гдѣ богъ изображенъ съ мечомъ на поясѣ и съ узломъ въ рукахъ; костюмъ его не греческій, прическа индійская; надпись Мао). Одновременно и позднѣе кушанскіе обожествленные цари въ типичномъ военномъ кушанскомъ костюмѣ и вооруженные изображаются съ аттрибутами боговъ и съ нимбомъ за плечами (Гувишка и Васудева). На нѣкоторыхъ монетахъ нимбъ можно принять за полумѣсяцъ.

Вопросъ о датѣ сосуда разрѣшить трудно. Смирновъ датируетъ сосудъ VII—VIII в. по Р. Хр. на основаніи сходства съ монетами китайско-тюркскими. На мой взглядъ аналогія съ кушанскими монетами болѣе убѣдительна и я датировалъ бы чашу II—III в. по Р. Хр., никакъ не позже IV-го.

Съ этимъ всадникомъ я бы сопоставилъ фигуру всадника изъ Пермскаго уѣзда Пермской губ. изъ мѣстности около рѣчки Малый Туй, недавно опубликованную А. В. Шмидтомъ въ Зап. Коллегіи Востоковѣдовъ т. I, 1925. Сохранилась только человѣческая фигура и сѣдло; лошадь не была найдена. Костюмъ всадника — сарматскій. Кафтанъ со складками (не кожаный, а изъ мягкой матеріи), поясъ, мягкіе штаны и мягкіе сапоги. Всадникъ бородатъ и съ пышной шевелюрой. Глаза смотрятъ на небо. Въ правой рукѣ онъ, судя по описанію Шмидта, держитъ нагайку, въ лѣвой возжи лошади. Я не увѣренъ, правильно ли описаніе Шмидта. Фигурки я въ Эрмитажѣ не видалъ. Возможно, что въ правой рукѣ у него ремень или нагайка, какъ у царей индо-скиѳскихъ монетъ (см. выше), въ лѣвой не возжи, а узелъ, какъ часто въ рукахъ боговъ на кушанскихъ монетахъ. Фигура всадника — полая. Верхъ головы открывается.

Шмидтъ относитъ фигурку всадника къ позднему времени (VI—VII в.) и считаетъ ее средне-азіатского дѣла. Со вторымъ я согласенъ, съ первымъ нѣтъ. Голова всадника настолько близка къ нѣкоторымъ скульптурамъ Гандары, особенно къ головамъ изъ штукатурки (см. особенно голову изъ Сиркапа Archaeol. Survey of India, Ann. Rep. 1912—1913, pl. XVII; голову яксы въ Берлинскомъ Этногр. Музеѣ A. Foucher, l'Art greco-bouddhique du Gandhâra, II, стр. 23, рис. 313; фигуру Варжапани тамъ же ibid. стр. 49, рис. 326 и рядъ другихъ головъ, стоящихъ подъ вліяніемъ типа Геракла, столь популярнаго въ искусствѣ Гандары), что

1　　3　　2

нѣтъ возможности провести рѣзкую грань въ нѣсколько столѣтій между Эрмитажной статуэткой и Гандарскими скульптурами. Мягкіе рубашки и штаны и мягкая обувь также обычны на фигурахъ дарителей Гандарскихъ скульптуръ (Foucher, l. c., стр. 93, рис. 351 и 352). Въ фигурѣ Эрмитажа я склоненъ былъ бы поэтому видѣть фигуру царя или бога индо-скиѳскаго или кушанскаго круга.

Ближайшую аналогію Эрмитажной фигурѣ представляетъ бронзовая позолоченная фигура всадника на фантастическомъ звѣрѣ, которую мнѣ удалось видѣть въ колл. C. T. Loo въ Нью Іоркѣ и которую я здѣсь воспроизвожу (табл. XI; нынѣ въ колл. Mrs John D. Rockefeller). Фигура, нѣсколько меньшихъ размѣровъ, чѣмъ фигура Эрмитажа (выс. 12 сант., длина 10 сант.), изображаетъ усатаго и бородатаго простоволосаго мужчину въ кожаномъ кафтанѣ и широкихъ штанахъ, съ вышитыми лампасами, въ мягкой обуви. Въ обоихъ ушахъ — круглыя серьги. Въ правой рукѣ фигура держитъ большой стаканъ, въ лѣвой патеру. Изображена она либирующей. Глаза узкіе, но не раскосые. Сидитъ она верхомъ на фантастическомъ крылатомъ львѣ (двѣ пары крыльевъ — на переднихъ и на заднихъ ногахъ). Грива льва стилизована: на груди она имѣетъ форму пальметки, на сторонахъ форму двухъ стилизованныхъ колецъ. Пасть открыта. Языкъ высунутъ. Фигурка полая. Верхъ головы (потерянъ) служилъ крышкой. Тремя гвоздями фигура была прибита къ какой-то плоской поверхности. Какъ видимъ, аналогія Эрмитажному всаднику почти полная.

Художественный стиль, въ которомъ сработана статуэтка, опредѣляется какъ костюмомъ всадника и типомъ его головы, такъ и характеромъ фигуры фантастическаго льва. Не можетъ быть сомнѣнія, что фигура человѣка необычайно близка фигурамъ индо-скиѳскихъ и кушанскихъ царей на ихъ монетахъ. Но особенно характерна аналогія въ трактовкѣ фигуры льва на статуэткѣ и на скульптурныхъ памятникахъ Гандарскаго стиля. См. напр., фигуру льва изъ музея Лагоры съ такой же стилизаціей шерсти на груди въ видѣ пальметки, съ такими же глазами и съ тѣмъ же высунутымъ языкомъ (Foucher, l. c., I, стр. 211, рис. 88, b, ср. боковыя косы на львѣ оттуда же ibid. c). Того же типа и двѣ фигуры львовъ изъ того же музея (id. ibid. стр. 216, рис. 92, a и b) и фигура льва изъ музея въ Лахнау (изъ Маѳуры; ibid. стр. 217, рис. 39). Эта стилизація льва такъ необычна, что во вліяніи сѣверно-индійскаго искусства на нашу статуэтку сомнѣнія быть не можетъ.

Фигура человѣка также находитъ себѣ аналогіи въ скульптурахъ Гандары. На одномъ фрагментѣ изъ Лагорскаго музея изображенъ Будда и рядомъ съ нимъ Кушанскій царь или царь въ кушанскомъ костюмѣ, которому слуга, въ „варварскомъ“ костюмѣ подноситъ блюдо или, скорѣе, патеру съ крышкой (царь правую руку положилъ на крышку сосуда). Въ лѣвой рукѣ царь, какъ кажется, держитъ стаканъ (Foucher, l. c., II, 92, рис. 353).

Всѣ аналогіи ведутъ насъ, такимъ образомъ, въ Кушанскую Индо-Скиѳію. И тѣмъ не менѣе, наша статуэтка не индо-скиѳскаго дѣла, какъ статуэтка изъ Туя. Помимо того что она найдена въ Китаѣ, рядъ аналогій съ китайскими датированными скульптурами, о которыхъ я говорю въ особой статьѣ (Monuments et Mémoires Piot, 1927), позволяютъ съ увѣренностью сказать, что она работы китайскаго мастера II-го или III в. по Р. Хр.

Этотъ выводъ, къ которому привело насъ наше изслѣдованіе, въ высокой степени важенъ. Онъ не только доказываетъ, что типъ бога всадника — иран-

скій въ своей основѣ — проникъ и въ Китай, но, что еще важнѣе, вскрываетъ основы китайскаго искусства эпохи Ханъ, искусства столь блестящаго и многообразнаго. Объ этихъ основахъ я говорилъ не разъ. Одна изъ нихъ, до сихъ поръ мало выясненная, ведетъ насъ въ тѣ части Центральной Азіи, гдѣ родился звѣриный стиль. Другая, давно уже распознанная и теперь такъ блестяще подтвержденная находками Козлова въ Монголіи, несомнѣнно идетъ изъ нѣдръ восточнаго, сирійскаго или мало-азійскаго эллинизма, вѣроятно, черезъ посредство Бактріи и Парѳіи. Третья, я думаю, ясна читателямъ послѣ прочтенія этой краткой замѣтки. Это — то мѣстное индо-скиѳское или индо-парѳянское искусство, которое сложилось въ эпоху поздняго эллинизма и ранней римской имперіи въ сѣв. Индіи отъ смѣшенія ранне-индійскаго, персидскаго и греческаго искусства. Вліяніе этой послѣдней струи, какъ и вліяніе первыхъ двухъ на искусство Китая не было длительнымъ. Художественный геній Китая слилъ всѣ эти теченія съ мѣстными достиженіями богатаго артистическаго прошлаго Китая. То, что создалось, оказалось, однако, чѣмъ то въ основаніяхъ своихъ новымъ, тѣмъ новымъ искусствомъ, которое мы теперь называемъ китайскимъ, и которое такъ же далеко отъ китайскаго искусства эпохи Чу, какъ и отъ искусства скиѳскаго, греческаго и индо-скиѳскаго.

Мѣсто происхожденія и дата нашей фигурки такимъ образомъ устанавливается съ достаточной точностью. Каково же ея назначеніе? Какъ и Эрмитажный всадникъ фигура — полая. Ясно, что въ ней могла быть и бывала жидкость. Питьевымъ сосудомъ она не была, т. к. она очевидно сама стояла пригвожденной къ какому то сравнительно большому предмету. Ясно, что она служила для либацій, для того же акта, который она сама совершаетъ. И ясно, что она украшала какой то священный предметъ: скорѣе всего ящикъ или пиксиду, въ которой находились какія нибудь реликвіи. Недавно открытый реликварій Канишки (см. напр., Foucher, l. c., II, 2, табл. въ концѣ тома) сдѣланъ изъ такой же позолоченной бронзы и украшенъ фигурами на крышкѣ. На рельефахъ, украшающихъ реликварій, изображенъ самъ царь, съ богами солнца и луны по сторонамъ. Думается, что какой либо царь изображенъ и на нашей статуэткѣ и можетъ быть также (если не богъ) на статуэткѣ Эрмитажа.

Въ предѣлахъ Иранскаго міра статуэтки такого типа не необычны. См. напр., фигуру бога верхомъ на грифонѣ на одномъ изъ каменныхъ круговъ вѣроятно изъ Таксилы, нынѣ въ Британскомъ музеѣ (O. M. Dalton, The treasure of the Oxus, 2 изд. 1926 p. XXVI № 197) и фигуры сассанидскихъ царей на грифонѣ и крылатыхъ лошадяхъ (персидскія шелковыя ткани F. Sarre, Die Kunst des alten Persien, табл. 98 и 99). Въ заключеніе отмѣчу аналогію либирующей фигурѣ царя къ извѣстной фигурѣ богини — скульптурной „эмблемѣ“ извѣстной золотой патеры изъ Петроасы. Она держитъ совершенно такой же стаканъ въ рукахъ, какъ и фигура изъ колл. Лу.

Далеко увели насъ, дорогой Сергѣй Александровичъ, аналогіи и сближенія изъ юга Россіи. Но югъ Россіи, какъ я много разъ старался показать, такъ же близокъ Европѣ, какъ и Азіи. Культурныя вліянія проникали туда и съ Востока и съ Запада. И только тотъ, кто знаетъ и Востокъ, и Западъ, пойметъ и оцѣнитъ историческое наслѣдіе юга Россіи.

М. И. Ростовцевъ.

ГРЕЧЕСКИЙ ДЕРЕВЯННЫЙ РЕЗНОЙ ПОСТАВЕЦ ПОД КРЕСТ ИЗ СОБРАНИЯ ГОС. АКАДЕМИИ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

Документальные, т. е. письменные сведения относительно нашего поставца весьма кратки. В 1915 г. его приобрел заведывающий раскопками Херсонеса Л. А. Моисеев у антиквара Лейпунского и вместе с другими предметами переслал в Археологическую Коммиссию (ср. Рапорт Моисеева от 22 февраля 1916 г. за № 606 в делах коммиссии). В частном письме на имя Б. В. Фармаковского Моисеев сделал попытку охарактеризовать предмет и определил суммарно цикл имеющихся на поставце изображений совершенно бесспорно, как Страстной. С этими краткими общими данными поставец и вошел затем маленькой заметкой в Отчет Археол. Ком. за 1913—1915 г. (стр. 71—72); была приложена довольно слепая фотография.

Откуда, какими путями, через кого и при каких условиях попал поставец к антиквару, на это, по обыкновению, никаких указаний не имеется. Для суждений о происхождении памятника остается только один путь: анализ самого памятника и сопоставление его с возможными аналогиями. По счастью, в этом отношении он не одинок, хотя хронологическая и топографическая культурная среда, из которой он мог выйти, до сих пор еще остается темной и необследованной. Но об этом ниже.

Что представляет собою наш поставец? Этого рода предметы до сих пор только бегло регистрировались. Мы позволим себе по-подробней остановиться на его описании. Наш поставец представляет собою вырезанный из единого куска кипариса[1] деревянный цоколь 0,136 m вышины, имеющий вид не совсем правильного шестигранника, состоящего из двух неодинакового об'ема призм, из коих меньшая покоится на большей,[2] причем нижняя в свою очередь переходит в выступающую низкую шестигранную же базу с профилем обратного четвертного валика.[3] Днище поддона, отступя несколько от периферии, имеет углубление на всем его пространстве. Сверху через середину болванки поставца к поддону просверлено сквозное отверстие, не попадающее, однако, на центральную ось ствола. Вокруг образовавшегося таким образом отверстия в днище мы видим вторичную четырехугольную, почти квадратную выемку (см. рис. в тексте). Высказанное в свое время Л. А. Моисеевым предположение, что через это отверстие

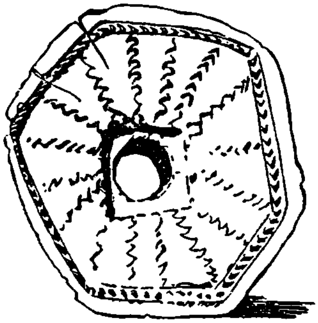
---

¹) О небольших вставках декоративного порядка несколько ниже.

²) Высота верхней — 0,055 m при 0,045 m ширины по самой длинной диагонали, нижней — 0,060 m, при 0,067 m ширины.

³) 0,023 m вышины при 0,083 m ширины.

поставец насаживался на палку для ношения его в процессиях, должно быть отвергнуто, так как противоречит всей цели такого поставца служить втулкой для небольших сравнительно размеров креста, водружаемого въ верхнее отверстие. Сам поставец ни на что не насаживался, а ставился обычно на литургического назначения столе, престоле, жертвеннике и т. п., как это еще можно наблюдать в греческих церквах. Аналогичные поставцы, которые нам пришлось лично обследовать, об'ясняют достаточно убедительно нижнее отверстие в поддоне, без необходимости прибегать к только что отмеченной гипотезе. Поставец Исторического Музея в Москве, куда он поступил из бывшего собрания графа А. С. Уварова, и поставец Шуваловского Дворца-Музея, сохранившие при себе и принадлежащие им вставные кресты, оба имеют на поддоне такие же выемки, правда, в обоих случаях закрытые соответствующими окружающим их выемкам планками, которыя и раз'ясняют все. Оказывается, планки с внутренней стороны имеют сами выемки, которые соответствуют форме окончания вставляемых в поставец крестов и служат для того, чтобы содействовать вертикальной устойчивости крестов. Очевидно, теже функции несла и утерянная в выемке планка нашего поставца, принадлежащий к которому крестъ давно, повидимому, утерян. Во всяком случае обильные следы воска, стекающего сверху поставца, явно указывают на то, что в последние дни своего существования наш поставец служил где-то подсвечником.

Днище поставца под крест.

Все вертикальные стороны поставца, постамент и днище обработаны резьбою: геометрическим, растительным и архитектурным орнаментом и фигурными изображениями. Так поддон окаймлен по граням жгутиком и украшен от периферии к середине нарезными „елочками". По базе идет сочный растительный орнамент из завитков лозы, наконец, все вертикальные плоскости фигурной резьбою в архитектурных обрамлениях (р. L, 2, Т. XII). Той же орнаментальной задаче служат и надписи, поясняющие отдельные композиции, чем, отчасти, об'ясняется трудное их чтение.

Ребрам смежных вертикальных плоскостей поставца придана форма колонн, витых — в верхнем ярусе и как бы перевитых на крест лентами — в нижнем, со своеобразными капителями и базами. Над колоннами тянется архитрав, использованный резчиком для того, чтобы на нем вырезать надписи. Поверх архитрава покоится конха, с характерной резьбою внутренних поверхностей раковины в виде веерообразно расходящихся клинышков от центра, перед которым на переднем плане посажена полурозетка. В углах, которые получаются между этими конхами и композитными капителями колонн, помещены орнаментальные ветки. Все углубленное пространство между колоннами под архитравом отводится изобразительным сценам, развертывающимся позади щипцовых арок, покоющихся на тонких витых вставных колонках с высокими цоколями. Большинство этих колонок утеряно на нашем поставце. Сохранились лишь выемки, которые занимали их концы.[1] В общей сложности в 2-х поясах дано

[1]) Видна такая колонна справа от верхней сцены Моления в Гефсиманском саду (р. 3 Т. XII).

12 таких сцен, по шести в каждом поясе. Отмеченная выше затруднительность чтения поясняющих надписей усугубляется причудливой нелитературной и неустойчивой даже в пределах поставца орфографией народного языка и тем, что начертание букв дается в типично рукописных формах. Если мы ко всему этому присоединим еще общую грубоватость выполнения изобразительных форм, перед нами самый поставец предстанет, как произведение ремесленного характера, предназначенное на широкий сбыт.

В круге каких, однако, художественных идей вращалось это ремесло? Ответ на этот вопрос и должен, хотя и в предварительной форме, дать разбор изобразительных сцен. Все они, как и подобает предмету литургического назначения, религиозного характера. Иконографический и эпиграфический анализ устанавливает, что все они, за исключением одной — о ней речь ниже — относятся к Страстному циклу, который развернут в следующем порядке, начиная с верхнего яруса.

1. Первой дана композиция Умовения ног. Ясно читающаяся надпись **О ННПТНР**, издревле присущая этой сцене в византийском искусстве, не оставляет в этом отношении никаких сомнений. Но подобно тому как самое именование сцены, так и самую композицию значительно упрощает наш мастер сравнительно с тем, что предписывает в данном случае подлинник Дионисия Фурнаграфиота.[1] Наш мастер ограничивается вообще 6-ью фигурами: изображает Петра, сидящего с обнаженными ногами у чаши и поднявшего к голове палец правой руки для выражения этим жестом евангельских слов: „Не только ноги мои, но и руки и голову“ (Иоанн, 13, 9), стоящего перед Петром препоясанного лентием Христа и 2 пар апостолов, симметрично расположенных на фоне любовно вырезанных палат. Этот палатный фон характерная черта в компановках сцен у нашего мастера, черта, однако, не индивидуальная, а выдающая определенный стиль определенных мастерских (рис. 3, т. XII, слева).

2. Моление Христа в Гефсиманском Саду (р. 3, т. XII), Неразборчивая надпись **Н ПРОСЄ К. ХН.** очевидно, должна читаться как ἡ προσευχή соответственно аѳонской Эрминии (у. с. § 80, стр. 140), как вполне ей соответствует разбитая на 2 яруса композиция вверху с молящимся коленопреклонно Христом среди очень условно переданных деревьев, а внизу Христом среди скал, будящим своих трех любимых учеников (рис. 3, т, XII, справа).

3. Предание Христа в руки воинов с надписью **Н ПРОЯОСН...** ἡ προδοσία (ср. у. с. § 81 ἡ προδοσία τοῦ Ἰούδα). Усвоив это наименование данной сцене, наш резчик компанует ее совсем не по Эрминии. Ни сада, ни лобзающего Иуды, ни усекающего ухо рабу первосвященника Петра здесь нет. Монотонно на фоне излюбленных архитектурных кулис стоит в центре сгрудившихся воинов центральная фигура Христа в длинной одежде. Любопытно, что эту сцену, только увеличив число воинов, мастер повторил в нижнем ярусе для композиции предания Христа на распятие (р. 3, т. XII, слева).

4. Христос на суде первосвященника Анны. Сцена разбита на два яруса, и все действие происходит в верхнем этаже среди зданий. Справа от зрителя на троне восседает старец, а слева в сопровождении воина к нему подходит Христос, как

---

[1]) Ὁ ἱερὸς νιπτήρ. Ἑρμηνεία τῆς ζωγραφικῆς τέχνης изд. А. Пападопуло-Керамевса, СПБ. 1909 78, стр. 103.

во всех композициях поставца характеризуемый повышенным среди остальных действующих лиц ростом и длинною, спадающую параллельными складками одеждою. Плохо сохранившаяся надпись ИϚΤΑΝ... позволяем себе прочесть как εἰς τοῦ Ἄννα. Эрминия Дионисия (§ 82) отдельной такой композиции не знает, но она известна в позднейших изводах Страстей (ср. Н. Покровскій, Евангеліе въ памятникахъ иконографіи, 304.) (рис. 1, табл. XII, слева).

5. Следующая сцена, в композиционном отношении являющаяся простым повторением предыдущей, только развернутой в обратном направлении с тем же количеством лиц, представляет, согласно надписи ИϚΤΚΑΙ ...ΦΑ — εἰς τοῦ Καϊάφα, — суд у Каиафы (рис. 1, табл. XII).

6. Наконец, последняя сцена этого ряда (р. 2, т. XII), требует несколько большего внимания, ибо дана в необычном иконографическом изводе. Все ее пространство загромождено палатами в 3 яруса. Только в нижнем поясе мы видим одинокую фигуру в странной позе. Она перегнулась в талии почти под прямым углом и скрыла верхнюю часть своего корпуса в небольшом отверстии какого-то строения. Впечатление получается такое, будто эта фигура стремится пролезть внутрь через низкую дверь или окно внутрь зданія. Судя по одежде, это должен быть Христос. Никаких других фигур мы рядом не видим, хотя возможно, что они утеряны. Сопровождающая композицию надпись сильно пострадала, вполне отчетливо читаются только буквы ИϚ... ΦΗΛΚ..., которыя мы предположительно читаем εἰς (τῇ) φυλακῇ, считая, что здесь дана сцена Заключения Христа в темницу. Правда, афонский подлинник относящейся к этому сюжету композиции не дает вовсе. Но мы видели уже выше, что наш резчик не руководствуется иконографией Эрминии, следуя какой-то иной иконографической традиции. Принципиально же ничто не могло препятствовать введению в Страстной цикл сцены Заключения Христа в темницу, тем более, что уже издревле на Палестинской почве, содействовавшей сложению, усложнению и детализированию отдельных моментов последних дней земной жизни Христа, фиксируется внимание паломников на урочище, носившем наименование Темницы. Ее отмечает наш русский паломник-инок Варсанофий, побывавший в Святой Земле в 1456 году, который пишет: „На левой же странѣ великія церкви Христова Воскресенія есть мѣсто, зовется темніца, идѣже Христосъ посидѣлъ, доколѣ крестъ содѣлаша. И ту есть своя служба святая, а ту есть камень плоскъ, аки доска и на нем дѣри велики продѣланы, а вскорѣ тотъ камень продѣлаша нози Господни“.[1] Знает об этой темнице и другой русский паломник конца XVI века, известный Трифон Коробейников.[2] Но любопытнее всего, что архимандрит Грефений, ходивший в Палестину в XV в. едва ли не раньше Зосимы, а б. м. даже в конце XIV века, знает для этого урочища в Иерусалиме греческое название: „филаки“.[3] Эта тема, как известно, позднее усиленно трактовалась, как в Западной, так и в восточной иконографии, создав в частности, в русской деревянной резьбе XVII—XVIII в. образ „Христа в темнице“; впрочем, здесь самая трактовка темы иная, нежели на поставце. Здесь мы ограничимся лишь тем, что отметим возрастание к середине XV в. интереса к теме о заключении Христа в темницу.

---

[1]) Сборникъ Прав. Палестинскаго Общества, вып. 45, стр. 5.

[2]) Сборникъ Прав. Палестинскаго Общества, вып. 27, стр. 114.

[3]) Хожденіе архимандрита Грефенія въ Святую Землю, изд. Я. И. Горожанскимъ, стр. 74. К датировке хождения см. стр. 32.

Для самых элементов, из которых складывал свою композицию резчик нашего поставца, мы не останемся без аналогий, особенно в кругу тех памятников, к которым принадлежит поставец. Так наибольшее сходство с позою Христа нашего поставца мы встречаем в сцене вхождения Ноя в ковчег на аналогичном поставце из собрания гр. Уварова, причем здесь совершенно такая же согбенная фигура. Ноя, пролезающего (иначе нельзя выразиться) в отверстие ковчега, кажется более естественной и оправданной. Характерна еще одна деталь. Рядом с отверстием ковчега, куда входит Ной, мы видим четырехугольную пластинку, которая может обозначать только дверную створку. Такую же створку мы видим рядом с фигурой Христа и на поставце РАИМК. Это устойчивый прием для изображения двери. Так же она дана и в композиции отправления Иосифа в темницу на Уваровском поставце. Наконец, сцена Христа в темнице на поставце из собрания Шуваловского Дворца-Музея со сценами Страстного цикла, ясно свидетельствует о внедрении этой темы в деревянную резьбу послевизантийского греческого Востока.

В нижнем ярусе цикл продолжает свое развитие. Соответственно большим размерам нижних плоскостей, здесь все сцены уширяются. Резчик имеет возможность удвоить здесь арки, поставить перед сценою лишние колонки. Из цикла здесь выпадает одна только композиция ветхозаветного сюжета. Ей, очевидно, отведено центральное место на поставце: Это — Явление Аврааму трех ангелов у дуба Мамврийского. Об этой сцене нам придется говорить особо.

Теперь же, чтобы не прерывать цикла, проследим до конца Страстные композиции.

7. Первой по порядку сценой в нижнем ярусе является — „Христос перед Пилатом", поясненная довольно разборчивой надписью ИСѪПИЛАТО... т. е. εἰς τοῦ Πιλάτου, вполне соответствуя заголовку Эрминии (у. с. § 84, стр. 105) Подобно всемъ сценам суда, и в этой действие развертывается в верхнем этаже палат с минимальным числом участников: сидящий на троне справа Пилат и стоящий перед ним в сопровождении воина Христос (рис. 2, т. XII).

8. „Решение Пилата" НАПОФАСИТѪ — ἡ ἀπόφασις τοῦ (sc, Πιλάτου). Под названиемъ ἀπόνιψις καὶ ἀπόφασις τοῦ Πιλάτου эта сцена известна Дионисию (§ 87, стр. 106), хотя композиционно они вовсе не совпадают. На поставце отсутствует даже Пилат. Здесь повторена монотонная композиция взятия Христа воинами (ср. 3-ью сцену) (рис. 2, т. XII, справа).

9. Сюжет следующей сцены вполне ясен: это несение Христом креста на Голгофу в сопровождении сомкнутых воинских рядов. Пострадавшая надпись ЄГКАРЄ.. ϚА.. очевидно должна в соотвѣтствии с евангельскими текстами (Матѳ. XXVII, 32; Марк XV, 21) читаться, как ἀγγαρεία σταυροῦ. Композиция достаточно хорошо известна из поздневизантийского искусства (рис. 3, т. XII).

10. Следующая сцена опять не вызывает сомнений. Здесь мы видим позади стенки саркофага, долженствующей изображать Гроб Господень, покрытые шлемами головы симметрично расположенных и повернутых друг к другу двух групп воинов, над которыми вверх подымаются древки копий и позади которых виден обычный фон нашей резьбы — архитектурный ландшафт с площадками, лесенками и переходами. Надпись ἩКѪϚОЯИА — ἡ κουστοδία окончательно уясняет сцену, как Стражу у Гроба Господня (у. с. § 97, стр. 109) (р. 3, т. XII. спр.).

11. Наконец, последняя сцена Страстного цикла допускает лишь предполо-

жительное толкование. Надпись не помогает, ибо крайне неразборчива. Действие же развертывается в той обстановке, какую наш мастер обычно дает сценам суда с тем только отличием, что в данном случае все происходит не на подмостках второго этажа, а перед архитектурным фоном на земле. Справа сидит какая-то бородатая фигура, к которой слева подходит группа яснее не определимых людей, из которой две передних фигуры стоят в просительных позах. Можно было бы эту сцену об'яснять евангельским разсказом о явлении к Пилату тайных учеников Христа, Никодима и Иосифа просить тело Иисусово. Эта сцена, хотя не упоминается в аѳонской Эрминии, как известно, пользовалась большим успехом в поздне-греческих росписях и русских Лицевых Страстях.[1] Но такое истолкование встречает существенныя затруднения. Последовательно развивающийся цикл оказывается перебитым; этой сцене надлежало бы тогда находиться перед сценой „Кустодии". Выступающая перед Пилатом группа переобременена действующими лицами: их не 2, а больше. По первому основанию нельзя эту сцену разсматривать и как сцену требования иудеями от Пилата приставить стражу к Гробу Господню. Остается один выход, предположить, что мы в этой сцене имеем некоторую апокрифическую подробность „Страстей" (р. 1, т. XII, слева).

Этими одиннадцатью композициями исчерпывается Страстной цикл. Надо отдать справедливость нашему мастеру, что он как нельзя более удачно подобрал цикл для резных изображений поставца, предназначенного держать Орудие Страстей Христа, Крест. Глубокая идейная об'единенность комплекса примиряет со всем несовершенством его техники. Этим мы отнюдь не собираемся утверждать творческую его оригинальность: наверное даже, он резал поставец, имея перед собою некий, быть может даже, стилистически иначе выполненный прототип. Самый выбор его, однако, показывает на верное его чутье, воспитанное цельной религиозно-художественной культурой средневекового греческаго Востока.

12. Нам остается еще разсмотреть последнюю не разобранную нами сцену нижнего яруса, оставленную нами как выпадающую из общего цикла, сцену Явления трех ангелов Аврааму у дуба Мамврийского, сцену, очень рано получившую въ восточно-христианском искусстве смысл и значение символического изображения христианскаго догмата Троичности Божества.

Академический поставец дает сцену в ее осложненном изводе с прислуживающим Авраамом и Саррою, которые помещены позади трех ангегелов [ср. р. 1, т. XII]. Соответственно со своей общей тенденцией громоздить все в несколько этажей, наш резчик посадил центрального ангела так, что он получился сидящим как бы за отдельным столом, поставленным на более возвышенном месте.

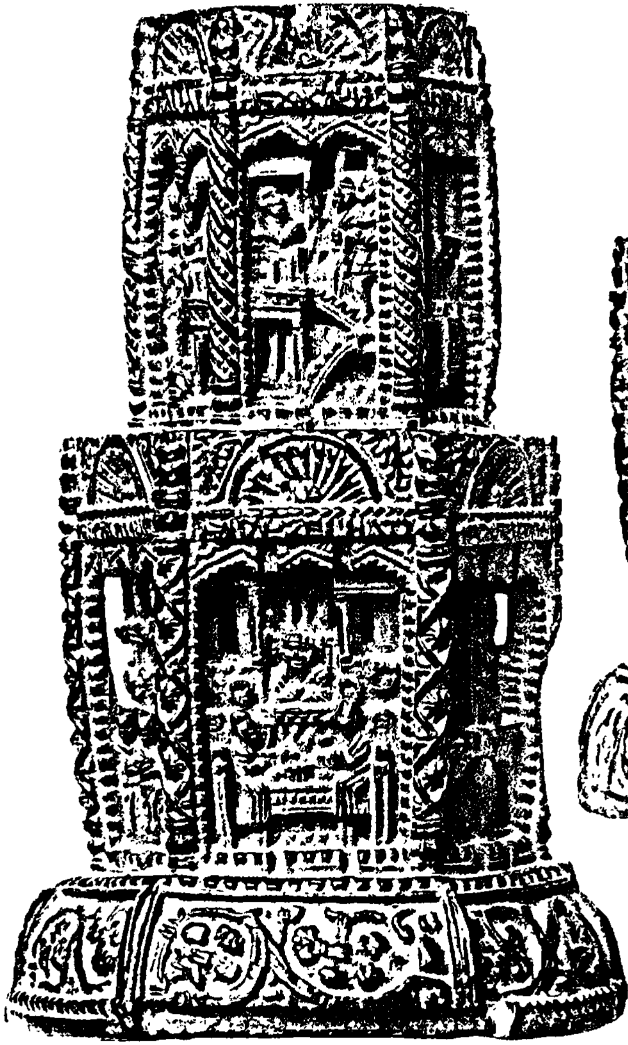
Ясная надпись НФНΛΟΞΕΡΗΑ ΤΥ, т. е. ἡ φιλοξενία τοῦ ⟨Ἀβραάμ⟩ только подтверждает смысл композиции, известной и Фурнаграфиоту (у. с. § 30, стр. 51).

Для данной композиции мы имеем возможность сличить ее с подобною же на поставце из собрания гр. Уварова[2], где дан сокращенный перевод, без Авраама и Сарры. Все приемы резьбы, все композиционное окружение тождественны

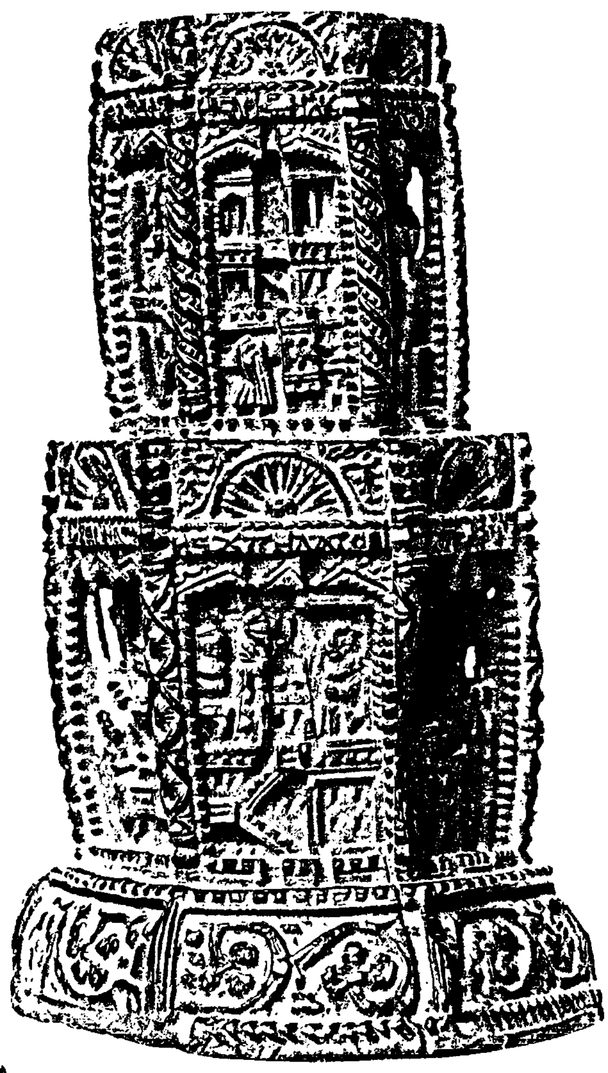
---

[1]) Н. В. Покровскій, Иконографія евангелія стр. 386.

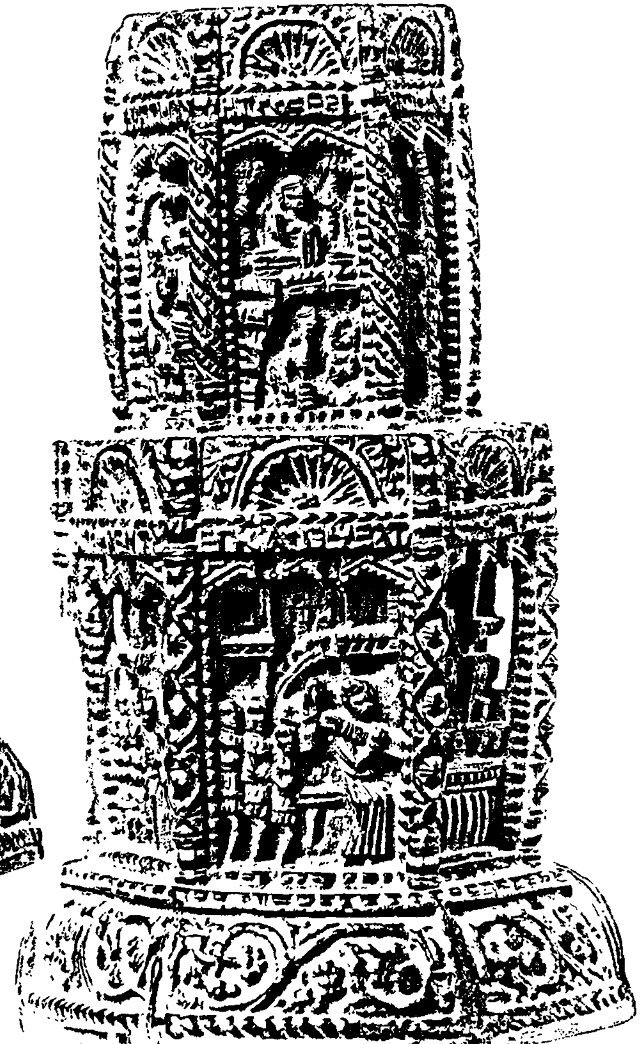
[2]) Каталогъ собранія древностей гр. А. С. Уварова. Отд. VIII—IX, Москва, 1908, табл. X в четвертом сверху поясе.

1

2

3

Поставец Гос. Академии Истории Материальной Культуры. 1. Лицевая сторона: внизу: Троица у Авраама. 2. Вверху: Христос в темнице; внизу: Христос перед Пилатом. 3. Вверху: Моление в Гефсиманском саду; внизу: Несение Креста на Голгофу.

жительное толкование. Надпись не помогает, ибо крайне неразборчива. Действие же развертывается в той обстановке, какую наш мастер обычно дает сценам суда с тем только отличием, что в данном случае все происходит не на подмостках второго этажа, а перед архитектурным фоном на земле. Справа сидит какая-то бородатая фигура, к которой слева подходит группа яснее не определимых людей, из которой две передних фигуры стоят в просительных позах. Можно было бы эту сцену об'яснять евангельским разсказом о явлении к Пилату тайных учеников Христа, Никодима и Иосифа просить тело Иисусово. Эта сцена, хотя не упоминается в аѳонской Эрминии, как известно, пользовалась большим успехом в поздне-греческих росписях и русских Лицевых Страстях.[1] Но такое истолкование встречает существенныя затруднения. Последовательно развивающийся цикл оказывается перебитым; этой сцене надлежало бы тогда находиться перед сценой „Кустодии". Выступающая перед Пилатом группа переобременена действующими лицами: их не 2, а больше. По первому основанию нельзя эту сцену разсматривать и как сцену требования иудеями от Пилата приставить стражу к Гробу Господню. Остается один выход, предположить, что мы в этой сцене имеем некоторую апокрифическую подробность „Страстей" (р. 1, т. XII, слева).

Этими одиннадцатью композициями исчерпывается Страстной цикл. Надо отдать справедливость нашему мастеру, что он как нельзя более удачно подобрал цикл для резных изображений поставца, предназначенного держать Орудие Страстей Христа, Крест. Глубокая идейная об'единенность комплекса примиряет со всем несовершенством его техники. Этим мы отнюдь не собираемся утверждать творческую его оригинальность: наверное даже, он резал поставец, имея перед собою некий, быть может даже, стилистически иначе выполненный прототип. Самый выбор его, однако, показывает на верное его чутье, воспитанное цельной религиозно-художественной культурой средневекового греческаго Востока.

12. Нам остается еще разсмотреть последнюю не разобранную нами сцену нижнего яруса, оставленную нами как выпадающую из общего цикла, сцену Явления трех ангелов Аврааму у дуба Мамврийского, сцену, очень рано получившую въ восточно-христианском искусстве смысл и значение символического изображения христианскаго догмата Троичности Божества.

Академический поставец дает сцену в ее осложненном изводе с прислуживающим Авраамом и Саррою, которые помещены позади трех ангегелов [ср. р. 1, т. XII]. Соответственно со своей общей тенденцией громоздить все в несколько этажей, наш резчик посадил центрального ангела так, что он получился сидящим как бы за отдельным столом, поставленным на более возвышенном месте.

Ясная надпись НФНΛОΞЕРНА ТY, т. е. ἡ φιλοξενία τοῦ ⟨Ἀβραάμ⟩ только подтверждает смысл композиции, известной и Фурнаграфиоту (у. с. § 30, стр. 51).

Для данной композиции мы имеем возможность сличить ее с подобною же на поставце из собрания гр. Уварова[2], где дан сокращенный перевод, без Авраама и Сарры. Все приемы резьбы, все композиционное окружение тождественны

---

[1]) Н. В. Покровскій, Иконографія евангелія стр. 386.

[2]) Каталогъ собранія древностей гр. А. С. Уварова. Отд. VIII—IX, Москва, 1908, табл. X в четвертом сверху поясе.

1 2 3

Поставец Гос. Академии Истории Материальной Культуры. 1. Лицевая сторона: внизу: Троица у Авраама. 2. Вверху: Христос в темнице; внизу: Христос перед Пилатом. 3. Вверху: Моление в Гефсиманском саду; внизу: Несение Креста на Голгофу.

XII

хотя и нельзя оба поставца возводить к одному мастеру, так как в Уваровском поставце мы видим более умелую руку. Но это одна школа, сказывающаяся в грубоватой недоделанности резной манеры, которая в лепке, наприм., лиц только намечает основные линии, но не моделирует их до конца, довольствуясь общим впечатлением, сказывающаяся в постановке фитур, в любви к загромождению фонов архитектурными деталями, в любви вообще к геометрическим, архитектурным орнаментам, сказывающаяся, наконец, в начертании поясняющих надписей, в стремлении и неуменьи их сократить, на наш, по крайней мере, современный взгляд. Надпись над сценою Явления Троицы Аврааму в этом смысле особенно показательна. Она встречается на обеих подставках. Резчик Уваровского поставца вырезал ее почти целиком, но пропустил поэтому целый слог, внутри первого слова: ʻΗ ΦΗΞΕΡΙΑ ΤΥ ΑΒΡΑΑ вместо ἡ φι⟨λο⟩ξενία τοῦ ᾿Αβραάμ, наш резчик, как мы видели отбросил неуместившееся у него слово ᾿Αβραάμ, и так он делает повсюду. Начертание букв, за незначительными расхождениями, тождественное, указывающее на родственность манеры, родственность школы.

Как определить теперь точнее время и место этих мастерских резного по дереву дела? Поздние черты стиля, поздняя народно-греческая эпиграфика заставляют искать среду, создавшую эту ремесленную школу, в позднейших эпохах уже после падения Византии. Последние мало привлекают к себе внимание изследователей, больше того находятся у историков византийского искусства и археологов в известном пренебрежении,[1] ими так мало интересуются, что почти не собирают относящихся к ним памятников, совершенно забывая, что мы никогда вполне не оценим явлений отдаленных истоков без уяснения себе явлений ближайшего прошлого, стоящего средостением между нами и этими источниками. В силу отмеченного положения вещей нет ничего удивительного в том, что встречаясь с этими памятниками позднейших эпох, исследователи сталкиваются с целым рядом недоуменных вопросов. Так и в данном частном случае. Что действительно известно нам о начале таких мастерских резьбы по дереву, о продолжительности их существования? О ширине диапозона их распространения? Об их художественных связях, традициях, вкусах, уклонах? Вообще о времени появления в восточном церковном обиходе крестов на поставцах? Каково место этих крестов в культе? Где их ставили? Какова их связь с большими выносными Запрестольными крестами в обиходе Востока, Греции, Византии? Если это были осеняльные кресты — по размерам они подходят только к осеняльным — то откуда и с каких пор установилась в русской церкви традиция не ставить в поставец, а возлагать на престоле осеняльный крест? Длинный ряд вопросов сам собою всплывает перед нами, ответ на которые было бы получить не трудно, будь собраны и изучены памятники церковного обихода Востока за века, следующие за падением Константинополя. Этого нет. Между тем благодаря ученому небрежению эти памятники былого быстро и навсегда исчезают.

По счастью, кое-какой материал из круга тех предметов, к которому принадлежит наш поставец, попал в Музеи. Есть основание предполагать, что кое-что еще сохранили необследованные ризницы восточных церквей, и мона-

---

[1]) Ср. отзыв Н. П. Кондакова, Христіанское искусство на Аѳонѣ, 215.

стырей, особенно Аѳона, а б. м. и Святой Земли. Лично нам известно из круга аналогий еще три таких предмета. Во 1-х поставец с крестом из бывш. собрания гр. А. С. Уварова, нынее находящийся в Византийском Отделе Гос. Исторического Музея в Москве под инв. № 1681, изданный в свое время в Каталоге.[1] Во 2-х такой же поставец в б. собрании гр. П. П. Шувалова, ныне в Шуваловском Дворце-Музее и в 3-х так назыв. „Maximilianische Kreuz“ Берлинского Kaiser-Friedrich-Museum, поступивший туда из собрания Nagler'a.[2]

Из всех исследователей наибольшее внимание уделил этого рода произведениям художественного ремесла О. Вульф, попытавшийся в небольшой заметке Каталога Берлинского Музея установить центр их производства и определенно высказавшийся в этом смысле за Аѳон.[3]

Не предрешая вопроса о том, откуда вышел наш поставец, повидимому, однако всю группу аналогичных ему изделий, действительно, нужно относить к одной из струй аѳонского ремесла. Если несколько грубоватая техника выполнения всех этих аналогий противоречит изяществу поздне-аѳонской резьбы XVI—XVIII вв., то при этом всегда нужно иметь в виду, что на Аѳоне всегда возможны параллельные струи, тем более что систематического их обследования до сих пор еще не произведено. Все наши сведения об этой отрасли искусства на Аѳоне отрывочны и суммарны.[4]

Между тем, перечисленные нами поставцы, при всех индивидуальных своих различиях, технически и иконографически представляют собою некую единую группу. Их роднит между собою и конструктивная их форма — обычное нагромождение друг на друга ряда уменьшающихся кверху в об'еме многогранных призм с известным преобладанием вертикали над горизонталью — и самая манера декоративной отделки, заостряющиеся арочки, тонкие приставленные витые колонки, конхи, увенчивающие архитравы над фигурными сценами, вся ажурность работы, самая манера компановки сцен с их особым пристрастием к заполнению фонов многоэтажными и многооконными зданиями с безчисленными лесенками, площадками, переходцами, среди которых затериваются фигуры. В них сказал свое слово Запад, но это слово перефразировано в духе восточной орнаментики.

При общем сходстве четырех перечисленных поставцов, в них мы обнаруживаем и существенные отличия между собою. Так с Шуваловским и Берлинским поставцами, отличающимися более тщательной и осложненной отделкой, Академический поставец, несмотря на общность цикла их изображений — Страстного, имеет значительно меньше общих черт, нежели с украшенным ветхозаветными сценами Уваровским поставцем, который в свою очередь некоторыми чертами стоит ближе к Шуваловскому, нежели к Академическому. Он очевидно, стоит

---

[1]) Выше уп. соч. табл. IX и X и рис. 109 на стр. 133; там же под № 34 и описание.

[2]) O. Wulff, Altchristliche une mittelalterliche byzantinische und italienische Bildwerke Bd. II, S. 57.

[3]) Katalog, S. 57. Однако и у Вульфа заметны колебания в очень для нас важном моменте. Как раз упомянутый крест Максимилиана, безусловно отличающийся технически вместе со всеми перечисленными нами поставцами от изделий, за которыми в научном обиходе утвердилось мнение, что они аѳонские, Wulff считаетъ по не совсем понятным для нас основаниям за венецианское производство (anscheinend im Venedig).

[4]) H. Brockhaus, Die Kunst in den Athosklöstern S. 49. Н. П. Кондаковъ, Христіанское искусство на Аѳонѣ, стр. 215.

в середине эволюционного ряда от Академического поставца к Шуваловскому (р. 1, т. XIII).[1]

Уваровский поставец своей сложностью — в нем 4 поставленных один над другим многогранника — и полностью отделки, введением любопытной формы пилястров в средних частях изображением маскеронов по верху креста и т. д., а также совершенно сквозной, ажурной резьбой 3-х верхних ярусов очень близок Шуваловскому и Берлинскому поставцам, но грубоватость и известного рода примитивность техники изображений ставят его в непосредственную близость с Академическим. Не говоря уже о сходной разбивке полей под композиции, об их помещении позади аркатур, опускающихся на тонкие витые колонки, которые в своем орнаменте чередуют спираль линейную, или вернее ленточную, со спиралью зернью, мы на Уваровском и Академическом поставцах встречаем одинаковые колонны с ленточными перевязями, одинаковы орнаменты фронтончиков и углов над колоннами между арочками, ту же разделку конх — раковин веерообразными клинушками.[2]

Далее, поразительное сходство представляют завитки растительного орнамента, положенного по базе Академического поставца, с несколько вытянутым бордюром Уваровского креста, наконец, им общ весь эпиграфический стиль. Общее впечатление в результате этого сличения получается такое, что эти два памятника находятся в ближайшем родстве, причем Академический носитъ на себе все следы большей архаичности, простоты. От него идет дальнейшее осложнение. Так как Уваровский поставец, как известно, на своем поддоне имеет дату, мы тем самым получаем возможность известным образом датировать и Академический поставец. К сожалению, датировка, данная в Каталоге Уваровского собрания, требует исправления. Дата XI в., устанавливаемая издателями со слов покойного Е. Щепкина, который прочел эту запись, как: „ἐτελαι/ώθη ὁ σταυρ(ὸ)ς τοῦ Κ(υρί)ου ἡμῶν Ἰ(ησο)ῦ Χ(ριστο)ῦ ἔτει ϛφξζ, μηνὶ ἀπρηλί/ου εἰς τὰς κθ′ ὑπὸ χει/ρὸς Γεωργίου τοῦ/Λασκαρή, т. е. закончен был крест сей Господа Нашего Иисуса Христа в год 6567 (=1059 г. по Р. Хр.) в месяц апреля в 29 день рукою

---

[1]) Так как поставец Шуваловского собрания до сих пор не издавался и не описан, мы позволим себе здесь с разрешения администрации Шуваловского Дворца-Музея в кратце охарактеризовать его. Он — восьмигранный и состоит из 3-х ярусов, в которых даны нижеследующие изображения: Умовение ног, Моление о чаше, Предательство Иуды, Иисус перед Анною, Иисус перед Каиафой, Иисус перед Пилатом (?), Отречение ап. Петра, Тайная Вечеря, Лобзание Иуды, Христа ведут в темницу, Суд Пилата, Несение креста на Голгоѳу, Мироносицы у Гроба, Водружение креста, Причащение вином и хлебом апостолов, Христос перед первосвященниками, Христос перед Иродом, Предание Христа на распятие, (повторно) Мироносицы у Гроба Господня, ап. Петр у Гроба и 3 неподдающиеся отождествлению с евангельским разсказом сцены. Надписями эти сцены не сопровождаются. Надписи латинския имеются против некоторых сцен праздничного цикла на самом кресте, но эти надписи нанесены так, что вполне естественно предполагать их позднейшее происхождение от того времени, когда крест попал в католический обиход. Существует по этому поводу традиция в Музее, что крест вывезен из какого-то униатского костела Киевской губ., что весьма правдоподобно и оправдывает выполненные простой гравировкой латинские надписи. За все эти сведения и возможность издать фотографию с этого креста приношу здесь глубокую благодарность хранителю означенного Музея М. С. Коноплевой.

[2]) Такого рода конхи встречаются в позднейших резных иконостасах критских церквей. Ср. Gerola, Monumenti veneti nell'isola di Creta vol. II, p. 350 tav. 3: церковь свв. Антония и Фомы во Врели, на коруне ц. S. Fanurio въ Valsamonero (fig. 390), в алтаре церкви в с. Каливиани (fig. 388) и др.

Георгия[1] Ласкаря", настолько не вяжется со стилем поставца, которому мы напрасно бы стали искать аналогий в XI в., что, принимая ее, как это делают издатели, нам бы пришлось просто заподозрить подлинность подписи. Однако этого делать отнюдь не требуется. Щепкин ошибся, признав первый числовой значек ҷ за равнозначущий с ϛ = 6000, тогда как он несомненно представляет букву α с чертою, обозначающею тысячи, которая поставлена только не перед, а под буквою. Что букву α так Георгий Ласкарь изображает, достаточно сослаться на ее начертание в слове Λασκαρῆ.[2] Если же это знак для тысячи, тогда, значит, мы пред собою имеем датировку по христианской эре, и все затруднения отпадают. Это будет 1567 год. Для середины XVI в. такая датировка по христианской эре не представляет ничего необыкновенного для православного Востока. Она встречается в рукописном материале.[3] XVI в. делает понятным все западные наплывы перефразированных готики и ренессанса в этой группе резных поделок. Академический поставец будет в ней лет на 20—30 старше Уваровского креста 1567 года, Шуваловский и Берлинский можно отодвинуть в конец столетия, б. м. даже к началу XVII в.

В заключение несколько слов об одной маленькой детали Академического поставца. Выше мы отмечали, что из цикла Страстных изображений его выпадает композиция Явления 3 ангелов Аврааму (ἡ φιλοξενία τοῦ Ἀβραάμ). Это невольно останавливает на себе внимание. Почему она здесь? Можно, конечно, это об'яснить тем, что поставец предназначался для церкви или придела в ней, которые стояли под патронатом св. Троицы, иконографическим изображенiем которой издревле в византийском искусстве являлась композиция Явления трех ангелов Аврааму. Но, быть может, не лишено вероятно и другое предположение. Не находилась ли сама мастерская, выделывавшая такие поставцы, при каком-либо Троицком монастыре? Если связывать эти изделия с Аѳоном, то мы получили бы точное указание на место, где такие мастерские действовали, так как среди аѳонских монастырей и келлий известно только одно место, стоявшее под покровительством св. Троицы, это — Свято-Троицкая келлия.[4] Весь вопрос для Академического поставца сводится к тому, чтобы в архивных данных найти указания на существование в этой келлии резчиков по дереву. Но этот вопрос вне сил и компетенций автора настоящей заметки.

Алексей Смирнов.

В заключение приношу признательность Гос. Академии Истории Материальной Культуры за разрешение напечатать в заграничном органе эту работу, проведенную в тяжелые 1920—1921 гг. при её содействии. *А. С.*

---

[1]) В переводе каталога почему-то значится „Феодор" (?!).

[2]) Каталог рис. 109.

[3]) Ср. Кондаковъ, Путешествiе на Синай, 103 (харатейное четвероевангелие № 199 с записью 1548 г.) и вообще Gardthausen, Griechische Palaeographie, 453. Здесь же отметим, что хотя ученые издатели Каталога собрания гр. А. С. Уварова, к сожалению, не отметили откуда поступил в собрание этот крест с поставцем, есть все основания считать, что это именно тот, который в свое время входил в собрание французского коллекционера Debruge Dumenil и упомянут в известном труде J. Labarte, Histoire des arts industriels au moyen âge et à l'époque de la Renaissance t. I, 2 ed. p. 155. Имя мастера, восьмигранная форма, совпадение количества вырезанных на поставце изображений и отмечаемый Лабартом 1567 год исключают возможность ошибки в отождествлении.

[4]) Ph. Meyer, Die Haupturkunden für die Geschichte der Athosklöster, S. 273.

О ЦЕРЕМОНІИ „ПРОКИПСИСЪ“

Въ поздне-византійское время при дворѣ императоровъ существовалъ обычай сопровождать нѣкоторыя празднества церковнаго или личнаго характера особой церемоніей, называемой по гречески πρόκυψις, заключавшейся въ торжественномъ явленіи царя и членовъ царской семьи народу, въ спеціально для этого созданной обстановкѣ. Разсмотрѣніе этой церемоніи, ея значенія и возникновенія, является задачей этой небольшой работы.

Довольно подробное описаніе церемоніи прокипсиса даетъ въ своемъ сочиненіи »De officiis« Кодинъ (Ed. Bonn. p. 47—53), говорящій также о томъ, въ какіе праздники она происходила. О нѣкоторыхъ случаяхъ прокипсиса упоминается въ хроникахъ Никифора Григоры и Іоанна Кантакузина. Кромѣ того сохранился рядъ стихотвореній-пѣснопѣній, которыя пѣлись во время прокипсиса въ церковные праздники и при свадьбахъ. Такими являются стихи Николая Ириникія и Мануила Голобола. Впрочемъ по книгѣ церемоній Кодина прокипсисъ при царской свадьбѣ не полагался, вѣрнѣе не былъ обязательнымъ. Повидимому, ко времени Кодина прокипсисъ былъ вновь замѣненъ носящимъ болѣе закрытый характеръ пріемомъ въ катихуменіяхъ св. Софіи, а право на прокипсисъ было уступлено царскимъ дочерямъ,[1] вѣроятно, изъ дипломатическихъ соображеній, чтобъ особенно почтить чужеземнаго принца или султана, становившагося зятемъ византійскаго императора и не получавшаго отъ этого ничего, кромѣ почестей, и отъ котораго въ свою очередь императоръ ожидалъ реальной поддержки и помощи. Во всякомъ случаѣ наличіе церемоніи прокипсиса при царскихъ свадьбахъ Іоанна III Ватаца и Андроника II Палеолога удостовѣрено вышеупомянутыми памятниками.

Кодинъ пріурочиваетъ церемонію торжественнаго явленія царя, которую онъ называетъ прокипсисомъ, къ двумъ праздникамъ, именно къ Рождеству и Крещенію. Этотъ обычай нарушался только въ случаѣ траура, когда не полагалось носить блестящихъ одеждъ, разворачивать знаменъ и играть на органѣ. Безъ всего этого пропадала торжественность церемоніи, и она замѣнялась простымъ славословіемъ — евфиміей во дворцѣ. Для этого царь становился въ свѣтлой или бѣлой одеждѣ и скіадіи (тогда какъ всѣ остальные были въ черномъ) противъ часовни или дворцовой церкви Богоматери Никопеи у иконы св. Георгія. Выслушавъ славословіе, онъ удалялся.[2]

---

[1]) **Kantakouzenos.** lib. II p. 587_{18}. καὶ ἐκέλευε πρὸ τῆς πόλεως ἐν τῷ πεδίῳ πρόκυψιν ποιεῖν ἐκ ξύλων, ἵν᾽ ἐπ᾽ αὐτὴν ἡ βασιλέως νενυμφευομένη θυγάτηρ στᾶσα πᾶσι γένοιτο καταφανής· οὕτω γὰρ ἔθος εἶναι τοῖς βασιλεῦσι ποιεῖν ἐπὶ ταῖς θυγατράσι πρὸς γάμον ἀγομέναις.

[2]) **Codinus de Offic.** p. 69_5. Ἰστέον δὲ ὅτι ἡ τῶν Χριστουγεννῶν ἑορτὴ καὶ τῶν φώτων, ἀλλὰ δὴ καὶ τῶν βαΐων, γίνεται κατὰ τὴν γεγραμμένην τάξιν μετὰ τῶν προκύψεων καὶ τοῦ περιπάτου, ἂν μὴ ᾖ λελυπημένος ὁ βασιλεύς. εἰ δὲ διὰ θάνατον ἢ τῆς ἑαυτοῦ γυναικὸς ἴσως, τῆς δεσποίνης, ἢ υἱοῦ ἀὐτοῦ βασιλέως ὄντος, εἴη λελυπημένος, τὰ μὲν ἄλλα, τὰ φλάμουλα δηλονότι καὶ ὀργάνων ἦχος καὶ στολῶν λαμπρότης,

Подробное описаніе прокипсиса, какъ церемоніи, дается Кодинымъ въ связи съ празднованіемъ Рождества; относительно Крещенія кратко сообщается, что празднованіе его происходитъ также, какъ и Рождества Христова, конечно внесены измѣненія въ связи съ инымъ богослуженіемъ и обычаемъ раздачи святой воды, агіасмы, патріархомъ по окончаніи литургіи (Codinus de Off. p. 64_{20} sq.).

Празднованіе Рождества собственно начиналось въ сочельникъ, когда совершались выходъ въ церковь и занимающая насъ церемонія прокипсиса. Въ первый день Рождества происходилъ торжественный обѣдъ, во время котораго раздавались всѣмъ чинамъ, начиная съ высшихъ и кончая низшими, блюда съ царскаго стола (Cod. de Off. p. 61_8 sq.), и выхода за предѣлы дворца не было. Какъ замѣчаетъ Д. Θ. Бѣляевъ, въ связи съ переходомъ Палеологовъ въ Влахернскій дворецъ, находившійся сравнительно далеко отъ храма св. Софіи, торжественные выходы въ этотъ храмъ стали утомительными и поэтому очень рѣдкими (Д. Θ. Бѣляевъ. Ежедневные пріемы Византійскихъ царей и праздничные выходы ихъ въ храмъ св. Софіи въ IX—X вв. Записки Русс. Археол. Общ. т. VI, стр. 259.)

24-го декабря, въ сочельникъ Рождества, царь не выходилъ къ утрени, какъ это обыкновенно дѣлалъ, а выслушивалъ ее въ своихъ покояхъ. (Cod. de Off. p. 43_{19} sq.) Для богослуженія въ триклиній, находившійся рядомъ съ келліей, личнымъ покоемъ царя, вносились переносный иконостасъ, на которомъ помѣщалась икона праздника Рождества Христова и три-четыре другихъ, и аналой для Евангелія. Послѣ этого разстанавливались священнослужители, пѣвчіе и чины. Когда все было готово, царь выходилъ изъ келліи. Его встрѣчали многолѣтіемъ, послѣ чего онъ прикладывался къ иконамъ и становился вблизи трона. Слѣва отъ него были: великій доместикъ и лампадарій. Великій примикирій передавалъ царю діаконикій — особый жезлъ, т. к. одновременно со службой происходилъ парастасисъ, т. е. чины должны были находиться въ присутствіи царя, окружая его (Cod. de Off. p. 45_6.). Пѣлись, какъ обычно, часы — первый, третій, шестой и девятый съ тропарями. По окончаніи царь, распуская парастасисъ до того времени, когда надо было идти къ литургіи, самъ уходилъ въ келлію (Ibidem p. 46_{17}.).

Послѣ того, какъ кончалась литургія или, если это происходило въ субботу или воскресеніе, вечерня въ дворцовой церкви, чины, которые участвовали въ утреннемъ парастасисѣ, захвативъ царскія фламулы, знамена или военные знаки, сопровождавшіеся отдѣльными отрядами воиновъ, становились напротивъ сооруженія, которое Кодинъ также называетъ прокипсисомъ. Въ это время царь отправлялся со свитой и стражей въ церковь.[1]

οὐ γίνεται διὰ τὴν λύπην τοῦ βασιλέως· ὡσαύτως οὐδὲ πρόκυψις. ἀλλ' ἐξιὼν ὁ βασιλεύς, ὡς ἔθος, μετὰ φορέματος λευκοῦ καὶ τοῦ σκιαδίου αὐτοῦ, τῶν ἄλλων ἀρχόντων μελανειμονούντων μέχρι καὶ σεβαστοκρατόρων καί δεσποτῶν (μέλανα γὰρ καὶ οὗτοι φοροῦσι πλὴν ὑποδημάτων τε καὶ σελλῶν), ἵστανται ἔμπροσθεν τῆς παναγίας Θεοτόκου τῆς νικοποιοῦ, ὅπου ἡ τοῦ ἁγίου Γεωργίου ἐστὶν εἰκών. γίνεται τοίυν ἡ τῶν βασιλικῶν ὀνομάτων εὐφημία μόνον ἐν τῇ τῶν Χριστογεννῶν ἑορτῇ καὶ τῶν φώτων, ὡς εἴρηται, καὶ ἀπέρχεται ὁ βασιλεύς.

[1]) Cod. de Off. p. 47_{18}. Ψαλλομένης οὖν τῆς λειτουργίας, ἤ μόνον τοῦ ἑσπερινοῦ, εἰ ἐν σαββάτῳ ἤ κυριακῇ τύχοι, ὡς εἴρρηται, οἱ προρρηθέντες ἄρχοντες οἱ καὶ τῆς παραστάσεως ὑπηρέται τὰ βασιλικὰ φέροντες φλάμουλα τῆς προκύψεως ἱστῶσι καταντικρύ.

Фламулъ было двѣнадцать, и передъ ними становился царскій оруженосецъ скутерій, несшій дивеллій — личное знамя или знакъ царя, которое носилось передъ нимъ, куда бы онъ ни отправлялся (Cod. de Off. p. 39_{15}). По словамъ Кодина выстраиваніе фламулъ было древнимъ обычаемъ. Прежде за каждой фламулой стояло 500 человѣкъ, т. е. всего при фламулахъ было 6000 человѣкъ являвшихся личной гвардіей царя. Ко времени составленія книги сохранились при каждомъ знакѣ только небольшіе отряды, которыми иногда командовали высшіе чины. Различныя фламулы описаны (Cod. de Off., p. 47_{21} sq.). Ихъ было 6 паръ, причемъ каждая пара состояла изъ двухъ одинаковыхъ фламулъ: 1. архистратига-архангела Михаила; 2. октоподіи, — съ восемью языками, — имѣвшія изображенія многихъ іерарховъ-отцовъ церкви;[1] 3. кресты съ изображеніями на концахъ св. великомучениковъ воиновъ: свв. Димитрія Солунскаго, Прокопія и двухъ Ѳеодоровъ, Тирона и Стратилата; 4. св. Георгія на конѣ; 5. драконтеи, — съ изображеніемъ драконовъ и 6. съ конной фигурой царя. Отрядомъ, сопровождающимъ послѣднихъ, командовалъ великій дука; тѣмъ, который былъ при крестѣ — великій доместикъ (Cod. de Off. 28_{12} sq.). Возможно, что часть фламулъ была знаками исчезнувшихъ ко времени Палеологовъ схолъ. Во всякомъ случаѣ, по числу отдѣльныхъ отрядовъ и людей, входившихъ въ каждый изъ нихъ, можно предположить, что Кодинъ имѣлъ именно ихъ въ виду (J. Bury. The Imperial Admin. Syst. p. 49 sq.), хотя едва ли имъ принадлежали всѣ знаки. Объ особыхъ знакахъ, которые были у схоларіевъ и эскувитовъ узнаемъ изъ книги церемоній Константина. Въ спискѣ Филоѳея упоминаются между чинами схоларіевъ и эскувитовъ — эвтихофоры (εὐτυχοφόροι) и скиптроносцы (σκηπτοφόροι), у эскувитовъ драконаріи (δρακονάριοι), скевофоры (σκευοφόροι) и синаторы (σινάτορες), несшіе какіе то значки (De cerim. p. 752_{7}). Знакъ съ изображеніемъ дракона сохранился, повидимому, до послѣднихъ дней византійской имперіи.

За царскими знаками и знаменами стояли оруженосцы съ фламулами деспотовъ, родственниковъ царя и архонтовъ. При разстановкѣ ихъ не соблюдалось особаго порядка, т. е. не было мѣстничества. За ними стояли съ знаками димарховъ.[2] Этотъ обычай клалъ на картину особый отпечатокъ и указывалъ на выдѣлившуюся наряду съ чиновничествомъ и народомъ новую сословную силу феодаловъ. Толпа оруженосцевъ съ флажками своихъ господъ, едва ли показалась бы чуждой пришедшему въ качествѣ зрителя западному рыцарю или генуэзскому и венеціанскому купцу.

За слугами архонтовъ стояли слуги димарховъ. Димархи сохранились, какъ главари городского населенія и въ XIV вѣкѣ. Трудно опредѣлить ихъ значеніе, но, повидимому, не простая случайность, что сохранились именно они, какъ представители городской — политической части димовъ, а не димократы, превратившіеся въ придворныхъ чиновъ и потерявшіе всякое значеніе съ исчезновеніемъ городской милиціи и измѣненіемъ въ церемоніалѣ, почти совершенно упразднившемъ участіе димовъ въ торжествахъ, но все же не уничтожившемъ его.

Когда служба подходила къ концу, царь входилъ въ церковь для проскинисиса и принятія антидора. Пѣвцы и чтецы встрѣчали его многолѣтіемъ (Cod.

---

[1]) Подобный знакъ, только имѣющій 4 конца, изображенъ на одной изъ миніатюръ серальскаго октотевха XI—XII в. (Ch. Diehl, Manuel d'art byzantin, Paris 1925, t. I, p. 417).

[2]) Cod. de Off. p. 48_{14}. ὄπισθεν δὲ τῶν τοιούτων βασιλικῶν φλαμούλων ἵστανται τὰ τῶν δεσποτῶν καὶ τῶν ἀρχόντων οὐ μὴν καὶ κατὰ τάξιν. τούτων δ'οὖ ὄπισθεν τὰ τῶν δημάρχων.

de Off. p. 48_{18}). Послѣ этого царь отправлялся на прокипсисъ.[1] Въ какой церкви происходила служба, не говорится у Кодина. Гейзенбергъ считаетъ, что это было во Влахернской церкви и что именно передъ ней ставился прокипсисъ. (A. Heisenberg. Aus Geschichte und Litteratur der Paleologenzeit. Sitzungsberichte der bayerischen Akademie d. Wissenschaft. 1920. Abh. X. p. 85.). По Д. Ѳ. Бѣляеву, царь оставался въ Влахернскомъ дворцѣ и ходилъ въ какую либо изъ дворцовыхъ церквей, гдѣ служилъ протопопъ (Бѣляевъ. l. c. p. 259). Въ Крещеніе туда приходитъ служить вселенскій патріархъ или кто либо изъ другихъ патріарховъ, гостившихъ въ Константинополѣ. Если въ городѣ случалось не быть ни одному изъ патріарховъ, то совершалъ богослуженіе и освѣщалъ воду дворцовый протопопъ (Cod. de Off. p. 64_{21} sq.), что ясно указываетъ на службу въ дворцовой церкви, къ которымъ не принадлежали, конечно, ни св. Софія, ни храмъ Влахернской Богоматери, выходы въ которые въ извѣстные праздники особо отмѣчаются Кодинымъ.

Поэтому можно только заключить, какъ это сдѣлано Гейзенбергомъ (l. c. p. 85. Anm. 7), что прокипсисъ происходилъ на вольномъ воздухѣ, гдѣ-либо на площади или точнѣе на большомъ дворцовомъ дворѣ, какъ на это неоднократно указываетъ Кодинъ (Cod. de Off. p. 49_{8}. ἐν τῇ αὐλῇ; 52_{3}). О томъ, что все происходило именно во дворцѣ свидѣтельствуетъ и Никифоръ Григора. Въ 1341 году, Іоанна Кантакузина, которой сопровождалъ въ сочельникъ при церемоніи прокипсиса, происходившей въ „воздушномъ домикѣ“ во дворцѣ, молодого царя Іоанна V Палеолога, народъ встрѣтилъ ругательствами. Часть же толпы окружила дисмотирій — зданіе посреди царскаго двора — гдѣ въ то время жила мать Кантакузина, выражая криками и бранью по адресу послѣдней свои враждебныя чувства.[2] На томъ же дворѣ происходилъ прокипсисъ въ Крещеніе (Gregorae, p. 617_{22}). Его, вѣроятно, тамъ же совершалъ и предшествующій царь, т. к. эта церемонія была принята при дворѣ Палеологовъ.

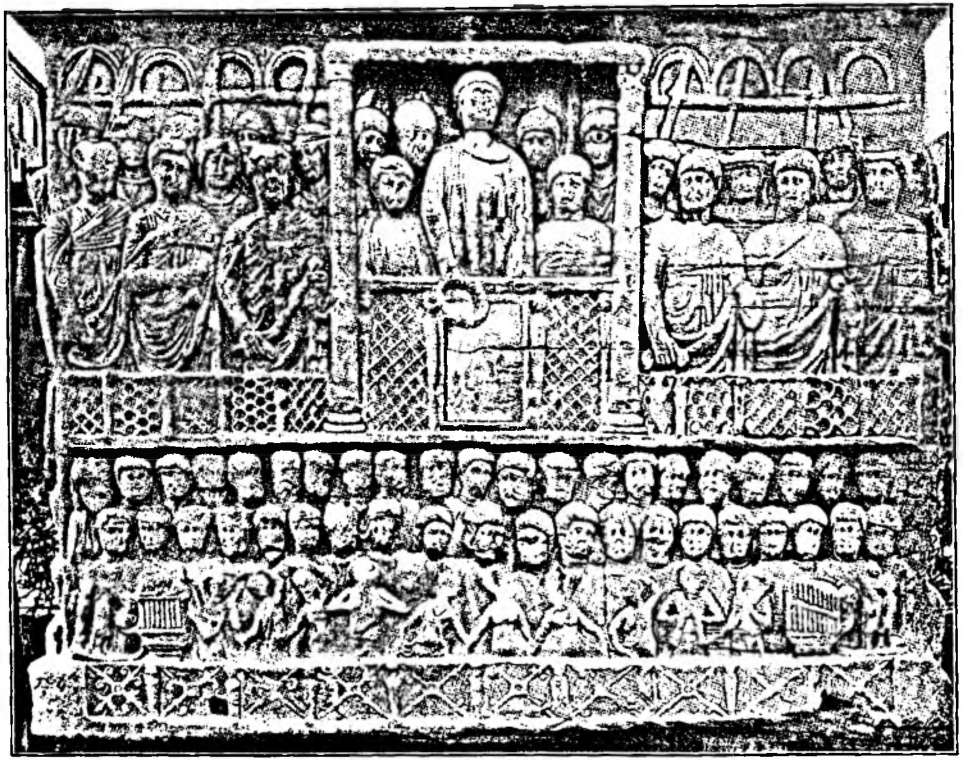
Не будемъ сейчасъ касаться тѣхъ случаевъ, когда церемонія завѣдомо происходила внѣ стѣнъ Константинополя, какъ напр. при Ласкаряхъ въ Никеѣ или Магнезіи и при Іоаннѣ VI Кантакузинѣ въ Силимвріи, и того прокипсиса, что́ по мнѣнію Гейзенберга (хотя онъ этимъ самъ себѣ противорѣчитъ) происходилъ въ катихуменіяхъ св. Софіи (Heisenberg l. c. p. 89 sq.), т. к. это только запутываетъ вопросъ. Ограничимся пока, по чисто методологическимъ соображеніямъ, только тѣмъ, что названо прокипсисомъ и у оффиціальнаго церемоніалмейстера и у Григоры, вопреки утвержденію Гейзенберга (Ibidem. p. 90). Григора опредѣленно говоритъ, что царь совершалъ прокипсисъ, правда употребляя при этомъ не существительное, а соотвѣтствующій глаголъ προκύπτω.

Возвращаемся къ описанію самой церемоніи. Мы остановились на томъ мѣстѣ, когда царь, выйдя изъ церкви, отправился къ особаго рода помосту, стоявшему

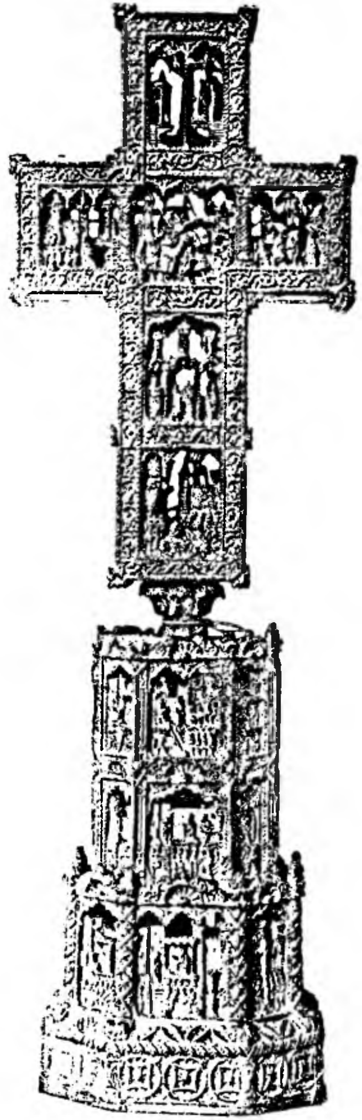
[1]) Cod. de Off. p. 48_{21}. εἶτα ἀπέρχεται ὁ βασιλεὺς ἐπὶ τῆς προκύψεως.

[2]) Gregorae II, p. 616_{16}. Κατὰ μέντοι τὴν τοῦ δεκεμβρίου τετάρτην καὶ εἰκοστὴν, περὶ δειλὴν ὀψίαν, ὁπότε τὴν γενέθλιον πανήγυριν ἑορτάζομεν τοῦ σωτῆρος Χριστοῦ, ἀνεβίβασε τοῦτον κἀν τῷ τοῦ παλατίου Αἰθερίῳ οἰκίσκῳ· ὅθεν καὶ οἱ πρὸ αὐτοῦ βασιλεῖς εἰώθεισαν τὴν τοιαύτην ἡμέραν προκύπτειν, ἀθροιζομένου τοῦ πλήθους τῶν Βυζαντίων, καὶ παντὸς τοῦ στρατοῦ, καὶ ἀνυμνούντων αὐτοὺς εὐχαῖς τε καὶ εὐφημίαις παντοίαις κάτωθεν, κατ' εἰκόνα τοῦ πάλαι θριάμβου 'Ρωμαίων. Καὶ ἦν αὐτήκοος τούτων ἁπάντων ἡ τοῦ Καντακουζηνοῦ μήτηρ, δυσμωτεήριον οἰκοῦσα μεταξὺ τῆς βασιλείου αὐλῆς, ἔνθα τὸ ἄθροισμα τοῦ δήμου κατά ποταμοὺς συνέρρει καὶ συνεκροτεῖτο...

2

Къ статьѣ М. А. Андреевой, стр. 171.

1

Поставец

Шуваловского Дворца-Музея.

de Off. p. 48_{18}). Послѣ этого царь отправлялся на прокипсисъ.[1] Въ какой церкви происходила служба, не говорится у Кодина. Гейзенбергъ считаетъ, что это было во Влахернской церкви и что именно передъ ней ставился прокипсисъ. (A. Heisenberg. Aus Geschichte und Litteratur der Paleologenzeit. Sitzungsberichte der bayerischen Akademie d. Wissenschaft. 1920. Abh. X. p. 85.). По Д. Ѳ. Бѣляеву, царь оставался въ Влахернскомъ дворцѣ и ходилъ въ какую либо изъ дворцовыхъ церквей, гдѣ служилъ протопопъ (Бѣляевъ. l. c. p. 259). Въ Крещеніе туда приходитъ служить вселенскій патріархъ или кто либо изъ другихъ патріарховъ, гостившихъ въ Константинополѣ. Если въ городѣ случалось не быть ни одному изъ патріарховъ, то совершалъ богослуженіе и освѣщалъ воду дворцовый протопопъ (Cod. de Off. p. 64_{21} sq.), что ясно указываетъ на службу въ дворцовой церкви, къ которымъ не принадлежали, конечно, ни св. Софія, ни храмъ Влахернской Богоматери, выходы въ которые въ извѣстные праздники особо отмѣчаются Кодинымъ.

Поэтому можно только заключить, какъ это сдѣлано Гейзенбергомъ (l. c. p. 85. Anm. 7), что прокипсисъ происходилъ на вольномъ воздухѣ, гдѣ-либо на площади или точнѣе на большомъ дворцовомъ дворѣ, какъ на это неоднократно указываетъ Кодинъ (Cod. de Off. p. 49_8. ἐν τῇ αὐλῇ; 52_8). О томъ, что все происходило именно во дворцѣ свидѣтельствуетъ и Никифоръ Григора. Въ 1341 году, Іоанна Кантакузина, которой сопровождалъ въ сочельникъ при церемоніи прокипсиса, происходившей въ „воздушномъ домикѣ“ во дворцѣ, молодого царя Іоанна V Палеолога, народъ встрѣтилъ ругательствами. Часть же толпы окружила дисмотирій — зданіе посреди царскаго двора — гдѣ въ то время жила мать Кантакузина, выражая криками и бранью по адресу послѣдней свои враждебныя чувства.[2] На томъ же дворѣ происходилъ прокипсисъ въ Крещеніе (Gregorae, p. 617_{22}). Его, вѣроятно, тамъ же совершалъ и предшествующій царь, т. к. эта церемонія была принята при дворѣ Палеологовъ.

Не будемъ сейчасъ касаться тѣхъ случаевъ, когда церемонія завѣдомо происходила внѣ стѣнъ Константинополя, какъ напр. при Ласкаряхъ въ Никеѣ или Магнезіи и при Іоаннѣ VI Кантакузинѣ въ Силимвріи, и того прокипсиса, что́ по мнѣнію Гейзенберга (хотя онъ этимъ самъ себѣ противорѣчитъ) происходилъ въ катихуменіяхъ св. Софіи (Heisenberg l. c. p. 89 sq.), т. к. это только запутываетъ вопросъ. Ограничимся пока, по чисто методологическимъ соображеніямъ, только тѣмъ, что названо прокипсисомъ и у оффиціальнаго церемоніалмейстера и у Григоры, вопреки утвержденію Гейзенберга (Ibidem. p. 90). Григора опредѣленно говоритъ, что царь совершалъ прокипсисъ, правда употребляя при этомъ не существительное, а соотвѣтствующій глаголъ προκύπτω.

Возвращаемся къ описанію самой церемоніи. Мы остановились на томъ мѣстѣ, когда царь, выйдя изъ церкви, отправился къ особаго рода помосту, стоявшему

---

[1]) Cod. de Off. p. 48_{21}. εἶτα ἀπέρχεται ὁ βασιλεὺς ἐπὶ τῆς προκύψεως.

[2]) Gregorae II, p. 616_{16}. Κατὰ μέντοι τὴν τοῦ δεκεμβρίου τετάρτην καὶ εἰκοστὴν, περὶ δειλὴν ὀψίαν, ὁπότε τὴν γενέθλιον πανήγυριν ἑορτάζομεν τοῦ σωτῆρος Χριστοῦ, ἀνεβίβασε τοῦτον κἀν τῷ τοῦ παλατίου Αἰθερίῳ οἰκίσκῳ· ὅθεν καὶ οἱ πρὸ αὐτοῦ βασιλεῖς εἰώθεισαν τὴν τοιαύτην ἡμέραν προκύπτειν, ἀθροιζομένου τοῦ πλήθους τῶν Βυζαντίων, καὶ παντὸς τοῦ στρατοῦ, καὶ ἀνυμνούντων αὐτοὺς εὐχαῖς τε καὶ εὐφημίαις παντοίαις κάτωθεν, κατ' εἰκόνα τοῦ πάλαι θριάμβου 'Ρωμαίων. Καὶ ἦν αὐτήκοος τούτων ἁπάντων ἡ τοῦ Κανταχουζηνοῦ μήτηρ, δυσμωτεήριον οἰκοῦσα μεταξὺ τῆς βασιλείου αὐλῆς, ἔνθα τὸ ἄθροισμα τοῦ δήμου κατά ποταμοὺς συνέρρει καὶ συνεκροτεῖτο...

2
Къ статьѣ М. А. Андреевой, стр. 171.

1
Поставец
Шуваловского Дворца-Музея.

XIII

на дворѣ. Одновременно съ нимъ выходитъ весь царскій клиръ, т. е. причтъ дворцовыхъ церквей, въ соотвѣтствующихъ празднику облаченіяхъ, и становится передъ фламулами (Cod. de Off. p. 48_{21}.). Между ними и фламулами стоятъ тѣ, которыхъ обычно называютъ παιγνιῶται, пэгніоты, и которыхъ Гретцеръ называетъ Spielleute (Cod. Comment. p. 288) — скоморохи со своими инструментами. Къ нимъ принадлежали трубачи, букинаторы, анакаристы съ кимвалами и флейтисты; обычно они приблизительно въ такомъ же составѣ выступаютъ на ипподромѣ. Изъ играющихъ на органѣ ни одинъ не стоитъ съ ними (Cod. de Off. p. 49_1) — они находились со своими инструментами гдѣ-то въ другомъ мѣстѣ и составляютъ особую группу.

Послѣ нихъ приходятъ тѣ, у которыхъ есть своя опредѣленная форма, т. е. чины, и разставляются ранѣе пришедшими распорядителями такъ, какъ они стоятъ обыкновенно при пріемахъ въ триклинѣ. Точно также разставляются и варяги, которые стоятъ совсѣмъ вблизи колоннъ, поддерживающихъ помостъ. Они держатъ сѣкиры на рукахъ и поднимаютъ на плечи, когда царь появляется наверху изъ-за завѣсъ.[1]

Вмѣстѣ съ царемъ на прокипсисъ восходятъ деспоты, а изъ чиновъ за ними слѣдуетъ лампадарій и протовестіарій. Лампадарій, несущій дивампулу съ лампадой, т. е. золотой подсвѣчникъ (Cod. de Off. p. 44_{10}) съ большой свѣчей, которая была особенно разукрашена: концы ея были окрашены киноварью, середина же была украшена золотыми лепестками, съ крестами въ красныхъ кружкахъ, образовывавшими вѣнчикъ, защищающій одежду несущаго отъ капающаго воска (Ibidem. p. 45_2).

Этотъ подсвѣчникъ съ большой свѣчей, называвшейся лампадой, игралъ роль и въ церемоніяхъ X вѣка, но тогда онъ не выносился за предѣлы церкви, точнѣе св. Софіи, гдѣ царь въ извѣстный моментъ богослуженія бралъ его изъ рукъ препозита и несъ впереди Святыхъ Даровъ. Это входило въ его обязанности, въ связи съ ношеніемъ званія депутата и дефенсора церкви. Первое званіе было незначительно, но ставило царя надъ мирянами и давало право входить черезъ царскія врата алтаря и причащаться, какъ духовному лицу, подъ обоими видами отдѣльно (Бѣляевъ. l. c. p. 165). Позднѣе въ связи съ измѣненіями въ царскихъ выходахъ, которые стали совершаться по типу малыхъ, и когда большой торжественный выходъ въ св. Софію сохранился только въ день коронаціи, царь сталъ пользоваться своимъ правомъ причащаться, какъ духовенство, только въ этотъ день. Быть можетъ, въ связи съ этимъ сталъ пріобрѣтать большее значеніе и другой моментъ — право перенесенія лампады, которая въ конечномъ итогѣ была присвоена царями, какъ эмблема ихъ принадлежности къ царкви и права быть ея дефенсоромъ и покровителемъ, что вполнѣ согласуется съ тенденціями въ области религіозной жизни династій Комниновъ, Ангеловъ, Ласкарей и Палеологовъ, въ частности послѣднихъ, вводившихъ нѣсколько разъ унію. Во всякомъ случаѣ ношеніе лампады во времена Кодина уже вполнѣ укоренившійся обычай, происхожденіе котораго забыто,

---

[1]) Cod. de Off. p. 49_1. εἶτα ἔρχονται ὡσαύτως μετὰ τῶν φορεμάτων, καὶ ἵστανται ἕκαστοι κατὰ τὴν τάξιν αὐτῶν, καθὰ καὶ ἐν τῷ τρικλίνῳ ὁμοίως καὶ οἱ Βάραγγοι, καὶ ἵστανται καὶ οὗτοι ἐν τῇ αὐλῇ πλησίον τῶν τῆς προκύψεως κιονίων, φέροντες τάς πελέκας αὐτῶν ἐπὶ τῶν καρποχείρων αὐτῶν . τοῦ βασιλέως δὲ ἄνωθεν ἀπὸ τῆς προκύψεως φανέντος αἴρουσιν αὐτὰς πάντες ὡς ἔθος, ἐπὶ τῶν ὤμων αὐτῶν.

и для объясненія его прибѣгнуто, какъ обычно въ этихъ случаяхъ, къ вымыслу морализующаго характера. Лампада должна была олицетворять слова Христа: „Такъ да свѣтитъ свѣтъ вашъ передъ людьми, чтобы они видѣли ваши добрыя дѣла и прославляли Отца Вашего Небеснагѹ“. Матѳ. V_{16}. (Cod. de Off. p. 51_{16}). Лампада будетъ и дальше фигурировать во время обряда явленія царя народу наряду съ обнаженнымъ мечемъ, символизирующимъ свѣтскую власть государя и полководца.

Когда царь шелъ къ прокипсису, была, опущена завѣса, закрывающая его отъ глазъ зрителей, когда же начиналось восхожденіе на прокипсисъ, вѣроятно, по лѣстницѣ, протовестіарій, поднимая въ правой рукѣ пилатикіи, давалъ ими знакъ, по которому завѣса подымалась и становился видимъ подымающійся наверхъ царь.[1] Это предварительное явленіе не сопровождалось ни музыкой ни славословіемъ, царь даже не останавливался. Т. О. сооруженіе, названное Кодина прокипсисомъ, рисуется въ видѣ шатра изъ завѣсъ.

Протовестіарій, одинъ изъ важнѣйшихъ чиновъ, исполняетъ во время всего обряда роль главнаго церемоніалмейстера, что не входило въ его обязанности при другихъ торжествахъ. Пилатикіи были особый значекъ, который толкуется Гоаромъ, какъ родъ флажка, привѣшаннего къ палочкѣ, une banderolle (Cod. Comment. p. 289). Кодинъ, ведущій ихъ происхожденіе изъ Мидіи, разсказываетъ, что когда то пилатикіи были украшеніями изъ матеріи (шириной съ ладонь и въ длину около 20 см.), носившимися на шнурѣ на шеѣ судьями и указывавшими на ихъ достоинство, точно такъ же, какъ прежде стратигами носились гривны (Cod. de Off. p. 54_5). Во всемъ этомъ разсказѣ, кромѣ описанія самаго предмета, носитъ еще реальный характеръ указаніе на то, что онъ былъ присущъ гражданскимъ чинамъ, и намъ кажется, что по формѣ и назначенію его скорѣе всего можно сопаставить съ маппой, родъ платка, которой консулъ когда-то давалъ знакъ для начала игръ (см. Диптихъ консула Анастасія, Wulff, Altchrist. u. byzant. Kunst, Abb. 194), и которая, судя по изображенію, имѣла приблизительно ту же форму.

Наверху прокипсиса, вѣроятно въ особомъ помѣщеніи, находились приготовленныя на этотъ случай торжественныя облаченія царя. Между ними была стемма и то изъ одеждъ, что царь собирался надѣть; въ этомъ предоставлялась нѣкоторая свобода выбора. Обязательнымъ было также ношеніе при прокипсисѣ, какъ и при торжественномъ шествіи въ Вербное Воскресеніе, высокихъ красныхъ сапогъ, украшенныхъ жемчугомъ и драгоцѣнными камнями, цангій (Cod. de Off. p. 31_9). Все это было напередъ доставлено изъ дворца слугами. При переоблаченіи долженъ былъ помогать только протовестіарій.[2] Такія переоблаченія на мѣстѣ хорошо извѣстны по церемоніалу Константина Багряно-

---

1) Cod. de Off. p. 49_{12}. Ἀνερχομένου οὖν τοῦ βασιλέως, ὡς δεδήλωται, εἰς τὴν πρόκυψιν συνανέρχονται καὶ οἱ δεσπόται, ἔτι δὲ ὁ λαμπαδάριος μετὰ τοῦ διβαμπούλου καὶ τῆς λαμπάδος καὶ ὁ πρωτοβεστιάριος· καὶ ἐπειδὴ κρέμανται βηλόθυρα εἰς τὴν πρόκυψιν τὴν τοῦ βασιλέως καλύπτοντα θεωρίαν, ὁ πρωτοβεστιάριως παλατικία κρατῶν ἀπηωρημένα γε ὄντα κατὰ τὴν δεξιάν χεῖρα αὐτοῦ, περὶ ὧν μετ' ὀλίγον ῥηθήσεται, ἐκβαλῶν αὐτὰ ἀπὸ τοῦ βηλοθύρου δείκνυσι πρὸς τὸν λαόν, δηλῶν διὰ τοῦτον, ὅτι ἀνῆλθεν ὁ βασιλεὺς εἰς τὴν πρόκυψιν.

2) Cod. de Off. p. 49_{20} ὄντος οὖν ἐν τῇ προκύψει τοῦ βασιλέως καὶ τὸ ἑαυτοῦ στέμμα ἤ τι τῶν ἄλλων αὐτοῦ φορεμάτων φορέσειν μέλλοντος, ὁ πρωτοβεστιάριος λαμβὰνων αὐτὸ ἀπὸ τῶν τοῦ ῥουχαρείου ὑπηρετῶν δίδωσι τῷ βασιλεῖ. οὐ μόνον δὲ κατὰ τὸν τοιοῦτον τῶν ἑορτῶν καιρόν, ἀλλὰ καὶ ἀεὶ οὕτω ποιεῖ.

роднаго; при большихъ выходахъ въ св. Софію царь переоблачался нѣсколько разъ по пути.

Послѣ того, какъ царь переоблачился, протовестіарій снова даетъ знакъ, который увѣдомляетъ присутствующихъ, что царь готовится къ церемоніи. Наверху съ царемъ остается одинъ изъ архонтопуловъ, прислуживающихъ царю при дворѣ мальчиковъ знатнаго происхожденія, иногда изъ родственниковъ царя, на обязанности котораго было держать царскій мечъ такъ, чтобъ несущаго его не было бы видно. Обычно несущій мечъ при публичныхъ выходахъ царя великій доместикъ стоитъ внизу во дворѣ съ остальными чинами.[1] Во время самой церемоніи протовестіарій, принимающій дѣятельное участіе въ приготовленіяхъ, становится, оставаясь на помостѣ, въ сторону отъ того домика или шатра изъ завѣсъ, въ которомъ явится царь и его родственники; но все же онъ стоитъ гдѣ-нибудь на виду, чтобъ даваемый имъ знакъ, былъ бы видимъ всѣмъ.

Царь становился на прокипсисѣ такъ, чтобъ при раскрытіи завѣсы онъ былъ бы виденъ отъ колѣнъ выше, при этомъ онъ держитъ въ правой рукѣ крестъ, а въ лѣвой акакію. Также, какъ царь, облаченъ и сынъ царя, если онъ вѣнчанъ на царство, но имѣетъ на головѣ не стемму, а стефаносъ-вѣнецъ. Онъ также становился такъ, чтобъ его было видно отъ колѣнъ выше. Если же онъ не вѣнчанъ, то сохраняетъ обычную свою одежду, каввадій, и на головѣ фіалъ, вѣнецъ, который полагался при каввадіи. Деспоты и остальные родственники царя располагались такъ, чтобъ ихъ видно было бы только отъ груди. Вѣроятно, чтобъ достичь этого, царь становился на особое возвышеніе, которое было сокрыто отъ глазъ зрителей баллюстрадой съ накинутой на нее тканью, тогда какъ остальные стояли просто на полу.[2]

Когда всѣ размѣстились, протовестіарій даетъ опять, въ третій разъ, знакъ палатикіями собравшимся, что царь стоитъ въ прокипсисѣ. Т. е. прокипсисомъ называли уже не только всю церемонію и сооруженіе, на которомъ она происходила, но и въ частности тотъ моментъ, когда царь становился вышеуказаннымъ образомъ. Тотчасъ по знаку протовестіарія отворялась завѣса, закрывавшая прокипсисъ отъ зрителей, и становился видимъ царь и за нимъ лампада и мечъ такимъ образомъ, что несущіе ихъ были невидимы.[3]

Завѣсы играютъ большую роль въ византійскомъ дворцовомъ церемоніалѣ, онѣ встрѣчаются не разъ въ книгѣ церемоній Константина. Эти завѣсы то раздвигаютъ, то поднимаютъ, въ особенности во время пріемовъ чиновъ. Раз-

---

[1]) Cod. de Off. p. 51_{20}. Μετά μέντοι τὸν βασιλέα ἀλλάξαι τὰ ἑαυτοῦ φορέματα, ὁ πρωτοβεστιάριος ἐμφανίζει αὖθις τά πιλατίκια, τὴν τοῦ βασιλέως δεικνύων ἑτοιμασίαν. τὴν δὲ σπάθην αὐτοῦ φέρει ἀρχοντόπουλον ἀσκεπές, τῶν ἐγγὺς προσηκόντων τῷ βασιλεῖ. ὁ γάρ μέγας δομέστικος ἵσταται καὶ οὗτος μετὰ τῶν λοιπῶν ἀρχόντων ἐν τῇ αὐλῇ.

[2]) Cod. de Off. p. 52_{4}. Σταθεὶς οὖν ὁ βασιλεὺς ἐπὶ τῆς προκύψεως φαίνεται ἀπὸ τῶν γονάτων καὶ ἄνω, ἐν μὲν τῇ δεξιᾷ τὸν σταυρὸν φέρων, ἐτ᾽δὲ τῇ ἀριστερᾷ τὴν ἀκακίαν ὡς δεδήλωται αὐτὰ ταῦτα φορεῖ ὁ βασιλεὺς καὶ ὁ υἱὸς αὐτοῦ, εἰ ἐστεμμένος εὑρίσκεται· εἰ δὲ μή, τὸ σύνηθες ῥοῦχον αὐτοῦ, καὶ ἐπ᾽ αὐτὸ λεγόμενον φυαλὶν μετα λίθων καὶ μαργάρων. ἐπὶ κεφαλῆς δὲ φέρει στέφανον, φαινόμενος καὶ οὗτος ἀπὸ τῶν γονάτων καὶ ἄνω. τῶν δὲ δεσποτῶν· τὰ μὲν λοιπὰ τῶν σωμάτων κρύπτονται, ἀπὸ δὲ τοῦ στήθους καὶ ἄυω φαίνονται.

[3]) Cod. de Off. p. 52_{13}. Μετὰ γοῦν τὸ ἑτοιμασθῆναι τὸν βασιλέα καὶ σταθῆναι, ὁ πρωτοβεστιάριος, ἐμφανίζει πάλιν ἐκτριτοῦ τὰ παλατίκια, δηλον διὰ τούτου ὅτι ὁ βασιλεὺς ἐστάθη εἰς τὴν πρόκυψιν καὶ παρευθὺς ἀνοίγουσι τὰ βηλόθυρα, καὶ οὔτε ὁ πρωτοβεστιάριος, οὔτε ὁ λαμπαδάριος, οὔτε μὴν ὁ βασιλικὴν φέρων σπάθην φαίνονται ὅλως, εἰ μὴ ἡ σπάθη μόνη καὶ ἡ λαμπάς.

личныя группы этихъ чиновъ, прежде чѣмъ войти въ помѣщеніе, гдѣ сидѣлъ царь, готовый ихъ принять (Д. Ѳ. Бѣляевъ, l. c. p. 61), собирались и ждали у установленныхъ для каждой изъ нихъ входовъ, отдѣленныхъ отъ пріемнаго зала занавѣсами.

Вмѣстѣ съ открытіемъ завѣсы, когда становился видимъ одинъ царь, а остальные, стоя ниже, какъ-бы составляли фонъ картины, пѣвчіе пѣли „многая лѣта" и начиналъ играть органъ. Все это продолжалось установленное время.[1] Затѣмъ царь давалъ мандиліемъ — кускомъ матеріи, заключавшемъ въ себѣ акакію (Cod. Comment. p. 292) — знакъ прекратить музыку. Пѣвчіе снова начинали пѣть, на этотъ разъ стихи къ празднику и потомъ особое пѣснопѣніе „Родился Христосъ, вѣнчающій тебя, о царь". Все исполнялось въ теченіи напередъ установленнаго времени. Эти стихи спеціально составлялись на случай прокипсиса придворными поэтами, обыкновенно каждый разъ новые. Примѣромъ могутъ послужить многочисленныя (20) стихотворенія, написанныя риторомъ Мануиломъ Голоболомъ, современникомъ Михаила VIII Палеолога, главнымъ образомъ, къ праздникамъ Рождества и Крещенія (Anecdota graeca. Paris 1833). Гейзенбергъ вкратцѣ передаетъ ихъ содержаніе (Aus Gesch. u. Lit. d. Paleologenzeit. p. 115 sq.), приводя также текстъ стихотворенія Николая Ириникія для прокипсиса при бракосочетаніи Іоанна III Ватаца съ Анной Констанціей, дочерью Фридриха II (Ibidem p. 100 sq.). Онъ также указываетъ, что въ XII вѣкѣ существовали такіе стихи, сочиненные Ѳеодоромъ Продромомъ по случаю нѣсколькихъ бракосочетаній (Heisenberg, l. c. p. 93—4), такъ въ 1147/8 годъ — на свадьбу герцога Генриха съ Ѳеодорой, племяницей императора Мануила, и на другія въ 1165—6 и въ 1172 году.[2] Гейзенбергъ связываетъ ихъ съ церемоніей прокипсиса.

Въ стихахъ на праздники проводится аналогія между евангельскимъ или библейскимъ разсказомъ и дѣйствіями царя; въ свадебныхъ говорится о новобрачныхъ, сравнивая ихъ съ солнцемъ и луной и воспѣвая ихъ блескъ. Это дало поводъ Гейзенбергу, выводящему этотъ эпитетъ изъ культа царя солнца Геліоса, вспомнивъ звѣздную виѳлеемскую ночь, заключить, что освѣщеніе составляло существенную сторону обряда (Ibidem, p. 122). Въ детальномъ описаніи Кодина, ни объ какихъ приготовленіяхъ къ этому не говорится (упоминается только царская лампада; у Кантакузина, II 587_{18} sq., при свадьбѣ дочери онѣ въ большомъ количествѣ), и если помѣщеніе прокипсиса было освѣщено, то это являлось простой необходимостью, а не сущностью церемоніи, которая обыкновенно совершалась въ 3 часа дня, часъ еще неблагопріятный для иллюминаціи, Какъ далека была риторика отъ дѣйствитель-

---

[1]) Cod. de Off. p. 52_{17}. ἅμα γοῦν τῷ ἀνοιγῆναι ταῦτα καὶ τὸν βασιλέα καὶ μόνον φανῆναι, εὐθὺς ψάλλουσιν οἱ ψάλται τὸ πολυχρόνιον, τῶν ὀργάνων ἠχούντων, διαφόρων ὄντων, ὡς εἴρηται. οἱ μέντοι ψάλται μετά τοῦ πολυχρονίσαι σιωπῶσιν, τὰ ὄργανα δὲ ἤχουσι μέχρι καὶ ἱκανῆς ὥρας . εἶτα τοῦ βασιλέως ἠρέμα τὸ μανδύλιον κινήσαντος παραυτίκα καὶ ταῦτα παύουσιν, καὶ ἄρχονται πάλιν οἱ ψάλται, προσφόρους λέγοντες στίχους τῇ ἑορτῇ, καὶ μετ᾽ὀλίγον „Χριστὸς ἐγεννήθη ὁ στέψας σε βασιλέα", καὶ μετὰ τοῦτο στίχους, καὶ πάλιν αὐτὸ μέχρι καὶ ἱκανῆς ὥρας.

[2]) Первое издано C. Neumann. Griechische Geschichtsschreiber und Geschichtsquellen in 12 Jahrhundert. Leipzig 1888 и два другихъ G. Castelani. Epitalmio di Teodoro Prodromo per la nozze di Teodora Comnena e Gicvanni Contostefano. Венеція, 1888 и Epitalmio di Teodoro Prodromo per la nozze di Giovanni Comneno... Венеція, 1890.

ности — достаточно ясно изъ того, что одна горящая, правда большая, свѣча олицетворяла, по мнѣнію, Кодина добрыя дѣла царя, сіявшія передъ лицомъ его подданныхъ. Стихи на прокипсисъ по своему содержанію и манерѣ пѣться двумя хорами близко подходятъ къ стихотворнымъ славословіямъ, пѣвшимся димами при различныхъ торжественныхъ случаяхъ. Оттуда и отъ стиховъ, читавшихся нотаріями, вѣроятно, вели свое происхожденіе позднѣйшіе стихи. Они, повидимому, отличались болѣе личнымъ характеромъ, хотя случаи такихъ славословій, связанныхъ съ личностью царя, чѣмъ либо выдѣлившагося, могутъ быть омѣчены и прежде (Д. Ѳ. Бѣляевъ I. с. р. 88 о Никифорѣ Фокѣ).

Когда кончалось ихъ пѣніе, начиналась евфимія именъ государей и августъ, послѣ чего пѣвчіе (псальты) пѣли „многая лѣта". Во время ихъ пѣнія опускалась занавѣсь.[1] Обычай евфиміи именъ царя и царицы, иногда и царскихъ дѣтей, идетъ издавна и хорошо извѣстенъ Константину Багрянородному. Въ книгѣ о церемоніяхъ во время пріемовъ димовъ, наряду съ пѣвчими обѣихъ партій прасиновъ и венетовъ выступаетъ и народъ. Слова, которые онъ долженъ былъ выкрикивать, отмѣчены въ актологіяхъ димовъ (напр., на Рождество Христово. De cerim. I 35_{17} sq.). О томъ, что евфимія, которая, судя по формѣ обряда при трaурѣ, была существенной, не подлежащей отмѣнѣ, частью, при Палеологахъ, дѣйствительно превозглашалась народомъ, свидѣтельствуетъ разсказъ Григоры (р. 616_{16}) о тѣхъ безпорядкахъ, которые произошли въ 1341 году, во время церемоніи прокипсиса въ Рождество. Народъ и войско были собраны, какъ обычно въ такихъ случаяхъ, для того, чтобы, стоя внизу, они встрѣтили царя молитвенными пѣснопѣніями и евфиміей, по подобію древнихъ тріумфовъ. Но на этотъ разъ народъ поднялъ шумъ и не пожелалъ привѣтствовать царя евфиміей, а Іоаннъ Кантакузинъ и его мать подверглись оскорбленіямъ (ср. выше стр. 160). Тоже повторилось двѣнадцать дней спустя, въ Крещеніе, при аналогичномъ явленіи царя народу (Gregorae II, р. 617_{22}). Характерный случай, указывающій на скрытое значеніе церемоніала, благодаря которому въ извѣстные дни народъ могъ высказать свое мнѣніе и выразить негодованіе. До конца существованія Византіи василевсамъ ея приходилось прислушиваться, а иногда и считаться съ общественнымъ мнѣніемъ, въ частности, городского населенія. Такое же значеніе имѣли въ X вѣкѣ пріемы партій ипподрома въ фіалахъ и до этого въ самомъ ипподромѣ. Хотя, съ паденіемъ значенія димовъ, начиная съ VII вѣка (Ѳ. И. Успенскій. Партіи цирка и димы въ Константинополѣ. Виз. Времен. т. I, 1894 г, стр. 3), церемоніи эти теряли свое значеніе, и въ связи съ этимъ сокращались число ихъ и пышность, все же онѣ подъ другимъ именемъ и сильно видоизмѣненныя сохранились до конца имперіи.

Послѣ евфиміи снова играетъ органъ, но недолго, пока расходятся отдѣльные отряды съ знаменами-фламулами. Царь разоблачался, и нарядное облаченіе относилось въ вестіарій; самъ онъ въ каждодневномъ своемъ платьѣ отправлялся къ трапезѣ (Cod. de Off. p. 53_7). О связи прокипсиса съ прежними пріемами димовъ какъ представителей народа, свидѣтельствуютъ, какъ сравненіе церемоніаловъ, такъ и филологическій разборъ слова πρόκυψις и форма самаго сооруженія, гдѣ церемонія происходила.

---

[1]) Cod. de Off. p. 53_5. εἶτα γίνεται ἡ εὐφημία τῶν ὀνομάτων τῶν βασιλέων καὶ τῶν δεσποινῶν, μεθ' ἣν πολυχρονίζουσιν αὖθις οἱ ψάλται. τούτου δ'ἔτι ψαλλομένου κλείουσι τὰ βηλόθυρα.

Начнемъ со значенія слова πρόκυψις. Оно употребляется у Кодина, какъ мы видѣли, и въ болѣе широкомъ смыслѣ для обозначенія всей церемоніи и всего сооруженія, въ которомъ эта церемонія совершалась, и въ болѣе узкомъ по отношенію къ извѣстному моменту церемоніи и къ тому, что было необходимо для созданія его, т. е. и къ опредѣленной части всего сооруженія.[1] Впервые встрѣчается это выраженіе въ народной редакціи исторіи Никиты Хоніата (Heisenberg, l. c. p. 85), по случаю празднованія Рождества и отнесено къ извѣстной уже намъ церемоніи. Кромѣ того встрѣчается глаголъ προκύπτω, который въ XIV вѣкѣ по смыслу тѣсно былъ связанъ съ церемоніей прокипсиса. Этотъ глаголъ имѣлъ въ классическомъ греческомъ языкѣ значеніе „являться", возможно, что онъ сохранилъ его и въ средневѣковомъ, хотя встрѣчается рѣдко и почти всегда съ спеціальнымъ значеніемъ. Въ X вѣкѣ болѣе распространена была форма παρακύπτω, которая уже въ XI вѣкѣ замѣнена прежней, напр. у Георгія Кедрина по отношенію къ царю Михаилу V Калафату, который явился взбунтовавшемуся, по поводу удаленія императрицы Зои изъ дворца, народу въ каѳисмѣ ипподрома.[2]

Отъ формы παρακύπτω встрѣчаются существительное παρακύπτικον и прилагательное παρακύπτικος, которыя употребляются, главнымъ образомъ въ извѣстной обстановкѣ, связанной съ церемоніей прокипсиса, пріемами димовъ, съ ипподромомъ и въ церковномъ быту. Послѣднее оставляемъ пока въ сторонѣ, т. к. это отвело бы насъ далеко въ сторону отъ темы.

Для того, чтобы понять значеніе паракиптика, надо вернутся къ пріему димовъ, къ такъ называемымъ δέξιμα, которыя, какъ мы увидимъ, по своему обряду близки къ церемоніи прокипсиса.

Эти торжественные пріемы, значительно сократившіеся ко времени Константина Багрянороднаго, упоминаются четыре раза въ годъ: 1) въ автократорію, т. е. праздникъ въ память начала царствованія, происходившій въ помѣщеніи, называемомъ также, какъ праздникъ, 2) въ Пасху въ „Золотомъ Иппо-

---

[1]) Слово πρόκυψις имѣетъ свою литературу и получило цѣлый рядъ толкованій, которыя въ виду ихъ противорѣчиваго характера оставляемъ въ сторонѣ и обращаемся опять къ разсмотрѣнію источниковъ. Въ этой работѣ очень помогаетъ то, что свѣдѣнія и тексты, за исключеніемъ нѣкоторыхъ изъ Константина Багрянороднаго, собраны цѣлымъ рядомъ ученыхъ, начиная съ Du Cange'a, видѣвшаго въ прокипсисѣ возвышенный тронъ (Glossarium infimae et mediae graecitatis). Позднѣе J. Reiske (въ коментаріи къ De ceremoniis, ed. Bonn. t. X, 135, 301, 227) далъ нѣсколько объясненій: такъ, глаголъ προκύπτειν или παρακύπτειν объясняется имъ (p. 135 и 275), какъ prospicere (главнымъ образомъ — изъ окна); παραχυπτιxὰ — fenestris velae pretensae, при этомъ онъ обращаетъ вниманіе на тотъ моментъ прокипсиса, когда царь ἔστη ἐπάνω τόπου ὑψηλοῦ ἐξαίφνης φανεὶς, ποιήσας τὴν νῦν λεγομένην πρόκυψιν (Nicetae Choniatae in Alexio I, n. 8), т. е. на раздвигающіяся завѣсы; далѣе (p. 301) Reiske отождествляетъ παραχυπτιxόν съ pulvinar, родъ подушки или коврика для сидѣнія, а также и съ той баллюстрадой, которая шла вдоль ложъ ипподрома. Н. П. Кондаковъ (О фрескахъ лѣстницъ Кіево-Софійскаго собора. Зап. Рус. Арх. Общ., т. III, стр. 299) называетъ παραχυπτιxὰ сначала помѣщеніе, закрытое со всѣхъ сторонъ завѣсами, затѣмъ и самый открытый балконъ, а у Д. Ѳ. Бѣляева (Ежедневные пріемы и выходы византійскихъ царей, стр. 131) паракиптикъ — закрытое со всѣхъ сторонъ помѣщеніе. А. Гейзенбергъ, посвятившій этому вопросу спеціальное изслѣдованіе, послѣ цѣлаго ряда очень цѣнныхъ указаній о церемоніи, въ связи съ примѣненіемъ этого обряда при царскихъ свадьбахъ, ищетъ ея происхожденіе въ парадномъ тронѣ Ѳеофила (Aus Gesch. u. Lit. d. Paleologenzeit, p. 92).

[2]) Georgii Cedreni. I. p. 538$_4$. προκύψας οὖν ἀπὸ τοῦ ἐν τῷ ἱπποδρομίῳ καθίσματος.

дроміи“ (ἐν δὲ τῷ χρυσῷ ἱπποδρομίῳ), 3) въ день рожденія города 11-го мая въ Лаханикѣ и 4) въ пятидесятницу въ Пентакостѣ (De Cerim. I p. 283_{17}). О томъ, что они прежде бывали чаще, свидѣтельствуетъ замѣтка во второй книгѣ о церемоніяхъ о томъ, что при Михаилѣ III однажды оба дима, вернувшись съ торжественнаго шествія — проелевсиса въ Крещеніе, направились въ свои фіалы и стали просить о пріемѣ ихъ царемъ (De cerim. lib. II p. 631_{20}).

Празднованіе Крещенія, какъ и Рождества, было тѣсно связано съ участіемъ въ немъ димовъ, которые въ этотъ день подавали свои ливелларіи, своего рода петиціи. (De Cerim. I. I 83_{11}; I 167_{24}). Этотъ обрядъ, по словамъ Θ. И. Успенскаго, потерялъ свое жизненное значеніе и превратился въ остатокъ стариннаго обычая, смыслъ котораго былъ утраченъ (Θ. И. Успенскій. Партіи цирка p. 6.)

Наканунѣ пріема-дексима совершаются въ сигмѣ пѣснопѣнія димовъ и такъ называемый факеларій. (De cerim. I. I cap. 62, p. 278_7 sq). На другой день происходитъ самый пріемъ, которому Константиномъ посвящены двѣ главы 63 и 64. Первая повѣствуетъ объ актологіяхъ димовъ по этому случаю. Намъ интересно начало, когда царь еще не взошелъ на тронъ и кракты поютъ „взойди боговдохновенная царственность“, а народъ трижды подхватываетъ слова:[1] „ἀνάτειλον“ — кличъ, которымъ встрѣчаетъ народъ появленіе царя въ каѳисмѣ ипподрома во время игръ (De cerim. I. I, в. 316_4 sq.). Этотъ кличъ сохранился и въ поздне-византійское время. При Палеологахъ имъ привѣтствовали въ катихуменіяхъ св. Софіи царей и новобрачныхъ (Cod. de Off. p. 97_2), пока они были сокрыты отъ глазъ зрителей завѣсами, тогда какъ при Константинѣ въ то время, когда царь выходитъ на мѣсто пріема. Этотъ кличъ упоминается и при прокипсисѣ во время свадьбы Іоанна III Ватаца (Heisenberg l. c. p. 104. 104) и при свадьбѣ императора Мануила (Ibidem p. 90).

Глава 65 повѣствуетъ о такъ называемомъ пріемѣ „Золотого Ипподромія“, происходившемъ на самомъ дѣлѣ на иліакѣ, открытомъ балконѣ триклина Юстиніана; народъ и димы стояли на прилегавшемъ къ нему дворѣ или фіалѣ димовъ. Судя по названію, пріемъ этотъ раньше происходилъ въ каѳисмѣ ипподрома. Угромъ, предупрежденные съ вечера, димархи передаютъ препозиту въ триклинѣ свои ливелларіи, послѣ чего они отправляются въ фіалы, приготовляя все къ пріему царя. (De cerim. p. 285_8 sq.). Пріемы въ двухъ фіалахъ не совершались при Константинѣ, т. к. одинъ изъ нихъ былъ уничтоженъ при Василіи Македонянинѣ и тамъ поставлена баня (Бѣляевъ, l. c. p. XXXVI).

Царь, послѣ ряда церемоній во дворцѣ, отправлялся въ сопровожденіи спаѳарокандидатовъ къ дверямъ, ведущимъ изъ триклина на иліакъ (De cerim. p. 286_{19}. Д. Θ. Бѣляевъ. Обзоръ главныхъ частей большого дворца. Зап. Р. Арх. Общ. т. V p. 17). Тотчасъ при появленіи царя кувикуларій-фоноволъ растилаетъ напротивъ царскаго трона на балюстрадѣ канкеллы, рѣшеткѣ окружавшей со всѣхъ сторонъ открытую площадку, кусокъ ткани, завѣсу или коверъ, называемую паракиптикомъ.[2] Затѣмъ царь особо сложеннымъ концомъ хламиды креститъ народъ, который кричитъ „святъ“, послѣ этого царь садится на тронъ. Въ это время кругомъ него, кромѣ стражи, становятся архонты кувуклія и па-

---

[1]) De cerim. p. 280_5. Πρὸ τοῦ ἀνιέναι τοὺς δεσπότας ἐπὶ τοῦ σέντζου λέγουσιν οἱ κρακτάι· „ἀνάτειλον ἡ ἔνθεος βασιλεία“. φθογγεῖ καὶ ὁ λαὸς ἐκ γ′ „ἀνάτειλον“ καὶ τὰ ἑξῆς.

[2]) De cerim. p. 286_{24}. εὐθέως ἐφαπλοῖ τὸ παρακυπτικὸν ἔμπροσθεν τοῦ σέντζου ἐπάνω τοῦ στηθέου τοῦ καγκέλλου κουβικουλάρις ὁ φωνοβόλος.

триціи, также великіе доместики. Всѣ они стоятъ у паракиптиковъ балюстрады, не прислоняясь къ нимъ, а прямо, какъ мы видимъ на изображеніяхъ каѳисмы.[1] Общая картина пріема вполнѣ соотвѣтствуетъ изображенному (H. Barth, Konstantinopel, Leipzig 1911, Abb. 55, 56, 57).

Послѣ этого препозитъ становится въ позу паракипсиса[2] и отъ имени царя даетъ знакъ рукой трижды народу, послѣ этого начинается игра на органѣ, пѣніе евфиміи народомъ и особаго пѣснопѣнія-апелатика, во время котораго великіе доместики получаютъ знакъ, что они должны спуститься внизъ, гдѣ стоитъ народъ. Актологія продолжается; ко времени окончанія ея, по знаку, начинаютъ расходиться чины. По окончаніи царь встаетъ при звукахъ органа и становится за трономъ. Отъ его имени затѣмъ дается черезъ посредство препозита знакъ фоноволу, который, совершивъ паракипсисъ,[3] дѣлаетъ знакъ умолкнуть музыкѣ и возглашаетъ отъ имени царя пожеланіе, чтобъ Богъ далъ царю и народу многія мирныя лѣта (De cerim. p. 283_7). Послѣ этого ставились, по обычаю, вопросы димами. Ихъ пожеланія исполнялись (De cerim. p. 288_{16}). Приблизительно такой же пріемъ оказывается потомъ венетамъ, только при этомъ тронѣ стоитъ подъ балдахиномъ-камелавкіемъ и паракиптикъ растилается на находящейся передъ трономъ рѣшеткѣ или балюстрадѣ.[4]

Сравнивая обряды Константина и Кодина, мы находимъ въ общихъ чертахъ туже картину. Царь является наверху стоящему внизу народу, отъ котораго онъ принимаетъ пѣснопѣнія и евфимію, хотя подача просьбъ у Кодина уже исчезла. Быть можетъ крестъ въ рукѣ царя (у Кодина) имѣетъ также нѣкоторую связь съ исчезнувшимъ обычаемъ крестить народъ (у Константина). Въ XIV вѣкѣ наряду съ народомъ внизу находятся и чины, а не рядомъ съ царемъ, какъ было прежде. При царѣ остаются только высшіе сановники — члены его семьи. Это можно объяснить съ одной стороны характернымъ измѣненіемъ въ составѣ ранговъ, выдвинувшимъ въ особую группу, стоящую у вершины власти, родственниковъ царя, а съ другой стороны — неудобствомъ помѣщенія многочисленной свиты на деревянномъ помостѣ, часто временнаго характера. Поэтому и стража царя переходитъ въ позднее время внизъ. Великій доместикъ, ставшій въ XIV вѣкѣ главнокомандующимъ войсками и важнѣйшимъ чиномъ, по реминисценціи, остается, какъ и раньше, стоять внизу, въ то время, какъ главная роль при всей церемоніи выпадаетъ на долю протовестіарія, замѣнившаго собой въ данномъ случаѣ препозита, нѣкоторыя обязанности котораго на него перешли (Д. Ѳ. Бѣляевъ. Обозрѣніе глав. частей, р. 177).

При подобныхъ пріемахъ, которые когда то происходили въ самомъ ипподромѣ, участвовало и войско, такъ и при играхъ стоятъ отряды, слѣдующіе каждый за своимъ полковымъ знакомъ — фламулой. Конечно, личныхъ отрядовъ

---

[1]) Ibidem. p. 287_7. οἱ δὲ ἄρχοντες τοῦ κουβουκλείου ἵστανται ἔνθεν κἀκεῖσε, εἶθ οὕτως ἵστανται πατρίκιοι ὁμοίως ἔνθεν κἀκεῖσε ἅμα τοῖς δομεστίκοις καὶ τῆς συγκλήτου πλησίον τῶν παρακυπτικῶν τοῦ καγκέλλου, μὴ ἐπερειδόμενοι ἐπ' αὐτοῖς, ἀλλ' ἵστανται ὄρθιοι.

[2]) De cerim. p. 299_6. καὶ ὁ πραιπὸσιτος λαβὼν νεῦμα παρὰ τοῦ βασιλέως, παρακύψας νευέι τῷ λαῷ ἐκ γ' διὰ τῆς χειρός, καὶ ἡσυχάζουσι τὰ ὄργανα.

[3]) De cerim. p. 283_4. καὶ προκύπτει διᾶ τῶν χαλκῶν καγκέλλων ἔμπροσθεν τοῦ σέντζου ὁ τοῦ κουβουκλείου φωνόβολος.

[4]) De cerim. p. 291_1. ὁ φωνοβόλος κουβικουλάριος ἐφαπλοῖ τὸ παρακυπτικὸν ὕπερθεν τοῦ ὄντος ὑπὸ τοῦ καμελαυκίου στηθέου ἔμπροσθεν τοῦ σέντζου.

отдѣльныхъ архонтовъ нельзя искать у Константина, они появились во время Кодина въ связи съ ростомъ феодализма въ Византіи (De cerim. p. 305_7). Наконецъ, у Константина встрѣчается и паракиптикъ и связанное съ нимъ дѣйствіе, которое дало потомъ названіе всей церемоніи. Изъ разсказа Константина о пріемѣ вытекаетъ, что паракиптикъ вѣшался для того, чтобы появившееся изъ-за него лицо совершило какое-то дѣйствіе, вѣрнѣе, явилось бы въ какомъ-либо особомъ аспектѣ. Это лицо являлось замѣстителемъ императора и возможно, что самъ царь совершалъ прокипсисъ, когда крестилъ народъ. Но, кромѣ того, оказывается можно было совершить дѣйствіе, аналогичное прокипсису-паракипсису, изъ-за рѣшетки, какъ это дѣлаетъ фоноволъ въ концѣ описанной церемоніи, т. ч. недостаточно было просто стоять за паракиптикомъ, чтобъ совершить обрядъ, какъ это видно на примѣрѣ чиновъ, сопровождавшихъ царя.

Чтобы понять смыслъ обряда, надо вернуться къ ипподрому, откуда ведетъ начало и вся церемонія.

При играхъ въ ипподромѣ, со времени основанія Константинополя, царь присутствовалъ въ особомъ помѣщеніи, представлявшемъ изъ себя въ болѣе роскошной формѣ обычный римскій pulvinarium (Ch. Texier, Phialé ou fontaine de l'hippodrome à Constantinopole. Revue archéologique t. II. p. 142). Это помѣщеніе состояло изъ открытой ложи каѳисмы, съ прилегающимъ къ ней дворцомъ. Этотъ дворецъ ко времени Константина Багрянороднаго, наряду со своимъ старымъ названіемъ дворца каѳисмы, носилъ новое паракиптика „τὰ παρακυπτικά“,[1] которое онъ получилъ отъ верхней своей части, которая собственно такъ называлась и названіе которой перешло на весь дворецъ. При Константинѣ слово паракиптикъ и связанная съ нимъ церемонія начинаютъ пріобрѣтать большее значеніе. Иногда пріемъ димовъ названъ въ церемоніальномъ языкѣ X вѣка „паракиптическими фіалами“.[2] Паракиптикъ былъ въ верхней части дворца каѳисмы, и туда проникали изъ прилегающихъ частей большого дворца или Дафны посредствомъ тайной витой лѣстницы. Для этого надо было подняться вверхъ. Въ паракиптикѣ царь ждалъ, пока все было приготовлено къ играмъ, тогда онъ спускался по каменной лѣстницѣ внизъ въ каѳисму.[3] Помѣщеніе, которое также иногда отожествляется съ китономъ, покоемъ царя, въ каѳисмѣ. Такъ въ одномъ мѣстѣ говорится, что царь, прибывъ въ китонъ, совершалъ прокипсисъ, пока все внизу не было приготовлено.[4] Повидимому, китонъ, служащій для переоблаченія царя, имѣлъ свою открытую ложу-avant scéne, гдѣ на балюстрадѣ были развѣшаны паракиптики. Существованіе такой ложи наряду съ каѳисмой можно прослѣдить въ изображеніяхъ, связанныхъ съ ипподромомъ, напр. на консульскихъ диптихахъ. Подобное изображеніе широкой ложи съ невысокой рѣшеткой находится на диптихѣ консула Лампадія (Wulf, Altchrist. u. b. K., Abb. 193). Эта ложа напоминаетъ своей формой подіумъ, стоя на кото-

---

[1]) De cerim. p. 364_{18} καὶ διέρχεται διά τε τοῦ αὐγουστέως καὶ τοῦ μυστικοῦ κοχλιοῦ, καῖ ἀνερχεται ἐν τῷ παλατίῳ τοῦ καθίσματος ἤγουν εἰς τὰ παρακυπτικά.

[2]) De cerim. p. 242_{15}. ἐν ἡμέρᾳ παρακυπτικοῦ φιάλης γίνεται.

[3]) De cerim. p. 342_2. καὶ ἀνέρχεται διὰ τοῦ μυστικοῦ κοχλιοῦ ἄνω ἐν τοῖς παρακυπτικοῖς τοῦ καθίσματος . ἡνίκα δὲ γένηται ἡ ἅπασα παρετοιμασία ἐν τῷ ἱππικῷ, δηλοῖ ὁ τῆς καταστάσεως τῷ πραιποσίτῳ, κἀκεῖνος τῷ βασιλεῖ. ὁ δὲ βασιλεὺς κατέρχεται διὰ τῆς λιθίνης σκάλας...

[4]) De cerim. p. 304_{21}. ἀνέρχεται διὰ τοῦ μυστικοῦ κοχλίου ἐν τῷ κοιτῶνι τοῦ καθίσματος, καὶ ἐκεῖσε παρακύπτει, μέχρις ἂν ἅπαντα εὐτρεπισθῶσι.

ромъ Константинъ Великій произноситъ рѣчь народу на форумѣ, какъ изображено на барельефѣ тріумфальной арки Константина Великаго въ Римѣ. (Wulf. Altchristliche und byzantinische Kunst, Abb. 161). Говорить съ народомъ съ возвышенія является обычнымъ издавна принятымъ у римлянъ. На другомъ диптихѣ консула Анастасія (Wulf. o. c., Abb. 194), встрѣчаемъ узкую ложу, носящую совершенно иной характеръ — именно ложи въ обычномъ смыслѣ этого слова, а не площадки. Обычай допускалъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ возможность нахожденія въ царской ложѣ кого-либо изъ сановниковъ, вмѣсто царя.

О положеніи обѣихъ ложъ даютъ представленіе фрески на лѣстницѣ въ храмѣ св. Софіи Кіевской, которыя Н. П. Кондаковъ опредѣленно относитъ къ византійскому быту (Толстой и Кондаковъ. Русскія древности, вып. IV. стр. 148). На одной изъ фресокъ изображенъ дворецъ каѳисмы (рис. 1). Мы видимъ часть зданія, гдѣ сидятъ зрители. Оно состоитъ изъ трехъ ярусовъ: нижняго — каменной стѣны съ окнами; второго — съ каменной колонадой, въ которой стоятъ зрители, и верхняго — изъ мелкихъ арокъ съ рѣшетками. Правая сторона этого зданія образуетъ одну ложу, отдѣленную балюстрадой, украшенную завѣсами и покрытую сверху фронтономъ или шатромъ. Въ ней стоятъ зрители, но они плохо сохранились. Дальше направо слѣдуетъ особая пристройка; нижняя часть ея состоитъ изъ открытаго портика, откуда выѣзжаютъ во время бѣговъ колесницы. Надъ ней большая ложа — каѳисма ипподрома, въ которой сидитъ царь (Ibidem. p. 156) и стоитъ свита. Каѳисма покрыта сводомъ, надъ которымъ помѣщеніе съ окнами, и еще выше такой же шатеръ или фронтонъ, какъ на предыдущей ложѣ. Насъ занимаетъ, главнымъ образомъ, находящаяся отъ нея налѣво большая ложа, составляющая также часть дворца каѳисмы, которую Н. П. Кондаковъ на своемъ планѣ ипподрома называетъ ложей пословъ (Ibidem. p. 157) и въ которой мы склонны видѣть то помѣщеніе, которое названо въ книгѣ церемоній паракиптиками. Это отчасти подтверждается и ея расположеніемъ. Она находится выше каѳисмы и изъ нея нужно спускаться въ послѣднюю. Надъ ней находится такой же фронтонъ или шатеръ, дѣлающій ее, какъ и ея исключительная величина, особо почетной, и у нея существуетъ балюстрада, вѣрнѣе рѣшетка, черезъ которую можно перебросить паракиптикъ.

Рис. 1.

Это становится болѣе убѣдительнымъ, если мы сравнимъ этотъ рисунокъ съ изображеніемъ явленія царя въ ипподромѣ при играхъ, сохранившимся на пьедесталѣ обелиска Ѳеодосія Великаго, стоящаго до сихъ поръ на мѣстѣ бывшаго ипподрома. Изъ четырехъ изображеній три представляютъ царя, возсѣдающаго въ каѳисмѣ со своими сыновьями, окруженнаго чинами и личной стражей, то просто смотрящаго на зрѣлище, то принимающаго дары отъ по-

бѣжденныхъ варваровъ (см. H. Barth, Konstantinopel, Leipzig, 1911, Abb. 55, 56 u. 57). Во всѣхъ трехъ случаяхъ каѳисма имѣетъ характерный сводъ, такой же какъ на фрескѣ изъ св. Софіи Кіевской. Наконецъ на четвертой сторонѣ (см. таб. X, рис. 1) царь изображенъ не сидящимъ на тронѣ, а стоя съ вѣнкомъ въ рукѣ въ особой ложѣ, не имѣющей, какъ и то, что мы назвали паракиптикомъ, свода, а заканчивающейся прямымъ архитравомъ. Также находимъ особую рѣшетку, которая доходитъ до груди стоящимъ рядомъ съ царемъ, а царя закрываетъ до половины ногъ, т. е. обстановка вполнѣ аналогичная той, въ которой цари въ XIV вѣкѣ дѣлали прокипсисъ, какъ это описываетъ Кодинъ (Cod. de Off. p. 52_4.). Эта металлическая рѣшетка болѣе высокая, чѣмъ въ остальныхъ ложахъ, трактована иначе въ своей средней части, приходящейся прямо противъ царя. Она представлена въ видѣ сплошной доски, служащей для того, чтобы не было видно того предмета на которомъ стоитъ царь. Изъ-за этой доски онъ появляется внезапно (приближенія его не видно снизу), почти во весь ростъ, тогда какъ остальные были мало видны. Естественно, что эту сплошную доску стали прикрывать тканью, что придавало болѣе нарядный видъ, и на которую царю было пріятнѣе опереться, чѣмъ просто на балюстраду. Кромѣ того, замѣнивъ доску тканью, можно было совершать церемонію въ любомъ мѣстѣ, гдѣ была балюстрада. Такая ткань, перешедшая и въ церковный обиходъ, являлась собственно тѣмъ, что въ узкомъ смыслѣ слова называлось паракиптикомъ.[1] Свое названіе она получила отъ того, что изъ-за нея являлись: отъ глагола παρακύπτω или προκύπτω. Неизвѣстно, носила ли въ IV вѣкѣ доска въ рѣшеткѣ это названіе и перешло ли оно на ткань, или слово возникло позднѣе. Въ дальнѣйшемъ судьба слова измѣнилась, и глаголъ παρακύπτω, тѣсно связанный съ нимъ, получилъ въ книгѣ церемоній, въ обрядахъ IX и X вѣка, новый смыслъ — являться изъ-за того паракиптика, которому онъ далъ свое имя. Въ X вѣкѣ, какъ мы видѣли, значеніе паракиптика расширяется и переходитъ на все помѣщеніе, гдѣ онъ находился, и съ тѣсно связаннаго съ нимъ дѣйствія — на всю церемонію пріема, въ видѣ прилагательнаго. Въ XI вѣкѣ глаголъ παρακύπτω пріобрѣтаетъ вновь свою первоначальную античную форму προκύπτω и болѣе широкій смыслъ — появляться не изъ-за самаго паракиптика, а гдѣ либо во дворцѣ паракиптиковъ, напр. въ каѳисмѣ. Трудно точно опредѣлить, когда появляется слово πρόκυψις, какъ обозначеніе церемоніи явленія царя или царской дочери народу (переходъ вполнѣ естественъ, въ особенности при частомъ употребленіи глагольной формы πρόκυψας), а потомъ и помѣщенія. Судя по тому, что Гейзенбергъ сообщаетъ о свадебныхъ пѣснопѣніяхъ и народной редакціи Никиты Хоніата, это могло произопти уже въ XII вѣкѣ, самое позднѣе въ началѣ XIII-го, и сохранилось оно въ такомъ видѣ и въ послѣдующіе два вѣка. Все же должно отмѣтить, что понятіе прокипсиса, въ болѣе узкомъ значеніи этого слова, сохранилось въ придворныхъ кругахъ вполнѣ до XIV-го вѣка, какъ мы это видѣли на примѣрѣ Кодина, и что связь церемоніи съ пріемами въ ипподромѣ, если и была забыта, все же иногда ощущалась современниками.

---

[1]) Такія ткани, перекидывающіяся черезъ балюстраду, извѣстны въ быту IV вѣка и, вѣроятно, раньше. Напр. въ мозаикахъ церкви св. Іоанна Крестителя въ Неаполѣ они служатъ декоративнымъ мотивомъ. Wilpert. Die römischen Mosaiken der kirchlichen Bauten vom IV—XIII Jahrhundert. t. III. taf. 32.

Какъ мы видѣли (см. стр. 165), Григора устанавливаетъ связь прокипсиса съ тріумфами древнихъ императоровъ; возможно, что изображеніе императорскихъ тріумфовъ, которое видѣлъ Григора, было именно то, которое до сихъ поръ на своемъ старомъ мѣстѣ находится въ Константинополѣ, именно изображеніе Ѳеодосія, принимающаго побѣжденныхъ варваровъ въ каѳисмѣ, сходство которой съ сооруженіемъ прокипсиса легко молго броситься ему въ глаза. (H. Barth, o. c., S. 122, Abb. 56).

Обратимся къ разсмотрѣнію внѣшняго облика всего сооруженія, которое называлось современниками прокипсисомъ и, вѣроятно, впервые появилось при Мануилѣ Комнинѣ, въ связи съ переходомъ изъ Большого во Влахернскій дворецъ (Heisenberg. Aus Gesch. и Lit. d. Paleologenzeit. p. 84). Въ данномъ случаѣ, мы опять будемъ пользоваться, главнымъ образомъ, тѣмъ, что прямо названо прокипсисомъ, привлекая остальной матеріалъ, какъ вспомогательный. Изъ описанія Кодина явствуетъ, что прокипсисъ былъ особымъ помостомъ, воздвигнутымъ на дворѣ дворца. Основаніемъ ему служили столбы-колонны, которыхъ въ одномъ текстѣ, приводимомъ Дюканжемъ (Glossarium inf. e. mediae graecitatis), насчитывается 24, число, которымъ иногда исчисляются тѣ колонны, которыя поддерживали каѳисму (H. Barth. Konstantinopel. Leipzig 1911 Berühmte Kunststätten Nr. 11 p. 118). Возможно, что и субструкціи иліаковъ, на которыхъ происходили пріемы димовъ, состояли изъ колоннъ, хотя извѣстій объ этомъ не сохранилось.

На большомъ кораблѣ, который былъ поданъ патріарху во Франгулѣ для его поѣздки на Феррарскій соборъ, и который описываетъ Франдза,[1] была особая верхняя палуба, которую послѣдній называетъ красивѣйшимъ прокипсисомъ. Она помѣщалась наверху задней части корабля.

Подъ прокипсисомъ, поддерживая его, находился другой этажъ, съ большимъ числомъ оконъ, раздѣленныхъ колоннами, и украшенный краснымъ мраморомъ. На этихъ колоннахъ находился собственный прокипсисъ или та часть, которая названа также домикомъ οἴκισκον (Gregorae II, p. 616_{17}). На него вела снизу лѣстница, которая судя по разсказу Кодина, примыкала къ передней части, благодаря чему напоминала своей конструкціей ложу каѳисмы. Верхняя часть состояла главнымъ образомъ изъ завѣсъ, т. е. представляла собой родъ шатра въ видѣ ложи, съ задрапированной спереди балюстрадой. Все это было прикрыто большой завѣсой, закрывающей и лѣстницу (Cod. de Off. p. 49_{15}). При прокипсисѣ въ Селимвріи, деревянномъ, который Іоаннъ VI Кантакузинъ приказалъ соорудить по случаю свадьбы своей дочери съ турецкимъ султаномъ, все сооруженіе было закрыто шелковыми золотными тканями (Kantakouzenos. l. II p. 587_{18} sq.).

Такое преобладаніе завѣсъ, какъ декоративной формы, вызванное необходимостью, т. к. не было средствъ на новыя постройки изъ мрамора и драгоцѣнныхъ матеріаловъ, а все прежнее пришло въ ветхость и разваливалось, было въ особенности удобнымъ при такихъ деревянныхъ сооруженіяхъ, часто временнаго характера. Оно отразилось и въ живописи того времени. Съ самаго начала существованія византійскаго искусства можно прослѣдить ту роль, ко-

---

[1]) Georgii Phrantzae p. 189_{18}. μικρὸν δ' ἀνωτέρω παραθυρίδες τετορνευμέναι, ὡς ἂν τις εἰκάσαι, μετὰ κίονων λεπτῶν ἦσαν αὐταὶ καὶ μετὰ μαρμάρων κοκκίνων, καὶ ἄνωθεν τούτων πρόκυψις ὡραιοτάτη.

торую играла завѣса, какъ декоративный мотивъ, обрамляя вмѣстѣ съ аркадами фигуры святыхъ или свѣтскихъ лицъ. Эта манера имѣла свою реальную подкладку: въ такой обстановкѣ совершались торжественные пріемы царя, которымъ вѣроятно подражала и знать. Ко времени Кантакузина, когда завѣсы стали преобладать при пріемахъ надъ остальной декораціей, эта мода перешла въ миніатюру. Напр. изображеніе великаго дуки Апокавка, жившаго въ XIV вѣкѣ, сидящаго на креслѣ, обрамлено двумя раздвинутыми завѣсами, прикрѣпленными на кольцахъ на длинной поперечной жерди (Ebersolt, Les miniatures byzantines. Paris — Bruxelles, 1926, pl. LVIII).

Такіе же шатры ставились иногда въ церкви, во время коронаціи и свадьбы, и эту церемонію Гейзенбергъ (l. c. p. 90) считаетъ также прокипсисомъ. Это справедливо въ томъ отношеніи, что форма ихъ мало отличалась отъ настоящаго. И то и другое называлось икискомъ, и они имѣли общее происхожденіе. Послѣ коронаціи, по одному обряду, сохраненному у Константина, новая августа являлась димамъ въ иліакѣ, хотя при этомъ паракиптика не разстилалось (De cerim. p. 196_{19}). Все же иногда цари, напр. Іоаннъ III Ватацъ, совершали при бракосочетаніи прокипсисъ. У Кодина сохранилась болѣе древняя форма пріема, схожаго съ вышеупомянутымъ пріемомъ на иліакѣ, безъ прокипсиса въ узкомъ смыслѣ этого слова. Когда завѣса раздвигалась, послѣ того, какъ царь и августа вошли въ шатеръ, ихъ можно было видѣть сидящими на тронѣ (Cod. de Off. p. 96_{19}). Разница была и въ томъ, что шатеръ ставился въ закрытомъ помѣщеніи катихуменій св. Софіи и ставился не на колоннахъ, а на ступеняхъ.

При дворѣ русскихъ царей въ Москвѣ было принято въ Крещеніе сооружать около іордани, гдѣ святилась вода, особое царское мѣсто, которое Забѣлинъ (Домашній бытъ русскихъ царей въ XVI и XVII ст. ч. I, стр. 215) описываетъ слѣдующимъ образомъ: „Царское мѣсто поставляемое на іордани обычно шатерничимъ, было въ видѣ небольшого круглаго храма съ патью главами, сдѣланными изъ слюды и украшенными золочеными крестами. Этотъ пятиглавый верхъ утвержденъ былъ на пяти точеныхъ столбахъ, расписанныхъ по золоту виноградными вѣтвями; капители и базы у столбовъ были тоже позолочены и посеребрены. Вверху вокругъ шеи гзмызъ (карнизъ), съ внутренней стороны написанный травами, снаружи золоченый и украшенный сквозной рѣзьбой, также позолоченою и посеребреною. По этому карнизу въ пригожихъ мѣстахъ утверждены были высеребреныя доски, а на нихъ писаны стихи къ ердани. Между столбовъ находились рамы съ круглыми слюдяными окнами, писанныя по золоту и серебру разными красками. Одна такая рама, раздѣленная на два затвора, служила дверью. Нижняя часть царскаго мѣста (тумба) утверждена была на пяти точеныхъ посеребреныхъ яблокахъ и украшена сквозною золоченою рѣзьбою. Внутри это мѣсто задергивалось вокругъ суконнымъ или тафтянымъ занавѣсомъ.“

Возможно, что передъ нами отголосокъ происходившаго когда то въ Константинополѣ прокипсиса, отъ котораго сохранилось на Руси только сооруженіе, измѣненное почти до неузнаваемости пріемами русскаго деревяннаго зодчества и во вкусѣ москвичей XVI и XVII столѣтія.

М. А. Андреева.

ИЗВѢСТІЯ О ДРЕВНЕЙ РУСИ АРАБСКАГО ПИСАТЕЛЯ МИСКАВЕЙХИ X—XI вв. И ЕГО ПРОДОЛЖАТЕЛЯ[1]

Для ознакомленія съ событіями и явленіями русской исторіи X вѣка историческая наука обладаетъ, въ сущности, весьма ограниченнымъ кругомъ источниковъ и матеріаловъ. Нужно поэтому очень радоваться пріобщенію къ этому ряду данныхъ еще одного источника, который не такъ давно сталъ доступенъ для изученія и совсѣмъ недавно — въ 1921 году — впервые былъ привлеченъ къ освѣщенію фактовъ начальной русской исторіи. Мы имѣемъ въ виду историческій трудъ арабскаго писателя Мискавейхи, разсказъ котораго о походѣ русскихъ на г. Берда'а — безъ какихъ либо комментарій — сообщилъ французскій арабистъ Clément Huart въ одномъ изъ изданій французской Академіи Надписей[2].

Имя Мискавейхи (по персидски Мушкойе[3]) и его литературная дѣятельность давно уже отмѣчены въ исторіи арабской литературы[4]. Персъ по происхожденію Абу али Ахмедъ бенъ Мухамедъ бенъ Якубъ[5], извѣстный подъ только-что приведеннымъ выше именемъ, былъ человѣкомъ разнообразныхъ интересовъ и способностей. Онъ занимался и медициной[6] и алхиміей, отдавалъ свой трудъ литературной обработкѣ своихъ мыслей въ области философіи и этики, оставилъ послѣ себя большое историческое сочиненіе. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ занималъ вліятельное положеніе при дворѣ султановъ — буваидовъ, будучи ихъ секретаремъ, библіотекаремъ, также хранителемъ сокровищъ, порою конфидентомъ и интимнымъ другомъ[7]. Мискавейхи пріобрѣлъ особое значеніе какъ

---

[1]) При составленіи настоящей статьи автору ея оказали цѣнное содѣйствіе литературными указаніями и разнообразными справками акад. В. В. Бартольдъ, В. Ф. Минорскій и С. П. Чистосердовъ, — приношу имъ и здѣсь глубокую свою благодарность. — Прочитано 22 ноября 1926 г. въ засѣданіи Русскаго Историческаго Общества въ Прагѣ. —

[2]) Huart, Cl. L'expédition des Russes de 943. Académie des Inscriptions et belles-lettres, Comptes-rendus des séances de l'Année 1921, Paris, 1921, 182 и слѣд., — и отдѣльно, стр. 3 и слѣд.

[3]) Такъ по русски его передаетъ К. Иностранцевъ, Сассанидскіе этюды, Спб. 1909, стр. 22 и слѣд.

[4]) См. Brockelmann, C. Geschichte der arabischen Literatur, I, Weimar, 1897, стр. 342—3; Brockelmann, Geschichte der arab. Literatur (= Die Literaturen des Ostens, VI, 2), Lpz. 1901, 164 стр.; Huart, Cl. Litterature arabe, Paris, 1902, стр. 205.

[5]) У Margoliouth'a (см. ниже) — Ahmad b. Mohammed b. Yakub Abu ali Ustadh, VII, 84.

[6]) См. у F. Wüstenfeld'a, Geschichte der arabischen Aerzte und Naturforscher, Göttingen, 1840, стр. 64 (№ 126); какъ натуралистъ онъ только и названъ у Baumgartner'a, Geschichte der Weltliteratur, I, — Die Literaturen Westasiens u. Nilländer, Freiburg im Brisgau, 1897, стр. 374.

[7]) Біографическія данныя см. H. F. Amedroz, Note on the historian въ изданіи L. Caetani, t. I; Cl. Huart, въ Encyclopédie de l'Islam, s. v. t., II, 24 livraison, 1918; D. S. Margoliouth, въ предисловіи (стр. II и сл.) къ VII тому оксфордскаго изданія нашего автора.

моралистъ, почему всѣ изслѣдователи исторіи философской мысли въ средѣ послѣдователей Ислама съ особымъ вниманіемъ останавливаются на личности и сочиненіяхъ этого мыслителя.[1]

Большое историческое сочиненіе Мискавейхи „Книга опытовъ народовъ и осуществленія заданій“ („Kitab Tajârib al-Umam wa Ta'aqib al Himam“)[2] посвящено описанію событій отъ перваго года геджры и доведено до 369 года этой эры, т. е. до 979—980 г. г. христіанскаго лѣтосчисленія. Этотъ историческій трудъ Мискавейхи давно уже занялъ свое мѣсто въ спискѣ историческихъ сочиненій арабскихъ писателей. Однако, только въ началѣ семидесятыхъ годовъ прошлаго столѣтія приступлено было къ извлеченію его изъ рукописныхъ собраній. Извѣстный оріенталистъ M. J. de Goeje во II-омъ томѣ своего изданія „Fragmenta historicorum arabicorum“, вышедшемъ въ 1871 году (Lugduni Batavorum), помѣстилъ текстъ одной части этого труда нашего историка (за годы 196—251). Но полное ознакомленіе съ этимъ сочиненіемъ становится возможнымъ только въ новѣйшее время благодаря отысканію среди рукописей мечети Святой Софіи въ Константинополѣ полнаго его списка[3], и благодаря — какъ фототипическому, впрочемъ не вполнѣ удачному и удобочитаемому, воспроизведенію этого списка при участіи Leone Caetani, principe di Teano,[4] — такъ въ особенности большому сводному изданію послѣдней части „книги“ (годы 295—369 геджры) съ англійскимъ переводомъ въ Оксфордѣ въ 1920—21 г. г.[5] Изъ изданія Каетани извлекаетъ интересующія насъ свѣдѣнія Cl. Huart.

Мискавейхи жилъ во второй половинѣ X-го и въ началѣ XI-го вѣковъ, умеръ онъ въ глубокой старости въ 1030 году (421 г. геджры).[6] Не знаемъ точно,

---

[1]) См. напр. S. de Sacy, Mémoire sur le Djavidan Khirid ou livre de l'Eternelle Raison, — въ IX-мъ томѣ Histoire et Mémoires de l'Institut Royale de France, Académie des Inscriptions et belles-lettres, Paris, 1831, стр. 1—30 (въ отдѣлѣ Mémoires); R. Basset, Le Tableau de Cébès, version arabe d'Ibn Miscaoueih, Alger, 1898, стр. 7 и сл.; de Boer, T. I. Geschichte der Philosophie im Islam, Stuttgart, 1901, стр. 116 и слѣд.; К. Иностранцевъ, Сассанидскіе этюды, СПб. 1909, стр. 22 и сл.; baron Carra de Vaux, Les penseurs de l'Islam, I, Paris, 1921, стр. 105 и слѣд.

[2]) „Experientiae populorum et studia animorum“ по Wüstenfeld'у, op. cit., стр. 64; его же, Die Geschichtsschreiber der Araber und ihre Werke, Göttingen, 1882 (изъ 28 и 29 томовъ Abhandlungen d. Königl. Gesellschaft der Wissenschaften zu Goettingen), стр. 59—60; „Book of the vicessitudes of Nations and the Recults of Efforts“ — по Caetani, предисловіе къ его изданію, стр. XI, XIII; „the experiences of the nations“ — въ оксфордскомъ изданіи 1920—21 г. г.

[3]) См. Horovitz, Josef. Aus den Bibliotheken von Kairo, Damaskus und Konstantinopel (Arabische Handschriften geschichtlichen Inhalts). Westasiatische Studien, 1907. Berlin (= Mitteilungen d. Seminars für orientalischen Sprachen an der Königl. Friedrich-Wilhelms-Universität, Jahrgang X), стр. 5—6.

[4]) Насколько знаемъ — вышли три тома; заглавіе изданія — „The Tajârib al-Umam or History of Ibn-Miskawayh“, Leyden-London, (въ составѣ коллекціи E. J. W. Gibb Memorial, vol. VII, 1, 5, 6), t. I — 1909; t. V — 1913 (объ этомъ томѣ см. статью H. F. Amedroz въ журналѣ „Der Islam“, Band V, Heft 4, Strassburg, 1914), t. VI — 1917, 8°.

[5]) Заглавіе его: „The concluding portion of the Experiences of the Nations by Miskawaihi“ въ изданіи „The Eclipse of the Abbasid Caliphate, original chronicles of the Fourth Islamic Century, edited, translated and elucidated by H. F. Amedroz and D. S. Margoliouth, Oxford, 1920—21; арабскій текстъ Мискавейхи и его продолжателей въ 1—3 томахъ, 4—6 томы — англійскій переводъ (нашъ отрывокъ — въ т. V, 1921, стр. 67—74), VII-ой томъ — указатель къ арабскому тексту и небольшое введеніе.

[6]) Эта дата установлена по свидѣтельству Абульфараджа, Абульфеды, Якута и др. уже въ работахъ S. de Sasy, De Jong'a, Wüstenfeld'a и др.

когда приступилъ онъ къ составленію своей книги „объ опытахъ народовъ", во всякомъ случаѣ онъ началъ свою жизнь, когда еще живы были современники и свидѣтели русскаго набѣга 943—44 гг. Мискавейхи былъ, такимъ образомъ, младшимъ современникомъ армянскаго писателя Моисея Каг(л)анкотваци, жившаго во второй половинѣ X вѣка и упомянувшаго въ своей „Исторіи агванъ" о русскомъ походѣ 943—4 г.[1] Эти два лица являются, видимо, первыми по времени писателями, посвятившими страницы своихъ произведеній этому столь интересному для насъ эпизоду изъ исторіи древней Руси. Почти одинаково близкіе ко времени этого событія, эти авторы, однако, нѣсколько разно его описывали, въ нѣкоторыхъ деталяхъ существенно расходясь другъ съ другомъ. Такъ, напр., у Каганкотваци — русскихъ губятъ женщины помощью отравы, у Мискавейхи — они гибнутъ отъ употребленія фруктовъ въ изобиліи. Въ данномъ случаѣ необходимо отмѣтить, что армянскій писатель могъ быть даже очевидцемъ описываемыхъ имъ картинъ, какъ полагалъ Brosset,[2] Мискавейхи же, по собственному его признанію, основывался въ своемъ изложеніи на разсказахъ очевидцевъ. Это послѣднее обстоятельство, ясно выступающее въ текстѣ нашего повѣствованія, даетъ извѣстныя основанія для признанія его оригинальности, — во всякомъ случаѣ остается только общимъ предположеніемъ возведеніе этого разсказа къ недошедшему до насъ, но часто цитированному у нашего писателя и, видимо, сильно использованному имъ сочиненію продолжателя Табари (отъ 290 г. до середины IV вѣка геджры) Табита бенъ-Синана (ум. 363/365 = 973/975 гг.).[3]

Съ другимъ писателемъ, повѣствующимъ о походѣ русскихъ въ 943—4 г.— съ Ибнъ-эль-Атиромъ[4] (а черезъ него и съ нѣкоторыми другими, опиравшимися на разсказъ послѣдняго писателями) у нашего историка связь уже не по времени жизни и писательской дѣятельности, но по содержанію повѣствованія. Ибнъ-эль-Атиръ — писатель XIII вѣка, его разсказъ о событіяхъ въ Берда'а и на Курѣ 943—4 г. былъ до открытія повѣсти о нихъ же Мискавейхи самымъ подробнымъ и обстоятельнымъ, признавался передающимъ сообщеніе современника событій, хорошо знакомаго съ положеніемъ дѣла на Кавказѣ[5]. Теперь мы можемъ констатировать, что, конечно, Мискавейхи принадлежитъ первенство въ отношеніи обстоятельности и подробности разсказа. Сравненіе соотвѣтствующихъ отрывковъ Ибнъ-эль-Атира и Мискавейхи убѣждаетъ въ томъ, что у перваго изъ этихъ писателей мы имѣемъ лишь сокращеніе разсказа второго.[6]

---

¹) Исторія агванъ Моисея Каганкотоваци, писателя X вѣка, переводъ К. Потканьяна, СПБ. 1861, стр. 275—6.

²) См. у Дорна, Каспій, СПБ. 1875, стр. 496—7.

³) Такъ у В. В. Бартольда, Место прикаспийских областей в истории мусульманского мира, Баку, 1925, стр. 40. Ссылки на Табита бенъ-Синана см. въ оксфордскомъ изданіи, указатель (VII т. стр. 133); ср. замѣчанія Margoliouth'а, VII, стр. VI; о Табитѣ см. Wüstenfeld, Gesch., стр. 45 (№ 135); Brockelmann, Geschichte d. arab. Litteratur, Weimar, I, 1897, 324.

⁴) Chronicon quod perfectissimum inscribitur, ed. Tornberg, Lugduni Batavorum, t. VII, 1862, стр. 308—10.

⁵) См. Григорьевъ, Россія и Азія, сборникъ статей, СПБ. 1876, стр. 29, Куникъ у Дорна, Каспій, 522.

⁶) Такъ и Huart, Comptes rendus, стр. 183; зависимость историческаго труда Ибнъ-эль-Атира отъ Мискавейхи указывалъ уже давно баронъ В. Р. Розенъ, Императоръ Василій Болгаробойца, СПБ. 1883, стр. 133, 139, 149 и др.

У Ибнъ-эль-Атира мы не встрѣчаемъ ни одной подробности, которыя выводили бы насъ за предѣлы матеріала Мискавейхи; Ибнъ-эль-Атиръ изложилъ все дѣло по труду послѣдняго съ рядомъ сокращеній, но не мѣняя ничего по существу.

Приводимъ переводъ разсказа Мискавейхи о русскомъ походѣ 943—4 гг.; въ основаніе перевода положены англійскій и французскій переводы Margoliouth'а и Huart'а, а также арабскій текстъ, использованный для нашего перевода при исключительно-любезномъ содѣйствіи Владиміра Федоровича Минорскаго.

*

„Въ этомъ 332 (= 943 – 4) году отрядъ народа, извѣстнаго подъ именемъ „Русъ", выступилъ въ походъ на Азарбайджанъ и направился къ Берда'а; онъ овладѣлъ этимъ городомъ и захватилъ его жителей.

О подвигахъ русовъ и объ ихъ исходѣ.

Эти Русы — племя великое; они великодушны и обладаютъ чрезвычайной силой; они не знаютъ отступленія, ни одинъ изъ нихъ не повернетъ спины, но или убьетъ противника или самъ будетъ имъ убитъ. Обычно каждый изъ нихъ несетъ на себѣ свое оружіе и къ себѣ же привязываетъ большую часть ремесленныхъ орудій, какъ то топоръ, пилу, молотъ и другія подобныя вещи; они сражаются при помощи дротика, щита, меча; они носятъ на себѣ — далѣе — столбъ для палатки и оружіе подобное кинжалу. Русы сражаются пѣшими, въ особенности тѣ, которые совершали этотъ набѣгъ на Берда'а.

Они плыли по морю, сопредѣльному съ ихъ страною, и переѣхали по нему до устья большой рѣки, извѣстной подъ именемъ Курръ (= Кура) и стекающей съ горъ Азарбайджана и Арменіи въ море; это та рѣка, что протекаетъ черезъ Берда'а,[1] — ее сравниваютъ съ Тигромъ. Когда они (Русы) прибыли къ рѣкѣ Курръ, намѣстникъ Эль-Марзабана,[2] управитель города, вышелъ къ нимъ навстрѣчу во главѣ отряда въ 300 человѣкъ, собранныхъ изъ среды дейлемитовъ[3] и почти такого-же числа курдовъ и бродягъ; сверхъ того онъ побудилъ народъ выступить на войну и около пяти тысячъ добровольцевъ двинулось въ путь для борьбы съ вторгнувшимися; но они были полны ложныхъ надеждъ и не знали твердости этихъ людей (русовъ), предполагая, что послѣдніе будутъ себя вести такъ же какъ армяне и греки. Когда они были построены для битвы противъ этихъ (русовъ) и когда началось сраженіе, то не прошло и часа, какъ русы сдѣлали страшный натискъ, который привелъ въ разстройство войско мусульманъ; всѣ добровольцы и остатокъ войска отступили за исключеніемъ дейлемитовъ, которые продержались еще нѣкоторое время и наконецъ были убиты, — спаслись лишь тѣ, кто имѣлъ лошадей.

---

[1]) Это утвержденіе неточно, городъ Берда'а лежалъ на притокѣ Куры Тертерѣ недалеко отъ его впаденія въ Куру. См. у W. Barthold'а въ статьѣ Bardha'a въ Encyclopédie de l'Islam, I, 672—3 или въ нѣм. Encyclopaedie der Islam, B. I, Leyden—Leipzig, 1913, стр. 683.

[2]) Властителя края изъ мѣстной династіи Музафиридовъ.

[3]) Дейлемиты — племя, обитавшее въ горной части Гиляна Дейлемѣ, съ 913 года частью мусульмане (Cl. Huart s. v. Dailem въ Encyclopédie de l'Islam, I, 919, — нѣм. I, 934.).

Русы преслѣдовали остатки войска до самаго города. Всѣ граждане, имѣвшіе верховыхъ лошадей, обратились въ бѣгство, равно какъ войско и простой народъ, и покинули городъ, передъ которымъ русы расположились лагеремъ, а затѣмъ и овладѣли имъ. Абу-ль-Аббасъ, сынъ Нудара, и нѣсколько сборщиковъ налоговъ мнѣ разсказывали, что врагъ поспѣшилъ вторгнутсься въ городъ и сдѣлалъ затѣмъ успокоительное для жителей объявленіе такого содержанія: „у насъ нѣтъ съ вами спора о религіи; мы ищемъ лишь власти; наше дѣло — хорошо себя вести, ваше — вѣрно намъ повиноваться".

Отряды эль-Марзабана между тѣмъ наступали на русовъ со всѣхъ сторонъ, но только для того чтобы быть разбитыми русами, которые дѣлали вылазки изъ города. Когда мусульмане аттаковали русовъ, то жители города съ крикомъ — „Аллахъ акбаръ" (= „Великъ Богъ") встрѣтили русовъ ударами камней. Русы приказали имъ быть сдержанными и не вмѣшиваться въ отношенія между ними и султаномъ. Порядочные люди благопріятно приняли это предложеніе, но чернь не съумѣла сдерживать себя, но открыто проявляла свои мысли и противодѣйствовала русамъ, когда послѣдніе были аттакованы отрядами султана.

При длительности такого положенія глашатай (русовъ) объявилъ, что всѣ жители города не смѣютъ болѣе оставаться въ немъ и должны его покинуть въ продолженіе трехъ дней послѣ этого объявленія. Всѣ, кто обладалъ лошадьми, вывезли своихъ женъ и дѣтей, но такими была лишь незначительная часть. Къ четвертому дню въ городѣ осталось большинство его населенія. Тогда русы напали на него и ударами мечей убили несчетное число людей; а затѣмъ окончивъ это избіеніе — взяли въ плѣнъ десять тысячъ мужей, молодыхъ людей, женъ, дочерей, а также мальчиковъ, и заключили ихъ въ крѣпость внутри города, каковой сталъ „шахристаномъ" русовъ,[1] именно здѣсь русы остановились, расположивъ свой лагерь, и укрѣпились. Затѣмъ русы собрали людей въ главной мечети и, расположивъ стражу у воротъ, заявили — „теперь платите выкупъ".

О разумномъ планѣ одного изъ гражданъ, отъ принятія котораго они (граждане) уклонились, вслѣдствіе чего были избиты, а ихъ добро и семьи были разорены.

Въ этомъ городѣ жилъ одинъ христіанинъ по имени Ибнъ-Самсунъ, человѣкъ здраваго смысла, который явился посредникомъ между русами и плѣнниками. Онъ добился отъ русовъ согласія, чтобы каждый плѣнникъ выкупался за цѣну въ 20 диргемовъ съ человѣка. Разсудительные изъ среды мусульманъ послѣдовали этому предложенію, но другіе возражали: „Ибнъ Сам'унъ, говорили они, хочетъ только уравненія мусульманъ и христіанъ въ уплатѣ выкупа!" Тогда Ибнъ Самсунъ воздержался отъ продолженія своихъ предложеній. Русы прекратили было свои убійства въ расчетѣ получить отъ плѣнныхъ эту малую сумму, но увидѣвъ, что они не получаютъ ничего, они возобновили убійства и погубили всѣхъ до послѣдняго, кромѣ развѣ тѣхъ немногихъ, которые спаслись при помощи узкаго водопровода, доставлявшаго воду въ

[1]) „Шахристанъ" и значитъ по персидски собственно городъ въ отличіе отъ крѣпости (аркъ, хасинъ) и отъ предмѣстья (рибаръ, бирунъ). (Примѣчаніе В. Ф. Минорскаго).

главную мечеть, да еще нѣсколькихъ, кто выкупилъ свою жизнь за собранныя ими сокровища, — ибо часто мусульманинъ останавливалъ руса при помощи какой-либо суммы денегъ, которую онъ предлагалъ подъ видомъ выкупа и приводилъ его затѣмъ въ свой домъ или свою лавку; когда изъ его хранилищъ уходили (въ руки руса) его сокровища, составлявшія при этомъ болѣе значительную сумму чѣмъ было условлено, русъ не отставалъ отъ него, если даже эта сумма нѣсколько разъ удваивалась, но продолжалъ требовать, пока мусульманинъ не оказывался разореннымъ; когда русъ убѣждался, что у его жертвы не остается ничего — ни предметовъ, ни денегъ, ни драгоцѣнностей, ни ковровъ или одеждъ, онъ отпускалъ мусульманина и давалъ ему кусокъ глины съ оттискомъ печати, который предохранялъ его отъ требованій другихъ (русовъ). Русы собрали такимъ образомъ громадную добычу; они собрали женщинъ и отроковъ, изнасиловали тѣхъ и другихъ и обратили ихъ въ рабство.

Когда вѣсти объ этихъ ужасныхъ горестяхъ дошли до свѣдѣнія мусульманъ, обитавшихъ въ разныхъ областяхъ, они требовали общаго выступленія; эль-Марзабанъ бенъ Магометъ собралъ свои войска и возбудилъ народъ къ общей записи на войну; добровольцы прибывали къ нему съ разныхъ сторонъ. Онъ отправился въ путь во главѣ тридцати тысячъ людей. Несмотря на это значительное число воиновъ, онъ не могъ противостоять русамъ и для него оказалось невозможнымъ произвести давленіе на нихъ. Онъ началъ битву съ ними, аттаковалъ ихъ и утромъ и вечеромъ, то съ той, то другой стороны, но возвращался разбитымъ. Борьба продолжалась между ними много дней и обращалась все время въ пользу русовъ.

Когда это положеніе начало истощать силы мусульманъ, и это замѣтилъ Эль-Марзабанъ, то онъ обратился къ хитрости и военнымъ уловкамъ. Ибо случилось одно обстоятельство, благопріятное для мусульманъ, а именно то, что русы, пришедшіе въ Марагу,[1] ѣли здѣсь, сколько угодно имъ было, фрукты, которыхъ въ этихъ мѣстахъ много разныхъ сортовъ, въ результатѣ русы стали болѣть и моръ свирѣпствовалъ среди нихъ. Дѣло въ томъ, что ихъ страна чрезвычайно холодна и не взращаетъ деревьевъ, и то малое количество фруктовъ, что бываетъ у нихъ, — привозится къ нимъ изъ отдаленныхъ странъ. Многочисленное ихъ войско стало уменьшаться вслѣдствіе этой болѣзни. Эль-Марзабанъ рѣшилъ тогда прибѣгнуть къ хитрости, ему казалось подходящимъ — устроить ночью засаду. Онъ сговорился со своими отрядами, что они завяжутъ сраженіе; планъ заключался въ томъ, что въ то время какъ непріятель бросится въ аттаку, Эль-Марзабанъ обратится со своимъ войскомъ въ бѣгство, и когда въ результатѣ этого маневра врагъ разъярится противъ мусульманъ и, преслѣдуя ихъ, приблизится къ мѣсту засады, Эль-Марзабанъ и воины повернутся противъ него и испустятъ условный крикъ; если русы окажутся между отрядомъ Марзабана и засадой, то попадутъ въ ихъ руки.

На другой день, въ исполненіе этого военнаго плана. Эль-Марзабанъ и его

---

[1]) Марага — извѣстный городъ на ю-в. Урмійскаго озера въ двухъ дняхъ пути къ югу отъ Тавриза; впослѣдствіи — столица монгольскихъ атабековъ. Названіе по арабски означаетъ — „мѣсто, гдѣ катаются кони". До сихъ поръ Марага славится своими фруктами. (Примѣчаніе В. Ф. Минорскаго.) Margoliouth полагаетъ, что городъ Марага названъ въ этомъ мѣстѣ по ошибкѣ писца — вмѣсто Берда'а (V, 71, прим.).

воины двинулись впередъ; русы вышли напротивъ, причемъ ихъ глава ѣхалъ на ослѣ. Они расположились въ боевомъ порядкѣ и стали дѣйствовать обычнымъ способомъ; Эль-Марзабанъ и мусульмане обратились въ бѣгство, русы стали ихъ преслѣдовать и перешли линію засады; но – отступавшіе продолжали свой отходъ.

Позднѣе Эль-Марзабанъ самъ разсказывалъ, что — когда онъ увидѣлъ свои отряды въ такомъ состояніи — онъ крикнулъ имъ и настаивалъ, чтобы они вернулись къ бою; но они не сдѣлали этого, — такой ужасъ возбуждали въ ихъ душахъ русы. Эль-Марзабанъ понялъ тогда, что если его воины будутъ далѣе отступать, то врагъ при отходѣ обнаружитъ засаду и это будетъ причиной гибели находящихся въ засадѣ. И сказалъ онъ: „Я самъ возвратился въ сопровожденіи тѣхъ, кто послѣдовалъ за мною, т. е. моего брата, моего товарища и слугъ, и въ душѣ своей положилъ я пострадать за вѣру. Въ этотъ моментъ большинство дейлемитовъ устыдилось своего бѣгства и вернулось; мы ударили на врага и прокричали условленный знакъ, обращаясь къ засадѣ, которая вышла позади русовъ, — мы произвели истинную сѣчу; семьсотъ изъ ихъ числа мы убили, въ томъ числѣ и ихъ вождя. Остатокъ русовъ бѣжитъ въ крѣпость, занятую ими внутри города, — тамъ они собрали значительные запасы провизіи, держали запертыми плѣнныхъ и хранили добычу". Эль-Марзабанъ обложилъ крѣпость и блокировалъ ее, не располагая иными средствами борьбы кромѣ выжиданія.

И вотъ дошло до него извѣстіе о вторженіи въ Азарбайджанъ Абу Абдуллаха Хусейна сына Са'ида сына Хамдана, — онъ продвинулся до Салмасъ и соединился съ курдомъ Джаффаромъ Шаккуйе племени хизбанъ. Эль-Марзабанъ былъ принужденъ идти на помощь его угрожаемымъ провинціямъ, а для продолженія войны съ русами оставилъ одного изъ своихъ военачальниковъ съ 500 дейлемитовъ, 1500 курдской конницы и 2000 добровольцевъ...

Во время новаго похода Эль-Марзабана его отряды продолжали осаду русовъ, все болѣе одолѣваемыхъ болѣзнью. Когда русы хоронили кого-либо изъ своихъ, они клали оружіе рядомъ съ нимъ, также какъ его одежды и его орудія; равнымъ образомъ они хоронили вмѣстѣ съ умершимъ его супругу или одну изъ его женъ и его слугу, если умершій любилъ слугу, и все это дѣлали по извѣстному обряду. Послѣ удаленія русовъ мусульмане обыскивали могилы эти и находили тамъ мечи, которые служатъ забавой до нынѣшняго времени — по причинѣ ихъ блистательныхъ качествъ.

Когда число русовъ значительно уменьшилось, они вышли ночью изъ крѣпости, таща на плечахъ все, что могли взять изъ добычи, — драгоцѣнные камни, богатыя одежды, — остальное же сожгли. Они гнали впереди себя толпу женщинъ, мальчиковъ и дѣвочекъ, которыхъ хотѣли забрать съ собою; они достигли береговъ рѣки Курръ, гдѣ ихъ ждали суда, доставившія ихъ изъ ихъ страны, — ждали со всѣмъ экипажемъ и тремя сотнями русовъ, которымъ была сохранена ихъ доля добычи. Русы расположились на судахъ и отправились въ путь. Такъ Богъ избавилъ отъ нихъ мусульманъ.

Я слышалъ отъ очевидцевъ удивительные разсказы о силѣ этихъ русовъ и объ ихъ беззаботности передъ лицомъ опасности со стороны окружавшихъ ихъ въ бою мусульманъ. Между прочимъ, одинъ разсказъ ходитъ по той округѣ и я слышалъ его не отъ одного лица. Говорятъ, что какъ-то группа изъ пяти русовъ находилась въ саду въ Берда'а; среди нихъ былъ одинъ безбородый молодой

человѣкъ съ лицомъ ослѣпительной бѣлизны, сынъ одного изъ ихъ вождей,— съ ними находились и женщины изъ полонянокъ. Когда мусульмане узнали о нихъ, они окружили ихъ; собралось большое число дейлемитовъ и другихъ для нападенія на этихъ пятерыхъ. Хотѣли захватить хотя бы одного изъ нихъ въ плѣнъ, — но это не удалось, такъ какъ ни одинъ изъ нихъ не сдавался; ихъ удалось убить только послѣ того, какъ отъ рукъ ихъ пало во много разъ больше пяти число мусульманъ. А молодой безбородый человѣкъ остался послѣднимъ и защищался; когда же онъ почувствовалъ себя обреченнымъ на захватъ, онъ взобрался на находившееся вблизи дерево и сталъ наносить себѣ раны кинжаломъ въ наиболѣе жизненныя части, пока не упалъ мертвымъ".

Описанный здѣсь набѣгъ русовъ на Берда'а въ 943—4 г. извѣстенъ только изъ восточныхъ источниковъ. Это обстоятельство вызываетъ цѣлый рядъ недоумѣнныхъ вопросовъ вслѣдствіе необходимости все это повѣствованіе и основные въ немъ описанные факты ввести въ общій кругъ данныхъ о древней Руси X вѣка. Нельзя не признать, что обнаруженіе самаго обстоятельнаго и можетъ быть самаго авторитетнаго повѣствованія о набѣгѣ 943—4 гг. въ книгѣ Мискавейхи не внесло въ его исторію сколько-нибудь опредѣленно — проясняющихъ данныхъ.

Оставляя въ сторонѣ вопросъ о датѣ похода, въ общемъ — всѣми источниками относимаго къ 943—4 г., мы должны прежде всего обратиться къ Мискавейхи съ вопросомъ — о томъ, кто такіе его „русы" и гдѣ расположена ихъ страна. Нашъ писатель даетъ на эти вопросы весьма неопредѣленный отвѣтъ, онъ сводится только къ сообщенію имени участниковъ набѣга — „русы" и къ указанію, что страна этого народа находится недалеко отъ Каспійскаго моря, сопредѣльна съ нимъ, — при этомъ Мискавейхи описываетъ эту страну, какъ весьма холодную и не взращающую деревьевъ, по смыслу контекста — главнымъ образомъ фруктовыхъ. Такія свѣдѣнія о „Руси" какъ будто подаютъ руку, скажемъ — руку помощи, тѣмъ историкамъ, которые убѣждены въ существованіи въ IX-X в. Руси у Дона и въ Предкавказьи и именно оттуда — изъ Пріазовской Руси ведутъ русскихъ участниковъ ряда набѣговъ X вѣка на Каспій и близкія къ нему земли.[1] Однако, Мискавейхи можетъ быть полезенъ для этой гипотезы только въ случаѣ установленія авторитетности источниковъ этого его утвержденія; — онъ самъ, видимо, не бывалъ въ землѣ героевъ своего разсказа, и суммарный, неопредѣленный характеръ его указаній въ этой части мало пригоденъ служить точкой опоры. Сообщеніе о сопредѣльности русской земли съ Каспійскимъ моремъ во всякомъ случаѣ не можетъ быть достовѣрно, особенно если вспомнить изъ восточныхъ-же источниковъ извѣстную исторію похода русовъ въ 912—3 гг.; русы шли тогда вверхъ по Дону, переправившись волокомъ на Волгу и оттуда проникли въ Каспійское море,[2] воспользовавшись

[1]) См. напр. у В. А. Пархоменко. Начало христіанства Руси. Очеркъ изъ исторіи Руси IX-X вв. Полтава, 1913, стр. 116; его-же, У истоковъ русской государственности, Ленинградъ, 1924, стр. 40, 66, 76 и др.; раньше такъ высказывались Н. Ламбинъ, Н. Знойко (о походахъ Святослава на Востокъ, Журналъ Мин. Нар. Просвѣщенія, 1907, XII, стр. 285), ср. Волжскую русь Д. Щеглова (Первыя страницы русской исторіи, Ж. М. Н. Пр. 1876, V, стр. 67—8) и др.

[2]) См. у Гаркави, Сказанія мусульманскихъ писателей, СПБ. 1876, стр. 130—133, 155—159; Дорнъ, Каспій, СПБ. 1875, стр. 15—16 и др.; Григорьевъ. О древнихъ походахъ русовъ на Востокъ (1835 г.) въ сборникѣ „Россія и Азія", СПБ. 1876, стр. 12 и слѣд.; В. В. Бартольдъ. Место прикаспийских областей в истории мусульманского мира, Баку, 1925, стр. 38—40.

старымъ торговымъ путемъ, описанныхъ Ибнъ-Хордадбегомъ.[1] В. В. Григорьевъ, а за нимъ и М. Грушевскій полагаютъ, что Русы въ 943—4 гг. шли иной дорогой, испуганные жестокимъ финаломъ похода 913 г. — черезъ Волгу и землю Хазарскую, — на этотъ разъ они якобы пошли по сушѣ до Дербента[2] (вмѣстѣ съ вошедшими въ ихъ ополченіе аланами, буртасами и хазарами), а далѣе отправились по водѣ до Куры и Берда'а.[3] Однако, полная фантастическихъ и поэтическихъ комбинацій и амплификацій „Александріада" Низами (XII в.),[4] которой пользуются оба названные авторы, все же мало надежная опора для прочныхъ историческихъ заключеній, какъ бы они кстати ни подходили къ гипотезѣ о Тмутараканской Руси. Не исключена вмѣстѣ съ тѣмъ возможность локализаціи страны русовъ у Мискавейхи въ связи съ нахожденіемъ у Каспія земли Хазаръ, изъ которой, вѣроятно, русы вышли въ море, если, впрочемъ, это указаніе Мискавейхи не было выводомъ изъ какихъ-либо разсказовъ самихъ русовъ о себѣ. Холодный климатъ въ странѣ русовъ — по Мискавейхи — ничего опредѣленнаго не говоритъ о мѣстѣ, гдѣ находится эта страна, — почему было бы ошибочно использовать это его сообщеніе прямолинейно и въ смыслѣ локализаціи русовъ на сѣверѣ,[5] вѣдь о климатѣ Мискавейхи говоритъ только въ связи съ отсутствіемъ въ землѣ русовъ фруктовыхъ деревьевъ и садовъ и о привозѣ къ нимъ фруктовъ изъ чужихъ странъ, — а извѣстно, что садоводство въ славянскихъ земляхъ вообще есть явленіе позднее, — видимо, независимо отъ климата.[6]

У Мискавейхи есть еще одно указаніе относительно участниковъ набѣга 943—4 гг., — именно упоминаніе объ ихъ вождѣ: онъ въ бой выѣхалъ на ослѣ и затѣмъ былъ убитъ на полѣ брани. Восточные писатели иногда отмѣчаютъ — едва ли, впрочемъ, правильно — наличность коней только у русскихъ начальниковъ,[7] у Берда'а же русскій вождь могъ появиться на ослѣ въ силу мѣстныхъ условій, въ виду отсутствія здѣсь его обычнаго выѣзда. Смерть вождя русовъ (если извѣстіе это вѣрно) устраняетъ какую-либо возможность отождествлять руководителя похода 943—4 гг. на Берда'а съ княземъ кіевскимъ Игоремъ,[8] — имени этого вождя (изъ кіевской дружины? варягъ?) нѣтъ вообще ни у кого изъ писателей, повѣствующихъ о походѣ 943—4 гг.[9]

---

¹) См. у Гаркави, 49, ср. также стр. 251, 254—5.

²) Ср. однако указаніе В. Бартольда, что Дербентъ не былъ подвергнутъ ни этому нашествію (913 г.), ни другимъ нашествіямъ русскихъ на Каспійское море (ibid., стр. 39).

³) Григорьевъ, Россія и Азія, стр. 33—34; Грушевський, М. Історія України-Руси, I, Львів, изд. 1913, стр. 443—5.

⁴) См. въ изданіи Charmoy, F.—B. — Spitznagel L. Éxpedition d'Alexandre le Grand contre les Russes. Éxtrait de l'Alexandréide ou Iskèndèr-Namé de Nizâmy, S.-Petersbourg, 1828, 1—2, или у F. Erdmaan'a, De Expeditione Russorum Berdaam versus auctore imprimis Nisamio, Casani, 1826—1832, 3 тома.

⁵) Такъ см. Niederle, L. въ замѣткѣ въ »Slavia«, 1925, т. IV, кн. 2, стр. 383.

⁶) См. указанія источниковъ у L. Niederle, Život starých Slovanů, I, 2, Praha, 1911, стр. 194, — и III, 1, Praha, 1921, стр. 124—5.

⁷) См. у Niederle, Život starých Slovanů, III, 2, стр. 483—4, 135.

⁸) Такъ думаетъ и А. Куникъ, у Дорна, Каспій, стр. 521; ср. Бруцкусъ, Письмо хазарскаго еврея отъ X вѣка (Новые матеріалы по исторіи южной Россіи временъ Игоря), Берлинъ, 1924, стр. 24.

⁹) Исключеніе — шахъ Кинталь въ полныхъ небылицъ „Александріадахъ" Низами и др.; см. у Дорна, Каспій, 501, 517.

Участники похода 943—4 г. у Мискавейхи характеризуются какъ люди мужественные, неустрашимые, великодушные; въ самомъ развитіи событій въ Берда'а они выступаютъ съ этими чертами, причемъ жестокость въ отношеніи населенія этого города изображается какъ-бы вынужденной и не присущей самимъ захватчикамъ Берда'а.[1] Занимая этотъ городъ, являвшійся столицей цѣлаго края и важнымъ торговымъ центромъ Закавказья, русы, видимо, стремились овладѣть имъ не для грабительскаго только его уничтоженія, но для полученія добычи въ видѣ цѣнныхъ вещей и плѣнныхъ для продажи. Послѣ столкновенія русовъ съ упорствомъ и враждебностью населенія они подвергли городъ жесточайшему разграбленію, которое уничтожило навсегда былое значеніе и блескъ Берда'а,[2] этой „матери Аррана",[3] „Багдада этой области",[4] „великой столицы".[5] Нельзя не оцѣнить этой объективности въ разсказѣ Мискавейхи, видимо, безъ какого-либо преувеличенія и пристрастія излагавшаго имѣвшіяся у него свѣдѣнія о характерѣ и пріемахъ борьбы русовъ, выступающихъ на страницахъ его „Книги объ опытахъ народовъ" съ чертами какъ тѣневыми, такъ и положительными. Такое отношеніе нашего автора къ событіямъ 943—4 гг. въ Берда'а — при использованіи имъ разсказовъ очевидцевъ и современниковъ — дѣлаетъ повѣствованіе Мискавейхи особенно надежнымъ источникомъ для изображенія этихъ событій, м. б. болѣе надежнымъ и достовѣрнымъ, чѣмъ краткія свѣдѣнія Моисея Каганкотоваци о набѣгѣ „рузиковъ", ушедшихъ „въ страну свою подобно трусамъ".[6]

Пользуясь разсказомъ Мискавейхи можно возстановить со всею обстоятельностью исторію набѣга русовъ на Берда'а, правда, только въ предѣлахъ собственно Закавказья. Не имѣя здѣсь въ виду подвергать общему обслѣдованію исторію этого похода, укажемъ только на одну подробность, которая можетъ характеризовать размѣры предпріятія русовъ. Центромъ его былъ г. Берда'а, однако въ сферу русскихъ дѣйствій и военнаго вліянія входила и значительная область внѣ этого города. Прежде всего оставалась ненарушенной связь между Берда'а и мѣстомъ остановки судовъ русскихъ на Курѣ, — верстахъ въ 20-ти (2—3 фарсаха) отъ самаго города, вѣроятно, въ устьѣ р. Тертеръ, — у персидскаго географа А. Г. Туманскаго это мѣсто называется Мубареки.[7] А затѣмъ — русскіе, повидимому, побывали въ довольно далеко отъ Берда'а отстоявшемъ городѣ Марага, славномъ своими фруктовыми садами. Если это указаніе на

[1]) Ср. интересныя замѣчанія по поводу этой характеристики, имѣющейся и Ибнъ-аль-Атира, — у Бартольда, Место прикаспийскихъ областей и т. д., Баку, 1925, стр, 40, 43: „первый походъ (913 г.) былъ безпорядочно-грабительскій, въ 943—4 гг. русскіе тотчасъ послѣ взятія города (Берда'а) старались возстановить въ немъ порядокъ и спокойную жизнь, что „свидѣтельствуетъ объ успѣхахъ русской культуры и государственности", — „для языческихъ войскъ, какими являлись русскіе, замѣчательное явленіе" — забота о порядкѣ въ завоеванномъ городѣ, чуждая и норманамъ въ ихъ набѣгахъ въ Западной Европѣ.

[2]) Объ этомъ городѣ см. сводку W. Barthold'a въ Encyclopédie de l'Islam, подъ словомъ Bardha'a и въ его же книгѣ „Место прикаспийскихъ областей", стр. 34, 40, 44, 61, 142.

[3]) Такъ называетъ Берда'а Ибнъ-Хаукалъ, — см. Н. А. Карауловъ, Свѣдѣнія арабскихъ географовъ IX—X вв. по Р. Х. о Кавказѣ, Арменіи и Азербайджанѣ въ „Сборникѣ матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа", т. XXXVIII, Тифлисъ, 1908, стр. 86.

[4]) Аль-Мукадесси, см. Карауловъ, ibid., стр. 7.

[5]) Моисей Каганкатоваци, пер. Патканьяна, стр. 102, 104, 240 и др.

[6]) Моисей, стр. 275—6. Ср. Бартольдъ, „Место прикаспийскихъ областей", стр. 40.

[7]) Бартольдъ, op. cit., 40.

Марагу вѣрно (его оспариваетъ Margoliouth, предлагая читать и здѣсь Берда'а, V, 71), то походъ русовъ 943—4 г. надлежитъ представлять себѣ захватившимъ значительную область и отразившимся на жизни большой территоріи, — для борьбы съ русами военныя силы были собраны „съ разныхъ сторонъ" и при этомъ въ количествѣ (до тридцати тысячъ человѣкъ), позволяющемъ заключать о большемъ составѣ и отрядовъ русовъ. Въ связи съ этимъ и продолжительность пребыванія русовъ въ Берда'а надлежитъ представлять значительной.[1] Моисей Каганкотваци говоритъ о полугодѣ,[2] въ этотъ періодъ нужно включить лѣто, когда спѣли погубившіе русовъ плоды; самый пріѣздъ русовъ могъ произойти или весною того-же года или же осенью предыдущаго, — оставили Берда'а русы — видимо — позднею осенью, когда наступили холода, — это случилось послѣ того, какъ Эль-Марзабанъ оставилъ осаду Берда'а ради другого театра военныхъ дѣйствій, во время которыхъ, какъ упоминаетъ Мискавейхи, началъ выпадать снѣгъ.[3]

Кромѣ основной схемы разсказа о набѣгѣ русовъ на Берда'а и общей характеристики его участниковъ, въ книгѣ Мискавейхи имѣется нѣсколько пассажей, посвященныхъ описанію нѣкоторыхъ бытовыхъ чертъ этихъ русовъ. Такъ Мискавейхи описываетъ погребеніе руса, вѣроятно, на основаніи разсказовъ видавшихъ эту церемонію людей. Мискавейхи говоритъ о погребеніи русовъ въ землѣ, а не о сожженіи, что противорѣчитъ описанію Ибнъ-Фодлана, — послѣдній слышалъ отъ какого-то руса осужденіе обычая погребенія въ землѣ.[4] Однако, у Мискавейхи подробности погребенія весьма близки къ разсказу Ибнъ-Фодлана, — одновременное погребеніе жены, слуги, одежды и оружія. Въ отношеніи послѣдняго разсказъ Мискавейхи пріобрѣтаетъ особый интересъ, такъ какъ въ немъ точнѣе и опредѣленнѣе чѣмъ у Ибнъ-эль-Атира указывается на интересъ туземцевъ-мусульманъ къ русскому оружію. Видимо мусульмане находили въ могилахъ русовъ мечи, о которыхъ не разъ съ вниманіемъ и похвалою отзывались многіе восточные писатели. Это были мечи западно-европейской, „франкской" работы,[5] черезъ русовъ — въ данномъ случаѣ — мертвыхъ добывали обитатели Закавказья эти клинки „блистательныхъ качествъ".

*

Мискавейхи кончилъ свой разсказъ на 369 годѣ геджры, т. е. на 979—980 году христіанской эры. Его историческое повѣствованіе имѣетъ продолженіе, написанное Абу Шуджа. Этотъ продолжатель Мискавейхи однажды въ своемъ разсказѣ коснулся и исторіи Руси, кратко отмѣтивъ на общемъ фонѣ византійской исторіи второй половины X вѣка — фактъ крещенія Руси — въ связи его съ внут-

---

¹) Ср. Грушевський, Історія України — Руси, I, 1913, стр. 445 — болѣе года; Бартольдъ, op. cit. 41.

²) Моисей, стр. 276.

³) Англійскій переводъ Margoliouth'a, стр. 72; у Huart'a, стр. 189; также и Ибнъ-эль-Атиръ, см. у Дорна, Каспій, 512 и сл.

⁴) Гаркави, Сказанія, стр. 100—1.

⁵) Ибнъ-Фодланъ у Гаркави, Сказанія, стр. 93; подборъ свидѣтельствъ см. у Niederle, L., Život starých Slovanů, Praha, 1925, III, 2, стр. 377—8, 526—34, 535, 522 прим. 3, 693; см. также въ статьѣ Н. Т. Бѣляева „О булатѣ и харалугѣ" въ »Recueil d'études dédiées à la mémoire de N. P. Kondakov«, Prague, 1926, стр. 156 и слѣд.

ренней междуусобной борьбой Императоровъ Василія и Константина и Варды Фоки. Въ этомъ изложеніи о крещеніи Руси говорится подъ 375 годомъ геджры, т. е. подъ 986—7 гг. христ. эры. Изобразивъ то тягостное положеніе и ослабленіе, въ которомъ оказались названные императоры — соправители вслѣдствіе успѣха возстанія Варды, Абу Шуджа подъ особымъ заголовкомъ — „какимъ образомъ два императора возстановили свое потрясенное положеніе" — излагаетъ краткую исторію русской помощи Императорамъ, оказавшейся столь дѣйствительной и цѣнной для нихъ.

„Доведенные до полнаго безсилія, пишетъ нашъ авторъ, Императоры послали просить помощи у князя русовъ; этотъ князь попросилъ руку ихъ сестры для брака, но она отказалась быть отданной жениху иной вѣры; переговоры по этому дѣлу имѣли результатомъ принятіе русскимъ княземъ христіанства. Тогда соглашеніе состоялось и принцесса была выдана за руса. Онъ прислалъ множество своихъ слугъ на помощь Императорамъ, людей твердыхъ и мужественныхъ. Когда это подкрѣпленіе русовъ достигло Константинополя, они преградили проливъ кораблями противъ Варды, который презрительно отнесся къ ихъ появленію и иронически спрашивалъ, какъ они такъ рискуютъ собою. Но они достигли берега, подвинулись къ мѣстоположенію непріятеля, — и въ начавшейся тогда битвѣ русы обнаружили превосходство и умертвили Варду. Его силы были разсѣяны и Императоры были возстановлены въ своей власти." [1]

Этотъ краткій и сжатый разсказъ отмѣчаетъ тѣсную связь крещенія русскаго князя съ участіемъ русовъ въ борьбѣ противъ Варды. Какъ извѣстно, такая же схема взаимодѣйствія этихъ фактовъ лежитъ и въ основѣ извѣстнаго разсказа о крещеніи Руси у Яхъи Антіохійскаго,[2] возможно — опиравшагося въ разныхъ частяхъ своего историческаго произведенія и на „книгу объ опытахъ народовъ" Мискавейхи и его продолжателя.[3]

А. Флоровскій.

Лѣто 1926 г., Zbraslav — Paris.

---

[1]) »Continuation of the Experiences of the Nations by Abu-Shyjac Rudhrawari and Helal b. Muhassin« — въ томѣ VI-омъ »The Eclipse of the Abbasid Caliphate«, Oxford, 1921, стр. 118—19 (англ. текстъ). Отмѣтимъ, что Erdmann, F. въ цитир. выше своемъ сочиненіи готовъ отнести къ походу русовъ противъ Варды и разсказъ о Берда'а 943 г., — Берда'а = Варда и т. д.

[2]) Бар. В. Р. Розенъ, Императоръ Василій Болгаробойца. Извлеченія изъ лѣтописи Яхъи Антіохійскаго (прил. къ XLIV тому Зап. Имп. Акад. Наукъ, № 1), Спб., 1883, стр. 23 и сл.

[3]) Такое сближеніе см. у Розена, op. cit., стр. 090, 134 и сл., 149. Нужно надѣяться, что въ новомъ изданіи Яхъи, подготовляемомъ проф. А. А. Васильевымъ, этотъ вопросъ найдетъ себѣ полное разъясненіе.

МРАМОРНАЯ ГРУППА ЖЕРТВОПРИНОШЕНІЯ ИСААКА

Среди разнообразныхъ мраморныхъ обломковъ, которыми такъ богатъ музей Херсонеса, есть одинъ, очень интересный, до сихъ поръ никакъ не объясненный и неизданный обломокъ небольшой мраморной группы, найденный въ 1898 году у древней оборонительной стѣны (таб. XIV, 1).[1] Этотъ обломокъ группы представляетъ крайне рѣдкій и наиболѣе ранній экземпляръ древне-христіанской храмовой скульптуры, о которой доселѣ можно скорѣе догадываться, чѣмъ положительно утверждать ея существованіе.

Отъ группы сохранился пьедесталъ, своей формой близко напоминающій пьедесталы небольшихъ античныхъ группъ, напримѣръ группы со спящей Аріадной того-же Херсонесскаго музея, или пьедесталъ съ изображеніемъ группы Іоны, изданной Стржиговскимъ. Несмотря на плохую сохранность группы херсонесскаго музея, все же колѣнопреклоненная фигурка обнаженнаго мальчика, ставшаго на одно колѣно и выставившаго лѣвую ногу впередъ, а затѣмъ остатки большой, слѣва стоящей фигуры, отъ которой сохранилась лѣвая нога грубо обозначенная на заднемъ планѣ и слѣдъ ступни правой ноги въ лѣвомъ выступѣ пьедестала съ частью одежды, покрывавшей эту ногу, а затѣмъ стволъ дерева, видимый слѣва у большой фигуры, всѣ эти данныя ясно показываютъ, что группа представляла Жертвоприношеніе Исаака, т. е. сюжетъ очень часто встрѣчаемый на рельефахъ христіанскихъ саркофаговъ и на другихъ предметахъ христіанскаго художественнаго обихода, на такъ называемыхъ »vetri ornati«, на ложкахъ, на геммахъ, въ живописи катакомбъ и т. д., но неизвѣстный еще въ видѣ статуарной группы. Отлично выполненная юная фигурка колѣнопреклоненнаго Исаака, полированная поверхность рельефа, пухлыя формы тѣла Исаака, напоминающаго античнаго амура, и, главное, отсутствіе сухости стиля пластики VI вѣка, отъ эпохи котораго до насъ дошли общеизвѣстныя группы съ Орфеемъ и Іоной, дѣлаютъ изъ херсонесскаго обломка мраморной группы драгоцѣнный образчикъ пластики IV столѣтія, крайне любопытный по своей композиціи и по приспособленію своему для украшенія храма.

Удлиненная вверхъ и узкая форма группы требуетъ признать, что Жертвоприношеніе Иссака было изображено сокращенно, т. е. безъ овцы у ногъ Авраама. Присутствіе слѣва древеснаго ствола доказываетъ, что въ вѣтвяхъ его вверху около десницы, обращенной къ лицу Авраама, находилась овца. Такъ изображается овца на нѣкоторыхъ саркофагахъ вслѣдствіе недостатка мѣста для овцы у ногъ Авраама.[2] Авраамъ держалъ ножъ, повидимому, не у праваго своего

---

[1]) Отчетъ Арх. Комм. за 1898 г.

[2]) Garrucci. tav. 312, 3; 312, 1; и особенно 318, 1 и др.

плеча, гдѣ была десница, мѣшавшая ему, а у лѣваго, на свободѣ, какъ на берлинской пиксидѣ.[1] Сокращеніе композиціи для развитія группы вверхъ коснулось не только овцы у ногъ Авраама, но и жертвенника, на которомъ обыкновенно стоитъ колѣнопреклоненный Исаакъ. Жертвенника нѣтъ. Исаакъ стоитъ на томъ-же пьедесталѣ, на которомъ стоитъ и Авраамъ.

Что овца и жертвенникъ были опущены вполнѣ согласно съ задуманной композиціей группы доказываютъ особенности исполненія. Для овцы нѣтъ мѣста ни справа, ни слѣва. Справа выступъ пьедестала сохранилъ остатокъ ступни отъ лѣвой ножки Исаака, а слѣва почти тоже на томъ же мѣстѣ у угла пьедестала виденъ остатокъ ступни Авраама. Въ центрѣ виденъ остатокъ ступни правой ножки Исаака. Фигурка Исаака не имѣегъ ни препоясанія, какъ на нѣкоторыхъ римскихъ саркофагахъ, ни рубашки, какъ на константинопольской туфовой плитѣ египетскаго происхожденія. Онъ имѣетъ видъ античнаго амура, какъ на Берлинской и Болонской пиксидахъ, на ложкѣ изъ Аквилеи (Garr. 462, 6) или на одной древнехристіанской лампочкѣ изъ Іерусалима, изданной де Waal'емъ[2] и въ другихъ случаяхъ, на римскихъ и галльскихъ саркофагахъ.[3] Эта черта указываетъ на раннее, еще античное пониманіе сюжета, въ которомъ Исаакъ является въ видѣ античнаго амура, или мальчика, совершенно голаго. Такимъ образомъ, въ группѣ, какъ и на многихъ современныхъ ей памятникахъ изображены Авраамъ и Исаакъ съ деревцомъ, около котораго можно предполагать десницу и овцу въ вѣтвяхъ дерева, такъ что остается лишь главное центральное дѣяніе, т. е. готовность Авраама заколоть своего сына и появленіе десницы, удерживающей его отъ этого.

Крайне интересно въ данномъ случаѣ опущеніе жертвенника, на которомъ обыкновенно стоитъ колѣнопреклоненный Исаакъ. Однако, такое сокращеніе композиціи настолько типично, что представляетъ самостоятельный варіантъ для этой композиціи, столь распространенной въ древнехристіанскомъ искусствѣ. На многихъ саркофагахъ ранняго времени въ этой композиціи алтарь отсутствуетъ. Онъ появляется на памятникахъ, передающихъ палестинскія святыни и въ томъ числѣ алтарь Авраама.

На христіанскихъ памятникахъ римскихъ и иныхъ встрѣчаются обѣ разновидности. На саркофагахъ римскихъ часто изображается жертвоприношеніе Исаака безъ овцы и жертвенника, но часто и съ жертвенникомъ.[4] Въ то время, какъ единственный примѣръ жертвоприношенія Исаака въ живописи катакомбъ представленъ безъ жертвенника, единственный извѣстный пока примѣръ изображенія этой сцены на египетской христіанской ткани Вѣнскаго собранія представляетъ Исаака стоящимъ на кубическомъ жертвенникѣ, но безъ овцы. Такимъ образомъ, восточные и западные памятники одинаково даютъ оба извода композиціи, и херсонесскій изводъ передаетъ одинъ изъ этихъ типическихъ изводовъ. Въ своей статьѣ, помѣщенной въ сборникѣ въ честь С. А. Жебелева о „Пользованіи античными композиціями и фигурами на памятникахъ христіанскаго искусства,“ я указалъ на то важное явленіе, что христіанскіе мастера

---

[1]) Ibid. 440, 1.

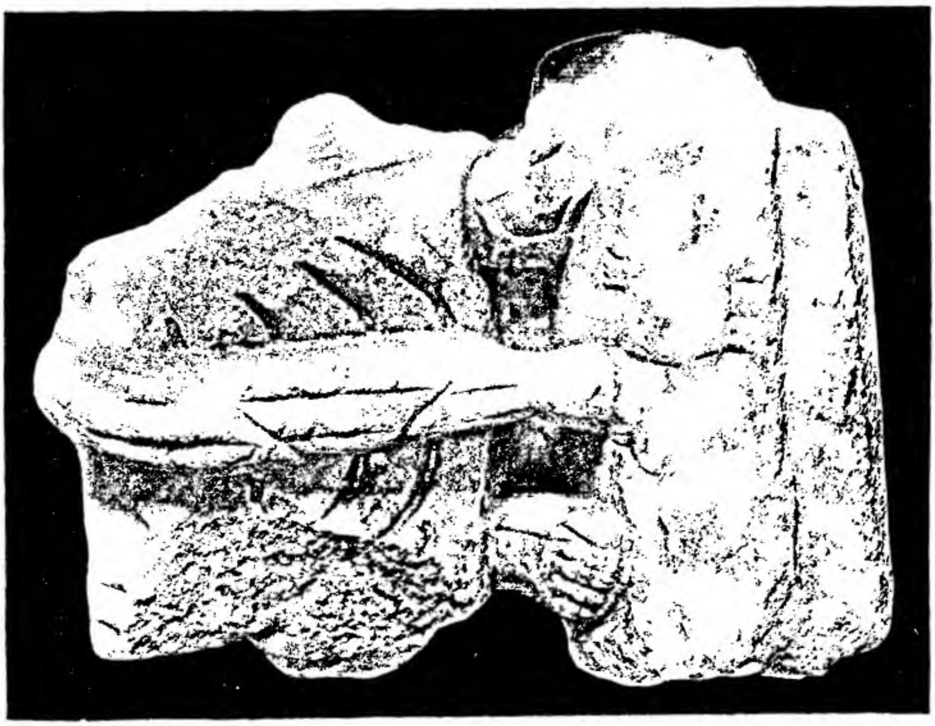
[2]) Römische Quartallschrift 1904 (I), p. 21.

[3]) Edm. Le Blant, Sarcoph. de la Gaule 479, 5; Fleury, La Messe, II, pl. CXX и I.

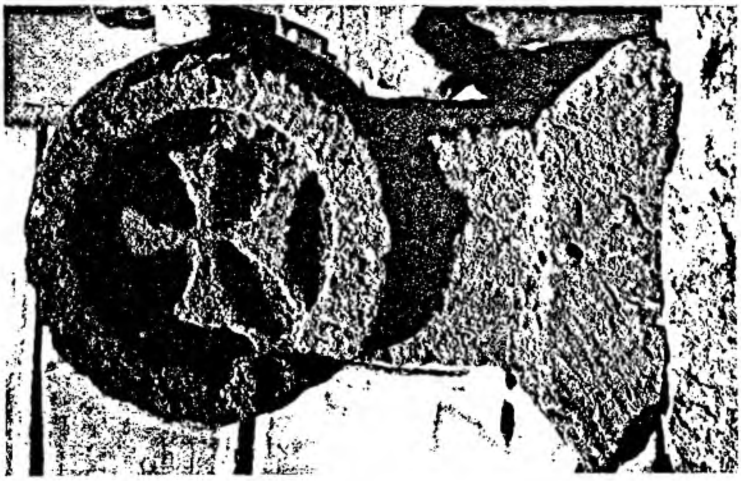
[4]) Cp. Edm. Le Blant, Les Sarcophages, passim. Fleury, La Messe, II, pl. CXX; I, pl. 1. и др. Garrucci, 323, 4; 326, 2; 327, 4.

1

2

3

плеча, гдѣ была десница, мѣшавшая ему, а у лѣваго, на свободѣ, какъ на берлинской пиксидѣ.[1] Сокращеніе композиціи для развитія группы вверхъ коснулось не только овцы у ногъ Авраама, но и жертвенника, на которомъ обыкновенно стоитъ колѣнопреклоненный Исаакъ. Жертвенника нѣтъ. Исаакъ стоитъ на томъ-же пьедесталѣ, на которомъ стоитъ и Авраамъ.

Что овца и жертвенникъ были опущены вполнѣ согласно съ задуманной композиціей группы доказываютъ особенности исполненія. Для овцы нѣтъ мѣста ни справа, ни слѣва. Справа выступъ пьедестала сохранилъ остатокъ ступни отъ лѣвой ножки Исаака, а слѣва почти тоже на томъ же мѣстѣ у угла пьедестала виденъ остатокъ ступни Авраама. Въ центрѣ виденъ остатокъ ступни правой ножки Исаака. Фигурка Исаака не имѣегъ ни препоясанія, какъ на нѣкоторыхъ римскихъ саркофагахъ, ни рубашки, какъ на константинопольской туфовой плитѣ египетскаго происхожденія. Онъ имѣетъ видъ античнаго амура, какъ на Берлинской и Болонской пиксидахъ, на ложкѣ изъ Аквилеи (Garr. 462, 6) или на одной древнехристіанской лампочкѣ изъ Іерусалима, изданной де Waal'емъ[2] и въ другихъ случаяхъ, на римскихъ и галльскихъ саркофагахъ.[3] Эта черта указываетъ на раннее, еще античное пониманіе сюжета, въ которомъ Исаакъ является въ видѣ античнаго амура, или мальчика, совершенно голаго. Такимъ образомъ, въ группѣ, какъ и на многихъ современныхъ ей памятникахъ изображены Авраамъ и Исаакъ съ деревцомъ, около котораго можно предполагать десницу и овцу въ вѣтвяхъ дерева, такъ что остается лишь главное центральное дѣяніе, т. е. готовность Авраама заколоть своего сына и появленіе десницы, удерживающей его отъ этого.

Крайне интересно въ данномъ случаѣ опущеніе жертвенника, на которомъ обыкновенно стоитъ колѣнопреклоненный Исаакъ. Однако, такое сокращеніе композиціи настолько типично, что представляетъ самостоятельный варіантъ для этой композиціи, столь распространенной въ древнехристіанскомъ искусствѣ. На многихъ саркофагахъ ранняго времени въ этой композиціи алтарь отсутствуетъ. Онъ появляется на памятникахъ, передающихъ палестинскія святыни и въ томъ числѣ алтарь Авраама.

На христіанскихъ памятникахъ римскихъ и иныхъ встрѣчаются обѣ разновидности. На саркофагахъ римскихъ часто изображается жертвоприношеніе Исаака безъ овцы и жертвенника, но часто и съ жертвенникомъ.[4] Въ то время, какъ единственный примѣръ жертвоприношенія Исаака въ живописи катакомбъ представленъ безъ жертвенника, единственный извѣстный пока примѣръ изображенія этой сцены на египетской христіанской ткани Вѣнскаго собранія представляетъ Исаака стоящимъ на кубическомъ жертвенникѣ, но безъ овцы. Такимъ образомъ, восточные и западные памятники одинаково даютъ оба извода композиціи, и херсонесскій изводъ передаетъ одинъ изъ этихъ типическихъ изводовъ. Въ своей статьѣ, помѣщенной въ сборникѣ въ честь С. А. Жебелева о „Пользованіи античными композиціями и фигурами на памятникахъ христіанскаго искусства," я указалъ на то важное явленіе, что христіанскіе мастера

---

[1]) Ibid. 440, 1.

[2]) Römische Quartallschrift 1904 (I), p. 21.

[3]) Edm. Le Blant, Sarcoph. de la Gaule 479, 5; Fleury, La Messe, II, pl. CXX и I.

[4]) Cp. Edm. Le Blant, Les Sarcophages, passim. Fleury, La Messe, II, pl. CXX; I, pl. 1. и др. Garrucci, 323, 4; 326, 2; 327, 4.

3

2

1

IV—VI столѣтій часто пользуются античными фигурами и даже композиціями для изображенія христіанскихъ сюжетовъ и сопоставилъ композицію Жертвоприношенія Исаака съ миѳомъ о Телефѣ, какъ онъ изображается на античныхъ памятникахъ, по преимуществу на этрусскихъ урнахъ. Здѣсь обыкновенно изображается Телефъ, замахивающійся ножемъ на маленькаго мальчика Ореста, стоящаго колѣнопреклоненно на четыреугольномъ жертвенникѣ. Сходство обѣихъ композицій языческой и христіанской такъ велико, что невозможно сомнѣваться въ преемственности отъ античной композиціи и въ подражаніи ей христіанскихъ рѣзчиковъ мрамора. Этотъ способъ изображенія Жертвоприношенія Исаака одинаково характеренъ для римской школы мраморщиковъ и для эллинистически воспитанныхъ мастеровъ востока, что для насъ является крайне важнымъ фактомъ. Херсонесская группа лишена жертвенника, какъ лишенъ его, повидимому, и туфовый рельефъ Константинополя, изданный мною въ работѣ: Эллинистическія основы византійскаго искусства (табл. I). Позднѣе палестинскіе изводы композиціи Жертвоприношенія Исаака получаютъ новыя измѣненія. Изображается не только жертвенникъ или алтарь Авраама, но и лѣстница, по которой поднимались къ мѣсту, гдѣ происходило это событіе, пріуроченное къ постройкамъ Константина, въ Іерусалимѣ на Голгоѳѣ. Таковы особенно указанныя пиксиды Берлинскаго и Болонскаго музеевъ, а также прекрасный саркофагъ Латеранскаго музея, на которомъ изображена Панеадская группа исцѣленія гемороиссы, колонка пѣтелоглашенія и другія палестинскія святыни, въ томъ числѣ и жертвенникъ Авраама.[1] Задняя часть этой группы ровная, безъ рельефа, но съ узкой сглаженной полоской, признакъ того, что группа была предназначена стоять у стѣны. Небольшіе размѣры ея (0,36 высоты обломка, при ширинѣ пьедестала въ 0,18), обработка ея въ видѣ округлой колонны говорятъ о томъ, что она предназначалась для ниши.

Мнѣ уже приходилось поднимать вопросъ о характерѣ статуарной пластики въ древне-христіанскомъ искусствѣ. Впервые этотъ вопросъ былъ поднятъ еще знаменитымъ G. B. de Rossi, доказавшимъ, что въ нишахъ церкви св. Констанцы въ Римѣ стояли статуи Добраго Пастыря, въ такомъ большомъ числѣ найденныя на почвѣ Рима. Изучая ниши на фасадахъ Бѣлаго и Краснаго монастырей въ Египтѣ, я доказалъ, что въ этихъ нишахъ стояли скульптурныя изображенія крестовъ и небольшія статуи. Поразительное доказательство этому было найдено въ томъ же Херсонесѣ, гдѣ въ боковой капеллѣ при западной базиликѣ А найденъ былъ стоящимъ въ нишѣ крестъ въ кругѣ, высѣченный изъ туфа вмѣстѣ съ постаментомъ (фот. 76). Этотъ крестъ in situ изображенъ на фотографіи, снятой при самомъ открытіи базилики въ 1901 году и изданной мною въ I выпускѣ Христіанскихъ Древностей Херсонеса (т. XIV, 3). Среди мраморныхъ обломковъ, хранящихся въ Херсонесскомъ музеѣ можно видѣть еще остатки трехъ небольшихъ группъ Орфея, стиль и техника которыхъ указываетъ на VI столѣтіе. Эти статуи Орфея хорошо извѣстны по образцу, хранящемуся въ Аѳинскомъ Національномъ Музеѣ. Здѣсь издается лишь обломокъ одной изъ трехъ подобныхъ группъ съ изображеніемъ Орфея. На прилагаемой фотографіи (т. XIV, 2) можно видѣть часть фигуры сидящаго Орфея, одежда котораго жгутомъ падаетъ между ступней ногъ, одѣтыхъ въ сандаліи. На сохранившейся

---

[1]) Сообщ. Палест. Общ. Февраль 1894 г. стр. 1—4 (отд. отт.) Также Garrucci, tav. 323, 4, 5, 6.

части пьедестала этого обломка видны краббъ и заяцъ, повернувшій голову влѣво, а на другомъ обломкѣ на груди видна часть ремня отъ лиры. Эти обломки до мельчайшихъ подробностей могутъ быть возстановлены по упомянутому экземпляру Аѳинскаго Національнаго Музея и, повидимому, возникли въ той же мастерской, въ одну и ту же эпоху VI столѣтія, хотя херсонесскіе обломки значительно грубѣе. Такимъ образомъ, херсонесскій обломокъ группы Жертвоприношенія Исаака, не только увеличиваетъ своимъ содержаніемъ число древнехристіанскихъ скульптуръ, примѣнявшихся для украшенія храмовъ, но и является наиболѣе раннимъ по времени и стилю памятникомъ этой храмовой пластики, относящимся къ концу IV столѣтія. Было бы безполезно приводить древнія извѣстія объ изображеніи всякаго рода крестовъ для украшенія, храмовъ въ эпоху IV—VI столѣтій. Такихъ извѣстій слишкомъ много. Равнымъ образомъ я не могу здѣсь указывать на разнообразныя историческія извѣстія о рельефныхъ крестахъ и статуяхъ, стоявшихъ на площадяхъ Рима, Константинополя и другихъ городовъ, но среди этихъ извѣстій есть одно, позволяющее утверждать, что авторъ описываетъ скульптурныя украшенія храмовъ въ видѣ статуй. Авторъ этотъ Іоаннъ Златоустъ: „Церковь говоритъ онъ, есть ничто иное какъ домъ, построенный ради нашихъ душъ“. Онъ сравниваетъ его съ языческимъ домомъ и продолжаетъ:

„И здѣсь можно видѣть украшенія ввидѣ статуй... (Ἔστιν ἰδεῖν καὶ τὸν ἀπὸ ἀγαγμάτων κόσμον...).“

Д. Айналовъ.

О НѢКОТОРЫХЪ ФОРМАХЪ ФИБУЛЫ ИЗЪ ЮЖНОЙ РОССІИ

Фибула, какъ таковая, до сихъ поръ, за очень малыми исключеніями,[1] стояла въ общемъ внѣ сферы вниманія русскихъ археологовъ. На сколько малъ былъ къ ней интересъ, легко убѣдиться, просматривая различные отчеты о раскопкахъ и находкахъ. Обычно изслѣдователи ограничиваются лишь голымъ констатированіемъ самаго факта находки фибулы, совсѣмъ не указывая ни формы, ни типа ея. Послѣднее встрѣчается только какъ рѣдкое исключеніе, но зато часты ничего незначущія отмѣтки, что найдена „мѣдная фибула стараго типа" [2] и т. п. Ничтоженъ также введенный въ научный обиходъ иллюстраціоный матеріалъ, не установлена терминологія, и часто подъ однимъ и тѣмъ же названіемъ скрываются разныя вещи. При такихъ условіяхъ о сколько-нибудь полной исторіи фибулы въ Россіи пока нельзя еще говорить. Между тѣмъ, упоминанія о ея находкахъ явленіе обычное, и несомнѣнно, многочисленные наши музеи хранятъ въ своихъ витринахъ и складахъ не мало часто невзрачныхъ на видъ, но всегда много говорящихъ для историка отдаленнаго прошлаго, этихъ, по истинѣ, „руководящихъ ископаемыхъ" нашей науки. О томъ, сколь важное значеніе имѣетъ изученіе фибулъ въ вопросахъ хронологіи и палеоэтнологіи любой страны, говорить не приходится. На Западѣ это не только давно осознано, но исторія фибулы составляетъ тамъ уже цѣлую главу археологической науки, ей посвящаются въ университетахъ цѣлые семестры. Но, если недостаточно данныхъ для полной картины исторіи фибулы у насъ, то все же отдѣльныя ея моменты или, по крайней мѣрѣ, главныя направленія ея хода могутъ быть уже указаны на основѣ и того, что опубликовано. Мы имѣли уже случай[3] говорить о нѣкоторыхъ пережиткахъ фибульныхъ формъ, затерявшихся въ горахъ Кавказа и пришедшихъ туда съ юга Европы. Настоящая замѣтка имѣетъ цѣлью собрать данныя по вопросу о нѣкоторыхъ типахъ фибулъ, проникшихъ съ запада и о создавшихся подъ ихъ вліяніемъ мѣстныхъ формахъ. Однако, напередъ оговариваемся, что приводимый здѣсь матеріалъ не только не является исчерпывающимъ, но и не можетъ почитаться достаточно полнымъ, что является

---

[1]) А. А. Спицынъ. Къ вопросу о происхожденіи такъ называемыхъ готскихъ фибулъ. Зап. Рус. Арх. О-ва, т. XI, в. 1, стр. 385. R. Hausman. Нѣсколько замѣтокъ по поводу новыхъ изслѣдованій о фибулахъ ect. Зап. Имп. Одес. О-ва Ист. и Древн., т. XXI, стр. 255—270. М. И. Ростовцевъ. Фибулы съ надписями изъ Донской области. Изв. Имп. Арх. Ком. в. 65, стр. 23. А. Калитинскій, Изъ исторіи фибулы на Кавказѣ, Recueil-Kondakov, Prague, 1926, стр. 39—64.

[2]) Отч. Имп. Арх. Ком. за 1909.

[3]) Recueil-Kondakov. Prague 1926, стр. 39—64.

(помимо указанныхъ выше причинъ) слѣдствіемъ отсутствія заграницей многихъ русскихъ археологическихъ изданій, не говоря уже о невозможности для насъ пользоваться самимъ русскимъ музейнымъ матеріаломъ.

*

Какъ извѣстно, начиная приблизительно съ половины перваго тысячелѣтія до Р.Х., въ западной Европѣ развился своеобразный культурный укладъ жизни, за которымъ, со времени H. Hildebrand'a,[1] утвердилось названіе латенской культуры.[2] Въ настоящее время, благодаря совмѣстнымъ усиліямъ историковъ, филологовъ и особено археологовъ, уже достаточно опредѣленно выяснены какъ общій характеръ этой культуры и многія подробности ея развитія, такъ и широкое распространеніе латенскихъ предметовъ почти повсемѣстно въ Европѣ.[3] Вполнѣ установлено также воздѣйствіе этой культуры на сосѣднія страны и значеніе ея для послѣдующихъ эпохъ.

Наличіе латенскихъ вещей отмѣчено также и въ Россіи, гдѣ онѣ попадаются на обширномъ пространствѣ отъ Волыни до Чернаго моря и Кавказа.[4] Среди подобнаго рода предметовъ имѣются и латенскія фибулы.

Сама по себѣ латенская фибула представляетъ одно изъ наиболѣе характерныхъ явленій этой культуры — три фразы развитія ея формы (вмѣстѣ съ формами мечей) легли въ основу хронологическаго подраздѣленія латенскаго времени западной Европы на три послѣдовательные періода.[5] Руководящіе типы латенской фибулы различаются между собой устройствомъ т. н. ножки, вѣрнѣе отношеніемъ

[1]) Hans Hildebrand. Studier i jämförunde fornforsking. I. Bidrag till Spännets historia in Antiquarisk tidskrift för Sverige. IV. St. 1872.

[2]) Основной работой о латенской культурѣ является: J. Déchelette. Manuel d'archeologie, II, 2e partie, P. 1913 и 3e partie, P. 1914.

[3]) Зародилась латенская культура гдѣ-то въ прирейнской области (J. Déchelette, o. c., II, 3e, p. 922).

[4]) В. В. Хвойка. Поля погребеній въ среднемъ Приднѣпровьѣ. СПБ., 1901, стр. 18. Н. Ѳ. Бѣляшевскій. Поле погребальныхъ урнъ эпохи la Tène въ Радомысльскомъ уѣздѣ. Арх. лѣтопись ю. Россіи, 1904, № 1—2, стр. 13—18. А. А. Спицынъ. Памятники латенской культуры въ Россіи. Изв. Имп. Арх. Ком., СПБ., 1904, в. 12, стр. 78—86. В. А. Городцовъ. Бытовая археологія, М. 1910, стр. 304. E. H. Minns. Scythians and greeks, Camb. 1913, p. 126, 259. М. И. Ростовцевъ. Скиѳія и Боспоръ, 1925, стр. 526. B. Richthofen. Zur Latènezeit in Osteuropa, Mannus, 1922, S. 291. P. Reinecke. Aus der russischen archäolog. Litteratur, Mainzer Zeitschrift, 1906, S. 43. Bela Pósta. Archäolog. Studien auf russ. Boden, Bud.-Leipzig, 1905.

[5]) O. Tischler первый, на основѣ развитія концевого отростка (Schlussstück) латенской фибулы, сталъ различать 3 ея типа, какъ руководящія формы для 3-хъ періодовъ Латена (Über die Formen der Gewandnadeln nach ihrer historischen Bedeutung. Beiträgen zur Anthrop. und Urgesch. Bayerns, IV, 1881.—Über Gliederung der La-Tène Period. Korrespondenz-Blatt der deutsch. Gesellschaft für Anthr., Ethn. und Urgesch. 1885. — Die Gewandnadeln oder Fibeln, см. у A. B. Meyer, Gurina, 1885). Позднѣе P. Reinecke подраздѣлилъ латенскую эпоху на 4 послѣдовательныя стадіи (Zur Kenntniss der La-Tène — Denkmäler der Zone nordwärts der Alpen. Festschrift des röm.-germ. Centralmuseums zu Mainz, 1902; также Korresp.-Blatt der deutsch. Gesell. für Anth. ect., 1903. — Fibeln der La Tène — Zeit aus süd- und norddeutsch. Zone, см. у Lindenschmit, Alterthümer, Band V.) R. Beltz соединилъ обѣ эти схемы и выдѣлилъ „начальную ступень — Anfangsstufe" (Latènefibeln, Zeitschrift für Ethnologie, 1911); M. Hoernes также различаетъ „археотенскую ступень" (Urgeschichte der Menschheit, fünfte Auflage; есть русскій переводъ: Проф. Д-р. М. Гернес, История первобытного человека, Берлин, 1923, стр. 128); J. Déchelette добавляетъ „periode de la Tène IV" (Manuel, II, 3e, p. 934, правда только въ видѣ мѣстнаго и поздняго явленія для Британскихъ острововъ).

концевого отростка этой ножки къ дугѣ фибулы.[1] Въ ранней стадіи развитія, у ранне-латенскихъ формъ (Frühlatèneschema)[2] этотъ отростокъ имѣетъ видъ вполнѣ самостоятельнаго, законченнаго украшенія, даже и тогда, когда пригнутъ вплотную къ дугѣ или припаянъ къ ней. Онъ всегда заканчивается какимъ-либо вѣнчающимъ утолщеніемъ, которое бываетъ очень разнообразной формы. Среди русскихъ находокъ можно указать типичный экземпляръ этой формы, происходящій изъ с. Залѣсье Радомысльскаго у. Кіев. губ. (табл. XV, рис. 1).[3] Сдѣланная изъ одного цѣльнаго куска бронзовой проволоки, съ верхней тетивой, эта фибула несетъ на своей ножкѣ короткій запрокинутый на дугу концевой отростокъ, заканчивающійся упомянутымъ выше утолщеніемъ, въ данномъ случаѣ въ видѣ нѣсколькихъ, расположенныхъ врядъ, бусинъ разной величины и формы. Найдена

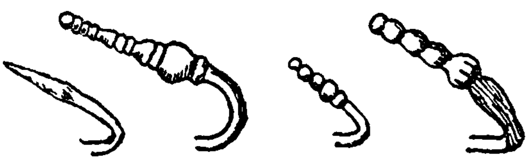

Рис. 1.
Форма концевого отростка у ранне-латенскихъ фибулъ (по R. Beltz'y).

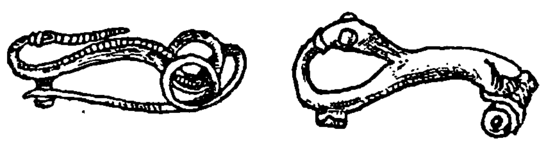

Рис. 2.
Ранне-латенскія фибулы изъ K. Gleichberg'a и Steinmühle (по R. Beltz'y).

эта фибула въ глиняномъ сосудѣ, наполненномъ пережжеными и измельченными человѣческими костями. Могильники съ подобнаго рода погребеніями носятъ названіе „полей погребальныхъ урнъ".

Другой экземпляръ того же типа, но иной формы, извѣстенъ изъ Херсонеса (табл. XV, рис. 2). Тетива здѣсь нижняя, очень короткій концевой отростокъ заканчивается удлиненнымъ, конусовиднымъ утолщеніемъ съ тремя перехватами, отчего оно получаетъ форму трехъ постепенно уменьшающихся полушариковъ. Подобное завершеніе концевого отростка наблюдается и у нѣкоторыхъ ранне-латенскихъ формъ на Западѣ (рис. 1).[4] Точно также отчетливый, сильно выдвинутый, пріемникъ этой фибулы находитъ аналогіи у ранне-латенскихъ фибулъ,

---

[1]) Терминологія, принятая на Западѣ для обозначенія различныхъ частей и видовъ фибулы, создалась постепенно и носитъ условный характеръ, часто несоотвѣтствующій дѣйствительному положенію фибулы при ношеніи. Какъ показываютъ иконографическіе и другіе памятники, фибула носилась „ножкой" вверхъ и „головой" внизъ. Головной частью или просто головой (tête) фибулы принято называть ту ея часть, гдѣ помѣщается пружина (ressort, Feder), ножкой (pied, Fuss) — противоположную. Фибулы съ двусторонней пружиной, обѣ части которой соединены проволокой, носятъ названіе арбалетныхъ; соединительная же проволока называется тетивой (corde, Sehne). Исключивъ пружину, иглу и ея пріемникъ (porte-agrafe, Nadelhalter) и разныя дополнительныя части, получаемъ то, что называютъ дугой фибулы (arc, Bügel), которая часто вовсе не имѣетъ этой формы. Средняя часть дуги составляетъ шейку (Hals) или тулово (corps).

[2]) Первый или ранне-латенскій періодъ въ зап. Европѣ обычно относятъ ко времени отъ 500 до 300 гг. до Р. Х. (J. Déchelette, o. c., 3e, p. 930), при чемъ авторы, различающіе предварительную ступень (Reinecke, Beltz, Hoernes) отводятъ ей первое столѣтіе, т. е. время отъ 500 до 400 г.

[3]) Н. Ѳ. Бѣляшевскій, о. с., стр. 16, рис. 2. Въ концѣ своей статьи авторъ отмѣчаетъ, что въ Кіев. город. музеѣ хранятся 3 фибулы латенскаго типа, происходящія изъ случайныхъ находокъ въ Канев. у. Кіев. губ., но не указываетъ ихъ формы (стр. 18, прим. 1).

[4]) R. Beltz, Die Latènefibeln. Zeit. für Ethn., 1911, S. 677, Abb. 14; S. 679, Abb. 34, 35, 36.

напримѣръ, изъ Kl. Gleichberg'a и Steinmühle (рис. 2).[1] Случайный характеръ этой находки не даетъ возможности связать ее съ какими-либо другими памятниками той же мѣстности.

Не многимъ больше имѣется свѣдѣній о находкахъ средне-латенскихъ фибулъ (Mittellatèneschema).[2] Послѣднія обнаружены у с. Зарубинцы Канев. у. Кіев. губ. (табл. XV, рис. 4),[3] с. Мануйловки Кременч. у. Полтав. губ. (таб. XV, рис. 5),[4] у с. Водяного Мелитоп. у. Таврич. губ. (табл. XV, рис. 6),[5] въ Марицынскомъ некрополѣ близъ древней Ольвіи (табл. XV, рис. 3).[6] Кромѣ того А. А. Спицынъ отмѣчаетъ, что подобныя фибулы „изрѣдка встрѣчаются и въ кубанскихъ курганахъ".[7]

Выдѣлывались эти фибулы, какъ и предыдущій типъ, изъ цѣльнаго куска металлической проволоки. Ихъ двусторонняя спираль выведена однимъ своимъ концомъ въ иглу, тогда какъ другой образуетъ дужку фибулы, которая въ задней своей части расплющивается для образованія пріемника и снабжается длиннымъ концевымъ отросткомъ. Послѣдній запрокидывается на дугу и, въ отличіе отъ ранне-латенской формы, прикрѣпляется къ ней или нѣсколькими оборотами своей проволоки (табл. XV, рис. 6), или помощью кольца (табл. XV, рис. 3), или кольцевой муфтой (табл. XV, рис. 5).

У нѣкоторыхъ экземпляровъ совсѣмъ нѣтъ украшеній (табл. XV, рис. 3, 4), у одного замѣчается стремленіе нѣсколько скрасить и оживить скучный и сухой общій рисунокъ незамысловатыми завитками спирали у начала дуги (табл. XV, рис. 6). Наконецъ, на фибулѣ изъ Мануйловки сохранилось кольцо (табл. XV, рис. 5), вѣроятно, остатокъ легкой бронзовой цѣпочки. Какъ показываютъ многочисленныя находки на Западѣ,[8] женщины той эпохи имѣли обыкновеніе носить на груди такія цѣпочки вмѣсто ожерелья, прикрѣпляя ихъ двумя фибулами, по одной на каждомъ плечѣ.

Процессъ развитія латенской фибулы на Западѣ закончился образованіемъ т. н. поздне-латенской формы (Spätlatèneschema),[9] у которой концевой отростокъ окончательно сливается съ дужкой, отчего вся задняя часть фибулы получаетъ видъ замкнутой рамы. Отверстіе внутри этой рамы уменьшается въ размѣрахъ, заполняется разнаго рода тонкими перемычками или совсѣмъ, наконецъ, исчезаетъ, замѣняясь сплошной пластинкой (рис. 3). Среди многочисленныхъ варіантовъ этой фибулы различаютъ по формѣ дуги двѣ основныя группы: у одной, называемой „наугеймскимъ типомъ"[10] — длинная, плоская, лентовидная

---

1) Ibid., S. 674, Abb. 7 und 8.

2) Второй или средне-латенскій періодъ въ зап. Европѣ занимаетъ время отъ 300 до 100 гг. до Р. Х. (J. Déchelette, o. c., II, 3e, p. 931).

3) P. Reinecke, Aus russischen archäologischen Litteratur, Mainzer Zeit., 1906, S. 43; J. Déchélette, Manuel II, 3e, p. 923, fig. 389, 2; В. В. Хвойка, Поля погребеній въ средн. Приднѣпровьѣ, СПБ. 1901, табл. XXIII, рис. 22 (очень мелкій и слѣпой рисунокъ).

4) Московъ. Истор. Музей.

5) Изв. Имп. Арх. Ком., в. 12, стр. 85.

6) M. Ebert. Ausgrabungen auf dem Gute Maritzyn. II Teil. Praehistorische Zeitschrift, V, 1913, S. 66, Abb. 74.

7) Изв. Имп. Арх. Ком., в. 12, стр. 85.

8) J. Déchelette, o. c., II, 3e, p. 1252.

9) Третій или поздне-латенскій періодъ въ зап. Европѣ относится къ послѣднему столѣтію передъ Р. Х. (J. Déchelette, o. c., II, 3e, p. 931).

10) R. Beltz, o. c., S. 687; J. Déchelette, o. c., II, 3e, p. 1256.

дужка, постепенно утончающаяся къ ножкѣ (Lanzenfibel); у другой она высокая, круглая, проволочной формы.[1]

Среди русскихъ находокъ наугеймскій типъ можно указать въ могильникѣ у с. Зарубинцы Кіев. губ. (табл. XV, рис. 9).[2] Тамъ же найденъ и второй типъ (табл. XV, рис. 10).[3] Подобныя фибулы обнаружены также въ одномъ изъ кургановъ близъ м. Смѣлы Кіев. губ. (табл. XV, рис. 12),[4] въ Марицынскомъ некрополѣ (табл. XV, рис. 7),[5] близъ с. Николаевки у устья Днѣпра (табл. XV, рис. 8),[6] на с. Кавказѣ близъ ауловъ Зилги и Чегемы (табл. XV, рис. 11).[7]

Т. о. латенскія фибулы во всѣхъ трехъ стадіяхъ своего развитія были извѣстны въ ю. Россіи; доходили до Чернаго моря и обнаружены въ мѣстахъ греческихъ поселеній. Появленіе этихъ формъ здѣсь произошло, видимо, со значительнымъ опозданіемъ по сравненію съ возникновеніемъ ихъ у себя на родинѣ. Ранне-латенская фибула изъ Залѣсья, какъ мы видѣли, добыта изъ „поля погребальныхъ урнъ". Этотъ типъ погребеній давно уже тщательно и систематически изучается нѣмецкими и чешскими археологами.[8] Общій ходъ ихъ развитія рисуется въ общемъ въ слѣдующемъ видѣ. Извѣстны эти погребенія отъ очень ранняго времени. Съ конца II тысячелѣтія до Р. Х. они извѣстны въ области между Эльбой, Дунаемъ и Вислой. Очень долго культура, обнаруживаемая этими погребеніями, развивается спокойно, въ чистомъ видѣ, безъ постороннихъ вліяній. Въ этой ихъ ранней стадіи (по терминологіи L. Niederle: v starší lužicko-slezské periodě[9]) поля погребальныхъ урнъ неизвѣстны къ востоку отъ Вислы, Сана и Буга. Начиная съ IV в. до Р. Х. погребальный инвентарь „полей" обнаруживаетъ значительную примѣсь чужихъ элементовъ, свидѣтельствующихъ о культурныхъ воздѣйствіяхъ, шедшихъ съ двухъ сторонъ. Съ запада отъ Рейна притекали латенскія вліянія, а съ сѣвера надвигались германскія. Со II—I ст. до Р. Х. погребенія этого типа вмѣстѣ съ вещами латенскаго характера появляются и на востокъ отъ Вислы. Обнаруживаются они въ в. Галиціи и идутъ дальше до Кіев. губерніи. Съ теченіемъ времени инвентарь этихъ погребеній все болѣе и болѣе мѣняется въ римскій, а въ Кіев. губ. появляются могильники биритуальнаго, смѣшаннаго характера, состоящіе изъ сожженій и обычныхъ погребеній. Таковъ, напримѣръ, могильникъ у с. Зарубницы, могилы котораго относятся къ I и II вв. послѣ Р. Х.[10] Римское влія-

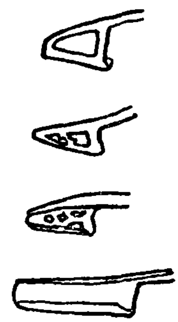

Рис. 3.
Развитіе пріемника у поздне-латенскихъ фибулъ (по R. Beltz'у).

[1]) R. Beltz, o. c., S. 688.
[2]) В. В. Хвойка, о. с., табл. XXIII, рис. 22.
[3]) Ibid.
[4]) Гр. А. А. Бобринскій, Курганы и случ. арх. находки близъ М. Смѣлы, II, стр. 63—64, III, 7.
[5]) M. Ebert, Praehist. Zeit., V, S. 78, Abb. 87.
[6]) Ibid., S. 96, Abb. 108.
[7]) Мат. по арх. Кавказа, I, табл. XXII.
[8]) Исчерпывающе разобранъ вопросъ и указана полностью какъ з.-европейская, такъ и русская литература у проф. L. Niederle, Slovanské starožitnosti, díl I, str. 476 sl.; díl III, str. 234 sl.; oddíl I, sv. IV, str. 232 sl.
[9]) L. Niederle, Původ a počátky slovanů východních, Sl. st., od. I., sv. IV., str. 232.
[10]) Ibid., str. 234.

ніе къ востоку отъ Карпатъ начинаетъ чувствоваться со временъ Августа, съ завоеваніемъ же Дакіи Трояномъ эта область наводняется произведеніями римской промышленности, что сказывается какъ въ керамикѣ, такъ и въ металлической индустріи, и засвидѣтельствовано многочисленными находками римскихъ монетъ не только въ Галиціи, но и въ Приднѣпровьѣ. Эта небольшая справка даетъ возможность указать, хотя бы приблизительно, время залѣсскаго „поля". Отсутствіе признаковъ римскаго вліянія не согласуется съ предположеніемъ Н. Ѳ. Бѣляшевскаго, что оно относится „къ началу нашей эры."[1] Не одинъ только древній типъ фибулы, который здѣсь, конечно, является пережиткомъ, но и характеръ урны, въ которой она найдена, судя по описанію Н. Ѳ. Бѣляшевскаго, говоритъ за время болѣе близкое къ началу появленія „полей погребальныхъ урнъ" на востокъ отъ Вислы, т. е., если не за II—I в. в., то, по крайней мѣрѣ, за I в. до Р. Х.

Ближайшими къ Россіи памятниками латенской культуры являются не только польскіе.[2] Въ сосѣдней Венгріи погребенія съ латенскими вещами, какъ любезно сообщаетъ хранитель нац. музея съ Буда-Пештѣ Dr. Franz Tompa, встрѣчаются повсюду: какъ на западѣ и сѣверѣ (главнымъ образомъ), такъ и въ низменности (спорадически) и далѣе на востокъ въ Семиградьи. Особенно многочисленны погребенія т. н. второго латенскаго періода.[3] Однако, всѣ эти погребенія, какъ указываетъ J. Déchelette,[4] болѣе поздняго времени, чѣмъ подобнаго же рода могильники рейнской области. F. Pulszky[5] относилъ расцвѣтъ латенской культуры въ Венгріи ко II ст. до Р. Х. и связывалъ его съ приходомъ бойовъ сюда и въ Чехію. Однако, позднѣе L. Niederle[6] пришелъ къ заключенію, что къ указанному времени въ Чехіи можно относить лишь начало появленія Латена, который продержался здѣсь до начала I ст. послѣ Р. Х. Точно также не старше II ст. до Р. Х. и некрополь Apahida въ Трансильваніи съ его типичнымъ средне-латенскимъ инвентаремъ.[7] Съ другой стороны, имѣются также несомнѣнныя доказательства культурной связи Венгріи съ южной Россіей въ это же время.[8] Т. о. Привисленье не было единственнымъ мѣстомъ, откуда могли идти въ ю. Россію латенскія вліянія и вещи. Въ то же время на всемъ протяженіи западной границы, отъ Вислы до Дуная, ближайшія латенскія находки не идутъ глубже II ст. до Р. Х. Проникновеніе подобныхъ вещей на территорію южной Россіи могло начаться только съ этого столѣтія или даже еще позже. Поэтому представляется слишкомъ узкой очень категорическая датировка M. Ebert'омъ[9] того погребенія въ курганѣ близъ с. Пѣтуховки Марицынскаго некрополя, гдѣ была найдена средне-латенская фибула. Было бы болѣе осторожно значительно расширить впередъ предѣлы его даты, т. е. указанное погребеніе отнести ко II—I ст. до Р. Х.

---

[1]) Н. Ѳ. Бѣляшевскій, о. с., стр. 16.

[2]) О латенскихъ находкахъ въ Польшѣ — J. Kostrzewski, Kultura lateńska. Przegląd arch., I, 1919; II—III, 1920.

[3]) J. Déchelette, o. c., II, 3-e, p. 1082.

[4]) Ibid.

[5]) Pulszky Ferencz, Magyarorszag Archaeologiája. Budapest, 1897, стр. 191.

[6]) K. Buchtela a L. Niederle, Rukovĕt české archeologie, Praha, 1910, str. 58.

[7]) J. Déchelette, o. c., II, 3-e, p. 1081, fig. 446.

[8]) М. И. Ростовцевъ, Скиѳія и Боспоръ, 1925, стр. 342.

[9]) M. Ebert, o. c., Praeh. Zeit., V, 1913, S. 111.

Обѣ первыя разновидности латенской фибулы (ранне — и среднелатенскія) въ зап. Европѣ существуютъ долго и встрѣчаются въ концѣ латенскаго времени на ряду съ поздне-латенской формой.[1] Въ прибавленіи по второму изданію своей книги O. Almgren[2] напоминаетъ нѣсколько случаевъ, когда ср.-латенскія фибулы были находимы съ монетами Августа и Тиберія. Тѣмъ болѣе естественно и у насъ обнаруженіе этихъ формъ въ позднее время. Мы уже говорили, что такимъ пережиткомъ является ранне-латенская фибула изъ Залѣсья; другой случай даетъ находка средне-латенской фибулы въ Зарубинцахъ, гдѣ древнѣйшія могилы относятся къ I ст. послѣ Р. Х.[3]; изъ того же могильника, который существовалъ еще и во II ст. послѣ Р. Х.,[4] происходитъ нѣсколько позднее-латенскихъ экземпляровъ. Поэтому нахожденіе латенскихъ фибулъ въ погребеніяхъ ю.-Россіи еще не говоритъ за одновременность послѣднихъ съ зап.-европейскими, какъ то считаетъ M. Ebert. Въ частности, и могила въ одномъ изъ пѣтуховскихъ кургановъ и другая въ некрополѣ Николаевки, содержавшія поздне-латенскія фибулы и отнесенныя M. Ebert'омъ къ I ст. до Р. Х.,[5] могли быть сооружены и въ I ст. послѣ Р. Х., какъ думаетъ E. Brenner,[6] т. к. въ остальномъ своемъ инвентарѣ онѣ не носятъ никакихъ признаковъ, по которымъ ихъ можно было бы относить только къ указанному M. Ebert'омъ времени.

*

По справедливому замѣчанію проф. E. Minns'a,[7] мы не можемъ еще говорить о латенскомъ періодѣ въ Россіи, но, съ другой стороны, разсѣянные повсюду предметы этого стиля не могли не оказать своего вліянія. Ак. М. И. Ростовцевъ приводитъ не мало тому примѣровъ для многихъ вещей изъ могилъ и находокъ отъ Кіев. и Полтав. губ. до степей Кубани.[8] Точно также и латенская фибула не прошла незамѣченной. Наоборотъ, она вызвала къ жизни новую форму, оказавшуюся очень стойкой, существовавшую много столѣтій и распространившуюся далеко за предѣлы южной Россіи. У нѣмецкихъ археологовъ, которые первыми занялись этой новой формой, она извѣстна подъ названіемъ „Fibel mit umgeschlagenem Fuss", откуда терминъ перешелъ къ французамъ — „fibule au pied renversé", къ чехамъ — „sponka z obrácenou patkou", и, вообще, утвердился въ зап.-европейской континентальной литературѣ. Англичане пользуются другимъ названіемъ — „Tendril fibula", т. е. фибула съ усикомъ (въ ботаническомъ значеніи этого слова). Ни нѣмецкій, ни англійскій термины, однако, не характеризуютъ и не оттѣняютъ главной особенности этой формы — особаго устройства ея пріемника. Для русской археологіи, гдѣ не существуетъ еще обще-

---

[1]) M. Hoernes, Kultur der Urzeit; есть рус. переводъ подъ ред. пр.-доц. Ѳ. К. Волкова Проф. M. Гернесъ, первобытная культура, Ч. III, стр. 116.

[2]) O. Almgren, Studien über nordeuropäische Fibelformen, Mannus-Bibliothek, Leipzig, 1923, S. 251.

[3]) L. Niederle, Slovanské starožitnosti, oddíl I, svaz. IV, str. 234.

[4]) ibidem.

[5]) M. Ebert, Praeh. Zeit., V, S. 111 u. 113.

[6]) E. Brenner, Der Stand der Forschung über die Kultur der Merowingerzeit. VII Bericht. der röm.-germ. Kommission 1912. F/M 1915, S. 262.

[7]) E. Minns, Scithians and greeks, Camb. 1913, p. 187, n. 3.

[8]) М. И. Ростовцевъ, Скиѳія и Боспоръ, стр. 499, 504, 525, 526, 527, 546, 568, 575, 588, 589, 614

признаннаго названія,[1] было бы легче его установить, тѣмъ болѣе, что разрѣшеніе главныхъ вопросовъ, связанныхъ съ этой фибулой, возможно только на основѣ русскаго матеріала. Намъ кажется наиболѣе подходящимъ называть ее „фибулой съ подвязаннымъ пріемникомъ" или короче „подвязнымъ типомъ".

Самой характерной чертой этой новой формы является устройство ея иглодержателя. Задній конецъ дуги загибается здѣсь въ сторону, противоположную чѣмъ у латенской фибулы, т. е. внизъ подъ дугу навстрѣчу иглѣ. Расширяясь „лодочкой", онъ образуетъ пріемникъ для иглы, который подвязывается къ дужкѣ проволокой (табл. XVI, рис. 17) или прикрѣпляется къ ней помощью небольшой узкой пластинки (табл. XVII, рис. 35). Между пріемникомъ и дугой остается щель. Въ результатѣ у простыхъ экземпляровъ этой фибулы получается форма, очень близко напоминающая средне-латенскую, съ которой ее объединяетъ одинаковое устройство пружины и тетивы. Въ послѣднемъ отношеніи родство обѣихъ формъ, отмѣченное еще O. Tischler'омъ,[2] несомнѣнно. Какъ у латенской, такъ и у простѣйшихъ экземпляровъ подвязной, пружина цѣльнолитая съ дугой и образована только четырьмя завитками проволоки; нѣтъ у нихъ ни центральнаго поперечнаго стержня, ни крючка для тетивы. Но въ остальномъ сходство здѣсь чисто внѣшнее, хотя, какъ увидимъ ниже, и не случайное. Оно заключается въ томъ, что оба вида сдѣланы изъ проволоки, имѣютъ рамо-образной формы конецъ и обмотку изъ нѣсколькихъ завитковъ на срединѣ дуги (ср. табл. XV, рис. 6 и табл. XVI, рис. 22). Но принципъ, на которомъ построены сходныя по виду части, у каждой формы иной, даже противоположный. Въ латенской схемѣ концевой отростокъ для образованія рамы загибается вверхъ, у подвязной — внизъ; пріемникъ у первой представляетъ боковую пластинку, у второй — расплющенный въ „лодочку" подогнутый конецъ ножки. Т. о. вопросъ о происхожденіи разсматриваемой формы сводится къ установленію того, гдѣ, когда и кѣмъ былъ изобрѣтенъ подогнутый подвязанный пріемникъ и чѣмъ вызвано это нововведеніе.

Уже при бѣгломъ обзорѣ можно замѣтить значительное разнообразіе формъ, объединенныхъ подобнымъ устройствомъ пріемника (табл. XVI—XVIII). Оставляя пока въ сторонѣ орнаментику и различныя добавочныя части, неимѣющія непосредственнаго отношенія къ основной конструкціи, остановимся лишь на этой послѣдней и на пріемахъ выработки главныхъ частей, ее опредѣляющихъ. Прилагаемая ниже таблица (см. стр. 199) даетъ сводку этихъ пріемовъ и ихъ взаимныя комбинаціи. Изъ нея видно, что мастеръ при выдѣлкѣ фибулы изъ тонкой круглой проволоки (ibid. A, B, C) выгибалъ изъ того же самаго куска и дугу и пружину, т. е. такая фибула представляется цѣльной, сдѣланной изъ одного куска проволоки, односуставной (по нѣмецкой терминологіи eingliederige). Типъ спирали получался такой же, какъ и у латенской фибулы, откуда и указанное выше родство этихъ формъ. Въ предѣлахъ этого способа выдѣлки можно замѣтить опредѣленную тенденцію, проявляющуюся въ изготовленіи ножки, вызванную, повидимому, тѣмъ, что мастеръ стремился найти такую ея форму,

---

[1]) Напримѣръ, у R. Hausman'a переведено съ нѣмецкаго (Зап. Имп. Од. О-ва Ист. и Др., т. XXI, стр. 255 сл.), ак. М. И. Ростовцевъ просто употребляетъ нѣмецкое выраженіе „F. m. u. F." (Скиѳія и Боспоръ, стр. 526) и т. д.

[2]) O. Tischler, Ostpreussische Gräberfelder, III. Schrift. der physik.-ökonom. Gesell. zu Königsberg, XIX (1878), S. 183.

Общая выдѣлка дуги		Профиль дуги		Отношеніе пружины къ дугѣ		Пружина		Тетива		Форма ножки			Форма щели			Образецъ	
		кривая линія	изогнутая линія	односуставная конструкція	двусуставная конструкція	простая, обычно 4-хзавитковая	усложненная, обычно много-завитковая	верхняя	нижняя	круглая	расплющенная	лопастная	треугольная	узкая съ паралл. сторонами	закрытая пластинкой	таблица	рисунокъ
Дуга сдѣлана изъ круглой тонкой проволоки	A.	+		+		+		+	+	+			+			XVI	17,20
	B.	+		+		+		+	+		+		+			XVI	23
	C.		+	+		+			+		+			+		XVI	26
Дуга болѣе массивная	D.	+			+		+		+		+		+			XVI	28
	E.		+		+		+		+			+			+	XVI	33
Дуга граненая	F.		+		+		+		+		+			+		XVII	35
Дуга изъ узкой пластинки	G.	+			+		+		+		+		+			XVIII	44
	H.		+		+		+		+					+		XVII	43
	I.		+				+		+		+		+			XVI	32
Дуга изъ широкой пластинки	J.	+			+		+		+		+			+		XVIII	46

которая предохраняла бы иглу отъ выпаденія изъ пріемника и въ то же время придавала бы большую устойчивость положенію фибулы при ношеніи. Этого достигали, расплющивая конецъ дуги, отчего ножка получала треугольную форму (ibid. B., C.), что, въ свою очередь, повело къ измѣненію профиля дуги изъ простой кривой линіи въ изогнутую, близкую къ S-образной (Ibid. C.), подчеркнувъ тѣмъ самымъ намѣтившуюся дифференцію отдѣльныхъ частей фибулы, имѣвшихъ различное служебное назначеніе. Получается, т. о., рядъ формъ, связанныхъ между собою переходами (ibid. A → C.).

Та же таблица показываетъ и другой пріемъ, примѣнявшійся при устройствѣ пружины, когда фибула изготовлялась болѣе массивной (ibid. D—J.). Независимо отъ поперечнаго сѣченія дуги (круглой, граненой или пластинчатой) спираль приготовлялась въ этомъ случаѣ изъ отдѣльнаго куска проволоки, иногда даже изъ двухъ разнаго діаметра, т. е. фибула является не цѣльной, а двусуставной (zweigliederige). Такая спираль всегда намотана на поперечный стержень. Подобный стержень въ зачаточномъ видѣ наблюдается иногда и при вышеописанномъ первомъ способѣ изготовленія пружины, какъ онъ встрѣчается и у средне-латенской, и даже у раннелатенской фибулы.[1] Въ обоихъ случаяхъ, однако, прикрѣпляется этотъ стержень по разному. У односуставныхъ фибулъ онъ просто помѣщенъ внутри пружины, тогда какъ у двусуставныхъ его удерживаетъ загнутый верхній (головной) конецъ дуги. Въ остальныхъ деталяхъ своего устройства двусуставныя фибулы тѣсно связаны съ предыдущими, болѣе примитивными, формами, представляя или ихъ дальнѣйшее развитіе, какъ напримѣръ, въ устройствѣ ножки и въ формѣ щели (ibid. B → D → E.), или ихъ модификацію въ зависимости отъ того, изъ чего мастеръ готовилъ такую фибулу — будь то пластинка или граненый прутъ (ibid. C и F).

У односуставныхъ фибулъ не замѣчается никакихъ добавочныхъ частей, неимѣющихъ конструктивнаго характера, но у второй группы таковыя имѣются въ видѣ особыхъ щитковъ въ головной части (табл. XVII, рис. 34) или поперечныхъ перекладинъ (табл. XVIII, рис. 44—47) и круглыхъ дисковъ (табл. XVIII, рис. 48) на дугѣ. Указанныя новыя детали связываютъ двусуставныя подвязныя фибулы съ типами иного происхожденія, свидѣтельствуя о взаимныхъ вліяніяхъ ихъ другъ на друга. На основѣ этого общаго анализа подвязной формы возможно выдѣлить нѣсколько ея типовъ, болѣе детальное разсмотрѣніе которыхъ даетъ возможность ближе подойти къ рѣшенію вопросовъ и ея происхожденія и ея исторіи.

*

Простѣйшій типъ подвязной фибулы можно было бы назвать проволочнымъ, т. к. почти всѣ части фибулы сдѣланы изъ тонкой металлической нити одной и той же толщины. Одинъ только пріемникъ представляетъ расплющенную въ пластинку „лодочкой" ту же самую проволоку. Односуставныя по устройству своей головной части, иногда съ верхней, иногда съ нижней тетивой, фибулы этого типа даютъ три варіанта: 1) наиболѣе элементарный, съ кривымъ профилемъ, треугольной щелью и круглой узкой ножкой (табл. XVI, рис. 17), 2) съ такими же профилемъ и щелью, но съ плоской расширенной ножкой (табл. XVI, рис. 22) и 3) болѣе расчлененный, съ изогнутымъ профилемъ и узкой, ограниченной параллельными сторонами, щелью (табл. XVI рис. 26). Орнаментація у этихъ фибулъ

[1]) Führer durch die staatlichen Museen zu Berlin. Vorgeschichtliche Abteilung, 1922, Taf. 13.

состоитъ обычно изъ проволочной намотки, представляющей продолженіе тяжа, идущаго отъ пріемника. Иногда это — простая кольцевая намотка (табл. XVI, рис. 23), иногда же — довольно сложная комбинація изъ колецъ и волнистыхъ змѣиныхъ изгибовъ (табл. XVI, рис. 27). На одномъ экземплярѣ изъ Керчи на расширенной ножкѣ помѣщенъ цвѣтной камень (табл. XVI, рис. 25).

Описанный типъ по сравненію съ остальными является наиболѣе примитивнымъ, а потому естественно, что въ связи съ нимъ возникъ и общій вопросъ о происхожденіи всей формы съ подвязаннымъ пріемникомъ. Обсуждается онъ вотъ уже около полустолѣтія, но и до сихъ поръ остается открытымъ. Исключительный интересъ къ нему и упорство, съ которымъ ищутъ на него отвѣта, становится понятнымъ, если вспомнить, что всѣ т. н. поздне-германскія и поздне-римскія формы (за исключеніемъ лишь дощечкообразныхъ — Scheibenfibeln) произошли, какъ то установилъ O. Almgren,[1] отъ фибулы съ подвязаннымъ пріемникомъ.

O. Tischler, давшій названіе для этой формы,[2] первый указалъ на сходство ея со средне-латенской и считалъ вначалѣ, что она создалась въ римскихъ провинціяхъ на Дунаѣ,[3] но потомъ сталъ выводить ее съ ю.-в. Европы. O. Montelius[4] уже опредѣленно высказался за южную Россію, какъ мѣсто возникновенія подвязной фибулы, и съ тѣхъ поръ это положеніе установилось прочно. Къ нему присоединился O. Almgren,[5] затѣмъ B. Salin[6] и, наконецъ, M. Ebert.[7] Послѣдній, указавъ на „береговую область Понта",[8] какъ на область, гдѣ, по его выраженію, можно безопасно искать мѣсто возникновенія подвязного типа, не пошелъ, однако, дальше. Между тѣмъ, разсмотрѣніе географическаго распредѣленія находокъ этой формы опредѣленно указываетъ это мѣсто. Оба первые варіанта описаннаго выше ея простѣйшаго типа извѣстны только или изъ греческихъ поселеній — Ольвія,[9] Пантикапей,[10] Горгипія,[11] — или изъ ближайшихъ къ нимъ и входившихъ въ сферу ихъ вліянія мѣстъ, какъ некрополи Марицына[12] и Николаевки[13] близъ Ольвіи, окрестности Ростова н./Д.,[14] Кубанская область,[15] ущелье Чегемы,[16] Задалискъ,[17] Рутха[18] и Ка-

---

¹) O. Almgren, o. c., S. 85.

²) O. Tischler, Ostpreussische Gräberfelder III, Schriften der physik.-ökonomischen Gesell. zu Königsberg XIX, 1878, S. 183.

³) Ibid. S. 222.

⁴) O. Montelius, Den nordiska jeråniderns kronologi, Svenska forum. fören, tidskrift, IX, 1895—96, S. 220.

⁵) O. Almgren, o. c. S. 73.

⁶) B. Salin, Die altgermanische Thierornamentik, St., 1904, S. 5.

⁷) M. Ebert, Zur Geschichte der Fibel »mit umgeschlagenem Fuss«, Praeh. Zeit., III, 1911, S. 232—7.

⁸) Ibid., S. 236.

⁹) O. Almgren, o. c., S. 186; R. Hausmann, o. c., стр. 263; Béla Pósta, Archaeolog. Studien auf. russ. Boden, B.—L. 1905, S. 420—425, Abb. 242, 4; 244, 1; 245, 1.

¹⁰) Ibid.

¹¹) Отч. Имп. Арх. Ком. за 1894, стр. 85; R. Hausmann, o. c., стр. 262.

¹²) M. Ebert, Praeh. Zeit., V, S. 78.

¹³) Ibid., S. 85.

¹⁴) O. Almgren, o. c., S. 186.

¹⁵) Отч. Имп. Арх. Ком. за 1894, стр. 37; за 1900, стр. 103; R. Hausmann, o. c., стр. 262.

¹⁶) В. Миллеръ, Мат. по арх. Кавказа, в. I, М. 1888, табл. XXIV, 19; O. Almgren, o. c., S. 186.

¹⁷) Мат. по арх. Кавказа, в. VIII. табл. LXXXI, 9, 16.

¹⁸) Ibid., табл. CIV, 4, 5.

мунта[1] въ области культурнаго воздѣйствія Пантикапея. Третій варіантъ распространенъ уже значительно шире. Кромѣ указаннаго раіона[2] онъ обнаруженъ и въ зап. Европѣ отъ Даніи до Хорватіи.[3] Т. о. въ отношеніи исходнаго перваго типа подвязной фибулы раіонъ греческихъ городовъ занимаетъ особое положеніе. Только здѣсь возможно прослѣдить полное его развитіе и только здѣсь находятся два первые, наиболѣе примитивные, его варіанты. Поэтому изъ всей „береговой области Понта" мастерскія старыхъ греческихъ городовъ однѣ только и могутъ быть мѣстомъ изобрѣтенія подвязной формы, откуда она разошлась потомъ во всѣ стороны. На тѣ же греческіе города указываетъ, какъ увидимъ ниже, и хронологія.

Гораздо меньшіе результаты дало морфологическое обслѣдованіе разсматриваемой фибулы. Послѣ O. Tischler'a, подмѣтившаго, какъ упомянуто, сходство ея со средне-латенской, довольно подробно остановился на немъ O. Almgren.[4] Сопоставляя обѣ формы, онъ усумнился въ томъ, что подвязная фибула является простымъ измѣненіемъ средне-латенской и совершенно справедливо указалъ, что не видитъ для подобнаго измѣненія „никакой практической или иной почвы"[5], но въ то же время допускалъ, что подобное измѣненіе могло случиться съ поздне-латенской формой, у которой задній конецъ въ профиль имѣетъ видъ рамы. При этомъ онъ высказалъ предположеніе, что подвязная форма могла получиться при желаніи мастера воспроизвести въ проволокѣ указанную поздне-латенскую схему.[6] Подобное допущеніе, однако, также мало вѣроятно, какъ и первое, имъ отвергнутое. Для того, чтобы его принять, оставаясь въ кругу навыковъ и пріемовъ латенскаго мастерства, необходимо предположить, что въ поздне-латенское время уже не существовала выработка фибулъ изъ простой проволоки и что мастера почему-то совершенно забыли привычную для нихъ манеру изготовленія проволочной фибулы путемъ загиба ея концевого отростка вверхъ. Ни того, ни другого на самомъ дѣлѣ не было. Никакого hiatus'a между средне- и поздне-латенскимъ временемъ не существуетъ, и средне-латенскія формы не исчезаютъ внезапно, а продолжаютъ, какъ мы видѣли (стр. 197), выдѣлываться очень долго. Уже достаточно выяснена общая, спокойно развертывающаяся, тенденція въ развитіи разсматриваемой части фибулы въ предѣлахъ латенской схемы и далѣе у наслѣдовавшихъ ей сѣверо-европейскихъ формъ, чтобы исключить возможность подобной внезапной перемѣны, не говоря уже о консервативной традиціи, присущей всякому ремеслу.

Позднѣе B. Salin[7] пытался вывести разсматриваемый типъ изъ одной поздней формы, найденной въ Крыму, но, какъ пишетъ самъ авторъ: „прямыхъ доказательствъ для вѣрности этого моего мнѣнія я не могу привести... оно основывается единственно на впечатлѣніи, которое создалось у насъ въ продолженіе моихъ изслѣдованій".[8]

---

[1]) E. Chantre, Recherches anthrop. dans le Caucase, III, Atlas, P.—L., 1887, Pl. XV, fig. 17, 18; Pl. XVI, fig. 2.

[2]) L. Niederle, Život starých slovanů, díl I., svaz. 2, 1913, str. 533, tab. XX, 20

[3]) O. Almgren, o. c., S. 187—89.

[4]) O. Almgren, o. c., S. 71—74.

[5]) Ibid. S. 73.

[6]) Ibid. S. 73.

[7]) B. Salin, o. c., S. 7.

[8]) ibid., S. 8—9.

Наконецъ, M. Ebert[1] снова вернулся къ точкѣ зрѣнія O. Tischler'a, и снова считаетъ, что подвязная фибула есть преобразованіе средне-латенской. Однако, о томъ, какимъ образомъ шло это преобразованіе и какими причинами оно вызвано, авторъ ничего не говоритъ. Вопросъ, т. о., сдѣлавъ полный кругъ, уперся въ прежній тупикъ, изъ котораго O. Almgren не видѣлъ выхода, и подвязная фибула попрежнему, по его выраженію, „имѣетъ въ себѣ что-то загадочное".[2]

Объясненіе загадочнаго сходства подвязной формы со средне-латенской, съ которой это сходство только и существуетъ, возможно искать въ двухъ направленіяхъ. Можно исходить изъ предположенія, что подвязная является дальнѣйшимъ развитіемъ латенской. Въ эту именно сторону и было до сихъ поръ направлено вниманіе нѣмецкихъ ученыхъ, но, какъ мы видѣли, не дало никакихъ результатовъ. Возможенъ, однако, и другой подходъ къ рѣшенію задачи. Совершенно нѣтъ никакихъ основаній отрицать возможность того, что эта форма создалась лишь подъ вліяніемъ средне-латенской, путемъ подражанія ей въ какой-либо своей части, но выросла она на основѣ иного процесса развитія, такъ какъ въ противоположномъ случаѣ имѣло бы мѣсто простое копированіе. Родство обѣихъ формъ, выражающееся въ тождественномъ устройствѣ ихъ головныхъ частей, свидѣтельствуетъ только о томъ, что оба процесса развитія восходятъ къ одному и тому же первоисточнику, къ одной общей исходной формѣ. Въ отношеніи разсматриваемаго типа, съ этой точки зрѣнія, вопросъ сводится — во-первыхъ, къ отысканію формы, изъ которой подъ вліяніемъ средне-латенской фибулы могла развиться подвязная схема, и, во-вторыхъ, если такая форма существуетъ, къ уясненію исторіи ея возможнаго происхожденія.

Разсуждая отвлеченно, подражаніе средне-латенской фибулѣ, могло коснуться или устройства головной части (двусторонняя, четырехзавитковая спираль) или общей формы построенія противоположнаго, задняго конца (рама и манера прикрѣпленія концевого отростка). Первый случай исключается, т. к. подвязныхъ фибулъ съ односторонней спиралью неизвѣстно. Отсюда ясно, что отыскиваемый новый типъ долженъ быть построенъ на томъ же принципѣ, что и подвязная фибула, т. е. долженъ имѣть подвернутый, а не запрокинутый конецъ ножки, и въ то же время — отличаться отъ нея. Послѣднее можетъ проявиться только въ устройствѣ пріемника. Подобныя фибулы дѣйствительно существовали. Двѣ изъ нихъ опубликованы въ собраніи Б. И. и В. И. Ханенко.[3] Происходятъ эти фибулы изъ Кіев. губерніи (Чигирин., Черкас., Канев. и Васильков. уѣзд.[4]). У нихъ двусторонняя спираль изъ четырехъ завитковъ и подогнутый, для образованія пріемника, конецъ дуги (табл. XV, рис. 15, 16). Характерный для подвязной формы тяжъ (подвязка), связывающій ея пріемникъ съ дугой и обуславливающій рамообразный профиль ея задняго конца, здѣсь отсутствуетъ. Къ какому времени относятся эти фибулы сказать нельзя за отсутствіемъ данныхъ. Считать ихъ за мѣстное изобрѣтеніе также нѣтъ никакихъ основаній, тѣмъ болѣе, что этотъ типъ извѣстенъ и на Западѣ; такъ, Dr. Grempler даетъ изображеніе подобной фибулы изъ Sackrau.[5] Однако, эта послѣдняя и при томъ поздняя находка не

[1]) M. Ebert, Praehist. Zeit., III, 1911, S. 236.
[2]) O. Almgren, o. c., S. 71.
[3]) Б. И. и В. И. Ханенко, Древности Приднѣпровья, в. IV, K. 1901, табл. IV, рис. 130, 131.
[4]) Ibid. стр. 19.
[5]) Dr. Grempler, Der II und III Fund von Sackrau, B. 1888, S. 8; Taf. III, 4.

можетъ служить для указанія того, гдѣ и когда возникъ занимающій насъ типъ такъ же, какъ она не указываетъ этого и для подвязной формы, два экземпляра которой найдены[1] въ томъ же могильникѣ у Sackrau, но зато свидѣтельствуетъ, несомнѣнно, что оба типа существовали одновременно и до поздняго времени, въ данномъ случаѣ — конецъ III и начало IV вв. послѣ Р. Х.[2] Итакъ, обѣ формы связаны и съ точки зрѣнія типологіи и въ отношеніи мѣста и времени бытованія. Поэтому естественнѣе всего искать происхожденіе фибулы съ подогнутымъ концомъ тамъ же, гдѣ возникла и подвязная, т. е. въ греческихъ городахъ юга Россіи.

Фибулу греки узнали очень рано, и трудно себѣ представить, чтобы колонисты не привезли ее съ собою или почему-либо забыли на новомъ мѣстѣ ея употребленіе. Съ другой стороны, какъ весьма необходимая въ обиходѣ вещь, она должна была очень рано стать предметомъ мѣстной выдѣлки, а при постоянныхъ сношеніяхъ разныхъ колоній съ метрополіей и другъ съ другомъ ихъ мастера легко могли знать о различныхъ усовершенствованіяхъ и измѣненіяхъ этой удобной застежки, вродѣ, напримѣръ арбалетнаго устройства ея головной части.

О томъ, что черноморскимъ грекамъ была извѣстна арбалетная фибула, и при томъ болѣе древняго типа, чѣмъ латенская, свидѣтельствуютъ двѣ находки въ Крыму. Въ Москов. Историч. Музеѣ хранятся двѣ фибулы — одна изъ окрестностей г. Симферополя (табл. XV, рис. 13), другая изъ г. Керчи (табл. XV, рис. 14). Онѣ безъ украшеній и очень небольшихъ размѣровъ. Обѣ имѣютъ прямыя дужки, согнутыя подъ прямымъ угломъ. Конецъ дуги у обѣихъ слегка загнутъ для образованія пріемника. У первой, болѣе массивной, тетива нижняя, у второй, меньшихъ размѣровъ — верхняя. Подобный типъ фибулъ западнаго происхожденія. Образовался онъ еще въ концѣ галльштаттскаго времени гдѣ-то въ пріальпійскихъ странахъ.[3] На его основѣ развилась затѣмъ латенская схема. По вопросу о томъ, какъ происходило это развитіе, у западныхъ археологовъ нѣтъ единства. Въ нѣмецкой археологіи обычно считается, что свой концевой отростокъ ранне-латенская фибула унаслѣдовала отъ чертозскаго типа съ шишечкой на концѣ пріемника. Дѣйствительно, стебелекъ, на которомъ эта шишечка сидитъ, у нѣкоторыхъ экземпляровъ имѣетъ стремленіе какъ бы возвращаться въ направленіи головной части, и можно указать примѣры, когда чертозская ножка комбинируется съ двусторонней спиралью.[4] Нѣкоторые французскіе археологи (Viollier,[5] Piroutet[6]) полагаютъ, что латенская схема выработалась изъ т. н. „бубенчиковаго“ типа (f. à timbale). Какъ бы то ни было, подъ вліяніемъ ли чертозской или черезъ „бубенчиковую“, но устройство своей головной части (арбалетъ) латенская форма унаслѣдовала еще отъ альпійскаго протоарбалетнаго типа. Послѣдній распространился не только на западъ, гдѣ возникла латенская фибула, но и далеко на ю.-востокъ и востокъ. Его находятъ въ Хорватіи, въ Болгаріи[7]

---

¹) Ibid., S. 11; Taf. VII, 4, 5.

²) Ibid., S. 14.

³) J. Déchelett, o. c., II, 2ᵉ, p. 849; R. Beltz, o. c., S. 666.

⁴) J. Déchelette, o. c., II, 2ᵉ, p. 850, fig. 350, 4, 5; II, 3ᵉ, p. 1252, fig. 534, 1.

⁵) D. Viollier, Essai sur les fibules de l'âge du fer trouvées en Suisse. Anzeiger für schweizerische Alterthumskunde 1907.

⁶) M. Piroutet, Fibules préromaines des environs de Salins, Revue archéologique, 1904, II.

⁷) Р. Попов, Материали за проучване на халщатската и ла-тенска култури въ Бѫлгария и Македония. Годишник на Народния Музей за 1921 г., София, 1922, 160, обр. 149.

и, какъ мы видѣли, въ Крыму. Здѣсь, вѣроятнѣе всего, и вышла изъ него фибула съ подогнутой ножкой. На ряду съ различными другими греческими вещами и издѣліями проникла она и къ сѣвернымъ варварамъ въ предѣлы нынѣшней Кіевской губ.

Переходъ отъ простой фибулы съ подогнутымъ концомъ къ подвязной легко объяснимъ непрактичностью первой — ея ничѣмъ нескрѣпленный пріемникъ легко отгибается и ломается, особенно въ примѣненіи къ скалыванію тяжелой матеріи. Подобная манера его устройства могла быть въ ходу у грековъ, носившихъ накидную одежду изъ болѣе легкихъ тканей, но она была мало пригодна для тяжелыхъ варварскихъ плащей. Образецъ для новаго устройства болѣе прочнаго пріемника мастеръ нашелъ у ср.-латенской фибулы, которая, какъ мы видѣли, проникла въ черноморскіе города въ II—I ст. до Р. Х, и въ подраженіе которой была создана подвязка у пріемника.

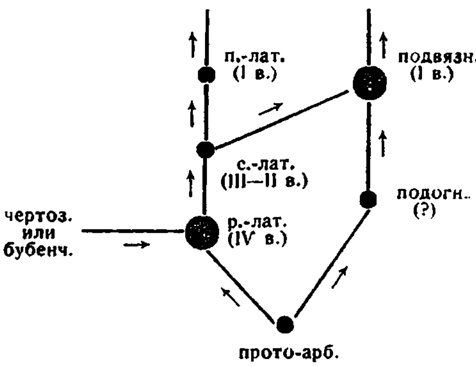

Схема развитія арбалетной формы.

Типологически всѣ три указанныя формы (протоарбал., съ подогн. ножкой и подвязн.) несомнѣнно стоятъ въ самой тѣсной связи, а намѣченный выше ходъ развитія (см. схему) представляется намъ наиболѣе правдоподобнымъ, не требующимъ для своего объясненія какихъ-либо внезапныхъ и непонятныхъ нарушеній привычныхъ для мастера пріемовъ изготовленія, т. к. каждая послѣдующая стадія является здѣсь только дальнѣйшимъ усовершенствованіемъ предыдущей. Однако, пока мы не знаемъ промежуточныхъ находокъ, которыя, кромѣ типологическихъ ступеней, дали бы и хронологически выраженный рядъ, вопросъ остается, конечно, въ сферѣ вѣроятныхъ предположеній.

На Западѣ подвязной типъ появляется довольно поздно и то только въ формѣ третьяго варіанта. Въ восточной Германіи эта форма характерна для III-IV ст. послѣ Р. Х.[1] На югѣ Россіи она извѣстна не только въ это время, но и гораздо раньше, и, какъ мы видѣли, въ болѣе примитивныхъ стадіяхъ перваго и второго варіантовъ. Такъ, первый варіантъ разсматриваемаго типа существуетъ здѣсь еще въ III ст. послѣ Р. Х., какъ показываетъ одна находка въ Керчи.[2] Повидимому второй его варіантъ воспроизводитъ суммарная фотографія, приводимая Е. Н. Minns'омъ — изображена фибула, добытая въ Ольвіи изъ могилы съ римскими вещами и монетой I ст. послѣ Р. Х.[3] Наконецъ, Б. В. Фармаковскій даетъ изображеніе одного экземпляра перваго варіанта, найденнаго также въ самой Ольвіи (табл. XVI рис. 18), который онъ отнесъ ко II—I ст. до Р. Х.[4] По-

¹) O. Almgren, o. c., S. 84.

²) M. Rostovtzeff, Une trouvaille de l'époque gréco-sarmate de Kertch, Monuments Piot, t. 26, 1923, p. 107; pl. IV.

³) E. H. Minns. Scythians und greeks, Cambr. 1913, p. 383, fig. 284; p. 420-421. См. также M. Rostovtzeff, Iranians and greeks, ox. 1922, pp. 128, 234.

⁴) Б. В. Фармаковскій, Раскопки некрополя древней Ольвіи въ 1901 г., Изв. Имп. Арх. Ком., в. 8, стр. 61—62, рис. 69.

слѣдняя датировка требуетъ, однако, значительнаго ограниченія, причемъ II-ое столѣтіе приходится изъ нея совсѣмъ исключить. Вопросъ о томъ, когда могла возникнуть подвязная схема, тѣсно связанъ съ установленіемъ времени появленія въ раіонѣ греческихъ поселеній средне-латенской фибулы, подъ вліяніемъ которой она создалась. Въ этомъ отношеніи имѣетъ наибольшее значеніе находка M. Ebert'a, о которой рѣчь была выше.[1] Разрытый имъ пѣтуховскій курганъ со средне-латенской фибулой, какъ мы видѣли, не можетъ быть относимъ раньше II—I ст. до Р. Х., въ то же время сосѣдній съ нимъ, гдѣ обнаружены на одномъ костякѣ поздне-латенская и подвязная, не старше I ст. до Р. Х. и не моложе I ст. послѣ Р. Х. Поэтому конецъ I ст. или даже эпоха около Р. Х., всего вѣроятнѣе, являются временемъ изобрѣтенія подвязной фибулы.[2]

*

Кромѣ описаннаго выше перваго типа можно выдѣлить еще три группы подвязной фибулы, представляющія ея дальнѣйшее развитіе и усложненіе. Всѣ онѣ являются двусуставными, т. к. пружина у нихъ сдѣлана изъ отдѣльнаго куска проволоки (zweigliederige Konstruktion) и намотана на ось, которую держитъ загнутый верхній (головной) конецъ дуги. Различаются онѣ выдѣлкой дужекъ, формой ножки и наличіемъ разнаго рода дополнительныхъ частей. Изъ нихъ, какъ **второй типъ** подвязной фибулы, могутъ быть выдѣлены формы съ расширенной ножкой. У болѣе простыхъ экземпляровъ, какъ и у перваго типа, пружина короткая, въ 4 завитка (табл. XVI, рис. 30), у другихъ она — длинная, многозавитковая (табл. XVI, рис. 28). Иногда на ось наматывались двѣ, разнаго діаметра, проволоки, при чемъ только средняя, болѣе короткая, является собственно пружиной, а другая имѣетъ чисто декоративный характеръ (табл. XVI, рис. 33). Тетива у нихъ всегда нижняя, иногда двойная (табл. XVI, рис. 33).

Въ предѣлахъ этого типа, какъ и у предыдущаго, можно прослѣдить постепенное развитіе. Дуга, здѣсь болѣе массивная, чѣмъ у перваго типа, мѣняется отъ круглой проволочной (табл. XVI, рис. 30) въ болѣе широкую (табл. XVI, рис. 33) превращается въ пластинку (табл. XVI, рис. 32), укорачивается и становится крутой, съ выступающимъ вдоль наружной стороны срединнымъ продольнымъ ребромъ (табл. XVII рис. 34). Пластинчатая ножка мѣняется изъ треугольной (табл. XVI, рис. 30) въ ромбовидную (табл. XVI, рис. 33), а треугольное отверстіе (табл. XVI, рис. 30), образуемое ею и пріемникомъ, переходитъ въ узкую щель (табл. XVII, рис. 34). Въ этой послѣдней стадіи своего развитія разсматриваемый типъ даетъ два варіанта. У одного изъ нихъ въ головной части помѣщается широкая пластинка, покрывающая снаружи пружину (табл. XVII, рис. 34). Въ дальнѣйшемъ у обоихъ узкая щель, отдѣляющая пріемникъ, совсѣмъ исчезаетъ, а самъ пріемникъ получаетъ видъ пластинки, согнутой по длинѣ и припаянной длиннымъ своимъ ребромъ къ исподней сторонѣ ножки. Потерявшая смыслъ подвязка или тоже совсѣмъ исчезаетъ, или, если и остается, то получаетъ теперь характеръ орнаментальнаго рудимента. Въ результатѣ возникаютъ двѣ новыя,

---

[1]) M. Ebert, Praeh. Zeit., V, S. 66 ff, 75 ff.

[2]) O. Almgren (o. c., S. 251) считаетъ (съ чѣмъ повидимому согласенъ и Arne), что подвязная форма возникла въ эпоху около Р. Х.

уже неподвязныя, формы, изъ которыхъ вторая, двупластинчатая, извѣстна обычно подъ названіемъ „готской".

Фибулы описываемаго типа были найдены въ Керчи,[1] въ Кубан. обл. у ст. Тимошеевской,[2] на сѣв. Кавказѣ (Камбулта, Комунта, Лизгоръ, Донифарсъ[3]), въ Закавказьи (Мцхетъ[4]), въ Камыш. у. Саратовской губ.,[5] у с. Вишенки Черниговской губ.,[6] у с. Николаевки[7] на Днѣпрѣ и въ Херсонесѣ.[8] Наиболѣе раннюю дату для нихъ даютъ погребенія въ некрополѣ Николаевки. M. Ebert отнесъ ихъ къ I ст. послѣ Р. Х.,[9] что вызвало возраженія со стороны E. Brenner'a, полагающаго, что эти погребенія не старше III в. послѣ Р. Х.[10] Съ послѣднимъ, однако, трудно согласиться, т. к. въ Marosszentana, съ которой E. Brenner сопоставляетъ николаевскую находку, уже имѣются болѣе позднія фибулы, происшедшія отъ подвязной, о чемъ рѣчь была выше. Тѣмъ не менѣе нельзя принять и датировку M. Ebert'a. Если наиболѣе простую форму разсматриваемаго типа (табл. XVI, рис. 30) еще возможно относить къ самому концу I ст., то оба варіанта его заключительной стадіи принадлежатъ уже II ст. послѣ Р. Х.

Третій типъ подвязной фибулы также, какъ и второй, имѣетъ двусуставную конструкцію, обычно нижнюю тетиву, но отличается отъ него отсутствіемъ пластинки на ножкѣ. Первый варіантъ образуютъ фибулы съ граненой дужкой; у нѣкоторыхъ экземпляровъ она оживлена фасетками (табл. XVII, рис. 35). Проволочная подвязка замѣняется иногда тонкой пластинкой, обхватывающей дугу и въ раздѣлкѣ своей подражающей обмоткѣ, что еще подчеркивается нанесеніемъ на тулово фибулы параллельныхъ нарѣзовъ (табл. XVII, рис. 35). У одного экземпляра (табл. XVII, рис. 36) имѣется ложная тетива, а пружина замѣнена простой намоткой въ головной части дуги. У второго варіанта при выдѣлкѣ дуги, вмѣсто граненаго прута, примѣнялась пластинка, какъ это видно на одномъ кавказскомъ экземплярѣ (табл. XVII, рис. 43), у котораго спираль сдѣлана изъ двухъ разнаго діаметра проволокъ. Ножка этой фибулы украшена по краямъ параллельно расположенными зазубринами.

Въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи этотъ типъ, какъ и предыдущій, теряетъ свою подвязную конструкцію и даетъ двѣ новыя формы, извѣстныя на Западѣ подъ названіемъ сѣверо-европейской[11] и римско-провинціальной.[12] Какъ воспоминаніе исчезнувшей подвязки, на дугѣ этихъ фибулъ встрѣчается иногда украшеніе въ видѣ одного или нѣсколькихъ колецъ.

Подвязныя фибулы третьяго типа извѣстны изъ обширнаго раіона. Можемъ

---

1) O. Almgren, o. c., S. 189.
2) Отч. Имп. Арх. Ком. за 1894, стр. 38. Béla Pósta, o. c., S. 383, Abb. 224.
3) O. Almgren, o. c., S. 189.
4) Ibidem, S. 190.
5) Ibidem и Отч. Имп. Арх. Ком. за 1898, стр. 77 и 78.
6) Каталогъ XII арх. съѣзда въ Харьковѣ, стр. 106.
7) M. Ebert, Praeh. Zeit. V, S. 87, Atb. 96.
8) Собр. Истор. Музея въ Москвѣ.
9) M. Ebert, Praeh. Zeit. V, S. 113.
10) E. Brenner, Der Stand der Forschung über die Kultur der Merowingerzeit. VII Bericht der röm.-germ. Kommission, 1912. F/M, 1915, S. 262.
11) O. Almgren, o. c., S. 86.
12) Ibidem, S. 88.

указать ихъ въ некрополѣ с. Николаевки,[1] въ Керчи,[2] на Кавказѣ,[3] Тамбов. губ. (Кошибеев. мог.),[4] Рязан. губ. (Борков. мог.),[5] и доходятъ онѣ до Пермской губ.[6] Появляется этотъ типъ, повидимому не раньше II ст. послѣ Р. Х., какъ показываютъ два погребенія съ подобными фибулами изъ Николаевки, а въ началѣ III-го онъ уже подвязную конструкцію теряетъ. Въ такомъ видѣ мы его наблюдаемъ въ Кошибеевскомъ и Борковскомъ могильникахъ, начало которыхъ В. А. Городцовъ склоненъ относить къ III в. послѣ Р. Х.[7]

*

Черноморскіе города не только распространили свою подвязную фибулу далеко на с.-западъ, но и познакомили съ нею и югъ. Въ формѣ особой мѣстной разновидности подвязная фибула встрѣчается въ Греціи (рис. 4), Далмаціи и Италіи.[8] Въ первой она, видимо, привилась надолго, вошла позднѣе въ оби-

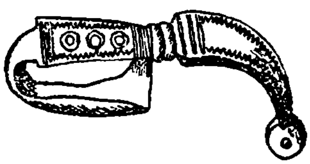

Рис. 4.
Бронзовая фибула изъ Олимпіи
(по O. Almgren'у).

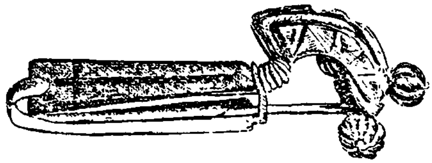

Рис. 5.
Бронзовая фибула изъ Іерусалима
(по фот. Брит. Музея).

ходъ Византіи и была въ ходу въ ея восточныхъ провинціяхъ въ V ст., какъ о томъ свидѣтельствуетъ одинъ экземпляръ Британскаго музея, происходящій изъ Іерусалима (рис. 5).[9]

Исторія фибулы въ Византіи ждетъ еще своего изслѣдователя и заслуживаетъ отдѣльнаго спеціальнаго разсмотрѣнія, т. к. фибулы, повидимому, играли тамъ большую роль[10] не только какъ украшеніе, но и какъ знакъ отличія

---

¹) M. Ebert, Praeh. Zeit., V, S. 88, Abb. 98; S. 93, Abb. 105.

²) O. Almgren, o. c., S. 190. Отч. Имп. Арх. Ком. за 1894, стр. 90, рис. 152.

³) Ibidem.

⁴) Мат. по арх. Россіи № 25, табл. IX, рис. 4 и 5.

⁵) Ibid., табл. XXII, рис. 4.

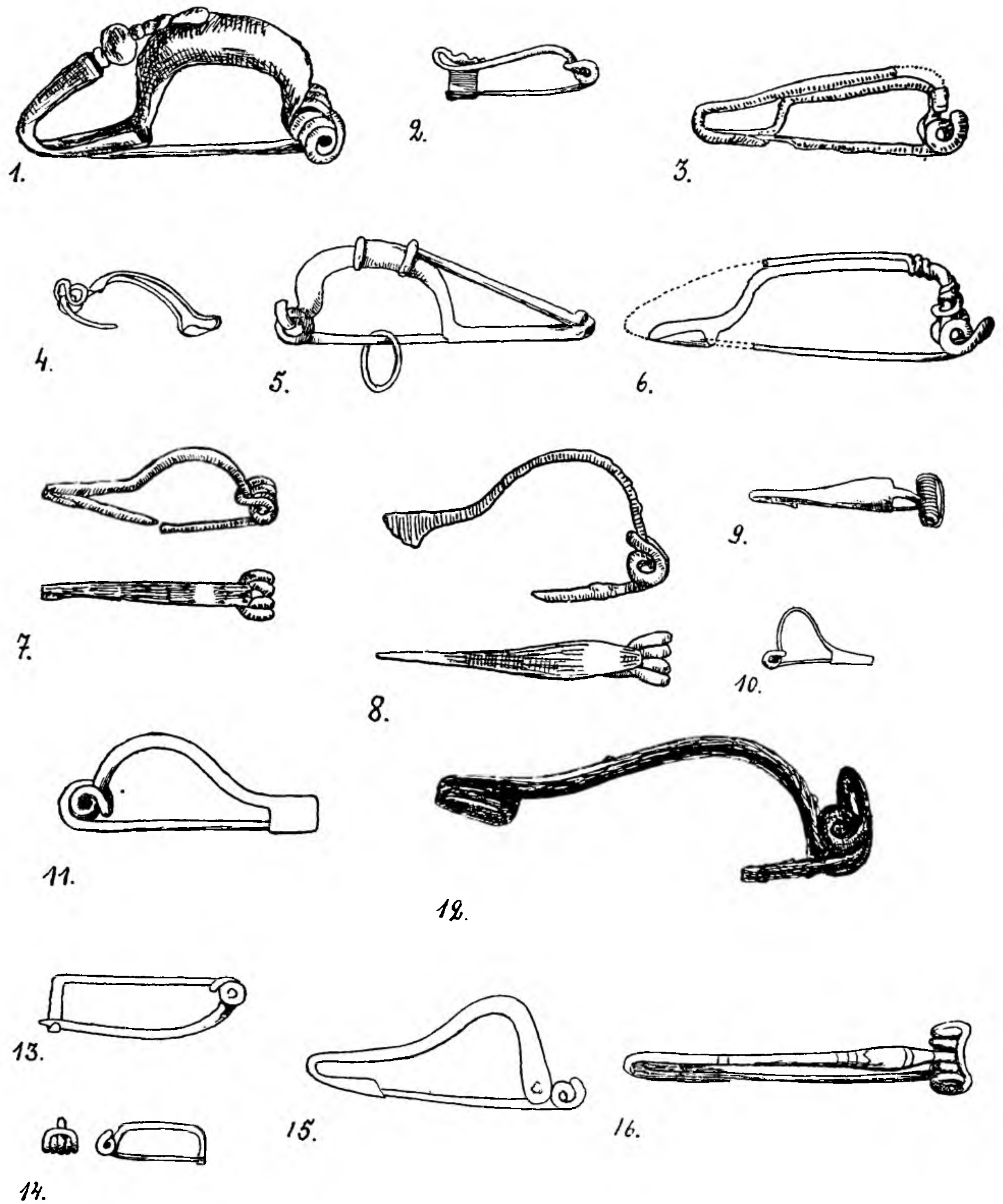
⁶) O. Almgren, o. c., S. 190; Béla Pósta, o. c., S. 387; Отч. Имп. Арх. Кам. за 1895 г. стр. 72—3.

⁷) В. А. Городцовъ, Бытовая археологія, М. 1910, стр. 444—5. По мнѣнію проф. В. А. Городцова Кошибеев. мог. существовалъ между II и VII в. в. послѣ Р. Х., а Борковскій между II и VIII в.; А. В. Селивановъ (О древнѣйшемъ населеніи Пріокскаго района, Влад. 1908) различалъ въ Борков. мог. двѣ части и относилъ первую къ IV—V ст., а вторую къ VII—VIII ст.; А. А. Спицынъ (Древности басс. рѣкъ Оки и Камы, Мат. по арх. Россіи № 25, СПБ, 1901) относитъ Кошиб. мог. къ VI—VII в. в., а Борков. къ VIII—IX в. в.; еще раньше писалъ объ этихъ могильникахъ А. И. Черепнинъ (Очеркъ доистор. прошлаго Рязан. края, Рязань, 1896).

⁸) O. Almgren, o. c., S. 190—191.

⁹) British Museum. A guide to the early christian and byzantine antiquites, p. 185; также O. M. Dalton, Catalogue of Early Christ. antiqu. L. 1901, p. 41, fig. 257.

¹⁰) Уже само обиліе терминовъ — περόνη, πόρπη, ἐμπερόνημα, φίβλα, φιβλίον, κορνοχόπιον и т. д. — указываетъ на то, что фибулѣ придавалось большое значеніе и различались отдѣльные ея виды и формы.

1.
2.
3.
4.
5.
6.
7.
8.
9.
10.
11.
12.
13.
14.
15.
16.

указать ихъ въ некрополѣ с. Николаевки,[1] въ Керчи,[2] на Кавказѣ,[3] Тамбов. губ. (Кошибеев. мог.),[4] Рязан. губ. (Борков. мог.),[5] и доходятъ онѣ до Пермской губ.[6] Появляется этотъ типъ, повидимому не раньше II ст. послѣ Р. Х., какъ показываютъ два погребенія съ подобными фибулами изъ Николаевки, а въ началѣ III-го онъ уже подвязную конструкцію теряетъ. Въ такомъ видѣ мы его наблюдаемъ въ Кошибеевскомъ и Борковскомъ могильникахъ, начало которыхъ В. А. Городцовъ склоненъ относить къ III в. послѣ Р. Х.[7]

*

Черноморскіе города не только распространили свою подвязную фибулу далеко на с.-западъ, но и познакомили съ нею и югъ. Въ формѣ особой мѣстной разновидности подвязная фибула встрѣчается въ Греціи (рис. 4), Далмаціи и Италіи.[8] Въ первой она, видимо, привилась надолго, вошла позднѣе въ оби-

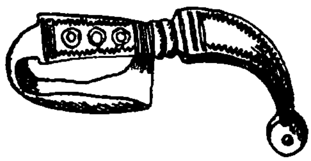

Рис. 4.
Бронзовая фибула изъ Олимпіи (по O. Almgren'y).

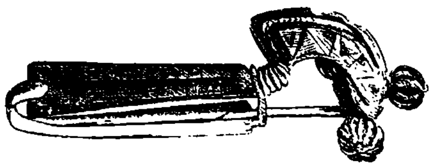

Рис. 5.
Бронзовая фибула изъ Іерусалима (по фот. Брит. Музея).

ходъ Византіи и была въ ходу въ ея восточныхъ провинціяхъ въ V ст., какъ о томъ свидѣтельствуетъ одинъ экземпляръ Британскаго музея, происходящій изъ Іерусалима (рис. 5).[9]

Исторія фибулы въ Византіи ждетъ еще своего изслѣдователя и заслуживаетъ отдѣльнаго спеціальнаго разсмотрѣнія, т. к. фибулы, повидимому, играли тамъ большую роль[10] не только какъ украшеніе, но и какъ знакъ отличія

---

[1]) M. Ebert, Praeh. Zeit., V, S. 88, Abb. 98; S. 93, Abb. 105.

[2]) O. Almgren, o. c., S. 190. Отч. Имп. Арх. Ком. за 1894, стр. 90, рис. 152.

[3]) Ibidem.

[4]) Мат. по арх. Россіи № 25, табл. IX, рис. 4 и 5.

[5]) Ibid., табл. XXII, рис. 4.

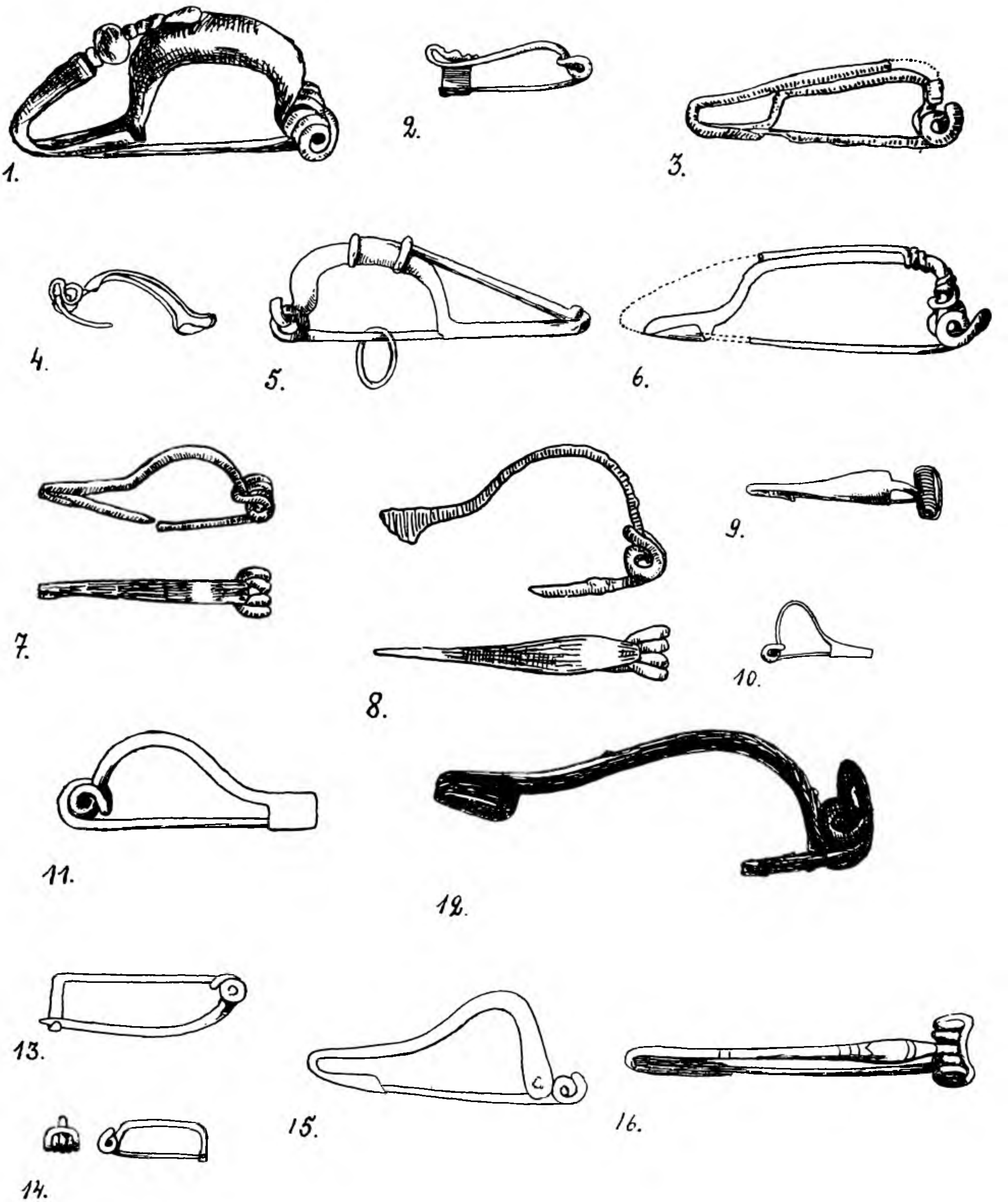
[6]) O. Almgren, o. c., S. 190; Béla Pósta, o. c., S. 387; Отч. Имп. Арх. Кам. за 1895 г. стр. 72—3.

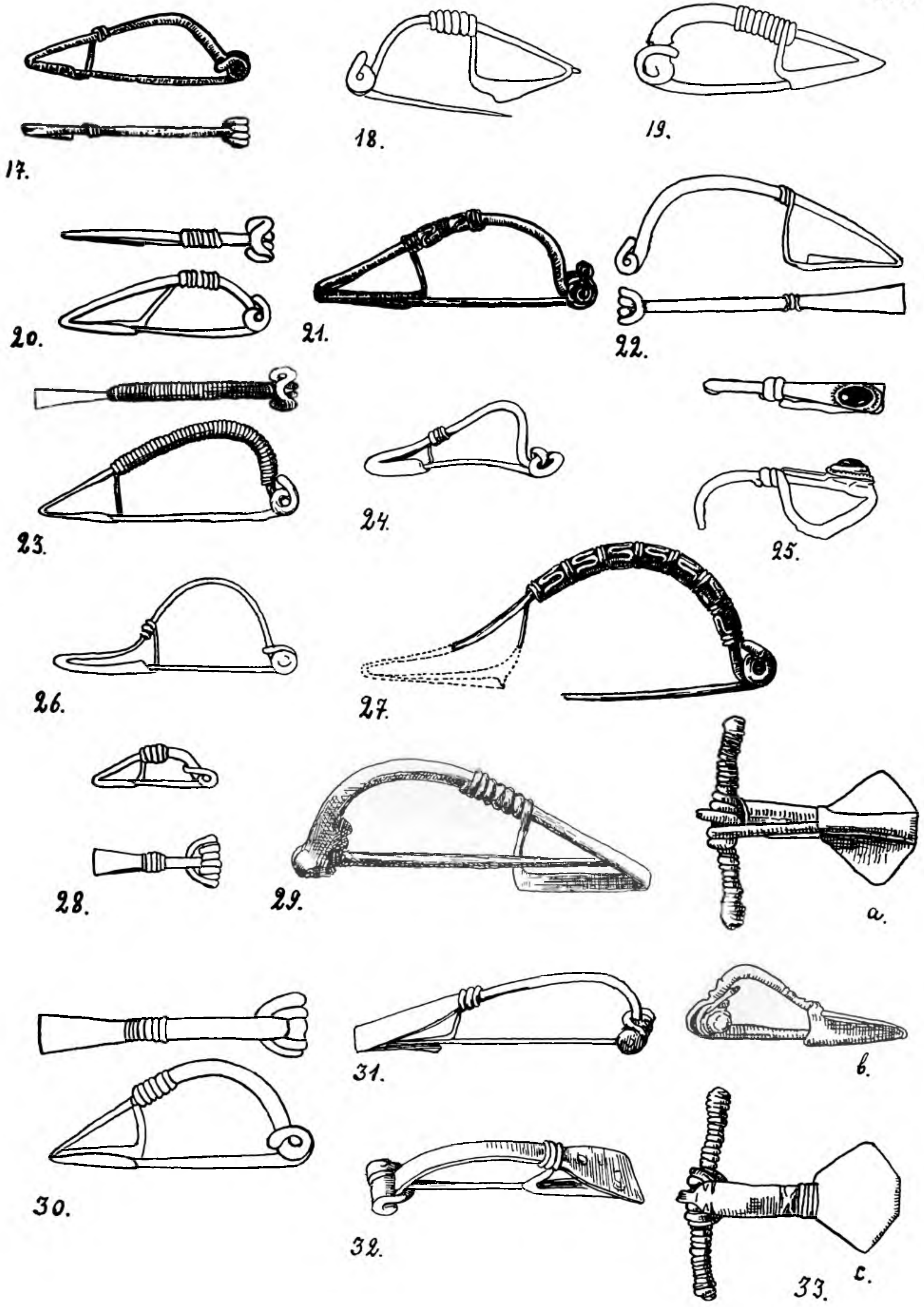
[7]) В. А. Городцовъ, Бытовая археологія, М. 1910, стр. 444—5. По мнѣнію проф. В. А. Городцова Кошибеев. мог. существовалъ между II и VII в. в. послѣ Р. Х., а Борковскій между II и VIII в.; А. В. Селивановъ (О древнѣйшемъ населеніи Пріокскаго района, Влад. 1908) различалъ въ Борков. мог. двѣ части и относилъ первую къ IV—V ст., а вторую къ VII—VIII ст.; А. А. Спицынъ (Древности басс. рѣкъ Оки и Камы, Мат. по арх. Россіи № 25, СПБ, 1901) относитъ Кошиб. мог. къ VI—VII в. в., а Борков. къ VIII—IX в. в.; еще раньше писалъ объ этихъ могильникахъ А. И. Черепнинъ (Очеркъ доистор. прошлаго Рязан. края, Рязань, 1896).

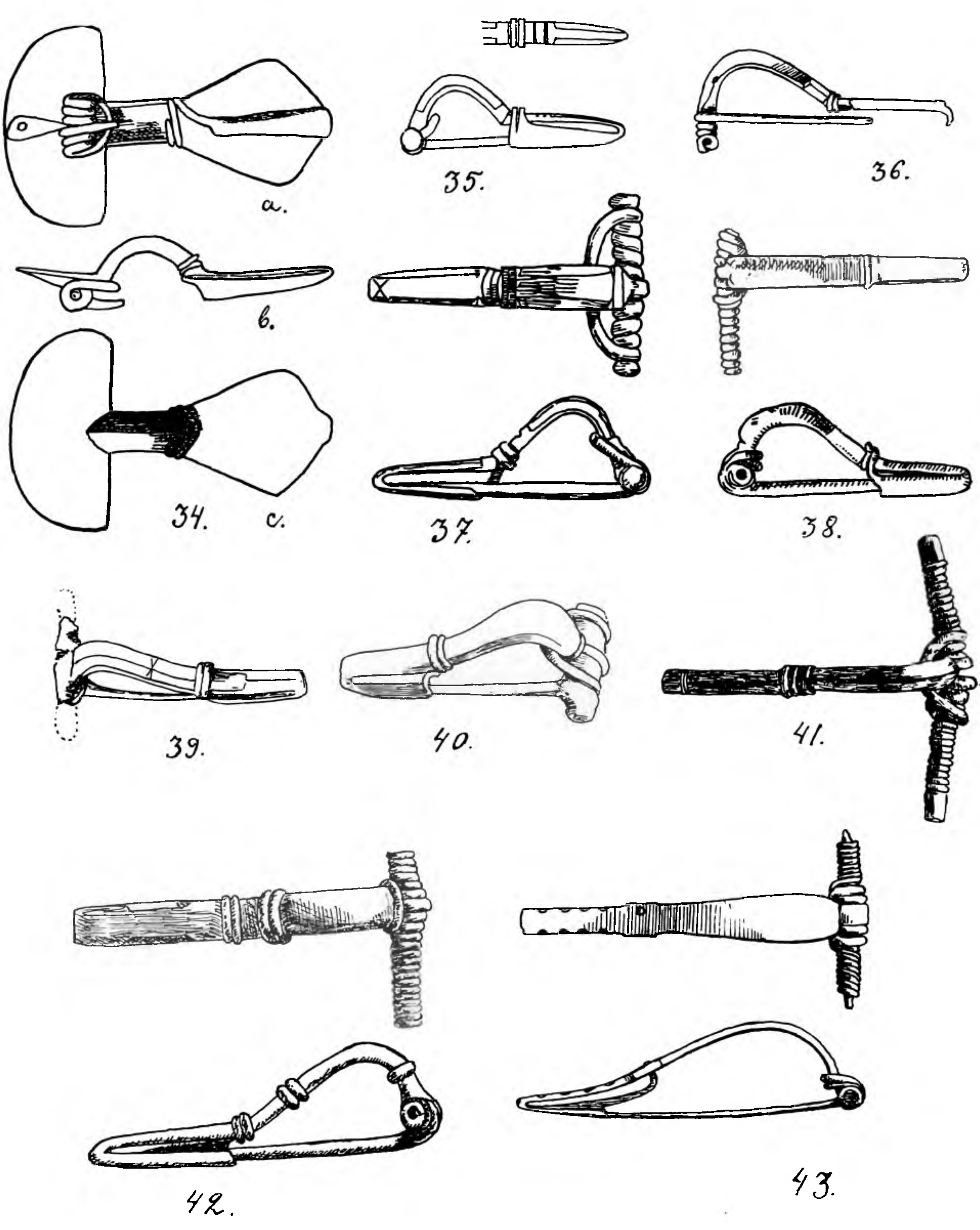
[8]) O. Almgren, o. c., S. 190—191.

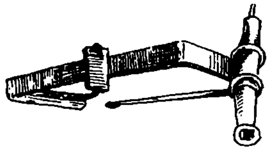
[9]) British Museum. A guide to the early christian and byzantine antiquites, p. 185; также O. M. Dalton, Catalogue of Early Christ. antiqu. L. 1901, p. 41, fig. 257.

[10]) Уже само обиліе терминовъ — περόνη, πόρπη, ἐμπερόνημα, φίβλα, φιβλίον, χορνοχόπιον и т. д. — указываетъ на то, что фибулѣ придавалось большое значеніе и различались отдѣльные ея виды и формы.

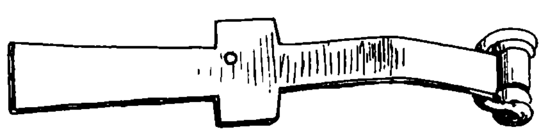

1.
2.
3.
4.
5.
6.
7.
8.
9.
10.
11.
12.
13.
14.
15.
16.

17.
18.
19.
20.
21.
22.
23.
24.
25.
26.
27.
28.
29.
a.
30.
31.
b.
32.
33.
c.

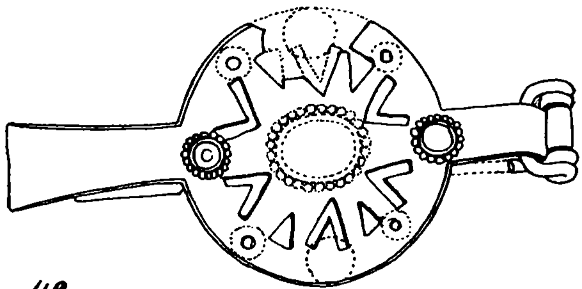

a.
35.
36.
b.
c.
34.
37.
38.
39.
40.
41.
42.
43.

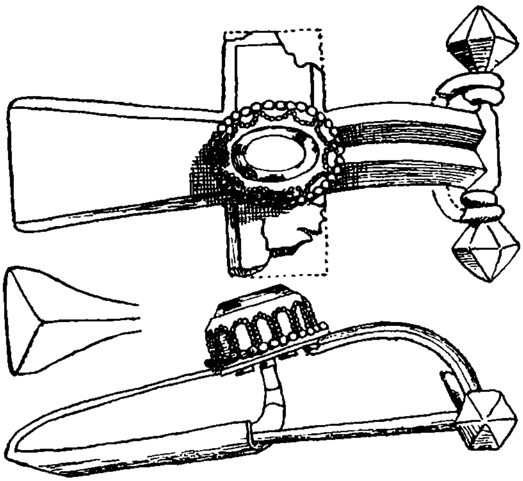
44.

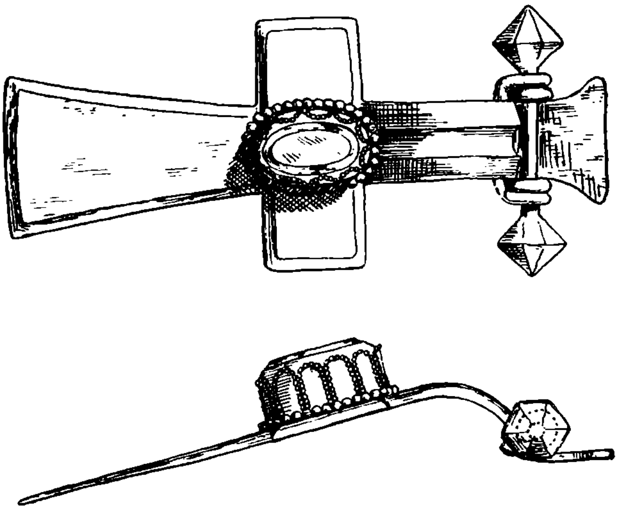
45.

48.

46.

47.

для всякаго рода чиновъ и званій,[1] о чемъ свидѣтельствуютъ сохранившіяся о ней свѣдѣнія у самихъ византійскихъ писателей[2]; кромѣ того, и дошедшій до насъ иконографическій матеріалъ и сами найденныя фибулы уже опредѣленно даютъ возможность выдѣлить среди нихъ отдѣльные типы и въ значительной мѣрѣ могутъ освѣтить вопросъ объ ихъ происхожденіи. Въ другомъ мѣстѣ мы имѣли уже случай[3] указать, что фибулы, извѣстныя въ настоящее время, какъ несомнѣнно византійскія, представляютъ въ общемъ, только чисто внѣшнюю переработку или еще античнаго наслѣдства въ видѣ разнаго рода круглыхъ застежекъ,[4] или „римско-провинціальныхъ формъ",[5] или нѣкоторыхъ другихъ варварскихъ видовъ,[6] въ томъ числѣ и возникшихъ на территоріи Россіи двупластинчатыхъ т. н. „готскихъ" формъ.[7] Византійская переработка основной античной или варварской формы сводилась, главнымъ образомъ, къ болѣе детальному и тщательному выполненію и примѣненію къ ней всего того богатаго запаса орнаментальныхъ мотивовъ (эллинистическихъ, христіанскихъ и другихъ), который былъ въ ходу въ восточныхъ провинціяхъ Имперіи и сосѣдней Персіи. Стиль вещей, сработанныхъ въ византійскихъ мастерскихъ, отличается сухостью рисунка и очень тонкой, даже изысканной, детализаціей въ украшеніи.

Среди найденныхъ въ Россіи фибулъ, которыя по нашему мнѣнію, могутъ быть отнесены за счетъ работы византійскихъ мастеровъ или несутъ на себѣ слѣды ихъ вліянія, можно выдѣлить, по крайней мѣрѣ, три группы.[8] Одну изъ

---

[1]) Гр. И. Толстой и Н. Кондаковъ, Русскія древности, в. V, СПБ, 1897, стр. 149.

[2]) Const. Parph., De ceremoniis aulae Byzantinae, I—41, p. 208—9 (ed. Bonn.): владыки φιβλώνουσιν хламиду у царицы; 43, p. 218—9: при хиротоніи кесаря среди инсигній — фибула; 44, p. 227: производство нивелиссима; 45, p. 230: производство куропалата (цари φιβλοῦσιν ἰδίαις χερσί); II—52, p. 708: отличіе веститора φιβλατώριον, см. объ этомъ у Д. Θ. Бѣляева въ Зап. Имп. Арх. О-ва, т. V, 1892, стр. 171, также у Reiske, Comment. ad C. P. de cer. p. 827—28. По Евхологію (Goar, Euchologion, Venetiis 1730, p. 726) фибула находится при коронаціи царя въ числѣ царскихъ регалій (βασιλικὰ ἱμάτια).

[3]) А. Калитинскій, Къ вопросу о византійскихъ фибулахъ въ Россіи, Прага, 1926, въ имѣющемъ выйти въ Парижѣ сборникѣ въ честь ак. Θ. И. Успенскаго (Melanges Uspenskij) подъ ред. G. Millet.

[4]) J. Hampel, Alterthümer des frühen Mittelalters in Ungarn, III, 1905, Taf. 17 u. 19, 1. J. Ebersolt, Les arts somptuaires de Byzance. P. 1923, p. 70, fig. 30. J. Wilpert, Römische Mosaiken und Malereien, III, pl. Taf. 61—62, 63—65. Garucci, Storia dell'arte christiana, III, pl. 148, 1. O. M. Dalton, Byzantine art and Archeology, Ox. 1911, fig. 278. A. Venturi, Storia dell'arte italiana, I, fig. 433. Изв. Имп. Арх. Ком., в. 25, стр. 33, рис. 8. Гр. И. Толстой и Н. Кондаковъ, Русскія древности, в. V, стр. 148.

[5]) British Museum. A guide to the early christian and byzantine antiquites (in the department. of british and mediaeval antiquites), 1921, p. 85, fig. 53. O. M. Dalton, Byzantine Art and Archeology, p. 541. A. Riegl, Spätrömische Kunst-Industrie, Wien, 1901, S. 149, Fig. 55; S. 150, Fig. 56. A. Venturi, Storia dell'arte italiana, I, fig. 332. Longperier, Fibules antiques à pas de vis, Rev. arch., 1866, p. 104—105.

[6]) A. Riegl, o. c., Taf. XVI, 1—6.

[7]) Ibid. Taf. IX, 3.

[8]) I — Круглыя: 1. плоскія прорѣзныя (Зап. Рус. Арх. О-ва по отд. рус. и слав. арх., V, в. 1, стр. 160; В. Щербаківский, Ліплявский могильник, Niederlův Sborník, 1925, стр. 345—6), 2. съ жемчужной обнизью (Katalog der Ausstellung zum X arch. Kongress in Riga, Taf. 8), 3. съ 4-мя, расположенными накрестъ по краю, драгоцѣн. камнями (Мат. по арх. Россіи № 26, стр. 26); II — римско-провинціальнаго типа (Отч. Имп. Арх. Ком. 1892, стр. 108, рис. 65; 1897, стр. 30; 1902, стр. 44, р. 76); III — подвязныя.

нихъ составляютъ серебряныя фибулы съ подвязаннымъ пріемникомъ, происходящія изъ Черноморской губерніи (табл. XVIII, рис. 45—48).[1]

У двухъ изъ нихъ (табл. XVIII, рис. 46, 47) по серединѣ дужки находится такой же ширины, какъ и она, поперечная перекладина, что придаетъ имъ форму креста, а у третьей (табл. XVIII, рис. 48) въ серединѣ прикрѣпленъ дискъ. Въ центрѣ перекладинъ помѣщены въ особыхъ гнѣздахъ темно-лиловые камни (альмандины). На дискѣ третьей имѣется 5 такихъ же гнѣздъ. Гнѣзда двухъ первыхъ (табл. XVIII, рис. 46, 47) представляютъ золотыя дробницы, окаймленныя у своего основанія нитью крупной зерни, а по бокамъ украшенныя арочками, выгнутыми изъ катушечной филиграни. Коническія главки, заканчивающія стержень, около котораго обернута спираль, у обоихъ экземпляровъ огранены. Дужки у обѣихъ фибулъ профилированы продольнымъ углубленіемъ, причемъ дужка второй продолжена за спираль и заканчивается расширеніемъ. Аналогично устроена головная часть и у третьей фибулы (т. XVIII, рис. 48). Серединный круглый щитокъ ея — ажурный, а пять его золотыхъ дробницъ окаймлены ленточкой, начеканенной на манеръ зерни. Всѣ три фибулы, такъ же какъ и наиболѣе простой экземпляръ этой группы, изъ Гагръ (табл. XVIII, рис. 45), найденный съ золотой монетой импер. Гонорія, А. А. Спицынъ относитъ къ V в., считая ихъ не мѣстными, а привозными издѣліями.[2] Вѣроятнѣе всего были завезены онѣ съ юга изъ Византіи, гдѣ мода на инкрустацію камнями была распространена въ то время,[3] гдѣ, какъ показываетъ фибула Британскаго музея, знали подвязной пріемникъ и гдѣ были въ ходу различныя, варварскія по своему происхожденію, типы фибулъ.

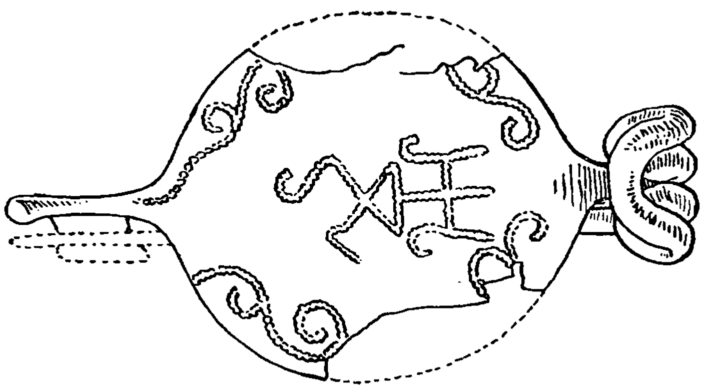

Рис. 6.
Бронзовая фибула изъ Гурзуфа (по M. Ebert'y).

Украшеніе помощью серединнаго круглаго щитка, которое мы видимъ на одной изъ черноморскихъ фибулъ, было довольно распространеннымъ явленіемъ у разныхъ византійскихъ застежекъ, сближая ихъ съ привычной формой античной круглой фибулы. Богато украшенный образецъ даетъ фибула изъ Szilágy-Somlýo,[4] болѣе скромный примѣръ — застежка изъ Херсонеса[5]; наконецъ, мѣстное варварское подражаніе подобнаго рода украшенію можно видѣть на одной фибулѣ

---

[1]) А. А. Спицынъ, Могильникъ V в. въ Черноморьѣ. Изв. Имп. Арх. Ком., в. 23, стр. 103—107; также Отч. Имп. Арх. Ком. за 1904, стр. 130.

[2]) А. А. Спицынъ, о. с.

[3]) Гр. И. Толстой и Н. Кондаковъ, Русскія древности, в. III, СПБ, 1890, стр. 147.

[4]) J. Hampel, о. с., III, Tafel 26—27; Riegl, о. с., (воспроизведена въ краскахъ).

[5]) Отч. Им. Арх. Ком. за 1905, стр. 46, рис. 44; Изв. Имп. Арх. Ком., в. 25, стр. 155, рис. 37.

изъ Россіи въ собраніи Берлинскаго музея (рис. 6).[1] Иное происхожденіе имѣютъ серединныя поперечныя перекладины. Изобрѣтеніе подвязного пріемника оказалось, повидимому, весьма практичнымъ, и онъ былъ усвоенъ разными типами фибулы, въ результатѣ чего появились сложныя гибридная формы. Къ таковымъ относятся и черноморскія подвязныя фибулы съ поперечной перекладиной, связывающей ихъ съ германскими „Sprossenfibeln". Другой случай того же комбинированнаго перекладчато-подвязного типа, свидѣтельствующаго о перенесеніи южной манеры устройства пріемника на сѣверную форму дуги, представляетъ одна кавказская фибула (табл. XVIII, рис. 44).

Итакъ, на сколько позволяетъ имѣющійся въ нашемъ распоряженіи матеріалъ, можно думать, что 1. подвязная фибула возникла въ городахъ сѣв. Причерноморья, 2. появилась она здѣсь въ концѣ I ст. до Р. Х. или, м. б., въ эпоху около Р. Х., 3. распространилась она отсюда на огромный раіонъ, сѣверная граница котораго тянется отъ Перм. губ. до Балт. моря, западная проходитъ приблизительно по линіи Данія — Адр. море, южная — Грецiя и Сирія и восточная — Закавказье, 4. просуществовала эта форма до середины I тысячелѣтія нашей эры и 5. въ предѣлахъ ю. Россіи дала три основныхъ типа и четвертый комбинированный, перекладчато-подвязной.

Появленіе на территоріи ю. Россіи различныхъ формъ этой фибулы прослѣживается, приблизительно въ такой послѣдовательности:

Конецъ I ст. до Р. Х. или эпоха около Р. Х.	1-й варіантъ I типа 2-й варіантъ I типа.
I ст. послѣ Р. Х. .	3-й варіантъ I типа начальная стадія II типа
II ст. послѣ Р. Х.	послѣднія стадіи II типа III типъ
III ст. послѣ Р. Х.	формы комбинированныя формы, производныя отъ подвязной

А. Калитинскій.

Прага 1926.

CONCLUSIONS

I. Il est à distinguer parmi les fibules, qui jadis furent employées dans la Russie méridionale, deux formes qui se rapprochent l'une à l'autre: celle de La-Tène et celle au pied renversé.

II. Les fibules La-Tène pénétrèrent au Sud de la Russie par deux voies: 1) de la Vistule en Pologne (p. 195) et 2) de la Hongrie (p. 196).

---

[1]) M. Ebert, Praeh. Zeit., I, 1909, 1 Heft, S. 70, Abb. 4.

III. Les dites fibules parvinrent jusqu'aux colonies grecques de la côte septentrionale de la Mer Noire, où les fouilles ont demontré l'existence des trois phases du schéma La-Tène (pl. XV, fig. 1—12).

IV. L'apparition des susdites fibules ne peut remonter qu'au IIe siècle avant J. C. (p. 196).

V. Au moment de leur apparition dans les colonies grecques furent usitées des simples fibules en arbalète (pl. XV, fig. 13, 14), ainsi que leurs derivées au pied ployé dessous (pl. XV, fig. 15, 16).

VI. En imitant la fibule La-Tène II les artisans grecs cherchèrent à renforcer le porte-agrafe fragil de la fibule au pied ployé dessous et ainsi furent amenés à l'emploi de l'attache. C'est ici l'origine de la fibule, nommée dans l'archéologie occidentale »fibule au pied renversé« (pl. XVI, fig. 17).

VII. L'apparition des fibules au pied renversé date de la fin du I siècle avant J. C. ou peut-être de l'époque même de J. C. (p. 206). L'existence et le développement de cette forme embrasse les 5 premiers siècles de notre ère.

VIII. De colonies grecques les fibules au pied renversé se répandent: au Nord jusqu'au gouvernement Perm et la Mer Baltique, à l'Occident à peu près jusqu'à la ligne Danemark — Mer Adriatique, au Sud — en Grèce et en Syrie, à l'Est — en Transcaucasie.

IX. Les principaux types des fibules au pied renversé, trouvées dans la Russie méridionale sont: 1) fibules faites d'un seul morceau de fil métallique (trois variations consécutives, pl. XVI, fig. 17, 23, 26), 2) fibules formées de deux pièces métalliques au pied élargi (variation primitive, pl. XVI, fig. 30; deux variations conclusives, pl. XVI, fig. 33 et pl. XVII, fig. 34), 3) même construction à l'arc et pied facettés (pl. XVII, fig. 35), 4) même construction, fibules composées (deux variations, pl. XVIII, fig. 46, 48).

X. Les types mentionnés et leurs variations se suivent dans tel ordre: fin du I s. av. J. C. (ou époque de J. C.) — 1e et 2e variations du I type (pl. XVI, fig. 17, 23); I s. apr. J. C. — 3e variation du I type (pl. XVI, fig. 26) et variation primitive du II type (pl. XVI, fig. 30); II s. apr. J. C. — variations conclusives du II type (pl. XVI, fig. 33, pl. XVII, fig. 34) et III type (pl. XVII, fig. 35—43); III s. apr. J. C. — types composés (pl. XVIII, fig. 44—48).

A. Kalitinsky.

СПИСОКЪ ФИБУЛЪ, ИЗОБРАЖЕННЫХЪ НА ТАБЛИЦАХЪ

Ранне-латенскія:

1. Бронзовая фибула. Залѣсье, Радомысль. у., Кіевск. губ. Н. Бѣляшевскій, Поле погребальныхъ урнъ эпохи la-Tène, Арх. лѣт. ю. Россіи, 1904, № 1—2.
2. Бронзовая фибула. Херсонесъ. Собр. Московск. Ист. Музея.

Средне-латенскія:

3. Бронзовая фибула. Марицынъ, Херсон. губ. M. Ebert, Praeh. Zeit., V, S. 66, Abb. 74.
4. Бронзовая фибула. Зарубинцы, Канев. у., Кіевск. губ. В. Хвойка, Поля погребеній въ ср. Приднѣпровьѣ, СПБ, 1901, табл. XXII; J. Déchelette, Manuel, II, 3e, p. 923, f. 389.

5. Бронзовая фибула. Мануйловка, Кременчуг. у., Полтав. губ. Собр. Моск. Истор. Музея.
6. Бронзовая фибула. Водяное, Мелитоп. у., Таврич. губ. Отч. Имп. Арх. Ком. за 1902, срт. 133, р. 232; Изв. Имп. Арх. Ком. № 12, стр. 85, р. 45.

Поздне-латенскія:

7. Бронзовая фибула. Марицынъ, Херсон. губ. M. Ebert, Praeh. Zeit, V, S. 78, Abb. 87.
8. Бронзовая фибула. Николаевка, Херсон. губ. M. Ebert, Praeh. Zeit., V, S. 96, Abb. 108.
9. Бронзовая фибула. Зарубинцы, Канев. у., Кіевск. губ. В. Хвойка, Поля погребеній въ ср. Приднѣпровьѣ, СПБ. 1901, табл. XXIII.
10. Бронзовая фибула. Зарубинцы, Канев. у., Кіев. губ. Ibidem.
11. Бронзовая фибула. Кавказъ, аулы Зилга и Чегема. Мат. по арх. Кавказа, в. I, табл. XXII.
12. Бронзовая фибула. Смѣла, Кіевск. губ. Гр. А. А. Бобринскій, Курганы и случ. арх. нах. близъ м. Смѣлы, II, стр. 63—64; III, 7.

Прото-арбалетныя:

13. Бронзовая фибула. Симферополь, Собр. Моск. Ист. Музея.
14. Бронзовая фибула. Керчь. Собр. Москов. Ист. Музея.

Съ подогнутой ножкой:

15. Бронзовая фибула. } Чигирин., Черкас., Канев., Васильк. у., Кіев. губ. Собр. Б. И. и В. И.
16. Бронзовая фибула. } Ханенко. Древности Приднѣпровья, в. IV, табл. IV, 130. 131.

Съ подвязаннымъ пріемникомъ:

I типъ, 1-й варіантъ.

17. Бронзовая фибула. Марицынъ, Херсон. губ. M. Ebert, Praeh. Zeit., V, S. 78, Abb. 87.
18. Бронзовая фибула. Ольвія. Изв. Имп. Арх. Ком., в. 8, рис. 69. —
19. Бронзовая фибула. Богодаръ, Алек. у., Екатерин. губ. Отч. Имп. Арх. Ком. за 1891, стр. 87, рис. 67.
20. Бронзовая фибула. Керчь. B. Salin, Die altgermanische Thierornamentik, St. 1904, S. 6, Abb. 9.
21. Бронзовая фибула. Анапа. Отч. Имп. Арх. Ком. за 1894 г., стр. 85, рис. 140. —

I типъ, 2-й варіантъ.

22. Бронзовая фибула. Керчь. B. Salin, o. c., S. 9, Abb. 10.
23. Бронзовая фибула. Керчь. O. Almgren, Studien über nordeuropäische Fibelformen. Leipzig 1923, Taf. VII, Abb. 156.
24. Золотая фибула. Стан. Тифлисская, Куб. обл. Отч. Имп. Арх. Ком. за 1900, стр. 103. —
25. Серебряная фибула. Майкопъ. Куб. обл. M. Ebert, Praeh. Zeit., I, 1909, S. 74, Abb. 6.

I типъ, 3-й варіантъ.

26. Бронзовая фибула. Ольвія. L. Niederle, Život starých slovanů. Díl I, svaz. 2, str. 533, tab. XX, 20.
27. Бронзовая фибула. Крымъ. Собр. Москов. Истор. Музея.

II типъ.

28. Бронзовая фибула. Николаевка, Херсон. губ. M. Ebert, Praeh. Zeit., V, S. 85, Abb. 94.
29. Серебряная фибула. Стан. Тимошеев., Куб. Обл. Отч. Имп. Арх. Ком. за 1894 г., стр. 38, рис. 41.
30. Бронзовая фибула. Керчь. O. Almgren, o. c., Taf. VIII, Abb. 157.
31. Серебряная фибула. Можары, Камыш. у. Сарат. губ. Отч. Имп. Арх. Ком. за 1898, стр. 77-78, рис. 140.
32. Бронзовая фибула. Керчь. Отч. Имп. Арх. Ком. за 1894, стр. 90, рис. 153. —
33. Бронзовая фибула. Николаевка, Херсон. губ. M. Ebert, Praeh. Zeit., V, S. 87, Abb. 96.
34. Бронзовая фибула. Керчь. B. Salin, o. c., S. 9, Abb. 13a.

III типъ.

35. Бронзовая фибула. Тамбов. губ. O. Almgren, o. c., S. 241, Taf. VII, Abb. 172.
36. Бронзовая фибула. Кошиб. мог., Тамбов. губ. А. А. Спицынъ, Древности бас. рѣкъ Оки и Камы. Мат. по арх. Россіи, № 25, СПБ, 1901, табл. IX, рис. 5.
37. Бронзовая фибула. Николаевка, Херсон. губ. M. Ebert, o. c., S. 93, Abb. 105.
38. Бронзовая фибула. Николаевка, Херсон. губ. M. Ebert, o. c., S. 88, Abb. 98.

39. Бронзовая фибула. Кошиб. мог., Тамбов. губ. А. А. Спицынъ, о. с., табл. IX, рис. 4.
40. Бронзовая фибула. Керчь. Отч. Имп. Арх. Ком. за 1894, стр. 90, рис. 152.
41. Золотая фибула. Таращан. у., Кіев. губ. Собраніе Б. И. и В. И. Ханенко, Древности Приднѣпровья, в. IV, табл. IV, рис. 351.
42. Бронзовая фибула. Керчь. B. Salin, o. c., S. 9, Abb. 12.
43. Бронзовая фибула. Кавказъ. Собр. Москов. Истор. Музея.

IV типъ, 1-й варіантъ.

44. Бронзовая фибула. Кавказъ. (Самтавр. мог.). E. Chantre, Rech. anthrop. dans le Caucase II, Atlas, 1886, Pl. XLIX, fig. 7.
45. Серебряная фибула. Гагры, Черномор. губ. Изв. Имп. Арх. Ком., вып. 23, стр. 106.
46. Серебряная фибула. }
47. Серебряная фибула. } Веселое, Сочин. у., Черном. губ. Отч. Имп. Арх. Ком. за 1904, стр. 130.

IV типъ, 2-й варіантъ.

48. Серебряная фибула. Гагры, Черном. губ. Изв. Имп. Ахр. Ком., в. 23, стр. 106.

БЛАГОВѢЩЕНІЕ

НОВЫЙ ПАМЯТНИКЪ ГРЕЧЕСКОЙ ИКОНОПИСИ

Икона Благовѣщенія, служащая предметомъ настоящихъ замѣтокъ, въ свое время обратила на себя вниманіе покойнаго Никодима Павловича Кондакова, указавшаго на значительность и цѣнность памятника, не высказавъ, однако, своихъ соображеній о времени и мѣстѣ его происхожденія [1] (см. табл. XIX).

Разсматриваемый памятникъ представляетъ собой икону большого размѣра (высота 53 cm, ширина $39^1/_2$ cm), могшую служить „выносной" иконой праздника въ церковномъ обиходѣ (и въ этомъ случаѣ помѣщаться въ „праздничномъ" ярусѣ иконостаса), или же просто „моленной" — въ домашнемъ. Написана икона на гладкой доскѣ (толщина 1,7 cm), составленной изъ двухъ досокъ, скрѣпленныхъ въ свое время двумя поперечинами, нынѣ оторванными,[2] по левкасу на холстѣ („съ поволокой").[3] Фонъ иконы былъ крытъ золотомъ, о чемъ свидѣтельствуютъ слѣды его въ разныхъ мѣстахъ (вокругъ архитектуръ, дерева, сіянія, по верхнему краю и т. д.), а также и тамъ гдѣ облупилась краска; послѣднее указываетъ на то, что образъ писался уже поверхъ вызолоченнаго фона. Рисунокъ сдѣланъ по левкасу своего рода гравировкой, контура въ мѣстахъ, гдѣ краска облупилась, показываютъ углубленія, въ неповрежденныхъ мѣстахъ незамѣтныя подъ краской. Послѣднее даетъ возможность возстановить рисунокъ попорченныхъ мѣстъ. Нѣкоторыя части контуровъ прочерчены еще и золотомъ, напр.: края мафорія и обувь Богоматери, сандаліи ангела, его жезлъ, отдѣльныя детали архитектуры (маленькіе „балкончики" и крыша строенія, позади ангела, а также края занавѣси на немъ). Крылья ангела, клавы его хитона, тронъ, нижняя подушка на немъ, сіяніе наверху (надъ сходящимъ Святымъ Духомъ), дерево и нѣкоторыя детали архитектуры — шраффированы золотомъ. Золотомъ же исполнены украшенія (звѣздочки и бахромки) мафорія

---

1) Икона принадлежитъ кн. Н. Г. Яшвиль, получившей ее въ 1922 г. въ качествѣ подарка и благословенія отъ г-жи Анастасіадесъ, на островѣ Антигони близъ Константинополя. По словамъ г-жи Анастасіадесъ, находящейся уже въ весьма преклонномъ возрастѣ (105 лѣтъ), икона пробыла въ ихъ семьѣ не менѣе трехъ поколѣній. Н. П. Кондаковъ неоднократно смотрѣлъ икону и высказывался о ней, бывая у ея владѣлицы, а также, когда икону приносили къ нему на домъ. Сужденіе Н. П. удалось слышать и пишущему эти строки. Н. П. считалъ икону не позднѣе XVII вѣка.

2) На оборотной сторонѣ ясно видны слѣды этихъ поперечинъ; благодаря отсутствію этихъ скрѣпъ доски чуть разошлись, отъ чего надтреснулъ левкасъ; трещина проходитъ черезъ всю фигуру Богоматери.

3) Видѣть это можно въ мѣстахъ, гдѣ левкасъ нѣсколько оббитъ, напр. по нижнему краю иконы; левкасъ составляетъ одну массу съ холстомъ, видимо предохранявшимъ его отъ выщербливанья и трещинъ, которыхъ и нѣтъ нигдѣ на иконѣ (даже въ мѣстѣ соединенія досокъ левкасъ не далъ с. г. трещины, а лишь чуть надтреснулъ).

Богоматери и занавѣси на одномъ изъ строеній. На одеждахъ золотой шраффировки нѣтъ; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ мелкіе блики представляютъ своего рода шраффировку (однако не бѣлилами, а лишь болѣе свѣтлымъ тономъ той же краски), напоминающую характерные пріемы золотой шраффировки (на мафоріи Б. М. и гиматіи ангела; см. ниже). Краски иконы слѣдующія: мафорій Богоматери — пурпурный (лиловый); двумя оттѣнками темно-зеленаго исполнены одежды (гиматій вдаетъ въ оливковый) ангела, хитонъ Б. М. а также повой подъ мафоріемъ, нижняя часть (нешраффированная) крыльевъ ангела, нижняя подушка на тронѣ, крыша одного изъ домовъ, листва дерева, сіяніе съ исходящими изъ него лучами; верхняя часть (шраффированная) крыльевъ ангела, верхняя подушка на тронѣ, возвышеніе (родъ помоста или пульпита), на которомъ стоитъ Б. М., и завѣса на домѣ, позади ангела, — киноварныя; архитектуры частью сѣрыхъ тоновъ, частью свѣтлой охры; земля передана темной охрой съ болѣе свѣтлымъ на ней рисункомъ въ видѣ неправильныхъ и безпокойныхъ зигзаговъ. Нимбы золотые. Лики писаны мягко, безъ рѣзкихъ переходовъ отъ тѣни къ свѣту и почти безъ оживокъ чистыми бѣлилами (см. табл. XX, 1, 2). Надписи: **ОА̃ ГАВРІНЛ** и **МР ΘѴ** — сдѣланы золотомъ съ чернымъ контуромъ. Наверху была надпись ὁ εὐαγγελισμός, отъ которой остались лишь слѣды отдѣльныхъ буквъ: двѣ гаммы въ видѣ лѣсенки **гГ**, **І**, **С**, **М**, **О** и фрагменты другихъ; послѣднее **О** подходитъ вплотную къ сіянію и гдѣ помѣщалась конечная сигма неизвѣстно, м. б. подъ **О**, а м. б. она закрыта сіяніемъ (врядъ ли она могла быть съ другой стороны его). Эта надпись сдѣлана киноварью. Самое изображеніе окружено каймой (шириной около 1 cm), написанной золотомъ; наверху и внизу имѣются кромѣ того и красныя полосы.

*

Попытаемся же сразу, оставивъ въ сторонѣ иконографическую характеристику, опредѣлить кругъ, родственныхъ нашей иконѣ, памятниковъ, заключающій и ее въ себѣ. Размѣры иконы соотвѣтствуютъ размѣрамъ моленныхъ иконъ греко-итальянской или итало-критской школы (отъ 10 до 12 вершковъ = 45—55 cm).[1] Относительно левкаса сказать можно очень мало; т. н. „левкасъ съ поволокой" (т. е. съ холстомъ) засвидѣтельствованъ для итальянскихъ иконъ XIII—XIV в. в.[2] Обычно этотъ способъ левкашенья считается заимствованнымъ съ Запада[3]; повидимому онъ примѣнялся въ греко-итальянской и поздней греческой иконописи. Въ отношеніи углубленнаго рисунка данныхъ для сравненія у меня нѣтъ, однако можно предположить, что съ этой чертой техники былъ связанъ и левкасъ на холстѣ, нелущившійся отъ этой св. р. гравировки или рѣзьбы. Гладкая доска (отсутствіе повышенной рамки и углубленія средняго четыреугольника) — признакъ итальянскихъ иконъ, принятый однако и въ позд-

---

[1]) О размѣрахъ иконъ см.: Н. П. Кондаковъ: Иконографія Богоматери. Связи греческой и русской иконописи съ итальянской живописью ранняго Возрожденія, СПб. 1911, стр. 92; и Памятники христіанскаго искусства на Аѳонѣ, СПб. 1902, стр. 129—30.

[2]) И. М. Хозеров: Памятник раннего итальянского Возрождения 13 века из собрания Смоленского Государственного историко-этнографического музея (Смоленск, 1924, отд. отт. из Трудов Смол. Гос. музеев, в. I), стр. 6.

[3]) Д. А. Ровинскій: Обозрѣніе иконописанія въ Россіи, 1903, стр. 59—60.

XIX

Богоматери и занавѣси на одномъ изъ строеній. На одеждахъ золотой шраффировки нѣтъ; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ мелкіе блики представляютъ своего рода шраффировку (однако не бѣлилами, а лишь болѣе свѣтлымъ тономъ той же краски), напоминающую характерные пріемы золотой шраффировки (на мафоріи Б. М. и гиматіи ангела; см. ниже). Краски иконы слѣдующія: мафорій Богоматери — пурпурный (лиловый); двумя оттѣнками темно-зеленаго исполнены одежды (гиматій вдаетъ въ оливковый) ангела, хитонъ Б. М. а также повой подъ мафоріемъ, нижняя часть (нешраффированная) крыльевъ ангела, нижняя подушка на тронѣ, крыша одного изъ домовъ, листва дерева, сіяніе съ исходящими изъ него лучами; верхняя часть (шраффированная) крыльевъ ангела, верхняя подушка на тронѣ, возвышеніе (родъ помоста или пульпита), на которомъ стоитъ Б. М., и завѣса на домѣ, позади ангела, — киноварныя; архитектуры частью сѣрыхъ тоновъ, частью свѣтлой охры; земля передана темной охрой съ болѣе свѣтлымъ на ней рисункомъ въ видѣ неправильныхъ и безпокойныхъ зигзаговъ. Нимбы золотые. Лики писаны мягко, безъ рѣзкихъ переходовъ отъ тѣни къ свѣту и почти безъ оживокъ чистыми бѣлилами (см. табл. XX, 1, 2). Надписи: **ОА ГАВРІНЛ** и **МР ѲV** — сдѣланы золотомъ съ чернымъ контуромъ. Наверху была надпись ὁ εὐαγγελισμός, отъ которой остались лишь слѣды отдѣльныхъ буквъ: двѣ гаммы въ видѣ лѣсенки **гГ**, **I**, **С**, **М**, **О** и фрагменты другихъ; послѣднее **О** подходитъ вплотную къ сіянію и гдѣ помѣщалась конечная сигма неизвѣстно, м. б. подъ **О**, а м. б. она закрыта сіяніемъ (врядъ ли она могла быть съ другой стороны его). Эта надпись сдѣлана киноварью. Самое изображеніе окружено каймой (шириной около 1 cm), написанной золотомъ; наверху и внизу имѣются кромѣ того и красныя полосы.

*

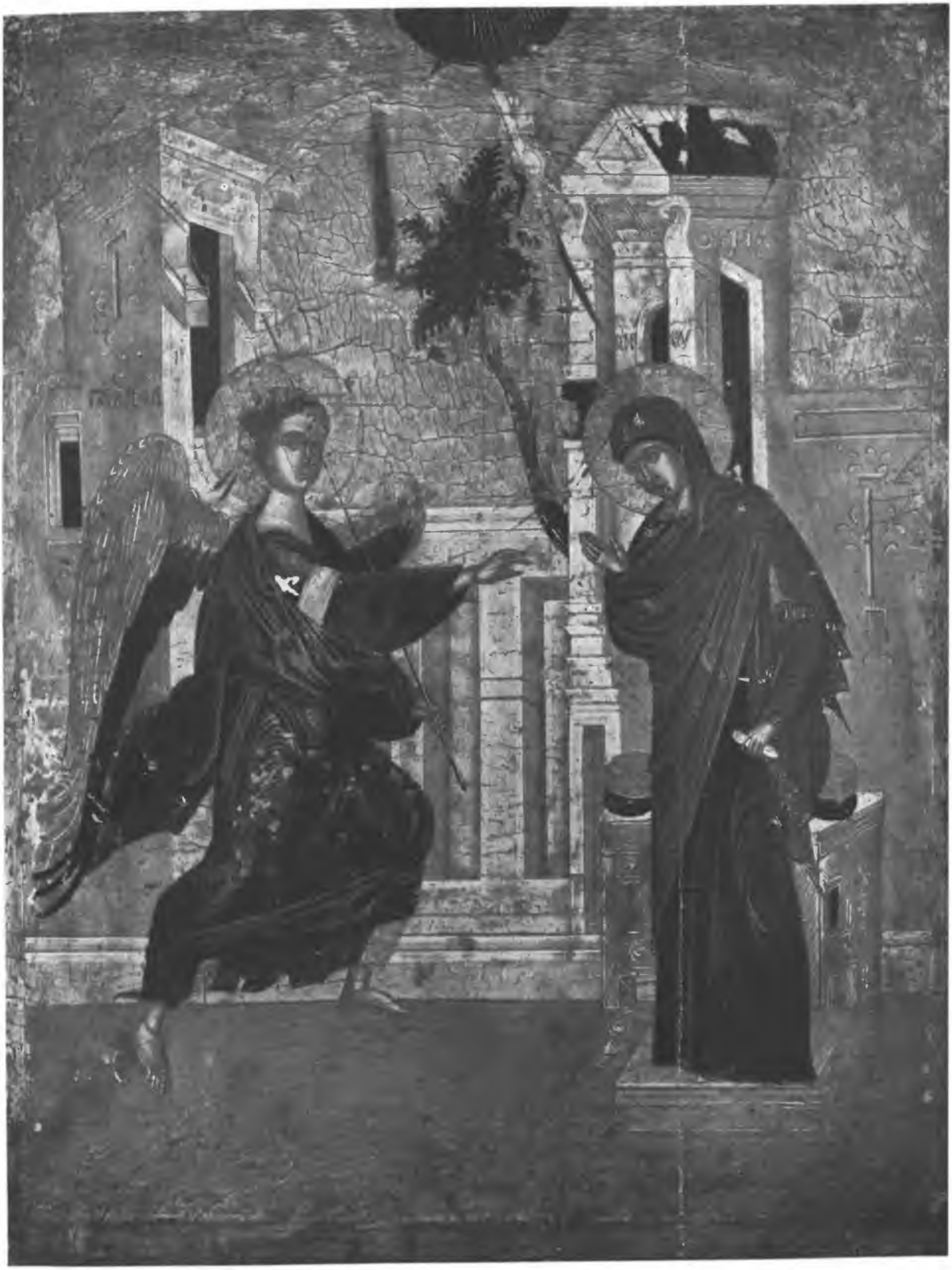
Попытаемся же сразу, оставивъ въ сторонѣ иконографическую характеристику, опредѣлить кругъ, родственныхъ нашей иконѣ, памятниковъ, заключающій и ее въ себѣ. Размѣры иконы соотвѣтствуютъ размѣрамъ моленныхъ иконъ греко-итальянской или итало-критской школы (отъ 10 до 12 вершковъ = 45—55 cm).[1] Относительно левкаса сказать можно очень мало; т. н. „левкасъ съ поволокой“ (т. е. съ холстомъ) засвидѣтельствованъ для итальянскихъ иконъ XIII—XIV в. в.[2] Обычно этотъ способъ левкашенья считается заимствованнымъ съ Запада[3]; повидимому онъ примѣнялся въ греко-итальянской и поздней греческой иконописи. Въ отношеніи углубленнаго рисунка данныхъ для сравненія у меня нѣтъ, однако можно предположить, что съ этой чертой техники былъ связанъ и левкасъ на холстѣ, нелущившійся отъ этой св. р. гравировки или рѣзьбы. Гладкая доска (отсутствіе повышенной рамки и углубленія средняго четыреугольника) — признакъ итальянскихъ иконъ, принятый однако и въ позд-

---

¹) О размѣрахъ иконь см.: Н. П. Кондаковъ: Иконографія Богоматери. Связи греческой и русской иконописи съ итальянской живописью ранняго Возрожденія, СПб. 1911, стр. 92; и Памятники христіанскаго искусства на Аѳонѣ, СПб. 1902, стр. 129—30.

²) И. М. Хозеров: Памятник раннего итальянского Возрождения 13 века из собрания Смоленского Государственного историко-этнографического музея (Смоленск, 1924, отд. отт. из Трудов Смол. Гос. музеев, в. I), стр. 6.

³) Д. А. Ровинскій: Обозрѣніе иконописанія въ Россіи, 1903, стр. 59—60.

ней греческой иконописи.[1] Золотые фона характерны для „лучшей эпохи" итало-критской иконописи, именно XV—XVI в. в.[2] Пропорціи фигуръ нашей иконы находятся въ извѣстномъ соотвѣтствіи съ пропорціями на Аѳонскихъ фрескахъ XV—XVI в. в.,[3] а также и въ греческой иконописи XVII в.[4] Фигура Дѣвы Маріи, Ея поза, жестъ, наклонъ головы, трактовка складокъ одежды, характернымъ способомъ заброшенный на лѣвое плечо край мафорія, образующій родъ пазухи для правой руки, наконецъ форма пряжи въ лѣвой рукѣ, нѣсколько напоминающая свитокъ, находятъ ближайшія аналогіи, съ одной стороны, во фрескѣ Георгіевскаго параклиса монастыря Св. Павла на Аѳонѣ (1423 г.?),[5] съ другой (кромѣ пряжи, которая замѣнена книгой) — въ подписной иконѣ критскаго художника Эммануила Тцане (1640 г.).[6] Наоборотъ фигура архангела въ позѣ сильнаго движенія[7] аналогична съ фресками Пантанассы въ Мистрѣ[8] (ок. 1430 г.) и трапезы въ Лаврѣ Св. Аѳанасія на Аѳонѣ, (XVI в.),[9] а также съ итало-критской иконой складня съ именемъ Николая Зафури,[10] но существенно отличается отъ иконы Тцане. На послѣдней поза не выражаетъ такъ рѣзко и живо движенія только что вставшаго на землю ангела, какъ на нашей иконѣ, хотя и воспроизводитъ всѣ детали положенія фигуры и размѣщенія складокъ одежды. Вмѣстѣ съ тѣмъ фигура лишена легкости, плотно поставлена на землю, и поэтому теряетъ органическій смыслъ своей позы, вызванной сильнымъ движеніемъ и рѣзкой его остановкой. Это обстоятельство сразу же вызываетъ предположеніе, что трактовка ангела на нашей иконѣ старше, чѣмъ на критской, и что послѣдняя есть ничто иное, какъ неловкое воспроизведеніе первой, объясняемое непониманіемъ смысла позы. Архитектурная обстановка, появленіе дерева, сіяніе и лучъ сходящаго на Б. М. Святаго Духа — даютъ немного; объясненіе смысла этихъ деталей входитъ въ задачу характеристики иконографическаго перевода (о чемъ ниже); въ отдѣльныхъ же деталяхъ аналогіи представляютъ опять аѳонскія фрески XVI в., напр. упомянутая фреска трапезы въ Лаврѣ. Замѣчу еще, что архитектуры иконы Тцане отличаются отъ нашей

---

[1]) Н. П. Кондаковъ: Ик., Б. М., 1911. стр. 93; см. также: Γ. Σωτηρίου· Ὁδηγὸς Βυζαντινοῦ Μουσείου Ἀθηνῶν, 1924, т. 7, n° n° 21—22 (стр. 92) и рис. 32, n° 4 (стр. 88).

[2]) Н. П. Кондаковъ, тамъ же.

[3]) См.: G. Millet: Recherches sur l'iconographie de l'Évangile, Paris, 1916, fig. 27; Л. Никольскій: Историческій очеркъ аѳонской стѣнной живописи (Иконописный Сборникъ в. I, СПб. 1907) рис. на стр. 13—15, табл. послѣ стр. 16, р. на стр. 40, табл. стр. 42 и др.; и в. II, табл. передъ стр. 81, послѣ стр. 86, 88 и др.; всюду около 7—8 головъ.

[4]) O. Wulff und M. Alpatoff: Denkmäler der Ikonenmalerei, Hellerau, 1925, abb. 100.

[5]) Millet: Recherches, fig. 27.

[6]) Wulff — Alpatoff, o. c., abb. 100.

[7]) „Ange courant" — Millet, Recherches, p. 87, что соотвѣтствуетъ 3-ему типу, въ болѣе ранней классификаціи того же ученаго см.: G. Millet: Quelques représentations de la salutation angélique, Bulletin de Correspondance Hellénique, t. XVIII, 1894, p. p. 481—2.

[8]) См. G. Millet: Monuments byzantins de Mistra, Paris, 1910, pl. 139, 1; или фотографію Георгіади въ его альбомѣ: Μυστρᾶ, n° 109.

[9]) Н. П. Кондаковъ: Аѳонъ, табл. VI, стр. 71; и Millet: Recherches, fig. 30.

[10]) Н. П. Лихачевъ: Матеріалы для исторіи русскаго иконописанія, СПб. 1906, атласъ, ч. I, т. LXXX, n° 140 и стр. 5; икона носитъ всѣ слѣды своего явно итальянскаго происхожденія (иконографія — книга у Б. М., шраффировка, см. ниже); Н. П. Кондаковъ (Ик. Б. 1911, стр. 13—5) датировалъ одно изъ изображеній этого складня (Рождество Христово — n° 141 Лихачева = рис. 7 Кондакова) первой половиной XV вѣка.

своей сложностью и живописностью своихъ формъ, что опять указываетъ на большую древность нашей иконы; однако въ нѣкоторыхъ, несомнѣнно архаизирующихъ, иконахъ той же критской школы XVII в. можно встрѣтить формы аналогичныя архитектурамъ на нашей иконѣ.[1] Наличіе только сіянія и луча сходящаго Св. Духа тоже черта, отличающая нашу икону отъ иконописи XVII в. и приближающая къ памятникамъ византійскаго искусства или аѳонскимъ фрескамъ.[2] Какъ мелкую деталь, аналогичную съ иконой Тцане, можно указать золотую контуровку мафорія Б. М. и сандалій ангела, однако м. б. не лишнимъ будетъ замѣтить, что ту же черту можно встрѣтить въ итальянской иконописи гораздо болѣе ранняго времени.[3] Въ остальныхъ мелочахъ, если искать аналогій нашей иконѣ, придется обратиться: отчасти къ поздне-византійской миніатюрѣ (орнаментація архитектурныхъ деталей — стѣнокъ и т. п.),[4] фрескамъ Аѳона (то же) и Мистры (манера изображать почву безпокойными зигзагами и бликами)[5] и греко-итальянской иконописи XV—XVI в.в. (тронъ и т. п.).[6] Наконецъ надписи соотвѣтствуютъ надписямъ на аѳонскихъ фрескахъ XV—XVI в.в. и воспроизводятъ деталь, встрѣчающуюся обычно въ иконописи XIV в. (расположеніе двухъ гаммъ лѣсенкой).[7]

Наиболѣе существеннымъ даннымъ для опредѣлеія нашей иконы является манера письма ликовъ (также рукъ и ногъ) вмѣстѣ съ самой техникой ихъ прописки (см. детали, воспроизведенныя въ натуральную величину, табл. XX, 1, 2). Опредѣляющимъ моментомъ здѣсь служитъ ближайшая аналогія съ группой иконъ (гл. обр. Б. М.), объединяемыхъ обычно названіемъ греко-итальянскихъ или итало-критскихъ и относящихся большею частью къ XV—XVI в. в.[8]) Характерной чертой, присоединяющей и нашу икону къ указанной группѣ, является мягкость переходовъ отъ тѣни къ свѣту, сгущеніе тѣней по краямъ лика и во впадинахъ (глазныхъ, около носа, рта и т. п.), наконецъ ровное свѣтовое пятно выдѣляющее форму щеки, повернутой къ зрителю. Эта манера отличается отъ

---

[1]) См. напр. икону Срѣтенія съ подписью іеромонаха Филоѳея Скуфа (1669), Γ. Σωτηρίου: Ὀδηγὸς Β. Μ. Ἀθ., стр. 88, n° 4, рис. 32.

[2]) Ср. икону Тцане, гдѣ на небѣ изображенъ Богъ-Отецъ въ сонмѣ ангеловъ и т. д., причемъ все это носитъ печать какой то слащавости характера изображеній Святыхъ Барокко, съ иконой — мозаикой въ Кенсингтонскомъ музеѣ (O. M. Dalton, East Christian art, Oxford, 1925, pl. XLVI) или миніатюрами Акаѳиста Моск. Синод. библ. n° 429 (Фотографичскіе снимки съ миніатюръ греческихъ рукописей и т. д., в. I, Москва, 1862, т. 2, 3, 4); и здѣсь наша икона соотвѣтствуетъ упоминавшейся уже не разъ фрескѣ трапезы въ Лаврѣ Св. Аѳанасія на Аѳонѣ (Millet, Rech. fig., 30), а также итало-критской иконѣ Благовѣщенія XV в. (Н. П. Лихачевъ: Матеріалы, т. LXXX n° 140).

[3]) Напр. у Дуччіо, см.: Curt H. Weigelt: Duccio di Buoninsegna (Lpzg 1911, Kunstgeschichtliche Monographien XV), taf. 23, 25—9, 35—8.

[4]) См. упоминавшіяся миніатюры Акаѳиста Б. М. Моск. Син. библ. n° 429.

[5]) Millet, Mistra, pl. 139, 1. — фреска Пантанассы.

[6]) Икона Б. М. во Флоренціи (XV в.) — см. Н. П. Кондаковъ, Ик. Б. М., 1911, рис. 84; ср. также Н. П. Лихачевъ: Матеріалы, атласъ, ч. I, т. XXV, 51.

[7]) См. Millet, Rech., fig. 27; и Dalton, East chr. art. pl. XLV, XLVI.

[8]) Наиболѣе полно эта группа представлена въ „Матеріалахъ для исторіи русскаго иконописанія“ Н. П. Лихачева, СПБ. 1906, атласъ ч. I, т. т. XXXII—XLVIII, n° n° 63—82 (въ особенности т. XXXVI, n° 67; т. XL, n° 72 и т. XLVI n° 79), отчасти т. LVII, n° 95 и т. LXXVIII n° n° 134—5. Нѣкоторыя изъ указанныхъ иконъ повторены у Н. П. Кондакова, Ик. Б. М., 1911, рис. 103, 106, 107, 130, 131, а также 87 (невоспроизведенный въ Матеріалахъ Н. П. Лихачева).

чисто-византійской манеры письма ликовъ,[1] равно какъ и отъ итальянской.[2] Съ одной стороны она стремится передать пластику лика (что въ сущности удаляетъ ее отъ иконописной манеры), съ другой въ ней нельзя искать и слѣдовъ „натуралистической анатоміи“ лица, ибо она руководится своимъ особымъ „канономъ“ его построенія (черта чисто иконописная). Послѣднему соотвѣтствуетъ и самая техника прописки свѣтовыхъ пятенъ лика (т. н. „верхняго вохренія“) тонкими параллельными линіями (см. т. XX, 3 деталь въ двойномъ увеличеніи),[3] слѣдующими вовсе не линіямъ натуры, а лишь важнѣйшимъ направленіямъ тѣней (вдоль) и свѣтовъ (поперекъ). Техника эта опредѣлена Н. П. Лихачевымъ, какъ характерный признакъ итало-критской иконописи, ей одной присущій, что принято и другими изслѣдователями (Н. П. Кондаковъ, G. Millet).[4] Тѣни на ликахъ нашей иконы проложены коричневой краской, въ полутонахъ — чуть сѣроватой; блики на гиматіи ангела (темно-оливковомъ) отливаютъ коричневымъ, чуть рыжеватымъ. Все это пріемы, соотвѣтствующіе той же итало-критской иконописи.[5] Затѣмъ слѣдуетъ сказать, что пріемы шраффировки золотомъ (крылья ангела, тронъ и т. п.) на нашей иконѣ соотвѣтствуютъ таковымъ же въ итало-критской иконописи,[6] однако лишь въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ она не имѣетъ чертъ характерной итальянской шраффировки.[7] Однако черты этой послѣдней отразились на другомъ пріемѣ въ нашей иконѣ, именно мелкихъ бликахъ въ видѣ черточекъ, иногда съ болѣе широкими перемычками (см. мафорій Б. М. или гиматій ангела).[8] Наконецъ слѣдуетъ замѣтить, что „оживки“ чистыми бѣлилами сдѣланы весьма тонко, такъ что сразу ихъ можно не замѣтить, онѣ имѣются въ углахъ глазъ, на носу, около рта и на шеѣ (ангела), на рукахъ и на ногахъ ангела; бѣлилами же исполнены бѣлки глазъ.

Подводя итоги сказанному, необходимо сразу же установить принадлежность нашей иконы къ итало-критской иконописи, на что указываютъ и манера и техническіе пріемы письма, и рядъ другихъ болѣе или менѣе важныхъ чертъ (размѣры, внѣшній видъ, золотой фонъ, отдѣльныя детали, краски и т. п.) Въ

---

[1]) Ср. напр. Охридскія иконы, Н. П. Кондаковъ. Македонія, СПБ. 1909, т. т. V—XII.

[2]) См. Н. П. Кондаковъ. Ик. Б. М., 1911, рис. 76, 80, 81, 97, 99, 105, 110, 129; въ этомъ отношеніи весьма поучительно сравненіе, напр. рис. 105 съ 106, или 129 съ 130.

[3]) Это различимо на ликахъ Б. М. и ангела (т. XX, 1, 2) и, лучше всего на правой ногѣ ангела (въ лупу же совсѣмъ явственно — т. XX, 3); на упомянутыхъ таблицахъ въ „Матеріалахъ“ Н. П. Лихачева (особенно т. т. XXXII—XXXIII) можно прекрасно различить ту же технику.

[4]) Н. П. Лихачевъ: Историческое значеніе итало-греческой иконописи, СПБ. 1911, стр. 30; Н. П. Кондаковъ: Ик. Б. М., 1911, стр. 100; G. Millet: Recherches, p. 665.

[5]) Н. П. Кондаковъ: Ик. Б., 1911, стр. 94.

[6]) Ср. упоминавшуюся икону Флорентійскихъ Уффицій, Н. П. Кондаковъ, Ик. Б. 1911, рис. 84 или Dalton, Byzantine art and archaeology, Oxford 1911, fig. 194.

[7]) См. шраффировку на иконѣ Благовѣщенія въ „Матеріалахъ“ Н. П. Лихачева, т. LXXX, nº 140; ср.: Мадонну Варнавы изъ Модены (Кондаковъ, Ик. Б. 1911, рис. 80), иконы Дуччіо, ему приписываемыя и его школы (С. Н. Weigelt, o. c., taf. 20, 39, 40, 42, 56—8), а также упомянутую икону Смол. музея (Хозеровъ, уп. соч., т. XVIII), нынѣ находящуюся въ Моск. Истор. Музеѣ.

[8]) См. предыдущее примѣчаніе. Не лишнимъ будетъ замѣтить, что на только что упомянутой иконѣ Благовѣщенія (Лихачевъ, Мат., т. LXXX, nº 140) одежды шраффированы золотомъ именно въ итальянской манерѣ. Икона эта принадлежитъ къ складню съ именемъ Николая Зафури (Н. П. Лихачевъ, тамъ же, стр. 5), характерной чертой котораго является также итальянская иконографія (см. также nº 141); Н. П. Кондаковъ (Ик. Б. 1911, стр. 13—15) считаетъ икону образцомъ итало-критской иконописи первой половины XV вѣка.

предѣлахъ итало-критской иконописи (хотя и въ различныхъ ея группахъ) хронологически крайнія аналогіи датируются первой половиной XV в. (икона Зафури — итальянская группа) и серединою XVII в. (икона Тцане — поздне-греческая группа). Сравненіе съ иконой Тцане заставляетъ считать нашу икону древнѣе ея. Большинство стилистическихъ аналогій приводило насъ къ фрескамъ Аѳона и Мистры, изъ чего можно заключить, что икона возникла на греческой почвѣ. Хронологически эти аналогіи укладываются въ намѣченныя рамки (Георгіевскій придѣлъ монастыря Свят. Павла на Аѳонѣ относится обычно къ 1423 г.[1]; Пантанасса въ Мистрѣ — 1430; Трапеза Лавры Св. Аѳанасія на Аѳонѣ — XVI в.[2]). Если сопоставить со всѣмъ этимъ тотъ фактъ, что въ серединѣ XVI в. (1535—1564) на Аѳонѣ работали критскіе живописцы (монахъ Ѳеофанъ и др.),[3] то невольно явится мысль не на Аѳонѣ ли въ серединѣ XVI вѣка и написана наша икона. Мнѣ кажется, что относительно даты сомнѣній быть не можетъ. Но окончательнаго разрѣшенія вопроса о мѣстѣ будемъ искать въ опредѣленіи иконографическаго перевода нашей иконы.

Благодаря любезности профессора G. Millet, которому считаю долгомъ принести свою глубокую благодарность за присылку фотографій недоступныхъ для меня фресокъ, могу увеличить число аѳонскихъ аналогій еще двумя произведеніями критскихъ мастеровъ: 1. фреской каѳоликона Лавры (1535 г.) — лишь въ томъ, что касается фигуры Б. М. (фреска очень близка неоднократно упоминавшемуся изображенію мон. Св. Павла, см. выше), 2. фреской въ Ксенофѣ (1545), представляющей ближайшую (изъ всѣхъ упомянутыхъ) аналогію нашей иконѣ, какъ въ позахъ обѣихъ фигуръ, такъ и въ архитектурномъ фонѣ, отдѣльныхъ деталяхъ и характерныхъ чертахъ исполненія (мелкіе блики, напоминающіе шрафировку, см. выше).[4]

Переходя къ иконографической характеристикѣ нашего памятника, прежде всего слѣдуетъ указать на соотвѣтствіе иконографическаго перевода описанію композиціи „Господскаго праздника“ Благовѣщенія въ Ерминіи.[5] Типъ этотъ, возводимый обычно къ древнему сирійскому оригиналу, характеризуется позой и жестомъ Дѣвы Маріи, принимающей благовѣстіе ангела стоя, правой рукой

---

[1]) G. Millet (Recherches, p. p. 660—1) склоняется къ XVI вѣку, считая надпись, на которой основана датировка, подозрительной, приписываетъ роспись критянамъ и датируетъ, какъ онъ мнѣ любезно сообщилъ, 1555 г. (письмо отъ 17. I. 1927).

[2]) Н. П. Кондаковъ (Аѳонъ, стр. 71) считаетъ основательнымъ мнѣніе Преосв. Порфирія Успенскаго о принадлежности росписи Лаврской трапезы критянину Ѳеофану; ср. Никольскій, Ист. оч. Аѳ. ст. жив.; Ик. сб. I, стр. 40—1. G. Millet (Recherches, p. 634) и Ch. Diehl (Manuel, 2e éd., 1926, t. II, p. 846) видятъ здѣсь черты вліянія македонской школы; послѣдній датируетъ роспись трапезы 1512 годомъ (ibidem, p. 854).

[3]) О дѣятельности критскихъ мастеровъ на Аѳонѣ см. также: G. Millet, Recherches, p. p. 659—61.

[4]) Сообщенныя фотографіи составятъ: pl. 119, 4, 5 (Лавра) и pl. 182, 1, 2 (Ксенофъ) въ долженствующей въ ближайшемъ будущемъ выйти въ свѣтъ публикаціи G. Millet: Monuments de l'Athos, I. О датировкѣ упомянутыхъ фресокъ см.: G. Millet: Rech., p. p. 659—61; Quelques représ. de la salut. angél., B. C. H., t. XVIII, 1894, p. 465; и Никольскій, уп. соч., стр. 40—5.

[5]) Didron: Manuel d'iconographie, 1845, p. 155; по ошибкѣ (вѣроятно переводчика) въ описаніи указанъ архангелъ Михаилъ (archange Saint Michel) и копье въ его лѣвой рукѣ, хотя въ скобкахъ и говорится: »un bâton, long comme un bâton de lance«. Изданіе Ерминіи Паппадопуло-Керамевса 1909 г. мнѣ недоступно, его нѣтъ въ Пражскихъ библіотекахъ.

дѣлая жестъ изумленія, въ лѣвой держа пряжу.[1] Перечень изображеній Благовѣщенія этого типа указываетъ на всеобщее его распространеніе въ эпоху XIII—XVII в. в., однако уже надписи позволяютъ включить нашу икону въ греческую группу воспроизведеній этого типа.[2] Но и въ предѣлахъ этой группы отдѣльныя детали позволяютъ различать варіанты типа, объясняемые легче всего особенностями мѣстнаго происхожденія.

Разсматриваемый типъ иногда, и съ основаніемъ, обозначаютъ какъ иконный — иконописный.[3] Дѣйствительно онъ засвидѣтельствованъ для нѣсколькихъ группъ иконъ. Изображеніе въ верхнемъ лѣвомъ углу иконы четырехъ „Господскихъ" праздниковъ (Благовѣщенія, Рождества, Крещенія и Преображенія), происходящей изъ одного изъ монастырей Натронской долины въ Египтѣ (Deir-es-Sûriâni?), нынѣ въ Британскомъ Музеѣ, и датируемой обычно XIII—XIV в. в.,[4] указываетъ, что наиболѣе простой варіантъ этого типа былъ принятымъ въ греко-восточной иконописи. Икона-мозаика Благовѣщенія въ Кенсингтонскомъ Музеѣ,[5] а также изображеніе на одной изъ извѣстныхъ мозаикъ 12-ти праздниковъ во Флоренціи[6] позволяютъ считать его обычнымъ и для византійской мозаической иконописи времени Палеологовъ. Однако варіантъ представляетъ существенныя отличія отъ предыдущаго, заключающіяся въ характерномъ поворотѣ фигуры Дѣвы Маріи, позѣ ангела (фигура почти въ профиль съ выдвинутой впередъ правой ногой — типъ идущаго ангела),[7] но гл. обр. въ архитектурномъ фонѣ. На спеціальное религіозное значеніе изображенныхъ зданій указываетъ крестъ на одномъ изъ нихъ; прототипъ же подобнаго архитектурнаго фона, но въ болѣе реальномъ и осмысленномъ видѣ,[8] даетъ намъ миніатюра греческой рукописи менологія XI вѣка (Московской Синодальной библіотеки n°183).[9] Стиль упомянутыхъ мозаическихъ иконъ (въ особенности первой), а также (косвеннымъ образомъ) и послѣдній фактъ, скорѣе всего указываютъ на Константинополь,[10] почему мы и будемъ считать этотъ варіантъ типа — Константинопольскимъ переводомъ иконы праздника.[11]

---

[1]) G. Millet, Rech., p. p. 76, 79; ср.: Ѳ. И. Шмитъ: Благовѣщеніе, Извѣстія Русскаго Археологическаго Института въ Константинополѣ, т. XV, стр. 51—7.

[2]) См.: G. Millet, Rech, p. 77, c: groupe grec.

[3]) »Type iconographique« — Millet, Rech., p. 82, Nota.

[4]) O. M. Dalton: East Christian art, pl. XLV, p. 264—5; Byz. art and arch., f. 155, p. 319; лучшее воспроизведеніе только Благовѣщенія въ открытыхъ письмахъ Музея LIX, 15.

[5]) Dalton, East Chr. art, pl. XLVI, p. 265; O. Wulff — M. Alpatoff, o. c., abb. 40, s. 108; Bayet: L'art byzantin (3e éd. Paris), p. 151, fig. 44; Millet, Rech., p. 694, add. p. 89 n. 1.

[6]) Лихачевъ: Мат., т. IV, 7; Millet, Rech., f. 1; Dalton, Byz. art, f. 254; Wulff—Alpatoff, abb. 41, s. s. 110—1.

[7]) Соотвѣтствуетъ 2-му типу классификаціи Millet, Quelques représent. etc., Bull. Corr. Hell. t. XVIII, 1894, p.p. 481—2.

[8]) Объясненіе значенія отдѣльныхъ зданій см. у G. Millet, Rech., p. p. 88—9.

[9]) Фотографическіе снимки съ миніатюръ греческихъ рукописей, находящихся въ Московской Синодальной библіотекѣ. Изд. Моск. Публичнаго Музеума. М. 1863, в. II, табл. 27, внизу. Архитектурный фонъ: позади трона, передъ которымъ стоитъ Д. М., за стѣнкой высокій домъ съ крестикомъ (ср. икону-мозаику), лѣвѣе длинное зданіе съ окнами, явно базилика, съ частью большой арки на самомъ лѣвомъ планѣ; правѣе аркады съ баллюстрадой надъ ними.

[10]) См. указаніе на сродство со стилемъ мозаикъ Кахріе-Джами у Wulff-Alpatoff, o. c., s. 110. О происхожденіи менологія М. С. б. см.: Ch. Diehl, Manuel, t. II, p. 635; спеціальная работа объ этой рукописи Тренева (Москва 1911) мнѣ недоступна.

[11]) Тотъ же типъ архитектуры (м. б. въ нѣсколько усложненномъ видѣ) сохраняетъ и икона въ Ватопедѣ (Кондаковъ, Аѳонъ, p. 73), какъ то можно судить лишь по вырѣзу оклада (икона плохо сохранилась и рисунокъ мало разборчивъ).

Иной варіантъ, отличный и отъ перваго и, въ особенности, отъ второго, представляетъ наша икона. Фигура Дѣвы Маріи (ея поворотъ, наклонъ головы жестъ) и, отчасти, поза ангела напоминаютъ нѣсколько варіантъ греко-восточной иконописи (ср. икону изъ Египта въ Брит. Муз.), но все же отличаются настолько, что не могутъ быть объединены, какъ представители одного иконографическаго перевода. Переводъ нашей иконы также не является типическимъ и для памятниковъ итало-критской школы, какъ возникшихъ въ Италіи (икона Зафури), такъ и для поздне-греческой ея группы (икона Тцане). Выше уже говорилось, что обѣ фигуры вполнѣ обычны для греческой фресковой живописи Аѳона (Георгіевск. прид. Св. Павла, каѳоликонъ Лавры, — Д. М., Трапеза Лавры — ангелъ, Ксенофъ — обѣ фигуры) и Мистры (Пантанасса — ангелъ) XV—XVI в. в.; т. обр. переводъ нашей иконы д. б. создаться въ кругу близкомъ этимъ центрамъ греческаго религіознаго искусства. Однако можно найти и болѣе опредѣленныя указанія. Однимъ изъ характерныхъ отличительныхъ признаковъ перевода является архитектурный фонъ, не имѣющій торжественнаго и, если можно такъ выразиться, сакрально-историческаго характера Константинопольскаго перевода. Совершенно несомнѣнно, что обѣ постройки вовсе не имѣютъ цѣлью передавать какихъ либо сооруженій религіознаго характера, связанныхъ такъ или иначе съ событіемъ Благовѣщенія. Это просто декоративный фонъ картины, обстановка, гдѣ происходило событіе (дворъ дома или домъ, гдѣ жила Д. М.), безъ претензіи на воспроизведеніе чего бы то ни было, кромѣ принятыхъ въ то время формъ. Характерная особенность этого фона — дерево; его появленіе несомнѣнно продиктовано требованіемъ декоративнаго характера — нужно было оживить монотонную симметрію архитектуръ. Съ другой стороны оно именно указываетъ, что фонъ иконы долженъ передавать только дворъ дома Іосифа и Маріи, а не какія либо сооруженія на его мѣстѣ, т. к. совершенно ясно, что не мѣсто дереву среди базиликъ, церквей, колоннадъ и т. п. Свидѣтельство о томъ, что этотъ иконописный переводъ праздника жилъ именно на Аѳонѣ, мы имѣемъ въ видѣ миніатюры въ циклѣ Господскихъ праздниковъ на поляхъ мѣстной иконы Спасителя въ церкви Св. Евстафія Плакиды, близъ Ивера на Аѳонѣ.[1] Эта миніатюра передаетъ въ точности переводъ нашей иконы, во всѣхъ его деталяхъ, за исключеніемъ лишь нити протянутой наискось фигуры Д. М., отъ Ея лѣвой руки съ пряжей къ правой, дѣлающей тотъ же жестъ, что и на нашей иконѣ. Икону ц. Св. Евстафія Н. П. Кондаковъ отнесъ къ „молдо-влахійскому періоду греческой иконописи“ и XVII вѣку;[2] сомнѣній въ аѳонскомъ происхожденіи иконы, насколько мнѣ извѣстно, высказано не было. Т. обр. можно считать засвидѣтельствованнымъ переводъ нашей иконы на Аѳонѣ для XVII вѣка, самъ же по себѣ фактъ появленія этого перевода въ циклѣ Господскихъ праздниковъ есть указаніе, что переводъ былъ уже твердо установившимся, т. е. существовалъ на Аѳонѣ и въ большихъ праздничныхъ иконахъ (подобныхъ нашей) и при этомъ въ теченіе нѣкотораго м. б. довольно продолжительнаго промежутка времени. Однако, какъ намъ кажется,

---

[1]) Н. П. Кондаковъ: Аѳонъ, р. 55; Millet, Rech. f. 24; эта же деталь повторяется и въ изображеніяхъ Благовѣщенія въ циклѣ Акаѳиста Б. М. на поляхъ мѣстной же иконы Б. М. въ той же церкви, см. Кондаковъ: Аѳонъ, р. 46; Millet, Rech., f. 31.

[2]) Н. П. Кондаковъ: Аѳонъ, стр. 137—9, ср. стр. 96—8.

существуютъ указанія, что этотъ переводъ возникъ также на Аѳонѣ. Аналогично тому, какъ мы видѣли существованіе прототипа Константинопольскаго перевода въ византійской миніатюрѣ (см. выше), можно въ той же византійской миніатюрѣ найти прототипъ и нашего перевода. Весьма любопытнымъ въ данномъ случаѣ будетъ то, что этотъ прототипъ находится также на Аѳонѣ, въ Иверскомъ монастырѣ. Такъ Евангеліе Ивера № 5, датируемое обычно концомъ XII — началомъ XIII в. в., содержитъ изображеніе Благовѣщенія (л. 222), аналогичное нашему переводу.[1] Тѣ же поза и жестъ Дѣвы Маріи, та же фигура ангела въ позѣ сильнаго движенія, тѣ же два высокихъ зданія и между ними низкая (много ниже, чѣмъ на иконѣ) стѣнка, расчлененная оконцами, наконецъ то же дерево между двумя постройками, причемъ характерно совпаденіе мелкой детали, именно съ правой стороны ниже листвы торчитъ еще короткій сухой сукъ. Вся композиція, согласно условіямъ отведеннаго ей пространства, растянута по горизонтали на миніатюрѣ и наоборотъ сжата на иконѣ. Отличаетъ миніатюру отъ иконы лишь фигура служанки сбоку около Дѣвы Маріи; присутствіе ея, допустимое въ иллюстраціи рукописи, было неумѣстно на иконѣ (которую, какъ икону праздника, могли выставлять на поклоненіе), и именно этимъ вызвано ея опущеніе. Въ другихъ аѳонскихъ изображеніяхъ XVI в., иконами не служившихъ, напр. стѣнныхъ фрескахъ, эта фигура не опускается.[2] Закончу характеристику перевода указаніемъ на полное соотвѣтствіе сіянія и луча сходящаго на Д. М. Святаго Духа на фрескѣ трапезы въ Лаврѣ съ нашей иконой[3].

Такимъ образомъ иконографическій переводъ нашей иконы оказывается извѣстнымъ на Аѳонѣ во всѣхъ своихъ деталяхъ, онъ засвидѣтельствованъ, какъ уже установившійся, въ XVII вѣкѣ, его византійскій прототипъ находится также на Аѳонѣ, наконецъ въ мелочахъ онъ наиболѣе близокъ аѳонской же живописи XVI вѣка. Сопоставивъ результатъ иконографическаго изслѣдованія иконы съ результатами анализа ея стиля и техники, думается мнѣ, что можно опредѣлить ее, какъ икону, написанную въ мастерской критской школы на Аѳонѣ въ серединѣ или второй половинѣ XVI вѣка. Исторически противорѣчій тому не встрѣчается. Въ заключеніе скажу, что наша икона, не представляя собой памятника искусства единственнаго въ своемъ родѣ, является представительницей еще чистой иконописи очень высокаго качества. Происходя изъ скрещенія двухъ художественныхъ традицій, она проливаетъ свѣтъ на довольно темный еще кругъ дѣятельности итало-критскихъ мастеровъ на Православномъ Востокѣ и указываетъ на процвѣтаніе въ чисто греческой средѣ наряду съ другими отраслями религіознаго искусства и иконописанія на деревѣ.

Н. Бѣляевъ.

Прага. 1926.

---

[1]) См. воспроизведеніе у G. Millet: Quelques représent. etc., Bull. Corr. Hell. t. XVIII, 1894, pl. XV bis, 2 и (о датировкѣ) p. 458; прекрасное описаніе и датировку у Н. П. Кондакова: Аѳонъ, стр. 289.

[2]) Могу указать 2 случая: 1. фреску трапезы въ Лаврѣ (Millet, Rech., f. 30) и 2. фреску нарѳика въ Дохіарѣ (Кондаковъ: Аѳонъ, рис. 43), въ обоихъ случаяхъ Б. М. сидитъ.

[3]) Свитокъ (вмѣсто пряжи) въ рукѣ Д. М. тоже находитъ себѣ объясненіе, если вспомнить, что въ иконахъ критской школы (и въ итальянской группѣ — икона Зафури, и въ поздне-гре-

L'ANNONCIATION

MONUMENT NOUVEAU DE PEINTURE GRECQUE SUR BOIS

L'icone de l'Annonciation de la Sainte Vierge, que nous venons de publier (propriété de Mme la P[cesse] N. G. Yaschwill à Prague — v. p. 215, n. 1), fut notée par N. P. Kondakov comme monument d'intérêt et de valeur (pl. XIX—XX).

L'icone représente le type des grandes icones de »fête du Seigneur« (h. 53 cm., l. 39 cm. et $^1/_2$); elle est peinte sur un tableau en bois tout plat (composé de deux planches), recouvert de toile plâtrée (en russe »levkas«); le fond fut doré, le dessin est fait à la pointe, s. d. gravé (v. la description p. p. 215—16).

La manière du modelé des visages et d'autres traits de technique, emloyée dans notre icone, démontrent des procédés particuliers à l'école crétoise (traits parallèles, etc., v. pl. XX, 3), ce qui nous oblige à classer notre icone parmi les œuvres de la dite école (p. p. 218—19).

Au point de vue stylistique notre icone trouve des analogies dans les fresques d'Athos (S. V. — Catholicon de Lavra, Saint-Paul; ange — Réfectoire de Lavra; les deux figures — Xénophon) et de Mistra (ange — Pantanassa) des XVe et XVIe s. s. (p. p. 217—18, 220), ainsi que dans les icones de l'école crétoise (groupe italien — icone signée par Nicolas Zafuri) du XVe s. (p. 217) et (groupe grec-moderne — icone signée par Emmanuel Tzané) du XVIIe s. (p. 217—18). D'où l'on peut conclure, que la date la plus certaine de notre icone est le XVIe s., qu'elle doit provenir d'un milieu grec, vraisemblablement de l'Athos, où travaillèrent des peintres crétois au milieu du XVIe s. (1535—1564) (p. 220).

La »traduction« (en russe »perevod«) iconographique présente une variation (p. 222) du type (Millet, Rech, p. 77 c: groupe grec) de l'icone de »fête du Seigneur« (décrit dans le manuel de Denys — v. p. 220), qui ne peut être considérée ni comme gréco-orientale (p. 221), ni comme constantinopolitaine du temps de Paléologues (p. 221). Au contraire cette variation est attestée au XVIIe s. comme habituelle à l'Athos par les icones de l'église de St Eustathe (p. 222); son prototype en miniature byzantine (Évangile d'Iviron n° 5, f. 222) se trouve de même à Athos (p. 223); enfin tous ses details sont connus dans la peinture athonienne du XVIe s. (p. 223). Ainsi l'analyse iconographique ne fait que confirmer nos suppositions: la dite icone de l'Annonciation fut exécutée dans quelque atelier crétois du Mont-Athos au milieu ou vers la fin du XVIe siècle (p. 223).

N. Bêlaev.

ческой — икона Тцане) обычно изображается, заимствованная отъ итальянцевъ книга. Въ томъ, что книга замѣнена свиткомъ, можно видѣть уступку греческой иконописной традиціи, но лишь въ смыслѣ формы, т. к. близкое для критянъ иконографическое значенiе сохранено (свитокъ с. г. тоже книга).

1

2

3

1, 2. — 1:1; 3. — 2:1

1

2

3

1, 2. — 1:1; 3. — 2:1

„СТОЛПЫ СВЯТОГО ГЕОРГІЯ“

РАЗВАЛИНЫ ХРАМА XII ВѢКА ОКОЛО НОВАГО БАЗАРА

На путешествующаго по Старой Сербіи среди многочисленныхъ остатковъ былого величія Расшской державы едва ли не сильнѣйшее впечатлѣніе производятъ развалины храма св. Георгія близъ Новаго Базара. Его сѣровато-желтыя стѣны возвышаются на одной изъ самыхъ высокихъ вершинъ, примыкающихъ съ сѣверной стороны къ городу возвышенностей, и доминируютъ надъ всей окрестностью. Онѣ прекрасно видны почти со всѣхъ улицъ города, съ различныхъ мѣстъ расширяющейся здѣсь долины рѣки Рашки, со склоновъ горъ противоположнаго берега рѣки, а также изъ узкой долины рѣки Дежавы, обтекающей съ сѣвера гору, на которой стоитъ храмъ, и впадающей въ Рашку ниже города. Зубчатая форма этихъ стѣнъ, получившаяся въ результатѣ разрушенія верхнихъ ихъ частей, вызываетъ издали представленіе не о церковномъ зданіи, а скорѣе о крѣпости или замкѣ. Такое положеніе храма, несомнѣнно, должно было подчеркивать въ глазахъ народа его значительность, и не только съ точки зрѣнія архитектурной, но, можетъ быть, еще болѣе со стороны политической. Слѣдуетъ отмѣтить, что это единственный памятникъ древняго сербскаго церковнаго зодчества, помѣщенный на такомъ исключительно открытомъ и возвышенномъ мѣстѣ. Почти всѣ древніе сербскіе храмы расположены въ долинахъ или въ узкихъ пространствахъ между склонами горъ, и только еще одинъ, не менѣе величественный храмъ, храмъ Богородицы въ Матейчѣ, возникшій, повидимому, во второй половинѣ XIV вѣка, построенъ на краю высокой террассы восточнаго склона Скопской Черной Горы и также доминируетъ надъ обширнымъ Кумановскимъ полемъ.

Храмъ св. Георгія въ Расѣ, получившій уже въ древности, благодаря своимъ высокимъ фасаднымъ башнямъ, сохраняющееся до сихъ поръ названіе „Столповъ св. Георгія“ (Джурджеви ступови), былъ сооруженъ великимъ жупаномъ Стефаномъ Неманей, знаменитымъ основателемъ сербскаго государства и родоначальникомъ славной династіи Неманичей. Старая легенда, впервые разсказанная уже сыномъ Немани, королемъ Стефаномъ Первовѣнчаннымъ въ составленномъ имъ жизнеописаніи отца,[1] приписываетъ поводъ построенія этого храма довольно исключительнымъ обстоятельствамъ. Во время борьбы Немани съ братьями, отстаивавшими свою независимость отъ его стремленія къ единоначалію, говоритъ эта легенда, случилось ему попасть къ нимъ въ плѣнъ и быть заключеннымъ въ темницу.[2] Не видя возможности избавленія, Стефанъ обратился

[1]) P. J. Šafařík. Zivot sv. Symeona od Králе Stěpána. Praha, 1868. 4—5; ср. Доментиjан. Живот светого Симеуна и Светого Саве. Изд. Ђ. Даничић. Биоград, 1865. 16—17.

[2]) По иной версіи онъ былъ посаженъ въ пещеру или въ склепъ, находившійся на той самой горѣ, гдѣ впослѣдствіи былъ имъ основанъ храмъ св. Георгія. Гильфердингу указывали под-

съ молитвой къ святому Георгію и далъ ему обѣтъ въ случаѣ счастливаго освобожденія воздвигнуть храмъ его имени. Получивъ вскорѣ свободу, Неманя тотчасъ же выполнилъ свое обѣщаніе. Повидимому, это случилось еще до полной побѣды его надъ братьями, т. е. до битвы при Пантинѣ, которая произошла въ 1168 году и вполнѣ обезпечила ему эту побѣду.[1] Такимъ образомъ, основаніе храма по этимъ свидѣтельствамъ должно быть отнесено къ шестидесятымъ годамъ XII вѣка. Какъ архитектурныя формы развалинъ церкви, такъ и ея внутренняя декорація, этому предположенію не противорѣчатъ.

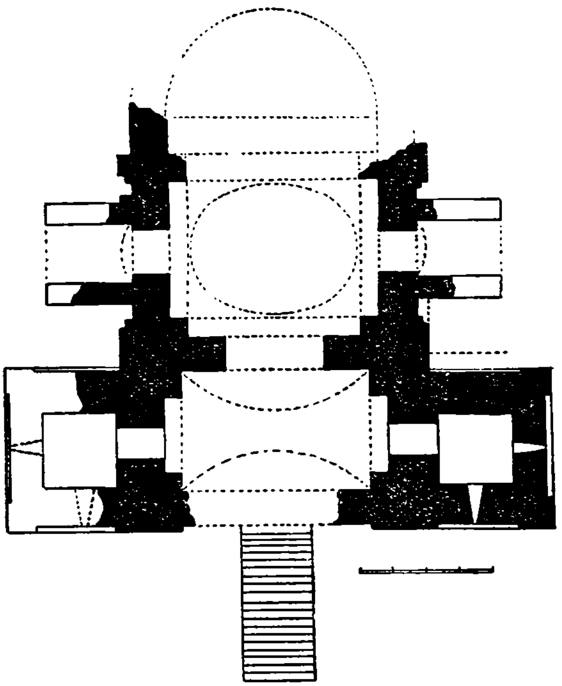

Рис. 1.
Планъ храма св. Георгія въ Расѣ.

Какъ видно на прилагаемомъ планѣ (рис. 1), храмъ св. Георгія представляетъ собой однонефное сооруженіе, центральная часть котораго покрыта однимъ большимъ куполомъ, опирающимся съ помощью четырехъ парусовъ и четырехъ узкихъ подпружныхъ арокъ на четыре пристѣнныхъ пилястра. Къ этому подкупольному пространству съ восточной стороны примыкаетъ алтарная часть, а съ западной — притворъ, нѣсколько болѣе узкій и значительно болѣе короткій, чѣмъ самый нефъ. Съ притворомъ храмъ соединенъ широкимъ арочнымъ пролетомъ, а въ сѣверной и южной его стѣнахъ устроены два боковыхъ входа, которымъ предшествуютъ снаружи узкіе, но довольно высокіе и покрытые коробовыми сводами вестибюли. Послѣдніе, повидимому, не замыкались снаружи стѣнами, т. к. слѣдовъ этихъ стѣнокъ не удалось обнаружить (табл. XXI, рис. 1).[2] Къ притвору съ сѣверной и съ южной сторонъ примыкаютъ двѣ квадратныя въ планѣ башни, которыя соединяются съ нимъ проходами. Стоитъ храмъ на небольшой площадкѣ скалы, которая съ восточной и съ западной стороны у самаго основанія храма имѣетъ крутые скаты. Это обстоятельство вызвало необходимость устройства лѣстницы, ведущей къ западному главному входу. Лѣстница эта сложена изъ грубо отесанныхъ булыжниковъ и едва ли современна храму.

Въ настоящее время храмъ находится въ состояніи значительнаго разрушенія.

валъ, который и сейчасъ еще можно видѣть у югозападной стѣны церкви, какъ на мѣсто заключенія Немани (А. Гильфердингъ. Боснія, Герцеговина и Старая Сербія. СПБургъ, 1859. 137).

[1]) В. Марковић. Православно монаштво и манастири у средневековноj Србиjи. Сремски Карловци, 1920. 60.

[2]) Всѣ издаваемыя фотографіи исполнены авторомъ, за исключеніемъ снимка на таблицѣ III, рис. 3, который сдѣланъ фотографомъ Народнаго Музея въ Софіи.

Особенно пострадала восточная его часть. Совершенно разрушена апсида и вся алтарная часть, не существуетъ болѣе восточная подпружная арка, упали куполъ и вся восточная сторона барабана. Въ притворѣ сохранился небольшой кусокъ свода съ восточной стороны, а отъ западной стѣны остались лишь слѣды. Совершенно почти разрушена сѣверная башня, а южная уцѣлѣла лишь въ нижней своей части. Также не существуютъ болѣе боковые вестибюли, отъ которыхъ остались только незначительные остатки стѣнокъ.

Кладка храма состоитъ исключительно изъ камня (песчаника). Стѣны сложены изъ камней различной величины и формы, только слегка отесанныхъ съ наружной стороны. Въ сводахъ камень мельче, но отесанъ со всѣхъ сторонъ. Подпружныя арки, арочные пролеты проходовъ и внутренніе пристѣнные пилястры выложены изъ камня болѣе крупнаго и болѣе тщательно обработаннаго. Между собой камни спаяны сѣраго цвѣта растворомъ, въ составъ котораго входитъ въ большомъ количествѣ крупный песокъ и мелкіе камешки.

Нынѣшнее печальное состояніе зданія позволяетъ все же почти вполнѣ разобраться въ его архитектурныхъ особенностяхъ.

Единственное затрудненіе мы встрѣчаемъ только при возстановленіи первоначальной формы алтарной апсиды, которая разрушена совершенно, и на мѣстѣ которой въ настоящее время сложена полукругомъ низкая стѣнка изъ разсыпавшихся камней ея кладки. Это затрудненіе усугубляется тѣмъ, что первый изслѣдователь храма, проф. В. Петковичъ,[1] указываетъ слѣдующія особенности этой апсиды — внутри она имѣла, по его утвержденію, подковообразную форму, а снаружи гранную обработку стѣнъ, причемъ граней было четное количество — четыре, благодаря чему въ средней ея части — противъ продольной оси зданія — приходилась не грань, какъ это наблюдается обычно, а было ребро между двумя гранями — явленіе совершенно исключительное въ христіанской церковной архитектурѣ. Упомянутый авторъ приводитъ только двѣ аналогіи послѣднему явленію — одну также въ Старой Сербіи, въ храмѣ св. Николая, около Куршумли, основаннаго тѣмъ же Стефаномъ Неманей,[2] а другую онъ находитъ въ Малой Азіи, въ двойной церкви Учь-Аяка.[3] Къ сожалѣнію, мнѣ не пришлось еще до сихъ поръ лично обслѣдовать развалинъ церкви св. Николая въ Куршумли, и я не могу судить о формѣ ея апсиды на основаніи собственныхъ наблюденій. Надо, однако, отмѣтить, что и эта апсида разрушена,[4] такъ же какъ не сохранились апсиды и въ церкви Учь-Аяка.[5] Это заставляетъ насъ вопросъ о столь необычайной формѣ апсидъ обоихъ этихъ памятниковъ оставить покуда всецѣло на совѣсти ихъ изслѣдователей; что же касается апсиды храма св. Георгія, то самый тщательный осмотръ ея остатковъ не далъ намъ

---

[1]) W. Petkowic. Eine Kirche des Königs Nemanja. »Studien zur Kunst des Ostens« (сборникъ въ честь проф. І. Стриговскаго), Wien, Avalun, 1920. 162, Abb. I. Ср. В. Петковић. Манастир Студеница. Београд, Напредак, 1924. 17, рис. 5.

[2]) В. Петковић. Студеница, рис. 7.

[3]) J. Strzygowski. Kleinasien, ein Neuland der Kunstgeschichte. Leipzig, 1903. 33, Fig. 25.

[4]) G. Millet, L'ancien art serbe. I. Les églises. Paris, 1919. Fig. 40. Авторъ этого сочиненія также отмѣчаетъ указанную особенность строенія апсиды Куршумлійской церкви (o. c., 54) и предлагаетъ искать ей аналогіи въ Анатоліи или на Кавказѣ. Къ сожалѣнію, кромѣ церкви въ Учь-Аякѣ, другихъ аналогій въ предѣлахъ указанныхъ странъ намъ отыскать покуда не удалось.

[5]) J. Strzygowski, o. c., Fig. 24.

никакихъ данныхъ для того, чтобы обнаружить въ ней четное количество граней, т. к. вообще никакихъ слѣдовъ какихъ бы то ни было граней не сохранилось.

Вмѣстѣ съ тѣмъ необходимо замѣтить, что апсида нашего храма не примыкала къ центральной подкупольной части его непосредственно, какъ это указано на планѣ, изданномъ проф. Петковичемъ, а что между нею и этой частью находилось еще пространство, заключенное въ прямыя боковыя стѣны и покрытое, по всей видимости, полуцилиндрическимъ сводомъ. На это указываетъ то обстоятельство, что на этихъ стѣнахъ и въ этомъ сводѣ должна была находиться недостающая часть росписи, для которой, какъ будетъ видно ниже изъ разсмотрѣнія живописи храма, не могло быть иного мѣста. На этомъ основаніи эту предъалтарную часть храма, отъ которой не сохранилось иныхъ слѣдовъ, мы и обозначаемъ на прилагаемомъ планѣ пунктиромъ (рис. 1).

Купольный сводъ храма св. Георгія отличается той рѣдкой особенностью, что имѣетъ форму не полушарія, а овала, вытянутаго въ поперечномъ къ оси зданія направленіи, т. е. отъ сѣвера къ югу. Благодаря такому строенію свода, и барабанъ также слегка вытянутъ въ этомъ же направленіи. Снаружи онъ имѣетъ видъ восьмигранника, у котораго ребра граней усилены плоскими пилястрами, переходящими вверху въ арочный наливъ. На каждой грани приходится по три арочки (табл. XXI, 1). Вслѣдствіе вытянутой поперекъ формы барабана, прорѣзанныя въ немъ окна, расположенныя, какъ это хорошо видно изнутри (табл. XXI, 2), на равномъ другъ отъ друга разстояніи, не приходятся какъ разъ въ серединѣ наружныхъ граней.[1])

Внутри барабанъ на уровнѣ пяты купола украшенъ фальшивой аркатурой, которая опиралась на колонки, стоявшія на консоляхъ (табл. XXI, 2). Къ сожалѣнію, въ настоящее время на мѣстѣ не сохранилось ни одной такой колонки, и неизвѣстно были ли онѣ круглыми или гранными, и какой формы капительками онѣ были увѣнчаны. Сохранились только вверху ихъ прямоугольныя абаки, имѣющія въ профилѣ видъ двойной полочки съ косымъ срѣзомъ нижняго края. Изъ нихъ еще торчатъ внизъ острые желѣзные стержни, придерживавшіе колонки. Консоли, сохранившіяся въ нижней части барабана, также имѣютъ прямоугольную форму и раздѣланы въ видѣ тройной полочки съ косымъ срѣзомъ внизу.

Всѣ входныя и оконныя отверстія (окна на южной и сѣверной стѣнахъ были позднѣе расширены) имѣютъ арочное завершеніе. Эти арочки такъ же, какъ и подпружныя арки, правильной полукруглой формы.

Внутренніе пилястры, на которые опираются подпружныя арки, завершаются капителями въ видѣ узкой полочки съ довольно высокимъ косымъ срѣзомъ внизу.

Притворъ и оба боковыхъ вестибюля были покрыты коробовыми сводами съ продольными осями.

Наружная раздѣлка стѣнъ ограничивается двойными пилястрами, выступающими на боковыхъ стѣнахъ въ мѣстахъ, соотвѣтствующихъ внутреннимъ пилястрамъ. Такіе же пилястры были, повидимому, и на западной стѣнѣ. Башни также имѣютъ пилястры по угламъ.

Судя по современному состоянію южнаго фасада и по слѣдамъ, сохранившимся на барабанѣ отъ прилегавшихъ къ нему покрытій, всѣ фасады имѣли фронтонное

---

[1]) W. Petkowic, Kirche d. Königs Nemanja, Taf. XVIII, 1.

завершеніе, а покрытіе было устроено на восемь скатовъ. Судить о томъ, какую форму имѣло покрытіе купола, къ сожалѣнію, по сохранившимся остаткамъ не представляется возможнымъ. Также трудно представить себѣ и первоначальную высоту фланкирующихъ западный фасадъ башенъ. Принимая во вниманіе высоту сохранившейся башни въ Куршумли,[1] а особенно башни въ церкви св. Петра и Павла въ Бѣломъ-Полѣ, надо думать, что онѣ и здѣсь были довольно высокими. Лучше сохранившаяся южная башня поэтому имѣетъ сейчасъ, повидимому, приблизительно одну четверть своей прежней высоты. Если бы онѣ были ниже, то едва ли бы могли произвести достаточное впечатлѣніе на народъ, по этимъ башнямъ окрестившій храмъ „столпами св. Георгія".

Мнѣ пришлось уже высказать свое сужденіе по вопросу о происхожденіи формъ древнѣйшей сербской церковной архитектуры[2] и здѣсь я хочу лишь въ общихъ чертахъ опять къ нему вернуться, чтобы напомнить свои основныя положенія. Характернымъ является то обстоятельство, что въ этой архитектурѣ, несмотря на столь близкое сосѣдство и постоянныя связи Рашской державы съ Царьградомъ и съ близлежащими предѣлами византійской имперіи, наблюдается чрезвычайно мало формъ, перенесенныхъ именно изъ этихъ культурныхъ областей. Общее строеніе храма складывается здѣсь сразу и изъ совершенно иныхъ элементовъ, чѣмъ тѣ, которые мы привыкли видѣть въ памятникахъ восточной и южной части Балканскаго полуострова. Въ этомъ строеніи происходитъ сліяніе съ одной стороны формъ, заимствованныхъ съ далекаго христіанскаго Востока, съ другой — принесенныхъ изъ западной Европы. Въ результатѣ такого сочетанія получился особый архитектурный обликъ храма, который съ полнымъ правомъ долженъ быть названъ сербскимъ. Совершенно аналогичное явленіе наблюдается и въ древнѣйшей русской архитектурѣ, гдѣ въ XI—XII вѣкахъ также происходитъ сліяніе греческихъ строительныхъ пріемовъ съ восточно-христіанской сводчатой системой и съ элементами романскаго зодчества въ русскій архитектурный стиль.[3]

Разсматриваемый нами храмъ св. Георгія представляетъ великолѣпный образецъ сербскаго стиля архитектуры XII—XIII вѣковъ, на которомъ отлично выдѣляются всѣ тѣ элементы, изъ которыхъ онъ образовался.

Однонефный планъ въ видѣ квадрата, увѣнчаннаго широкимъ куполомъ, стоящимъ на пристѣнныхъ пилястрахъ, и связаннаго съ болѣе низкими апсидой и притворомъ, мы находимъ распространеннымъ въ архитектурѣ Арменіи XI—XII вв.[4] То же можно сказать и относительно низкихъ вестибюлей, примыкающихъ къ боковымъ входамъ.[5] Такого рода планъ имѣетъ уже древнѣйшій памятникъ сербской архитектуры — упомянутый выше храмъ св. Николая въ Куршумли, основанный Стефаномъ Неманей нѣсколькими годами раньше храма св. Георгія.[6] Здѣсь, между прочимъ, алтарная часть отдѣляется отъ подкупольнаго простран-

---

¹) G. Millet, o. c., fig. 38.

²) Н. Л. Окуневъ, Нѣкоторыя черты восточныхъ вліяній въ средневѣковомъ искусствѣ южныхъ славянъ. „Сборникъ въ честь на В. Н. Златарски". Софія, 1925. 231—235.

³) Н. Л. Окуневъ. Крещальня Софійскаго собора въ Кіевѣ. „Записки отдѣл. русск. и слав. археол. И. Рус. Археолог. Об-ва", X, Петроградъ, 1915. 137.

⁴) I. Strzygowski. Die Baukunst der Armenier und Europa. Wien, Schroll, 1918. Abb. 14, 57, 226, 240.

⁵) Ib., Abb. 112, 222, 228, 331.

⁶) G. Millet, L'art serbe, fig. 39.

ства стѣной, опирающейся на два столба съ тройной аркадой. Такой стѣны, заполняющей восточную арку съ тремя пролетами внизу, въ храмѣ св. Георгія не было, какъ можно судить по сохранившемуся сѣверо-восточному пилястру (табл. XXIII, 1). Планъ Куршумлійской церкви послужилъ вообще образцомъ для дальнѣйшаго развитія архитектуры сербскаго храма. Онъ повторяется затѣмъ въ Великой Успенской церкви Студеницкаго монастыря (конецъ XII в.),[1] гдѣ онъ осложненъ только прибавкой западнаго поперечнаго нефа. Планы церквей — въ Жичѣ (начало XIII в.),[2] въ Беране, въ Милешевѣ (1236 г.), въ Сопочанахъ (середина XIII в.), въ Градацѣ (вторая половина XIII),[3] въ Арильѣ (конецъ XIII),[4] въ церкви св. Стефана въ Баньской — представляютъ такое развитіе этого основного плана. Послѣдній разъ въ сербской архитектурѣ съ планомъ такого рода мы встрѣчаемся въ маленькой церкви свв. Іоакима и Анны въ Студеницкомъ монастырѣ, извѣстной подъ именемъ „Кральевой" церкви и основанной королемъ Милутиномъ въ 1314 г.[5] Вестибюли Георгіевскаго храма (въ Куршумли церковь имѣетъ только одинъ такой вестибюль, съ южной стороны, причемъ онъ въ планѣ представляетъ квадратъ и снаружи закрытъ поперечной стѣнкой) повторяются въ Студеницѣ, гдѣ они снаружи закрыты,[6] а затѣмъ въ Жичѣ, Милешевѣ, Градацѣ и въ Арильѣ превращаются въ низкій трансептъ. Въ Сопочанахъ и въ Баньской трансепты эти нѣсколько выше. Тоже можно сказать и относительно притворовъ. Въ храмѣ св. Николая въ Куршумли притворъ былъ также значительно ниже центральной части зданія, въ остальныхъ же перечисленныхъ церквахъ онъ подымается до уровня имѣющагося въ нихъ западнаго поперечнаго нефа. Восточный характеръ, наконецъ, имѣло и восьмискатное покрытіе нашего храма, если считать, что оно было первоначальнымъ.

Рѣдкая овальная форма купола находитъ себѣ аналогіи, главнымъ образомъ, въ греческой средневѣковой архитектурѣ. Куполъ такой формы, правда, глухой, мы находимъ прежде всего въ западной части храма св. Ирины въ Константинополѣ.[7] Средняя церковь комплекса храма Пантократора въ Константинополѣ имѣетъ два такихъ купола: одинъ — главный — съ продольнымъ оваломъ, другой — надъ алтаремъ, глухой, съ поперечнымъ оваломъ. Такой же глухой куполъ съ поперечнымъ оваломъ находится въ притворѣ южной церкви того же комплекса.[8] Затѣмъ купола съ поперечными овалами имѣютъ церкви — Спасителя въ Милосѣ и Несторіанская въ Амидѣ[9] и нѣсколько глухихъ съ поперечными и продольными овалами притворы церкви Христіану въ Трифиліи.[10] Кромѣ того, Берто указываетъ на существованіе куполовъ элиптической формы въ двухъ греческихъ церквахъ южной Италіи.[11] На западѣ такая форма купола еще болѣе

---

[1]) Ib., fig. 43.

[2]) Ib., fig. 44.

[3]) Ib., fig. 56.

[4]) Ib., fig. 61.

[5]) G. Millet, L'art serbe, fig 41, 43.

[6]) В. Петковић. Студеница, рис. 27.

[7]) C. Gurlitt. Die Baukunst Konstantinopels. Berlin, Wasmuth, 1907. — Taf. 6 c.

[8]) Ib., Taf. 9 c.

[9]) G. Millet. L'école grecque dans l'architecture byzantine. Paris, Leroux, 1916. 107, 108, fig. 54, 55.

[10]) Ib., 109, fig. 56.

[11]) E. Bertaux. L'art dans l'Italie méridionale. I. Paris, Fontemoig, 1904. 376.

рѣдка.[1] Все это заставляетъ думать, что въ Сербію она могла проникнуть скорѣе всего из Греціи.

Еще болѣе рѣдкое явленіе въ православной архитектурѣ представляетъ внутренняя раздѣлка барабана фальшивой аркатурой на колонкахъ. Самый декоративный пріемъ этотъ очень распространенъ и наблюдается уже въ архитектурѣ Сиріи,[2] въ сплитскомъ дворцѣ Діоклетіана,[3] въ такъ называемомъ дворцѣ Теодориха въ Равеннѣ[4] и т. д., но внутри зданія, въ комбинаціи съ окнами онъ примѣняется лишь одинъ разъ — въ равеннскомъ православномъ баптистеріи, гдѣ на каждой грани помѣщена тройная аркатура, въ которой средняя арка съ окномъ выше и шире боковыхъ; при этомъ, колонки, поддерживающія эту аркатуру, стоятъ не на консоляхъ, а на одномъ общемъ карнизѣ.[5] Примѣненіе же этого пріема для украшенія барабановъ имѣло мѣсто исключительно въ архитектурѣ западной Европы. Мотивъ этотъ тамъ очень разнообразенъ, на ряду съ ординарными колонками употребляются и парныя, колонки эти чаще всего стоятъ на общемъ карнизѣ,[6] но вмѣстѣ съ тѣмъ мы находимъ тамъ и почти полную аналогію нашей аркатуры въ тамбурѣ церкви св. Николая въ Civray — такъ же выполненная аркатура, той же формы абаки и консоли.[7]

Наружная раздѣлка барабана плоскими пилястрами и арочнымъ наливомъ также имѣетъ чисто романскій характеръ. Даже сама форма барабана — вытянутый поперекъ восьмигранникъ — находитъ себѣ аналогію въ барабанѣ баптистерія въ Біеллѣ.[8] По аналогіи съ церковью Успенія Богородицы въ Студеницѣ,[9] весьма вѣроятно, что арочными наливами были украшены верхнія части и остальныхъ стѣнъ храма.

Также, наконецъ, романскимъ элементомъ надо счесть и фасадныя башни храма св. Георгія. Хотя низкія башни извѣстны на фасадахъ сирійскихъ базиликъ уже въ V—VI в. в.,[10] но позднѣе онѣ исчезаютъ и кромѣ Россіи въ восточно-православной архитектурѣ не строились. Зато на романскомъ Западѣ въ періодъ X—XII в. в. онѣ становятся почти непремѣнной частью церковнаго зданія. Произошло это, повидимому, въ связи съ распространеніемъ колокольнаго звона въ качествѣ призыва къ богослуженію, который сталъ употребляться на западѣ очень рано. Уже базилика св. Мартина Турскаго, 470 г., имѣла башню съ колоколами.[11] Общее же употребленіе на западѣ звонъ получилъ въ IX вѣкѣ.[12] Въ

---

1) Такую форму купола имѣетъ Пизанскій соборъ. G. Dehio und G. von Bezold. Kirchliche Baukunst der Abendlandes. Leipzig, 1891—1901. Taf. 68, 1.

2) de Vogué. La Syrie centrale, architecture civile et religieuse, du I au VII siècle. Paris, 1865—1877. Pl. 122, 149.

3) На стѣнѣ porta aurea (G. Rivoira. Le origini della archittettura lombarda. Roma, 1901. 113, fig. 117).

4) A. Colasanti. L'art byzantin en Italie. Paris—Milano, Eggimann-Bestatti, s. a. Pl. 28.

5) Ib., pl. 2.

6) Напримѣръ, въ Ангулемскомъ соборѣ, въ Notre Dame de Puy, въ Ліонской церкви св. Мартина, въ Chateauneuf (G. Dehio und G. Bezold, o. c., Taf. 107, 1; 112; 125, 1; 141, 1.

7) Ib., Taf. 126, 2.

8) G. Rivoira, o. c., 217, fig, 199—200.

9) G. Millet, L'art serbe, fig. 41.

10) de Vogué, o. c., pl. 124, 132, 135.

11) C. Enlart. L'architecture chrétienne en Occident (A. Michel. Histoire de l'art, I, 1). 101—102.

12) П. С. Казанскій. О призывѣ къ богослуженію въ восточной церкви. „Труды I археол. Съѣзда", Москва, 1871, 304—305.

Византіи колокола впервые появляются въ 865 г., когда императоръ Михаилъ III получилъ ихъ въ даръ отъ венеціанскаго дожа Урса и когда, вѣроятно, была для нихъ построена около св. Софіи небольшая, теперь не существующая башня, изображеніе которой однако сохранилось на рисункѣ XVII в. Грело.[1] Далѣе на востокъ колокола распространялись туго и въ Іерусалимъ, напримѣръ, ихъ привозятъ впервые крестоносцы лишь въ XII вѣкѣ.[2] На Руси же, наоборотъ, они сразу стали употребляться почти повсемѣстно уже въ XI в., и въ лѣтописи подъ 1066 годомъ отмѣчается, что Всеволодъ, взявъ Новгородъ, снялъ колокола въ церкви св. Софіи.[3] Поэтому, весьма возможно, что башни въ русскихъ древнихъ церквахъ, представляющія въ кіевской и новгородской архитектурѣ XI и XII вѣковъ обычное явленіе, могли возникнуть по западному образцу и въ качествѣ колоколенъ. Извѣстій о существованіи колоколовъ въ древнемъ Рашскомъ государствѣ, повидимому, не сохранилось, но, принимая во вниманіе, что въ сосѣдней Далмаціи они были въ это время во всеобщемъ употребленіи,[4] допустимо предположить, что они могли быть занесены въ Сербію вмѣстѣ съ обычаемъ строить башни, которыя и служили для ихъ помѣщенія. Позднѣе, къ началу XIV вѣка, въ связи съ тяготѣніемъ Сербіи къ югу, колокола изъ употребленія вывелись и замѣнились по греческому обычаю металлическими симандрами и деревянными билами, которые и до сихъ поръ можно видѣть и слышать въ сербскихъ монастыряхъ. Такое деревянное било, между прочимъ, изображено на прекрасной фрескѣ XIV в. въ Марковомъ монастырѣ, около Скопле, представляющей кончину св. Николая — рядомъ съ собравшимися къ ложу святого стоитъ слуга и держитъ на плечѣ длинную деревянную доску, по которой и бьетъ молоткомъ.[5] Вмѣстѣ съ исчезновеніемъ колоколовъ прекращается и постройка башенъ. Послѣдняя по времени постройки извѣстная башня — въ Сопочанахъ — основана въ серединѣ XIII вѣка.

Башни, подобныя башнямъ храма св. Георгія, имѣлъ также и храмъ св. Николая въ Куршумли. Здѣсь сохранилась только одна изъ этихъ башенъ,[6] но было ихъ, повидимому, двѣ и онѣ также находились по сторонамъ фасада. Судя по изданному у Millet плану и рисунку, эта башня имѣетъ иную кладку, чѣмъ самый храмъ, и вмѣстѣ съ другой башней примыкала ко второму, наружному, притвору, который теперь разрушенъ, и который имѣлъ ту же кладку, что и башни. Между башнями находилось открытое съ западной стороны пространство, покрытое сводомъ. Несмотря на разницу въ кладкѣ этихъ двухъ частей зданія, западная его часть съ башнями едва ли могла быть пристроена много позднѣе основанія самого храма и возникла всего вѣроятнѣе также въ XII вѣкѣ.

---

¹) Н. Л. Окуневъ. Храмъ св. Софіи въ Константинополѣ. „Старые годы", XI, СПБургъ, 1915. 17—18, рис. на стр. 25.

²) H. Vincent et F. Abel. Iérusalem, Paris, Gabalda, 1914. II, 284.

³) Полное собраніе лѣтописей. III, 2.

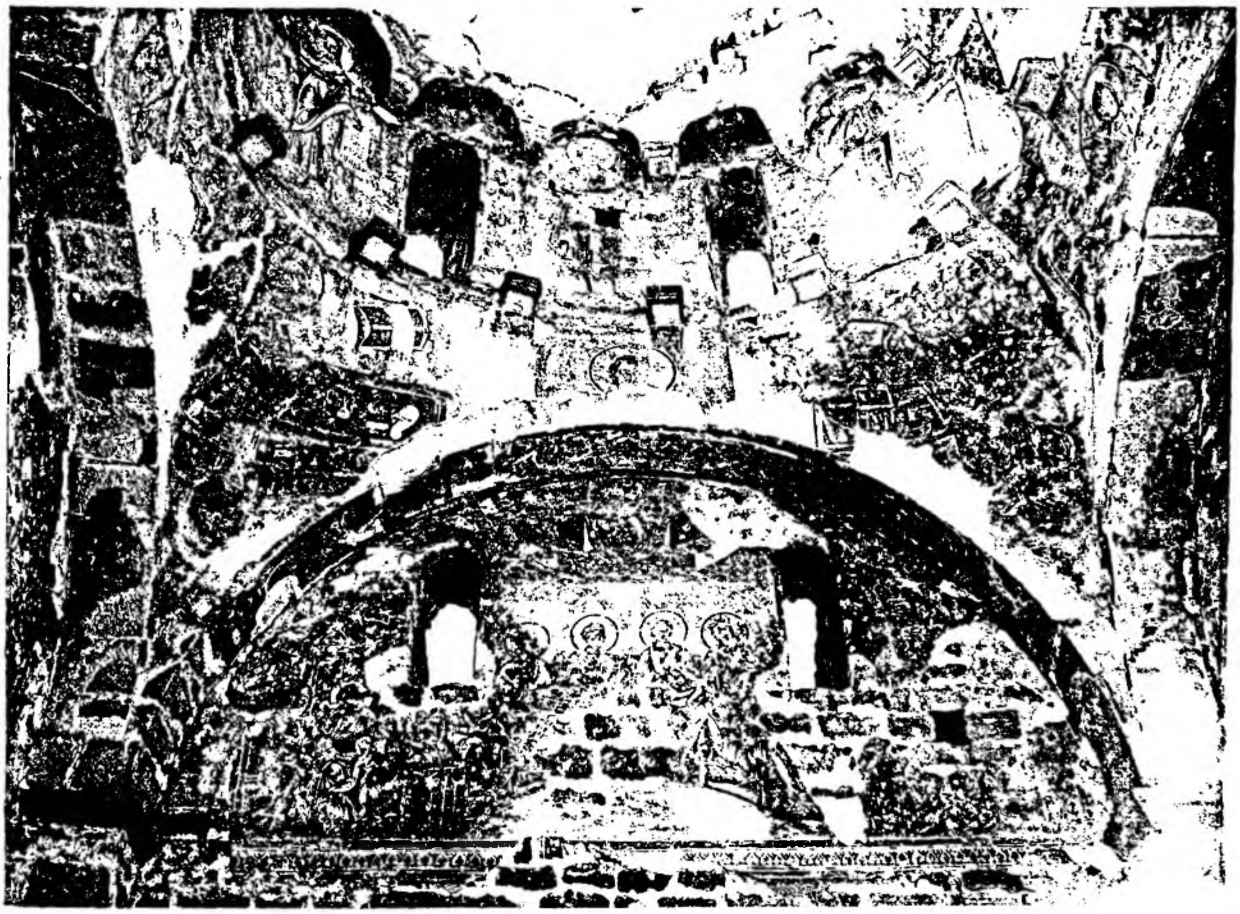
⁴) М. Васић. Архитектура и скулптура у Далмацији од почетка IX до почетка XII века, Београд, Г. Кон, 1922. 146—147.

⁵) Др. Л. Мирковић и арх. Ж. Татић. Марков манастир. Нови Сад, 1925. рис. 82. На рисункѣ фигура звонящаго не помѣстилась и въ лѣвомъ углу виденъ лишь конецъ доски. Башня съ колоколами изображена у модели церкви, которую подноситъ архіепископъ Данило II Богородицѣ, въ росписи церкви Богородицы патріаршаго монастыря въ Печѣ. Роспись эта, однако, переписана въ XVI вѣкѣ.

⁶) G. Millet, L'art serbe, fig. 38, 39.

1

2

Византіи колокола впервые появляются въ 865 г., когда императоръ Михаилъ III получилъ ихъ въ даръ отъ венеціанскаго дожа Урса и когда, вѣроятно, была для нихъ построена около св. Софіи небольшая, теперь не существующая башня, изображеніе которой однако сохранилось на рисункѣ XVII в. Грело.[1] Далѣе на востокъ колокола распространялись туго и въ Іерусалимъ, напримѣръ, ихъ привозятъ впервые крестоносцы лишь въ XII вѣкѣ.[2] На Руси же, наоборотъ, они сразу стали употребляться почти повсемѣстно уже въ XI в., и въ лѣтописи подъ 1066 годомъ отмѣчается, что Всеволодъ, взявъ Новгородъ, снялъ колокола въ церкви св. Софіи.[3] Поэтому, весьма возможно, что башни въ русскихъ древнихъ церквахъ, представляющія въ кіевской и новгородской архитектурѣ XI и XII вѣковъ обычное явленіе, могли возникнуть по западному образцу и въ качествѣ колоколенъ. Извѣстій о существованіи колоколовъ въ древнемъ Рашскомъ государствѣ, повидимому, не сохранилось, но, принимая во вниманіе, что въ сосѣдней Далмаціи они были въ это время во всеобщемъ употребленіи,[4] допустимо предположить, что они могли быть занесены въ Сербію вмѣстѣ съ обычаемъ строить башни, которыя и служили для ихъ помѣщенія. Позднѣе, къ началу XIV вѣка, въ связи съ тяготѣніемъ Сербіи къ югу, колокола изъ употребленія вывелись и замѣнились по греческому обычаю металлическими симандрами и деревянными билами, которые и до сихъ поръ можно видѣть и слышать въ сербскихъ монастыряхъ. Такое деревянное било, между прочимъ, изображено на прекрасной фрескѣ XIV в. въ Марковомъ монастырѣ, около Скопле, представляющей кончину св. Николая — рядомъ съ собравшимися къ ложу святого стоитъ слуга и держитъ на плечѣ длинную деревянную доску, по которой и бьетъ молоткомъ.[5] Вмѣстѣ съ исчезновеніемъ колоколовъ прекращается и постройка башенъ. Послѣдняя по времени постройки извѣстная башня — въ Сопочанахъ — основана въ серединѣ XIII вѣка.

Башни, подобныя башнямъ храма св. Георгія, имѣлъ также и храмъ св. Николая въ Куршумли. Здѣсь сохранилась только одна изъ этихъ башенъ,[6] но было ихъ, повидимому, двѣ и онѣ также находились по сторонамъ фасада. Судя по изданному у Millet плану и рисунку, эта башня имѣетъ иную кладку, чѣмъ самый храмъ, и вмѣстѣ съ другой башней примыкала ко второму, наружному, притвору, который теперь разрушенъ, и который имѣлъ ту же кладку, что и башни. Между башнями находилось открытое съ западной стороны пространство, покрытое сводомъ. Несмотря на разницу въ кладкѣ этихъ двухъ частей зданія, западная его часть съ башнями едва ли могла быть пристроена много позднѣе основанія самого храма и возникла всего вѣроятнѣе также въ XII вѣкѣ.

---

¹) Н. Л. Окуневъ. Храмъ св. Софіи въ Константинополѣ. „Старые годы", XI, СПБургъ, 1915. 17—18, рис. на стр. 25.

²) H. Vincent et F. Abel. Iérusalem, Paris, Gabalda, 1914. II, 284.

³) Полное собраніе лѣтописей. III, 2.

⁴) М. Васић. Архитектура и скулптура у Далмацији од почетка IX до почетка XII века, Београд, Г. Кон, 1922. 146—147.

⁵) Др. Л. Мирковић и арх. Ж. Татић. Марков манастир. Нови Сад, 1925. рис. 82. На рисункѣ фигура звонящаго не помѣстилась и въ лѣвомъ углу виденъ лишь конецъ доски. Башня съ колоколами изображена у модели церкви, которую подноситъ архіепископъ Данило II Богородицѣ, въ росписи церкви Богородицы патріаршаго монастыря въ Печѣ. Роспись эта, однако, переписана въ XVI вѣкѣ.

⁶) G. Millet, L'art serbe, fig. 38, 39.

1

2

Въ полной сохранности до самаго верха сохранилась башня церкви Петра и Павла въ гор. Бѣломъ Полѣ, основанной братомъ Немани, княземъ Мирославомъ, также во второй половинѣ XII вѣка. Самый храмъ, служившій долгое время мечетью, сохранился въ столь измѣненномъ видѣ, что безъ тщательнаго изслѣдованія стѣнъ и раскопокъ трудно судить объ его первоначальномъ обликѣ, но не исключена возможность, что около него была и вторая башня. Уцѣлѣвшая башня по угламъ имѣетъ плоскіе пилястры, а вверху украшена романскимъ арочнымъ наливомъ. Въ верхней ея части сохранились окна, которыя утратили сейчасъ свой прежній видъ, но въ которыхъ, были внутри колонки съ двумя арочками, какъ это обычно въ окнахъ романскихъ башенъ.

Возможно, что двѣ башни по сторонамъ фасада имѣлъ также и Успенскій храмъ Студеницкаго монастыря. Слѣды ихъ, можетъ быть, можно видѣть въ двухъ полукруглыхъ капеллахъ, прилегающихъ съ двухъ сторонъ къ пристроенному позднѣе большому западному притвору.[1] Капеллы эти имѣютъ очень странный и неуклюжій видъ, который могъ получиться отъ перестройки основаній башенъ. Двубашеннымъ предполагается и храмъ св. Георгія у гор. Беране, построенный племянникомъ Немани, Првославомъ, также, повидимому, во второй половинѣ XII в. Этотъ храмъ тоже извѣстенъ подъ названіемъ „Джурджеви ступови“ и въ лѣтописяхъ говорится о постройкѣ здѣсь церкви съ двумя башнями („од два ступа“).[2] Въ настоящее время у него одна только башня, которая возвышается надъ проходомъ въ притворъ.[3] Она квадратнаго плана и производитъ впечатлѣніе современной храму и по кладкѣ и по формѣ двойныхъ оконъ.

Церкви, возникшія въ XIII в., имѣютъ только одну башню, поставленную въ срединѣ, противъ западнаго фасада, и въ нижней ея части устроенъ проходъ, покрытый сводомъ. Таковы башни въ Жичѣ[4] и въ Сопочанахъ.[5]

И расположеніе всѣхъ перечисленныхъ здѣсь башенъ сербскихъ храмовъ по отношенію къ фасадамъ, и ихъ внѣшній обликъ, и сохранившіяся кое-гдѣ детали ясно указываютъ, что родиной ихъ является романскій Западъ. Ближайшій же источникъ, откуда могли быть заимствованы ихъ формы, найти не трудно. Рядъ церквей, возникшихъ въ XI-XII вв. въ сосѣдней Далмаціи, имѣетъ башни очень близкія по формамъ сербскимъ. Нѣкоторыя изъ нихъ имѣютъ двѣ башни по сторонамъ западнаго фасада — церковь Богородицы въ Бискупіи,[6] храмъ св. Трифона въ Которѣ[7] — другія только одну.

Несмотря на то, что соборъ св. Трифона въ Которѣ, основанный, повидимому, въ XII в., былъ неоднократно реставрированъ, и башни его имѣютъ въ настоящее время окна въ стилѣ барокко, а стѣны облицованныя заново, старая ихъ раздѣлка отразилась въ возобновленныхъ угловыхъ пилястрахъ и въ арочномъ наливѣ вверху. Онѣ примыкаютъ съ двухъ сторонъ къ западному фасаду храма, и между ними находится открытое снаружи пространство, покрытое сводомъ, совершенно аналогично тому, что было въ Куршумли.

---

[1]) В. Петковић, Студеница, рис. 8.
[2]) В. Марковић, о. с., 76.
[3]) G. Millet, L'art serbe, fig. 48.
[4]) Ib., fig. 32, 44.
[5]) Ib., fig. 53.
[6]) М. Васић, о. с., 110.
[7]) Ib.: 133, рис. 102.

При существованіи одной только башни, въ западной архитектурѣ сравнительно очень рѣдки случаи, когда она помѣщается противъ оси церкви, такъ, чтобы въ нижней ея части былъ устроенъ входъ. Нѣсколько примѣровъ такого положенія башенъ можно привести въ архитектурѣ древней Англіи — въ Monkwearmouth, въ Billingham, въ Jarrow.[1] Существуютъ указанія, что и во Франціи въ IX в. башни были чаще всего одиночными и ставились противъ западнаго фасада такъ, что въ нижней ихъ части устраивался главный входъ.[2] То же мы находимъ и въ древнѣйшихъ (XI-XII вв.) церквахъ Далмаціи. Таковы башни церкви св. Спаса въ селѣ Цетине, церкви въ селѣ Жажвичѣ, базилики въ Бискупіи, около Книна, и собора въ Біоградѣ.[3]

Такимъ образомъ, едва ли существуетъ необходимость искать въ иныхъ мѣстахъ, кромѣ Далмаціи, источника происхожденія сербскихъ башенъ.

Если въ архитектурѣ храма св. Георгія оказывается очень мало чертъ, заимствованныхъ непосредственно изъ современнаго ему греческаго строительства, то живопись, нѣкогда украшавшую внутри всѣ его стѣны, нужно признать прекраснымъ произведеніемъ именно греческихъ художниковъ XII вѣка. Правда, отъ нея сохранились лишь незначительные и очень испорченные остатки, но по нимъ все же, вопреки существующему мнѣнію,[4] можно составить себѣ полное представленіе объ ея особенностяхъ, какъ иконографическихъ, такъ и стилистическихъ.

На отдѣльныхъ камняхъ, сохранившихся еще отъ склоновъ упавшаго купола, можно различить на синемъ фонѣ фрагменты большихъ желтыхъ медаліоновъ, въ которыхъ были изображены по поясъ Архангелы. Ниже, надъ арочками аркатуры барабана, помѣщенъ дугообразный орнаментъ, состоящій изъ завитковъ двухъ полосъ, красной и зеленой, расходящихся на двѣ стороны и выходящихъ изъ цвѣтныхъ сосудиковъ, изображенныхъ между склонами арочекъ, надъ капителями колонокъ.

Въ барабанѣ, какъ обычно, помѣщены Пророки. Крайняя слѣва фигура, на южной сторонѣ, представляетъ старца въ желтой нижней одеждѣ и въ темнозеленомъ плащѣ, обшитомъ бѣлымъ мѣхомъ. Онъ держитъ обѣими руками у лѣвой стороны груди развернутый свитокъ съ греческой надписью, начало которой читается: „+ **КЗΘѸ|ДНЄЙ**...“ Въ слѣдующемъ простѣнкѣ (табл. XXI, 2) пророкъ среднихъ лѣтъ съ темной бородой и длинными волосами, падающими на спину. У него синій хитонъ съ бѣлыми бликами и свѣтло-зелеными тѣнями и красный гиматій съ бѣлыми свѣтами. Поднятой правой рукой онъ благословляетъ, а въ лѣвой держитъ свитокъ, надпись котораго также можетъ быть прочитана. Между западными окнами изображенъ пророкъ Даніилъ — молодой, съ короткими волосами. На немъ короткая, подпоясанная сѣро-голубая туника, желтый плащъ, узкіе красные штаны, украшенные діагонально-перекрещивающимися желтыми полосами и желтые сапоги. Жестъ и свитокъ, какъ у предыдущаго. Въ сѣверо-западномъ простѣнкѣ пророкъ также молодой и безбородый, но съ длинными волосами. Хитонъ у него голубой съ зелеными тѣнями и бѣлыми свѣтами, гиматій красный. На свиткѣ читается надпись: „+ **ТА**-

---

[1]) Rivoira, o. c., fig 430, 432, 434.

[2]) R. de Lasteyrie. L'architecture religieuse en France à l'époque romane. Paris, Piccard, 1912, 383.

[3]) М. Васиħ, o. c., 108—112, рис. 84, 87.

[4]) W. Petkowic, Kirche d. Königs Nemanja, 165.

ДЄЗЄ|ΓΊΚСХС|РЄСФѠ...“ Въ промежуткахъ, надъ каждымъ окномъ, помѣщены маленькіе цвѣтные медаліоны съ погрудными изображеніями молодыхъ мучениковъ.

Изображенія Евангелистовъ сохранились только въ двухъ западныхъ парусахъ. Въ юго-западномъ изображенъ евангелистъ Лука, съ короткими курчавыми волосами и остроконечной бородкой. Онъ пишетъ на свиткѣ, который держитъ передъ собой. Противъ него стоитъ низкій столикъ съ письменными принадлежностями и съ пюпитромъ, съ котораго свѣшивается свитокъ. Въ сѣверо-западномъ парусѣ представленъ еванг. Маркъ — съ подстриженными въ скобку гладкими волосами и съ короткой округлой бородкой. Правой рукой онъ переворачиваетъ страницу въ книгѣ, лежащей передъ нимъ на пюпитрѣ, а въ лѣвой держитъ развернутый свитокъ.

Между евангелистами, во лбу западной арки, противъ изображенія св. Убруса, которое несомнѣнно находилось надъ упавшей восточной аркой, помѣщено св. Чрепіе — на плитѣ краснаго цвѣта представлена голова Христа (нижняя часть не сохранилась) въ желтомъ нимбѣ съ синимъ перекрестьемъ, украшеннымъ цвѣтными камнями и жемчугомъ. По сторонамъ головы хорошо сохранилась бѣлая надпись: „ІС|ХС-ТОАГІОН|КЄРАМІДНС“.

Въ лбахъ южной и сѣверной арокъ помѣщены въ желтыхъ медаліонахъ поясныя изображенія Архангеловъ съ мѣрилами въ рукахъ.

Подпружныя арки внутри были украшены орнаментомъ, который лучше всего сохранился въ западной аркѣ и представляетъ объединенные между собой бѣлые круги съ цвѣтными розетками и листками (рис. 2, б).

Въ тимпанѣ южной стѣны, слѣва отъ окна, изображено Срѣтеніе Господне (табл. XXII, 2). Симеонъ стоитъ слѣва и принимаетъ на руки Младенца; за нимъ стоитъ пророчица Анна, отъ которой сохранились лишь ноги отъ колѣнъ. Справа стоитъ Богородица и за ней Іосифъ, который въ покрытой подоломъ рукѣ держитъ двухъ горлицъ. Между Симеономъ и Анной видны низкіе желтые врата алтаря, а за Іосифомъ — сѣро-зеленое зданіе съ низкой красной конусообразной крышей. У Младенца желтый нимбъ съ перекрестьемъ изъ синей и красной полосъ. Композиція очень пострадала отъ воздѣйствія осадковъ.

Справа отъ окна находится изображеніе Крещенія Господня. Окно позднѣе было значительно расширено, и отъ этого пострадали обѣ сосѣднія съ нимъ композиціи — слѣва срѣзана часть фигуры Іосифа изъ Срѣтенія, справа уничтожена почти цѣликомъ фигура Іоанна Крестителя. Какъ видно на снимкѣ, отъ стараго окна сохранилась еще арочка внутри новой арки его. Кромѣ того, въ лѣвой части композиціи Крещенія отвалился большой кусокъ штукатурки, отъ чего пострадала также и средняя часть фигуры Христа. Іоаннъ находился на лѣвомъ берегу — отъ него сохранилась лишь часть нимба и правая вытянутая рука. Христосъ стоитъ посерединѣ, совершенно обнаженный, опустивъ вдоль тѣла лѣвую руку и слегка отставивъ лѣвую ногу. Рѣка изображена сѣро-голубыми поперечными полосами, вверху доходящими до высоты середины груди Христа. На фонѣ воды слѣва, у ногъ Христа, видна обнаженная ножка, принадлежавшая навѣрное фигуркѣ олицетворенія Іордана. Справа сѣро-желтый берегъ, спускающійся зубчатыми уступами. На немъ стоятъ два преклоняющихся Ангела съ покрытыми руками. Вверху разбирается остатокъ бѣлой греческой надписи: „НКАПТНС“...

Композиціи средняго пояса росписи обрамлены сверху каждая трехлопастной орнаментальной аркой, опирающейся на двойныя бѣлыя колонки, завязанныя въ серединѣ узломъ. Края этихъ арокъ состоятъ изъ узкихъ полосъ съ повторяющимися на синемъ фонѣ бѣлыми кринами (рис. 2 в), а треугольныя пространства между арочками и въ углахъ заполнены орнаментомъ изъ круглыхъ бѣлыхъ „колесъ“ и разводовъ на синемъ фонѣ.

Лѣвая композиція этого пояса на южной стѣнѣ представляетъ Преображеніе. Сохранилась только нижняя часть фигуры Христа въ свѣтлыхъ одеждахъ и въ свѣтло-голубой мандорлѣ съ лучами, а справа отъ него фигура Моисея (голова его испорчена), придерживающаго у груди лѣвой рукой скрижали Завѣта. Христосъ и пророки стоятъ на полукруглыхъ сѣровато-желтыхъ горкахъ. У ногъ Христа, на фонѣ горки, видна часть спины лежащаго спиной кверху и головой направо внизъ апостола. Справа отъ Моисея, на склонахъ горки, изображены два дерева.

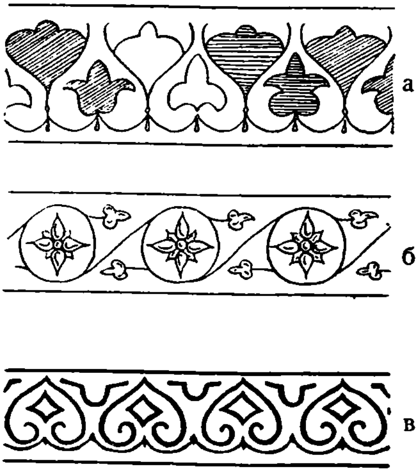

Рис. 2.
Схемы орнаментовъ въ росписи храма св. Георгія въ Расѣ.

Правая композиція представляла Цѣлованіе Іуды. Вся середина и правая сторона изображенія пропали. Слѣва видна часть спины и правая ступня Іуды, подходящаго ко Христу слѣва, и группа воиновъ и іудеевъ съ повязками на головахъ. Справа — лѣвое плечо, обращеннаго влѣво воина въ туникѣ съ рукавами, который, повидимому, хватаетъ Христа, и нѣсколько головъ. Надъ ними читается конецъ надписи: „Н παρα ДОСІА“.

Надъ дверью, въ пространствѣ между ея аркой и среднимъ поясомъ, помѣщены два погрудныхъ единоличныхъ изображенія святыхъ, заключенныя въ четыреугольныя рамы съ цвѣтными фонами внутри — краснымъ и синимъ. По сторонамъ дверей, такъ же, какъ и на пилястрахъ, были единичныя изображенія святыхъ въ ростъ.

Тимпанъ западной стѣны занимаетъ одна большая композиція Сошествія св. Духа на Апостоловъ (таб. XXI, 2). Апостолы сидятъ въ рядъ на скамьѣ со спинкой и подножьемъ; ноги ихъ покоятся на подушкахъ. Скамья имѣетъ форму полукруга съ двумя прямыми крыльями по сторонамъ. Въ полукруглой части ея сидятъ шесть апостоловъ и на каждомъ крылѣ по три. Въ центрѣ помѣщаются — слѣва Петръ, справа Павелъ, обращенные другъ къ другу. Остальные апостолы также сгруппированы по два въ обращеніи другъ къ другу. Рядомъ съ Петромъ сидитъ Іоаннъ, рядомъ съ Павломъ Матѳей. Апостолы бесѣдуютъ, на что указываетъ ихъ жестикуляція. У евангелистовъ и у Павла книги, у остальныхъ свернутые свитки. Надъ средней частью композиціи, вверху, на фонѣ радужнаго сегмента изображена гетимасія, отъ которой сходятъ на головы апостоловъ огненные языки. Престолъ гетимасіи безъ спинки, покрытъ синимъ покровомъ съ желтымъ орнаментированнымъ бортомъ. На немъ лежитъ длинная красная подушка, въ серединѣ покрытая бѣлымъ платомъ съ вышитымъ краемъ. На этомъ платѣ лежитъ синяя матерія, а на ней Евангеліе

въ желтомъ съ камнями и жемчугомъ переплетѣ. За престоломъ стоитъ крестъ, на верхній конецъ котораго надѣтъ маленькій зеленый терновый вѣнецъ, а по сторонамъ стоятъ копье и губа на палкѣ. Ниже, раздѣленная на двѣ части надпись: „**ИПЄНТИ-КОСТИ**“. За сидящими по краямъ апостолами видны зданьица въ формѣ базиликъ. У самаго праваго края виденъ фрагментъ какой-то драпировки свѣтло-голубого цвѣта, украшенной шестиугольными красными розетками и звѣздочками изъ точекъ. Самый край раздѣланъ какъ бы выкладкой изъ желтой (золотой?) мозаики. Два окна, прорѣзанныя въ этомъ тимпанѣ, несомнѣнно, существовали въ моментъ исполненія росписи, такъ какъ края ихъ обведены красной каймой, а внутри они украшены живописнымъ орнаментомъ, но они были впослѣдствіи удлинены, и при этомъ были уничтожены головы изображенныхъ подъ ними апостоловъ.

Ниже, вся живопись на западной стѣнѣ пропала, но по нѣкоторымъ, правда, незначительнымъ остаткамъ можно судить, что въ среднемъ поясѣ ея помѣщалось громадное изображеніе Успенія Богородицы, также заключенное въ трехлопастную арку.

Въ тимпанѣ сѣверной стѣны, слѣва отъ окна, изображено Воскрешеніе Лазаря (табл. XXIII, 1). Христосъ, сопровождаемый группой апостоловъ, подходитъ слѣва. На второмъ планѣ, немного впереди остальныхъ апостоловъ идетъ Петръ, который обращается ко Христу. У ногъ Христа Марѳа и Марія Марія припадаетъ къ его ногамъ, а Марѳа, приподнявшись, оглядывается назадъ и смотритъ на воскресающаго. Справа вертикальная гробница съ круглымъ верхомъ и въ ней стоитъ Лазарь, завернутый съ головой въ бѣлый саванъ. Голова его въ нимбѣ, склонена къ правому плечу. Справа, на первомъ планѣ, видна нагнувшаяся къ землѣ фигура слуги, снявшаго крышку гроба. Слѣва, рядомъ съ гробомъ стоитъ второй слуга, который въ правой рукѣ держитъ конецъ бѣлой пелены-савана, а лѣвой зажимаетъ себѣ носъ. За нимъ, на заднемъ планѣ, видна группа іудеевъ въ бѣлыхъ повязкахъ. У ногъ этого слуги видна часть почвы, которая раздѣлена квадратиками въ видѣ мозаической выкладки, какъ въ правомъ углу только что описанной композиціи Сошествія св. Духа.

Справа отъ окна представленъ Входъ въ Іерусалимъ. Такъ же, какъ и на южной стѣнѣ, вслѣдствіе расширенія окна лѣвая часть композиціи уничтожена. Христосъ ѣдетъ вправо, сидя бокомъ на бѣлой ослицѣ, и смотритъ передъ собой. За нимъ слѣдуетъ группа апостоловъ, впереди которой шествуетъ Петръ, бесѣдующій съ Христомъ. Справа впереди два склонившихся мальчика въ бѣлыхъ рубашечкахъ постилаютъ красныя одежды подъ ноги ослицѣ. За ними видны стѣны города и группа іудеевъ въ бѣлыхъ повязкахъ на головахъ. Одинъ изъ нихъ держитъ на рукахъ ребенка. Подъ ногами у мальчиковъ видна почва, также раздѣланная квадратиками.

Остальная живопись на этой стѣнѣ вся пропала, но можно установить, что въ среднемъ поясѣ, также въ арочныхъ обрамленіяхъ, были изображены: слѣва Распятіе — сохранился только летящій вверху ангелочекъ и верхъ креста, а справа Сошествіе во адъ — остался на мѣстѣ лишь кусочекъ штукатурки, на которомъ написана рука Іоанна Предтечи съ крестомъ. Ниже были также портреты святыхъ въ четыреугольныхъ рамахъ.

Роспись въ боковыхъ вестибюляхъ очень сильно смыта, но можно различить

надъ южнымъ входомъ поясное изображеніе Ангела, а въ проходѣ единоличныя фигуры.

Внутри западной арки, перекинутой надъ проходомъ въ притворъ, живопись также очень испорчена. Въ зенитѣ этой арки изображенъ старецъ-мученикъ въ кругломъ медаліонѣ съ краснымъ фономъ и въ желтой рамѣ. По склонамъ помѣщены по два поясныхъ изображенія въ четыреугольныхъ рамахъ. На южномъ склонѣ вверху представленъ молодой мученикъ „ʽΟΑΓΙΟΣ | ΑΝΔΡο ΝΙΚΟΣ“. Подъ нимъ, повидимому, былъ портретъ апостола Павла — изображеніе очень испорчено, но сохранился обрывокъ надписи: „ΠΑΥΛ οs“ На сѣверномъ склонѣ вверху помѣщенъ мученикъ „ʽΟΑΓΙΟΣ | ΠΡΟΒΟΣ“.

На восточной стѣнѣ притвора, надъ аркой прохода въ храмъ, сохранилось замѣчательное, громадныхъ размѣровъ, изображеніе св. Георгія, скачущаго на конѣ вправо (табл. XXII, 1). Къ сожалѣнію, голова святого пропала, а голова коня очень испорчена, но въ остальномъ и рисунокъ и краски еще прекрасно различаются. На святомъ голубая туника, поверхъ которой надѣтъ желтый панцырь, и красные узкіе штаны. Сзади развѣвается красный плащъ на сѣро-зеленой подкладкѣ, обернутый вокругъ шеи и прикрѣпленный еще черезъ грудь красной лентой. Святой въ лѣвой рукѣ держитъ концы красныхъ поводьевъ, а въ правой длинное копье, поднятое остріемъ кверху. Бѣлый конь фактически блѣдно зеленаго цвѣта съ сѣро-зелеными усиленіями въ тѣняхъ. Ременной наборъ у него красный. Длинный хвостъ завязанъ узломъ.

На склонахъ полуразрушеннаго коробоваго свода надъ притворомъ сохранились фрагменты Житія св. Георгія. На южномъ склонѣ было изображено колесованіе святого, а на сѣверномъ его усѣкновеніе. Вся эта часть росписи, однако, была поновлена въ позднѣйшее время, когда были написаны и отдѣльныя фигуры въ нижнихъ частяхъ стѣнъ. На восточной стѣнѣ внизу на старую живопись нанесенъ и новый слой штукатурки. На этомъ слоѣ въ сѣверной части было помѣщено изображеніе, теперь не существующее, но отъ котораго сохранилась надпись — „СТЫСИМЄ | ѠНЬ НЄМ...“, т. е. Стефанъ Неманя, строитель храма, принявшій въ концѣ жизни, при постриженіи въ монахи имя Симеона. Въ южной части этой стѣны, въ углу — другое изображеніе царя, съ бородой и усами и съ длиннымъ крестомъ въ рукахъ. Надпись здѣсь не сохранилась.

Эта часть росписи, вѣроятно, относится къ началу XIV вѣка, когда храмъ былъ обновленъ королемъ Стефаномъ Драгутиномъ, который затѣмъ, въ 1316 году, здѣсь былъ и погребенъ. Тогда же была расписана и небольшая часовня-усыпальница, выстроенная Драгутиномъ противъ юго-западнаго угла храма. Упомянутое выше послѣднимъ царское изображеніе въ притворѣ, вѣроятно, и изображаетъ короля Драгутина, повелѣвшаго изобразить Неманю, какъ перваго ктитора храма и себя, какъ второго. Судя по стилю, а также и по характеру фрагментовъ надписей, живопись въ сводѣ притвора была еще разъ переписана, вѣроятно, въ XVI вѣкѣ.

Несмотря на сильныя разрушенія, весь составъ росписи стоящихъ еще стѣнъ внутренней части храма удается, какъ было видно, возстановить. Вслѣдствіе большихъ размѣровъ композицій и небольшой площади стѣнъ, составъ этотъ былъ ограниченъ сокращеннымъ изводомъ иллюстрацій къ Евангелію, дополненнымъ изображеніями Сошествія св. Духа и Успенія Богородицы. Отсутствіе начальныхъ и конечныхъ композицій этого цикла заставляетъ предполагать,

что онѣ помѣщались на упавшихъ уже стѣнахъ храма, т. е. въ тимпанѣ надъ восточной аркой, а также и въ алтарѣ. Въ началѣ недостаетъ Благовѣщенія и Рождества Христова, а въ концѣ Вознесенія. Нельзя думать, чтобы всѣ эти три композиціи могли помѣщаться только въ восточномъ тимпанѣ. Въ послѣднемъ навѣрное было изображено только одно Благовѣщеніе, аналогично тому, какъ это мы видимъ въ Жичѣ, гдѣ въ боковыхъ частяхъ подобнаго же тимпана изображены Архангелъ Гавріилъ и Богородица, а въ центрѣ благословляющій обѣими руками Христосъ, видный по поясъ въ сегментѣ неба. Рождество и Вознесеніе, поэтому, должны были находиться въ алтарѣ.

Помѣщеніе этихъ двухъ изображеній въ алтарной апсидѣ было бы совершенно безпримѣрнымъ, а потому мы и предположили выше существованіе между подкупольнымъ пространствомъ храма и апсидой еще предъалтарной части, въ которой и должна была находиться эта часть росписи. Въ такомъ случаѣ Рождество Христово нашло бы себѣ мѣсто въ верхнемъ поясѣ южной стѣны этой части храма, предваряя непосредственно Срѣтеніе, аналогично тому, какъ это извѣстно въ росписи храма въ Арильѣ. Вознесеніе же такъ же, какъ въ Нерезѣ, въ Нагоричинѣ, въ Грачаницѣ, въ Лесновѣ, въ Кральевой церкви Студеницкаго монастыря, помѣщалось бы въ восточномъ сводѣ.

На сѣверной стѣнѣ этого предъапсидного пространства можно было бы предполагать — въ верхнемъ поясѣ Тайную Вечерю, которая бы вполнѣ естественно слѣдовала за Входомъ въ Іерусалимъ и подобающимъ же ей образомъ находилась въ алтарѣ, а въ нижнемъ, вѣроятнѣе всего, Явленіе Ангела мироносицамъ у Гроба, какъ въ росписи Сопочанской церкви. Воскресеніе Христово было бы въ такомъ случаѣ представлено въ обоихъ переводахъ, что не является исключительнымъ, судя хотя бы по той же Сопочанской росписи. Труднѣе представить себѣ, что было изображено въ нижнемъ поясѣ южной стѣны, подъ Рождествомъ, и что должно было предшествовать Преображенію. Въ краткомъ циклѣ евангельскихъ изображеній, какой мы имѣемъ въ данномъ случаѣ, Преображеніе обычно слѣдуетъ за Крещеніемъ, которое здѣсь помѣщено въ верхнемъ поясѣ южной стѣны. Надо, однако, принять во вниманіе, что въ нашей росписи Преображеніе не находится на томъ мѣстѣ, гдѣ ему слѣдовало бы быть. Обычный порядокъ слѣдованія композицій былъ бы таковъ — Срѣтеніе, Крещеніе, Преображеніе, Воскрешеніе Лазаря, Входъ въ Іерусалимъ, Цѣлованіе Іуды, Распятіе и т. д. Въ виду того, что Срѣтеніе и Крещеніе находятся въ верхнемъ поясѣ южной стѣны, на соотвѣтственныхъ мѣстахъ сѣверной стѣны должны были бы находиться Преображеніе и Воскрешеніе Лазаря. Входъ въ Іерусалимъ помѣщался бы тогда на сѣверной стѣнѣ алтаря, а въ нижнемъ поясѣ южной — Тайная Вечеря. На мѣстѣ Преображенія было бы Цѣлованіе Іуды и рядомъ съ нимъ Распятіе. Въ нижнемъ поясѣ сѣверной стѣны — Сошествіе во адъ и Явленіе мироносицамъ. Что было бы тогда изображено въ нижнемъ поясѣ сѣверной стѣны алтаря, при наличіи краткаго извода, придумать невозможно.

Преображеніе, такимъ образомъ, нарушаетъ правильный порядокъ слѣдованія изображеній. Если бы же его въ данномъ мѣстѣ не было, то передъ Цѣлованіемъ Іуды естественно было бы видѣть еще Моленіе въ Геѳсиманскомъ саду. Въ виду же того, что въ остальномъ порядокъ выдержанъ правильно, эту то послѣднюю композицію и можно предполагать въ нижнемъ поясѣ южной стѣны алтаря.

Такимъ образомъ, весь составъ росписи храма св. Георгія возстанавливается въ такомъ видѣ: въ куполѣ Христосъ-Вседержитель, по склонамъ Архангелы въ медалюнахъ, въ барабанѣ Пророки и Мученики въ медалюнахъ, во лбахъ арокъ Нерукотворенные образа и Ангелы въ медаліонахъ, въ восточномъ тимпанѣ Благовѣщеніе, на южной стѣнѣ алтаря вверху Рождество Христово, на южной стѣнѣ храма вверху Срѣтеніе и Крещеніе, на сѣверной стѣнѣ храма вверху Воскрешеніе Лазаря и Входъ въ Іерусалимъ, на сѣверной стѣнѣ алтаря вверху Тайная Вечеря, на южной стѣнѣ алтаря внизу Моленіе въ Геѳсиманскомъ саду, на южной стѣнѣ храма внизу Преображеніе и Цѣлованіе Іуды, на сѣверной стѣнѣ храма внизу Распятіе и Сошествіе во адъ, на сѣверной стѣнѣ алтаря внизу Явленіе мироносицамъ, въ восточномъ сводѣ Вознесеніе и на западной стѣнѣ храма Сошествіе св. Духа и Успеніе Богородицы. Въ алтарной апсидѣ надо предполагать обычную роспись, т. е. Богородицу въ конхѣ, а подъ нею Евхаристію и Святителей.

Слѣдуетъ обратить вниманіе и на нѣкоторыя иконографическія особенности сохранившихся композицій.

Изображеніе Срѣтенія обыкновенно всегда строится болѣе или менѣе по одному и тому же шаблону, который состоитъ въ томъ, что участвующія лица раздѣляются на двѣ группы, противопоставленныя одна другой, а между ними, на заднемъ планѣ, изображается престолъ или, какъ въ нашемъ случаѣ, врата Святая Святыхъ. Обычно въ одной группѣ объединяются Іосифъ и Марія, въ другой Симеонъ Богопріимецъ и пророчица Анна. Варіанты состоятъ либо въ томъ, что эти группы мѣняются мѣстами, т. е. то Богородица и Іосифъ помѣщаются слѣва, а Симеонъ и Анна справа, то наоборотъ, либо же въ томъ, что Младенецъ мѣняетъ свое мѣсто и положеніе. Чаще всего, слѣдуя древнѣйшимъ образцамъ, Іосифъ и Марія изображаются подходящими слѣва[1]. Справа они представлены на извѣстной мозаической иконѣ въ музеѣ флорентійскаго собора[2] и въ росписи XII в. церкви-гробницы Бачковскаго монастыря въ Болгаріи[3], въ росписи стилистически чрезвычайно близкой живописи храма св. Георгія. Въ сербской живописи XIV в. такой случай извѣстенъ въ стѣнописи церкви св. Георгія въ Старомъ-Нагоричинѣ, 1318 года. Въ кодексѣ Григорія Богослова Paris. № 510 и на флорентійской иконѣ Анна совсѣмъ не изображена, а на позднихъ русскихъ иконахъ[4] она часто присоединяется къ группѣ Іосифа и Маріи. Прообразъ послѣдняго мы находимъ въ сербскихъ росписяхъ XIV в. — въ томъ же Старомъ-Нагоричинѣ и въ Марковомъ монастырѣ[5]. Гораздо чаще варьируется мѣстонахожденіе Младенца и его положеніе. Младенецъ изображается сидящимъ на рукахъ у Матери, или уже на рукахъ у Симеона, или же между ними въ самый моментъ передачи. Въ первомъ случаѣ Богородица

---

[1]) На мозаикахъ Santa Maria Maggiore въ Римѣ, въ ватиканскомъ менологіи, въ кодексѣ Григорія Бог. Paris. № 510, въ Иверскомъ Евангеліи, въ церкви Геремэ, въ Нередицѣ, въ Кіевской Кирилловской церкви, въ большинствѣ сербскихъ росписей, на иконахъ и т. д.

[2]) G. Millet. Recherches sur l'iconographie de l'Evangile. Paris. Fontemoing, 1916, fig 1.

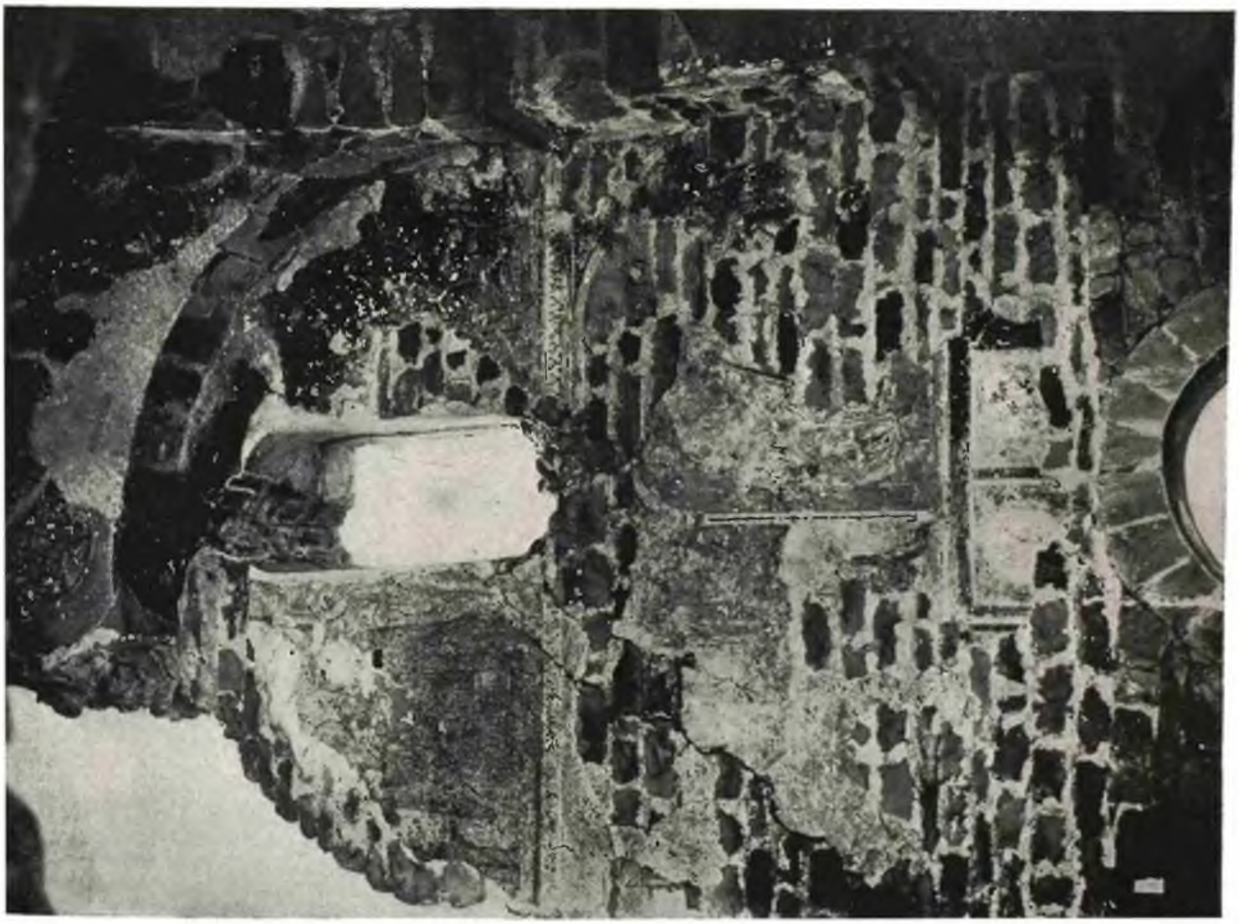
[3]) А. Грабаръ. Роспись церкви-костницы Бачковскаго монастыря. „Известия на Българския Археол. Институтъ", II, София, 1924. 28—30, табл. III, 2.

[4]) И. Грабарь. Исторія русскаго искусства. Москва, Кнебель, s. a. VI. рис. на стр. 345, 368, 371, 384.

[5]) Др. Л. Мирковић и арх. Ж. Татић, о. с., рис. 62.

1

1

2

3

либо просто держитъ Младенца,[1] либо протягиваетъ его Симеону, причемъ Младенецъ то бываетъ обращенъ къ Симеону, то къ Матери.[2] Обращенный къ Симеону Христосъ иногда спокойно сидитъ на рукахъ Маріи, благословляя правой ручкой,[3] иногда прижимается къ Матери,[4] иногда же тянется къ Симеону и протягиваетъ ему ручки.[5] Во второмъ случаѣ, Младенецъ также либо бываетъ обращенъ къ Симеону, либо къ Матери, и тогда онъ часто тянется назадъ, къ ней.[6] Симеонъ, принявъ Христа, иногда прижимается къ нему щекой[7] и въ рѣдкихъ случаяхъ при этомъ обращается лицомъ къ зрителю, какъ это мы видимъ въ Бачковѣ. Въ нашей росписи примѣнена наиболѣе распространенная иконографія — Богородица протягиваетъ Младенца Симеону. Очень разрушенная живопись не позволяетъ опредѣлить въ какомъ положеніи находился Христосъ, но кажется, онъ обращенъ лицомъ къ зрителю — положеніе довольно рѣдкое.

Иконографія Крещенія вполнѣ соотвѣтствуетъ наиболѣе распространенной греческой иконографіи этого сюжета въ XI—XII вв.[8]

То же можно сказать и относительно Преображенія,[9] хотя вслѣдствіе разрушенія пропали двѣ боковыя фигуры апостоловъ и неизвѣстно въ какихъ положеніяхъ онѣ находились. Въ Воскрешеніи же Лазаря нужно отмѣтить одну особенность, которая неизвѣстна въ другихъ памятникахъ, а именно то, что Петръ выдѣляется изъ группы идущихъ за Христомъ апостоловъ, выступаетъ впередъ и обращается ко Христу. Въ остальномъ композиція ближе всего слѣдуетъ иконографіи Иверскаго четвероевангелія, № 5.[10] Также выступаетъ впередъ и обращается ко Христу Петръ и въ композиціи Входа въ Іерусалимъ. Но здѣсь эта особенность встрѣчается въ цѣломъ рядѣ памятниковъ и является обычной чертой византійской иконографіи XI—XII вв.[11]

Композиція Цѣлованія Іуды ближе всего слѣдуетъ мозаикѣ Дафнійскаго монастыря[12] — здѣсь Іуда также стремительно подходитъ слѣва, оставивъ назадъ правую ногу, а справа беретъ Христа за плечо воинъ въ подпоясанной туникѣ.

Обычная иконографія Сошествія св. Духа на апостоловъ представляетъ ихъ сидящими полукругомъ, причемъ на ихъ головы сходитъ св. Духъ въ видѣ огненныхъ языковъ. Внутри полукруга изображаются „языки, племена и народы"

---

[1]) Старо-Нагорично, Кральева церковь въ Студеницѣ. Въ обоихъ случаяхъ Младенецъ представленъ спеленутымъ.

[2]) Алтарный рельефъ XII в. въ Città di Castello (Н. Покровскій. Евангеліе въ памятникахъ иконографіи. „Труды VIII археол. съѣзда въ Москвѣ", I, СПБургъ, 1892. 111), роспись 1259 г. Боянской церкви въ Болгаріи (А. Грабаръ. Боянската църква. „Художествени паметници на България", I, София, 1924. Табл. XI).

[3]) Въ Сербіи — въ Марковомъ монастырѣ (акаѳистъ), въ Лесновѣ.

[4]) Флорентійская икона, Кіевская Кирилловская церковь.

[5]) Иверское Евангеліе, церковь въ Геремэ, Нередица, Сопочаны.

[6]) Гелатское Евангеліе, Ватопедское Евангеліе № 101/735, Марковъ мон.

[7]) Бачково, Марковъ мон.

[8]) G. Millet, Recherches, 174—178, fig. 129—137.

[9]) Ib., 222—225.

[10]) Ib., fig. 212.

[11]) Ib., 261.

[12]) Ib., fig 352.

міра въ видѣ нѣсколькихъ группъ, одѣтыхъ въ различныя одежды, или же „Космосъ“ — олицетвореніе міра, въ видѣ царя въ коронѣ, держащаго на платѣ 12 свитковъ — символовъ благовѣствованія апостольскаго. Въ рѣдкихъ случаяхъ (Евангеліе Раввулы, 586 г.), среди апостоловъ помѣщается и Богородица, которая обыкнованно занимаетъ мѣсто въ центрѣ, между Петромъ и Павломъ. Но эта общая схема композиціи часто измѣняется въ зависимости отъ условій мѣста, въ которомъ она находится. Такъ, вслѣдствіе того, что она въ храмѣ св. Софіи константинопольской, въ храмѣ монастыря св. Луки, въ Фокидѣ, въ мозаикахъ св. Марка, въ Венеціи, помѣщена въ куполѣ, апостолы расположены въ рядъ по кругу, на склонахъ этого купола. Въ иныхъ случаяхъ апостолы даже разбиваются на двѣ отдѣльныя группы. Въ росписи храма Спасителя въ Ани (XI в.?) они помѣщены по шести въ конхахъ двухъ нишъ по сторонамъ главной апсиды, а въ церкви Маркова монастыря, въ южной Сербіи, они сидятъ полукругомъ, также по шести, на обоихъ склонахъ восточнаго свода, въ центрѣ котораго представленъ въ ореолѣ Христосъ, благословляющій обѣими руками. Расположеніе апостоловъ въ нашей росписи находится въ зависимости отъ двухъ оконъ, пробитыхъ въ западномъ тимпанѣ. Въ обычный полукругъ всѣхъ ихъ размѣстить не удалось бы, а потому такъ посажены только шесть среднихъ. Да и въ этомъ случаѣ, какъ было видно выше, низы оконъ пришлось заложить.

Очень близкую аналогію нашей композиціи, и въ иконографическомъ отношеніи, и въ смыслѣ расположенія ея частей, представляетъ роспись пещерной церкви Qeledjlar въ Каппадокіи.[1] Въ виду помѣщенія композиціи на двухъ склонахъ коробоваго свода и въ тимпанѣ стѣны между ними, апостолы представлены всѣ сидящими въ одинъ рядъ, причемъ средніе шесть выдѣлены въ тимпанѣ стѣны, а боковые по три находятся на обоихъ склонахъ свода. Кромѣ того, они здѣсь также сгруппированы по два, также жестикулируютъ и также евангелисты и Павелъ держатъ книги, а остальные свитки. Совершенно затѣмъ одинаково, по древнему примѣру закрытыхъ теперь мозаикъ св. Софіи въ Константинополѣ и церкви св. Луки въ Фокидѣ, лучи съ огненными языками на ихъ головы сходятъ отъ Гетимасіи, изображенной въ зенитѣ свода. Подъ средней группой апостоловъ въ каппадокійской росписи изображены три группы народовъ. Въ нашей росписи этой детали нѣтъ, но весьма возможно, что она была и занимала обычное мѣсто внутри средняго полукруга, гдѣ сейчасъ вся живопись исчезла. Въ такомъ случаѣ, конечно, фигуры, составляющія эти группы, должны были быть очень маленькими, т. к. мѣста въ полукругѣ очень мало, но такія же маленькія фигурки „языковъ“ мы видимъ также и въ изображеніи Сошествія св. Духа въ росписи храма въ Жичѣ, XIII в.

Особый интересъ имѣетъ иконографія изображенія св. Георгія въ тимпанѣ восточной стѣны притвора (табл. XXII, 1). Въ XII в. подобное же изображеніе извѣстно въ апсидѣ діаконника церкви св. Георгія въ Старой Ладогѣ.[2] Тамъ святой также ѣдетъ на бѣломъ конѣ вправо; копье онъ держитъ въ правой рукѣ у плеча, плащъ развѣвается, а на лѣвой рукѣ виситъ большой круглый щитъ. Разница заключается въ томъ, что конь не скачетъ, а идетъ шагомъ.

---

[1]) P. G. Jerphanion. Les églises rupestres de Cappadoce. Paris, 1925. I, 230—232, pl. 52, 1.
[2]) И. Грабарь, о. с., 133.

Кромѣ того, тамъ представлена царевна со зміемъ и пейзажъ съ городской стѣной. Въ нашей росписи правая сторона композиціи очень сильно испорчена, но можно предположить, что и здѣсь была фигура царевны — за передними копытами коня различается слабый слѣдъ какъ-будто праваго плеча и головы этой фигуры. Въ позднѣйшихъ росписяхъ обыкновенно изображается самый моментъ пораженія змія, какъ въ притворѣ церкви Архангела Михаила въ селѣ Кучевиште, около Скоплѣ, и въ Драгалевскомъ монастырѣ, близь Софіи, расписанномъ въ 1476 г. Въ послѣднемъ конь также скачетъ вправо и композиція помѣщена также на западной стѣнѣ храма, надъ входомъ. Въ нашей росписи силуэтъ скачущаго коня удивительно удачно слѣдуетъ линіи арки, надъ которой находится.

Такимъ образомъ, иконографическія черты росписи храма св. Георгія вполнѣ соотвѣтствуютъ особенностямъ современной ему греческой живописи. То же можно сказать и относительно стиля. Остановимъ вниманіе лишь на нѣкоторыхъ, наиболѣе бросающихся въ глаза стилистическихъ особенностяхъ нашей росписи.

Въ греческой живописи XI—XII вв. женскія лица пріобрѣтаютъ особое, строгое, сухое и какъ бы страдальческое выраженіе. Происходитъ это отъ того, что, при обращеніи лица въ три четверти къ зрителю, одна, ближайшая щека, дѣлается большой и плоской, на другой щекѣ проводится отъ ноздри къ низу глубокая складка, тонкій носъ еще болѣе удлиняется, густыя брови приподымаются и надвигаются на переносье, а уголки плотно сжатаго рта часто опускаются внизъ. Образцами такой трактовки лица можетъ служить ликъ святой Елены въ росписи южнаго притвора храма св. Софіи въ Новгородѣ,[1] ликъ Богородицы въ композиціи Срѣтенія въ Спасо-Нередицкой церкви,[2] ликъ Богородицы въ конхѣ жертвенника Нерезскаго монастыря, ликъ Богородицы изъ Деисуса въ конхѣ апсиды крипты церкви-гробницы Бачковскаго монастыря[3] и т. д. Точно такую же трактовку мы находимъ и въ лицѣ Марѳы въ Воскрешеніи Лазаря на сѣверной стѣнѣ нашего храма (табл. XXIII, 1).

Выразившаяся уже въ этомъ стилистическая близость нашей росписи съ живописью Бачковскаго храма идетъ значительно дальше, несмотря на наличіе рѣзкихъ иконографическихъ различій, которые возникли при одинаковомъ художественномъ подходѣ мастеровъ, благодаря пользованію различными иконографическими образцами и переводами. Въ Бачковѣ, напримѣръ, примѣняется тотъ же декоративный пріемъ заключенія отдѣльныхъ композицій въ трехлопастныя арки, опирающіяся на колонки.[4] Эти арки тамъ иначе немного орнаментированы и наряду съ тонкими двойными бѣлыми колонками есть и раздѣланныя подъ мраморъ, но это не мѣняетъ существа этой стилистической черты. Затѣмъ, мы видимъ тамъ и совершенно такія же орнаментальныя полосы, состоящія изъ красныхъ, зеленыхъ и голубыхъ флероновъ на бѣломъ полѣ (табл. XXIII, 3 и рис. 2, а); въ другихъ памятникахъ этой эпохи, какъ въ Дафни, напримѣръ,[5] этотъ орнаментъ выполненъ на темномъ фонѣ. Наконецъ, мы

---

¹) Ib. 131.
²) „Фрески Спаса-Нередицы“, Издание Госуд. Рус. Музея. ЛГрад, 1925, тбл. XIV, 1.
³) А. Грабаръ. Роспись Бачковск. м-ря, табл. X, 2.
⁴) Ib., табл. II—IV. То же въ Нередицѣ (о. с., табл. IV).
⁵) Ch. Diehl. Manuel d'art byzantin. Paris, 1910. fig. 243. То же въ Кахріэ-Джами, на барабанномъ кольцѣ бокового купола („Кархіэ-Джами“. Изд. Русск. Археол. Института въ Константинополѣ. Мюнхенъ, 1906, тбл. XII).

находимъ тамъ и погрудныя изображенія святыхъ въ четыреугольныхъ рамахъ, какъ на боковыхъ стѣнахъ нашего храма.

Эти рамы въ Бачковской росписи, чередуясь съ круглыми, имѣютъ ту замѣчательную особенность, что вверху каждой рамы изображено кольцо и даже гвоздь, на которомъ рама какъ бы повѣшена (табл. XXIII, 3). Въ нашей росписи этихъ колецъ и гвоздей нѣтъ, или они, можетъ быть, не сохранились, но въ росписи XIII в. храма въ Жичѣ, въ алтарной апсидѣ, изображены такія же рамы и также съ кольцами (табл. XXIII, 2). Тутъ мы имѣемъ дѣло, несомнѣнно, съ подражаніемъ портативнымъ иконамъ, и этимъ подчеркивался портретный характеръ изображеній. Это усугубляется еще и тѣмъ, что, въ отличіе отъ всей остальной росписи, внутри этихъ рамъ фонъ въ большей части дѣлается не обычный синій — цвѣтъ неба, а красный или зеленый. Подобные четыреугольные портреты извѣстны также въ росписи храма св. Софіи въ Кіевѣ, въ кіевской Кирилловской церкви,[1] а въ Сербіи кромѣ Жичи еще и въ росписи Успенскаго храма Студеницкаго монастыря, также основаннаго Стефаномъ Неманей.[2]

Край берега Іордана въ композиціи Крещенія почти никогда не изображался въ средневѣковой живописи въ видѣ пологаго спуска къ водѣ, а всегда болѣе или менѣе имѣетъ видъ низкаго обрыва или срѣза, похожаго на ступеньку. Этотъ срѣзъ иногда бываетъ почти совсѣмъ ровный,[3] иногда представляетъ извилистую линію[4] или зигзагъ,[5] иногда образуетъ острые зубцы,[6] которые въ иныхъ случаяхъ бываютъ похожи на сучки дерева.[7] Въ росписи храма св. Георгія также представленъ такой срѣзъ, хотя и очень низкій, а берегъ имѣетъ зубчатый край, но не съ острыми зубцами, а въ видѣ выступающихъ четыреугольниковъ, подобныхъ зубцамъ крѣпостной стѣны (табл. XXII, 2). Такой рѣдкій пріемъ изображенія берега не является, однако случайнымъ, а составляетъ прямое подражаніе очень древнимъ образцамъ. Плоскій срѣзъ берега есть обычный пріемъ въ помпеянской живописи, который затѣмъ переходитъ и въ живопись древне-христіанскую, какъ это можно видѣть на извѣстной копіи купольной мозаики церкви св. Пуденціаны въ Римѣ. Такимъ плоскимъ срѣзомъ, пріобрѣтающимъ зигзагообразную форму или форму прямоугольныхъ зубцовъ, заканчиваютъ не только берегъ рѣки, когда нужно ее изобразить, но и вообще почву подъ ногами фигуръ въ передней ея части. Такими прямоугольными зубцами заканчивается, напримѣръ, уступъ почвы на мозаикѣ въ апсидѣ церкви св. Виталія въ Равеннѣ.[8] Отъ подражанія уже этому или подобнаго рода уступу произошла горизонтальная декоративная полоса, дѣлящая композиціи въ капеллѣ Богородицы въ Геремэ, въ Каппадокіи.[9] Все разнообразіе пріемовъ изображенія берега Іордана въ Крещеніи имѣетъ своимъ прообразомъ указанный античный пріемъ и представляетъ только болѣе или менѣе удачное ему подраженіе. Изо-

---

¹) И. Грабарь, о. с. 129.,
²) В. Петковиħ, Студеница, рис. 52.
³) G. Millet, Recherches, fig. 1, 140.
⁴) Ib., fig. 134, 141.
⁵) Ib., fig. 121, 149, 167.
⁶) Ib., fig. 129, 133,138, 139, 144.
⁷) Ib., fig. 132; Нередица, о. с., табл. III.
⁸) A. Colasanti, o. c., pl. 17.
⁹) P. G. Jerphanión, o. c., pl. 34, 1—2.

браженіе этого берега въ нашей росписи ближе всего копируетъ этотъ образецъ.

Отмѣченная выше въ Сошествіи св. Духа, въ Воскрешеніи Лазаря и во Входѣ въ Іерусалимъ раздѣлка почвы въ видѣ мозаической выкладки представляетъ исключительный случай въ этихъ именно изображеніяхъ. Похожій же мозаическій полъ представленъ въ композиціи Распятія въ Успенской церкви Студеницкаго монастыря,[1] а кромѣ того мнѣ удалось лично замѣтить также мозаическій полъ подъ ногами крайнихъ слѣва фигуръ въ очень сильно разрушенной фрескѣ Снятія со Креста на восточной стѣнѣ сѣвернаго конца трансепта въ Жичѣ. Въ сценѣ Распятія мозаическій полъ извѣстенъ также на мозаической иконѣ въ Opera del Duomo во Флоренціи.[2] Такой пріемъ, слѣдовательно, является родственнымъ древнѣйшимъ росписямъ Сербіи. Особый интересъ его заключается въ томъ, что онъ предваряетъ собою появляющееся къ серединѣ XIII вѣка въ сербской живописи стремленіе къ общему подражанію въ стѣнописяхъ мозаикамъ, какъ это видно въ росписяхъ Милешева, Градаца и Сопочанъ.

Приведенныя черты стиля стѣнописи храма св. Георгія объединяютъ ее въ одну группу съ росписями храма Бачковскаго монастыря, Успенской церкви въ Студеницѣ и храма въ Жичѣ. Къ первой изъ нихъ она, несомнѣнно, стоитъ ближе всего и это объясняется прежде всего тѣмъ, что обѣ онѣ возникли почти въ одно время, во второй половинѣ XII вѣка, въ то время, какъ двѣ послѣднія относятся уже къ началу XIII столѣтія. Всѣ эти четыре памятника, такимъ образомъ, могутъ быть отнесены къ одной живописной школѣ, древнѣйшей въ этой части Балканскаго полуострова.

Противъ юго-западнаго угла храма св. Георгія сохранилась, какъ было уже указано, небольшая часовня-гробница, почти квадратная въ планѣ и покрытая крестовымъ сводомъ съ толстыми нервюрами. Она построена была, повидимому, въ началѣ XIV вѣка королемъ Стефаномъ Драгутиномъ. Роспись въ сводѣ сильно закопчена и сейчасъ почти не различима. На южной и сѣверной стѣнахъ помѣщены портреты всѣхъ представителей династіи Немани вплоть до Драгутина и его жены Катерины. Въ тимпанѣ западной стѣны изображена св. Троица, въ видѣ трехъ Ангеловъ за столомъ подъ дубомъ Мамврійскимъ.

Ник. Окуневъ.

20/XII — 1926.

---

[1]) В. Петковић, Студеница, рис. 42.
[2]) Фотогр. Alinari, № 7676.

»PILIERS DE SAINT-GEORGES«

LES RUINES D'UNE ÉGLISE DU XII S. PRÈS DE NOVY PAZAR

L'église de Saint-Georges en Rascie, actuellement près de Novy Pazar, fut fondée vers 1168 par Etienne Nemanja. Les ruines présentent avec précision tous les traits caractéristiques de la plus ancienne époque de l'architecture serbe. Le plan avec une nef unique et avec des vestibules latéraux ouverts, ainsi que la batisse en pierres répètent des particularités de l'architecture arménienne. Forme rare — ovale, de la coupole trouve des analogies dans les églises de Constantinople. La décoration intérieure du tambour à arcature aveugle sur des colonnettes, la décoration des murs extérieurs par des pilastres, et deux tours carrées des deux côtés d'un narthex bas sont d'origine romane. L'ancien style architectural serbe se compose ainsi d'éléments orientaux, byzantins et occidentaux.

Malgré les destructions, on peut facilement reconstituer toutes les parties intégrantes de la peinture murale et distinguer les traits de son iconographie et de son style. C'est un monument de l'art byzantin contemporain, ressemblant beaucoup par le caractère des figures et par ses ornements aux fresques du XIIe s. à Batchkovo en Bulgarie et proche aux peintures de Studenitza et de Gitcha. En même temps la manière bizarre, dont est tracé dans les compositions le sol en réseau à la mosaïque, approche ces fresques aux peintures du XIII s. de Milechevo, Sopotchani et Gradatz.

N. Okunev.

О ДРЕВНИХЪ И НЫНѢШНИХЪ РУССКИХЪ МѢРАХЪ ПРОТЯЖЕНІЯ И ВѢСА

I. ЦАРСКІЙ ЕГИПЕТСКІЙ ЛОКОТЬ

Основаніемъ большинства существующихъ мѣръ длины является древне-египетскій „Царскій“ локоть. Такую же роль для мѣръ объема играетъ египетскій „хин“ (хон), а для мѣръ вѣса „кедет“.

Большой Царскій, или Священный, локоть дѣлился на семь ладоней по четыре пальца, т. е. имѣлъ 28 пальцевъ. Величину его принимаютъ равной 525 mm или 20,64 дюймамъ. Малый локоть въ 450 mm имѣлъ шесть такихъ же ладоней и равнялся, слѣдовательно, $^6/_7$ перваго.

Кромѣ Царскаго локтя существовалъ и другой локоть въ 463 mm; по связи съ градусомъ меридіана его можно назвать „геодезическимъ“. Перейдя въ Грецію, онъ получилъ тамъ широкое распространеніе подъ названіемъ олимпійскаго; еще большее распространеніе получила мѣра въ $^2/_3$ его, т. н. олимпійскій футъ. Поэтому локоть въ 463 mm (18,24 дм.) часто называется „обыкновеннымъ“. Тѣмъ не менѣе, какъ мѣра египетскихъ зданій, онъ встрѣчается не часто.[1] Зато Царскій локоть имѣлъ весьма большое распространеніе, и величина его можетъ быть опредѣлена съ достаточной точностью какъ изъ маштабныхъ строительныхъ линеекъ, такъ и изъ размѣровъ различныхъ зданій.

Еще Ньютонъ замѣтилъ, что, сравнивая размѣры зданій, выраженныя въ любой единицѣ, и опредѣляя наибольшаго дѣлителя, можно быть увѣреннымъ, что этотъ дѣлитель и окажется искомой древней единицей измѣренія. Ньютонъ примѣнилъ этотъ методъ къ опредѣленію Царскаго локтя по размѣрамъ усыпальницы великой пирамиды. „Въ серединѣ пирамиды“, говоритъ онъ[2] „находилась комната весьма точно выведенная изъ полированнаго мрамора; тамъ помѣщалось изваяніе царя. Длина комнаты была $34\,^{38}/_{100}$ англійскаго фута, а ширина $17\,^{19}/_{100}$, что составляетъ 20 локтей въ длину и 10 локтей въ ширину, считая локоть равнымъ $1^{719}/_{1000}$ англійскаго фута“.

Умножая 1,719 фута на 12, получимъ для Царскаго локтя 20,628 дм. (523,95 mm). Размѣры царской усыпальницы въ великой пирамидѣ были впослѣдствіи провѣрены проф. Флиндерсъ-Петри;[3] онъ вывелъ величину локтя въ 20,627 ± 0,02 дм.,[4] т. е. фактически ту же величину, что и Ньютонъ.

Элефантинскій ниломѣръ также даетъ возможность подсчитать величину Царскаго локтя. На одной изъ стѣнъ каменной лѣстницы, ведущей къ Нилу, начер-

---

[1]) См. Главу II. [2]) A Dissertation upon the Sacred Cubit etc. Translated from the Latin of Sir Isaak Newton. Miscellaneous works of Mr. John Greaves, 1737, London, vol. II, p. 405, [3]) Weights and Measures, by Sir Flinders Petrie. Encyclopaedia Britannica, 13th Edition, 1926, vol. XXVIII, p. 482. [4]) Inductive Metrology etc., by W. M. Flinders Petrie, London, 1877, p. 47.

таны 2 вертикальныя борозды, а между ними горизонтальныя дѣленія, разбитыя на 3 группы, указывавшія высоту подъема воды. Надписи по гречески и египетски даютъ для нижней группы номера локтей 18, 19 и 20; для средней 21 и 22 и для верхней 23 и 24, считая отъ нормальнаго уровня воды.

Ниломѣръ этотъ былъ открытъ французской Наполеоновской экспедиціей, и размѣры дѣленій были впервые измѣрены Жерар'омъ и приведены въ Метрологіи Сэжей'я.[1] Средняя величина для каждой изъ 3 группъ равняется 527 mm. Петри[2] приводитъ рядъ новѣйшихъ измѣреній ступеней ниломѣра и принимаетъ за наиболѣе вѣроятную величину локтя 20,79 ± 0,07 дм., т. е. 528 mm. И здѣсь согласіе между данными Сэжей'я и Петри очень хорошее. Очень близкую среднюю величину, а именно 527,3 mm, даетъ и Борхардъ.[3]

Въ папирусѣ изъ Ахмим'а (Achmîm), относящемся къ 7-му или 8-му столѣтію по Р. Хр., приводится слѣдующая величина для Царскато локтя: 1 кубическій локоть = 27/8 Артаб'ы.

Фидебантъ[4] подставляетъ въ это выраженіе для объема артабы 43,50 литра; тогда получается: $1 \text{ локоть} = \sqrt[3]{\frac{27}{8}}\, A = \frac{3}{2}\sqrt[3]{43{,}5 \text{ cm.}^3} = 527{,}5 \text{ mm.}$

Наконецъ, богатый матеріалъ для опредѣленія величины Царскаго локтя даютъ строительныя маштабныя линейки, которыми пользовались при своихъ работахъ египетскіе зодчіе и каменщики. До насъ дошло довольно много такихъ линеекъ.[5] Нѣкоторыя изъ нихъ деревянныя, твердаго дерева изъ Мероэ, другія каменныя, базальтовыя. Чертежи и описанія наиболѣе интересныхъ изъ нихъ приведены въ вышеуказанномъ трактатѣ Сэжей'я; величины локтя, которыя онѣ даютъ, колеблются отъ 523,5 mm (линейка Аменемофт'а) и до 526,5 mm (линейка въ коллекціи Анастази), но линейка Мейа (табл. XXIV, 1), а также, находящаяся въ чрезвычайной сохранности, парижская палетка (обѣ въ Луврскомъ музеѣ) даютъ величину въ 525 mm.

Матеріаломъ линейки Мейа служитъ твердое дерево изъ оазиса Мероэ. Сѣченіе ея представляетъ четыреугольникъ (abcde) со скошенной гранью вс. Нижняя грань ab представлена справа прямоугольникомъ AB. На ней нанесены справа налѣво послѣдовательныя подраздѣленія первыхъ пятнадцати „пальцевъ"; на скошенной грани вс имѣется 2 ряда надписей, на нижней части ея CD идутъ наименованія дробныхъ частей пальца, на верхней EF (слѣва направо) знаки для одного, двухъ и трехъ пальцевъ, для ладони неполной (4 пальца), для ладони полной (5 пальцевъ), для ладони, свернутой въ кулакъ (6 пальцевъ), далѣе для пяди, для малаго локтя (24 пальца) и большого въ 28 пальцевъ. На грани cd идетъ іероглифическая надпись съ именемъ Мейа, царскаго знаменосца и казначея. Къ болѣе подробному разбору дѣленій и ихъ значенія мы вернемся ниже, при описаніи линейки Аменемофта; пока же обратимъ вниманіе, что полная длина линейки 525 mm (20,67 дм.) и что на послѣднемъ дѣленіи (слѣва направо DC) находится знак „Су — тен", предшествуемый знакомъ локтя,

---

[1]) Traité de Métrologie etc., par M. Saigey, Paris, 1834, pp. 7, 8. [2]) Weights and Measures, p. 483. [3]) Nilmesser und Nilstandsmarken L. Borchard Abh. Akademie. Berlin, 1906. [4]) O. Viedebantt. Forschungen zur Metrologie des Altherthums. 1917. Leipzig. [5]) Въ Британскомъ музеѣ имѣется деревянная маштабная линейка (№ 94/6025) съ дѣленіями и обломокъ каменной (93/36.656). A Guide to the 4, 5 & 6th Egyptian Rooms. London. 1922.

что означаетъ „Царскій локоть“ и указываетъ, что Египтяне принимали за Царскій локоть такую, или подобную ей мѣру въ 525 mm.

Въ таблицѣ 1-ой сгруппированы вышеприведенныя данныя для Царскаго локтя, а также указаны тѣ среднія значенія, на которыхъ остановились нѣкоторые археологи и метрологи.

Данныя эти колеблются отъ 524 до 528 mm. Наиболѣе точныя изъ нихъ (Ньютонъ, Петри, Сэжей, Фидебантъ) указываютъ на наивѣроятнѣйшую величину локтя въ 524—525 mm. При этомъ изслѣдователи, пользовавшіеся метрической системой, остановились на 525 mm, а употреблявшіе дюймы — на 20,64, т. е. на эквивалентѣ 524 mm. Въ послѣдующемъ мы будемъ пользоваться любой изъ этихъ цыфръ.[1]

Таблица I. Размѣры Царскаго локтя.

№№		Изслѣдов. предметъ	Дюймы	Миллиметры
1.	Ньютонъ	Вел. пирамида	20,628	(523,95)
2.	Петри	„ „	20,627	(523,93)
3.	Жераръ	Ниломѣръ	20,75	527,00
4.	Борхардъ	„	20,76	527,30
5.	Петри	„	20,79	528,07
6.	Фидебантъ	Папирусъ	20,77	527,50
7.	Петри	Различн. зданія	20,64	524,26
8.	Жераръ	Линейка — Мейа	20,67	525,00
9.	Сэжей	Линейка Анастази	20,73	526,50
10.	„	Линейка Аменемофта	20,61	523,50
11.	„	Луврская Палетка	20,67	525,00
	Среднее	ариѳметическое	20,69	525,50
	Среднее	вѣроятное	20,67	525,00
1.	Петри	принимаетъ	20,63	524,02
2.	Брюгшъ		20,74	526,86
3.	Гульчъ		20,67	525,00
4.	Борхардъ		20,67	525,00
5.	Фидебантъ		20,67	525,00
6.	Сэжей		20,67	525,00
7.	Никольсонъ		20,64	524,26

Хотя малый локоть въ 450 mm отмѣченъ на строительныхъ линейкахъ, какъ часть большого, а именно $^6/_7$ его, тѣмъ не менѣе есть основаніе предполагать, что онъ существовалъ какъ независимая отъ большого локтя и параллельная ему мѣра.

Такъ Фидебантъ[2] полагаетъ, что мѣра объема въ Египтѣ также существовала въ видѣ 2-хъ параллельныхъ системъ, одна основанная на большомъ локтѣ, а другая на маломъ локтѣ.

---

[1]) Разница между ними составляетъ 0,2%, т. е. весьма невелика, и не можетъ отразиться на результатахъ нашихъ выкладокъ; съ другой стороны, цитируя автора неудобно измѣнять то числовое значеніе локтя, которымъ онъ самъ предпочитаетъ пользоваться. [2]) O. Viedebantt. »Forschungen u. s. w. — XII. Studien zur altägyptischen Metrologie.« s. 151—156. Leipzig. 1917.

Другіе изслѣдователи[1] стремятся привести всѣ главныя фактическія египетскія мѣры только къ большому локтю. Выражая послѣдній въ дециметрахъ получимъ: $(1\ б.\ локоть)^3 = (5{,}25)^3 = 144{,}703$ литра. Если мы раздѣлимъ этотъ объемъ на 5, то получимъ 28,94 l, т. е. размѣръ водяныхъ часовъ; $^1/_{64}$-я послѣдняго будетъ т. н. „хин“ : $\frac{144{,}703}{5 \times 64}\ l = 0{,}452$ литра.

Съ другой стороны, исходя изъ малаго локтя и дѣля соотвѣтствующій объемъ на 200, получимъ: $(1\ м.\ локоть)^3 = (4{,}50)^3 = 91{,}125\ l.$ и $\frac{91{,}125}{200}\ l. = 0{,}456\ l$, т. е. величину очень близкую къ первой.[2]

Такимъ образомъ, если a priori и взять для хин'а величину 0,452—0,456 l, можно выводить его и изъ большого локтя, какъ $^1/_{820}$ часть, или изъ малаго, какъ $^1/_{200}$ часть. Фидебантъ указываетъ, что ограничиваясь дѣленіемъ пополамъ (т. е. не вводя фактора 5), мы не получимъ хин'а изъ 144,7 l (большого локтя), хотя и продолжимъ дѣленіе на 2 шесть разъ. Съ другой стороны, исходя изъ хин'а, умноженіемъ его на 64 получается величина 28,94 литра, т. е. объемъ водяныхъ часовъ. Поэтому Фидебантъ считаетъ систему хин'а и его подраздѣленіе самостоятельной и независимой отъ большого локтя системой.

Детали эти имѣютъ извѣстный интересъ съ точки зрѣнія какъ русскихъ, такъ и англійскихъ мѣръ въ виду слѣдующихъ соображеній:

Объемъ въ 28,94 литра — водяные часы — заключаютъ въ себѣ 64 хин'а въ 0,452 l. Если мы обозначимъ вѣсъ объема воды соотвѣтствующаго такому хин'у, т. е. 452 грамма, черезъ A, мы получимъ: $64\ A = 28{,}94$ kg.

Но 452 g есть вѣсъ англійскаго фунта „avoirdupois“[3]; слѣдовательно, обозначая вѣсъ въ 28,94 kg черезъ P, получимъ $P = 64\ A$.

Обратимся теперь къ русскимъ мѣрамъ объема и вѣса. Египетскому объему водяныхъ часовъ будетъ отвѣчать однородная величина въ 26,24 литра, т. е. нашъ четверикъ.

Обозначимъ объемъ этотъ M_1, а соотвѣтствующій вѣсъ — P_1; если русскій фунтъ въ 409,53 g обозначимъ черезъ A_1, то получимъ: $P_1 = 64\ A_1$, т. е. выраженіе того-же вида, что для водяныхъ египетскихъ часовъ и англійскаго фунта; иначе говоря, англійскій фунтъ стоитъ въ такомъ же отношеніи къ вѣсу воды въ объемѣ водяныхъ часовъ, какъ русскій фунтъ къ вѣсу четверика.

Коэфиціентъ 64 (2^6) имѣетъ значеніе и самъ по себѣ, такъ какъ указываетъ, что и въ Египтѣ, и на берегахъ Понта Евксинскаго, въ ту эпоху, когда устанавливалась шкала мѣръ и вѣсовъ, существовало стремленіе пользоваться восмеричной системой; но и въ Египтѣ, и у насъ наряду съ этой системой существовала и пятиричная; въ Египтѣ она проявилась въ томъ, что послѣ объема 64-кратнаго хин'у (P) идетъ пятикратный ему объемъ большого локтя $(28{,}94 \times 5 = 144{,}70\ l)$; у насъ — въ берковцѣ, равномъ 5×2 пудамъ, и объемъ отвѣчающій берковцу — 163,81 литра, въ шкалѣ объемовъ отвѣчаетъ кубу большого локтя (144,70 l).

Каково же соотношеніе между соотвѣтствующими членами обѣихъ шкалъ,

---

[1]) Brügsch, Hultsh u Borchardt. Ibidem, s. 152. [2]) $(1\ б.\ локоть)^3 = 320$ хин; $(1\ м.\ локоть)^3 = 200$ хин; $(1\ б.\ локоть)^3 = 1{,}6\ (1\ мал.\ локоть)^3$; это соотношеніе является приближеніемъ точнаго выраженія $(^7/_6)^3 = {}^{343}/_{216}$. [3]) Какъ указано выше теоретическій объемъ хин'а будетъ 0,452 литра, исходя изъ большого локтя, и 0,456, исходя изъ малаго; точная величина фунта „авуаръ“ 453,59 лежитъ между двумя этими предѣлами.

т. е. между четверикомъ и „водяными часами", съ одной стороны, и фунтами русскимъ и англійскимъ съ другой.

Если-бы, какъ мы и предположили и какъ часто принимается, вѣсъ четверика былъ точно 64 фунта, тогда оба эти отношенія были бы тождественны и равнялись отношенію вѣсовъ русскаго и англійскаго фунта — 0,9029. Такъ какъ на самомъ дѣлѣ четверикъ равняется 64,1 фунта, первое отношеніе нѣсколько больше, а именно 0,9049; тѣмъ не менѣе оба весьма близки и другъ къ другу и, съ точностью до 0,05, къ круглому числу 0,90. Послѣднее же интересно въ томъ отношеніи, что это есть какъ разъ та величина, которую при подсчетахъ объемовъ всѣ древніе авторы согласно принимаютъ за удѣльный вѣсъ масла. Если же это такъ, то нашъ четверикъ, который съ другой стороны есть ничто иное какъ греко-римскій ἀμφορεὺς μετρητής, отвѣчаетъ вѣсу масла въ объемѣ „водяныхъ часовъ" древняго Египта, а русскій фунтъ, соотвѣтственно, будетъ вѣсомъ масла въ египетскомъ хин'ѣ[1]; англійскій же фунтъ будетъ точно вѣсомъ воды хин'а.

Всѣ эти расчеты относятся къ „теоретическому" хин'у въ 0,452—0,456 литра. Цѣлый рядъ соображеній и сопоставленій съ греческими, римскими и еврейскими мѣрами указываетъ именно на эту величину, что мы и увидимъ въ слѣдующихъ главахъ. Здѣсь же отмѣтимъ, что до насъ дошелъ цѣлый рядъ сосудовъ съ объемомъ весьма близкимъ къ вышеуказанному, но по даннымъ извѣстнаго метролога В. Эри[2] нѣсколько большимъ, а именно 0,54—0,55 литра.

Эри изслѣдовалъ рядъ сосудовъ, находящихся въ Британскомъ музеѣ. Наиболѣе интереснымъ изъ нихъ является алавастровый сосудъ, относящійся къ 1500 году до Р. Х. съ надписью: „$8\,^1/_6$ Хин." Объемъ этого сосуда 269,57 дм³., что даетъ для величины хин'а 33,01 дм³., или 0,541 литра. Другой алавастровый сосудъ объемомъ 271,19 дм³., указываетъ на величину хин'а 33,90 дм³., = 0,555 l.; мѣдный сосудъ — хин — 33,87 дм³., = 0,555 l. Средняя величина для хин'а получается въ 33,59 дм³., = 0,551.

Ввиду того, что на 1-омъ сосудѣ имѣется надпись „$8\,^1/_6$ хин", а также по большей тщательности и точности его отдѣлки слѣдуетъ значенію 0,54 придать большій „вѣсъ"; поэтому я и указалъ выше на величину въ 0,54—0,55 литра.

Въ свою очередь эта величина чрезвычайно близка къ прежнему англійскому, т. н. винчестерскому пайнту въ 33,60 дм³.[3]

Взвѣшивая образцы пшеницы изъ Англіи, Канады, Россіи и Персіи насыпомъ въ этомъ сосудѣ, Эри получаетъ вѣсъ въ 1,034 lb. Съ одной стороны это подтверждаетъ старинное англійское присловье: „Пайнтъ пшеницы — вѣса фунтъ", съ другой указываетъ, что измѣренные египетскіе сосуды также даютъ вѣсъ пшеницы, т. к. $^5/_6$ отъ 0,54—0,56 l. даютъ 0,450—0,458 l., т. е. величину весьма близкую къ вышеуказаннымъ предѣламъ для хин'а.[4]

---

[1]) Для значенія хин'а 0,452 получается: 0,452 × 0,90 = 0,407 kg; для 0,456 — 0,410 kg точное значеніе русскаго фунта 0,409528 kg лежитъ между означенными предѣлами. Отношеше вѣса отвѣчающаго кубу Царскаго локтя, (144,7 kg) и берковца (163,81 kg) также близко къ 0,90 а именно 0,88. [2]) Airy (Wilfrid). On the origin of the British Measures of Capacity, Weight and Length. Min. Inst. C. E., 1909, vol. 177, p. p. 164 —176, измѣренные имъ сосуды находятся въ Британскомъ музеѣ. [3]) W. Airy. Ibidem, p. 168. — Какъ увидимъ ниже, это есть также объемъ отвѣчающій вавилонской серебр. минѣ и нашему ансырю. [4]) Sir Flinders Petrie въ „Weights and Measures", Encyclopaedia Britannica, 1926, vol. 22 p. 484, указываетъ для Еги-

II. ГЕОДЕЗИЧЕСКІЙ ЛОКОТЬ И ОЛИМПІЙСКІЙ ФУТЪ

Внимательное разсмотрѣніе строительныхъ маштабныхъ линеекъ можетъ дать рядъ интересныхъ указаній на египетскую систему мѣръ. Особенно интересной является, уже упомянутая выше, линейка Аменемофта, относящаяся къ XVIII-ой династіи. Найденная въ Мемфисѣ французскимъ консуломъ Дроветти, она находится въ Туринскомъ музеѣ.

Также, какъ и линейка Мейа, она вырѣзана изъ твердаго дерева изъ Мероэ; сѣченіе ея также напоминаетъ сѣченіе линейки Мейа.

На т. XXIV, 2 и 3, воспроизведенныхъ изъ „Traité de Métrologie" Saigey, грани ab соотвѣтствуетъ полоса AB, грани bc — полосы CD и EF; на верхней грани ed находится гіероглифическая надпись въ честь Аменемофт'а.

Разсмотримъ полосу AB. Она раздѣлена на 28 дѣленій — пальцевъ; дѣленія идутъ справа налѣво отъ A къ B. (т. XXIV, 3). Первый палецъ раздѣленъ на 2 части, 2-ой на 3 и такъ до 15-го, который раздѣленъ на 16 частей; на полосѣ CD эти дѣленія отмѣчены египетскими знаками для дѣленія (дробями). 16-ый палецъ отмѣченъ знакомъ локтя съ 2-мя чертами спереди и тремя внизу, что значитъ $^2/_8$ локтя (малаго). На слѣдующемъ 17-мъ дѣленіи отмѣчено — $^1/_8$ локтя, что значитъ, что послѣ 16 пальцевъ = $^2/_3$ локтя остается еще 8 пальцевъ, т. е. $^1/_8$ локтя (малаго).

Дѣленія (пальцы) 18, 19, 20, 21, 22 и 23, относящіеся къ малому локтю въ 24 пальца, отмѣчены каждый знакомъ 2-го (малаго) локтя; на 24-омъ дѣленіи находится знакъ полнаго (малаго) локтя; послѣдніе четыре пальца — 25, 26, 27 и 28-й, составляющіе 7-ую ладонь, отмѣчены каждый знакомъ ладони, раздѣленной на 4, ибо палецъ составляетъ $^1/_4$ ладони.

Разсмотримъ теперь полосу EF, идя слѣва направо отъ E къ F. (т. XXIV, 2.), Также какъ и на линейкѣ Мейа, на 1-омъ пальцѣ отмѣченъ знакъ 1 (1-на черта), на 2-омъ — 2 черты и на 3-емъ — 3 черты; на 4-мъ изображена ладонь (4 пальца), на 5-мъ рука (съ большимъ пальцемъ, 5 пальцевъ), на 6-мъ рука, свернутая въ кулакъ, съ поднятымъ 6. пальцемъ (6 пальцевъ). На 11 и 12 дѣленіяхъ, заканчивающихъ пядь (охватъ) изъ 12 пальцевъ, находится знакъ пяди, предшествуемый знакомъ „малый" (воробей). 14-ый палецъ завершаетъ половину Царскаго локтя и отмѣченъ знакомъ большой пяди. Передъ концомъ малаго локтя, 22 и 23 палецъ отмѣчены знакомъ „малый" и „локоть". Наконецъ, послѣдніе 27 и 28 палецъ имѣютъ знакъ „Су-тен" и „локоть" т. е. Царскій локоть.

Такимъ образомъ Царскій локоть имѣлъ подраздѣленіе трехъ различныхъ разрядовъ или шкалъ: 1) 1 Царскій локоть = 4 пядямъ по 7 пальцевъ; 2) 1 Цар-

---

петскаго хин'а величину меньшую чѣмъ Airy, а именно 29,2 дм³., или 0,478 литра. Величина эта указывается какъ среднее для большого количества сосудовъ, а именно: 29,2 дм³., = 0,478 l. для 8-ми сосудовъ, содержимое коихъ отмѣчено въ хин'ахъ, и 29,1 дм³. = 0,4771. для 9 сосудовъ безъ такой отмѣтки. Измѣренія были произведены Aurès (1880), Chabas (1867, 1870), Eisenlohr (1872), Leemans (1838), Mommsen, Vasquez Queipo (1859), G. Smith (1875), т. е. большею частью около 50 лѣтъ тому назадъ. Условія, въ которыхъ производились измѣренія, установить довольно трудно. Съ другой стороны, W. Airy получилъ величину въ 269,57 дм³. для сосуда Британскаго музея, находящагося въ необыкновенной сохранности и, очень точной отдѣлки; измѣреніе объема дистиллированной воды произведено со всевозможной точностью. Поэтому я остановился на его данныхъ съ особымъ вниманіемъ.

скій локоть = 7 ладонямъ по 4 пальца; 3) 1 Царскій локоть = 2 Ц. полулоктямъ, по 14 пальцевъ. Кромѣ этого, $^6/_7$ Ц. локтя составляютъ малый локоть, который, въ свою очередь, дѣлится на 2 малыхъ полулоктя по 12 пальцевъ каждый; наконецъ $^2/_3$ малаго локтя, т. е. 16 пальцевъ, отмѣчены знакомъ „$^2/_3$" и этимъ выдѣлены въ особую группу. У насъ нѣтъ другихъ данныхъ, чтобы судить о степени важности, которую египтяне придавали мѣрѣ въ $^2/_3$ малаго локтя, но, перейдя къ грекамъ и римлянамъ, а черезъ нихъ распространившись по Европѣ, эта мѣра пріобрѣла вообще распространеніе подъ названіемъ фута.

Въ таблицѣ II-ой сведены вмѣстѣ означенныя подраздѣленія Царскаго локтя и указаны ихъ значенія въ милиметрахъ и дюймахъ, исходя изъ средней величины Царскаго локтя (т. 1) въ 525 mm и 20,64 дм.

Таблица II. Подраздѣленія Царскаго египетскаго локтя.

Часть локтя	Названіе мѣры	Пальцы	Милли-метры	Дюймы
1	Царскій, или большой локоть .	28	525	20,64
$^1/_2$	Ц. полулокоть, или великій пядень .	14	262,5	10,32
$^1/_4$	Ц. четверть локтя, или Ц. м. пядень .	7	131,25	5,16
$^1/_7$	Ладонь, или пясть .	4	75	2,95
$^1/_{28}$	Палецъ .	1	18,75	0,737
$^6/_7$	Малый локоть .	24	450	17,70
$^3/_7$	М. полулокоть, или м. пядень .	12	225	8,85
$^4/_7$	$^2/_3$ малаго локтя .	16	300	11,80

Средняя величина „пальца", принимая палецъ за $^1/_{28}$-ю Царскаго локтя въ 525 mm, равнялась бы $^{525}/_{28}$ mm, т. е. 18,75 mm. или 0,737 дм.

На самомъ дѣлѣ, какъ на линейкѣ Аменемофт'а, такъ и на другихъ, величина дѣленій не совсѣмъ одинакова и колеблется въ извѣстныхъ предѣлахъ.[1] Что эти колебанія не могутъ быть объяснены исключительно случайностью или неточностью работы, свидѣтельствуютъ два обстоятельства: 1) величина „пальца" въ тѣхъ случаяхъ когда какой-либо размѣръ нанесенъ не въ локтяхъ, а частяхъ его, меньше вышеуказаннаго значенія 0,737 дм., и равняется 0,728 дм., а въ памятникахъ IV-ой династіи и 0,727 дм,[2] 2) первые 24 пальца, составляющіе „малый" локоть нерѣдко нанесены меньшими дѣленіями, а послѣдніе четыре пальца, составляющіе седьмую ладонь, наоборотъ, растянуты. Эти обстоятельства по мнѣнію профессора Сэра Флиндерса Петри указываютъ, что палецъ и Царскій локоть являются двумя различными, самостоятельными и несоизмѣримыми шкалами длины.[3]

Мы видѣли выше, что Царскій локоть въ 525 mm (20,64 дм) имѣлъ въ Египтѣ широкое распространеніе; такое же широкое распространеніе имѣлъ онъ и въ Вавилоніи и Ассиріи.[4]

---

[1]) На линейкѣ Аменемофт'а дѣленія колеблются въ предѣлахъ 17,2—22,3 mm. [2]) Petrie, W. M. F. Pyramids and Temples of Gizeh, 1883. [3]) Petrie, W. M. F. Inductive Metrology, 1887, also Weights and Measures. [4]) Weights and Measures, p. 482.

Съ другой стороны, не менѣе прочное и независимое положенiе занимала и въ Египтѣ, и въ Месопотамiи система, основанная на „пальцѣ“ въ 0,727—0,730 дм. Такъ въ Египтѣ въ цѣломъ рядѣ зданiй встрѣчается локоть въ 18,23 дм. изъ 25 пальцевъ 0,7292 дм.[1]

Наиболѣе интереснымъ примѣромъ является опять таки Великая пирамида Хеопса, периметръ основанiя которой указываетъ какъ разъ на подобный локоть. Дѣйствительно, изъ древнихъ авторовъ намъ извѣстно, что периметръ этотъ — равнялся 2000 локтей, по 500 локтей въ каждой сторонѣ.

По даннымъ геодезической съемки[2] длина каждой изъ сторонъ пирамиды равняется 760 футамъ, т. е. 9120 дм. По даннымъ Петри[3] эта величина выражается числомъ 9068,8; наконецъ, согласно реконструкцiи пирамиды Дэвидсона[4] — 9141 дм.

Первая величина даетъ для „пирамиднаго локтя“ 18,24 дм., вторая — 18,16 дм. и третья — 18,24 дм.[5] Среднее этихъ трехъ величинъ 18,23 дм. равняется вышеуказанной величинѣ локтя изъ 25 пальцевъ по 0,7292 дм.

Такъ какъ данное геодезической съемки (18,24 дм.) чрезвычайно близко къ среднему, а, съ другой стороны, точно отвѣчаетъ „Олимпiйскому“ локтю, мы въ дальнѣйшемъ будемъ пользоваться этой величиной.

Получается слѣдующее интересное сопоставленiе: внутреннiе размѣры пирамиды выражаются цѣлыми простыми числами[6] „Царскихъ“ локтей въ 525 миллиметровъ, тогда какъ половина периметра основанiя пирамиды даетъ ровное число въ 1000 „геодезическихъ“ локтей въ 463 mm. (18,24 дм.).[7]

---

[1]) Ibidem, p. 483, ссылка на A. Bockh, „Metrologische Untersuchungen“, 1838. [2]) Nicholson, E. Men and Measures, London, 1912, p. 14. [3]) Petrie, W. M. F., Pyramids etc. 1883; Pyramids, Encyclopaedia B. 13 th. edit. 1926, vol. 22, p. 683. [4]) Davidson, D. and Aldersmith, H. The Great Pyramid etc. 1925, London, p. 81. [5]) Davidson, ibidem, p. 73, 74 высказываетъ предположенiе, что 18,28 дм. представляетъ особый видъ локтя, а именно „круговой локоть“, т. е. локоть, взятый какъ ($^1/_{200}$) часть выпрямленной окружности въ 3652,42 особыхъ единицъ, т. н. „пирамидныхъ пальцевъ“. Земная полуось, по даннымъ Bessel'я (S. Newcomb, A compendium of spherical Astronomy, 1906) содержитъ 6356079 метровъ = 6951218 ярдовъ = 250,243.848 дюймовъ; если за единицу взять 1,0010, полуось выразится круглымъ числомъ въ 250,000.000 такихъ единицъ, а вся ось въ 500,000.000. Опредѣленiя длины земной полуоси, произведенныя въ 1906 и 1909 году въ Соединенныхъ Штатахъ даютъ величину нѣсколько большую Бесселевской, а именно около 250,275.000 дм. Эта послѣдняя величина и взята Дэвидсономъ, и тогда величина „пирамиднаго пальца“ получается въ 1,0011. Какъ основанiе для принятiя этой величны Дэвидсонъ указываетъ на рядъ соображенiй и въ томъ числѣ на слѣдующее соотношенiе въ размѣрѣ египетской единицы площадей — аруры: извѣстно, что площадь аруры (Геродотъ) равняется 10.000 квадратнымъ Царскимъ египетскимъ локтямъ, т. е. можетъ быть выражена квадратомъ, каждая сторона коего равняется 100 локтямъ или 2063 англ. дм., или 2060,7 пирамидн. пальцевъ“. Такой квадратъ будетъ равномѣренъ прямоугольнику, одна сторона коего (въ „пирамидныхъ пальцахъ“) выразится числомъ 3652,5, а другая 1162,6; первое число, съ одной стороны, выражаетъ окружность круга, дiаметръ коего равняется 1162,5, а съ другой — выражаетъ число десятикратное числу дней въ году, чѣмъ подтверждаются египетскiя указанiя на соотношенiе между площадью аруры и „годовымъ“ числомъ. $^1/_{200}$ отъ точнаго числа въ 3652,42 даетъ 18,26 пирамидн. пальцевъ“, или 18,28 англ. дм. Интересно отмѣтить, что периметръ пирамиды, выраженный въ „пирамидныхъ пальцахъ“ (1.0011) даетъ число 36,524, т. е. 100 × 365,24. О пирамидномъ пальцѣ и объ арурѣ см. C. Piazzi Smith. Our inheritance in the great Pyramid 1890 (5th Edition) London. Davidson развиваетъ и дополняетъ взгляды Piazzi Smyth'a. Критическiй разборъ ихъ взглядовъ см. Sir Charles Warren. Palestine Exploration Fund Quarterly. 1899. [6]) Внутреннiе размѣры царской усыпальницы 20 × 10 локтей. [7]) Итакъ полупериметръ пирамиды, отвѣчающiй перемѣщенiю земли въ одну секунду, равняется 1000 „геодезическихъ“ локтей. Въ царскихъ локтяхъ это будетъ 884—886 въ зависимости отъ величины, которую мы подставимъ для локтя, т. е. 18,24 или 18,28 дм.

Этотъ послѣдній локоть пріобрѣтаетъ особое значеніе, если его сопоставить съ величиной морской мили, а также съ размѣрами градусовъ меридіана. Вслѣдствіе сжатія земли у полюсовъ меридіанное ея сѣченіе будетъ не кругомъ, а эллипсомъ,[1] и градусы меридіана будутъ больше у экватора (6108×60 футъ) и менѣе всего у полюса (6046×60 ф.). Около 49° сѣверной широты величина градуса меридіана будетъ 6080×60 футъ, а одна шестидесятая его, т. е. одна минута будетъ $= 6080$ футъ.[2]

Эта именно величина въ 6080 футъ съ незапамятныхъ временъ принята моряками всѣхъ націй за морскую милю или узелъ.[3] Съ другой стороны, какъ мы видѣли выше, длина периметра основанія пирамиды $= 760$ ф. $\times 4 = 3040$ футъ, т. е. $^1/_2$ шестидесятой части градуса, или $^1/_{120}$ градуса меридіана.

Такимъ образомъ египетскій локоть въ 18,23 дм. (463 mm), т. н. „обыкновенный" египетскій локоть, является опредѣленной частью меридіана, а именно одной двухтысячной полу-минуты меридіана или въ меридіанныхъ секундахъ — 0,015. Но этотъ же локоть можно опредѣлить иначе: выразимъ окружность большого земного круга, лежащаго въ плоскости эклиптики, въ этихъ локтяхъ, получимъ $360 \times 60 \times 4000$ локтей. Это разстояніе каждая точка окружности обѣжитъ въ $24 \times 60 \times 60$ секундъ. Отсюда въ 1-ну секунду избранная нами точка продвинется на $\frac{360 \times 60 \times 4000}{24 \times 60 \times 60}$ локтей, т. е., по сокращеніи, 1000 локтей. И обратно, можно сказать, что 1 „Геодезическій" египетскій локоть есть та величина, на которую перемѣстится любая точка земли, лежащая въ плоскости эклиптики, въ теченіе одной тысячной секунды.

Но если 1000 локтей отвѣчаетъ 1 секундѣ времени, то 2000, т. е. периметръ пирамиды, соотвѣтствуетъ 2-мъ секундамъ. Древнимъ вавилонянамъ и египтянамъ извѣстно было, что 2 секунды это — тотъ промежутокъ времени, въ который дискъ солнца вполнѣ подымается изъ за горизонта. Можно поэтому высказать предположеніе, что величина периметра основанія пирамиды была установлена въ соотвѣтствіи съ этимъ опредѣленнымъ „путемъ" солнца.

„Геодезическій" или „Обыденный локоть" въ 18,23 дм. (463 mm) получилъ широкое распространеніе въ Греціи, особенно $^2/_3$ его, т. н. „Олимпійскій" футъ (Ποῦς).

Размѣръ его можетъ быть лучше всего установленъ по ступенямъ Парѳенона, которыя по свидѣтельству Плутарха[4] были шириной въ 100 аттическихъ футъ и длиной въ 225. Точныя измѣренія ихъ были произведены многими изслѣдователями;[5] наивѣроятнѣйшая величина для олимпійскаго фута, по мнѣнію

---

[1]) Величина большой полуоси по Бесселю будетъ: $a = 6.377.397$ метровъ $= 6.974.532$ ярда, малая полуось $в = 6.356.079$ метровъ $= 6.951.218$ ярдовъ; величина сжатія $c = -\frac{a - в}{a} = \frac{1}{299,15} \cong \frac{1}{300}$. Средняя величина радіуса будетъ въ ярдахъ $= 6.962.875$; соотвѣтствующая величина окружности $= 43.766.643$ ярда $= 131.299.929$ фута; средняя величина минуты меридіана $=$ длинѣ окружности, дѣленной на 360×60, т. е. на 21600, что даетъ 6079 футъ, т. е. на 1 футъ менѣе 6080 ф. на 49-ой параллели. Болѣе точная величина для окружности будетъ 131.385.456 футъ, что даетъ для минуты меридіана 6082,66 ф. [2]) Nicholson, Men and Measures, p. 15. [3]) Эта же величина, 6080 футъ, а не болѣе точная въ 6082,66 ф., принята за „узелъ" и Британскимъ Адмиралтействомъ; другими словами, морская миля всѣхъ націй равняется 4000 египетскихъ локтей въ 18,23 дм. (463 mm). Molesworth's Pocket book, 1869, p. 261,263. [4]) Hultsch. Griechische und Römische Metrologie, Berlin, 1882, s. 33. [5]) Петри (Weights and Measures, p. 482) приводитъ данныя Stuart'a (12,137 дм.) Peurose'a (12,165) и Paccard'a (12,148) Saigey (Metrologie, p. 31) указываетъ на 309 mm (12,165).

Петри[1] будетъ 12,16 дм. (308,86 mm). Отсюда величина локтя получается опять $^{3}/_{2} \times 12,16 = 18,24$ дм. (463,3 mm), т. е. какъ разъ то же значеніе, которое было получено выше, исходя изъ периметра пирамиды въ 3040 футъ.

Съ другой стороны оно настолько близко къ 18,23 дм. которое было получено, какъ $25 \times 0,729$ дм., что въ дальнѣйшемъ мы остановимся для этого „геодезическаго"[2] локтя на значеніи 18,24 дм. 4 локтя по греческой системѣ давали жезлъ или т. н. „оргію" (ὀργυιά) въ 72,96 дм. (1,85 m), 10 оргій малую цѣпь (ἅμμα) въ 729,6 дм. или 60.8 ф. (18,53 m), а 10 ἅμματα — стадію (στάδιον) въ 608 футъ (185,31 m). Идя дальше и беря 10 стадій, мы бы получили вышеупомянутую морскую милю, или узелъ въ 6080 ф. На самомъ дѣлѣ и греки, и египтяне брали далѣе т. н. „шойнос" изъ 60 стадій, т. е. 6 м. миль. Половину шойнос'а, т. е. 30 стадій, составлялъ персидскій парасангъ. Если исходить не изъ локтя, а изъ олимпійскаго фута, и продолжить греческую систему до полнаго меридіаннаго круга, тогда ея стройность, съ одной стороны, и шестидесятиричная основа — съ другой, станутъ особенно ясными. (Таблица III.)

Таблица III.[3] *Греческія мѣры длины.*

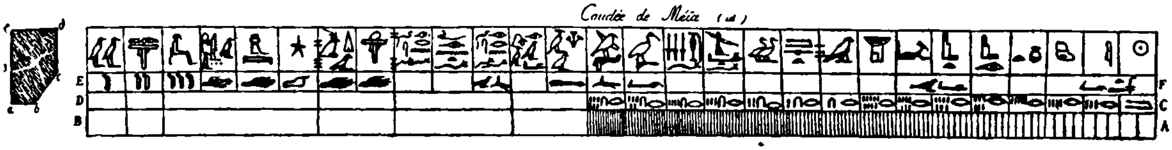
6 олимпійскихъ футъ	= 1 жезлъ, оргія.	60 стадій	= 1 шойносъ.
60 „	= 1 м. цѣпь, амма.	60 шойнос'овъ	= 6 градусовъ.
600 „	= 1 стадія.	60 × 6 градусовъ	= 360°, меридіанъ.

Половина шойнос'а, т. е. 30 стадій, составляютъ персидскій парасангъ; и греки, которые у себя дома со своими относительно малыми разстояніями довольствовались стадіями и рѣдко могли имѣть случай примѣнять шойносъ, за предѣлами страны часто пользовались парасанг'омъ. Эти соотношенія образно выражены Геродотомъ, когда онъ говоритъ: „Люди, у коихъ мало земли мѣряютъ ее жезлами; но у кого уже не такъ мало ея — стадіями; у кого ея много — парасангами; а у кого ужъ очень много то и на шойносы. Парасангъ же равенъ 30 стадіямъ, а каждый шойносъ, который есть египетская мѣра, равняется 60 стадіямъ."[4]

Римляне, принявъ за единицу протяженія милю въ 8 олимпійскихъ стадій, также связали свои единицы мѣръ и съ олимпійскимъ футомъ, и съ египетскимъ (геодезическимъ) локтемъ. Эти восемь стадій были раздѣлены ими на тысячу двойныхъ шаговъ, т. н. „passi", и стали „millia passuum", т. е. сокращенно, — mille, миля. Каждый passus — пара, дѣлился на 5 римскихъ футъ — pes, которыхъ въ милѣ было, слѣдовательно, 5000. Отсюда получается слѣдующее соотношеніе: 1 миля — 5000 римск. ф. = 4800 олимп. ф. = 4864 англ. ф.; отсюда, по сокращеніи 25 римск. ф. = 24 олимп. ф.

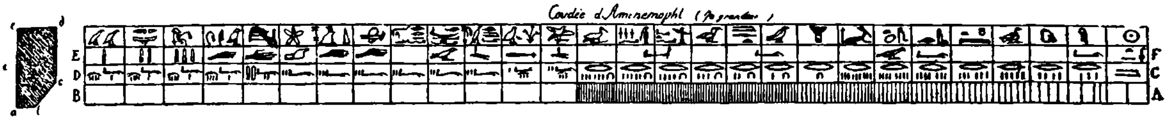
---

[1]) Ibidem, p. 482. [2]) Называю его „геодезическимъ" ввиду связи его съ градусомъ меридіана и во избѣжаніе недоразумѣній, т. к. нѣкоторые авторы (Nicholson) называютъ „обыкновеннымъ" этотъ локоть, а другіе (Дэвидсонъ) — локоть въ 20,67 дм., который по надписи на линейкѣ, мы обозначили „Царскимъ". [3]) Nicholson, Men and Measures, p. 17. [4]) Greaves, John. „A discourse of the Roman Foot and Denarius", London, 1647. Та же ссылка приводится и Никольсономъ. Ibidem, p. 16. Шойносъ у Египтянъ носилъ названіе „атеръ"; Петри (Weights and Measures, p. 483) указываетъ, что „атер'ы" были отмѣчены на дорогѣ изъ Мемфиса въ Фаюмъ.

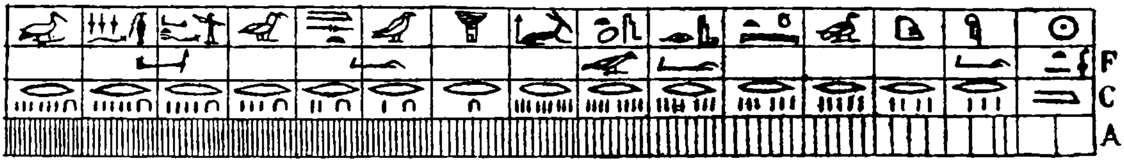
1 ¹/₄

Линейка Мейа.
(Saigey. Traité de Métrologie).

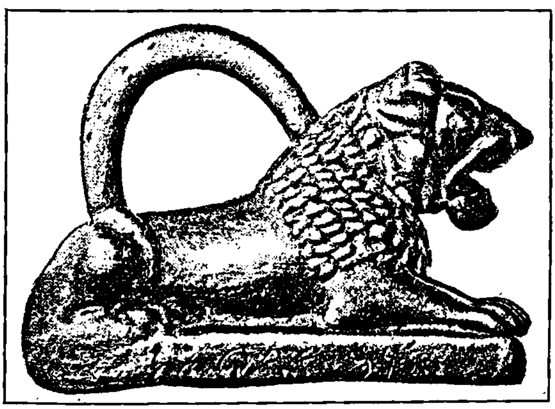
2 ¹/₄

Линейка Аменемофта.
(Saigey. Traité de Métrologie).

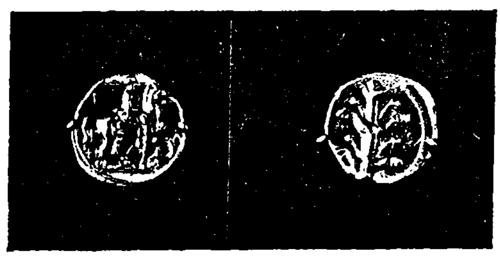

3 ¹/₂

Линейка Аменемофта.
(Saigey. Traité de Métrologie).

4

5

4. Бронзовый левъ — Разновѣсокъ въ 2 мины. Воспроизводится съ любезнаго разрѣшенія Директора Британскаго Музея и хранителя Ассиро Вавилонскаго отдѣла Dr. Hall.
A guide to the Babylonian and Assyrian Antiquities. British Museum. 1922. p. 170.

5. Золотая драхма изъ Киренаики, 320—310 года до Р. Х. — B. M. Catalogue № 124. — Вѣсъ 4,278 g „золотникъ“.

Петри[1] будетъ 12,16 дм. (308,86 mm). Отсюда величина локтя получается опять $^{3}/_{2} \times 12,16 = 18,24$ дм. (463,3 mm), т. е. какъ разъ то же значеніе, которое было получено выше, исходя изъ периметра пирамиды въ 3040 футъ.

Съ другой стороны оно настолько близко къ 18,23 дм. которое было получено, какъ $25 \times 0,729$ дм., что въ дальнѣйшемъ мы остановимся для этого „геодезическаго“[2] локтя на значеніи 18,24 дм. 4 локтя по греческой системѣ давали жезлъ или т. н. „оргію“ (ὀργυιά) въ 72,96 дм. (1,85 m), 10 оргій малую цѣпь (ἅμμα) въ 729,6 дм. или 60.8 ф. (18,53 m), а 10 ἅμματα — стадію (στάδιον) въ 608 футъ (185,31 m). Идя дальше и беря 10 стадій, мы бы получили вышеупомянутую морскую милю, или узелъ въ 6080 ф. На самомъ дѣлѣ и греки, и египтяне брали далѣе т. н. „шойнос“ изъ 60 стадій, т. е. 6 м. миль. Половину шойнос'а, т. е. 30 стадій, составлялъ персидскій парасангъ. Если исходить не изъ локтя, а изъ олимпійскаго фута, и продолжить греческую систему до полнаго меридіаннаго круга, тогда ея стройность, съ одной стороны, и шестидесятиричная основа — съ другой, станутъ особенно ясными. (Таблица III.)

Таблица III.[3] *Греческія мѣры длины.*

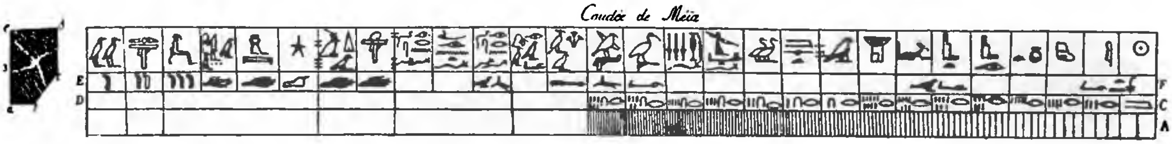
6 олимпійскихъ футъ	=	1 жезлъ, оргія.
60 „	=	1 м. цѣпь, амма.
600 „	=	1 стадія.
60 стадій	=	1 шойносъ.
60 шойнос'овъ	=	6 градусовъ.
60 × 6 градусовъ	=	360°, меридіанъ.

Половина шойнос'а, т. е. 30 стадій, составляютъ персидскій парасангъ; и греки, которые у себя дома со своими относительно малыми разстояніями довольствовались стадіями и рѣдко могли имѣть случай примѣнять шойносъ, за предѣлами страны часто пользовались парасанг'омъ. Эти соотношенія образно выражены Геродотомъ, когда онъ говоритъ: „Люди, у коихъ мало земли мѣряютъ ее жезлами; но у кого уже не такъ мало ея — стадіями; у кого ея много — парасангами; а у кого ужъ очень много то и на шойносы. Парасангъ же равенъ 30 стадіямъ, а каждый шойносъ, который есть египетская мѣра, равняется 60 стадіямъ.“[4]

Римляне, принявъ за единицу протяженія милю въ 8 олимпійскихъ стадій, также связали свои единицы мѣръ и съ олимпійскимъ футомъ, и съ египетскимъ (геодезическимъ) локтемъ. Эти восемь стадій были раздѣлены ими на тысячу двойныхъ шаговъ, т. н. „passi“, и стали „millia passuum“, т. е. сокращенно, — mille, миля. Каждый passus — пара, дѣлился на 5 римскихъ футъ — pes, которыхъ въ милѣ было, слѣдовательно, 5000. Отсюда получается слѣдующее соотношеніе: 1 миля — 5000 римск. ф. = 4800 олимп. ф. = 4864 англ. ф.; отсюда, по сокращеніи 25 римск. ф. = 24 олимп. ф.

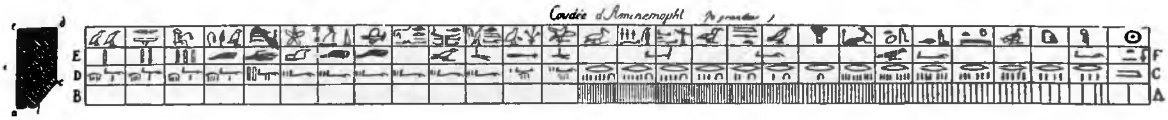
---

[1]) Ibidem, p. 482. [2]) Называю его „геодезическимъ“ ввиду связи его съ градусомъ меридіана и во избѣжаніе недоразумѣній, т. к. нѣкоторые авторы (Nicholson) называютъ „обыкновеннымъ“ этотъ локоть, а другіе (Дэвидсонъ) — локоть въ 20,67 дм., который по надписи на линейкѣ, мы обозначили „Царскимъ“. [3]) Nicholson, Men and Measures, p. 17. [4]) Greaves, John. „A discourse of the Roman Foot and Denarius“, London, 1647. Та же ссылка приводится и Никольсономъ. Ibidem, p. 16. Шойносъ у Египтянъ носилъ названіе „атеръ“; Петри (Weights and Measures, p. 483) указываетъ, что „атер'ы“ были отмѣчены на дорогѣ изъ Мемфиса въ Фаюмъ.

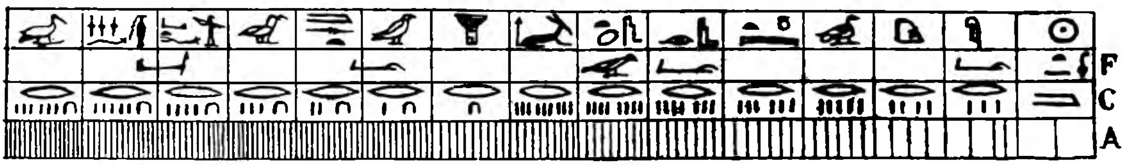
1 ¹/₄

Линейка Мейа.
(Saigey. Traité de Métrologie).

2 ¹/₄

Линейка Аменемофта.
(Saigey. Traité de Métrologie).

3 ¹/₂

Линейка Аменемофта.
(Saigey. Traité de Métrologie).

4

5

4. Бронзовый левъ — Разновѣсокъ въ 2 мины. Воспроизводится съ любезнаго разрѣшенія Директора Британскаго Музея и хранителя Ассиро Вавилонскаго отдѣла Dr. Hall.
A guide to the Babylonian and Assyrian Antiquities. British Museum. 1922. p. 170.

5. Золотая драхма изъ Киренаики, 320—310 года до Р. Х. — B. M. Catalogue № 124. — Вѣсъ 4,278 g „золотникъ“.

Отсюда олимпійскій футъ получается какъ $^{24}/_{25}$ римскаго фута. Величина последняго хорошо извѣстна по памятникамъ и по литературнымъ источникамъ древности.[1] Профессоръ астрономіи въ Оксфордскомъ университетѣ Джонъ Гривсъ, современникъ и сотрудникъ Ньютона, положилъ футъ равнымъ „967 такихъ частей, какъ футъ англійскій содержитъ 1000",[2] т. е. 11,66 дм. или 295 mm. Это опредѣленіе остается однимъ изъ наиболѣе точныхъ до настоящаго времени. Петри[3] принимаетъ 11,68 дм., т. е. 296,67 mm; Британскій музей[4] останавливается на 296 mm (11,65 дм.). На послѣдней цыфрѣ останавливается теперь и большинство ученыхъ. Исходя изъ нея, получаемъ для олимпійскаго фута 308,33 mm (12,14 дм.); цыфра Петри даетъ вышепринятое значеніе въ 12,16 дм. Эти числа настолько близки между собою, что величину олимпійскаго фута и связаннаго съ нимъ египетскаго геодезическаго локтя можно считать совершенно точно установленными. Если же это такъ, то соотношеніе локтя и градуса меридіана становится еще болѣе удивительнымъ, такъ какъ точность въ опредѣленіи средней величины градуса меридіана (60×6080 ф.) того же порядка, что точность многихъ современныхъ опредѣленій, и много выше опредѣленія Эратосѳена и Птоломея.[5]

Невольно напрашивается вопросъ, что же могло понудить египтянъ, обладавшихъ если не съ незапамятныхъ временъ, то по крайней мѣрѣ съ начала IV династіи, такимъ совершеннымъ эталономъ длины какъ геодезическій локоть, не довольствуясь имъ, установить и другой локоть, не находящійся съ первымъ ни въ какой очевидной простой связи, а именно Царскій локоть въ 525 mm (20,64 дм.). Никольсонъ[6] высказываетъ предположеніе, что вмѣсто локтя въ 6 ладоней могло явиться желаніе, вводя „мистическое" число семь, получить локоть въ 7 ладоней. Но тогда, — продолжаетъ Никольсонъ, почему было попросту не прибавить седьмой ладони къ геодезическому локтю и остановиться на локтѣ въ 21,28 дм.; и отвѣчаетъ самъ себѣ, что можетъ быть, священный локоть былъ установленъ въ ознаменованіе недавно опредѣленной величины градуса широты. Для 29° N соотношеніе это будетъ 0,885 и $\frac{18,24}{0,885} = 20,64$.

Мнѣ кажется, что это объясненіе нѣсколько сложно. Во-первыхъ, мы ничего не знаемъ о времени опредѣленія египтянами градуса широты; во-вторыхъ трудно предположить, чтобы начавъ строить пирамиду въ однихъ мѣрахъ, потомъ перешли къ другимъ; нѣтъ у насъ никакихъ данныхъ также, чтобы предполагать, что геодезическій локоть древнѣе священнаго царскаго. Съ другой стороны, число 0,885 или весьма близкое къ нему 0,886 довольно извѣстно въ построеніи; это есть ничто иное какъ сторона квадрата равномѣрнаго окружности, діаметръ которой принятъ за единицу.[7] Намъ извѣстно, что Египтяне,

---

[1]) Georgii Agricolae. De mensuris & ponderibus Romanorum atque Graecorum. Lib. V. p. p. 1—132. Basileae. 1550. [2]) A Discourse of the Roman Foot and Denarius by John Greaves, Professor of Astronomy at the University of Oxford, London, 1647, p. 4. Вышеприведенная статья Ньютона о локтѣ была переведена Гривсомъ съ латинскаго на англійскій и напечатана въ полномъ собраніи его сочиненій въ 1737 году. [3]) Weights and Measures, p. 483. [4]) Measures and Instruments, p. p. 191—193. A guide to the Exhibition illustrating Greek and Roman Life, British Museum London, 1920. [5]) Saigey. „Sur la valeur des stades et sur la mésure de la terre faite par les anciens" Métrologie, 1834, p. 57, гдѣ дается, критическій разборъ измѣреній градуса Эратосѳеномъ, Посидоніемъ и Птоломеемъ. [6]) Nicholson. Men and Measures, p. 21. [7]) Molesworth, Pocket book, 14 th Ed. 1869, p. 165: $\frac{\pi D^2}{4} = X^2$ гдѣ D — діаметръ круга, а X сторона равномѣрнаго квадрата: если $D = 1$, то $X = \frac{1}{2}\sqrt{\pi} = \frac{1,772}{2} = 0,886$.

а отъ нихъ и Греки, постоянно пользовались методомъ построенія, чтобы избавиться отъ неудобнаго и ирраціональнаго числа π. Здѣсь какъ разъ такой примѣръ; кромѣ того, обратимъ вниманіе, что половина периметра пирамиды, т. е. разстояніе, отвѣчающее перемѣщенію земной поверхности въ 1 секунду, равняется 1000 геод. локтей; тотъ же полупериметръ въ царскихъ локтяхъ выразится числомъ въ 886. Слѣдовательно и абсолютная длина периметра, и полупериметра пирамиды, и численная величина полупериметра въ царскихъ локтяхъ имѣли свое значеніе и были связаны съ представленіями древнихъ египетскихъ жрецовъ о соотношеніи времени и пространства, круга и квадрата. Поэтому понятно, что внутренніе размѣры пирамиды и комнатъ были въ царскихъ локтяхъ; что же касается внѣшнихъ, то круглыя числа въ 1000 и 2000 легче запоминались и потому и дошли до насъ въ запискахъ греческихъ ученыхъ и историковъ. Если локоть въ 18,24 дм. можно назвать геодезическимъ, то производный отъ него 20,64 дм. будетъ „геометрическимъ". Соотношеніе между обоими локтями, обозначивъ первый черезъ l, а второй черезъ L, будетъ:

$$\frac{l}{L} = \frac{18,24}{20,64} \cong 0,886 = \frac{1}{2}\sqrt{\pi}. \text{ откуда } l = \frac{L}{2}\sqrt{\pi}\;^{1}$$

III. ФИЛЕТЭРІЙСКІЯ МѢРЫ

Еклектическая эпоха Птоломеевъ отмѣчена попыткой соединить въ одной системѣ геодезическую основу обыкновеннаго локтя съ числомъ ладоней царскаго. Какъ мы видѣли выше, въ царскомъ локтѣ было 28 пальцевъ, разбитыхъ на 7 ладоней. Число 7 было рѣшено сохранить.[2] Съ другой стороны, обыкновенный локоть въ 18,24 дм. дѣлился на 6 ладоней по 3,04 дм. каждая. Новый локоть былъ образованъ изъ семи такихъ „геодезическихъ" ладоней и получалъ длину въ $7 \times 3{,}08$ дм. $= 21{,}28$ дм. или 540,5 mm.

Также какъ Элефантинскій ниломѣръ сохранилъ величину царскаго локтя, также на ниломѣрѣ въ Аль Розах'ѣ около Каира имѣется шкала этого новаго локтя. По опредѣленію Лепэра и Жерара ступени шкалы даютъ 541,2 mm[3] или 21,29 дм.[4]

Птоломей Лагосъ[5] желалъ увѣковѣчить древнюю египетскую систему мѣръ и вѣсовъ, и при немъ былъ произведенъ рядъ метрологическихъ работъ, въ результатѣ которыхъ напр. былъ введенъ т. н. Александрійскій талантъ изъ 60 минъ.

Очень вѣроятно, что тѣ же работы привели и къ выработкѣ въ Александріи системы основанной на новомъ локтѣ;[6] какъ бы то ни было, названіе свое

---

¹) Такимъ образомъ, соотношеніе локтей было таково, чтобы исключать при разсчетахъ число π. Египтяне часто пользовались методомъ посртоенія, чтобы исключать это число. Такъ наприм., отношеніе полупериметра пирамиды 18240 къ высотѣ 5776 (Petrie) 3,15, т. е. очень близко къ π.
²) Числу 7 издревле приписывалось мистическое значеніе: это было число дней недѣли, число планетъ, число церквей апокалипсиса; съ другой стороны нерѣдки примѣры образованія новой мѣры путемъ прибавки доли прежней; такова наша пядь „съ кувыркомъ", таковъ старинный англійскій „длинный" ярдъ въ 39,66 дм. — ярдъ съ ладонью; таковъ былъ ассирійскій локоть Іезекіиля (Іезекіиль, XII) изъ семиладоннаго локтя + восьмая ладонь. ³) Saigey. Ibidem, p. 49. ⁴) Nicholson, Ibidem, p. 29. ⁵) Умеръ 283 до Р. Хр. ⁶) Петри въ Weights and Measures, p. 483 говоритъ: »Probably it had been shortly before adopted by Ptolemes in Egypt«, т. е. до принятія его Филетэромъ въ Пергамѣ.

эта система получила не отъ Птоломеевъ и не въ Египтѣ, а въ Пергамѣ, по имени основателя Пергамскаго царства Филетэра, одного изъ діадоховъ Александра Македонскаго.

Верстахъ въ 25 отъ устья р. Каика, посреди сѣверо-западной части малоазіатскаго прибрежья, возвышается холмъ, увѣнчанный величественнымъ акрополемъ; это — Мизійскій Пергамъ.

Около 280 г., отправляясь въ походъ противъ скиѳовъ, Лизимахъ Фракійскій довѣрилъ правителю Пергама Филетэру свои сокровища, какъ говорятъ до 9000 талантовъ.[1] Филетэръ воспользовался отсутствіемъ Лизимаха, возмутился противъ него и сталъ самостоятельнымъ владѣтелемъ Пергама. Въ теченіе 20-тилѣтняго царствованія съ 283 по 263 годъ до Р. Хр. онъ съумѣлъ не только добиться значительнаго вліянія въ малоазіатскихъ дѣлахъ, но и сдѣлалъ свой дворъ центромъ наукъ и искусствъ. Принявъ новыя Александрійскія мѣры, онъ былъ свидѣтелемъ быстраго ихъ распространенія въ своихъ владѣніяхъ, а потомъ и по всей передней Азіи.[2] Необычайный культурный расцвѣтъ Пергама въ теченіе III-го и II-го столѣтій до Р. Хр., привлекалъ туда ученыхъ и художниковъ, и, попутно, укрѣплялъ за системой мѣръ, принятыхъ Пергамомъ, широкое распространеніе. Мѣры, эти по имени Филетэра, стали извѣстны подъ именемъ Филетэрійскихъ.[3] Полная шкала Филетэрійскихъ мѣръ до насъ дошла въ сочиненіяхъ Гіерона Сиракузскаго. Въ основу шкалы положенъ семиладонный локоть въ 540 mm,[4] но въ дальнѣйшихъ подраздѣленіяхъ число 7 затушевывается, исчезаетъ. Намекомъ на него остается лишь большой локоть въ 720 mm (28,35 дм.), который, подобно царскому локтю, естественно дѣлится на 7 своихъ ладоней по 4,05 дм. и оргія изъ 7 олимпійскихъ футъ. Но ни олимпійскій футъ, ни 4 дюймовая ладонь прямо не фигурируютъ въ шкалѣ, напротивъ, снова появляется дѣленіе локтя на 6 „полныхъ" ладоней[5] въ 3,54 дм. и на 24 пальца; въ большомъ локтѣ тогда будетъ 32 пальца или 8 ладоней,[6] въ филетэрійскомъ футѣ — 16 пальцевъ, т. е. аналогично олимпійскому онъ равняется $^2/_3$ соотвѣтствующаго локтя, шесть футъ образуютъ жезлъ или оргію; 10 оргій — малую цѣпь; 10 малыхъ цѣпей — ф. стадіонъ въ 708,7 англ. фута. Въ таблицѣ IV сгруппированы упомянутыя мѣры, а также указаны соотвѣтствующія значенія въ метрическихъ мѣрахъ, въ англійскихъ, филетэрійскихъ и олимпійскихъ футахъ и въ русскихъ вершкахъ и саженяхъ. Такъ какъ до начала XVIII вѣка и аршинъ, и сажень были болѣе теперешнихъ, приблизительно на 1%, въ соотвѣтствующихъ графахъ приведены старыя и новыя мѣры, чѣмъ выявляется соотвѣтствіе между русскими и филетэрійскими мѣрами, о чемъ подробнѣе будетъ изложено ниже.[7]

---

[1]) Монеты Лизимаха часто встрѣчаются въ южно-русскихъ кладахъ и, какъ мы увидимъ ниже, нашъ золотникъ, по вѣсу, въ точности отвѣчаетъ Лизимаховской драхмѣ. [2]) Petrie. Ibidem p. 483. [3]) Въ литературѣ и у отцовъ церкви названіе это встрѣчается весьма часто, но происхожденіе, какъ названія, такъ и самихъ мѣръ, впослѣдствіи забылось, затуманилось. Нѣкоторые стали считать самого Филетэра за миѳологическое существо. [4]) Saigey, Ibidem, p. 48. Сэжей приводитъ свидѣтельство Гіерона, что 5 филетэрійскихъ футъ = 6 т. н. италійскихъ ф. по 300 mm; откуда $^6/_5$ 300 mm = 360 mm. [5]) На т. XXIV, 1, 2 и 3 такая „полная" ладонь, т. е. ладонь съ отвернутымъ пальцемъ, отмѣчена на 5 пальцѣ. Такая ладонь у насъ часто называется „пястью" и приравнивается 2 вершкамъ; говорятъ: „тесьма шириной съ пясть". Даль, III. 1450. [6]) Подобно ассирійскому локтю Іезекіиля; только величина ладоней была различна: 3,54 дм. въ филетэрійскомъ и 3,16 дм. въ ассирійскомъ (Nicholson, ibidem, p. 23; Petrie, ibidem p. 483). [7]) См. Главу V, Русскія мѣры.

Таблица IV. Филетэрійскія мѣры длины.

	Филет. пальцы	Филет. футы	Олимпійск. футы	Милиметры / метры	Англ. дм. / Англ. фут.	Ст. вершки / Ст. сажени	Вершки / Сажени
Палецъ, δάκτυλος	1			22,5	0,885	1/2	0,506
Ладонь, παλαιστή	4			90	3,54	2	2,024
Стопа, ποῦς	16	1	7/6	360	14,17	8	8,09
М. локоть, πῆχυς	24	1,5	7/4	540	21,26	12	12,14
Б. локоть, βῆμα ἁπλοῦν	32	2	7/3	720	28,35	16	16,18
Жезлъ, ὀργυιά	96	6	7	2,16	7,09	1	1,01
М. цѣпь, ἅμμα		60	70	21,60	70,9	10	10,12
Б. цѣпь, πλέθρον		100	117	36.	118,0	16 1/4	16,80
Стадія, στάδιον		600	700	216.	708,7	100	101,2

Филетэрійскія мѣры получили весьма быстрое распространеніе, о чемъ упомянуто было выше. Кромѣ причинъ общаго характера распространенію ихъ могъ способствовать ихъ необычайный эклектизмъ. Изъ таблицы IV видно, что въ этой системѣ нашелъ свое мѣсто и олимпійскій футъ, и новый филетэрійскій, близкій къ 14 дюймамъ.[1] Интересно отмѣтить, что малый ф. локоть весьма близокъ къ персидскому „Arasni“ въ 21,4 дм,[2] и еще ближе къ т. н. обыкновенному еврейско-ассирійскому локтю въ 21,25 дм.[3] При этомъ, хотя методъ подраздѣленія былъ сохраненъ, въ пальцахъ — восьмеричный, а въ ладоняхъ — шестеричный, тѣмъ не менѣе и число с е м ь царскаго египетскаго локтя продолжало существовать, что напр. такъ очевидно въ нашей современной системѣ мѣръ.[4] Наконецъ, простое соотношеніе между оргіей и олимпійскимъ футомъ сохраняло связь филетэрійскихъ мѣръ съ градусомъ и меридіанной милей.[5]

Когда калифъ Аль-Мамунъ (813—833), сынъ Гарун-аль-Рашид'а, задумалъ повторить измѣренія градуса долготы Эратосѳена и Птоломея, онъ рѣшилъ самыя измѣренія производить тѣми же мѣрами, которыя были въ употребленіи и въ древнемъ Египтѣ, и во времена Птоломеевъ. Уже не разъ цитировавшійся нами Джонъ Гривсъ, арабистъ и профессоръ астрономіи въ Оксфордѣ, приводитъ слѣдующую цитату Ибн-Масуди:[6] „Махметъ Ибн-Месуди говоритъ, что во время Альмамон'а (ученаго калифа Вавилонскаго), пользуясь возвышеніемъ полюса экватора, они опредѣлили величину градуса на земномъ шарѣ и нашли его равнымъ $56^2/_3$ мили, каждая миля же содержала 4000 локтей и каждый локоть 24 пальца, и каждый палецъ 6 ячменныхъ зеренъ, и каждое ячменное зерно 6 верблюжьихъ волосъ.“

Число 4000 указываетъ, что локти, о коихъ здѣсь идетъ рѣчь, были вышеупомянутые „геодезическіе“. Въ дальнѣйшемъ Аль-Мамунъ принялъ филетэ-

---

1) 14,17 дм. какъ указано въ таблицѣ IV; величина ф. фута въ разное время могла подвергаться мѣстнымъ измѣненіямъ; такъ въ 123 году до Р. Х. римляне установили его величину въ 13,94 дм. (Петри), что соотвѣтствовало бы $^5/_6$ римскаго фута въ 11,62 дм. Отмѣтка на 19 пальцѣ (14 дм.) встрѣчается и на египетскихъ линейкахъ (см. т. XXIV, 1). 2) Petrie. W e i g h t s a n d M e a s u r e s, p. 484. 3) Локоть этотъ встрѣчается весьма часто. Недавно открытые Петри могильники на островѣ Барен'ѣ въ Персидскомъ заливѣ, указываютъ, напр., на этотъ локоть. 4) Напр.: 1 сажень = 7 футъ; 1 аршинъ = 7 ладонямъ. 5) 1 филетэрійскій футъ = $^7/_6$ олимпійск. фута = $^7/_6 \cdot {}^1/_{6000}$ минуты = $^7/_6$ $^1/_{100}$ секунды меридіана. 6) Greaves, J. A. D i s c o u r s e o f t h e R o m a n e F o o t a n d D e n a r i u s London, 1647, p. 9. Цитата приводится Гривс'омъ по арабски и по англійски.

рійскую систему съ локтемъ въ 21,26 дм. Этотъ локоть получилъ названіе черного; одни полагаютъ — отъ чернаго знамени и одежды Абассидовъ,[1] другіе же думаютъ, что локоть одного изъ гигантовъ эфіопскихъ рабовъ калифа какъ разъ равнялся этой величинѣ.[2] Что же касается величины локтя, то она съ точностью устанавливается, во-первыхъ, указаніемъ, что черный локоть равнялся $7^1/_9$ части кассабы,[3] во вторыхъ каирскимъ ниломѣромъ, что даетъ величину въ 540—541 mm, т. е. величину филетэрійскаго локтя.

Принятіе филетэрійской системы арабами обезпечило ея распространеніе въ раннемъ средневѣковьѣ какъ по всему бассейну средиземнаго моря, такъ и по торговымъ путямъ, ведущимъ изъ Чернаго и Каспійскаго моря къ Балтійскому.

Русскіе купцы, ходившіе въ IX и X столѣтіи къ низовьямъ Волги и къ Багдаду, должны были застать у арабовъ эту филетэрійскую систему, которая продержалась тамъ весь IX и начало X вѣка.[4]

Возвращаясь къ себѣ на родину, на берегахъ Понта и на Днѣпрѣ они находили ту же филетэрійскую систему уже тысячелѣтней давности, принесенную изъ Пергама черезъ греческія колоніи къ скиѳамъ земледѣльцамъ и пустившую столь глубокіе корни, что никакія смѣны завоевателей не могли ни смѣстить ее, ни вытравить. И по сей день Россія является единственной страной, гдѣ филетэрійская система удержалась во всей своей чистотѣ и стройности съ небольшими лишь измѣненіями, внесенными Петромъ Великимъ.

IV. ТАЛАНТЪ, МИНА И ДРАХМА

Во время XVIII династіи, вѣсовой единицей Египта былъ „кат“ или „кедет“. 10 такихъ единицъ составляли „утен“ (dbn); 5 „утен“ были эквивалентны хин-у (иначе хон). Эта система продержалась около 1000 лѣтъ, т. е. до Ассирійскаго завоеванія, когда уступила мѣсто шестидесятиричной Ассиро-Вавилонской системѣ (мины и шекеля); ассирійское вліяніе, ввиду оживленныхъ торговыхъ сношеній, чувствовалось, впрочемъ, и гораздо раньше, и многія вѣса системы „кедет“ были приспособлены къ ассирійской шкалѣ.

Величина кедет'а нѣсколько колебалась, въ зависимости отъ періода и отъ мѣста[5] нахожденія разновѣсковъ. До насъ дошло довольно много хорошо сохранившихся металлическихъ и каменныхъ гирекъ этого періода; на нѣкоторыхъ изъ нихъ имѣются и надписи, удостовѣряющія ихъ вѣсъ, названіе или мѣсто происхожденія. Такъ Ревилью[6] описываетъ два разновѣска изъ Геліополиса съ надписью „Сокровищница Ан-а“; вѣсъ ихъ оказался въ 139,9 и 140,4 грана, т. е. 9,07—9,10 g.[7] Въ британскомъ музеѣ имѣется большая колекція еги-

---

[1]) Nicholson, Ibidem, p. 29. [2]) Saigey. Ibidem, p. 79. Въ черномъ локтѣ было 27 арабскихъ пальцевъ. До сихъ поръ на востокѣ, напр., въ Константинопольскомъ пик'ѣ, сохранилось подраздѣленіе локтя на 27 частей. [3]) Saigey. Ibidem, pp. 79, 80; кассаба, или жезлъ, равнялась 192 арабскимъ пальцамъ; палецъ по Saigey = 20 mm; отсюда $\frac{20 \times 192 \times 9}{64} = 540$ mm. [4]) Saigey. Ibidem, p. 80. Сэжей указываетъ, что арабы вернулись къ локтю изъ 24 пальцевъ приблизительно черезъ 100 лѣтъ послѣ смерти Аль-Мамуна. [5]) Отъ 138 до 155 грановъ (8,94—10,04 g.) по Петри. Ibidem, p. 485, отъ 125 до 140 грановъ (8,10—9,07) — по Эри, который даетъ эти числа для коллекціи вѣсовъ Каирскаго музея. Ancient Trade Weights of the East. 1918. [6]) Revillout, E. Rev. Egypt. 1881 Приведено у Петри въ Weights and Measures p, 485. [7]) Вѣса монетъ и разновѣсковъ б. ч. давались англійскими и американскими учеными въ grains — гранахъ,

петскихъ разновѣсковъ и, въ томъ числѣ, одинъ грузикъ прекрасной сохранности въ 5 „кедет“. Онъ былъ взвѣшенъ со всѣми предосторожностями В. Эри,[1] который далъ для Кедет'а величину[2] въ 140 гранъ, т. е. 9,072 g. Эри изслѣдовалъ большое количество грузиковъ этого періода, и въ Таблицѣ I-й, приложенной къ выше упомянотому труду »On the Ancient Trade Weights of the East«, даетъ сводку наиболѣе часто встрѣчающихся вѣсовъ[3] въ кедет'ахъ и гранахъ. Кромѣ этого онъ отмѣчаетъ, что наиболѣе ходовыми являются разновѣски въ $^1/_2$, 1, $2^1/_2$, 5, 10, 20 и 50 кедетъ, что указываетъ на приверженность египтянъ къ пятиричной (или десятиричной) системѣ. Послѣ 50 к. идетъ 53 к. и затѣмъ, группа: 59, 60 и 61 к., указывающая на какое-то специальное значеніе вѣса въ 60 к.; потомъ идутъ: 100, 120, 144, 250, 302, 354, 375, 571, 1000, 2700, 3000 и 6000 кедет. Отъ одного кедета внизъ идутъ; $^4/_5$, $^3/_4$, $^2/_3$, $^1/_2$, $^1/_3$, $^1/_4$ и $^1/_5$.

Кромѣ „ходовыхъ“ разновѣсковъ, особое значеніе имѣютъ тѣ, которые совпадаютъ съ вѣсами другихъ системъ; такъ грузикъ въ $^1/_2$ кедета, т. е. въ 70 гранъ, или 4,54 g представляетъ ничто иное, какъ большую аттическую Солонову вѣсовую драхму; „ходовой“ вѣсъ въ 5 к., т. е. въ 700 гранъ, равняется декадрахмѣ. Интересный дробный вѣсъ въ 7,29 к., т. е. въ 1021 гранъ (66,2 g) эквивалентенъ 4 ассирійскимъ шекелямъ[4] и, по всей вѣроятности, внесенъ сюда для удобства торговыхъ сношеній съ Месопотаміей; также равняется 5 шекелямъ разновѣсокъ въ 9 к. Вѣсъ въ 10 к. снова отмѣченъ „ходовымъ“ и эквивалентенъ 20 б. аттическимъ драхмамъ.

Вѣсъ въ 36 к. равняется 20 шекелямъ; въ немъ 5040 гранъ или 327 g, какъ указываетъ Эри,[5] это и есть „Римскій монетный фунтъ“, As libralis[6] или Aes Grave. Этотъ As — одинъ изъ кампано-италійскихъ фунтовъ; онъ былъ во всеобщемъ употребленіи между 286—268 г. до Р. Хр. и замѣнилъ прежній, т. н.

а континентальными — въ граммахъ; мы будемъ давать обѣ величины, но за основную при вычисленіяхъ будемъ принимать граммъ (g).

[1]) Airy (W). On the Ancient Trade Weights of the East, London, 1918. [2]) Фидебантъ допускаетъ точность взвѣшиваній въ приводимыхъ имъ опредѣленіяхъ минъ и драхмъ въ 1,5%. Въ случаяхъ особой точности, какъ приведенный примѣръ измѣренія, можно допустить точность до 0,5%, что даетъ 140 ± 0,7 грана. [3]) Airy, Ibidem. Appendix III, Table I, p. 26. Грузы даны въ кедет-ахъ, принявъ величину его равной 140 гранъ. Отъ 1 кедет'а вверхъ идутъ: *1*, $1^1/_4$, $1^1/_2$, 2, $2^1/_2$, 3, 4, *5*, 6, 7, (7,29), 9, *10*, 12, 13, 15, 17, 19, *20*, 23, 24, 25, 26, 30, 31, 32, 34, 36, 43, 45, 46, 49, *50*. Грузы выше 50 к. и части кедет'а указаны въ текстѣ. Курсивомъ отмѣчены часто встрѣчающіеся „ходовые“ вѣса. [4]) Airy принимаетъ для ассирійскаго шекел-я вѣсъ въ 254 грана, т. е. 16,46 g; тогда вѣсъ большой мины (maneh) будетъ 16,46 × 60 = 988 g. Petrie (Weights & Measures p. 486) беретъ 258 гр. (16, 72 g.) и, слѣдовательно, мину — въ 1003 g. Чрезвычайная близость этой большой ассиро-вавилонской мины къ килограмму, а большого локтя въ 496 × 2 = 992 mm. — къ метру, давно обратила на себя вниманіе ученыхъ, особенно Лемана. См. Lehmann. Ueber das Babylonische metrische System, Verhandlungen Physical. Gesellschaft, Berlin, 1890, v. VIII, s. 81—101. См. также Энциклопедія Брокгауза и Эфрона, XIX, 205, 206. Метрологія. [5]) Airy, Ibidem. p. 8; »This weight was also adopted in later times by the Romans«. То же еще прежде отмѣчено Леманомъ Ibidem. p. 96. [6]) 36 × 140 = 5040 гранъ. Ауреусъ (Denarius Aureus) Цезаря вѣсилъ 127, а Августа — 125, т. е. въ среднемъ 126 гранъ; на фунтъ шло 40 денаріевъ, что даетъ 126×40=5040 гранъ. т. е. ту-же величину, что и выше. При послѣдующихъ императорахъ чеканилось 72 денарія по 70 гранъ, что опять таки даетъ 5040 гранъ. Nicholson, »Men and Measures«, pp. 38, 39. При Неронѣ вѣсъ ауреуса былъ пониженъ до 114,10 гр. (7,39 g), а серебряный денарій сталъ чеканиться въ 52,68 гр. (3,41 g). по 96 на фунтъ, что снова даетъ для фунта 327,36 g. Dr. G. F. Hill. A Catalogue of the Roman Coins in the British Museum vol. I. 1923 p. XLIV.

„Оско-латинскій" фунтъ; послѣдній вѣситъ 272 g,[1] что составляетъ 4200 гранъ, или 30 кедетъ. Фунтъ этотъ дѣлился на 12 частей — унцій, а также на 2, 3, 4 и на 6 частей (Табл. V). Подраздѣленія на 2, 3 и 6 легко укладывались въ пятиричную египетскую систему, т. к. образовывались изъ числа кедетъ, кратнаго пяти; не то съ четвертой (Quadrans) и двѣнадцатой частью (Uncia): для нихъ потребовалось создать новыя, очевидно привходящія, сочетанія въ 7,28 и 2½ кедет-а. И, дѣйствительно, оба вѣса находятся въ таблицѣ; первый, въ 1021 гранъ (66,2 g) есть ничто иное, какъ 4 ассирійскихъ шекел'я, о чемъ упоминалось выше; второй — это 2½ кедет-а, вѣсъ отмѣченный „ходовымъ".

Таблица V-я. Подраздѣленія Оско-Латинскаго фунта и эквиваленты ихъ въ Кедет-ахъ.

Названіе	Часть	Кедет-ы	граны	граммы
As .	1	30	4200	272[2]
Semis .	½	15	2100	136
Triens	⅓	10	1400	90,7
Quadrans	¼	7,28	1021	66,2
Sextans	⅙	5	700	45,4
Uncia .	1/12	2½	350	22,7

Если мы обратимъ вниманіе, что слѣды пятиричнаго счисленія въ римскихъ мѣрахъ многими учеными[3] объясняются этрусскимъ вліяніемъ, а послѣднее, черезъ финикійцевъ, связывается съ египетскимъ, то намъ станетъ понятнымъ почему оско-латинская система цѣликомъ находится въ „кедетной": ея основная единица As есть 30 „кедетъ", а подраздѣленія, неукладывающіяся въ пятиричную систему, добавлены египтянами для удобства торговыхъ расчетовъ, тѣмъ болѣе, что Quadrans, какъ разъ соотвѣтствовалъ 4 шекелямъ.

При пятиричной системѣ вѣсъ въ 50 кедетъ естественно долженъ былъ часто встрѣчаться, и въ таблицѣ Эри онъ отмѣченъ какъ „весьма ходовой".[4] Но Эри отмѣчаетъ и слѣдующую особенность 50 к.: $50 \times 140 = 7000$ грановъ, или 453,59 грамма — есть точная величина англійскаго Avoirdupois фунта.[5] Замѣтимъ также, что это есть точная величина вѣсовой Солоновой мины, о чемъ рѣчь будетъ ниже.[6] И такъ, англійскій фунтъ также находитъ свое мѣсто въ Египетской кедет-ной системѣ, и это даетъ сильную поддержку взгляду Эри,[7] что вѣсъ

¹) A guide to the Department of coins & Medals in the Br. Mus, London 1922, p. 33. Вѣсъ фунта указанъ въ 273 g, но Фидебантъ принимаетъ въ 272. ²) Фидебантъ (Ibidem, pp. 80—83) принимаетъ 272 g. Dr. F. F. Hill (British Museum) — 273 gr.: послѣдняя величина — 4210 гранъ и указывала бы на величину кедета въ 140,3 грана, т. е. въ предѣлахъ нами принятой $140 \pm 0,7$ гр. Ввиду этого соотношеніе As = 30 кедет. является точнымъ, а не приблизительнымъ. ³) Viedebantt, Ibidem, pp. 80—83. ⁴) Airy, Ibidem. Table 1, p. 27. »very common«. ⁵) Airy, Ibidem, pp. 8,27, »One was the 50-Kedet weight which had the exact value of the Avoirdupois Pound«. ⁶) Въ главѣ I указывалось, что объемъ „теоретическаго" Хин-а въ 0,454 литра въ точности отвѣчаетъ англійскому фунту; прибавимъ теперь, „и Солоновой вѣсовой минѣ". Тамъ же указывалось, что по Brugsh'y и Borhardt'y пятая часть Хин-а, т. е. 90,5 кб. см. отвѣчаютъ одному „Утен-ю". Въ таблицѣ вѣсовъ „Утен", какъ указано выше, равняется 10 кедет; съ другой стороны, 10 кедет составляютъ Triens, т. е. ⅓ осколатинскаго фунта. ⁷) Ibidem, p. 8.

въ 50 кедетъ былъ занесенъ на западъ финикіянами. Не слѣдуетъ только забывать, что 50 к. есть также и вѣсовая аттическая мина. Мнѣ кажется, что нѣкоторымъ указаніемъ на то, что египтяне смотрѣли на 50 к. не только какъ на естественное 50-ричное „уплотненіе" кедет-а, но и какъ на вѣсъ, имѣющій особое значеніе для внѣшнихъ сношеній, служитъ существованіе рядомъ близкаго разновѣска въ 49 „кедет".

Совершенно также отмѣченъ „сосѣдями" въ 59 и 61 „кедет" вѣсъ въ 60 „кедет", равный 8400 грановъ[1] или 544 грамма. Этотъ вѣсъ представляетъ собой для насъ особый интересъ, т. к. онъ явился — черезъ старинный „Ансырь" — родоначальникомъ нашего фунта[2] и, подобно фунту, связываетъ наши мѣры и съ египетскими — кедет-ными и съ ассиро-вавилонскими.

Древнія вавилонскія мѣры вѣса были шестидесятиричными[3] и строились на слѣдующемъ простомъ соотношеніи: 60 зеренъ „ше-у" — 1 шекель (сикль); 60 шекел'ей — 1 мина — maneh; 60 минъ = 1 талантъ.[4]

Если мы обратимся къ вѣсовому эквиваленту мины, то положеніе покажется болѣе сложнымъ: во первыхъ, вѣсъ мины нѣсколько мѣнялся, въ зависимости отъ времени и мѣста; во вторыхъ существовала мина (и шекель) легкая и тяжелая; наконецъ, самыхъ минъ было нѣсколько.[5]

Разсмотримъ сначала вавилонскую вѣсовую мину времени древнаго Царства. Большинство ученыхъ останавливается для малой мины на величинѣ близкой, но нѣсколько большей полукилограмма (Петри, Фидебантъ) нѣкоторые (Эри, Леманъ) указываютъ на нѣсколько меньшую величину, но весьма близкую къ первой. Въ таблицѣ VI сгруппированы означенныя данныя и для сравненія указаны величины мины эквивалентныя 54 и 108 кедет-амъ. Слѣдуетъ обратить вниманіе, что всѣ приводимыя данныя основаны на большомъ числѣ измѣреній (Петри, Эри, Фидебантъ) и на изученіи огромнаго и разнообразнаго матеріала по раскопкамъ (Петри, Беджъ, Фидебантъ) и литературныхъ данныхъ (Леманъ,

---

[1]) Какъ указано выше, при принятіи нами точности измѣреній величины Кедет-а 140±0,7 мы не имѣемъ возможности различать между величинами „внутри" этихъ предѣловъ. Такъ точная величина ансыря 8426,6 грана указываетъ на величину кедет-а въ 140,44, т. е. въ тѣхъ же предѣлахъ. [2]) Нашъ фунтъ въ 96 золотниковъ является выдѣломъ изъ ансыря 128 золотниковъ. 1 фунтъ равенъ 3/4 ансыря. [3]) Древніе Вавилоняне сдѣлали наблюденіе, что въ дни равноденствій, когда дуга, описываемая солнцемъ по небосклону, равна полуокружности, діаметръ солнца укладывается въ этой дугѣ 360 разъ. Вотъ возможное происхожденіе числа $360 = 6 \times 60$. Далѣе они наблюли, что количество воды, вытекающее изъ водяныхъ часовъ въ теченіе времени отъ восхода до заката солнца въ 360 разъ больше того количества, которое вытекаетъ во время соотвѣтствующее „восходу" или „заходу" солнца (Hallock and Wade, Evolution of Weights and Measures, New York, 1906). Считая время отъ восхода до захода въ 12 часовъ изъ 60 минутъ, получимъ, что время „восхода" равняется 2 минутамъ; это значитъ, что нужно 2 минуты времени, чтобы дискъ солнца вполнѣ выплылъ изъ за горизонта при восходѣ, или погрузился за него при заходѣ. Раздѣляя окружность на 360° изъ 60′ по 60″ каждый, и принимая во вниманіе, что въ 24 часа земля обернется вокругъ оси, получимъ, что въ 2 минуты земля обернется на 30 минутъ меридіана, т. е. на 30 мерид. миль. Возьмемъ 1/60 этихъ величинъ; получимъ 2 секунды и 1/2 географ. мили. Египтяне и взяли за периметръ пирамиды 1/2 географ. мили. Т. к. это соотвѣтствуетъ 2 секундамъ, они раздѣлили его на 2000 частей и получили свой обыкновенный локоть. [4]) Budge, E. A. Wallis. A guide to the Babylonian and Assyrian Antiquities. Br. Mus London, 1922, p. 25. [5]) Такъ Леманъ приводитъ до 12 минъ; также см. Фидебантъ Ibidem, p. 21 Тяжелая мина (и шекель) равнялись, соотвѣтственно, 2 легкимъ.

Таблица VI-я. Вавилонскіе вѣсовые шекель и мина.

	Граны / Граммы	Легкіе		Тяжелые	
		Шекель	Мина	Шекель	Мина
W. M. F. Petrie	grs	129	7750	258	15500
	g	8,36	502	16,72	1004
W. Airy	grs	127	7620	254	15218
	g	8,23	494	16,46	986
E. A. W. Budge	grs	129,6	7720	—	—
	g	8,4	500	—	—
54 кедет-а	g	—	490	—	—
108 кедет-овъ	g	—	—	—	980
C. F. Lehman	отъ	—	491,2	—	982,4
	до	—	492,9	—	985,8
O. Viedebantt	отъ		496,2	—	992,4
	до		504,6	—	1009,2
	сред.		500,5	—	1001,0

Фидебантъ, Беджъ). Данныя, приводимыя Беджомъ,[1] относятся къ I-й династіи древняго вавилонскаго царства, т. е. 2500-3000 лѣтъ до Р. Х. Чтобы провѣрить вѣсъ вавилонской мины и свѣрить его съ миной ассирійской, Эри отобралъ по шести хорошихъ разновѣсковъ вавилонскихъ и ассирійскихъ; первые б. ч. каменные и имѣютъ видъ утки, повернувшей голову назадъ, на крыло; вторые, б. ч. металлическіе,[2] въ видѣ лежащаго льва (т. XXIV, 4). Среднiй вѣсъ вавилонской мины оказался 2,177 англійскаго фунта, т. е. 987,4 g, а ассирійской — 2,190 ан. фн., т. е. 993,3 g.[3] Числа эти весьма близки между собой, т. е. указываютъ, что ассирійская и вавилонская мина есть одна и таже величина; съ другой стороны, близость этихъ чиселъ къ 500 g, которые Беджъ принимаетъ за древнюю мину, указываетъ, что в ѣ с о в а я вавилонская мина сохранилась неизмѣнной съ 3000 лѣтъ до Р. Х. и, по крайней мѣрѣ, до ассирійскаго владычества въ Египтѣ.[4]

Мы уже упомянули выше, что въ Британскомъ музеѣ имѣется египетскій разновѣсокъ ранняго періода, съ оффиціальнымъ клеймомъ на немъ, вѣсомъ въ 1021 гранъ. Число египетскихъ вѣсовыхъ единицъ — кедетъ — дробное, а именно 7,29, но число ассиро-вавилонскихъ шекелей цѣлое, а именно 4.[5] Далѣе, 36 ке-

[1]) E. A. Wallis Budge. Ibidem. p. 25. [2]) Въ Британскомъ музеѣ имѣется богатая коллекція такихъ разновѣсковъ изъ Нимруд-а. Всѣ они относятся къ царствованію Тиглатпилесара III-го и Саргона II-го (745—705). Вѣсъ, т. е. число минъ указано числомъ нарѣзокъ на туловищѣ льва. На многихъ имѣются надписи, свидѣтельствующія, что то былъ „Царскій вѣсъ", или „вѣсъ страны". Имѣются экземпляры въ 1, 2. 4 и до 32 минъ. Левъ въ 4 мины даетъ для послѣдней значеніе въ 483 g. Всѣ разновѣски этого типа даютъ значенія мины меньшія указанныхъ въ таблицѣ VI. Разновѣски, лучше сохранившіяся, даютъ вѣса близкіе къ табличнымъ. [3]) W. Airy. Ibidem. The Ancient Assyrian Weights. p. 12. [4]) Petrie. Ibidem, p. 486, указываетъ, что шекели въ 129 и 127 griновъ нерѣдки въ египетской дельтѣ, особенно въ Милетской колоніи Навкратисѣ. Дань народами „Куш" въ періодъ XVIII династіи тоже платилась въ этой второй системѣ. [5]) Airy, Ibidem 14. Вѣсъ гири 1021 гранъ, указываетъ на шекель 255.

детъ, т. е. вѣсъ римскаго фунта, соотвѣтствуетъ $^1/_3$ тяжелой мины въ 108 к., или въ 980 g. Наконецъ, въ Каирскомъ музеѣ находится большой грузъ въ 2700 к., т. е. въ 25 минъ. Все это указываетъ, что Египтяне стремились приспособить свою кедет-ную шкалу вѣсовъ къ ассиро-вавилонской минѣ и что эту вѣсовую мину они полагали равной 108 кедетъ.

Тѣмъ не менѣе, также очевидно, что вѣсовая мина эта не составляла органической части кедет-ной шкалы; къ ней приспособлялись, вводили подраздѣленія мины или кратные ей вѣса, но мѣста для самой мины, какъ таковой, не было.[1]

Иначе обстоитъ дѣло съ указаннымъ выше вѣсомъ въ 60 кедетъ (544,3 g). Въ египетскую систему онъ входитъ, повидимому, органически. Идя вверхъ, мы находимъ $60\times2=120$ к.; $60\times5=300$ к.[2] $60\times50=3000$ к. и $60\times100=6000$ к. Идя внизъ: $60\times{}^3/_4=45$ к.; $60\times{}^1/_2=30$ к.; $60\times{}^1/_3=20$ к.; $60\times{}^1/_4=15$ к.; $60\times{}^1/_{10}=6$ к. и т. д. Съ другой стороны, вѣсъ 545,8 g является ничѣмъ инымъ какъ вавилонской монетной (серебряной) миной,[3] а этотъ вѣсъ лежитъ какъ разъ въ предѣлахъ $140\pm0,7$ к. $\times 60$, т. е. 542—547 g. Такимъ образомъ вавилонская серебряная мина имѣетъ мѣсто сама, со всѣми своими подраздѣленіями, въ египетской системѣ. Кромѣ того, она равняется по вѣсу русскому старому ансырю въ 128 золотниковъ, т. е. въ 546 граммовъ. Наконецъ, вышеупомянутый оско-латинскій фунтъ въ 272—273 грамма является ея половиной. Какъ мы видѣли выше, оско-латинскій фунтъ былъ монетной единицей Рима до конца III столѣтія до Р. Х. Естественной поэтому является его связь съ другой монетной единицей, вавилонской серебряной миной; но чрезвычайно знаменателенъ фактъ, что оско-латинскій фунтъ органически связанъ и съ вавилонской, и съ египетской кедетной системой. И невольно напрашивается мысль, что здѣсь мы видимъ звенья какой-то очень древней цѣпи, которая изъ восточнаго средиземноморья черезъ финикійцевъ и Тирренское море протянулась въ Этрурію и Римъ.

Подобно серебряной, у вавилонянъ существовала и золотая мина около 409 граммовъ.[4] Этому вѣсу отвѣчаетъ 45 к. = 6300 грановъ = 408,23 g. Подобно вѣсу 60 к., отъ коего 45 к. является тремя четвертями, вѣсъ этотъ „органически" входитъ въ египетскую шкалу, но подраздѣленія здѣсь нѣсколько иныя и соотвѣтствуютъ простымъ множителямъ 5 и 9; напр. вѣсъ въ 144 к., эквивалентный 80 шекелямъ, т. е. $^4/_3$ вѣсовой мины. Самымъ интереснымъ и подтверждающимъ значеніе 45 к. въ ассиро-вавилонской шкалѣ является существованіе шестидесятиричнаго вѣса $45\times60=2700$ к., т. е. таланта. Вѣсъ этотъ мы уже отмѣчали какъ равный 25 вѣсовыхъ минъ.

Получаемъ соотношеніе: 25 вѣсовыхъ минъ = 60 золотыхъ минъ. Все ука-

---

[1]) Какъ указано въ Таблицѣ VI, Эри принимаетъ для своей мины не $254\times60=15240$ (988 g.), а число 15218 гранъ (986 g.), полученное взвѣшиваніемъ 8 наилучшихъ и наиболѣе сохранившихся разновѣсковъ; число 254 для шекеля также получено не вычисленіемъ, а фактическимъ взвѣшиваніемъ. 108 кедетъ по расчету 1 к. = $140\pm0,7$ грана, даютъ 15.115—15.200 гранъ, или 980—985 g., что близко къ предѣламъ мины по Леману и къ минѣ Эри. [2]) Собственно 302; вышеупомянутый грузъ въ 2700 к. (25 вѣс. минъ) = 60×45. [3]) Lehman, Ibidem, p. 96, принимаетъ 545—547. Viedebantt, Ibidem, p. 17, говоритъ: »Setzen wir einmal vorauss dass die Babylonishe Silbermine von 545,8 eine ueber jedem Zweifel gesicherte Grösse wäre«. [4]) 409,3 Lehman. Ibidem, p. 98; Viedebantt, Ibidem, p. 21.

занное говоритъ о значеніи золотой мины въ кедет-ной системѣ. Но 45 к. $= 6300$ гранъ $= 408{,}23$ g (406—410 g), а это есть ничто иное какъ *русскій фунтъ*.[1]

Мы видимъ, что въ египетской кедет-ной системѣ имѣются эквиваленты и вавилонскихъ единицъ, какъ золотая и серебряная мина, и оско-латинскаго фунта и фунта римскаго; находится тамъ и аттическая вѣсовая Солонова мина съ ея подраздѣленіями. Мы видимъ дальше, что вавилонскія монетныя мины лежатъ въ основаніи русскихъ вѣсовыхъ ансыря и фунта, и это наводитъ насъ на мысль, что разновѣсками на русской равнинѣ послѣ мины и шекеля могли служить раннія монеты — драхмы; видимъ также, что вѣсъ въ 50 к., принятый Солономъ за вѣсовую аттическую мину, нашелъ себѣ путь и на западъ и сталъ въ Англіи современнымъ Имперскимъ Avoirdupois фунтомъ.

Въ таблицѣ VII-ой сведены упомянутые вѣса вмѣстѣ и указаны ихъ эквиваленты въ кедет-ахъ, граммахъ и золотникахъ.[2] Изъ этой таблицы видно также, что нѣкоторыя изъ фунтовъ и минъ имѣютъ соотвѣтствующія шестидесятыя части — шекели, другія имѣютъ высшія единицы въ 60 минъ — таланты, третія обладаютъ и тѣми и другими. Къ первому разряду принадлежатъ серебряная вавилонская мина (ансырь) и оско-латинскій фунтъ; соотвѣтствующими шестидесятыми будутъ для ансыря — кедетъ, для о. л. фунта — $^1/_2$ кедет-а, т. е. аттическая вѣсовая драхма. Для аттической мины $^1/_{60}$-ой былъ бы вѣсъ въ $^5/_6$ кедет-а; но такого вѣса нѣтъ среди дробныхъ подраздѣленій кедет-а, которыя идутъ такъ: $^4/_5$, $^3/_4$,[3] $^2/_3$, $^1/_2$, $^1/_3$, $^1/_4$, и $^1/_5$. Это указываетъ, что *вѣсовая аттическая мина принадлежитъ не къ вавилонской, а къ египетской шкалѣ* и объясняетъ, почему греки (и Солонъ) остановились на подраздѣленіи мины на 100 частей: $^1/_{100}$ мины въ 50 к. — это была аттическая драхма.[4]

Обратимся теперь къ вѣсу въ 60 аттическихъ минъ; 60×50 к. $= 3000$ к. $=$ 27,2 kg. Этотъ вѣсъ находится въ египетской кедет-ной шкалѣ и является *вѣсовымъ аттическимъ талантомъ*. Въ Британскомъ музеѣ находится также большая каменная гиря вѣсомъ въ 120 ан. фн., т. е. въ 120 аттич. вѣс. минъ,[5] или 2 аттическихъ вѣсовыхъ таланта.[6]

Оско-латинскій фунтъ и ансырь занимаютъ одинъ по отношенію къ другому положеніе легкой и тяжелой мины. Подсчитаемъ для этой системы величину таланта, т. е. вѣсъ равный 60 о.-л. фунтамъ, или 30 ансырямъ; въ кедет-ахъ это было-бы 1800, и, какъ видно изъ таблицы VII соотвѣтствующей гири, повидимому, не было еще найдено.[7] Въ килограммахъ тотъ же вѣсъ будетъ 16,33 и равняется нашему пуду.[8] И такъ искомый талантъ для оско-латинской системы и для ансыря находится въ нашемъ пудѣ, и самая система получаетъ

---

1) Точный эквивалентъ фунта въ гранахъ 6320; въ граммахъ — 409,528; точная соотвѣтствующая величина кедет-а — 140,44 грана $= 9{,}1005$ g, т. е. какъ указывалось выше, — въ предѣлахъ величины кедет-а $140 \pm 0{,}7$ грана. 2) Первые 2 столбца представляютъ выборку изъ табл. I, Airy, Ibid, p. 26. 3) Отмѣтимъ, что $^3/_4$ кедет-а составляютъ $^1/_{60}$ вавилонской золотой мины (русскаго фунта): $^3/_4 \times 60 = 45$. 4) Финикійцы дѣлили свою мину не на 60, а на 50 частей; такъ по ихъ системѣ — аттическая мина дѣлилась бы на 50 частей, и эта $^1/_{50}$ была бы какъ разъ кедет-омъ. Финикійскій вѣсовой единицей былъ шекель въ 220 (Airy) — 224 (Petrie) гранъ, равный древне-еврейскому. Airy указываетъ, что 220 гранъ = древне египетскому (до кедет'ному) дебенню. 5) E. A. Wallis Budge. A guide to the IV, V, VI Egyptian Rooms. B. M. 1922, p. 135. 6) Вѣсъ въ 27 kg $= 3^3$ отвѣчаетъ вѣсу воды въ 1 кубическомъ дециметрѣ. 7) Два сосѣдніе вѣса въ 1000 и 2700 к. составляютъ отъ него: $^5/_9$ и $^3/_2$. 8) Съ точностью до 0,05, т. к. пудъ $= 16{,}38$ kg.

Таблица VII-я. Вѣса минъ и фунтовъ въ кедет'ахъ.

Вѣса разновѣсковъ, полагая кедетъ 140 гр.							Вавилон. монет. мины		O-L. As.	Соотвѣтствующіе вѣса другихъ системъ
Кедет'ы, kedet	Граны, grains	Граммы, grammes	Золотники, фунты	Аттическ. вѣсовыя: драхмы	Аттическ. вѣсовыя: мины	Вавил. вѣсов. шекель и мины	Серебряная	Золотая		
1/2	70	4,536	16/15	1	1/100	—	1/120	1/90	1/60	Вѣсъ Аттической Драхмы
3/4	105	6,80	—	—	—	—	1/80	1/60	—	Золотой Шекель
1	140	9,072	32/15	2	1/50	—	1/60	1/45	—	„Кедетъ“, дидрахма
2	280	18,14	—	4	1/25	—	1/30	—	—	Тетрадрахма
2 1/2	350	22,7	—	5	1/20	—	1/24	1/18	1/12	O. L. Uncia
3	420	27,2	—	—	—	—	1/20	1/15	—	— — — —
5	700	45,4	—	10	1/10	—	1/12	1/9	1/6	Декадрахма, (O. L. Sextans)
7,28	1021	66,2	~15 (15,36)	—	—	4	1/8	—	1/4	O. L. Quadrans
9	1260	81,6	—	—	—	5	3/20	1/5	—	5 вѣсов. шекелей, 1/12 maneh
10	1400	90,7	—	20	1/5	—	1/6	—	1/3	»Uten«; O. L. Triens
15	2100	136	32	—	—	—	1/4	1/3	1/2	O. L. Semis
20	2800	181	—	—	—	—	1/3	—	—	1/3 ансыря
25	3500	227	—	50	1/2	—	5/12	—	—	1/2 аттическ. вѣс. мины
30	4200	272	64	—	—	—	1/2	2/3	1	O. L. As. (1/2 Ансыря)
36	5040	327	—	—	—	20	3/5	—	—	Aes grave, Римскій фунтъ
45	6300	408	96	—	—	25	3/4	1	—	Зол. вав. мина, Русскій фунтъ
50	7000	454	—	100	1	—	5/6	—	—	Атт. вѣсов. мина, Англ. фунтъ
60	8400	544	128	—	—	—	1	4/3	2	Серебр. вав. мина, „Ансырь“
100	14.000	907	—	—	2	—	—	—	—	10 Uten, 2 вѣсов. ат. мины
120	16.800	1.089	256	—	—	—	2	—	4	2 ансыря
144	20.160	1.306	—	—	—	80	—	—	—	1 1/3 maneh
250	35.000	2.268	—	—	5	—	—	—	—	5 аттич. вѣсов. минъ
1000	140.000	9.072	—	—	20	—	—	—	—	20 аттич. вѣсов. минъ
2700	378.000	24.494	60 ф.	—	54	25 м.	45	60	90	60 урсск. ф.; 54 англ. ф. 25 вав. „maneh.“
3000	420.000	27.216	—	—	60	—	50	—	100	50 ансырей (60 атт. минъ)
6000	840.000	54.431	—	12/т	120	—	100	—	200	100 ансырей (120 атт. минъ)

слѣдующій видъ (Табл. VIII), гдѣ, подобно основной вавилонской вѣсовой системѣ, и шекель, и мина являются въ разновидностяхъ легкой и тяжелой — а талантъ имъ соотвѣтствуетъ одинъ и тотъ же.[1]

Обратимся теперь къ золотой минѣ — русскому фунту. Въ кедет-ной системѣ имѣются и шастидесятая часть, золотой шекель, равный 3/4 кедет-а, и шестьдесятъ золотыхъ минъ въ лицѣ груза въ 2700 кедетъ. Интересно обратить вниманіе,

---

1) Если не брать во вниманіе оско-латинскаго фунта, а ограничиться только системой ансыря, серебряной мины, то талантъ была бы величина въ 60 ансырей или 2 пуда 32,76 kg. По вѣсу этотъ талантъ является величиной того же порядка, что и вавилонскій вѣсовой (29,48) и аттическій вѣсовой (27 kg). Соотвѣтствующій объемъ будетъ 32,76 литра 2000 куб. дм. (1999,28), а соотв. ребро куба 12,60 дм., т. е. (Nicholson, Ibidem, p. 36) 1/2 ассирійскаго локтя въ 25,20 (см. Petrie, Ibidem, p. 483). Nicholson называетъ этотъ талантъ „греко-азіатскимъ“. Персы раздѣлили соотвѣтственную мину (ансырь) на 100 частей и получили свои шекели, т. н. серебр. Дарикъ. Средній вѣсъ найденныхъ серебр. дарик-овъ въ 5,42 отвѣчаетъ минѣ въ 542 грамма.

Таблица VIII. Вавилонская серебряная и вѣсовая системы.

Система	Граны	Шекель		Мина		Талантъ
	граммы	легкій	тяжелый	легкая	тяжелая	
Вавилон. вѣсовая	grs	127	254	7609	15.218	65 ан. фн.[1]
	g	8,23	16,46	498	986	29,48 kg
Вавилон. серебряная	grs	70	140	4200	8400	252.000 (36 lb.)
	g	4,54	9,072	272	544	16,33 kg
Поясненіе		Атт. драхма	Кедетъ	O.-L. фун.	Ансырь	Пудъ

что слѣдующая дробная часть кедет-а, половина его (70 гранъ), въ золотникахъ выражается числомъ $^{16}/_{15}$, или, обратно, 1 золотникъ $=$ $^{15}/_{16}$ ($^{1}/_{2}$ к.); т. к. $^{15}/_{16}$ есть весьма часто встрѣчающаяся золотая проба, а золотникъ есть монетная аттическая драхма, то выходитъ какъ будто бы въ 1 вѣсовой аттической драхмѣ было золота на 1 золотникъ.

Грецiя архаическаго періода пользовалась вѣсами египетской кедет-ной системы, а также вавилонскими и финикійскими шекелемъ и миной. Вавилонскія мѣры легли въ основу т. н. Евбейской системы, принятой первоначально на островѣ Самосѣ. Египетская кедет-ная система стала основаніемъ аттической вѣсовой; она же, повидимому, легла въ основу Эгинской системы.[2]

Эгинская драхма вѣсила около 6 граммъ. Ф. Винклеръ[3] принимаетъ ровно 6 g., Фидебантъ,[4] на основаніи большого числа взвѣшиваній, останавливается на нѣсколько большемъ значеніи, а именно 6,085—6,17, но оговариваетъ, что древнѣйшія монеты указываютъ на вѣсъ 6,0—6,1,[5] т. е. въ среднемъ 6,05 g. Если мы обратимся къ дѣленіямъ кедет-а, то увидимъ, что тамъ имѣются вѣса въ $^{2}/_{3}$ и $^{1}/_{3}$ кедет-а; первый вѣситъ 6,05 грамма, второй 3,03. Эти два вѣса представляютъ, слѣдовательно, эгинскую драхму и полудрахму.

Древнѣйшія эгинскія монеты относятся къ 700 г. до Р. Х.[6] и, съ этого времени получаютъ широкое распространеніе по всей Греціи, также какъ эгинскіе вѣса и мѣры объема. Въ Аѳинахъ эгинская мина существовала подъ названіемъ μνᾶ ἐμπορική, торговая мина и вѣсила 600,3—601,7 граммъ.[7] Къ концу VII вѣка до Р. Х. экономическое положеніе Аѳинъ стало чрезвычайно тяжелымъ и грозило большими внутренними потрясеніями. Въ 594 году, по общему соглашенію, Солонъ былъ избранъ архонтомъ и получилъ значительныя полномочія. Первой его мѣрой было облегченіе тяжести долговыхъ обязательствъ, т. н. σεισαχθεία, —

---

[1]) Для сравненія приводится и вавилонская вѣсовая система, по Эри. Т. к. Эри исходилъ изъ фактическаго взвѣшиванія, то у него нѣтъ точной зависимости 1 мина = 60 шек., а нѣсколько приближенная; зато всѣ вѣса фактическіе. По Петри та же система въ гранахъ идетъ такъ: 129/258, 7750/15500 и 465/m (30,1 kg). Въ серебряной монетной системѣ всѣ вѣса дѣйствительные. [2]) Ранѣе существовалъ взглядъ, что Эгинская система является „обезцѣненной“ финикійской. Петри (Ibidem, p. 487) оспариваетъ этотъ взглядъ и считаетъ ее независимой, но египетскаго происхожденія. [3]) Ф. Винклеръ. Драхма. Энц. Словарь Бр. Э. т. XI, 105. [4]) Viedebantt. Forschungen u. s. w., s. 68, Tab. IV, s. 170. [5]) Ibidem, pp. 45—50. [6]) Viedebantt, Ibidem, p. 68; Эгинская монетная система, Словарь Б. Э. XL, 152. Въ Брит. музеѣ имѣется эгинская тетрадрахма, приписываемая Аргосскому царю Фейдону (№ 29, I. B.). На оборотной сторонѣ ея отчеканено изображеніе морской черепахи — символъ Афродиты. [7]) Viedebantt. Ibidem, p. 47. Эта мина вѣсила 138 ат. драхмъ римскаго періода по 4,35—4,36 g, что и даетъ вышеуказанную цыфру.

сейсахтія. Съ этой цѣлью онъ ввелъ новую денежную единицу — евбейскую золотую драхму въ 4,29 грамма и, одновременно, новую систему мѣръ и вѣсовъ. Должники должны были выплачивать то же число драхмъ, но цѣнность каждой драхмы уменьшилась въ отношеніи 70 къ 100: тяжесть долговой повинности была облегчена. Наши свѣдѣнія о реформѣ Солона основываются, главнымъ образомъ, на 10-й главѣ Аристотелевой Πολιτεία. Фидебантъ[1] приводитъ критическій разборъ соотвѣтствующаго текста, который подавалъ поводъ ко многимъ недоумѣніямъ, и предлагаетъ слѣдующій „толковый" переводъ: „Прежде нежели приступить къ законодательству, (Солонъ) произвелъ облегченіе долговъ и соотвѣтствующее увеличеніе мѣръ и вѣсовъ, а также монетъ. При немъ были (a) увеличены мѣры по отношенію къ прежде существовавшимъ въ Аѳинахъ Фейдонскимъ. (b) (Напримѣръ), (монетная) мина, которая ранѣе по вѣсу имѣла 70 Солоновыхъ драхмъ (= 100 фейдонскимъ), была повышена до 100 Солоновыхъ драхмъ. Главной монетной единицей была дидрахма. Солонъ ввелъ также (c) (торговый) вѣсъ по постоянному отношенію къ монетѣ (т. е. къ монетному вѣсу) : 63 (монетныхъ) минъ вѣсили 1 (вѣсовой) талантъ, (который по отношенію къ монетному былъ повышенъ на 3 мины, т. е. $^3/_{60} = ^1/_{20}$)."

Изъ этого текста видно, что Солонъ увеличилъ вѣсъ своей новой драхмы по отношенію къ прежней. Такъ какъ эгинская мина тяжелѣе солоновой,[2] то Фидебантъ полагаетъ, что рѣчь идетъ о половинѣ первой, т. е. о торговой минѣ въ 300,3 грамма.[3] Дѣйствительно, если взять 70 новыхъ вводимыхъ эвбейскихъ драхмъ по 4,29 грамма, то получится 300,3 грамма, т. е. торговая мина, и отношеніе этой мины къ эвбейской въ 429 g будетъ какъ 70 къ 100. Такъ же какъ и въ вавилонской системѣ, образуется 2 параллельныхъ шкалы: монетная и вѣсовая. Монетныя единицы будутъ: драхма въ 4,29 грамма; мина 429 граммъ и талантъ изъ 60 минъ 25,74 kg. Увеличивъ каждый членъ соотвѣтственно на $^3/_{60}$ или $^1/_{20}$, получаемъ вѣсовой рядъ: драхма — 4,505 g, в. мина 450 g и талантъ 27,03 kg.

Остается провѣрить вѣсъ Солоновой монетной драхмы. Ранѣе ее полагали равной 4,366 g.[4] Фидебанту принадлежитъ заслуга установленія вѣса аттической драхмы въ 4,29 g. Сдѣлано это имъ на основаніи многочисленныхъ взвѣшиваній аѳинскихъ тетрадрахмъ 560—480 г. до Р. Х. При перечисленіи на драхмы вѣса среднихъ 50% монетъ колеблются отъ 4,26 до 4,32 и даютъ среднiй вѣсъ, какъ указано выше, въ 4,29 g.[5]

Далѣе, извѣстное мѣсто Геродота (III, 89) — о дани Дарія Гистаспа указываетъ, что 60 персидско-вавилонскихъ минъ равнялись 70 эвбейско-аттическимъ. Фи-

---

[1]) Viedebantt. Ibidem. p. 50. [2]) Поэтому эгинская драхма называлась толстой — παχεῖα δραχμή. [3]) Viedebantt. Ibidem, 3, 49, 50. Фидебантъ указываетъ слѣдующіе предѣлы: монетный рядъ, драхма 4,26—4,32; мина 426—432; талантъ 25,56—25,92; вѣсовые: драхма 4,47—4,53; мина 447—453,5; талантъ 26,8—27,21. [4]) Hultsch. Griechische und römische Metrologie 1882. Въ этомъ, ставшемъ классическимъ, трактатѣ Гульчъ основывается на показаніи Полибія, что въ 190 г. до Р. Х. аттическій талантъ д. б. вѣсить не менѣе 80 римскихъ фунтовъ; отсюда мина равняется: $\frac{327,45 \times 80}{60} = 436,66$ g. Фидебантъ на это возражаетъ взвѣшиваніями архаическихъ монетъ, указывая, что тогда вѣсъ драхмы былъ менѣе. [5]) Если взять группу, заключающую 60%, отъ 4,22 до 4,32, то получимъ 4,27 g, т. е. нашъ золотникъ. Я полагаю, что вѣса приведенные Фидебантомъ именно ведутъ къ золотнику, но оставляю его цыфры, тѣмъ болѣе, что вѣсъ золотника 4,2659 находится въ предѣлахъ 4,26—4,32. Всѣхъ вѣсовъ приводится 109 изъ кабинетовъ Лондона, Берлина и Аѳинъ.

дебантъ[1] беретъ для вавилонской мины среднее въ 500,5 g и тогда получаетъ 429 g для аттической. Наконецъ, гири найденныя на островѣ Тэра даютъ для драхмы 4,24 g.[2] Такимъ образомъ, можно за вѣсъ аттической драхмы (nummus) во время Солона и вскорѣ послѣ него принять 4,29 g. Но если это такъ, то, какъ указано выше, вѣсовая драхма (pondis) будетъ: $4{,}29 \times \frac{21}{20} = 4{,}505$ (отъ 4,47 до 4,58), т. е. $^1/_2$ кедет-а. Оказывается, что при своей девальваціи Солонъ вернулся для вѣсовой шкалы къ кедет-ной египетской системѣ и взялъ за вѣсовую мину вѣсъ въ 50 кедетъ. Монетная же эвбейская мина съ драхмой-золотникомъ вавилонскаго происхожденія, т. к. среди вавилонскихъ минъ имѣется и мина въ 429 граммовъ, да и ея драхма-золотникъ составляетъ $^1/_{96}$ фунта — мины золотой. Въ Британскомъ музеѣ находится извѣстный Абидосскій левъ, вѣсомъ въ 25,65 g съ финикійскою надписью: „Провѣренъ казначеями". Это несомнѣнный талантъ и соотвѣтствуетъ онъ эвбейско-аттической минѣ въ 427—429 граммъ.

V. РУССКІЯ МѢРЫ

„О мѣрахъ же есть неудобно
„Положити подобство сходно,
„Чтобы древнія мѣры познати
„Мѣрами же ихъ измѣряти,
„Аки пачее къ нимъ приравняти
„Нынѣшнее равенство познати".

Магницкій. Ἀριθμέτικα.

Русскія линейныя мѣры представляются намъ справочниками въ слѣдующемъ, примѣрно, видѣ: 1 верста = 500 саженямъ; 1 сажень = 7 футамъ = 3 аршинамъ; 1 футъ = 12 дюймамъ; 1 аршинъ = 16 вершкамъ = 28 дюймамъ.

Невольно является вопросъ, какъ это вышло, что такая несомнѣнно русская мѣра какъ сажень равняется семи англійскимъ футамъ; почему въ аршинѣ двадцать восемь дюймовъ. И причемъ тутъ, вообще, число семь; вѣдь ни въ мѣрахъ вѣса, ни въ мѣрахъ объема (сыпучихъ тѣлъ) его нѣтъ. На это намъ отвѣчаютъ, что Петръ Великій заимствовалъ футъ изъ Англіи, а число семь попало къ намъ совершенно случайно.[3] Но вѣдь не въ каждую же мѣру уложится посторонняя единица нацѣло; вѣдь не ляжетъ же нацѣло англійскій футъ во французскій метръ, или русскій вершокъ въ англійскій ярдъ. Да и число семь тоже не совсѣмъ обыкновенное: вѣдь это число дней недѣли, число планетъ, число „свѣщей" свѣтильника и т. д.; и уложилось оно подозрительно удобно и въ сажень, и въ аршинъ; вѣдь если 28 дюймовъ раздѣлить на 7, получимъ 4 дюйма, а 4 дюйма это обычная у многихъ народовъ ладонная мѣра.[4] Нѣтъ, на самомъ дѣлѣ не могло здѣсь быть простой случайности; какъ говоритъ Магницкій, чтобы „нынѣшнее равенство познати" нужно заглянуть назадъ, тряхнуть старинкой, да и когда Петръ Великій, хотя бы и изъ соображеній чисто практическаго свойства, возвращалъ англійскіе футы въ лоно русской сажени, то въ новизнѣ этой могла старина слышаться, и большая старина.

---

[1]) Viedebantt. Ibidem. p. 53. [2]) Ibidem p. 54. [3]) Гершунъ, А. Мѣры. Э. Словарь Б. Э., XX, 319 „при смѣшеніи же этихъ двухъ системъ въ одну новую смѣшанную систему входиол такимъ образомъ совершенно случайное отношеніе; такъ, напримѣръ, нашъ аршинъ = 28 англійскимъ дм., наша сажень = 7 англійскимъ футамъ и проч." [4]) Англійская palm = 3 дм., а hand = 4 дм. — Русская „пясть" ладонь = 2 вершкамъ, т. е. $3^1/_2$ дм. „Тесьма шириной въ пясть, въ ладонь, въ 2 вершка". Даль. Т. Словарь, III, 1450.

Въ 1703 году, когда Петръ Великій основывалъ Санктъ Петербургъ, а Леонтій Магницкій издавалъ въ Москвѣ свою Ариѳметику, сирѣчь науку числительную „изъ многихъ разноязычныхъ книгъ греческихъ, латинскихъ, нѣмецкихъ и старопреводныхъ словенскихъ“[1] составленную, сажень еще[2] не дѣлили на футы и дюймы. Говоря словами Магницкаго, футовой мѣры тогда не было, но была мѣра саже́нная и аршинная:

„Яко сажень имать	2	полусажени	пол'аршина имать	2	четверти
полусажень „	1½	аршина	четверть „	4	вершка
аршинъ „	2	полуаршина	и во аршинѣ „	16	вершковъ.“[3]

Не встрѣчается еще упоминанія футовъ и дюймовъ и въ Учебной тетради Петра Великаго (рис. въ текстѣ), въ любопытномъ рукописномъ задачникѣ по метрологіи, геометріи и артиллеріи, украшенномъ виньетками, концовкой и заставкой съ вензелемъ Z. P. A., короной и двуглавымъ орломъ.[4] Такъ „Проблема какъ дѣлается картузъ картечный“ говорится: „На — 24· фунтовые паруснаго полотна полъ аршина, кезингы — 6· сажень, дроби — 32· ядра· 24· лотовъ“, т. е. вѣсовые фунты сопоставляются съ аршинами и саженями.

Эти 2 мѣры, саженная и аршинная, сведены у Магницкаго въ одну таблицу, причемъ, въ отличіе отъ современныхъ руководствъ, онъ не дѣлитъ сажени сразу на три аршина, а сначала на двѣ полусажени; также и аршинъ дѣлитъ на два пол'аршина и, далѣе, на 4 четверти.

Что же такое эта четырех-вершковая четверть? Это наша старинная пядь, или пяде́нь, „протяженіе межъ большого и указательнаго перстовъ, растянутыхъ по плоскости, мѣра въ четверть аршина“.[5] Подобно сажени[6], пяде́нь весьма древняя мѣра[7], и въ русскихъ пословицахъ сажень всегда сопоставляется съ пядью, а не съ аршиномъ[8].

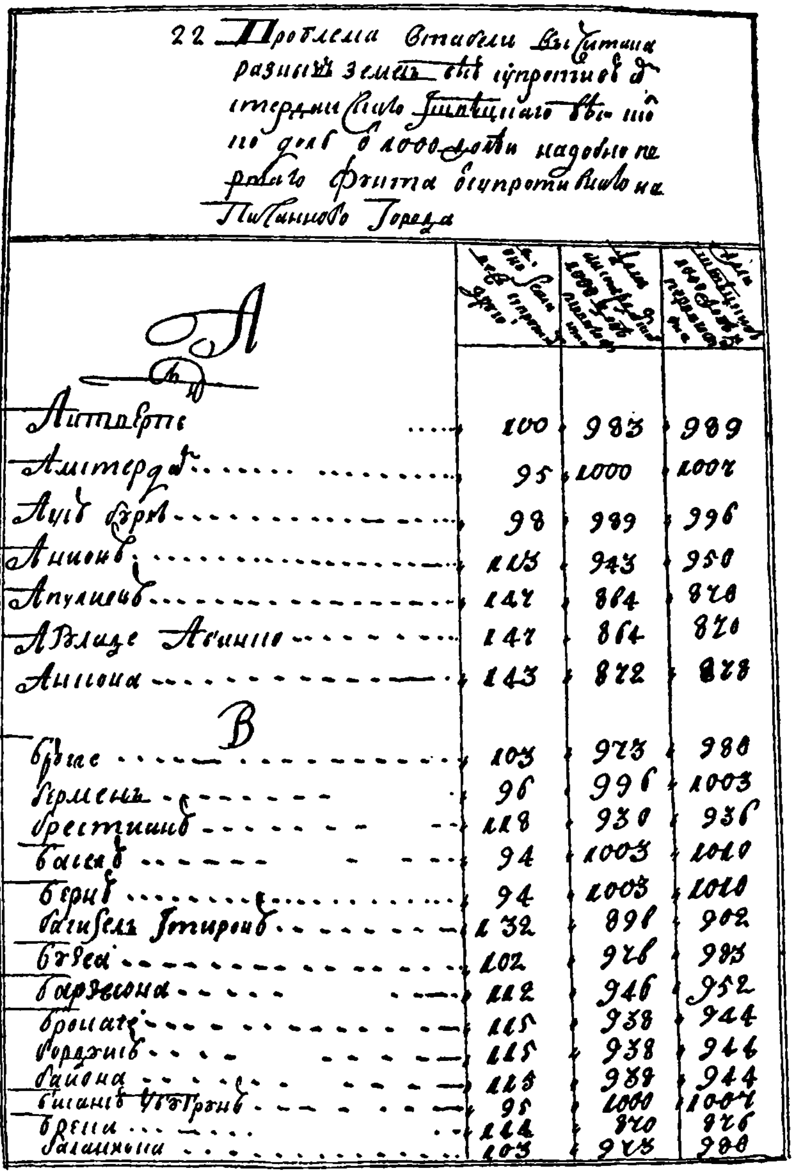
„Ты отъ дѣла на пяденьку, а оно отъ тебя саженьку“[9], или — „ты отъ жены на пяде́нь, анъ ужъ она отъ тебя на сажень[10]. — Различалась пядь мѣрная

---

¹) Магницкій. Ариѳметика и т. д. Москва, 1703. ²) Какъ мы увидимъ ниже, „еще“ можно было бы дополнить или замѣнить словомъ „уже“. ³) Магницкій. Ариѳметика. Книга А҃, О Деньгахъ, вѣсахъ и мѣрахъ Московскаго Государства и окрестныхъ нѣкоихъ. Часть А҃, О мѣрѣ саже́нной и аршинной. ⁴) Тетрадь folio, переплетена въ пергаментъ. Написана четкимъ полу-уставомъ, вродѣ Котошихинскаго, но цыфры арабскія и многія буквы — латинскія. Написана, вѣроятно до 1703 г. (нѣтъ Петербурга въ числѣ городовъ), но послѣ возвращенія Петра изъ заграничной поѣздки. ⁵) Даль. Толковый Словарь. Изданіе IVᵉ, т. III, стр. 1449. ⁶) Даль. Ibidem. IV, 9. Сажень бываетъ мѣрная, косая — отъ ножной пятки до поднятой вверхъ противоположной руки, — маховая — въ размахъ обѣихъ рукъ (2½ арш. = 70 дм., а англійскій шестифутовой fathom = 72 дм.). — Сажень упоминается у Нестора подъ 1017 годомъ. На Тмутараканскомъ камнѣ ширина Керченскаго пролива помѣчена въ 8054 сажени, что въ верстахъ (изъ 3500 олимп. футъ) даетъ ровно 16 верстъ; въ настоящее время ширина эта считается 19 верстъ. — Наша сажень отвѣчаетъ филетэрійской оргіи изъ 7 олимпійскихъ футъ; олимпійская оргія изъ 6 олимпійскихъ футъ соотвѣтствуетъ маховой сажени и fathom'у. ⁷) Наши паломники, діаконъ Игнатій (XIV в.) и Трифонъ Коробейниковъ (XVI в.) измѣряли гробъ Господень пядями. См. Пядь. Э. Словарь Б. Э., XXV, 936. ⁸) Аршинъ равенъ по величинѣ большому филетэрійскому локтю въ 2 филетэрійскихъ фута. До Петра В. равнялся 718 mm, теперь 711,2 mm. Отъ греческаго названія Πῆχυς — локоть произошло арабское и турецкое пикъ. Т. о. аршинъ есть большой локоть. Слово аршинъ, полагаю, можно вести отъ древнеперсидскаго arasni (см. главу III) для локтя. — Аршинъ есть по преимуществу мѣра для тканей и, подобно, англійскому ярду, дѣлится на 16 частей: вершковъ у насъ, ногтей — нэл'ей, у нихъ. ⁹) Даль. III, 1449. ¹⁰) Даль. IV, 9.

и пядь **великая**. Іеродіаконъ Іоаннъ (1651) высоту входа въ пещеру Гроба Господня опредѣляетъ „четыре пяди великія"[1]. Игуменъ Даніилъ (XII в.) ту же величину полагаетъ равной четыремъ локтямъ. Такимъ образомъ выходитъ, что пядень „великая" и локоть (малый) одно и то же.

Въ началѣ XVIII в. величина (малаго) локтя опредѣлялась въ 12 вершковъ, т. е. въ 3 **четверти**; аршинъ, какъ указано и у Магницкаго, въ 16 вершковъ; вершокъ[2], въ свою очередь, дѣлился на 2 пальца, такъ что основной единицей являлся **палецъ**, по 4 на ладонь, 16 на пядѐнь, 24 на локоть, 32 на аршинъ и 96 на сажень.[3]

22 Проблема [illegible]

А			
Антверпе	100	983	989
Амстердам	95	1000	1004
Аугсбург	98	989	996
[illegible]	113	943	950
Апулия	147	864	870
[illegible]	147	864	870
Анкона	143	872	878
В			
[illegible]	103	973	980
Бремен	96	996	1003
[illegible]	118	930	936
Базель	94	1003	1010
Берн	94	1003	1010
[illegible]	132	896	902
[illegible]	102	976	983
Барселона	112	946	952
[illegible]	115	938	944
[illegible]	115	938	944
Байона	113	939	944
[illegible]	95	1000	1004
[illegible]	114	970	976
Болония	103	973	980

Страница изъ рукописной учебной книги Петра Великаго. (× 3/5).

Въ 1738 году Парижская Академія Наукъ запросила академиковъ Delisle'я и Vinsheim'a о положеніи русскихъ мѣръ и просила сравнить ихъ съ французскими. Они нашли **прежній** аршинъ равнымъ 318,3 парижскихъ линій, т. е. 718 милиметровъ, или 28,269 англійскихъ дюймовъ, „что даетъ 538,5 mm (21,20 дм.) для локтя и 359 mm (14,13 дм.) для стопы"[4]. Означенныя нормы были опредѣлены и утверждены Петромъ В.

---

[1]) Э. Словарь Б. Э. **Пядь**. XXV, 936. [2]) „Торговая книга" (XVII в.) опредѣляетъ вершокъ какъ 1/16 арш. Даль (I, 450) — какъ **верхъ перста**, по 16 на арш., по 4 четверть. — Англійскій nail соотвѣтствуетъ вершку и принимается какъ 1/16 ярда. Провансальскій Ounço déu pouce (Nicholson, **Ibid.**, p. 244) берется равнымъ 9/8 дюйма, т. е. онъ почти равенъ вершку. [3]) Saigey. **Traité de Métrologie** etc. p. 154. Doursther. **Dictionnaire des Poids et Mésures** Bruxelles, 1840. **Archine**. — **Kelly, Universal Cambist etc.**, 1835, p. 301. 302. [4]) Saigey. **Ibid. Russie**, p. 154. Doursther. **Archine**.

въ началѣ царствованія. На сажень, такимъ образомъ, пришлось 2154 mm = 84,81 дм. = 7,067 англійскаго фута. Петръ увидѣлъ неудобство дробнаго числа при торговыхъ расчетахъ съ Англіей, и положилъ укоротить сажень, примѣрно на 1%, до ровнаго числа въ 7 футъ.[1] Несмотря на незначительную, казалось бы, разницу въ 1%, измѣненіе мѣръ сильно чувствовалось еще и въ то время, когда пріѣзжали Delisle и Vinsheim; многіе продолжали держаться старыхъ мѣръ, и Сэжей, подъ впечатлѣніемъ слышаннаго, критикуетъ практическую реформу Петра, которая, по его мнѣнію, нарушила геодезическую основу стройной русской системы мѣръ[2]. Въ таблицѣ IX-ой сопо-

Таблица IX. Сравненіе русскихъ (старыхъ) и филетэрійскихъ мѣръ.

Филетэрійскія	mm	дм.	стар. вершковъ	русскія	mm	дм.
палецъ — δάκτυλος .	22,50	0,885	½	палецъ .	22,44	0,883
			1	вершокъ .	44,88	1,766
ладонь — παλαιστή .	90	3,54	2	ладонь .	89,8	3,53
стопа — πούς . . .	360	14,17	8	стопа .	359	14,13
малый локоть — πῆχυς . .	540	21,26	12	локоть . .	538,5	21,20
шагъ (большой локоть) — βῆμα ἁπλοῦν . .	720	28,35	16	аршинъ .	718	28,27
жезлъ — ὀργυιά .	2160	7,09 ф.	48	сажень .	2154	84,81 (7,07 ф.)

ставлена шкала филетэрійскихъ мѣръ съ нашими старыми мѣрами; видно полное соотвѣтствіе подраздѣленій, кромѣ вершка, котораго въ греческихъ мѣрахъ не было; да и у насъ онъ появляется не ранѣе XVI вѣка, и, подобно своему собрату англійскому „ногтю“ — nail'ю, ясно указываетъ на свое происхожденіе, какъ части человѣческой руки[3]. Что касается разницы въ дѣйствительной величинѣ тѣхъ и другихъ мѣръ, то она весьма невелика, около ¼%, и указываетъ, напр., величину олимпійскаго фута въ 12,116 дм., а египетскаго обыкновеннагó локтя въ 18,17 дм.[4], величины не только весьма близкія къ принятымъ нами среднимъ въ 12,76 дм. и 18,24 дм., но и соотвѣтствующія нѣкоторымъ непосредственнымъ измѣреніямъ.

Такимъ образомъ мы видимъ, что **наша шкала мѣръ длины является ничѣмъ инымъ, какъ филетэрійской шкалой**, занесенной на русскую равнину вѣроятно задолго до утвержденія тамъ славянъ, а именно въ III—II вѣкѣ до Р. Хр. изъ Пергама, черезъ малоазійскія греческія колоніи во время оживленныхъ торговыхъ сношеній грековъ со скиѳскими царствами теперешней

---

[1]) »L'ancienne archine de 32 palez ou doigts qui s'est conservée dans plusieurs endroits avait été fixée par Pierre-le-Grand à 318,3 lignes de Paris, 28,269 pouces anglais, 718 milimètres, Mais plus tard cet empereur voulut que la sachine représentât 7 pieds anglais, de maniére que l'archine dût faire exactement 28 pouces anglais.« — Archine. Doursther. [2]) »... mais la reforme de Pierre-le-grand a troublé l'harmonie du système ...« Saigey, Ibidem. p. 155 [3]) Вершокъ — верхъ перста, отъ ногтя до сгиба 2-го сустава. [4]) 18,16 дюйма, это та величина локтя, которая отвѣчаетъ периметру пирамиды въ 9068,8 дм., по опредѣленію Petrie. Мы остановились на 18,24 дм., величинѣ, дающей олимпійскій футъ въ 12,16 дм.

южной Россіи. И яснымъ также становится, какъ къ намъ попало число семь, стоитъ лишь сравнить таблицу II (Подраздѣленія Царскаго египетскаго локтя) съ нашими мѣрами.[1] Какъ мы видѣли выше, у грековъ единицей протяженія была стадія (таблица III) изъ 100 оргій. Олимпійская стадія = 100 олимп. оргій = = 600 олимп. футъ = 608 англ. футъ; филетэрійская стадія = 600 филет. футъ = = 700 олимпійскихъ футъ = 708,7 англійскихъ фт. Подобно тому какъ римляне, взявъ за единицу протяженія 8 олимпійскихъ стадій, раздѣлили ее на 1000 passi — двойныхъ шаговъ — и назвали ее millia passum, откуда миля, также и въ странахъ, гдѣ распространились филетэрійскія мѣры, 1000 двойныхъ шаговъ, т. е. оргій, стали единицей-милей. Такова армянская миля,[2] такова и наша мѣрная верста въ тысячу саженъ. Верста эта продержалась у насъ довольно долго и упоминается еще въ межевой инструкціи 1754 года.[3] Но наряду съ этой верстой издавна употреблялась и половина ея, верста путевая[4] въ 500 саженъ, т. е. привычная намъ верста-пятисотка[5].

За единицу площадей въ филетэрійской системѣ принималось 100 квадратныхъ оргій — сокаріонъ. Наша „казенная десятина", тридцатка или сороковка будетъ, слѣдовательно, равняться 24 сокаріонамъ; хозяйственная косая десятина будетъ 32, а хозяйственная круглая, въ 3600 квадратныхъ саженей — 36 сокаріоновъ[6].

*

---

[1]) 1 царскій локоть = 7 ц. ладонямъ = 28 ц. пальцамъ (7 × 4), 1 филет. локоть = 7 ф. ладонямъ = 21 олимп. дм. (7 × 3), 1 аршинъ = 7 (англ.) ладоней = 28 дм. (7 × 4), 1 стар. сажень = = 4 филет. локтямъ = 84 олимп. дм. (7 × 3 × 4). [2]) Армянскій Asparez представлялъ филетэрійскую стадію въ 216 метровъ; 10 стадій составляли армянскую милю въ 2160 метровъ; такова же и миля Аль-Мамун'а. Saigey p. 105. Исходя изъ старой сажени въ 2154 mm, наша мѣрная верста была бы 2154 метра; 2 теперешнія версты равняются 2133,58 метра, а одна верста 1066,79 метра. [3]) Уложеніе 1649 г. установило версту въ 1000 саженъ трех-аршинныхъ. Игуменъ Даніилъ (XII в.) упоминаетъ версты великія. Верста. Э. Словарь. VI, 51. [4]) Упомянута въ писцовомъ наказѣ 1554, въ 500 саженъ царскихъ. Ibidem, VI, 52. [5]) Соотношеніе между градусомъ долготы и прежней „путевой" верстой получается исходя изъ того соображенія, что $^1/_{60}$ градуса есть морская миля (узелъ) въ 6000 олимпійскихъ футъ, а путевая верста равняется 3500 тѣхъ же футъ; отсюда: 1 м. миля : 1 пут. верста = 12 : 7 и, далѣе, 1 градусъ = $\frac{720}{7}$ п. версты ≌ 103 путев. верстъ. Для нынѣшней версты, вмѣсто 6000 олимпійскихъ, подставимъ 6080 англійскихъ футъ; получаемъ 1 градусъ = $\frac{6080 \times 60}{3500}$ = 104,23 версты. Магницкій, въ Ариѳметикѣ, упоминаетъ о „геометрическихъ" верстахъ, по 80 на градусъ. Такая верста равнялась бы $\frac{6080 \times 60}{80}$ футъ = 4560 футъ ≌ 653 сажени. Въ стадіяхъ (олимпійскихъ) она равнялась бы $\frac{600}{8}$ = $7^1/_2$ и была бы нѣсколько меньше римской мили изъ 8 стадій = 4864 футъ. — Довольно близка къ римской милѣ наша верста-семисотка, уцѣлѣвшая кое-гдѣ въ медвѣжьихъ углахъ нашего сѣвера до начала этого столѣтія; такая семисотка равняется 700 × 7 = = 4900 футъ. — Римская миля (изъ 4864 футъ = 5000 римскихъ футъ) перешла въ Англію, гдѣ сначала переродилась въ т. н. „лондонскую" милю въ 5000 англійскихъ футъ, а затѣмъ въ нынѣшнюю статутную милю въ 5280 футъ. При этихъ измѣненіяхъ связь статутной мили съ градусомъ порвалась; зато въ полной мѣрѣ сохранилась она въ англійской морской милѣ-узлѣ (The Admiralty Knot), равной, какъ говорилось выше, 6080 футъ. — Сохранилась эта связь и въ нашей верстѣ, но еще проще и яснѣе была она въ олимпійской стадіи (1 олимп. стадія = = 600 олимп. футъ = $^1/_{10}$ минуты меридіана = 6 секундамъ мерид.), персидскомъ парасангѣ (1 парасангъ = 30 стадій = 3 минуты меридіана) и египетскомъ шойносѣ (= 60 стадій = 6 минутъ меридіана = $^1/_{10}$ градуса). [6]) Подобно сокаріон'у укладывается нацѣло въ нашу десятину и египетская „Арура". По указанію Геродота арура равняется квадрату въ 100 локтей, „подобныхъ самосскому". Самосскій локоть (Petrie) равнялся 20,62 дюйма; это былъ, слѣдовательно, царскій египетскій локоть. Если мы раздѣлимъ $(20{,}62)^2$ на $(84)^2$, получимъ 602, число нынѣшнихъ квадрат-

Въ главѣ „О вѣсахъ и дйвачахъ, сирѣчь о берковцѣ и пудѣ, фунтѣ же и его частяхъ“ Магницкій приводитъ слѣдующую шкалу вѣсовъ:

„яко берковецъ	имать	10 пудовъ	либра	имать	$^3/_4$ фунта
пудъ	„	2 полпуда	полфунта	„	2 четверти
полпуда	„	2 четверти	четверть	„	2 осьмухи
четверть	„	10 фунтовъ	осьмуха		12 золотниковъ
ансырь	„	2 полфунта	Въ фунтѣ		96 золотниковъ“.[1]

Вездѣ, гдѣ можно, въ этой шкалѣ выдерживается дѣленіе пополамъ, у пуда — до четверти, у фунта — до осьмухи. Особыя названія имѣютъ главныя, основныя единицы: золотникъ, фунтъ, пудъ и берковецъ. Фунтъ, въ одномъ мѣстѣ названъ ансыремъ, также какъ и „Торговая книга“ (XVI в.) говоритъ о нынѣшнемъ ансырѣ въ 96 золотниковъ[2] или большой гривенкѣ, въ отличіе отъ прежняго ансыря, вѣсившаго $2^1/_2$ малыхъ скаловыхъ гривенки по 48 золотниковъ и еще 8 золотниковъ, всего 128 золотниковъ. И золотникъ, и гривенка — фунтъ и пудъ съ берковцемъ, и ансырь, всѣ они являются мѣрами древними. И по свидѣтельству старинныхъ памятниковъ, и по народной памяти, выражающейся въ пословицахъ и загадкахъ, корни ихъ уходятъ глубоко въ сѣдую древность. На нашемъ лѣсномъ сѣверѣ, гдѣ долго одной изъ главныхъ статей отпускной торговли являлся воскъ, его мѣрили на пуды, и „вѣсъ вощаной“ или „пудъ вощаной“ былъ и ходовой единицей и эталономъ вѣса.[3] Подобно тому, какъ въ древней Элладѣ образцовые вѣса хранились въ храмахъ, такъ и у насъ образцовый пудъ находился въ церкви Святой Богородицы, какъ о томъ читаемъ въ смоленскомъ договорѣ съ Ригой 1230 года: „аще вощной пудъ исказится, лежитъ капь въ Святой Богородицѣ, то тымъ пудомъ измѣривше“.[4]

Въ пословицахъ пудъ обычно сопоставляется съ золотникомъ; такъ говорится: „свой золотникъ чужого пудá дороже“,[5] а про первый добавляютъ „малъ золотникъ, да дорогъ“. Чувствуется интересъ, забота о золотникѣ, даже извѣстная нѣжность, можетъ быть восходящая къ тѣмъ временамъ, когда, въ обмѣнъ на „медимнусы“ пшеницы, первые золотники начали просачиваться въ наше Приднѣпровье. Еще въ XVII вѣкѣ не забывалась связь золотника съ Греціей, и въ тогдашнихъ аптекарскихъ счетахъ называются они драхмами; и Магницкій говоритъ, что драхма есть „золотникъ московскій“, а „медимнусамъ“ посвящаетъ пространную таблицу.[6]

Вѣсъ золотника 4,27 грамма[7] прямо указываетъ на аттическую монетную драхму Солона и на драхмы періóда діадоховъ Александра Македонскаго.[8] Лизимахъ

ныхъ саженъ въ арурѣ. Значитъ арура соотвѣтствовала $^1/_4$ десятины; обратно, мѣрная десятина въ 2400 кв. саженъ = 4 арурамъ = 24 сокаріон'амъ.

[1]) Ариѳметика. О деньгахъ, вѣсахъ и мѣрахъ Московскаго государства и окрестныхъ нѣкоихъ. Стр. $\widetilde{\Delta\varepsilon}$. [2]) Въ послѣдній разъ ансырь упоминается въ Нижегородской таможенной книгѣ въ 1720 году. Э. Словарь Б. Э. I, 825. [3]) Такъ въ уставной грамотѣ Новгородскаго князя Всеволода Мстиславича (1134—1135 года) церкви Св. Іоанна Предтечи, говорится: „даю святому великому Ивану... на построеніе церкви и въ вѣкы вѣсъ вощаной, а въ торжку пудъ вощаной“. Э. Словарь Б. Э., XXV, 768. [4]) Пудъ. Э. Словарь Б. Э. XXV, 768. Въ Новгородской области, гдѣ товары были еще пообъемистѣе, главной единицей былъ берковецъ, или берковскъ. [5]) Даль, Т. Словарь. III, 1406. [6]) Ibidem, Введеніе, стр. $\overline{И.І.}$ [7]) Точный вѣсъ золотника 4,26592 грамма = 65,85 грана. [8]) О вѣсѣ Солоновой монетной драхмы см. выше главу IV. Фидебантъ принимаетъ ее равной 4,29 g. Нѣкоторыя изъ приводимыхъ имъ цыфръ,

Ѳракійскій оставилъ, повидимому, не мало своихъ статеровъ въ Черноморьѣ; такъ въ одномъ Анадольскомъ кладѣ оказалось не менѣе тысячи монетъ его и Александра.[1] Милліоны такихъ монетъ были нужны Ольвіи, Херсонесу, Боспорскому Царству, Пантикапею и другимъ Черноморскимъ греческимъ колоніямъ, чтобы платить за пшеницу. А въ цвѣтущія времена Греціи пшеницы вывозилось не мало. Въ нормальный годъ одни Аѳины ввозили до 800.000 медимновъ,[2] а бывали года, когда по свидѣтельству Страбона шло 2,000.000.[3] При цѣнѣ указываемой Минс'омъ въ 5 драхмъ за медимнъ[4] это составило бы до 10,000.000 драхмъ въ одинъ годъ. Правда, годъ, указываемый Страбономъ, исключительный; возможно и то, что не вся пшеница покупалась за деньги, тѣмъ не менѣе количество золота, вливавшееся въ Приднѣпровье было весьма значительнымъ,[5] и греческія монеты, драхмы и статеры должны были стать тамъ привычными и обычными. На т. XXIV, 5, съ любезнаго разрѣшенія директора Британскаго музея и хранителя отдѣла монетъ и медалей, Dr G. F. Hill, воспроизводится греческая золотая драхма 320—310 года до Р. Х. Вѣсъ ея 66 гранъ или 4,278 грамма.[6] Такая, или подобная ей, драхма могла стать прототипомъ нашего з о л о т н и к а.

Въ нижнемъ и среднемъ Приднѣпровьѣ въ тѣхъ самостоятельныхъ или полусамостоятельныхъ, но сильно проникнутыхъ эллинскимъ вліяніемъ скиѳскихъ царствахъ, куда въ такомъ изобиліи въ III и II столѣтіи до Р. Х. лились драхмы-золотники,[7] вѣроятно издавна существовали въ народномъ обиходѣ болѣе крупныя монетныя единицы, вавилонская золотая мина въ 408—410 граммъ и вавилонская серебряная въ 544—546 граммъ. Весьма возможно, что онѣ были занесены ок. VII вѣка до Р. Х. киммерійцами[8] и сначала были приняты въ Босфорѣ

указываютъ скорѣе на точный вѣсъ золотника, т. е. на 4,27 g. Средній вѣсъ дидрахмы эпохи діадоховъ, по любезно сообщеннымъ мнѣ даннымъ помощника хранителя отдѣла монетъ Британскаго музея E. S. G. Robinson'а, 132,5 грана или 8,59 g., что даетъ для драхмы 4,29 g

¹) E. Minns. S c y t h i a n s a n d G r e e k s, Cambridge, 1913. p. 459. Анадольскій кладъ относится приблизительно, къ 270 году до Р. Х. ²) Медимнъ соотвѣтствуетъ пажаку, 2 четверикамъ, т. е. 52,48 литра или, по вѣсу воды, 128 фнт. Полагая гравиметрическую плотность зерна въ $^5/_6$, получимъ 107 фнт., около $2^1/_2$ пудовъ. ³) E. Minns. Ibidem, p. 574, приводитъ свидѣтельство Страбона о 2,100.000 медимновъ, т. е. ок. 5,000.000 пудовъ. ⁴) „The ordinary price for corn was 5 drachmae a medimnos“. E. Minns. Ibidem, p. 574. ⁵) Какое значеніе для Греціи имѣла хлѣбная торговля съ югомъ теперешней Россіи видно изъ экспедиціи Перикла (понтійской) и изъ рѣчи Демосѳена о Левконѣ. — При большомъ торговомъ оборотѣ греческихъ монетъ изъ метрополіи не могло хватать, и черноморскія колоніи уже рано стали чеканить свою монету, б. ч. по образцу Лизимаховской. См. Minns. Ibidem. p. 445, о золот. статерахъ Тиры, въ 8,9 g.; p. 485 о золотомъ ольвійскомъ статерѣ въ 8,51 g.; p. 594, босфорскіе статеры 8,25—8,48 g. и др. О значеніи хлѣбной торговли Босфорскаго царства съ Аѳинами см. Ростовцевъ. „I r a n i a n s a n d G r e e k s“, 1922, p. 12. ⁶) Вѣсъ золотника $65{,}_{83}$ грана, или 4,2659 грамма. Вездѣ укаазываются граны „трой“ (Troy grains): по 5760 на англійскій фунтъ монетный (Troy) и по 7000 на вѣсовой англійскій Avoirdupois. Такой гранъ = 1,45829 долей. 1 гранъ-трой по Donisthorpe'у, M e a s u r e s, p. 78, равнялся $^{17}/_{16}$ грановъ „чеканныхъ“ (mint grains) и $^{17}/_{15}$ прежнихъ „готическихъ“ грановъ (gothic grains), коихъ приходилось 8192 на древній готическій pynd, 6528 на pound troy и 7933 на Avoir. ⁷) Судя по кладамъ главнымъ образомъ дидрахмы-статеры, также тетрадрахмы; рѣже драхмы и гемидрахмы. ⁸) О киммерійцахъ на югѣ Россіи см. у М. И. Ростовцева главу III — „The Cimmerians and the Scythians in south Russia“, p. 35, I r a n i a n s a n d G r e e k s. Киммерійцы воевали съ Ассаргаддон'омъ около 675 года, и были извѣстны Ассиріянамъ подъ именемъ „гимирраи“; уничтожили Фригійское царство, и царь Лидіи Гигесъ палъ въ битвѣ съ ними. На берегахъ Мэотійскаго (Азовскаго) моря образовали государство, на половину киммерійское, на половину греческое.

Киммерійскомъ.[1] Здѣсь, при оживленныхъ торговыхъ сношеніяхъ съ Аѳинами,[2] ибо Босфорское царство являлось житницей „Аѳинской имперіи", Солоновы драхмы могли ежедневно сопоставляться съ вавилонскими шекелемъ и миною, и установилось удобное соотношеніе: 1 золотая мина = 96 аттическихъ драхмъ;[3] вавилонская серебряная мина оказалась при этомъ равной еще болѣе удобному и привычному числу 128, седьмой степени отъ двухъ.[4] Отсюда вавилонскія мѣры могли распространиться далѣе, къ сосѣднимъ скиѳамъ, полунезависимымъ и платившимъ Босфору дань; отъ нихъ далѣе на сѣверъ, по бассейнамъ рѣкъ, вездѣ, гдѣ съиздавна осѣло земледѣльческое населеніе.[5] Во всякомъ случаѣ, тотъ фактъ, что не только вавилонскія золотыя и серебряныя мины, но и вѣсовая мина съ ея подраздѣленіями прочно укоренились у насъ, а также то, что мы не заимствовали Солонову монетную мину изъ ста драхмъ въ 429 граммъ,[6] а приспособили аттическую драхму къ минѣ въ 409,5 грамма, указываетъ, что ассиро-вавилонское вліяніе было и предшествовало аттическому.

Въ IV главѣ мы указали, что старый ансырь въ 128 золотниковъ равенъ тяжелой вавилонской минѣ, что соотвѣтствующей легкой миной будетъ оско-латинскій фунтъ, а талантомъ—нашъ пудъ. Въ шкалѣ старинныхъ русскихъ вѣсовъ есть еще два, на первый взглядъ, нѣсколько странныхъ вѣса — безменъ, въ 5 малыхъ, 48-ми золотниковыхъ, гривенокъ ($2^1/_2$ фунта) и полубезменъ въ $2^1/_2$ малыхъ гривенки ($1^1/_4$ фнт.). Если мы перечислимъ ихъ на граммы, то получимъ для безмена 1022 g, а для полубезмена 511 g. Оказывается, что это ничто иное какъ тяжелая и легкая вѣсовыя вавилонскія мины.[7] Въ таблицѣ X древнія русскія мѣры показаны подрядъ съ древне-вавилонскими. Изъ этой таблицы видно, что подраздѣленія русскихъ древнихъ мѣръ слѣдуютъ золотому „стандарту"; серебряная мина-ансырь, остается въ сторонѣ, и еслибъ мы желали найти полную шкалу соотвѣтствующихъ подраздѣленій, то пришлось бы обратиться къ оско-латинскому фунту (таблица V). Самъ ансырь опредѣляется по золотому „паритету": 1 ансырь[8] равняется $2^1/_2$ мал. гривенк. + полтрети. Золотникъ также имѣетъ

[1]) Керченскій проливъ. [2]) Такъ Левконъ (387—347) былъ другомъ Аѳинъ и получилъ права Аѳинскаго гражданства. Minns. Ibidem, p. 574. [3]) Такъ въ римскомъ фунтѣ послѣ Нероновской реформы оказалось ровно 96 драхмъ по 3,41 g, т. е. 327,4 g и приблизительно 84 денарія по 3,99 g (A Catalogue of the Roman Coins in the British Museum, vol. I, 1923, p. XLIV). О томъ же говоритъ Магницкій (Ibidem, стр. A): „...ибо яже у грековъ либра пріемлетъ драхмъ 96, а римскихъ динаріевъ 84." [4]) Дѣленіе пополамъ въ чистомъ своемъ видѣ выдержано въ нашихъ хлѣбныхъ мѣрахъ, въ ансырѣ и его частяхъ; нѣкоторые изслѣдователи, напр. Donisthorpe, считаютъ, что англосаксы принесли эту систему съ континента отъ готовъ. Исходя изъ готическаго „зерна" и принимая вѣсъ его равнымъ $2^0 = 1$, Donisthorpe (Measures, p. 70) получаетъ для 2^7, т. е. для 128 зеренъ, старинный skilling, а для $2^9 = 512$, древнюю унцію; марка соотвѣтствуетъ тогда $2^{12} = 4096$ зеренъ а pynd—фунтъ 8192 зеренъ. Отъ фунта вверхъ, 2^6 — 64 pynds, что отвѣчаетъ прежнему bushel'ю. У насъ то же соотношеніе между четверикомъ и фунтомъ. [5]) Геродотъ, со словъ Ольвійскихъ грековъ, сообщаетъ интересныя свѣдѣнія о скиѳахъ-земледѣльцахъ. Minns, Scythia Encyclopedia Britannica XXIV, 526. [6]) Какъ то сдѣлали, напр. шведы, принявшіе за свой фунтъ въ 425 граммовъ вѣсъ 100 атти ческихъ драхмъ, т. е. аттическую мину. [7]) См. таблицу VI, глава IV. По Petrie соотвѣтствующіе вѣса минъ 1004 и 502 грамма; разница менѣе 2%, что показываетъ, что подобраны вѣса одной шкалы (золотой) наиболѣе близкія, при простомъ соотношеніи, къ другой (вѣсовой). [8]) Торговая книга приписываетъ Ансырю бухарское происхожденіе. Авторъ статьи Ансырь въ Э. Словарѣ (I, 825) критикуетъ торговую книгу и высказываетъ предположеніе, что слово это идетъ отъ нѣмецкаго Ganz, т. е. цѣлый. Полагаю, что объясненіе Торговой книги ближе къ истинѣ. Въ Алжирѣ до сихъ поръ сохранился Rottolo Attari въ 546 граммъ, и другой Attari въ 540 g — въ Бассорѣ. Оба идутъ отъ Ассирій-

дальнѣйшія подраздѣленія, но не на 96 долей, какъ сейчасъ, а на 25 почекъ и, далѣе, 1 почка = 2 пирога.[1] Здѣсь опять появляется пятиричное дѣленіе, то же, что мы видимъ въ берковцѣ, гдѣ берковецъ, равняясь 10 пудамъ, равенъ также 5 двухпудамъ. Вѣсъ въ 2 пуда имѣетъ извѣстное значеніе, т. к. во-первыхъ это 60 ансырей, а во-вторыхъ вѣсъ объема воды въ 2000 кубическихъ дюймовъ, т. е. т. н. греко-азіатскій талантъ въ 32,76 килограмма.[2] Можетъ быть въ народной памяти сохранилось воспоминаніе объ этомъ двойномъ талантѣ; тогда берковецъ

Таблица X. Древне-русскія и вавилонскія мѣры вѣса.

Золотникъ	Древне-русскій вѣсъ	Граммы	Вавилонскій вѣсъ
3840	пудъ = 30 ансыр. = 40 фнт.	16380	талантъ
1920	пол'пуда = 20 б. грив.	8190	
240	безменъ = 5 м. грив.	1022	большая вѣсовая мина
120	полубезменъ = 2½ м. гр.	511	малая вѣсовая мина
128	ансырь = 2½ м. г. + 8 з.	546	большая серебр. мина
96	большая гривенка	409,53	золотая мина
72	либра = ¾ фунта	307,14	¾ золотой мины
48	малая гривенка	204,76	½
24	полугривенка м.	102,38	¼
16	треть м. гривенки	68,25	⅙
12	четверть м. гр.	51,19	⅛ " "
8	полтреть	34,13	1/12 " "
6	полчеть	25,60	1/16 " "
4	полполтреть	17,07	1/24 " "
3	полполчеть	12,80	1/32 " "
2	полполполтрети	8,54	1/48 " "
1½	полполполчети	6,40	1/64 " "
1	золотникъ	4,26592	1/96 " "

равнялся бы пяти большимъ талантамъ и 10 малымъ — пудамъ. Среди нашихъ древнихъ мѣръ вѣса такой талантъ въ 80 большихъ гривенокъ не встрѣчается; зато совершенно опредѣленное мѣсто занимаетъ контарь въ 100 большихъ гривенокъ, т. е. 2½ пуда или 40,95 kg. Такъ какъ безменъ равенъ 5 малымъ и 2½ большимъ гривенкамъ, то въ контарѣ оказывается 40 безменовъ, т. е. столько же, сколько въ пудѣ б. гривенокъ-фунтовъ. Здѣсь намѣчается очень интересная связь между монетными и вѣсовыми единицами: 100 золотыхъ минъ = 40 вѣсовыхъ минъ. Еще большее значеніе имѣетъ то обстоятельство, что въ кедет'ахъ вѣсъ контаря будетъ 4500. Слѣдовательно римскій фунтъ, равный 36 кедетамъ содержится въ немъ 125 разъ. Но 125 римскихъ фунтовъ

скаго ротля (Nicholson, Ibidem, p. 36). Когда составлялась торговая книга, то связь съ Месопотаміей и Ираномъ забылась, и ближайшіе отзвуки прежде бывшихъ связей шли изъ Персіи черезъ Среднюю Азію. Слово Attari, вѣроятно, стало Ансырь.

[1]) Бобынинъ. Древнерусскія мѣры. Э. Словарь, XX, 327. [2]) Nicholson, (Ibidem, p. 36) полагаетъ, что за основаніе этого таланта могъ быть взятъ объемъ персидскаго фута = ½ ассирійскаго локтя въ 25, 26 дм.; такой объемъ даетъ 2014 куб. дм.

есть большой Александрійскій талантъ.[1] Слѣдовательно, наряду съ вавилонскимъ талантомъ серебра — пудомъ, мы сохранили и Александрійскій „сотенный“ талантъ контарь. Изъ послѣдняго получается удобное соотношеніе между русской гривенной мѣрой и либрой: 100 фунтовъ русскихъ = 125 фунтамъ римскимъ.[2]

*

Разсмотримъ теперь соотношенія мѣръ объема. Магницкій такъ говоритъ о мѣрѣ хлѣбной:

„ластъ имѣетъ	12 четвертей	осьмина имѣетъ	4 четверика
четверть имѣетъ	8 четвериковъ	полосьмина имѣетъ	2 четверика“[3]

Петрушевскій[4] добавляетъ, что „четверть есть четвертая, а осьмина $^1/_8$ древней, нынѣ уже неупотребительной хлѣбной мѣры, называемой бочкой, кадью или оков'омъ“.[5] Бобынинъ[6] добавляетъ различныя подраздѣленія четверика и четверти-чети. Наконецъ, нѣкоторые иностранные авторы[7] называютъ полосьмины — пажак'омъ. Въ таблицѣ XI эти мѣры сведены воедино, а въ таблицѣ XII, противъ каждой мѣры проставленъ соотвѣтствующій объемъ въ литрахъ, кубическихъ дюймахъ, кубическихъ римскихъ футахъ, а также соотвѣтствующіе вѣса (воды) въ пудахъ и фунтахъ, а также въ римскихъ фунтахъ (Lb.)

Первое, что бросается въ глаза, разсматривая эту таблицу, это необычайная правильность всей „лѣстницы объемовъ“ отъ пол-малаго четверика (полугарнца) съ объемомъ въ 100 кубическихъ дюймовъ и соотвѣтствующимъ вѣсомъ воды въ 4 фунта (2^2) и до оков'а, отвѣчающему $2^{11} = 2048$ фнт.; главной мѣрой въ шкалѣ является четверикъ съ соотвѣтствующимъ вѣсомъ въ 64 фунта. Выше мы уже отмѣчали полную аналогію нашей шкалы мѣръ съ т. н. готической. Въ таблицѣ XIII, для наглядности, наши мѣры сопоставлены съ готи-

---

[1]) Соотвѣтствующее значеніе римскаго фунта — libra — получается 327,6 g; соотвѣтствующая Птоломеевская мина 341 g; малый талантъ — 20,48 kg. По Hultsh'у соотвѣтствующія числа были бы: libra = 327 g; мина = 341; м. талантъ 20, 47 kg; послѣднія данныя приведены проф. Лидовымъ въ статьѣ „Мѣры древнихъ народовъ“. Э. Словарь, XX, 330. — Nicholson, The Story of the Talents, Ibidem, p. 32 и здѣсь приравниваетъ вѣсъ царскаго египетскаго фута (куб.) воды этому таланту: $^2/_3 \times 20{,}64 = 13{,}76$ дм.; въ кубѣ это будетъ 2605 куб. дюймовъ, величина слишкомъ большая; 2500 куб. дюймовъ, отъ нашего фунта, совершенно точны.
[2]) На югѣ Россіи нерѣдко пользуются мѣрой въ 3 фунта, т. е. въ 1228,5 граммъ и называютъ эту мѣру „око“, или „ока“. Это арабскій ока изъ четырехъ чеки по 307 g; каждый чеки = 100 диргэмамъ (серебр.) по 3,07 грамма. Знаменитая „стопка“ Карла Великаго (»La Pile de Charlemagne«), посланная ему, съ другими эталонами мѣръ, калифомъ Гарун-аль-Рашид'омъ, и существовавшая еще въ 1350 году, когда Іоаннъ французскій установилъ французскую марку въ одну пятидесятую ея, — равнялась 10 ока, т. е. около 12,3 kg (Saigey, Ibidem, p. 115, принимаетъ 12,222 kg); отсюда марка = 244 g. Въ XI столѣтіи существовалъ двойной фунтъ, La livre poids de Marc = 489 g, который считался $^3/_4$ отъ т. н. фунта Карла Великаго = 367 граммовъ. Этотъ фунтъ дѣлился на 5760 „зеренъ“ по 64 mgm; отъ этого фунта, повидимому, происходитъ англійскій фунтъ troy изъ 5760 грановъ по 64,8 mgm. Получаемъ: 9 русскихъ фнт. = 10 фнт. Карла Великаго и 3 русскихъ фунта = 4 фунтамъ „чеки“. [3]) Ibidem, книга Ā, часть Ā [4]) Ѳома Ивановичъ, Переводчикъ Эвклида. [5]) Метрологія. С.-Петербургъ, 1831, стр. 158. [6]) Древнерусскія мѣры вѣса и протяженія. Э. Словарь Б. Э., XX, 327, 328. [7]) Saigey. Métrologie, p. 156. Doursther, Dictionnaire des poids et mésures. 1840. Bruxelles.

ческой шкалой по Donisthorpe'у.[1] Въ 1-ой графѣ помѣщены наши мѣры объема, во 2-ой число фунтовъ, отъ 1 до 2048; это будутъ русскіе фунты въ 409,5 g для нашихъ объемовъ и старинные саксонскіе фунты, pynds, по 8192 „готическихъ" грана и по 7227 грана трой, т. е. по 469 g. у нихъ. Изъ этой таблицы слѣдуетъ, что число мѣръ одно и тоже 12, отъ объема отвѣчающаго фунту[2] и до оков'а у насъ и до Tun'a, по вѣсу соотвѣтствующаго тонѣ, у нихъ. Далѣе видимъ, что четверикъ стоитъ противъ бушел'я, а гарнецъ противъ галлона. Наконецъ, англійскому Quarter'y отвѣчаетъ наша четверть. Невольно является мысль, что обѣ системы имѣютъ общее происхожденіе, только приспособлены онѣ

Таблица XI. Мѣры объемовъ. — Мѣры зерновыхъ хлѣбовъ.

Оковъ	1/2 окова (четвертокъ)	Четверть (четь)	Осьмина (мѣра)	1/2 осьмины (пажакъ)	Четверикъ	1/2 четверика	Четверка	Гарнецъ	Литры
1	2	4	8	16	32	64	128	256	839,64
	1	2	4	8	16	32	64	128	419,82
		1	2	4	8	16	32	64	209,91
			1	2	4	8	16	32	104,95
				1	2	4	8	16	52,48
					1	2	4	8	26,24
						1	2	4	13,12
							1	2	6,56
								1	3,28

Таблица XII. Мѣры объемовъ въ литрахъ и кубическихъ дюймахъ.[3]

2^n	Названіе мѣры	Литры	Кб. дм.	Пуды	Фнт.	Lb.	Кубич. римс. футы
2^{11}	Оковъ, кадья, или бочка . .	839,64	51200	51,2	2048	2560	64
2^{10}	Пол'окова, четвертокъ .	419,82	25600	25,6	1024	1280	32
2^9	Четверть, или четь . .	209,91	12800	12,8	512	640	16
2^8	Осмина, или мѣра .	104,95	6400	6,4	256	320	4
2^7	Полосмины, пажакъ .	52,48	3200	3,2	128	160	2
2^6	Четверикъ . .	26,24	1600	1,6	64	80	1
2^5	Получетверикъ . . .	13,12	800	0,8	32	40	1/2
2^4	Четверка (1/2—1/2 четвер.) . .	6,56	400	0,4	16	20	1/4
2^3	Гарнецъ, малый четверикъ .	3,28	200	0,2	8	10	1/8
2^2	Пол-малый четверикъ	1,64	100	0,1	4	5	1/16
2^1	Пол-полмалый четверикъ . .	0,82	50	0,050	2	2,5	1/32
2^0	Пол-пол-полмалый четверикъ	0,41	25	0,025	1	1,25	1/64

---

[1]) Donisthorpe. Measures, past, present and future. London. 1895, p. 10. [2]) Какъ указываетъ Бобынинъ, Ibidem, p. 328, дѣленіе останавливалось у насъ на пол-маломъ четверикѣ, т. е. на объемѣ въ 100 куб. дюймовъ, отвѣчающемъ 4 фунтамъ. Поэтому въ таблицѣ XII у меня подведена черта здѣсь, и 2 послѣдніе объема расчитаны по аналогіи и приведены для сравненія. На югѣ Франціи существовалъ т. н. Litron въ 0,82 l, соотвѣтствующій пол-полмалому четверику. [3]) Точная величина малаго четверика-гарнца въ кубическихъ дюймахъ будетъ 200,15144; точная величина пол-пол-полмалаго четверика, отвѣчающаго нашему фунту — 25,01893; отбрасывая эту величину, мы дѣлаемъ

Таблица XIII. Сравненіе древнихъ русскихъ и древнихъ англійскихъ объемовъ.

2^n	Названіе русской мѣры	Фунты или »pynds«	Назв. англійской мѣры
2^{11}	оковъ	2048	Tun
2^{10}	четвертокъ	1024	Butt
2^9	четверть	512	Quarter
2^8	осмина	256	Coombe
2^7	пажакъ	128	Strike
2^6	четверикъ	64	Bushel
2^5	получетверикъ	32	Tod
2^4	четверка	16	Peck
2^3	гарнецъ	8	Gallon
2^2	полмалый четверикъ	4	Stoup
2^1	полполмалый четверикъ	2	Quart
2^0	полполполмалый четверикъ	1	Pint

къ разнымъ фунтамъ.[1] Какъ будто бы одна система была взята цѣликомъ, со всѣми подраздѣленіями, въ одномъ мѣстѣ и пересажена въ другое, въ другую почву. А тамъ оказался свой старый прежній эталонъ, отличный отъ принесеннаго англосаксонской волной. И вотъ былъ найденъ компромисъ: принесенная готическая система 2^n была примѣнена къ прежней основной единицѣ. Въ Англіи до прихода англосаксовъ этой единицей, повидимому, былъ египетскій хинъ въ 0,454 литра и соотвѣтствующій фунтъ въ 454 грамма. Сначала пробовали установить pynd въ 469 g., потомъ Кёлнскую марку, потомъ фунтъ-трой. Одно время фунтъ „трой" даже считался единственнымъ законнымъ эталономъ. Но въ устойчивомъ сознаніи массъ, со временъ римскихъ, и даже еще болѣе раннихъ, со временъ торговыхъ сношеній съ финикіянами, жила память и привязанность къ древнему фунту въ 454 грамма, тому фунту, который Солонъ въ 594 году до Р. Хр. принялъ за единицу аттическаго вѣса, а по египетско-кедет'ной системѣ равнаго 50 кедет'амъ. Въ 1824 году этотъ древній фунтъ былъ сдѣланъ основной единицей Имперскаго вѣса подъ названіемъ давно проникшемъ въ массы, а именно Avoirdupois. Занесенная готическая четверичная система подверглась многимъ измѣненіямъ. Вмѣсто 8 фунт., какъ въ гарнцѣ, въ галлонѣ стало 10 фунтовъ (Avoir), а въ бушелѣ, вмѣсто 64, какъ въ четверикѣ, — 80. Тѣмъ не менѣе въ рядѣ старинныхъ и мѣстныхъ мѣръ сохранились обломки прежней стройной системы, которыя позволили Donisthorpe'у сдѣлать попытку возсозданія прежней прасаксонской или, какъ онъ ее называетъ, „готической" системы. Тѣмъ удиви-

---

ошибку меньше $0{,}045\,\% _0 = \frac{3}{4000}$; эта величина достигнетъ 1 кубическаго дюйма впервые у четверика, точный объемъ коего $1601_{,21152}$. Эта разница столь мала, что, при трудности выработки точныхъ размѣровъ въ сосудахъ кубической формы, можно считать, что объемы должны были содержать вышеуказанныя круглыя числа кубическихъ дюймовъ, а т. к. $^1/_{25}$ фнт. соотвѣтствуетъ объемъ въ $1_{,00076}$ кб. дм., то сторона такого куба была $\leq 1_{,00025}$ англ. дм., эта величина меньше вышеупомянутаго „пирамиднаго" дюйма въ $1_{,0011}$ дм.

[1]) Чтобы получить объемы въ литрахъ, соотвѣтствующіе англійскимъ мѣрамъ нужно принять во вниманіе, что готическій pint отвѣчаетъ pynd'у въ 469 g. и имѣетъ, слѣдовательно, объемъ въ 0,469 l. Нынѣшній pint имѣетъ объемъ въ 0,568 литра, а нынѣшній (10 фунтовый) галлонъ — 4,55 литра; соотношеніе объема водяныхъ часовъ и англ. фунта avoir указано выше.

тельнѣе, что у насъ система хлѣбныхъ мѣръ сохранилась, можно сказать, въ полной неприкосновенности, и нынѣшній четверикъ продолжаетъ соотвѣтствовать 64 фунтамъ, а пажакъ — полосмина — 128.

Еще болѣе интересный выводъ получается при сопоставленіи четверика и полосмины съ медимномъ и амфореус'омъ. Hultsch[1] принимаетъ объемъ медимна въ 52,526 литра; наша полосмина имѣетъ *теперь* 52,48 литра. Греко-римскій амфореусъ, равный римской амфорѣ, принимается въ 26,26.[2] Нашъ четверикъ *теперь* имѣетъ объемъ 26,24, т. е. согласіе полное, и мы имѣемъ право сказать, что *четверикъ есть амфореусъ* и равенъ римской амфорѣ, а *полосмина есть медимнъ* (μέδιμνος).

Римская Amphora Quadrantal, кубъ римскаго фута[3] соотвѣтствовала вѣсу 80 фунтовъ (вина). Говорили: »Quadrantal vinei octoginta pondo sit«.[4] Принимая вѣсъ *воды* въ амфорѣ-четверикѣ равнымъ восьмидесяти римскимъ фунтамъ, получимъ (таблица XII) для малаго четверика-гарнца, при вѣсѣ въ 10 римскихъ фунтовъ, объемъ въ литрахъ 3,28 (3,276), т. е. для римскаго фунта 327,6 грамма, что, какъ мы видѣли выше чрезвычайной близко къ принимаемой нынѣ величинѣ.[5] Въ таблицѣ XII, графа 7 приведены соотвѣтствующіе русскимъ мѣрамъ вѣса въ римскихъ „либрахъ", а въ графѣ 8, соотвѣтствующія числа кубическихъ римскихъ футъ. Отъ 1, для четверика-амфоры они идутъ вверхъ до 64 (оковъ) и внизъ до $^1/_{64}$ у фунта. Объемъ послѣдняго въ куб. дюймахъ будетъ 25, а объемъ, отвѣчающей римской либрѣ — 20.

Римляне первые ввели дѣленіе на 12 частей — унцій, хотя и сохраняли параллельное греческое дѣленіе на 16 частей. Так Frontinus говоритъ: »Pes habet palmos IV, uncias XII, digitis XVI«.[6] Въ амфорѣ-четверикѣ такихъ „унцій" будетъ $(12)^3$, т. е. 1728. Въ $^1/_{64}$ его, отвѣчающей русскому фунту, 27 или 3^3. Получается интересное соотношеніе, а именно: объемъ воды вѣсомъ въ фунтъ равняется кубу, сторона коего есть 3 *римскихъ* линейныхъ унціи.[7] И невольно является вопросъ, не такія ли или подобныя имъ мѣры имѣлъ ввиду Магницкій, говоря: „Отъ вѣса бо есть древнѣйши всѣ мѣры между себѣ и къ наши примѣры."

Дѣленіе амфоры и амфореуса на части шло иначе, чѣмъ у четверика; сначала оно тоже шло пополамъ и пополамъ, но потомъ входило число 3, такъ что, напр. дикотилъ (διϰότυλον) былъ 48-ой, а котилъ — 96-ой частью. Въ нашей шкалѣ $^1/_{48}$-ая четверика даетъ 0,546 литра, это объемъ отвѣчающій ансырю — серебряной вавилонской минѣ и снова указываетъ на связь нашихъ мѣръ, на этотъ разъ мѣръ объема, съ вавилонскими мѣрами.

Въ Александрійскій періодъ весьма часто употреблялась мѣра μετρητὴς ἀμφορεύς[8] въ $^3/_4$ медимна и, слѣдовательно, въ 39,36 l. Въ нашей системѣ для нея не ока-

---

[1]) *Metrologie*, Изданіе 2-е, 1888, 107. Фидебантъ принимаетъ данныя Гульча для греко-римскаго періода. [2]) Hultsch, *Ibidem*. принимаетъ 26,26. Наши метрологи (см. *Амфора*. Э. Словарь Б. Э., I, 687) также принимаютъ 26,26. [3]) Если римскій футъ положимъ равнымъ 297 мм, то получимъ 26,19; при 298 — 26,46, при 296 — 25,93 литра. Фидебантъ принимаетъ первое значеніе для фута, но для амфоры беретъ 26,1. [4]) Nicholson. *Ibidem*, p. 39. [5]) Viedebannt принимаетъ 327 граммовъ; этотъ же вѣсъ былъ принятъ и нашими метрологами. См. Э. Словарь. *Мѣры Древнихъ Народовъ*. XX, p. 330. [6]) John Greaves. *A Discourse on the Romane Foot*, London, 1647, p. 1. [7]) Въ англійскихъ дюймахъ сторона куба будетъ $\sqrt[3]{25} = 2,92$ дм. [8]) Viedebantt, Ibidem, pp. 56—66, принимая 26, 26 для амфореуса римскаго періода, доказываетъ, что раньше онъ имѣлъ значеніе меньшее, а именно 21,744 l. Соотвѣтствующій дикотилъ будетъ 0,453, т. е. египетскій хинъ, отвѣчающій вѣсу въ 50 кедетъ. Значенія Фидебанта составляютъ 5/6 (т. е. *хлѣбное число*) отъ римскихъ позднѣйшихъ.

залось мѣста, но она уцѣлѣла на югѣ Франціи[1] подъ названіемъ Le Minot (39,36 литра). Два Minot даютъ La Mine въ 78,73 l; 2 „мины" образуютъ т. н. »Setier de Paris« въ 157,46 l. Нашъ старинный ластъ въ 314,85 литра значитъ равняется двумъ »Setiers«. Le setier, въ свою очередь, дѣлился на 12 boisseaux по 13,12 литра — это наши получетверики (таблица XII); $^1/_{16}$ boisseau называлась litron; какъ мы видѣли выше, это былъ бы нашъ двухфунтовый пол-полмалый четверикъ. И тутъ опять является вопросъ, не былъ ли занесенъ на югъ Франціи, въ „Окситанію" и нашъ фунтъ — золотая вавилонская мина? Дѣйствительно по всему южному побережью Франціи сохранились т. н. »poids de tables« очень близкіе къ нашему фунту. Таковъ фунтъ Тулузы въ 409,4 g. Монпелье — 407 g; Авиньона — 408,7 и Марселя 400 g.[2] Марсель — древняя Массилія, основанная Фокейцами, какъ видимъ фигурируетъ въ этомъ спискѣ и невольно напрашивается слѣдующая параллель: и въ Провансѣ, и въ южной Россіи оказалась вавилонская золотая мина, занесенная туда въ періодъ оживленныхъ торговыхъ сношеній; и Провансъ, и Россія сохранили эту мину до нашихъ дней; мы поточнѣе, они поплоше. Но потомъ, въ слѣдующемъ періодѣ, аттическія драхмы лились въ Окситанію не въ такомъ изобиліи какъ въ хлѣбородный югъ; и золотникъ появился только у насъ. И другое сопоставленіе напрашивается: также какъ и къ намъ, широкой струей вливались золотники-драхмы[3] черезъ русскую равнину и Варяжское Море въ Швецію. И Швеція сохранила въ своемъ фунтѣ въ 425 граммовъ аттическую монетную мину. Но не было тамъ предварительно осѣвшихъ вавилонскихъ мѣръ и имъ не пришлось подгонять золотника къ минѣ. И проливается этимъ свѣтъ на то, что могло произойти у насъ, на появленіе вавилонскихъ минъ въ киммерійскую эпоху и драхмъ черезъ греческія колоніи. И дальше рисуется картина, какъ близкій къ землѣ и прочно осѣвшій земледѣльческій слой, разъ принявши извѣстныя мѣры, разъ привыкнувъ продавать свой хлѣбъ медимнами и амфореусами на мины и драхмы, консервативный какъ всѣ земледѣльцы, ревниво берегъ и охранялъ ихъ вѣкъ за вѣкомъ, тысячелѣтіе за тысячелѣтіемъ.

Киммерійцы и скиѳы приходили и уходили; скиѳовъ смѣняли сарматы; появились и исчезли готы,[4] пришли славяне; греки стали византійцами, руссы начали ходить къ арабамъ и въ Византію, а землеробы продолжали мѣрить жито четверикомъ-амфореусомъ да припрятывать въ укромный уголокъ золотыя и серебряныя драхмы. Только стерлась память о талантѣ вавилонскомъ и превратился онъ на нашемъ лѣсномъ и благочестивомъ сѣверѣ въ пудъ вощаной или горитъ въ церкви пудовой свѣчей воску яраго.

Н. Т. Бѣляевъ.

24. XII. 26. Лондонъ.

---

[1]) Saigey. Ibidem, p. 112. [2]) Ibidem, p. 144. [3]) Arne, La Suéde et l'Orient., Archives d'études orientales, vol. 8, 1914. Upsala. [4]) Теперь, когда трудами М. И. Ростовцева доказано, что т. н. англосаксонскій стиль драгоцѣнностей эпохи Альфреда Великаго занесенъ съ юга Россіи, можетъ быть, позволительно будетъ высказать мысль, что готами же, или черезъ готовъ съ юга Россіи занесены въ Англію и система (2^n) подраздѣленія объемовъ, и, можетъ быть и самый ярдъ изъ 3 олимпійскихъ футъ.

БИБЛІОГРАФІЯ

1. Georgii Agricolae, De mensuris & ponderibus Romanorum atque graecorum. Basileae, MDL (Базель, 1550). — 2. Greaves (John, Professor of Astronomy at the University of Oxford), A Discourse of the Romane Foot and Denarius, London, 1647. — 3. Магницкій (Леонтій), Аріѳметіка сирѣчь наука числительная, съ разныхъ діалектовъ, на словéнскій языкъ переведéная, и во едино собранà, и на двѣ кни́ги раздѣлена. Книга А҃, часть А҃, О деньгахъ, вѣсахъ и мѣрахъ Московскаго государства и окрестныхъ нѣкоихъ, Москва, 1703. — 4. Greaves (J.), On the Origine and Antiquity of our English Weights and Measures, discovered by their near agreement with such standards that are now found in one of the Egyptian Pyramids, London, 1706. — 5. Newton (Sir Isaak), A Dissertation upon the Sacred Cubit of the Jews and the Cubits of the several Nations; in which from the Dimensions of the greatest Egyptian Pyramid as taken by Mr. John Greaves, the antient cubit of Memphis is determined. Translated from the latin of Sir Isaak Newton. Miscellaneous works of Mr. John Greaves. Ed. T. Birch, London, 1737. — 6. Петрушевскій (Ѳ. И.), Метрологія или описаніе мѣръ, вѣсовъ, монетъ и времясчисленія нынѣшнихъ и древнихъ народовъ, С.-Петербургъ, 1831. — 7. Saigey, Traité de Métrologie Ancienne et moderne, Paris, 1834. — 8. Kelley (P., L. L. D.), The Universal Cambist and Commerciel Instructor etc., vol. I. 2nd Edition, London, 1835. — 9. Doursther (H), Dictionnaire des poids et mésures etc. Bruxelles, 1840. — 10. Hultsch (Fr.), Metrologicorum scriptorum reliquiae, Leipzig, 1866. — 11. Wyse (Howard Col.), Operations at the Pyramid, 1840. — 12. Piazzi Smith (C., Professor), Life and work at the great Pyramid, 1867. — 13. Petrie (W. M. Flinders). Inductive Metrology or the Recovery of Ancient Measures from the Monuments, London, 1877. — 14. Голенищевъ (В. С.), Golénítcheff V. S., Египетскія мѣры вѣса, Rev. Égypt., 1881, 177. — 15. Hultsch (F.), Griechische und römische Metrologie, Berlin, 1882 (2-е изд.). — 16. Lehman (C. F.), Ueber die babylonische metrische System und deren Verbreitung. Verhandlungen der Physikalischen Gesellschaft zu Berlin, 1890, vol. VIII, pp. 81—101. — 17. Woolhouse (W. S. B.), Measures, Weights and Moneys of all nations, 1890. — 18. Петрушевскій (Ѳ. Ѳ.), Единицы мѣръ, Энциклопедическій Словарь. (Б. Э.). XI. A. стр. 548, 1894. — 19. Donisthorpe (W.), Measures, past, present and futures, London, 1895. — 20. Бобынинъ (В. В.), Древнерусскія мѣры вѣса и протяженія. Э. Словарь, 1897, XX, 327. — 21. Warren (Sir Charles), The Ancient Standards of Measure in the East, Palestin Exploration Fund Quarterly. 1899, p. 222. — 22. Менделѣевъ (Д. И.), Фунтъ русскій, Э. Словарь, 1902, XXXVI A, стр. 887—889. — 23. Halloc and Wade, Outlines of the Evolution of Weights and Measures and the Metric System, New York, 1906 — 24. Airy (W.), On the Origin of the British Measures of Capacity, Weight and Length. Minutes of Proceedings of the Institution of Civil Engineers, London, 1909, vol. 177, pp. 164—176. — 25. Nicholson (E), Men and Measures, a History of Weights and Measures ancient and modern, London, 1912. — 26. Airy (W.), On the Ancient Weights of Britain, Min., Inst. C. E., 1913, vol. 191, pp. 258—285. — 27. Minns (E. H.), Scythians and Greeks, London, 1913. — 28. Viedebantt (O.), Forschungen zur Metrologie des Altertums, Bnd. XXXIV der Abhandlungen der Philologisch-Historischen Klasse der Königlichen Sächsischen Gesellschaft der Wissenschaften, Leipzig, 1917. — 29. Airy (W.), On the ancient trade weights of the East, London, 1918. — 30. Бѣляевъ (Н. Т.), (Belaiew, N. T.), Notes on the Russian and Norse Measurments used by the Early Norman Builders. Journal of the British Archaeological Association, 1920, XXVI p. 203. — 31. Ростовцевъ (М. И.), (Rostovtzeff, M. I.), Iranians and Greeks in South Russia, Oxford, 1922. — 32. Davidson (D.), and Aldersmith (H.), The Great Pyramid, London, 1925. — 33. Petrie (Sir Flinders), Weights and Measures, Ancient and Historical. Encyclopaedia Britannica, 1926, vol. 28, pp. 480—488.

THE HISTORY AND DEVELOPMENT OF RUSSIAN WEIGHTS AND MEASURES

by

Colonel N. T. BELAIEW, C. B.

Fellow of the British Archaeological Association, Honorary Corresponding Fellow of the Royal Society of Arts.

The Russian measures of length can be traced direct to the so-called Philetaerian measures. These latter were probably instituted by Ptolemy Lagos, in Alexandria about B. C. 280. They spread very rapidly to the eastern Mediterranean countries and were adopted by Philetaerus of Pergamum.

Lysimachus starting for his Scythian campaigns deposited his treasures in the stronghold of Pergamum in charge of Philetaerus, who however rebelled and proclaimed himself head of the Pergamum State. Under Philetaerus, and under Attalus I and Eumenes II, Pergamum became the capital of a large kingdom and a centre of Arts. The victories over the Gauls were celebrated by the erection of splendid buildings, the best sculptors, philosophers, and scientists from the Hellenistic world came to the Court of the Attalides, and so it happened that the system of measurements adopted at their Court very soon spread from the coast of Asia Minor to the surrounding countries and to the trans-Euxine countries.

The Philitaerian system of measurements was based on both the Royal Egyptian cubit and on the common, or let us call it, the geodesic cubit. The foot of the last cubit, the so-called Olympian foot of 18.24 inches became the unit of the new system, seven of such units going to the fathom; seven being the number of hands in the Royal Egyptian cubit of 20.64 inches.

The Royal Egyptian cubit was divided into two half cubits of 14 digits; further into 4 spans of 7 digits, or into 7 hands of 4 digits, making 28 digits to the cubit (Table II); in the Philetaerian system 4 Philetaerian digits formed a palm, 16 a span, 24 a cubit, and 32 a large cubit of 2 Philetaerian feet. 6 Philetaerian feet, or 96 Philetaerian digits made up the Philetaerian fathom, or orgia. As just mentioned, the same fathom had 7 Olympic feet. So the Philetaerian fathom in English feet will be7.09; the large Cubit 28.35 inches; the lesser cubit 21.26 inches, and so on (see table IV).

In Russian measures the fathom will be the Russian sajen of 7 feet; the larger cubit is the Russian arshin of 28 inches; the cubit is of 21 inches; the bigger span is of 14 inches; the palm of 3½ inches. Then comes the vershok of 2 digits, and the digit of 0.88 inches. The whole sequence is actually alike in both scales, and the actual values are also very close, the Russian ones being now in English inches and the Philetaerian in Olympic inches.

However, up to the beginning of the reign of Peter the Great the analogy was more complete. still, as up to that date the Russian arshin had a value of 28.27 inches. It is quite close to the Philetaerian one, being, so to say, 2⅓ of an Olympic foot of 12.12 inches (instead of the accepted figure of 12.16.).

In 1738, the French Academy of Science requested Messrs. Delisle and Vinsheim membres of the Academy of St. Petersburg to study the Russian measures and weights, and to compare the Russian and French weights. They found then the old Russian arshin still extant; they gave its measure as 318.3 of Paris lines, or 718 mm, or 28.269 English inches. For the cubit they calculated the value of 21.20 inches, and for the old foot 14.13 inches. (Saigey. Traité de Métrologie, 1834).

These values were legalised by Peter the Great, but afterwards, wanting to make his sajen of exactly 7 English feet, he decreed that all the Russian measures be decreased by about 1 per cent. So it happened that since Peter the Great our Olympic cubit, foot and inch were made equal to the English (cubit), foot and inch.

The Philetaerian stadion equals 600 Philetaerian feet or 700 Olympic feet. 10 Philetaerian stadia were represented by the old Russian larger verst, the double of the present verst of 500 sajen.

The extraordinary stability of the Philetaerian measures in Russia throughout the ages, in spite of

the coming and going of various peoples and tribes during more than 2000 years is quite remarkable. More remarkable still is the stability of weights and of dry measures.

The principal weights in Russia are the Pud, of 40 Russian lbs, the funt of 96 zolotniks, and the Zolotnik. The Zolotnik weighs 4.27 grammes or 65.83 grains. The Russian lb. weighs 409.53 grammes or 6320 grains. The Russian pud weighs 16.38 kilos. All these weights are very ancient and can be proved from old records, documents and chronicles.

The Russian lb. or funt was called before the 17th century grivenka, and the small Russian coin grivennik still recalls this ancestry. Besides the grivenka, or funt, there was a heavier lb. which was called the »ansyr«. This ansyr weighed 128 zolotnik or 546 grammes. There were 30 ansyrs to the pud. There was also a heavier weight of $2^1/_2$ puds, or of 100 grivenkas or funts. It was called Kontar, and its weight was 40.95 kilos. A still heavier weight was the so-called berkovetz, or berkovsk, of 10 puds, or 4 kontars.

Now 546 grammes is the weight of the old silver Babylonian mina. 409 grammes is the weight of the old Babylonian gold mina, and 4.27 to 4.29 grammes is the weight of the Athenian Solonian drachma. Thus the Russian zolotnik is the Athenian drachma as »nummus«. The Russian lb. or funt is equal to the old Babylonian gold mina, and the old Russian ansyr is equal to the Babylonian silver mina.

There was also a weight of half an ansyr, a weight of 273 grammes. It is interesting to notice that the pud stands in relation as 30 — 1 to the ansyr, and 60 — 1 to the half-ansyr, clearly showing that the relation is one and the same as between the talent and the heavy and light mina.

As the two standards, the gold and the silver, were apparently amalgamated in one and the same system of weights, the 60th part of ansyr, let us call it the shekel cannot be traced in the scale of our measures, but it is nothing else than the Egyptian kedet of 140 grains, or of 9.07 grammes.

It is also interesting to note that half of the Rusian ansyr, that is 273 grammes, is exactly the weight of the so-called Osco-Latin pound, and the division of the Osco-Latin pound, the semis, and the quadrans, can be traced in the existing Russian sub-divisions of the ansyr.

So now we may complete the link, and say that the Russian pud is the talent to the Russian ansyr—as the heavy silver mina, and to the Osco-Latin pound—as the light mina. The relation thus established between the Babylonian minas and the Russian measures would not be complete if there were not two rather odd looking weights called the Bezmen and pol-bezmen (half Bezmen), the first of two and a half funts, and the second of $1^1/_4$ funts. It would be rather difficult to see the reason of such odd weights in the scale were it not for the fact that the Bezmen weighs 1022 grammes, and the pol-bezmen 511 grammes, bringing them very close to the old Babylonian weights—minas, the heavy and the light.

From the kedet (= $^1/_{60}$ of the Ansyr) can be traced the relationship between the old Russian measures and the Egyptian system. In table VII, are brought together the kedet weights from a table by W. Airy with their equivalents in minas, pounds and Zolotniks. The inter-relationship of the Egyptian, Babylonian and Russian weights is made very clear by the study of this table. As Lehman and Airy have noticed, the weight of 36 kedets is the Roman lb., and as Airy points out, the 50 kedet weight is the Imperial Avoirdupois lb. It is very interesting to notice that the 50 kedet weight, or 454 grammes is according to the latest figures of Viedebantt, the Attic Solonian Mina taken as »pondus«; thus the Attic drachma (pondus) of 4,54 grammes is equal to half a kedet. In the column of the Osco-Latin pound that Attic drachma will be $^1/_{60}$-th, or a shekel to the Osco-Latin pound.

The principal Russian dry measure is the chetverik. 2 chetveriks make a pajak; 2 pajaks an osmina; 2 osminas 1 chet; 2 chets — 1 chetvertok; 2 chetvertoks — 1 okov; and going down, 1 chetverik is again divided always by 2's.

The volume of a chetverik in litres is 26.24. That is the volume of a Greco-Roman amphora. The volume of a pajak is 52.48 litres, and that is the Alexandrian medimnos. In cub. inches the first volume is 1600, and the second is 3200. The corresponding weights in Russian pounds will be 64 for the chetverik and 128 for the pajak.

Now the weight corresponding to the amphora in Roman pounds is 80, thus establishing the relation between the Roman and Russian weights as 80 to 64, or 5—4, the same relation as in the kedet system between the 36 kedet for the Roman pound and the 45 for the Russian pound. The Alexandrian talent was divided into 125 Roman lbs., which would correspond to 100 Russian pounds. As we have seen already, the weight of 100 Russian pounds is the old Russian kontar, this making it clear that the Alexandrian larger talent has survived in Russia as the kontar of 100 grivenkas or funts.

In cub. inches, the kontar will be represented by 2500, and the silver talent, the pud, will be 1000 cub. inches. It must be noticed, however, that the correct figure for the number of cub. inches in the chetverik is not 1600 but 1601, showing that the actual inches were of a fraction bigger than the English inch.

Thus we see that the Russian measures of length, of weight, and of volume are all interdependent — the Russian arshin being of 28 inches, the Russian lb. corresponding to the volume of water of 25 cubic inches, the Russian pud to the volume of 1000 cubic inches and the dry measure the chetverik being 1600 cubic inches.

It may be also mentioned that the old Russian itinerary measures, for instance, the verst, through the Egyptian from the Olympic foot, are of a simple geodesic character, a verst being equal to 3500 Olympic feet and 6000 Olympic feet being a nautical mile, or $^1/_{60}$-th of a degree.

In view of the extraordinary stability of all these measures in Russia throughout the ages, the simplest hypothesis would be to say that they took such a form right in the Russian soil since the date of their coming, that no invasion or change of tribe or race were able to uproot them.

It is quite easy to picture how the many millions of drachmas which were imported to the south Russian Scythian principalities during the Alexandrian era to buy corn for the Athenian and the other Greek cities, how these drachmas became popular standards of weight, and came down to our days in the shape of the Russian z o l o t n i k. The amount of corn exported by the Scythians through the Greek cities on the Euxine was very large indeed. There is a meniton by Strabo of two millions medimni of wheat for Athen alone during one, perhaps rather bad, year. As the price of a medimnos was computed at the rate of 5 drachmas that shows the tremendous amount of money exported to the south of Russia and there used as currency or hoarded by the Scythians. Such hoards as Anadol bore witness to it.

For their gold the Greeks were buying corn, and of course they were insisting on getting the Greek measure of corn, medimnos, or amphoreus. That accounts for the fact that up to now the medimnos and the amphoreus have come down to us as a pajak and as a chetverik.

The Russian funt, however, is not an Athenian mina of 100 drachmas. Instead of 100 it is 96, and 96 is the number which is needed to build up instead of the Athenian mina the old golden Babylonian mina. That is again an indication that before the Greek influence there was a marked Babylonian influence. Whether this influence was brought down to the south Russian Steppes by the Cymmerian and Scythians, or in some other way, it is rather difficult to say, but the influence is there, and the measures bear witness to it.

A curious fact is also that the Russian measure of surface, the so-called desiatina, of 2400 square sajens, can be computed not only as a whole number of the Greek Philetaerian sokarions but also as four Egyptian arouras.

But here we must leave the question open, as up to now the Egyptian influence has only been traced to the Caucasus in such place-names as Ta-man and Ba-ku (Petrie). Perhaps the aroura is there only in virtue of its relation to the sokarion.

*

The Author would like to express his indebtedness to the Director and the Keepers of the British Museum for their permission to reproduce the bronze lion-weight from p. 170 of the Guide to the Babylonian and Assyrian Antiquities and the gold drachma from Cyrene, B. M. Catalogue № 124; to the Director of the Science Museum and the Librarian Dr Bradford; to the Keeper of the Library of the Royal Institution Mr. H. Young and the Assistant in the Library Mr. R. Gory for their kindness in supplying information and help in tracing books and references and to Mr. E. S. G. Robinson, of the British Museum, for the kind information on the weights of greek coins.

О МАНИХЕЙСТВѢ И БОГУМИЛАХЪ

(ОТРЫВКИ)[1]

Н. П. КОНДАКОВА

Во время своего двухлѣтняго пребыванія въ Болгаріи Никодимъ Павловичъ спеціально заинтересовался богумилами и началъ собирать матеріалы, предполагая ихъ впослѣдствіи обработать для особаго очерка въ рядѣ имъ задуманныхъ. Послѣднее время, уже въ Прагѣ, онъ часто возвращался къ вопросу о вліяніи и роли различныхъ религіозныхъ ученій въ исторіи культуры и считалъ обширную задачу ихъ историческаго изслѣдованія весьма существенной и отчасти даже тѣсно связанной съ различными вопросами исторіи искусствъ. Надъ этой работой Н. П. трудился еще и въ день своей кончины. *С. Кондаковъ.*

Ни одной ереси не суждено было играть столь большой роли въ исторіи христіанства, какъ именно манихейству, и не потому, что оно рѣзко и опредѣленно отвѣчало на вопросы догматовъ и эсхатологіи, которыхъ не рѣшались разрѣшать другіе. Но потому, что всѣ ереси основного манихейскаго толка оказывались повтореніемъ вѣрованій и ученій азіатскаго магизма, принесеннаго кочевниками въ Европу и преподаннаго большинству европейскихъ варварскихъ племенъ. Въ 275 году Мани, изъ Вавилона, но изъ рода арсакидовъ, т. е. кочевниковъ, былъ за свою попытку реформировать ученіе Зороастра, Будды и Іисуса распятъ, но его ученіе поэтому распространилось только успѣшнѣе. Основною доктриною является у Мани противоположеніе свѣта и тьмы въ природѣ и добра и зла въ жизни человѣка, души и тѣла въ его существѣ. Задачею избраннаго и праведнаго должно быть освобожденіе отъ плоти, отъ брака, вина; задачею вѣрнаго — жить безсребренникомъ и разумно чистымъ отъ искушеній. Нѣтъ жертвъ, обрядовъ, но есть чистые посты и искреннія молитвы. Искушенія приходятъ отъ божествъ тьмы и зла. Ученіе проникло въ Среднюю Азію, Индію и Китай и на Западъ въ Африку, гдѣ его послѣдователемъ былъ одно время св. Августинъ. Діоклетіанъ въ 290 г. воспретилъ его проповѣдованіе; съ 377 года ученіе стало запретнымъ и, будучи обнаруженнымъ, вело за собою изгнаніе. Папа Геласій (492—6 гг.) издаетъ противъ него постановленія, Юстиніанъ становится его преслѣдователемъ, но на основѣ этого ученія формируются новые подобные толки: ересь павликіанъ въ Арменіи (600—666), проникшая во Ѳракію и на югъ Франціи (VII—XII в.) и богумиловъ въ Болгаріи и Ѳракіи (X—XI в.). Современная литература указываетъ, что къ концу X вѣка населеніе южной Европы, сдѣлавшейся христіанскою къ этому времени, было насыщено манихейскими эле-

---

[1]) Заглавіе не принадлежитъ Никодиму Павловичу. *Ред.*

ментами, и потому становится понятнымъ быстрое распространеніе такъ наз. новоманихейской ереси, вышедшей съ Балканскаго полуострова, гдѣ она сложилась подъ несомнѣннымъ вліяніемъ павликіанскихъ ученій.[1] Болгарскій попъ Іеремія, по прозванію Богомилъ (Ѳеофилъ), жившій при царѣ Петрѣ, проповѣдывалъ между 920 и 950 годами свое ученіе, распространившееся до Сербіи, Далмаціи и Славоніи уже въ XII и XIII вѣкахъ. На Русь шли и сектанты и богомильскіе апокрифы. Черты ученія и обрядовъ отыскиваются въ хлыстовщинѣ. Извѣстно, затѣмъ, какъ прошло это ученіе на Западъ въ X—XI вѣкахъ, въ Ломбардію, Францію, въ Чехію въ XIII вѣкѣ, и какъ разнообразны были имена общинъ: добрыхъ христіанъ, патаренъ, катаръ, болгаръ и пр., какъ тѣсна была связь съ восточною родиною ученія. А. Н. Веселовскій думаетъ, что это ученіе занимало главное мѣсто среди восточныхъ ересей по внѣдренію въ наиболѣе культурной средѣ развитыхъ территорій и городовъ, рыцарей храмовниковъ и т. д., но болѣе всего въ ремесленныхъ классахъ народа и въ крестьянскомъ людѣ. Дуалистическая доктрина, коренящаяся въ ученіи и провозглашавшая зло властителемъ міра, разрѣшала всѣ житейскія недоумѣнія и невзгоды и возбуждала фантазію космогоническими баснями и эсхатологіею. Но одно дѣло ученіе, и совершенно иные результаты могутъ получиться въ жизни людей, его воспріявшихъ и подвергшихся за то именно преслѣдованію. Страхъ передъ сильною духомъ сектою побуждалъ греческое духовенство и поддерживавшую его византійскую власть къ жестокимъ преслѣдованіямъ огнемъ и мечемъ въ XI вѣкѣ. Инквизиція прямо истребила катаровъ. Спрашивается, откуда шло такое озлобленіе противъ мирныхъ послѣдователей ереси, безобидной для мирнаго общества, покорной властямъ и даже прославившейся своими добрыми нравами? Нельзя же, въ самомъ дѣлѣ, объяснять такъ, какъ дѣлалъ это Вольтеръ, ссылаясь на истощеніе доходовъ духовенства, на возможность отказа еретиковъ отъ воинской повинности и отъ динарія Кесаря и т. д., что, однако, доселѣ является главнымъ историческимъ аргументомъ. Глубже посмотрѣлъ незабвенный ученый А. Н. Веселовскій. „Въ демономаніи XV—XVI вѣковъ, говоритъ онъ (Слав. сказ. о Сол. и Китовр., стр. 148), въ заразительной быстротѣ, съ какою распространяется тогда во всѣхъ классахъ общества вѣра въ колдовство, въ какія то таинственныя ночныя сходбища, на которыхъ посвященные поклоняются, будто-бы, злому духу — во всемъ этомъ выразился не только протестъ народнаго язычества противъ политической централизаціи церкви, но и протестъ, прошедшій сквозь призму дуалистической ереси, вѣровавшей въ самостоятельность злого начала. Преслѣдуя демономанію, церковь встрѣчалась съ прежнею вражьею силою, съ которой думала покончить два столѣтія тому назадъ: въ альбигойскихъ войнахъ, въ крестовыхъ походахъ противъ еретиковъ Босніи. Въ народѣ, наконецъ, должно было явиться желаніе освободиться отъ частицы того зла, которымъ такъ щедро одѣлили его средневѣковые порядки. И этому понятному желанію протеста богумилы подавали руку помощи со своею теоріею дуализма,

---

[1]) А. **Веселовскаго**. Славянскія сказанія о Соломонѣ и Китоврасѣ. Спб. 1872 [новое изд. въ собраніи сочиненій А. Н. Веселовскаго, VIII 1, Петроградъ 1921], стр. 142—161, съ указаніемъ книгъ и статей по богумильству: **Рачкаго** [Bogomili a Patareni, въ Rad'ѣ jugoslavenske akademije, кн. VII, VIII и X], 1870 г., **Гана** [**Hahn**, Geschichte der neu-manichäischen Ketzer, Stuttgart], 1845 г., **Шмидта** [**Schmidt**, Historie de la secte des Cathares ou Albigeois. Paris], 1849 г., **Осокина** — Исторія Альбигойцевъ [Казань] 1869 г.

водворявшей борьбу въ жизни. Эту борьбу добраго начала противъ злого они сами выносили: ихъ также преслѣдовала господствующая церковь и союзныя съ нею власти; оттого они учили не покоряться властямъ, епископамъ, священникамъ, а только Богу, которому противны служащіе господамъ или работающіе на нихъ. Это демократическое ученіе еще болѣе связывало ихъ съ народомъ".

Въ этихъ немногихъ строкахъ поставлена столь же глубокая, сколько обширная задача историческаго изслѣдованія внутренней и религіозной жизни Европы и не только въ среднихъ вѣкахъ, но и подъ блестящимъ внѣшнимъ покровомъ эпохи такъ называемаго Возрожденія. Уже при первомъ опытѣ разсмотрѣть жизнь подъ этимъ покровомъ становится яснымъ, что именно средніе вѣка дали ей питаніе и создали ея основу въ народномъ міровоззрѣніи.

Богумилы во многомъ упорядочили толки, шедшіе отъ маговъ, но признали въ основѣ два начала въ мірѣ, свѣтъ и тьму, добро и зло и два вида божествъ: Бога — творца міра духовнаго и Сатанаила творца видимаго міра и всего плотскаго или матеріальнаго, владѣвшаго людьми до пришествія Спасителя, который научилъ людей дѣлу освобожденія отъ оковъ плоти и единенія души съ божественнымъ началомъ. Богумилы считали, что только ихъ церковь сохранила ученіе Спасителя въ чистотѣ, и потому иному христіанину, если онъ не очиститъ души своей аскезомъ, искусомъ и ученіемъ, предстоитъ ожидать переселеніе его души изъ одного начала животнаго тѣла въ другое, доходя до высшихъ страданій въ тѣлахъ животныхъ и послѣдней ступени ихъ — гадовъ. Манихейство представляло самого Сатанаила въ образѣ дракона со львиною головою. Гады являются видимымъ образомъ злого духа, порожденіемъ его злобы. Изгоняя страсти, человѣкъ долженъ чуждаться злыхъ людей, избѣгать насилія и войны, а потому обречь себя на отреченіе отъ земныхъ благъ, отъ людскихъ страстей и коварства, грѣха и лжи, подчиненія плоти и брака.

Наиболѣе полно ученіе богумиловъ дано у Евѳимія Зигабена въ извѣстномъ его сочиненіи: Догматическая Паноплія, написанномъ по порученію Алексѣя Комнина, когда императоръ самолично выслушалъ изложеніе этого ученія отъ нѣкоего Василія медика, притворившись любознательнымъ его ученикомъ ⟨ὑποκρινόμενος τὸν μαθητιῶντα⟩. По этому изложенію богумилы отметали всѣ книги Моисеевы, и самого Бога библейскаго и праведниковъ, считая все это дѣломъ дьявола, сходясь съ павликіанами, равно отрицали всѣ основные догматы Церкви. Но передавать ихъ критику и глумленія безполезно для историческаго очерка, преслѣдующаго лишь культурно-духовную сторону, не обычную софистику ересей, и равно опуская апологетическую задачу богослововъ. Но существенно то новшество противъ древнихъ ересей, что богумилы признавали сатану сыномъ Бога Отца съ именемъ Сатанаила, старшимъ и первороднымъ сыномъ, замѣстителемъ Отца, имѣвшимъ справа отъ него мѣсто на престолѣ, отъ того возмнившимъ и начавшимъ подговоры къ возмущенію силъ небесныхъ противъ Отца (будто-бы притча Ев. отъ Луки, гл. 16 сочинена именно о сатанѣ).[1] И вотъ, когда сатана былъ затѣмъ низвергнутъ съ неба, и вмѣстѣ

---

[1]) Приводимъ эту часть въ полномъ изложеніи данномъ у Евѳимія Зигабена (Migne, Patrol. Graeca, tom. 130, tit. XXVII, pag. 1290—1332): § [6] [col. 1293—1296]. Λέγουσι (богумилы) τὸν δαίμονα τὸν παρὰ τοῦ Σωτῆρος ὀνομασθέντα Σαταvᾶν υἱὸν καὶ αὐτὸν εἶναι τοῦ Θεοῦ καὶ Πατρὸς, ὀνομαζόμενον Σαταναὴλ, καὶ πρῶτον τοῦ Υἱοῦ καὶ Λόγου, καὶ ἰσχυρότερον, ἅτε πρωτότοκον, ὡς εἶναι τούτους ἀδελφοὺς ἀλλήλων. Εἶναι δὲ τὸν Σαταναὴλ οἰκονόμον, καὶ δευτερεύοντα τοῦ Πατρὸς, τὴν αὐτὴν αὐτῷ

съ нимъ всѣ силы, поддавшіяся его соблазну, то, не находя мѣста на водахъ, земля же была (еще?) невидима и неустроена, а Сатанаилъ имѣлъ еще божескую форму и облаченіе и власть творить, онъ созвалъ ангеловъ, съ нимъ павшихъ и, внушая имъ смѣлость, сказалъ: „Послѣ Бога, создавшаго міръ въ началѣ, и я сотворю второе небо, какъ я второй Богъ, и прочее по порядку, и рекъ: Да будетъ твердь, и стала; да будетъ то и то, и все стало". Слѣдуетъ варіантъ библейскаго текста, и далѣе сатана „и провозгласилъ землю своимъ жилищемъ и отступныхъ силъ". Затѣмъ сотворилъ тѣло Адама изъ земли, смоченной водою, поставилъ его во весь ростъ, и стекшая съ него на правую ногу влага и по большому пальцу на землю свилась и образовала фигуру змѣи. Сатанаилъ, набравъ духу въ себя, вдулъ его въ тѣло и оживилъ его, но духъ его, пройдя черезъ пустоту, подобнымъ же образомъ вышелъ въ правую ногу и, черезъ большой палецъ пройдя, образовалъ также змѣю, тутъ же уползшую. Почему и понятна разумность змѣи. И тогда новый творецъ, видя тщету своихъ трудовъ, черезъ посланцевъ просилъ Бога Отца прислать свой духъ, обѣщая признать человѣка общимъ созданіемъ, дабы его родъ заполнилъ опустѣлыя мѣста падшихъ ангеловъ. Богъ вдунулъ жизнь въ слѣпленную фигуру, и сталъ живой человѣкъ, просвѣтленный милостью Божіею.[1]

Но когда сотворена была Ева, Сатанаилъ, побуждаемый завистью, перемѣнилъ намѣреніе, обольстилъ Еву черезъ змѣя, совокупился съ нею, сдѣлалъ ее беременною. Ева въ болѣзни родила отъ него Каина и сестру его Каломену, и потому ап. Іоаннъ (посл. III, 12) говоритъ, что „Каинъ отъ лукаваго". И тогда наказалъ Сатанаила Господь, лишивъ его и небеснаго житья и ангельскаго образа. Искажая дѣло посланничества Бога Слова, богумилы передаютъ, что Сынъ Божій — Слово былъ архангелъ Михаилъ, вошедшій въ правое ухо пр. Дѣвы и явился въ человѣческомъ видимомъ, но не плотскомъ образѣ. Дѣва не почувствовала ни прихода ни выхода его черезъ то же ухо и затѣмъ обрѣла уже его въ ясляхъ лежащимъ. Затѣмъ богумилы говорятъ, что ангелы Божіи[2], памятуя обѣтъ

περικείμενον καὶ μορφὴν καὶ στολὴν, καὶ ἐν δεξιᾷ αὐτοῦ καθήμενον ἐπὶ θρόνου, καὶ τῆς μετ'αὐτὸν εὐθὺς τιμῆς ἀξιούμενον, ὑφ'ἧς μεθυσθέντα καὶ εἰς ἀπόνοιαν ἐπαρθέντα μελετῆσαι ἀποστασίαν, καὶ πότε δραξάμενον καιροῦ καθεῖναι πεῖράν τισι τῶν λειτουργικῶν δυνάμεων, εἰ βούλοιντο κουφιζόμεναι τοῦ βάρους τῆς λειτουργίας ἀκολουθῆσαι τούτῳ καὶ συγκατεξανασθῆναι τοῦ Πατρός.

[1]) [Λέγουσι τὸν] Σαταναὴλ ἄνωθεν ῥιφέντα καὶ μὴ δυνάμενον τοῖς ὕδασιν ἐφιζάνειν· ἡ γῆ γάρ, φησίν, ἦν ἀόρατος καὶ ἀκατασκεύαστος· ἐπείπερ ἔτι καὶ τὴν θείαν περιέκειτο μορφὴν καὶ στολὴν καὶ τὴν δημιουργικὴν ἐκέκτητο δύναμιν, συγκαλέσαι τὰς συγκαταπεσούσας αὐτῷ δυνάμεις, καὶ θάρσος αὐταῖς ἐμβαλεῖν καὶ εἰπεῖν, ὡς. Ἐπεὶ τὸν οὐρανὸν καὶ τὴν γῆν ὁ Θεὸς ἐποίησεν… ποιήσω κἀγὼ δεύτερον οὐρανὸν, ὡς δεύτερος Θεὸς [...] καὶ εἶπε· „Γενηθήτω στερέωμα", καὶ ἐγένετο [...] καὶ [...] ἀπεκλήρωσε ταύτην (γῆν) ἑαυτῷ τε καὶ ταῖς ἀποστατικαῖς δυνάμεσιν οἰκητήριον. Ἔπειτα πλάσας τὸ σῶμα τοῦ Ἀδὰμ ἀπὸ γῆς ὕδατι φυραθείσης, ἔστησεν ὀρθὸν, ἀφ'οὗ καταρρεύσασά τις νοτὶς ἐπὶ τὸν δεξιὸν πόδα, καὶ διὰ τοῦ μεγάλου δακτύλου χυθεῖσα κατὰ τοὺ ἐδάφους ἑλικοειδῶς ἐρρύη, καὶ σχῆμα ὄφεως ἀπετέλεσεν. Ἀθροίσας δὲ τὸ ἐν ἑαυτῷ πνεῦμα, ὁ Σαταναὴλ ἐνέπνευσε τῷ πλασθέντι σώματι ζωὴν, τὸ δὲ ἐξ αὐτοῦ πνεῦμα διὰ χαυνότητα καταρρυὲν ἐπὶ τὸν δεξιὸν ὁμάως πόδα и т. д. γέγονεν ὄφις καὶ εἵρπυσε. Διὰ τοῦτο… γνοὺς, ὅτι μάτην πονεῖ, διεπρεσβεύσατο πρὸς τὸν ἀγαθὸν Πατέρα, καὶ παρεκάλεσε πεμφθῆναι παρ' αὐτοῦ πνοὴν, ἐπαγγειλάμενος κοινὸν εἶναι τὸν ἄνθρωπον, εἰ ζωοποιηθῇ, καὶ ἀπὸ τοῦ γένους αὐτοῦ πληροῦσθαιτοὺς ἐν οὐρανῷ τόπους τῶν ἀπορριφέντων ἀγγέλων. Τὸν δὲ Θεὸν ὡς ἀγαθόν ἐπινεῦσαι καὶ ἐμφυσῆσαι τῷ παρὰ τοῦ Σαταναὴλ πλασθέντα πνεῦμα ζωῆς, καὶ γενέσθαι παραυτίκα τὸν ἄνθρωπον εἰς ψυχὴν ζῶσαν λαμπρύνασαν τὸ σῶμα, καὶ πολλαῖς αὐτὸ καταφαιδρύνασαν χάρισιν. [Zig. Panopl. tit. XXIII, § 7. — Migne PG 130, c. 1296—1297].

[2]) Ради точности должно имѣть въ виду, что еретики въ этомъ мѣстѣ читали „ангелы" Божіи, но намѣренно обошли то обстоятельство, что эти ангелы были уже изъ „падшихъ". Кн. Бытія

Сатанаила заполнить ихъ мѣсто на небѣ, стали входить къ женамъ человѣческимъ, ради возвращенія ихъ потомства на небо. Но народившіеся отъ этихъ женъ гиганты вступили въ бой (ἀντιστῆναι) съ Сатанаиломъ и одержали побѣду (ϑριαμβεῦσϑαι τὴν ἀποστασίαν αὐτοῦ) надъ этимъ предателемъ. Распаленный Сатанаилъ напустилъ потопъ (τὸν κατακλυσμόν) и погубилъ вмѣстѣ съ ними все живущее на землѣ, и только Ною, не имѣвшему дочери, разрѣшилъ построить ковчегъ. Далѣе богумилы разсказываютъ, что Моисей, обманутый Сатанаиломъ, возвратился въ Египтъ и вывелъ оттуда іудеевъ, творя чудеса и знаменія (σημεῖα) силою Сатанаила. Объявляютъ святыми только тѣхъ, кто поименованъ въ родословныхъ Ев. отъ Матѳея и Луки, всѣхъ же Отцовъ церкви и іерарховъ считаютъ идолопоклонниками изъ за почитанія иконъ, а Копронима иконоборца чтутъ. Чудеса, совершаемыя мощами святыхъ, объясняютъ силою демонскою къ нимъ прилежащею. Избѣгая только лучей солнца, демоны живутъ въ людяхъ и побуждаютъ ихъ на злое, остаются при нихъ и по смерти въ останкахъ, выжидая воскрешенія мертвыхъ; тоже гласитъ и ересь масаліановъ.

*

Болгарскія сказанія представляютъ твореніе общимъ дѣломъ Господа и діавола: Господь реклъ діаволу: „Хайд'да направимь земя и хора". Но Господь далъ тому наказъ: „Кажи: съ Божью силу и съ мою", но діаволъ сказалъ наоборотъ, неудача и т. д., затѣмъ утаилъ подъ ногтемъ прахъ и пр., и діаволъ даже научаетъ Господа, какъ остановить ростъ земли, получаетъ въ свое вѣдѣніе мертвыхъ. По сказаніямъ македонскихъ болгаръ старшимъ сыномъ Бога былъ Пій, изобрѣвшій виноградники и пьянство, затѣмъ огонь, желѣзо и орудія.

Словинская сказка „покой Господа на седьмой день" превратила даже въ „вѣчный покой", но когда онъ кончился, Господь увидѣлъ всюду звѣзды — онъ создалъ ихъ взглядами своихъ очей, и тогда сталъ онъ творить землю. Въ сказаніяхъ Галиціи творчество совмѣстно съ діаволомъ; сперва земли на морѣ ровно столько, чтобы двоимъ улечься; Богъ заснулъ, и діаволъ пытался его столкнуть, но земля сама ширилась во всѣ 4 стороны. Діаволъ создалъ изъ воды со своего лица столько чертей, что ангеламъ не было мѣста на небесахъ, и Илья Громовникъ, по приказу, низринулъ ихъ съ дождемъ съ неба.

Въ Малороссіи разсказываютъ, что земля была сотворена ровною; горы явились изо рта испуганнаго громомъ діавола, набившаго себѣ ротъ землею. Любопытна легенда (Сборникъ Драгоманова) въ малорусскихъ народныхъ разсказахъ о томъ, что черти сотворены по ошибкѣ Адамомъ, когда ему одному было скучно въ раю, и Богъ задумалъ сотворить ему пріятеля, наказалъ омочить росою мизинецъ и отряхнуть передъ собою, а Адамъ отряхнулъ всю пятерню позади себя, явились рои чертей, небо трещало, ихъ выгнали съ неба.

Рядъ сказаній Бѣлоруссовъ передаютъ міротвореніе въ уровень съ христіанскими апокрифами, или удаляются отъ нихъ, тогда какъ другія, слѣдуя, повидимому, восточнымъ, говорятъ о юной еще собакѣ, сторожившей человѣка,

---

VI 2: ἰδόντες δὲ οἱ ἄγγελοι τοῦ Θεοῦ читается въ рукописяхъ 70 толковниковъ, см. изд. The Old Testament in Greek According to The Septuagint., by H B. Swete, Cambridge Univ. Press 1887 г.; замѣнено οἱ υἱοὶ τοῦ Θεοῦ = Filii Dei — Сыны Божіи уже въ цитатѣ у Евѳимія Зигибена.

слѣпленнаго изъ глины, что она смерзла и заснула, а чертъ, разорвавъ у человѣка грудь, нахаркалъ туда, и такъ народился человѣкъ съ „харкотинами".

Великорусскія легенды (Якушкинъ, Аѳанасьевъ) повторяютъ ту же фабулу о лукавомъ чертѣ, о чистой (голой, безъ шерсти) собакѣ, ставшей послѣ оплеванія чертомъ человѣка „нечистымъ псомъ" — „по шерсти погана — по нутру чиста". Плаваютъ по океану бѣлъ гоголь и черенъ гоголь — Господь и сатана создали твердь, силы небесныя и воинство сатаны; началась война и попадала рать сатаны въ лѣса — лѣсовики, водяники, домовики, банники, дворовики и пр. и „доселѣ тамъ пребываютъ". Когда діаволъ по приказу Саваоѳа билъ молотомъ камень правой рукой, являлись свѣтлые воины, лѣвою — черные черти. Стали строить небеса, построили по семи, а діаволъ выше забирается, и „зааминилъ" Господь, и взялъ благословеніе арх. Михаилъ у иконы Дѣвы съ Младенцемъ и смогъ спровергнуть небеса сатаны, и сила его сыпалась шесть недѣль и много ея осталось на землѣ и въ воздухѣ.

Та же основа въ литовскихъ, латышскихъ и польскихъ сказаніяхъ, и А. Н. Веселовскій[1] указываетъ, что общія очертанія фабулы даны еще въ религіяхъ Индіи и Греціи, гдѣ сцена міротворенія совершается также на морѣ, но совмѣстное творчество добраго и злого начала понятно, какъ споръ или борьба ихъ, причемъ зло безсильно въ своемъ творчествѣ, портитъ, ищетъ дѣлежа. Отсюда возникаютъ отдѣльно сказки о неровномъ дѣлежѣ работы на полѣ и жатвы между звѣрями.

*

Богумилами принято, частью вновь изложено, и затѣмъ распространено какъ во всей юго-восточной Европѣ, такъ и на Западѣ, много различныхъ, но спеціально апокрифическихъ сказаній, связывающихъ между собою вавилонскую и иранскую космогонію, дуалистическія міровоззрѣнія и мистическую созерцательность съ параллелями Ветхаго и Новаго Завѣта и эсхатологическими идеями начальнаго средневѣковья. По исчисленію А. Н. Веселовскаго,[2] богумильская редакція коснулась: 1) легенды о Крестномъ Древѣ, заступившемъ мѣсто легендарнаго на древнемъ Востокѣ „древа жизни" и ставшемъ въ средневѣковомъ вѣрованіи древомъ міровымъ. Это древо высится до неба, коренится до ада, его стволъ обвитъ змѣемъ, на вершинѣ сидитъ волшебная птица — врагъ змѣи, на вѣтвяхъ райскія птицы, питающіяся его плодами, но въ боку его точащая рана, а у подошвы его райскій источникъ; 2) Видѣніе Исаіи, апокрифъ, идущій изъ III вѣка, принятый гностиками и манихеями, и много способствовавшій распространенію соотвѣтственныхъ этому „видѣнію" эмблемъ и символовъ въ народной иконописи христіанскаго Востока;[3] 3) Обхожденія Павла апостола (съ заклинаніями змѣй) — чисто восточные апокрифы, наряду съ видѣніями Павла и сказаніями, взятыми изъ Евангелія Никодима; 4) Пренія Господни съ діаволомъ — отреченныя сказанія, пользовавшіяся особымъ распространеніемъ; 5) Извѣстное сказаніе о Варлаамѣ и Іоасафѣ — сочиненіе І. Дамаскина, передавшаго въ немъ особо-редактированное и приспособленное къ христіанству жизнеописаніе Будды;

[1]) Разысканія въ обл. русск. дух. стиха, XI, стр. 76.

[2]) Славянскія сказанія о Соломонѣ и Китоврасѣ, 1872, 154—187.

[3]) Противъ этого мѣста въ рукописи Н. П-ча на поляхъ вставка: „Повѣсть о Вавилонскомъ Царствѣ" (прим. ред.).

жизненный идеалъ буддизма отвѣчалъ всѣмъ основнымъ богумильскимъ задачамъ личнаго религiознаго совершенства; 6) Извѣстная притча о единорогѣ (и человѣкѣ), нашедшая весьма извѣстную высокую популярность въ юго-западной Европѣ; 7) Соотвѣтственно богумильской морали, отысканная среди поучительныхъ сказокъ притча о богатыхъ значится среди славянскихъ рукописей особенно избранной отъ болгарскихъ книгъ, или, чтó то же — „богумильскихъ басенъ"; 8) Славянскiя редакцiи легендъ о Соломонѣ и Китоврасѣ также значатся среди „болгарскихъ книгъ" и занесены въ позднѣйшiе списки Палеи; 9) Легенды о Правдѣ и Кривдѣ,[1] перенесенныя въ духовные стихи и въ иконографiю Страшнаго Суда, представляются особенно соотвѣтствующими богумильству въ его мiровоззрѣнiяхъ; 10) Таковы, затѣмъ же, „пересказы" о неравномъ дѣлежѣ;[2] 11) О злыхъ женахъ (о трясавицахъ) въ отдѣльномъ трактатѣ или во множествѣ пересказовъ изъ всевозможныхъ литературныхъ источниковъ, въ соотвѣтствiи съ догматическимъ нерасположенiемъ богумиловъ къ браку и его церковному освященiю. Какъ, наконецъ, и 12) извѣстное по своимъ дуалистическимъ основамъ сказанiе о сотворенiи мiра или свѣта, съ богатымъ наборомъ темъ для такъ назыв., „Глубинныхъ книгъ" и духовныхъ стиховъ.

„Средства, говоритъ А. Н. Веселовскiй,[3] къ которымъ обыкновенно прибѣгали странствующiе проповѣдники богумиловъ, были самыя популярныя и расчитанны на вѣрный успѣхъ: они дѣйствовали притчами, иносказанiями, апологами; ихъ пристрастiе къ подобной литературной формѣ оставило имъ названiе болгарскихъ, т. е. богумильскихъ басенъ. О западныхъ катарахъ извѣстно, что они слагали еретическiя пѣсни для распространенiя ихъ въ народѣ, вѣроятно, не столько наставительнаго содержанiя, сколько легендарнаго, въ смыслѣ ереси: что-нибудь вродѣ нашихъ духовныхъ стиховъ. Матерiалъ давало богатое содержанiе апокрифовъ и другiя повѣсти, легко поддававшiяся иновѣрческому толкованiю; повѣсти, принесенныя сектою съ дальняго Востока, съ которымъ связи должны были поддерживаться при дѣятельномъ посредничествѣ Болгарiи и Византiи. Райнерiо Саккони (доминиканецъ), производившiй слѣдствiе надъ еретиками западной отрасли, сообщаетъ намъ въ этомъ отношенiи любопытныя свѣдѣнiя. Онъ говоритъ объ ихъ проповѣдникахъ, что они стараются войти въ прiязнь къ вельможамъ и знатнымъ дамамъ, и являясь къ нимъ подъ видомъ купцовъ, предлагаютъ имъ на продажу драгоцѣнности, перстни и шелковыя ткани. Когда ихъ спрашиваютъ, нѣтъ ли у нихъ чего другого, они отвѣчаютъ, что есть у нихъ товары болѣе цѣнные, которые они готовы уступить, если имъ напередъ обѣщаютъ, что не выдатутъ ихъ священникамъ." Свидѣтельство доминиканца взято изъ дѣйствительности, но ему не вполнѣ извѣстной; сущность дѣла состоитъ въ томъ, что пропагандистами были или становились именно восточные купцы, сохранившiе въ XI и XII вѣкахъ тѣснѣйшiя связи, и не только съ Византiей, но именно съ Болгарiей, еще поддерживавшей, черезъ посредство караванной торговли, свои сношенiя съ отдаленнымъ Востокомъ, и одновременно съ его торговлей, и религiозной пропагандой.

*

¹) Слав. сказ. о Сол. и Китовр., стр. 91 [и слл.]; Разысканiя, XI, стр. 77.
²) [Слав.] сказ. о Соломонѣ [и Китоврасѣ], стр. 94; Разысканiя, стр. 77.
³) [Слав. сказ. о Сол. и Китовр.], стр. 158—9.

Славянскія статьи богумильскаго происхожденія, озаглавленныя: Сказаніе о созданіи міра. Слово о зачатіи неба и земли. О бытіи неба и земли и даже о Тиверіадскомъ морѣ, Свитокъ божественныхъ книгъ, разобраны А. Н. Веселовскимъ[1] кратко, какъ компилятивный сводъ апокрифовъ, напоминающій Слово болгарскаго попа Іереміи о Моисеовомъ извитѣмъ дрѣвѣ.

Не повторяя въ данномъ очеркѣ результатовъ литературнаго разбора знаменитаго академика, остановимся исключительно на данныхъ въ сказаніи „О Тиверіадскомъ морѣ“ культурно-духовнаго характера. Не было ни неба, ни земли, было одно море, и Господь, сойдя по воздуху, увидѣлъ на морѣ плавающаго гоголя, а тотъ гоголь — Сатанаилъ. Господь спросилъ его: „кто еси“. — „Я Богъ“. „А какъ меня назовешь?“ — „Ты Богъ Богамъ.“ Слѣдуетъ повелѣніе гоголю нырнуть и вынести земли и кремень. Созданы силы изъ половины кремня — ангелы по образу и подобію Господа, но изъ другой половины, отданной сатанѣ, онъ тоже сотворилъ себѣ „великую силу“ (или бѣсовскую силу безчисленную боговъ плотныхъ) („Свитокъ“). Далѣе, разсказывается о твореніи 3 китовъ на морѣ и на нихъ суши, растеній, скота и рыбы. Адамъ созданъ Христомъ изъ 7 частей: земли, камени, солнца (очи), облака (мысли) и т. д. Сатана истыкалъ тѣло Адамово перстами, и Господь вывернулъ тѣло внутрь. Итакъ, образъ гоголя-Сатанаила, встрѣченный въ инородческихъ сказаніяхъ, перешелъ въ русскій народный пересказъ. Въ алтайскомъ пересказѣ два гуся, въ галицкой колядкѣ два голубя.

Дополненіемъ краткой передачи космогоническаго сказанія у Зигабена служила А. Н. Веселовскому книжка апокрифическая ап. Іоанна, Liber S. Johanni (S. Joannis),[2] о которой уже въ рукописяхъ говорится такъ: Hoc est Secretum Haereticorum de Concorezio portatum de Bulgaria a Nazario suo episcopo, plenum erroribus. Одно указаніе Райнера, приводимое въ сочиненіи „Противъ Вальденсовъ“, свидѣтельствуетъ, что этотъ епископъ сочинялъ, будто Пр. Дѣва была ангеломъ, а равно, что Христосъ не имѣлъ человѣческой природы, но ангельскую или небесную, а также доктрина книги Іоанна близка къ догматамъ албанскихъ и альбигойскихъ сказаній. Греческій оригиналъ этой книги указанъ въ Библ. св. Марка въ Венеціи (№ 128). Планъ книги представляетъ осложненіе вопроса ап. Іоанна за Тайною Вечерею о предателѣ: „Господи, кто это?“ грубо передѣланъ (Ев. отъ Іоанна 13. 24—26) текстъ Евангелія — Христосъ говоритъ „Тогда вошелъ въ него сатана и понуждалъ предать Меня.“ А я спросилъ Его: „Господи, прежде чѣмъ сатана палъ, въ какой славѣ онъ пребывалъ у Отца Твоего?“ Христосъ сообщаетъ Іоанну, будто сатана повелѣвалъ силамъ небеснымъ (virtutes caelorum), во всемъ представлялъ собою подражателя Отцу (ordinans omnem imitatorem Patris), по волѣ своей нисходилъ въ преисподнюю (infimum) и восходилъ въ вышнее небо къ престолу незримаго Бога Отца, задумывалъ утвердить свой престолъ на облакахъ небесныхъ, отворялъ дуновеніе вѣтра и движеніе водъ, и открылъ ихъ. И покрылось лицо земли всюду водою, и нашелъ внизу на землѣ двѣ рыбы, лежащія,[3] и были онѣ какъ волы въ упряжи

---

[1]) Разысканія въ обл. р. дух. стиха. XI. Дуалистическія повѣрія о мірозданіи, стр. 41—51.

[2]) Thilo, J. C. Codex apocryphus Novi Testamenti 1832, p. 884-896; Histoire des Albigeois, I. также Muratori, Ant. It. m. aevi, т. V.

[3]) Thilo, ibid. p. 887: locum de duobus piscibus repetimus ex fabula de Behemoth et Leviathan, quae IV. Esdr. VI., 47—52 legitur.

на пахоти, простиравшимися по землѣ отъ запада до востока. И когда сошелъ въ преисподнюю, обрѣлъ тамъ свой оссопъ (ossop), родъ огня и не могъ сойти дальше, по причинѣ пылающаго огня. И возвратясь наверхъ, сатана заполнилъ пути, объявилъ свое владычество и намѣреніе собрать всѣ воды высшей тверди (de superiori firmamento) и царствовать во вѣки вѣковъ. Поднявшись на пятое небо, сталъ искушать ангеловъ тамъ и затѣмъ „всѣхъ небесъ", предлагая имъ обманомъ уменьшить то, что они должны давать Господу. И послышался гласъ отъ престола Бога Отца: „содѣятель (factor) грѣха, твори скорѣе, что задумалъ". И повелѣлъ Господь ангеламъ снять одежды съ тѣхъ, которые послушали (сатаны), и престолы и вѣнцы ихъ, и такъ исполнено было. Но гдѣ же сатана сталъ обитать послѣ паденія, спросилъ я Господа. И отвѣтилъ мнѣ: Отецъ мой преобразилъ его за гордыню его, снялъ свѣтъ съ него, и сталъ ликъ его какъ раскаленное желѣзо, и какъ у мертваго, и повлекъ онъ на хвостѣ третью часть ангеловъ Божіихъ и низверженъ былъ отъ престола Божьяго. Но, по моленію его, сжалившись надъ тѣмъ, что сатана не находилъ себѣ въ новой тверди покоя и молилъ Бога о терпѣніи, обѣщая все возвратить, Богъ далъ ему покой на семь дней. И тогда поднялъ сатана съ ангеломъ землю надъ водою, творитъ солнце, луну и звѣзды и сотворилъ ангеловъ слугъ своихъ, громы, дожди, градъ и снѣгъ, повелѣвая землѣ произвести животныхъ, гадовъ, древа и травы, морю птицъ и рыбъ. И сдѣлалъ сатана человѣка по своему подобію и повелѣлъ ангелу третьяго неба войти въ слѣпленное тѣло. И сдѣлалъ тѣло въ формѣ женщины и ангелу второго неба [повелѣлъ] войти въ тѣло жены, и задумалъ произвести черезъ ангеловъ совокупленіе тѣлъ, и какъ ангелы не смогли этого сдѣлать, то дьяволъ устроилъ рай, ввелъ въ него обоихъ, посадилъ тростникъ, вошелъ въ него и сказалъ людямъ, что они могутъ ѣсть всѣ плоды въ саду, но не должны ѣсть плодовъ отъ древа познанія добра и зла. Затѣмъ дьяволъ вошелъ въ змѣя и обольстилъ ангела, бывшаго въ женскомъ тѣлѣ, et effudit frater ejus [sc. Adam] concupiscentiam peccatorum, et fecit concupiscentiam suam cum Eva in cantu (?) serpentis.

А. Н. Веселовскій, разбирая тутъ же различія въ изложеніи ереси у Зигабена отъ книги Іоанна и отношенія того и другого къ славянскимъ апокрифамъ, указываетъ на вставленное далѣе объясненіе Христа по факту созданія людей „отъ персти" (corpora lutea). По выводу Веселовскаго книга Іоанна знала о существованіи иной апокрифической редакціи, а именно какъ говоритъ Христосъ: „невѣжественные (insipientes) люди говорили, будто бы Отецъ мой слѣпилъ тѣла изъ персти (corpora lutea fabricare), но онъ сотворилъ всѣ силы небесныя святымъ духомъ и только въ наказаніе за нарушеніе закона оказались съ тѣлами изъ персти и смертными". Видимо, была редакція, извращавшая текстъ библейскій, во избѣжаніе рѣзкаго отличія основной восточной редакціи, которая, впрочемъ, остается пока извѣстной только въ переработкѣ инородческихъ сказаній Россіи и Сибири.

Веселовскій покидаетъ книгу Іоанна на вышеуказанномъ пунктѣ творенія міра, согласно своей задачи сравнительнаго изученія народныхъ и литературныхъ космогоній, но для иллюстраціи еретической доктрины богумиловъ и дальнѣйшее имѣетъ своей историческій интересъ.

Христосъ сообщаетъ Іоанну, что „семь дней терпѣнія", разрѣшенные дьяволу Богомъ Отцемъ на его царствованіе, суть семь вѣковъ, предоставленныхъ

дьяволу на его волю, и это число принято доктриною, явно въ аналогіи съ семью тысячами лѣтъ существованія міра. Іоаннъ желаетъ знать, что было за семь вѣковъ. Христосъ указываетъ, что дьяволъ разсылалъ тогда ангеловъ своихъ (angelos ignis urentes) „огнедышащихъ“ къ людямъ, вознесъ Еноха выше тверди, показалъ ему божественность свою (deitatem suam) и приказалъ дать ему трость для письма, и написалъ тотъ 67 книгъ. Все это только перифразы манихейства, которое Іегову Евреевъ объявляло (считало) дьяволомъ, слугами его Моисея и пророковъ и т. д., и если ересь богумиловъ повторяла затѣмъ навыворотъ конспектъ Библіи и вавилонскихъ космогоній, то, явно, съ опредѣленною и затаенною цѣлью проложить въ христіанской средѣ путь къ манихейству и восточной доктринѣ вѣчной борьбы добра и зла въ мірѣ.

И далѣе, говоритъ Христосъ, обманывалъ дьяволъ міръ, говоря людямъ: „я, Вашъ Богъ, и нѣтъ иного Бога, кромѣ меня“. И когда Отецъ послалъ меня въ міръ, дабы они поняли злой умыселъ дьявола (malum ingenium), то и дьяволъ послалъ ангела и набралъ онъ отъ трехъ древъ (кипариса, певки [сосны] и кедра) и далъ Моисею (т. е. Евреямъ) для моего Распятія (богумилы не чтутъ крестъ Христовъ). Дьяволъ же послалъ въ міръ ангела, по имени Марію, принять меня въ міръ, и пророка Илью, назвавшагося Іоанномъ Крестителемъ.

„Книга Іоанна“ заканчивается изложеніемъ (почти по Евангельскимъ текстамъ) Второго Пришествія и Страшнаго Суда, и краткая замѣтка Тило, что это изложеніе какъ будто не походитъ на доктринальные трактаты катаровъ, съ этой стороны понятна.

Ученіе богумиловъ было, по существу, только позднѣйшимъ повтореніемъ древнѣйшихъ ересей, явившихся еще въ древнемъ христіанствѣ. Догматическая Паноплія Евѳимія Зигабена уже въ главѣ (титулѣ) 9, начальной[1], приступаетъ къ опроверженію ересей: Симона Самаритянина, Маркіона Понтійскаго, Манеса (Мани) Перса и манихеевъ и такъ опредѣляетъ существо древнихъ ересей: „Иные, отпавъ отъ церковнаго ученія, придумали ипостась зла (ὑπόστασιν τοῦ κακοῦ παραφρονοῦσιν εἶναι). Именно, помимо истиннаго Бога Отца, творятъ себѣ (ἀναπλάττονται δὲ ἑαυτοῖς) иного Бога, нерожденнаго, творца и вождя зла, и творца міра (δεμιουργὸν τῆς κτίσεως). Пользуясь въ своей основѣ восточною доктриною о вѣчной борьбѣ блага со зломъ въ мірѣ, еретики древняго христіанства, углубляясь въ истолкованіе текста о твореніи міра уже съ первыхъ словъ о „тьмѣ, покрывавшей бездну стихій“, видѣли въ ней творческое начало зла, которое принудило будто бы самого Бога“ раздѣлить въ мірѣ свѣтъ и тьму“, а уже затѣмъ придумываютъ два начала, двухъ боговъ: все дѣло, стало быть, въ софизмахъ и софистикѣ, но съ тайною цѣлью привести христіанство къ манихейству. И уже самому Василію Великому было ясно, что все это погудки на старый ладъ, и что всѣ новые Маркіоны еретики, Валентины, и какіе будутъ послѣ нихъ, все это то же самое манихейство, т. е. возвращеніе къ восточнымъ религіямъ, преодолѣннымъ, или переработаннымъ уже греками.

Самъ Августинъ опредѣлилъ сущность манихейства признаніемъ двухъ началъ, и различныхъ и прямо противуположныхъ вмѣстѣ съ тѣмъ (diversa atque adversa), они же вѣчныя и совѣчныя (coaeterna). Въ соотвѣтствіе — двѣ субстанціи или натуры добра и зла, какъ послѣдованіе древнимъ еретическимъ ученіямъ, и затѣмъ

---

[1]) Patrologia gr. t. 130, p. 305 и слѣд.

борьба ихъ, сліяніе или смѣшеніе ихъ и очищеніе добра отъ зла. Стало быть хотя признается, что міръ въ основѣ идетъ отъ блага, и душа человѣка имѣетъ благую природу, но смѣшивается по этому ученію со зломъ и подпадаетъ вѣчному проклятію потому, что находится въ смѣшеніи со зломъ. Отсюда необходимость для избранныхъ существъ прибѣгать къ освобожденію и очищенію отъ зла, жить по тому избранному манихеями роду жизни, который ими устанавливается для „избранныхъ“ и „послушниковъ“ (electorum et auditorum). Будто бы, затѣмъ, дѣло очищенія свѣта отъ тьмы (въ душахъ избранныхъ и иныхъ), совершающееся и естественнымъ дѣйствомъ лучей солнца и луны, усиливается у манихеевъ и дѣйствіемъ пяти элементовъ (или стихій), которые, хотя созданы духами тьмы и зла, но тоже могутъ быть очищаемы, а именно: дымъ, тьма, огонь, вода, вѣтеръ. При твореніи дымъ породилъ двуногихъ, также людей; тьма — гадовъ ползающихъ, огонь — четвероногихъ, въ водѣ родились — natalitia — плавающіе, въ вѣтрѣ — летающіе. Въ этихъ стихіяхъ субстанція смѣшанная, но изъ нихъ выдѣляется и благая: воздухъ, свѣтъ, чистый огонь, добрая вода и добрый вѣтеръ. Въ стихіяхъ же заключены святыя силы, преображающіяся въ мужскую силу, приманивающую силы женскія, и тогда черезъ совокупленіе бѣжитъ изъ нихъ свѣтъ. И будто бы избранники манихейскіе, побуждаемые возмутительнымъ суевѣріемъ, принуждаются принимать евхаристію, обрызганную сѣменемъ человѣческимъ, чтобы совершить очищеніе божественной въ себѣ стихіи. Но манихеи относятъ этотъ обычай къ инымъ еретикамъ. Явно, тотъ обычай, въ которомъ обвиняли въ древности и заподозрѣваютъ нынѣ миѳологи разныя древне-восточныя вѣрованія, былъ перенесенъ и на манихеевъ, и самое имя катаровъ, т. е. чистыхъ иными приписывалось именно на этой основѣ, сектантамъ (катаристамъ). Изъ подобныхъ же источниковъ объясняли, почему манихеи не ѣли мяса (убитыхъ и потому нечистыхъ животныхъ), не ѣли яицъ, не пили молока, но также и вина, вѣрятъ въ переселеніе душъ въ животныхъ, растенія. Но, равно, не очищаютъ полей отъ терновника, считая, что этимъ совершается человѣкоубійство (plurium homicidiorum). Поэтому сами избранные не работаютъ на поляхъ, не собираютъ фруктовъ, а дѣлаютъ то аудиторы, или запрещаютъ и имъ убивать животныхъ; при совокупленіи избѣгаютъ зачатія и рожденія. По словамъ манихеевъ, родились они отъ князей злого начала. Христосъ былъ тѣмъ змѣемъ, который открылъ людямъ познаніе добра и зла, и онъ же на землѣ освободилъ душу, не тѣло, самъ явился не во плоти, а только въ ея подобіи. Наконецъ, Богъ, глаголавшій Моисею, не истинный Богъ, но одинъ изъ князей тьмы. Крещеніе не приноситъ съ собою спасенія. Манихеи молятся днемъ солнцу, ночью лунѣ, или на Востокъ, и откуда солнце приходитъ.

Авторъ главнаго историческаго сообщенія о ереси богумильской Евѳимій Зигабенъ въ гл. 27 опредѣляетъ эту ересь, по его словамъ, обнаруженную только при Алексѣѣ Комнинѣ, но по его мнѣнію, коренивніуюся еще въ древности, какъ „часть еретическаго ученія масаліановъ“, овладѣвніую умами (ἐβλάστησεν) во времена Валентиніана и Валента. Это имя[1] будто бы обозначало

---

[1]) См. тамъ же изложеніе ереси масаліанъ въ главѣ 26, p. 1273—89. У Августина: мессаліане, по списку Епифанія, послѣдняя, но стоявшая въ связи съ сектами евфемитовъ, мартиріанъ и сатанаиловъ. существуетъ и версія имени псалліановъ, но ошибочная.

„молитвенники" (евреты). Но, частное, особенное ихъ наименованіе энтузіасты, ибо, по ихъ словамъ, они воспринимаютъ наитіе Св. Духа. Тѣ, которые усвоиваютъ себѣ вполнѣ такія свойства, отворачиваются отъ всякой ручной работы и предаются сну, ибо во снѣ получаютъ внушеніе. Изъ книги, составленной ихъ учителями: Адельфаномъ, Флавіаномъ изъ Эдессы, узнаемъ, говоритъ Евѳимій, что три ипостаси Божьи они, по сабелліевой ереси, соединяютъ въ одну, и считаютъ, что Божеская природа воспріемлетъ всякую, достойную ея, душу, а затѣмъ все сотворенное способно мѣнять свою природу. И потому ангелы могли быть благими и злыми духами. Богъ неизмѣняемъ и недвижимъ и безконеченъ. По ихъ богохульному ученію Слово и сѣмя пали въ лоно Богоматери, чѣмъ воспринимается ересь павликіанъ[1], принявшихъ ученіе о божественномъ тѣлѣ Іисуса Христа, принесенномъ съ неба. Масаліане отрицали крещеніе, какъ очищеніе грѣховъ, считали, что отъ праотца Адама люди несутъ рабство у демоновъ и сожительство съ ними, и не можетъ святое крещеніе изгнать изъ нихъ демона. Но, когда изгнанъ злой духъ, въ человѣка вселяется Св. Духъ и водворяетъ въ немъ безстрастіе монаха, его безучастіе къ жизни, дѣятельности и работѣ.

По изложенію Зигабена, масаліане особенно изощряли свой условный пессимизмъ, построенный на двойственности человѣческой натуры и души. По ихъ мнѣнію именно демонъ управляетъ жизнью людей и люди охотно ищутъ ига демонскаго. Даже и сами апостолы не были свободны отъ власти демонской. Въ человѣкѣ разомъ живутъ (συνοικοῦσιν) и Святой Духъ и демонъ; какъ и доселѣ христіане многихъ странъ убѣждены, что за правымъ плечомъ у человѣка стоитъ ангелъ хранитель, а за лѣвымъ дьяволъ, и оба наготовѣ. Природѣ свойственно зло—стало быть, грѣхъ. Но тѣ, кто достигъ безстрастія, переходятъ уже въ божескую природу, и они въ силахъ чувствовать ипостась Св. Духа „въ полнотѣ". Человѣкъ долженъ имѣть двѣ души (ученіе, идущее еще изъ древняго Египта) обыкновенную, общую всѣмъ, и другую небесную. Презирая трудъ и чуждаясь работы, чуждаются бѣдныхъ, считаютъ блаженными только юродивыхъ (πτωχοὺς τῷ πνεύματι). Отвергаютъ бракъ, разрѣшаютъ вырѣзывать половыя части.

Возможно однако, что масаліане были только вѣтвью крупной секты павликіанъ или манихеевъ, но подъ руководствомъ новаго вождя, какъ и указанныя секты мартиріанъ (поминавшіе казненнаго вождя), или же подъ новымъ прозвищемъ, каково имя „сатаніанъ". Несомнѣнно восточное, точнѣе, переднеазіатское (верхняя Месопотамія, Арменія, Сирія) происхожденіе этихъ сектъ, дробившихся уже на мѣстѣ, въ Эдессѣ, Мелитенѣ, Самосатѣ, Антіохіи, и далѣе въ Малой Азіи, Понтѣ и Памфиліи. Возможно, что подъ этимъ вліяніемъ возникло и обиліе монашескихъ общинъ по югу Малой Азіи, указываемое еще паломницею Еѳеріею конца IV вѣка, и ораторій-моленъ-часовенъ въ этихъ частяхъ Азіи и ближайшемъ Египтѣ. Возможно, наконецъ, что почетныя прозвища этихъ сектантскихъ общинъ послужили впослѣдствіи источникомъ названія Катаратовъ, Катаръ и пр.

Девятый вѣкъ былъ временемъ подъема и оживленія всей Восточной Европы, т. е. славянства, впервые освободившагося отъ ига кочевниковъ, когда ослабѣло и пало царство Аварское, равно ушли послѣдніе Гунны на Балканы, осѣли

---

[1]) Тамъ же, титулъ 24, p. 1215 и слѣд.

въ Бессарабіи Угры, и началось стремленіе славянства къ организаціи и просвѣщенію и выразилось оно, понятно, въ присоединеніи къ христіанству. Важнѣйшее проявленіе этого сознанія находимъ въ знаменитыхъ Паннонскихъ житіяхъ Константина и Меѳодія[1] Въ гл. XVI житія Константина читаемъ, что онъ на обратномъ пути въ Римъ, не рѣшаясь, видимо, туда придти, проживалъ въ Венеціи, и вотъ тамъ „собрались на него епископы и попы и черноризцы, какъ вóроны на сокола, и воздвигли триязычную ересь" (священныя книги достойны быть только на языкахъ еврейскомъ, греческомъ и латинскомъ). Философъ отвѣчалъ имъ: „дождь идетъ отъ Бога на всѣхъ равно... Мы знаемъ много нарóдовъ книжныхъ и Богу славу воздающицъ, каждый на своемъ языкѣ явѣ же суть си: арьмени, перьси, абазьги, авери, соугди, готьѳи, обри, тоурьси, козари, аравляне, егхпьти, и соури и ини мнози". Подъ послѣдними онъ разумѣлъ многихъ славянъ. Уже подъемъ славянъ: моравовъ, словѣнъ, сербовъ, болгаръ, полянъ кіевскихъ, паннонскихъ и т. д. возбудилъ вниманіе Запада и не одни только книгочии и фарисеи обезпокоились переводами, появившимися въ разныхъ мѣстахъ. Самъ Константинъ, на путяхъ къ Хазарамъ, придя въ Херсонъ, „обрѣтъ ту Евангеліе и Псалтырь росьскы писмены писано и чловѣка обрѣтъ глаголюща тою бесѣдою и силу рѣчи приемъ, разлучи писмена гласьная и сьгласьная". Но, продолженіе этой бесѣды находится уже въ житіи Меѳодія, какъ исторія его посвященія на епископство въ Панноніи (въ Срѣмѣ) у Коцеля:[2] рядомъ съ покровительствомъ папы Адріана злобная оппозиція мѣстнаго латинскаго духовенства, враждебное отношеніе со стороны германскихъ властей, ссылка въ заточеніе въ Швабію (Баварію) на два съ половиною года, возвращеніе къ Святополку моравскому и предсмертное указаніе Меѳодія на ученика своего Горазда, какъ на преемника, вмѣсто котораго, однако, былъ посвященъ клеветникъ и главный врагъ его еп. Вихингъ. Словомъ, исторія девятаго вѣка характеризуется именно культурнымъ оживленіемъ большинства европейскихъ странъ, выражавшимся, между прочимъ, въ пропагандѣ, сношеніяхъ, а также въ набѣгахъ и интригахъ, съ опредѣленнымъ политическимъ смысломъ...

---

[1]) Н. В. Ястребовъ. Сборникъ источниковъ исторіи Кирилла и Меѳодія. 1911. Тодоровъ-Баланъ. Кирилъ и Методи. София 1920.

[2]) Возможно, конечно, что житіе преувеличило благожелательность папы Адріана къ посвященію Меѳодія, и равно, противодѣйствіе латинскаго духовенства.

ГРАФИНЯ ПРАСКОВЬЯ СЕРГѢЕВНА УВАРОВА

COMTESSE P. S. OUVAROVA

Souvenir et Hommage!

Ce fut en 1889, au congrès russe d'Archéologie, que j'eus l'honneur d'être présenté à Madame la Comtesse Ouvaroff, née Princesse Scherbatoff. Veuve d'un savant et éminent archéologue, elle en avait été la zélée collaboratrice. Les œuvres du Comte font autorité. Grande fût son activité; il fonda le Musée historique de Moscou et inaugura la série des congrès russes d'archéologie dont le succès alla toujours grandissant. La Comtesse hérita de son époux, non seulement d'inestimables collections, mais aussi d'une compétence accomplie en matière scientifique. La mémoire de son mari, jointe à la glorification de son labeur fructueux, devinrent l'objet et le but de sa vie. Le congrès de Moscou débuta par une cérémonie religieuse au couvent Novo Dévitché sur la tombe du fondateur de la Société Impériale d'Archéologie dont il avait été l'âme et le génie. Lors de ce suprême hommage, de nombreux savants entouraient celle qui incarnait et perpétuait les vœux du défunt.

Qui a connu Prascovia Serguievna Ouvarova a été frappé par son aspect imposant, certes, mais d'une simplicité grandiose caractérisée par un port et une prestence pleins de noblesse native. Elle produit l'impression d'une grande dame, sans s'en douter, et impose le respect. Aux hommages, elle répond par des paroles gracieuses et bienveillantes. Elle est toujours la même femme d'élite, tout naturellement sans contrainte et sans apprêt; à la cour, au palais, dans son salon, à la présidence d'assemblées savantes. Toujours la même vis à vis des hauts personnages, de la famille impériale, des hommes de science, des nobles, des paysans. des fonctionnaires.

De tous elle obtient par son aménité ce qu'elle veut pour la grandeur de son œuvre scientifique et nationale. Les traits de son visage reflètent l'empreinte de la volonté accentuée par l'expression de ses lèvres. Son nez fin et droit est d'une forme académique. La vivacité de son regard, la mobilité de ses yeux, traduisent et soulignent les impressions perçues. Toujours en éveil ils incarnent à la fois la droiture et l'intelligence. Son front large est beau comme un miroir de pensée. L'ensemble de sa physionomie dénote une personnalité ayant de la race. La comtesse avait conservé la coiffure adoptée dès sa jeunesse, coiffure de matrone romaine harmonisée à la tenue de sa tête; elle consiste en deux bandeaux séparés par une raie et surmontés d'une natte formant diadème.

Il serait trop long d'analyser ici et de célébrer la carrière de la comtesse. Avec une grande énergie elle fit au Caucase d'importantes explorations et rapporta, de chacune d'elles, de riches collections, ainsi que les matériaux de superbes publications luxueusement éditées grâce aux magnificences par elle obtenues de la famille impériale.— Comment refuser à qui sait intéresser les grands à de grandes choses!

Elle éprouvait une réelle satisfaction quand des étrangers s'intéressaient à l'étude de sa chère patrie. Si on lui exprimait le regrêt que ses publications ne soient pas accompagnées d'un résumé en langue française elle répondait invariablement: »que ceux qui s'intéressent à nos travaux apprennent notre langue, nous en serons charmés.« Elle eut voulu que sa langue nationale fût répandue à l'égal du français, de l'anglais, de l'allemand, de l'italien.

Admiratrice et puissante protectrice des anciens monuments de sa patrie, ses sentiments s'étendaient à ceux des autres pays. Dès le début de la guerre mondiale, elle s'intéressa au sort des édifices menacés et ruinés par la barbarie germanique. Elle partageait les angoisses et l'indignation des régions dévastées. Un beau jour de 1915 elle vint me trouver au Musée Historique, où je travaillais, me priant de préparer une conférence sur les désastres accumulés et de jour en jour plus cruels. Elle me donnait pour effectuer ce travail dix jours seulement. La tâche était difficultueuse et la demande prenait la forme d'un ordre. A la date fixée, un soir, se tint, dans la maison hospitalière de la comtesse, une séance solennelle de la Société impériale d'archéologie de Moscou. Les auditeurs accoururent si nombreux que seuls ceux qui vinrent bien avant l'heure indiquée purent entrer. Extrême fut mon émotion quand je pris la parole et cette émotion fut communicative; elle atteignit son paroxisme quand je fis le parallèle du roi de Belgique, le martyr, et de l'empereur d'Allemagne, le bourreau! L'assistance frémissante se leva en un geste spontané plein d'une grandeur indescriptible.

Je ne revis la comtesse qu'en 1917 alors que pour la sauver ses enfants l'obligèrent à quitter sa bien-aimée ville de Moscou et sa patrie. Ce fut un déchirement de son cœur. Le départ, l'exil inaugurèrent une période de sacrifices et de dures épreuves. Elle se réfugia en Serbie où, pour subvenir à son existence, elle dut travailler entourée des soins dévoués de ses deux filles. Là, dans un âge avancé, elle écoula ses vieux jours soutenue par ses croyances religieuses et formant des vœux pour le salut de son pays natal vers lequel son âme allait bientôt s'envoler. Proscrite, endeuillée par le massacre de nombreux proches, elle avait choisi l'hospitalière Serbie. Sa foi, sa résignation furent les forces morales qui la soutinrent jusqu'à la fin. Une douce transition des tristesses de l'exilée d'ici bas, vers le repos bien mérité de la chrétienne, précéda le moment suprême. La mort ne disputa pas à la vie celle dont la vieillesse avait connu tous les sacrifices; elle s'endormit dans le Seigneur.

Mis de Baye.

Графиня Прасковья Сергѣевна Уварова родилась въ 1840 г. въ родовомъ имѣніи своего отца, князя Сергѣя Александровича Щербатова, „Бобрики", въ Харьковской губерніи, гдѣ среди мирной старо-дворянской обстановки и протекли ея дѣтскіе и дѣвичьи годы. По обычаю того времени училась княжна дома подъ руководствомъ матери и гувернантокъ, и только, когда въ 40-хъ годахъ семья Щербатовыхъ переѣхала въ Москву для помѣщенія мужской молодежи въ гимназіи и университетъ, стала брать уроки у проф. Ѳ. И. Буслаева по русской литературѣ и исторіи русскаго искусства. 19-ти лѣтъ княжна Прасковья Сергѣевна вышла замужъ за гр. А. С. Уварова, бывшаго тогда помощникомъ попечителя московскаго учебнаго округа и составившаго уже себѣ имя

Гр. П. С. Уварова.

ученаго археолога. Послѣ женитьбы гр. Алексѣй Сергѣевичъ немедленно вышелъ въ отставку и уѣхалъ съ женой на 2 года заграницу, гдѣ занялся подготовкой матеріаловъ для своего труда по христіанской символикѣ. Съ этой цѣлью Уваровы объѣхали почти всю Италію, побывали въ Парижѣ и Лондонѣ, и молодая графиня подъ ученымъ руководствомъ мужа ознакомилась почти со всѣми сокровищами искусства на Западѣ. Талантливая ученица скоро превратилась въ дѣятельную помощницу основателя нашей научной археологіи, и совмѣстная работа супруговъ Уваровыхъ продолжалась и впослѣдствіи по возвращеніи въ Россію, какъ въ области научной (см. предисловіе — посвященіе въ книгѣ гр. А. С. Уварова: „Археологія Россіи. Каменный періодъ"), такъ и общественной, особенно въ дѣлѣ учрежденія Москов. Археолог. Общества (1864). Поэтому вполнѣ понятно, что послѣ смерти гр. А. С. Уварова предсѣдателемъ Общества была избрана графиня Прасковья Сергѣевна, безсмѣнно несшая эти обязанности до конца своей жизни.

Имя графини П. С. Уваровой неотдѣлимо отъ исторіи русской археологіи за послѣдніе 50 лѣтъ. Еще при жизни мужа начала она свое служеніе наукѣ о древностяхъ, а съ 1884 г., когда графиня П. С. Уварова сама стала во главѣ Москов. Арх. О-ва, въ продолженіе 40 лѣтъ развертывается блестящая, чрезвычайно разнообразная и многогранная дѣятельность этой замѣчательной русской женщины, — дѣятельность, доставившая ей не только признаніе современниковъ и сверстниковъ по археологической работѣ въ Россіи, но и извѣстность въ научныхъ кругахъ зап. Европы, и въ частности большую популярность у московскаго населенія. Послѣднему способствовала неуклонная и твердая борьба, которую вела гр. П. С. Уварова за охрану древнихъ памятниковъ Москвы.

Съ громадной энергіей, знаніемъ и любовью къ дѣлу несла графиня П. С. Уварова свои обязанности предсѣдателя Москов. Арх. О-ва. Той большой и существенной работой, которую могло выполнить Московское Общество въ дѣлѣ развитія у насъ археологическихъ знаній и объединенія на этой почвѣ разнообразныхъ научныхъ силъ, оно обязано указаннымъ свойствамъ своей предсѣдательницы. Ни одна сторона дѣятельности этого общества не проходила безъ непосредственнаго участія гр. П. С. Уваровой, начиная съ научныхъ экспедицій до редактированія и изданія ученыхъ трудовъ (см. ст. Д. Н. Анучина: „Гр. П. С. Уварова въ ея служеніи наукѣ о древностяхъ на посту предсѣдателя Имп. Москов. Арх. Общ.", въ „Сборникѣ Уваровой"). Организаціонный талантъ гр. П. С. Уваровой особенно проявился въ дѣлѣ подготовки и проведенія всероссійскихъ археологическихъ съѣздовъ, иниціаторомъ которыхъ былъ еще гр. А. С. Уваровъ. Начиная съ VII съѣзда въ Ярославлѣ (1887 г.), всѣ послѣдующіе происходили подъ непосредственнымъ руководствомъ графини. Едва ли нужно говорить о томъ громадномъ значеніи, какое имѣли эти съѣзды для отечественной археологіи (см. С. А. Жебелев, Введение в археологию, ч. I, Петроград, 1923, стр. 123) и о той огромной предварительной работѣ, которая падала на Москов. Арх. О-во, въ лицѣ ея предсѣдательницы.

Помимо чисто организаціонной и научно-общественной работы, экспедицій и раскопокъ, охраны памятниковъ старины, графиня П. С. Уварова вела и самостоятельную научную работу и оставила большое литературное наслѣдство. Въ вышедшемъ въ 1915 г. сборникѣ „Императорское Московское Археологическое Общество въ первое пятидесятилѣтіе его существованія (1864—1914)"

приведенъ списокъ трудовъ гр. П. С. Уваровой — всего ею напечатано 174 работы, представляющія собой изслѣдованія и статьи по разнымъ вопросамъ археологіи, среди которыхъ имѣются такія монументальныя изслѣдованія, какъ „Могильники сѣв. Кавказа" (Мат. по арх. Кавказа, вып. 8, М. 1900), или „Кавказъ. Путевыя записки" (3 т. т., М. 1887—1904), или „Христіанскіе памятники" (Мат. по арх. Кавказа, в. 4. М. 1894).

Кругъ дѣятельности гр. П. С. Уваровой не ограничивался только влеченіемъ къ старинѣ и связаннымъ съ ней областямъ знанія и практической работы. Ея письма къ барону Корфу (см. Рус. Старина, 1894, іюль, стр. 163—176) показываютъ, сколь близки были ей и общіе вопросы народнаго образованія, въ области котораго также необходимо отмѣтить выдающуюся дѣятельность графини Прасковьи Сергѣевны.

Гр. П. С. Уварова состояла почетнымъ членомъ многихъ русскихъ и заграничныхъ ученыхъ учрежденій и обществъ, и, между прочимъ, была членомъ нашей Академіи Наукъ (съ 1895 г.) и почетнымъ членомъ Импер. Московскаго Университета.

На долю гр. П. С. Уваровой, какъ и ея мужа, выпала счастливая возможность быть одновременно и работникомъ науки и ея меценатомъ. Въ благородномъ стремленіи служить на пользу русской науки, она не останавливалась передъ затратами собственныхъ денежныхъ средствъ, и въ этомъ отношеніи слѣдовала примѣру своего мужа. Въ московскихъ музеяхъ (Историч., Румянцевскомъ и др.) хранится не мало вещей и цѣнныхъ коллекцій, собранныхъ и пожертвованныхъ гр. Уваровыми, такъ же какъ и многія дорогія изданія Москов. Арх. О-ва печатались на ихъ средства.

Послѣдніе свои годы гр. П. С. Уварова провела въ изгнаніи, пользуясь гостепріимствомъ сербскаго народа и денежной поддержкой мин. иностр. дѣлъ Чехословацкой Республики. Скончалась гр. П. С. Уварова въ юго-славянскомъ мѣстечкѣ, въ посадѣ Добра въ Цельи, на 84 году жизни. Въ могилу, согласно желанію покойной, была положена горсть родной земли, которую она привезла съ собой изъ Россіи. До самаго послѣдняго момента продолжала графиня работать въ излюбленной области и писала исторію Москов. Арх. О-ва. На обязанности русскихъ ученыхъ учрежденій и всѣхъ тѣхъ, кому дороги слава и честь родной земли, — позаботиться о томъ, чтобы этотъ послѣдній трудъ нашей знаменитой соотечественницы не затерялся на чужбинѣ подобно тому, какъ погибла во время нашей разрухи ея большая работа: „Описаніе миніатюръ грузинскихъ Евангелій XV и XVI вв.", законченная въ 1917 г. въ Ессентукахъ.

А. Калитинскій.

АКАДЕМИКЪ Ѳ. И. УСПЕНСКІЙ

Въ 1925 г. исполнилось 80 лѣтъ со дня рожденія одного изъ крупнѣйшихъ современныхъ византинистовъ Ѳеодора Ивановича Успенскаго; въ 1927 году исполняется 55-лѣтіе со времени напечатанія перваго ученаго труда Ѳ. И. Успенскаго.

Ѳ. И. Успенскій родился 7 февраля 1845 г. отъ родителей духовнаго званія въ погостѣ Горки Галицкаго уѣзда Костромской губерніи. Обучался въ Галицкомъ Духовномъ Училищѣ, а затѣмъ въ Костромской Духовной Семинаріи, курсъ которой окончилъ въ 1866 г. Въ 1867 г. Ѳ. И. Успенскій поступилъ на историко-филологическій факультетъ С.-Петербургскаго Университета, курсъ котораго окончилъ въ 1871 г. По окончаніи курса Ѳ. И. оставленъ былъ при Университетѣ для подготовки къ профессорскому званію по каѳедрѣ всеобщей исторіи. Въ 1872 г. напечатана была его работа „Первыя славянскія монархіи на сѣверо-западѣ".

Въ 1874 г. Ѳ. И. защитилъ диссертацію на степень магистра всеобщей исторіи („Византійскій писатель Никита Акоминатъ изъ Хонъ", СПб., 1874). Послѣ этого Ѳ. И. былъ назначенъ доцентомъ по каѳедрѣ всеобщей исторіи въ Новороссійскій Университетъ. Въ Одессѣ Ѳ. И. провелъ 20 лѣтъ, работая преимущественно въ области византиновѣдѣнія. Въ Запискахъ Новороссійскаго Университета (т. XXVII) была напечатана докторская диссертація Ѳ. И-ча „Образованіе второго болгарскаго царства" (Одесса, 1879 г.). По защитѣ диссертаціи Ѳ. И. получилъ званіе экстраординарнаго, а затѣмъ ординарнаго профессора Новороссійскаго Университета.

Въ 1894 г. Ѳ. И. Успенскій былъ назначенъ директоромъ вновь открытаго Русскаго Археологическаго Института въ Константинополѣ (Ѳ. И. еще ранѣе принялъ участіе въ разработкѣ проекта этого Института). Дѣятельность Ѳ. И. въ качествѣ директора Археологическаго Института имѣетъ громадное значеніе для науки византиновѣдѣнія. Ѳ. И-чу удалось собрать въ Константинополѣ значительное число рукописей по византиновѣдѣнію; библіотека Русскаго Археологическаго Института сдѣлалась одною изъ лучшихъ библіотекъ по византиновѣдѣнію. Среди археологическихъ изслѣдованій и раскопокъ, предпринятыхъ Институтомъ, особою извѣстностью пользуются раскопки столицы древнихъ болгарскихъ царей (Абоба-Плиска въ Болгаріи). Издававшіяся Ѳ. И. Успенскимъ „Извѣстія Русскаго Археологическаго Института въ Константинополѣ" наряду съ „Византійскимъ Временникомъ" заняли почетное мѣсто среди міровой повременной литературы по византиновѣдѣнію.

Труды Ѳ. И-ча рано обратили на себя вниманіе Академіи Наукъ. Въ 1893 г. Ѳ. И. былъ избранъ членомъ-корреспондентомъ Академіи Наукъ, а въ 1900 г. — ординарнымъ академикомъ.

Длинный рядъ спеціальныхъ работъ и изслѣдованій Ѳ. И. Успенскаго по византиновѣдѣнію заключился капитальнымъ обобщающимъ трудомъ „Исторія Византійской Имперіи". Къ сожалѣнію изданъ былъ только I томъ этой исторіи въ 1913 г. Слѣдующіе тома остаются въ рукописи и не могутъ быть изданы при настоящихъ условіяхъ русскаго книжнаго рынка.

Для спеціальныхъ работъ Ѳ. И. Успенскаго по византійской исторіи характеренъ интересъ и вкусъ Ѳ. И-ча къ соціальной и экономической исторіи Византіи. Одинъ изъ первыхъ, Ѳ. И. углубился въ эту область и достигъ въ ней блестящихъ результатовъ.

Ѳ. И. Успенскій — младшій современникъ В. Г. Васильевскаго. Два эти имени возглавляютъ собою науку византійской исторіи въ Россіи.[1]

Г. Вернадскій.

СЕРГѢЙ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ ЖЕБЕЛЕВЪ

Въ прошломъ 1925 г. исполнилось 35 лѣтъ научно-педагогической дѣятельности проф. С. А. Жебелева, хотя собственно его ученая работа началась еще раньше, въ 1889 г., когда появилась его первая печатная работа: „Къ исторіи діадоховъ" (Ж. М. Н. П. ноябрь, отд. класс. фил., стр. 13—32). Группа друзей и учениковъ отмѣтила эту дату поднесеніемъ проф. С. А. Жебелеву сборника своихъ трудовъ. Сборникъ рукописный, изготовленъ всего лишь въ 4-хъ экземплярахъ и кромѣ юбиляра имѣется еще въ библіотекахъ Эрмитажа, Петроградскаго Университета и Румянцевскаго Музея въ Москвѣ. Но о содержаніи его можно судить по краткому Exposé sommaire (Recueil-Gebélev), изданному Гос. Ак. Ист. Мат. Культ. въ 1926 г. И составъ участниковъ, и ихъ число, и темы ихъ работъ говорятъ объ обширномъ и разнообразномъ кругѣ ученыхъ спеціалистовъ, причастныхъ къ наукѣ о древности, которыхъ объединило имя С. А., и свидѣтельствуютъ тѣмъ самымъ о многосторонности и богатствѣ научной дѣятельности самого юбиляра, привлекшаго ихъ благодарныя симпатіи. Нѣкоторыя изъ работъ сборника въ честь С. А. Жебелева печатаются въ настоящемъ выпускѣ »Seminarii Kondakoviani«.

Нѣтъ возможности даже и пытаться въ краткой замѣткѣ сколь либо полно охарактеризовать обширную и разностороннюю научную дѣятельность С. А. И. И. Толстой (во вступительномъ очеркѣ къ списку трудовъ С. А.) такъ опредѣляетъ „два различныхъ уклона изслѣдовательскаго вниманія Жебелева — ученаго", обозначившіеся съ самаго начала его научной работы: 1) „интересъ къ политической исторіи Греціи времени послѣ Александра Великаго, эпохи т. н. эллинизма"; и 2) „спеціальный интересъ къ явленіямъ сакрально-бытового порядка въ жизни древней Эллады".

---

[1]) Семинарій имени Н. П. Кондакова — въ лицѣ своихъ членовъ Н. М. Бѣляева, Г. В. Вернадскаго, А. П. Калитинскаго и Н. П. Толля — принялъ участіе въ Сборникѣ издаваемомъ въ честь Ѳ. И. Успенскаго на французскомъ языкѣ профессоромъ Gabriel Millet.

С. А. Жебелевъ.

Длинный рядъ спеціальныхъ работъ и изслѣдованій Ѳ. И. Успенскаго по византиновѣдѣнію заключился капитальнымъ обобщающимъ трудомъ „Исторія Византійской Имперіи“. Къ сожалѣнію изданъ былъ только I томъ этой исторіи въ 1913 г. Слѣдующіе тома остаются въ рукописи и не могутъ быть изданы при настоящихъ условіяхъ русскаго книжнаго рынка.

Для спеціальныхъ работъ Ѳ. И. Успенскаго по византійской исторіи характеренъ интересъ и вкусъ Ѳ. И-ча къ соціальной и экономической исторіи Византіи. Одинъ изъ первыхъ, Ѳ. И. углубился въ эту область и достигъ въ ней блестящихъ результатовъ.

Ѳ. И. Успенскій — младшій современникъ В. Г. Васильевскаго. Два эти имени возглавляютъ собою науку византійской исторіи въ Россіи.[1]

Г. Вернадскій.

СЕРГѢЙ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ ЖЕБЕЛЕВЪ

Въ прошломъ 1925 г. исполнилось 35 лѣтъ научно-педагогической дѣятельности проф. С. А. Жебелева, хотя собственно его ученая работа началась еще раньше, въ 1889 г., когда появилась его первая печатная работа: „Къ исторіи діадоховъ“ (Ж. М. Н. П. ноябрь, отд. класс. фил., стр. 13—32). Группа друзей и учениковъ отмѣтила эту дату поднесеніемъ проф. С. А. Жебелеву сборника своихъ трудовъ. Сборникъ рукописный, изготовленъ всего лишь въ 4-хъ экземплярахъ и кромѣ юбиляра имѣется еще въ библіотекахъ Эрмитажа, Петроградскаго Университета и Румянцевскаго Музея въ Москвѣ. Но о содержаніи его можно судить по краткому Exposé sommaire (Recueil-Gebélev), изданному Гос. Ак. Ист. Мат. Культ. въ 1926 г. И составъ участниковъ, и ихъ число, и темы ихъ работъ говорятъ объ обширномъ и разнообразномъ кругѣ ученыхъ спеціалистовъ, причастныхъ къ наукѣ о древности, которыхъ объединило имя С. А., и свидѣтельствуютъ тѣмъ самымъ о многосторонности и богатствѣ научной дѣятельности самого юбиляра, привлекшаго ихъ благодарныя симпатіи. Нѣкоторыя изъ работъ сборника въ честь С. А. Жебелева печатаются въ настоящемъ выпускѣ »Seminarii Kondakoviani«.

Нѣтъ возможности даже и пытаться въ краткой замѣткѣ сколь либо полно охарактеризовать обширную и разностороннюю научную дѣятельность С. А. И. И. Толстой (во вступительномъ очеркѣ къ списку трудовъ С. А.) такъ опредѣляетъ „два различныхъ уклона изслѣдовательскаго вниманія Жебелева — ученаго“, обозначившіеся съ самаго начала его научной работы: 1) „интересъ къ политической исторіи Греціи времени послѣ Александра Великаго, эпохи т. н. эллинизма“; и 2) „спеціальный интересъ къ явленіямъ сакрально-бытового порядка въ жизни древней Эллады“.

---

[1]) Семинарій имени Н. П. Кондакова — въ лицѣ своихъ членовъ Н. М. Бѣляева, Г. В. Вернадскаго, А. П. Калитинскаго и Н. П. Толля — принялъ участіе въ Сборникѣ издаваемомъ въ честь Ѳ. И. Успенскаго на французскомъ языкѣ профессоромъ Gabriel Millet.

С. А. Жебелевъ.

Однако, этими двумя направленіями далеко не исчерпывается ученая дѣятельность С. А. Очень рано (съ 1893 г.) обратился С. А. къ области чисто археологическаго знанія и далъ рядъ работъ по классической археологіи, затѣмъ по древне-христіанской и наконецъ по исторіи и методологіи археологіи. На трудахъ С. А. въ этихъ послѣднихъ областяхъ я и позволю себѣ нѣсколько остановиться.

Научно-археологическая работа С. А., по его собственнымъ словамъ (см. предисловіе къ Введенію въ археологію, ч. I, стр. 8—9), протекала подъ вліяніемъ и въ постоянномъ общеніи съ Н. П. Кондаковымъ, гр. И. И. Толстымъ, Я. И. Смирновымъ и В. К. Мальмбергомъ, и самъ С. А. считаетъ себя ученикомъ Н. П. Кондакова, прошедшимъ его „археологическую школу".

Свой интересъ и подходъ къ изученію христіанскихъ древностей самъ С. А. характеризуетъ слѣдующимъ образомъ (цитую письмо С. А. Жебелева къ А. П. Калитинскому отъ 10. IV 1926): „и по образованію, и по школѣ, и по вкусамъ я, вѣдь, классикъ; и если послѣднее время балуюсь по части христіанства, то потому, что, съ одной стороны „классики" ведутъ къ христіанству, по-крайней мѣрѣ, до-константиновскому, съ другой стороны, до-константиновское христіанство, какъ правильно замѣтилъ Ed. Schwartz, нельзя понять безъ „классиковъ". Меня, главнымъ образомъ, интересуетъ вопросъ, очень сложный и отвѣтственный, объ отраженіяхъ и преломленіяхъ язычества греко-римскаго въ начальномъ христіанствѣ и съ точки зрѣнія содержанія и съ точки зрѣнія формы, и въ памятникахъ письменныхъ и въ памятникахъ вещественныхъ". Этотъ подходъ къ христіанской древности и, въ частности, древне-христіанской легендѣ сказался въ первой же работѣ С. А. въ этой области (Чудеса св. Артемія. Сборникъ статей, посвященныхъ В. И. Ламанскому, ч. I, стр. 451—474. СПб. 1907). По словамъ цитованнаго уже очерка И. И. Толстого (стр. 9): „въ чудотвореніяхъ христіанскаго святого-цѣлителя С. А. открылъ столь хорошо знакомый ему, по надписямъ Эпидавра, языческій трафаретъ сказаній о чудесахъ исцѣленія, творимыхъ богомъ-врачемъ, Асклепіемъ".

Далѣе слѣдуетъ упомянуть двѣ книжки С. А. Жебелева, изданныя въ 1919 и 1922 г.г., посвященныя одна: Евангеліямъ каноническимъ и апокрифическимъ, другая — Апостолу Павлу и его посланіямъ. Написанныя общедоступно и въ то же время глубоко научно, эти работы несомнѣнно имѣютъ огромное значеніе и для спеціалиста и для рядового читателя, какъ руководство, сжато знакомящее съ положеніемъ научнаго изслѣдованія двухъ важнѣйшихъ группъ памятниковъ древне-христіанской литературы. Съ другой стороны заслуга этихъ книгъ заключается еще и въ томъ, что, просто и ясно излагая точно установленное наукой въ темной еще области возникновенія христіанской легенды, онѣ многихъ научатъ критическому правильному взгляду на кажущіяся иногда весьма заманчивыми теоріи и гипотезы, которыми въ наше время такъ богата именно эта область.

Работы С. А. по древне-христіанскому искусству и археологіи,[1] преслѣдуя имъ

---

[1]) Можно указать статьи: Иконографическія схемы Вознесенія Христова и источники ихъ возникновенія, въ Recueil-Kondakov, Prague 1926, стр. 1—18; связанную съ ней и долженствующую появиться въ Byzantion, но къ сожалѣнію до сихъ поръ не напечатанную, работу »L'enlèvement du Christ«, см. тамъ же, стр. 4, пр. 1; и печатаемую въ настоящемъ сборникѣ, стр. 1—9: Оранта, а также доклады С. А., читанные въ разрядѣ археологіи и искусства ранне-христіанскаго и византійскаго Гос. Акад. Ист. Матер. Культ., см. ниже списокъ докладовъ.

самимъ указанную (см. выше цитату изъ письма) цѣль, всегда чрезвычайно глубоко охватываютъ поставленный вопросъ. Не ограничиваясь лишь изслѣдованіемъ формы, типа или схемы, онѣ устанавливаютъ и излѣдуютъ самое понятіе, вложенное въ ту или иную схему или типъ, будь то событіе и его воспроизведеніе (напр. праздникъ Вознесенія) или характерный жестъ религіознаго значенія (напр. жестъ Оранты). Здѣсь въ смыслѣ метода С. А. Жебелевъ является послѣдователемъ Н. П. Кондакова, который именно съ этой точки зрѣнія подходилъ къ иконографическимъ работамъ. При такомъ подходѣ и самая работа неизмѣнно выходила изъ области узко-иконографической и пріобрѣтала значеніе историко-религіознаго изслѣдованія (напр. Иконографія Богоматери Н. П. Кондакова). И въ этомъ отношеніи С. А. (поскольку намъ позволено судить объ этомъ) ученикъ достойный своего учителя, — его работы открываютъ весьма интересныя новыя стороны того или иного религіознаго понятія ранняго христіанства. Остается только пожелать, чтобы возможно большее количество матеріала (въ смыслѣ темъ и сюжетовъ) подверглось изысканіямъ С. А. и чтобы изъ отдѣльныхъ очерковъ, посвященныхъ частнымъ вопроамъ, сложилась бы большая работа, обнимающая всѣ важнѣйшія темы ранне-христіанской иконографіи.

Не менѣе важна работа С. А. по исторіи и методологіи археологической науки: „Введеніе въ археологію“ (ч. I: Исторія археологическаго знанія; часть II: Теорія и практика археологическаго знанія), далеко оставившая по своему значенію тѣ скромныя заданія, которыя обозначены авторомъ въ его предисловіи. Исторіи русской археологической науки, въ частности, посвятилъ С. А. много труда за долгую цѣпь годовъ. Достаточно бѣгло просмотрѣть списокъ его трудовъ, чтобы убѣдиться съ какой методичностью и самоотверженною послѣдовательностью С. А. слѣдилъ за каждымъ событіемъ археологической науки въ Россіи, какъ онъ отзывался почти на каждое болѣе или менѣе важное сочиненіе въ этой области и отмѣчалъ ученыя заслуги или подводилъ итогъ дѣятельности того или иного ученаго. Поистинѣ приложимо къ С. А. названіе „лѣтописца русской археологической науки“. И въ области методологіи С. А. является послѣдователемъ и исполнителемъ завѣтовъ Н. П. Кондакова, систематизировавъ и обосновавъ то, что было лишь мимоходомъ намѣчено или только практически выработано послѣднимъ. Кондаковъ считалъ наиболѣе совершенною, въ смыслѣ метода, отраслью археологическаго знанія именно науку классической археологіи; изъ подъ пера какъ разъ ея представителя въ лицѣ С. А. Жебелева и вышло строго говоря первое у насъ систематическое изложеніе археологической методологіи.

Въ заключеніе, въ качествѣ матеріала для біографіи, приводимъ сжатую лѣтопись важнѣйшихъ фактовъ жизни С. А. Жебелева:

1867. Род. 10 (ст. ст.) сентября въ СПБ. Отецъ — уроженецъ г. Вереи, Моск. губ., СПБ. 2-й гильдіи купецъ.

1876. Смерть отца. Поступилъ въ приготовительный классъ 2-й СПБ. классической гимназіи, которую окончилъ въ 1886 г. съ серебряной медалью.

1882. Началъ давать частные уроки и давалъ ихъ непрерывно до 1895 г.

1886. Поступилъ на Историко-Филологическій факультетъ СПБ. Университета, гдѣ прошелъ классическое и историческое отдѣленія, занимаясь, гл. обр. у профессоровъ Ѳ. Ѳ. Соколова, В. К. Ернштедта и П. В. Никитина.

1889. Первая печатная работа.

1890. Окончилъ Университетъ и оставленъ при немъ по каѳедрѣ классической филоло-

гіи. Знакомство (осенью) съ Н. П. Кондаковымъ (работа по чтенію корректуръ его „Византійскихъ эмалей").

1891. Опредѣленъ, съ 1 февраля, сверхштатнымъ писцомъ при Музеѣ Древностей Университета и оставался таковымъ до 1 января 1899 г. — Съ 1 сентября поступилъ преподавателемъ исторіи быта въ Центральное Училище Техническаго Рисованія бар. Штиглица и оставался на службѣ до 1 сентября 1903 г.

1892. Избранъ членомъ-корреспондентомъ Русскаго Археологическаго Общества.

1894. Назначенъ, съ 1 октября, профессоромъ исторіи искусствъ въ Акад. Художествъ; читалъ курсы древняго искусства и въ теченіе двухъ лѣтъ также и курсъ средневѣковаго искусства и искусства эпохи Возрожденія; оставался на службѣ въ Академіи до октября 1905 г. — Избранъ дѣйствительнымъ членомъ Русскаго Археологическаго Общества и секретаремъ его Отдѣленія археологіи древне-классической, византійской и западно-европейской; исполнялъ обязанности секретаря до осени 1918 г.; за время секретарства издалъ, подъ своей редакціей, 5 т. т.: „Трудовъ" Отдѣленія и 9 т. т. „Записокъ" Отдѣленія.

1895. Редактировалъ „Сборникъ статей въ честь Ѳ. Ѳ. Соколова."

1896. Командированъ въ Италію.

1898. Сдалъ магистерскія испытанія и защитилъ диссертацію на степень магистра греческой словесности (20 декабря).

1899. Назначенъ, съ 1 января, хранителемъ Музея Древностей и оставался въ этой должности до сентября 1903 г. 1 февраля читалъ вступительную лекцію на тему „Классическая археологія какъ предметъ университетскаго преподаванія" и зачисленъ въ составъ приватъ-доцентовъ по каѳедрѣ классической филологіи. — Лѣтомъ командированъ на югъ Россіи.

1900. Командированъ въ Германію, Англію, Голландію и Данію.

1901. Избранъ членомъ-корреспондентомъ Археологической Комиссіи и д. членомъ Одесскаго Общества Исторіи и Древностей.

1902. Назначенъ, съ 1 сентября, завѣдующимъ Классическимъ Отдѣломъ Журн. Мин. Нар. Просв. и оставался имъ до декабря 1917 г. Редактировалъ 15 т. т. „Сборника статей по классической филологіи" журнала.

1904. Защитилъ (1 февраля) диссертацію на степень доктора греческой словесности. Назначенъ (9 сентября) экстра-ординарнымъ профессоромъ по каѳедрѣ классической филологіи.

1905. Командированъ въ Грецію и М. Азію. Съ конца года по конецъ 1909 г. исполнялъ обязанности секретаря Ист.-Филол. факультета.

1907. Редактировалъ »Victoris Jernstedt opuscula.«

1908. Командированъ въ Италію.

1909. Избранъ преподавателемъ, а затѣмъ профессоромъ Историко-Филологическаго Института въ СПБ. и занималъ эту должность до 1920 г.

1910. Избранъ членомъ Академіи Художествъ. — Редактировалъ „Труды Ѳ. Ѳ. Соколова."

1912. Командированъ въ Германію.

1913. Избранъ ординарнымъ проф. Университета.

1914. Избранъ членомъ-корреспондентомъ Академіи Наукъ.

1918. Избранъ (1 ноября) деканомъ Истор.-Фил. факультета. — Избранъ (1 сентября) предсѣдателемъ Совѣта Эрмитажа и состоялъ имъ до 1 января 1920 г.

1919. Избранъ (1 августа) ректоромъ Университета и исполнялъ эти обязанности до 1 октября, когда Университетъ былъ реформированъ. — Избранъ (въ августѣ) членомъ Академіи Ист. Мат. Культуры. — Избранъ (въ январѣ) предсѣдательствующимъ Русскаго Археологическаго Общества и состоялъ имъ въ теченіе $2^1/_2$ лѣтъ.

1923. Избранъ товарищемъ предсѣдателя Акад. Ист. Мат. Культуры.

Въ Университетѣ Сергѣй Александровичъ читалъ курсы: по толкованію различныхъ греческихъ (и отчасти латинскихъ) авторовъ, по исторіи Греціи, по исторіи Рима, по классической филологіи, по исторіи древняго искусства, по греческому государственному праву, по исторіи греческой литературы, по греческой эпиграфикѣ и пр.

Списокъ печатныхъ трудовъ Сергѣя Александровича Жебелева (со вступительнымъ очеркомъ И. И. Толстого) изданъ Комитетомъ популяризаціи художественныхъ изданій при Государственной Академіи Исторіи Матеріальной Культуры въ 1926 г.

Н. Бѣляевъ.

Прага 1926.

25-ЛѢТІЕ НАУЧНО-ЛИТЕРАТУРНОЙ ДѢЯТЕЛЬНОСТИ В. Н. БЕНЕШЕВИЧА

Въ 1901 г. въ Извѣстіяхъ отд. р. яз. и слов. Академіи Наукъ напечатанъ былъ первый научный трудъ одного изъ выдающихся современныхъ византиновѣдовъ и историковъ церковнаго права В. Н. Бенешевича („Два списка славянскаго перевода Синтагмы Матѳея Властаря, хранящіеся въ Спб. Синодальной Библіотекѣ").

В. Н. Бенешевичъ родился 9-го августа 1874 г. въ г. Друѣ Виленской губ., окончилъ Виленскую I гимназію, а затѣмъ юридическій факультетъ Спб. Университета, при которомъ и былъ оставленъ для подготовки къ профессорскому званію. Съ 1905 по 1921 г. г. читалъ лекціи въ Спб. Университетѣ; съ 1923 г. состоитъ библіотекаремъ Россійской Академіи Исторіи Матеріальной Культуры, а съ 1925 г. также главнымъ библіотекаремъ Гос. Публичной Библютеки по отдѣлу рукописей.

За время 1901—1921 г. г. В. Н. Бенешевичъ совершилъ много поѣздокъ заграницу для изученія греческихъ, славянскихъ и грузинскихъ рукописей въ библіотекахъ Берлина, Мюнхена, Вѣны, Рима, Флоренціи, Венеціи, Неаполя, Аѳона, Константинополя, Аѳинъ, Метеорскихъ монастырей, Смирны, Іерусалима, Каира, Синая. Результатомъ этихъ поѣздокъ явилось громадное собраніе матеріаловъ для исторіи греко-римскаго и славяно-русскаго права.

Помимо заграничныхъ поѣздокъ, В. Н. Бенешевичъ много занимался въ рукописныхъ хранилищахъ и библіотекахъ Петрограда, Москвы и Тифлиса и является въ настоящее время однимъ изъ лучшихъ въ мірѣ знатоковъ греческихъ рукописей.

Углубленное знаніе рукописнаго матеріала проявляется во всѣхъ работахъ В. Н. Бенешевича. Основныя изъ этихъ работъ относятся собственно къ исторіи источниковъ церковнаго права. Таковы труды: „Каноническій сборникъ XIV титуловъ со второй четверти VII в. до 883 г." (Спб. 1905) и „Синагогá въ 50 тит." (Спб. 1914) Обозрѣвая поистинѣ громадный матеріалъ рукописныхъ кодексовъ, работы эти имѣютъ характеръ совершенно основоположный для исторіи церковнаго права.[1]

Первостепенное значеніе имѣетъ также предпринятое В. Н. Бенешевичемъ изслѣдованіе и изданіе т. наз. Ефремовской кормчей — славянорусскаго перевода синтагмы XIV тит. Тарасіевской редакціи. Пока вышелъ I томъ — изданіе самаго текста, какъ славянорусскаго перевода, такъ и греческаго подлинника

---

[1]) Названные труды В. Н. Бенешевича послужили отчасти основою для изслѣдованій нѣмецкихъ ученыхъ г.г. Ed. Schwartz и H. F. Schmid.

(„Древне-славянская кормчая XIV титуловъ безъ толкованій", т. I, Спб. 1906). II томъ — изслѣдованіе — къ сожалѣнію до сихъ поръ еще не изданъ, хотя въ рукописи и вполнѣ готовъ.

Изъ работъ В. Н. Бенешевича, напечатанныхъ за послѣдніе годы, слѣдуетъ отмѣтить „Памятники Синая археологическіе и палеографическіе", вып. I, 1925, съ полнымъ историческимъ перечнемъ путешествій на Синай и литературы о. Синаѣ, а также новый томъ „Описанія греческихъ рукописей монастыря св. Екатерины на Синаѣ" (III 1, 1917).

Въ V томѣ журнала Byzantinisch-Neugriechische Jahrbücher (1926) напечатано изслѣдованіе В. Н. Бенешевича: Die byzantinischen Ranglisten im Kletorologion Philothei und nach den Jerusalemer Hss. zusammengestellt und revidiert; изданіе это представляетъ существенный вкладъ въ научную литературу о Придворномъ Уставѣ Константина Багрянороднаго.

В. Н. Бенешевичемъ сдѣлано уже очень много въ области византиновѣдѣнія. Надо надѣяться, что ему удастся также завершить то, чтó еще не вполнѣ имъ закончено и издать все, уже подготовленное имъ къ печати.

Г. В.

Л. Г. НИДЕРЛЕ

Въ 1926 г. исполнилось 60-лѣтіе со дня рожденія проф. д-ра Л. Г. Нидерле. Редакція настоящаго Сборника считаетъ нужнымъ помѣстить здѣсь выдержки изъ слова проф. Г. В. Вернадскаго на торжественномъ собраніи русскаго Историческаго Общества въ Прагѣ въ честь проф. Л. Г. Нидерле. *Ред.*

Въ 1893 г. вышелъ первый большой трудъ проф. Нидерле Lidstvo v době předhistorické (se zvláštním zřetelem na země slovanské). Черезъ три года трудъ этотъ появился въ русскомъ переводѣ Ѳ. К. Волкова подъ ред. проф. Д. Н. Анучина (съ добавленіями какъ автора, такъ и переводчика и редактора). Въ предисловіи къ русскому изданію Д. Н. Анучинъ слѣдующими словами отмѣтилъ значеніе труда молодого тогда изслѣдователя: „Попытки соединить въ одномъ обзорѣ западную доисторическую старину съ восточною, связать древнѣйшую культуру романо-германской Европы съ соотвѣтственными культурными эпохами славяно-восточнаго міра, можно было ожидать всего скорѣе отъ изслѣдователя изъ западныхъ славянъ, который соединялъ бы въ своемъ лицѣ нѣмецкую эрудицію съ знаніемъ славянскихъ языковъ и древностей и былъ бы знакомъ ближе съ современнымъ состояніемъ русской археологіи. Такой изслѣдователь, дѣйствительно, и нашелся въ лицѣ профессора Пражскаго чешскаго университета д-ра Любора Нидерле, давно уже занимающагося антропологіей и археологіей, хорошо знакомаго съ древностями своей родины, равно какъ и съ литературой и музеями Зап. Европы, но вмѣстѣ съ тѣмъ ознакомившагося обстоятельно и съ доисторическими древностями Россіи, какъ путемъ изученія русской археологической литературы, такъ и главнѣйшихъ русскихъ музеевъ, обстоятельно осмотрѣнныхъ имъ нѣсколько лѣтъ назадъ".

Трудъ проф. Нидерле являлся не только обзоромъ результатовъ, достигнутыхъ изысканіями другихъ дѣятелей археологической науки, но во многихъ отношеніяхъ былъ самостоятельнымъ изслѣдованіемъ въ новыхъ тогда областяхъ археологическаго знанія.

Самъ проф. Нидерле въ предисловіи къ чешскому изданію 1893 г. такъ опредѣлялъ двѣ задачи свои при написаніи труда: 1. Первая задача — написать книгу доступную для болѣе широкихъ круговъ читателей славянъ, интересующихся своимъ національнымъ прошлымъ. 2. Вторая задача — написать руководство для тѣхъ, которые хотятъ углубиться въ археологическую науку.

Обѣ эти задачи слѣдуетъ признать блестяще разрѣшенными. Что касается второй изъ нихъ, то въ этомъ отношеніи можно сослаться на роль также и русскаго перевода книги Нидерле. „Человѣчество въ доисторическія времена" сдѣлалось учебникомъ, по которому нѣсколько поколѣній русскихъ археологовъ изучало первобытную археологію и сдавало ее на экзаменѣ въ университетѣ (такъ по крайней мѣрѣ дѣло обстояло въ Московскомъ Университетѣ въ преподаваніи Д. Н. Анучина)...

Составившее эпоху въ доисторической археологіи открытіе черепа въ Неандерталѣ — т. наз. „Неандертальскаго человѣка" относится къ 1856 г., т. е. ко временамъ еще до рожденія проф. Нидерле. Бельгійское открытіе Дюпона — челюсть въ Naulette — падаетъ какъ разъ на годъ рожденія Нидерле (1865). Черезъ три года — открытіе Кро-маньонскаго поселенія первобытнаго человѣка (открылъ Louis Lartet въ 1868 г.). Л. Г. Нидерле родился т. о. какъ разъ въ началѣ „новаго вѣка" науки доисторической археологіи.

Годы выступленія Нидерле на научной аренѣ — конецъ 1880-хъ, начало 1890-хъ годовъ — ознаменованы опять существенными археологическими открытіями (скелетъ въ пещерѣ Spy — province de Namur во Франціи — 1887 г.; „Pithecanthropos" — двѣ кости, открыты Дюбуа на о. Явѣ въ 1891 г.).

Вся эта эпоха — вторая половина XIX и начало XX вѣка — время расцвѣта археологической науки... Среди другихъ ученыхъ трудовъ почетное мѣсто занимаютъ и археологическіе труды проф. Нидерле.

Труды проф. Нидерле отличаются строгимъ методомъ, точностью наблюденія, огромнымъ знаніемъ литературы. „Изумительно широкою" называетъ начитанность Нидерле извѣстный англійскій ученый Ellis H. Minns, авторъ книги о грекахъ и скиѳахъ на югѣ Россіи (1913).

Особое значеніе имѣетъ научная работа проф. Нидерле въ области „Славянскихъ Древностей". Здѣсь въ лицѣ проф. Нидерле чешская наука занимаетъ снова то центральное значеніе, какое она получила въ половинѣ XIX вѣка благодаря трудамъ Шафарика.

Тѣсная связь между именами Нидерле и Шафарика напрашивается сама собою. Для насъ, русскихъ ученыхъ, эта связь закрѣплена авторитетнымъ словомъ покойнаго „архистратига русской археологіи" Н. П. Кондакова.

31 октября 1924 г. въ стѣнахъ этой самой аудиторіи происходило чествованіе Кондакова по случаю его 80-лѣтія. Вы помните, что, отвѣчая на привѣтствіе проф. Нидерле, Кондаковъ именно назвалъ его „преемникомъ Шафарика"...

Г. Вернадскій.

BIBLIOGRAPHIE DE N. P. KONDAKOV (SUPPLÉMENT)[1]

ДОПОЛНЕНІЯ КЪ СПИСКУ ТРУДОВЪ Н. П. КОНДАКОВА[1]

1873

01. *Археологическія корреспонденціи съ Юга Россіи и съ Кавказа (нѣсколько).
Моск. Вѣд. 1873 г. (Автобіогр. II, № 5).

1877

02. *Эстетико-историческій очеркъ древняго искусства. Литографированныя лекціи. Одесса.
(Лазаревъ).

1877—78

03. *Исторія христіанскаго искусства. Литографированныя лекціи, читанныя въ 1877—78 академическомъ году.
(Лазаревъ).

1870-е—1880-е гг.

04. *Исторія искусства въ эпоху Возрожденія. Литографированныя лекціи.
(Лазаревъ).

05. *Исторія древняго искусства. Литографированныя лекціи.
(Лазаревъ).

1881

06. Замѣчанія по поводу реферата Прохорова на II Археологическомъ съѣздѣ.
Труды II Археологическаго съѣзда. СПБ. 1881, вып. 2-й, стр. 42 (Лазаревъ).

1889

07. *Рисунки къ Исторіи греческаго искусства, СПБ. 1889.
Автобіогр. II., № 29.

1893

08. Отзывъ о сочиненіи Д. Ѳ. Бѣляева: Систематическій обзоръ главныхъ частей большого дворца византійскихъ царей.
Зап. И. Русск. Археол. Общ. т. VI, 1893.

1898

09. *Альбомъ Аѳонской экспедиціи. СПБ. 1898.
Автобіогр. II., № 46.

1899

010. Дворецъ въ имѣніи „Дюльберъ" на южномъ берегу Крыма.
Помѣта: „29 іюня 1899 г."
„Искусство и Художественная Промышленность", № 7, стр. 731—734.

1908

011. Рецензія на книги А. А. Павловскаго: Атласъ исторіи древняго искусства (Одесса 1907) и Курсъ исторіи древняго искусства (Одесса 1905).
Журн. Мин. Нар. Просв. 1908 апрѣль, новая серія, ч. 14, стр. 430—433.

1913

012. Рецензія на сочиненіе С. В. Троицкаго: Діакониссы въ православной церкви (СПБ. 1912).
Журн. Мин. Нар. Просв. 1913, янв., нов. сер. ч. 43, стр. 162—167.

1914

013. *Мнѣніе академика Н. П. Кондакова [о „Мадоннѣ Бенуа"], представленное имъ въ Кабинетъ Его Величества.
Бар. Н. Н. Врангель: „Мадонна Бенуа" Леонардо да-Винчи (Спб. 1914), стр. 27—29 (сообщено С. А. Жебелевымъ).

1927

014. О манихействѣ и богумилахъ (отрывки).
(Писаны въ Софіи 1921 и въ Прагѣ 1924—25 гг.) См. въ настоящемъ Сборникѣ стр. 290—301.

015. Воспоминанія и Думы.
(Писаны въ Одессѣ въ апрѣлѣ 1919 г.) Изданы въ Прагѣ въ 1927 г. (Mémoires de N. P. Kondakov. Seminarium Kondakovianum. Prague 1927).

---

[1]) Voir: Recueil N. P. Kondakov, Prague 1926, pp. XXXIV—XL.

Поправка.

Въ спискѣ трудовъ Н. П. Кондакова, напечатанномъ въ Recueil N. P. Kondakov, свѣдѣнія касательно № 60 слѣдуетъ читать:

1899

60. О Бахчисарайскомъ дворцѣ и его реставраціи, статья Н. П. Кондакова.
„Искусство и Художественная Промышленность", № 6, стр. 435—452.

Г. В.

ДОПОЛНЕНІЯ И ПОПРАВКИ КЪ БІОГРАФІИ Н. П. КОНДАКОВА[1]

По поводу списка учениковъ Н. П. Кондакова Петербургскаго періода его дѣятельности (Recueil N. P. Kondakov, стр. XVII) слѣдуетъ замѣтить, что

1. А. Н. Щукаревъ и А. А. Павловскій кончили курсъ Петербургскаго Университета, когда Н. П. былъ въ Одессѣ, оба они слушали лекціи у А. В. Прахова.
2. Б. В. Фармаковскій окончилъ курсъ Одесскаго Университета, когда Н. П. былъ уже въ Петербургѣ; онъ учился у А. А. Павловскаго и Э. Р. Штерна.
3. В. К. Мальмбергъ окончилъ курсъ въ Казанскомъ Университетѣ; Н. П. былъ оппонентомъ на его магистерскомъ диспутѣ.
4. Покойный Б. А. Тураевъ, мой университетскій товарищъ, слушалъ лекціи Н. П-ча, но пошелъ по египтологіи.
5. Г. Ф. Церетели — ученикъ В. К. Ернштедта и пошелъ по филологіи.
6. П. П. Покрышкинъ — воспитанникъ Академіи Художествъ и у Н. П-ча учился лишь „духовно". Строго говоря, учениками Н. П-ча должны считаться Я. И. Смирновъ, Е. К. Рѣдинъ и Д. В. Айналовъ; съ боку-припеку можно отнести къ числу ихъ насъ съ М. И. Ростовцевымъ. — Въ Петербургѣ Н. П. читалъ лекціи съ 1888 по 1892 г., потомъ или былъ въ командировкѣ, или болѣлъ, а затѣмъ и совершенно прекратилъ чтеніе лекцій, когда выслужилъ 30 лѣтъ. Но „духовныхъ" учениковъ у Н. П. было, конечно, много, и среди нихъ лицъ уже болѣе или менѣе почтеннаго возраста, какъ напр. Н. П. Лихачевъ, В. Т. Георгіевскій.

С. Жебелевъ.

ЛИТЕРАТУРА О Н. П. КОНДАКОВѢ

Автобіографіи.

(I) Біографическій словарь профессоровъ и преподавателей Имп. Санктпетербургскаго Университета за истекшую третью четверть вѣка его существованія. 1869—1894. Томъ первый: А—Л (Спб. 1896), стр. 337—339.

(II) Матеріалы для біографическаго Словаря дѣйствительныхъ членовъ Императорской Академіи Наукъ. Часть первая, А—Л (Петроградъ, 1915), стр. 338—342.

Біографическіе очерки и юбилейныя замѣтки

(въ хронологическомъ порядкѣ).

1. А. И. Маркевичъ. Двадцатипятилѣтіе Императорскаго Новороссійскаго Университета.
Записки Имп. Новоросс. Унив. ч. 53 (1890), стр. 302—305.
2. Е. К. Рѣдинъ. Профессоръ Никодимъ Павловичъ Кондаковъ. Къ тридцатилѣтней годовщинѣ его учено-педагогической дѣятельности.
Записки Импер. Русск. Археол. Общества т. IX (Труды отдѣленія археологіи древне-классической, византійской и западно-европейской, книга II) [1896], стр. 1—40.
3. Записка объ ученыхъ трудахъ академика Н. П. Кондакова, составленная академикомъ Л. Н. Майковымъ.
Сборникъ Отдѣленія русск. яз. и слов. ИАН т. 69 (1901), стр. LVI—LXI.
4. Н. В. Покровскій. Кондаковъ Н. П.
Правосл. Богосл. Энцикл. т. XII (1911), стр. 743—758.
5. С. Ж[ебелевъ]. Кондаковъ Н. П.
Новый Энцикл. Словарь Брокгауза-Эфрона т. 22 (s. a.; 1915?) ст. 431—432.
6. Никодимъ Павловичъ Кондаковъ 1844—1924. Къ восьмидесятилѣтію со дня рожденія. Со статьями проф. Л. Нидерле, д-ра Е. Миннса, проф. А. Муньоса, акад. М. И. Ростовцева, проф. С. А. Жебелева и И. И. Толстого.
Прага 1924. 8° (16°), 85 стр.

---

[1]) См. Recueil N. P. Kondakov, Prage, 1926, стр. IX—XXXIII.

7. Г. В. Вернадскій. О значеніи научной дѣятельности Н. П. Кондакова. Къ восьмидесятилѣтію со дня рожденія 1844 — 1. XI. — 1924. Рѣчь, произнесенная на III съѣздѣ русскихъ ученыхъ въ Прагѣ 25 сент. 1924 года.
   Прага 1924. 8°, 16 стр.
8. *В. Н. Златарски. Н. П. Кондаковъ
   Лѣтопись на Българската Академия на Наукитѣ, VI (София 1924), стр. 31—39 (Лазаревъ).
9. J. Ebersolt. M. Nicodime Pavlovitch Kondakov.
   Byzantion. Revue internationale des Études Byzantines, t. I (1924), pp. 1—6.
10. O. Wulff. Begrüßung eines Achtzigjährigen: N. P. Kondakov.
    Belvedere, 1924, 27, S. 73—76.
11. Sarmate. Le savant russe N. P. Kondakov.
    Revue Française de Prague, 1924, № 16, Nov-Déc. pp. 365—368.
    Oslava osmdesátých narozenín prof. Nikodema Pavloviče Kondakova; Prof. Dr. K. Chytil: »O životě a vědecké činnosti jubilantově«.
12. (Отчетъ о торжественномъ засѣданіи устроенномъ въ честь Н. П. Кондакова въ Карловомъ Университетѣ въ Прагѣ 31/X 1924; рѣчь проф. Dr K. Chytil).
    Památky Archeologické, d. XXXIV, seš. 1 a 2 (ročn. 1924—25), v Praze 1924, str. 188—196 (съ французскимъ резюме).
13. E. H. Minns. N. P. Kondakov — the Father of Russian Archaeology (on his eightieth birthday).
    Slavonic Review, vol. III, № 8 (December 1924), pp. 435—437.
14. Л. Милетичъ. Никодимъ Павловичъ Кондаковъ за Македония. (По случай на осемдесетгодишнината му).
    (Четено на 30. IX. 1924 г. въ тържественото засѣдание въ честь на Н. П. Кондаковъ въ историческия клонъ на Българската академия на науkитѣ).
    Македонски Прегледъ. Списание за наука, литература и общественъ животъ издава Македонскиятъ Наученъ Институтъ. Година I, Книга 3. София 1925, стр. 1—16. Французское резюме ibid. стр. 155—157.
15. Виктор Лазарев. Н. П. Кондаков. 1844—1925. Москва 1925. 8° (16°), стр. 47. (Список научных трудов Н. П. Кондакова составлен М. З. Мсерианц и В. Н. Лазаревым).
16. *Д. В. Айналовъ. Академикъ Н. П. Кондаковъ, какъ историкъ искусства.
    (Докладъ въ Акад. Ист. Мат. Культ. 13 января 1925) (не напеч.) (Лазаревъ).
17. G. V. Vernadskij. N. P. Kondakov.
    Recueil d'études dédiées à la mémoire de N. P. Kondakov (Prague 1926), pp. IX—XXXIII.
18. Θ. И. Успенскій. Н. П. Кондаков.
    Известия Академии Наук, 1926.

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИЗСЛЕДОВАНИЯИ РАСКОПКИ В КРЫМУ В 1923—6 ГОДАХ

В последние годы археологические исследования в Крыму возобновились и углубились и дали довольно ценные результаты. Так этнограф-археолог Г. А. Бонч-Осмоловский производил исследования по каменному веку в Крыму при участи проф. Н. Л. Эрнста и других лиц, и в 1923 г. ими были обнаружены в пещере Каш-Каба бл. д. Кипчак Симфероп. у. значительные остатки ископаемых животных (мамонтов, носорогов, и др.) и следы пребывания здесь палеолитического человека. Еще более ценны были раскопки соседней пещеры „Киик-Коба", где в верхнем слое было найдено очень много орудий конца древнего палеолита и началу среднего, культуры Ля-Микок, а в нижнем очажном слое найдены были и немногие кости взрослого человека, именно обеих стоп, и скелет ребенка. Бонч-Осмоловский видит в этих костях представителя неандертальской расы. Геологическое обследование этой пещеры проф. П. А. Двойченка как будто заставляет видеть здесь средний палеолит. Раскопки этих пещер, а также Сюреньских и др. продолжались и в последующие годы, но дали менее ценные результаты — конец палеолита и микролитическую культуру.

Более многочисленны были находки, относящиеся к медному и бронзовому веку, в разных районах предгорного Крыма, м. пр. следы землянки с нишами для хранения запасов, лежанкой для спанья и примитивным очагом и керамикой той эпохи и погребенія в каменных ящиках с костяками в скорченном положении, и с окрашенными костями — весьма распространенный тип погребения в Крыму, в горной степной части, с керамикой характеризующей бронзовый век и начало железа. Эти погребения относятся обычно к началу первого тысячилетия до Р. Хр. и связываются с древнейшими народами, обитавшими в Крыму, — таврами и киммерийцами. Но Н. И. Репников, большой знаток крымских каменных ящиков, производивший раскопки их и в нынешнем году в Байдарской долине, датирует их VII—IV в. до н. э. К бронзовому веку, приблизительно средине 2-го тысячелетия до н. э. относится и представляющая исключительный интерес большая каменная плита, найденная в 1924 г. Н. Л. Эрнстом при раскопке кургана близ Симферополя. Две трети этой плиты со всех сторон испещрены высеченными изображениями каменных орудий — топоров, молотов, жезлов и др. — и людей представляющими, вероятно, пиктографическую надпись. Третья часть, без изображений, была повидимому, вкопана в землю. По всей вероятности эта плита первоначально имела какое-то священное значение, а впоследствии попала в полу кургана более поздней эпохи, где прикрыла детскую могилку.

В Керчи и Херсонесе в последнее время главное внимание было обращено на музейное строительство. В настоящем году в Херсонесе производились и раскопки необследованной еще части южной оборонительной стены, при чем пока обнаружены небольшая базилика и комплекс сооружений военнаго и гражданского характера. Были и небольшие находки. Заведующий древностями Херсонеса проф. К. Э. Гриневич выпустил в свет несколько интересных и полезных трудов по Херсонесу.

Весной этого года производились большие раскопки на городище „Неаполис" у Симферополя, вызванные необходимостью устройства на плато этого городища громадного водосборного бассейна и проведения водопроводных труб в город для снабжения его водой из источника Салгира под Чатырдагом. Раскопки велись планомерно, под руководством проф. П. М. Голландского, Н. Л. Эрнста, П. А. Двойченка и др. Несмотря на то, что все плато городища в течение многих десятков лет было изрыто выборкой из него камня на постройки, известковые заводы и т. д., устройством окопов в лагерное время, а от стен остались только жалкие следы, все-таки раскопки дали ценные результаты. Выяснилось, что стены были кладены из сырцового необтесанного камня насухо и как бы на скорую руку, м. б. в то время,

когда Скилуру и Палаку приходилось защищаться от Диафанта, а поселение представляло ряды небольших и тесно примыкавших друг другу лачужек с очагами, пашенными ямами и т. д. Крупных сооружений не было открыто. Из предметов древности, найденных при раскопках, ясно обнаружились две культуры: более древняя, начала эллинистической эпохи (чернолаковая керамика) и другая поздняя-скифская (грубая красная керамика и пр.). Штемпеля на двух десятках найденных амфорных ручек подтвердили связь торговли нашего городища с Родосом с одной стороны и Ольвией с другой. Найдено много зернотерок, грузил, пряслищ и других мелких предметов, но не добыто ни одной плиты с надписью или каким-либо изображением.

В 1924 г. проф. И. Н. Бороздин производил раскопки близ б. Георгіевского монастыря, в т. наз. „Александриаде"; раскопанные остатки древних сооружений оказались памятниками римской эпохи.

В том же году производились раскопки професс. Бороздиным и А. С. Башкировым близ Бахчисарая, у предместья его Эски-юрт, к которому примыкает обширное кладбище Кырк-Азислар, с разнообразными памятниками. Многие из надписей и орнаментов на памятниках выветрились, но многие хорошо сохранились и представляют большой интерес. Древнейшие памятники относятся к концу XIV и началу XV-го в. Более замечательные из них перевезены в музей при Ханском дворе. В числе памятников имеется несколько хорошо сохранившихся купольных тюрбе (мавзолеев), которые обследованы с архитектурной стороны участником раскопок в Эски-юрте Ус. Боданинским.

Удачное обследование Эски-юрта вызвало решение о необходимости производства археологических исследований и раскопок в Старом Крыму (Эски-Крыме, Салхате), который был первой столицей Крымского Ханства. В 1925 г. образована была целая экспедиция в Ст. Крым, в составе професс. Бороздина, Башкирова, Голландского, Ус. Боданинского и Осм. Акчокраклы. Работы этой экспедиции продолжались и в настоящем году. Прежде всего она решила выяснить площадь Салхата, на всем протяжении его стен, вала и рва, что было довольно трудно (так как во многих местах следы его были очень слабы и еле заметны), но зато имеет большое значение. Далее экспедиция точно выяснила все существующие в Ст. Крыму остатки древних сооружений и нанесла их на план. Затем приступлено было к производству раскопок. Главное внимание обратили на себя развалины большого здания, примыкающие к мечети времени хана Узбека, 1314 г. Это было медрессе, большое и сложной постройки здание. При тщательном расследовании этого здания, еще не законченном, экспедиция вполне выяснила, что оно сооружено египетскими мастерами мамлюкской эпохи, по египетским образцам и приемам. Из отдельных уцелевших частей постройки останавливает на себе внимание великолепный пилон одной из входных дверей. Затем экспедиция занялась обследованием развалин т. наз. дворца, оказавшегося, как предполагал еще пок. В. Д. Смирнов, громадным караван-сараем, свидетельствующим о крупном торговом значении Салхата и тесной связи его с Золотой Ордой в XIII—XIV ст. Обе постройки и в развалинах ясно свидетельствуют о богатстве и высокой культуре этого города в то время. Из других достижений экспедиции надо указать на несколько древних могильных памятников (древнейший 1309 г.) с очень красивым орнаментом, найденных ею на территории города. По всей вероятности, археологические исследования в Ст. Крыму будут продолжаться.

На других археологических работах в Крыму останавливаться не буду. В общем эта работа идет довольно энергично, несмотря на крайнюю скудость средств. Но дела еще много. Особенное внимание обращено теперь на выяснение и полную регистрацию памятников древности в Крыму и составление археологической карты или атласа Крыма.

А. Маркевич.

17/9 1926.
Симферополь.

КЕРЧЕНСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ АРХЕОЛОГОВ

После Новгородского археологического съезда в Новгороде в 1911 г. всероссийских археологических съездов не было. Назначенный на 1914-ый год съезд в Пскове и предположенный областной археологический съезд в Крыму (Севастополе) в 1915 г. не могли состояться по причине всемирной, а потом гражданской войны в России.

Столетие Керченского музея древностей, учрежденного в 1826 г., вызвало в симферопольских научных учреждениях пожелание ознаменовать этот юбилей созывом в этом году археологического съезда в г. Керчи. Эта благая мысль была горячо поддержана Академией Истории Матер. Культуры, сочувственно была поддержана Академией Наук и вызвала согласие Главнауки на ее осуществление, но не в виде съезда, а конференции, с некоторым ограничением времени и программы. Время конференции определено было от 5 до 10 сентября. По формальным причинам конференция не могла иметь всесоюзного характера. Характер и организация конференции были выяснены только к июню месяцу, когда начались и приглашения на нее Главнаукой. Небольшой промежуток времени, остававшийся до конференции и каникулярное время лишили многих лиц возможности принять в ней участие, но несмотря на это конференция вышла удачной и имела характер настоящего археологического съезда во всесоюзном масштабе.

Всего на конференции было 135 делегатов от 73 учреждений и организаций, от 7 республик Союза. Больше всего делегатов прислала Москва (29 дел.). Керчь 21 дел., Симферополь 18, Ленинград 15. Главнаука прислала 11 делегатов, Академия Ист. Матер. Культуры 10, Научно-Исслед. Институт Археологии и Искусствознания в Москве 9. Во все время конференции присутствовал на ней начальник Главнауки Ф. Н. Петров. Председатель конференции был проф. В. А. Городцов. Принимали участие в ней академики Н. Я. Марр, С. Ф. Платонов, В. П. Бузескул, профф. Б. В. Фармаковский, А. А. Спицын, Н. И. Новосадский, И. Н. Бороздин, А. С. Башкиров, П. И. Голландский, Ю. В. Готье, К. Э. Гриневич, П. А. Двойченко, С. С. Дложевский, А. А. Захаров, В. М. Зуммер, И. П. Козловский, ак. А. П. Новицкий, В. А. Пархоменко, Н. Д. Протасов, В. Ф. Смолик, А. И. Федоровский, В. И. Филоненко, А. И. Маркевич, и др. прислал два доклада проф. Д. В. Айналов. Участвовал на конференции и сделал доклад проф. Стокгольмского ун-та Арне.

Конференция разделялась на четыре секции: доисторическую, ирано-эллинскую, средневековую и тюрко-татарской археологии. Всех заседаний было 27, из них четыре пленарных, на которых заслушано было 62 доклада. Из докладов, вызвавших особенный интерес, отмечу: В. П. Бузескула: „Изучение древностей северного побережья Черного моря и значение этих древностей с точки зрения истории"; Н. Я. Марра: „Скифский язык"; проф. Новосадского: „Боспорские фиасы" и „Последние моменты борьбы Митридата с Римом"; Б. В. Фармаковского: „Памятники античной скульптуры из Пантикапея и Ольвии в коллекции госуд. эрмитажа"; В. А. Городцова: „Типологический и сравнительный методы в археологии"; А. А. Спицына: „Краеведение и археология", „Триполье — скорченные костяки — Скифы" и „Татарские курганы"; П. И. Голландского: „Медрессе и мечеть Абдуль Азиса в Салхате"; П. А. Двойченко: „Геологические условия находок нео- и палеолитических культур в Крыму"; Н. Л. Эрнста: „Железные двери Бахчисарайского дворца и архитектор в. кн. Ивана III Фрязин Алевиз Новый" и др.

К съезду прекрасно строго-систематически расположены памятники Пантикапея и Боспорского царства в десяти комнатах нового здания Керченского музея древностей, а в старом здании музея, на горе Митридата, была устроена к съезду выставка, с громадным количеством чертежей, планов, рисунков, портретов, изданий и т. д. Большая работа выполнена была заведующим керченским музеем Ю. Ю. Марти, составившим к юбилею обстоятельный труд „Сто лет Керченского музея (исторический очерк)" и „Путеводитель по Керченским древностям". Много потрудился по подготовке съезда и заведующий Херсонесским музеем древностей проф. К. Э. Гриневич. Из местных научных учреждений особенно много сделал по организации съезда Крым-Охрис.

В промежутки между утренними и вечерними заседаниями члены съезда заняты были сомотром древностей Керчи в ее окрестностях: раскопок на горе Митридата, катакомб, Царского и Мелек-Чесменского курганов, „склепа Деметры" и др. Таким образом, съезд прошел в живой, кипучей работе. По окончании съезда совершена была экскурсия на Тамань на предоставленном съезду портовым начальством пароходе; были осмотрены: музей древностей с его превосходным мраморным саркофагом III в. до Р. Хр., следы древнего поселения на месте Таманской станицы и др.

Труды съезда выразились в ряде резолюций, из которых отметим главнейшие: 1. О скорейшей разработке производственного плана в области Крымской археологии и раскопок и научно-техническом обследовании, фиксации и поддержании памятников древности и

их реставрации; 2. о желательности расширения преподавания археологии в высших учебных заведениях и открытия Археологических Институтов, а в Керчи филиала госуд. Академии истории материальной культуры; 3. О восстановлении в Константинополе Археологического Института; 4. О созыве периодических Археологических Съездов и созыве в 1928 г. Археологического Съезда в Москве; 5. Об издании трудов Керченской археологической конференции.

Необходимо в заключение отметить, как особенность Керченской конференции, живое отношение к её работам административных общественных органов и широких масс населения Керчи, которое выразилось в многочисленных приветствиях конференции, посещении заседаний съезда многочисленной публикой, русской и инородческой, и переполненном зале театра во время прочитанных членами конференции четырех публичных лекций.

А. Маркевич.

РАЗРЯДЪ АРХЕОЛОГІИ И ИСКУССТВА ДРЕВНЕ-ХРИСТІАНСКАГО И ВИЗАНТІЙСКАГО ГОСУДАРСТВЕННОЙ АКАДЕМІИ ИСТОРІИ МАТЕРІАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ (1919—1926)

Разрядъ объединяетъ въ своемъ составѣ работниковъ Академіи, посвящающихъ свои занятія изслѣдованію вопросовъ, относящихся къ области ранне-христіанской и византійской культуры. Въ соотвѣтствіи съ основными задачами Академіи преимущественное вниманіе удѣляется изслѣдованію памятниковъ вещественныхъ. Засѣданія Разряда, происходящія почти регулярно еженедѣльно по пятницамъ, посвящаются заслушанію и обсужденію докладовъ и библіографическихъ сообщеній, а также обсужденію различнаго рода вопросовъ текущей жизни Разряда. За послѣдніе годы обыкновенно происходятъ объединенныя засѣданія Разряда съ Разрядомъ археологіи и искусства Средневѣковаго Запада. Обстоятельные протоколы засѣданій съ изложеніемъ содержанія докладовъ и происходившихъ по поводу ихъ преній хранятся въ Бюро Разряда; эти протоколы отражаютъ въ полной мѣрѣ работу Разряда, исполненную имъ за истекшіе семь лѣтъ его дѣятельности. До отъѣзда въ заграничную командировку завѣдующимъ Разрядомъ и предсѣдателемъ его засѣданій былъ А. А. Васильевъ; съ лѣта 1925 г. его мѣсто занялъ Н. П. Лихачевъ. Обязанности секретаря Разряда до осени 1925 г. исполняла Н. В. Измайлова; нынѣ ихъ исполняетъ М. А. Тихонова-Клименко. Кромѣ указанныхъ лицъ, членами Разряда состоятъ: Д. В. Айналовъ, Н. В. Малицкій, Л. А. Мацулевичъ, Е. Ч. Скржинская, А. П. Смирновъ, Ѳ. И. Успенскій и Ѳ. И. Шмитъ; постоянное участіе въ засѣданіяхъ и работахъ Разряда принимаютъ О. А. Добіашъ-Рождественская и С. А. Жебелевъ.

Въ области древне-христіанской и византійской культуры Разрядъ занятъ разработкою слѣдующихъ темъ: 1. Стили раннихъ школъ средневѣковаго искусства: римской, египетской, мало-азійской (Д. В. Айналовъ). 2. Взаимоотношенія культуры античной и ранне-христіанской (С. А. Жебелевъ). 3. Византійская сфрагистика (Н. П. Лихачевъ). 4. Памятники византійской миніатюры: ркп. 21 и 105 Публичной Библіотеки и Хлудовская псалтырь въ Москвѣ. 5. Памятники византійской торевтики въ Эрмитажѣ (Л. А. Мацулевичъ). 6. Изобразительные памятники, связанные съ культомъ св. воиновъ въ частности Димитрія Солунскаго (А. П Смирновъ). 7. Памятники византійскаго прикладного искусства Причерноморья (М. А. Тихонова-Клименко). 8. Матеріалы Русскаго Археологическаго Института въ Константинополѣ и матеріалы по археологіи Трапезунта (Ѳ. И. Успенскій). 9. Мозаики Никеи и Νέα Μονή на Хіосѣ (Ѳ. И. Шмитъ).

Историко-археологическое изученіе средневѣковаго Крыма было поставлено, съ первыхъ же шаговъ дѣятельности Разряда, въ качествѣ спеціальнаго заданія. Работа въ этомъ направленіи распредѣлилась по слѣдующимъ темамъ: 1. Готы въ Крыму (А. А. Васильевъ) и готскія древности (Л. А. Мацулевичъ). 2. Христіанскій Херсонесъ: а) его топографія и мраморные остатки (Д. В. Айналовъ); б) мозаики половъ херсонесскихъ храмовъ, мраморы Херсонесскаго музея и памятники византійскаго прикладного искусства изъ Херсонеса (Н. В. Измайлова). 3. Средневѣковая Тамань (Таматарха), византійскія росписи и скульптуры Крыма (А. П. Смир-

новъ). 4. Средневѣковая Керчь (мраморы церкви Іоанна Предтечи) и архитектурные мраморы Крыма (М. А. Тихонова-Клименко). 5. Генуэзскіе памятники Крыма — крѣпостная архитектура, надписи, исторія генуэзскихъ колоній (Е. Ч. Скржинская). Н. В. Измайлова, Л. А. Мацулевичъ, Е. Ч. Скржинская, А. П. Смирновъ и М. А. Тихонова-Клименко совершили нѣсколько разъ поѣздки въ Крымъ для ближайшаго ознакомленія съ изучаемыми ими памятниками. Они же приняли участіе своими докладами, посвященными Средневѣковому Крыму, въ Керченской Археологической Конференціи въ сентябрѣ 1926 г. (см. Бюллетени Конференціи).

Работники Разряда имѣли возможность напечатать слѣдующіе труды, предварительно доложенные, полностью или въ извлеченіяхъ, въ засѣданіяхъ Разряда: 1. А. А. Васильевъ „Готы въ Крыму" (Изв. Акад. I); „Описаніе византійскихъ вѣсовыхъ гирь и эксагіевъ изъ коллекціи Академіи" (Изв. Акад. II). 2. С. А. Жебелевъ „Иконографическія схемы Вознесенія Христова и источники ихъ возникновенія" (Recueil N. P. Kondakov). 3. Н. В. Измайлова „Описаніе византійскихъ печатей изъ коллекціи Академіи" (Изв. Акад. II); „Византійская капитель изъ Херсонесскаго музея" (см. настоящій сборникъ). 4. Н. П. Лихачевъ „Византійскіе эксагіи" (Доклады Акад. Наукъ, 1926). 5. А. В. Малицкій „Поздніе рельефы Дмитровскаго собора во Владимірѣ (Влад., 1923). 6. Л. А. Мацулевичъ „Серебряная чаша изъ Керчи" (1926). 7. Е. Ч. Скржинская „Грамота Альфонса VII Испанскаго" (Сборникъ въ честь С. А. Жебелева). 8. А. П. Смирновъ „Константинопольскіе ворота Ксилопорта" (Изв. Акад. II); „Греческій рѣзной поставецъ изъ собранія Академіи" (см. наст. сборникъ). 9. М. А. Тихонова-Клименко „Греческая надпись съ Таманскаго полуострова" (Сборникъ Жебелева).

Печатаются: 1. С. А. Жебелевъ „L'enlévement du Christ" (Byzantion). 2. Н. В. Малицкій а) „Le psautier byzantin à illustrations du type Chloudoff est-il de provenance monastique?" (Mélanges Ouspensky); б) Remarques sur la date des mosaïques de l'église des Saints-Apôtres à Constantinople décrites par Mesaritès" (ibid.). 3. Е. Ч. Скржинская а) Латинскія надписи генуэзскихъ колоній въ Крыму (Atti della Società Ligure di storia patria. Genova); б) Новое извѣстіе о союзѣ Генуи съ Византіей — булла изъ собранія Н. П. Лихачева (Quellen und Forschungen der italienischen Archiven und Bibliotheken); в) Опредѣленіе и датировка Мессинской договорной записи (Bysantion). 4. А. П. Смирновъ „Историко-археологич. очеркъ средневѣковой Тамани" (Изв. Акад.). 5. М. А. Тиханова-Клименко „Les chapiteaux de l'église de S. Jean le Précurseur à Kertch" (Mélanges Ouspensky).

С. Жебелевъ.

СПИСОК ДОКЛАДОВ, ПРОЧТЕННЫХ В РАЗРЯДЕ АРХЕОЛОГИИ И ИСКУССТВА РАННЕ-ХРИСТИАНСКОГО И ВИЗАНТИЙСКОГО В 1919—1926 гг.

I. КРЫМ.

А. Доклады общего характера.

1. Васильев А. А. Вопрос о первом появлении гуннов в Крыму (23. VI. 1920).
2. Скржинская Е. Ч. Археологическая карта южного Крыма (26. XI. 1920).
3. Эрнст Н. Л. (Симферополь). Сообщение о путешествии по Крыму и о состоянии Крымских древностей в 1921 г. (30. XII. 1921).
4. Васильев А. А. Печать Николая проэдра России (8. II. 1924).
5. Смирнов А. П. Кому могла принадлежать печать Николая проэдра? (8. II. 1924).
6. Брим В. А. Личность князя Бравлина в житии Стефана Сурожского (30. V. 1894).
7. Скржинская Е. Ч. Малые церкви-базилики в Крыму (9. VI 1926 и 29. X. 1926).

Б. Готский вопрос.

1. Васильев А. А. Положение христианской церкви в хазарском царстве в VIII веке (11. II. 1921).
2. Васильев А. А. Записка готского топарха (14. X. 1921).
3. Васильев А. А. Готы в Крыму; время половецкой зависимости и отпадения от Византии (2. II. 1923).
4. Мацулевич Л. А. К вопросу о древностях готского стиля в Крыму (2 доклада 8. и 9. II. 1925).

5. Мацулевич Л. А. Готский вопрос на Керченской Археологической Конференции (8. X. 1926).

В. Христианский Херсонес.

1. Лихачев Н. П. Херсонская фема по данным сфрагистики (14. V. 1920).
2. Лихачев Н. П. Византийская печать херсонского василика и печати, найденные на Тамани (1. X. 1920).
3. Айналов Д. В. Мраморы Херсонеса (1922).
4. Измаилова Н. В. Мозаики Уваровской базилики в Херсонесе (2 доклада 20. IV и V 1923).
5. Измайлова Н. В. Отчет о командировке в Херсонес (Половые мозаики Херсонесских храмов) (28. IX. 1923).
6. Измайлова Н. В. Отчет о командировке в Херсонес в 1925 г. (Мозаики, Музей, Архив). (27. XI. 1925).
7. Измайлова Н. В. Из Херсонеских материалов. Византийская капитель Херсонесского Музея (II. XII. 1925).
8. Измайлова Н. В. Стеатитовый фрагмент из Херсонеса с изображением свв. воинов. (26. III. 1926).
9. Измайлова Н. В. Византийское прикладное искусство на Керч. Конференции (8. X. 1926).

Г. Средневековая Тамань.

1. Смирнов А. П. Древнейшее упоминание поселения, называемого Таматархой (2 доклада 4. III. 1921 и 11. XI. 1921).
2. Смирнов А. П. Время появления имени Таматарха в Византийской литературе.

Д. Средневековая Керчь.

1. Тиханова-Клименко М. А. Керченские христианские катакомбы (3. VI. 1921).
2. Тиханова-Клименко М. А. Состояние керченских христианских памятников (катакомбы и церковь И. Предтечи) (12. VI. 1925).
3. Тиханова-Клименко М. А. Отчет о летних работах в Керчи (Эпиграфика, Мраморы ц. И. Предтечи, Музей). (30. X. 1925).
4. Тиханова-Клименко М. А. Капители церкви И. Предтечи в Керчи (19. II. 1926).
5. Тиханова-Клименко М. А. „Памятники византийской архитектуры в Крыму", на Керченской Археол. Конференции (15. X. 1926).

Е. Генуэзские колонии в Крыму.

1. Скржинская Е. Ч. Трактат генуэзцев с татарами 1381 г. (1920).
2. Скржинская Е. Ч. Генуэзский статут Кары-Феодосии 1449 г. (28. X. 1921).
3. Скржинская Е. Ч. Издание источников для внутренней истории генуэзских колоний в Крыму, в связи с их уставами 1316 и 1449 гг. (3. XI. 1922).
4. Скржинская Е. Ч. Устав генуэзских республик (17. XI. 1922).
5. Скржинская Е. Ч. Устав Кафы-Феодосии 1316 г. (24. XI. 1922).
6. Скржинская Е. Ч. Латинский мир на Востоке: жизнь генуэзских колоний в Крыму по уставам XIV и XV вв. (13. XII. 1922).
7. Скржинская Е. Ч. Отчет о поездке в Крым (побережье Алушта-Симеиз) в 1923 г. (30 XI. 1923).
8. Скржинская Е. Ч. Генуэзские надписи из Павловска (30. I. 1925).
9. Скржинская Е. Ч. Грамота с восковой печатью протекторов банка св. Георгия (13. II. 1925).
10. Скржинская Е. Ч. Новое известие о союзе Генуи с Византией (письмо папы Урбана IV из б. собр. Н. П. Лихачева (15. V. 1925).
11. Скржинская Е. Ч. Предварительное сообщение о командировке в Феодосию и Судак (эпиграфика, памятники архитектуры) (17. VII. 1925).
12. Скржинская Е. Ч. Метрическая генуэзская надпись из Крыма (24. X. 1925).
13. Скржинская Е. Ч. „Генуэзские памятники Крыма" на Керч. Археол. Конференции (15. X. 1926).

II. ВИЗАНТИЯ.

1. История, география, этнография.

1. Латышев В. В. Мелкие заметки к сочинению Константина Багрянородного (1. X. 1920).
2. Бартольд В. В. Христианское происхождение Омейядского царевича (15. IV. 1921).
3. Васильев А. А. Арабский путешественник Харун Ибн'Як'я и его описание Константинополя (II. V. 1923).
4. Жебелев С. А. К вопросу о праздновании Вознесения по Peregrinatio Silviae (Etheriae) (24. X. 1925).

2. Быт, материальная культура.

1. Скржинская Е. Ч. О предметах материальной культуры и быта по завещаниям (Testamenta) южн. Италии (1. VIII. 1924).
2. Скржинская Е. Ч. О предметах материальной культуры по греческим южно-итальянским брачным договорам (изд. Trinchera) (1. VI. 1924).

3. Скржинская Е. Ч. Освещение пасхальной свечи и гимн Exultet в Зап. средневековье (30. XI. 1921).
4. Васильев А. А. Погребения византийских императоров в храме св. Апостолов и позднейших местах погребений (15. XII. 1922).
5. Смирнов А. П. Что такое скараник? (31. X. 1926).
6. Бенешевич В. Н. К вопросу о византийской табели о рангах у Константина Багрянородного (15. II. 1924).
7. Миллер. Изыскания в устье Дона летом 1923 г. (16. XI. 1923).

з. Искусство.

А. Иконография, техника.

1. Малицкий Н. В. Взгляд Heisenberg'а на источники иконографии византийской лицевой Псалтири (типа Хлудовской) (5. I. 1923).
2. Малицкий Н. В. Мозаики оратория Иоанна VII в Ватиканской базилике в иконографическом отношении. (23. V. 1924).
3. Смирнов А. А. Текст Феодора Студита (I-ая книга письмо 15-е, адресованное некоему столпнику Феодулу, разночтение Феодору) — как материал для иконографии Христа (30. XI. 1923).
4. Малицкий Н. В. Происхождение композиции Софии Премудрости Божьей (4. IV. 1924).
5. Жебелев С. А. Воскресение Христово (3. V. 1925).
6. Жебелев С. А. Иконографические схемы Вознесения и история их возникновения (25. IX. 1925 и 2. X. 1925).
7. Шмит Ф. И. Дополнительные соображения к докладу С. А. Жебелева Иконографические схемы Вознесения (2. X. 1925).
8. Малицкий Н. В. Фигура царственного пророка на рельефе Дмитриевского собора (2. IV. 1926).
9. Тиханова-Клименко М. А. Эпизод Друзианы в легенде Иоанна Литер и изобразительная традиция средневековья (29. VII. 1922).
10. Добиаш-Рождественская О. А. Легенда Ев. Иоанна в литер. и изобраз. традиции Запада и рукописи Публ. Биб-и А. VI № 1 (8. VI. и 15. VI. 1923).

Б. Архитектура.

1. Преображенская А. В. Пицундский храм (17. X. 1920).
2. Протасов Н. Д. Св. София в Трапезунде (26. I. 1923).
3. Шмит Ф. И. Новый монастырь на Хиосе. История монастыря. Архитектура. (Три доклада — 6. III., 13. III. и 27. III. 1925).

В. Живопись.

(Фрески, мозаики, икона, миниатюра).

1. Гордеев Д. П. (Тифлис). К стилистической характеристике Чулипских фресок (9. II. 1923).
2. Гордеев Д. П. Поездка в Зап. Грузию (27. IV. 1923).
3. Малицкий Н. В. К вопросу о восточных влияниях в росписях древнейших русских храмов (13. IX. 1924).
4. Гордеев Д. П. Некоторые грузино-греческие рукописи (I. VI. 1923).
5. Айналов Д. В. Отчет о летней командировке в Киев и Троице-Сергиевскую Лавру (иконы и рукописи) (16. X. 1925).
6. Лихачев Н. П. Икона Владимирской Б. Матери (1922).

Г. Скульптура.

1. Васильев А. А. Порфировые саркофаги средневекового Константинополя (1923).

Д. Прикладное искусство.

1. Смирнов А. П. Деревянная резная подставка, собрания РАИМК. (5. VIII. 1921).
2. Смирнов А. П. Резная деревянная подставка из собрания Уварова (Моск. Ист. Музей) (3. III. 1922).
3. Смирнов А. П. Резная деревянная подставка Шуваловского Музея (19. V. 1922).
4. Смирнов А. П. Памятник средневизантийского художественного ремесла (крест Орельской церкви в Новгородском Древнехранилище (13. XI. 1925).
5. Протасов Н. Д. Византийская серебряная посуда в Истор. Музее (10. I. 1925).
6. Мацулевич Л. А. Некоторые памятники византийского антика (византийские серебряные блюда Эрмитажа) (7. V. 1926).
7. Лихачев Н. П. Мелкие предметы византийского искусства из б. собрания Н. П. Лихачева (28. III. 1924).
8. Лихачев Н. П. Византийские резные кресты (26. X. 1923).
9. Фармаковский Б. В. Византийская выставка в Моск. Истор. Музее (29. II. 1924).
10. Айналов Д. В. Слоновая кость из собрания Ханенко (16. VI. 1922).
11. Кубе А. Н. Пластинка из слоновой кости в собрании Эрмитажа (24. IV. 1925).

12. Тиханова-Клименко М. А. Лиможские эмали Московских собраний (12. V. 1922).
13. Малицкий Н. В. О датировке некоторых памятников издан. Н. П. Кондаковым в его „Памятниках православного искусства на Афоне“ (25. VII. 1924) (помещена в Сборнике в честь С. А. Жебелева).

4. Сфрагистика, Нумизматика, Геральдика.

1. Лихачев Н. П. Печати-матрицы византийского периода (17. III. 1922).
2. Лихачев Н. П. К вопросу о византийских ексагиях (25. VII. 1922).
3. Лихачев Н. П. Печати мизотеров (6. X. 1923).
4. Лихачев Н. П. Венецианская сфрагистика (9. III. 1922).
5. Лихачев Н. П. Перстни-печати позднеримского времени (12. II. 1926).
6. Лихачев Н. П. Строгановская коллекция моливдовулов (9. IV. 1926).
7. Лихачев Н. П. О фальсификации печатей и документов (1924).
8. Лихачев Н. П. Византийский патриарший герб (8. VIII. 1924).

5. Палеография, Дипломатика.

1. Скржинская Е. Ч. Определение и датировка мессинского документа, изданного в памятниках Синая. в. II. СПБ. 1912 (9. V. 1924).

БИБЛІОГРАФІЯ

Обзоръ литературы по исторіи Византіи на нѣмецкомъ языкѣ съ 1914 г.

Настоящій очеркъ, посвященный появившимся на нѣмецкомъ языкѣ съ 1914 года трудамъ по исторіи Византіи, не стремится къ исчерпывающей полнотѣ. Какъ ни скромно мѣсто, которое доселѣ занимаютъ въ нѣмецкой наукѣ изслѣдованія по византиновѣдѣнію, какъ ни незначительно ихъ число хотя бы по сравненію съ французскими трудами въ этой области, все же можно отмѣтить, что интересъ къ византійской исторіи и культурѣ за послѣднее время въ Германіи очень повысился, и сильно возросло сознаніе историческаго значенія византійской имперіи. И если все еще крайне не велико количество трудовъ, посвященныхъ собственно византиновѣдѣнію, то работъ, съ той или иной стороны касающихся интересующей насъ здѣсь области и такъ или иначе къ ней относящихся, въ новѣйшей нѣмецкой литературѣ имѣется не мало.—

Въ области исторіи Византіи, остановимся прежде всего на работахъ вѣнскаго византиниста Э. Штейна, заслуживающихъ большого вниманія. Начнемъ съ его главнаго труда: **Ernst Stein**. Studien zur Geschichte des byzantinischen Reiches, vornehmlich unter den Kaisern Justinus II. und Tiberius Constantinus. Stuttgart. 1919. VIII + 200 s. 8°.

Исторія преемниковъ Юстиніана Великаго, — Юстина II и Тиберія Константина, — изложена авторомъ на основаніи углубленнаго изученія источниковъ, какъ греческихъ, такъ и восточныхъ, причемъ авторъ не останавливается передъ самымъ детальнымъ и кропотливымъ разслѣдованіемъ встрѣчающихся ему на пути спеціальныхъ вопросовъ. Больше всего интересуютъ автора вопросы административной и экономической исторіи Византійской имперіи, и для разрѣшенія этихъ вопросовъ имъ сдѣлано исключительно много. Привѣтсвуя такую заслугу автора, нельзя однако не пожалѣть, что такое увлеченіе административнымъ строемъ Византіи приводитъ его къ нѣкоторой односторонности, вслѣдствіе которой другія области оказываются въ загонѣ, особенно всѣ вопросы церковной исторіи, къ пониманію которыхъ у автора, повидимому, совсѣмъ нѣтъ чутья.

Уже въ первой, исторической части (стр. 1—116), Штейнъ, какъ было указано, особенно обстоятельно останавливается на вопросахъ внутренняго государственнаго строя и хозяйства, вторая же часть (гл. VI—VIII стр. 117—187), особенно важная и интересная, всецѣло посвящена этимъ вопросамъ. Глава VI трактуетъ о возникновеніи ѳемнаго строя, причемъ Штейну удается выяснить немало существеннаго и новаго по сравненію съ извѣстными изслѣдованіями Гельцера и Диля. Въ VII гл. Штейнъ дѣлаетъ интересную попытку установить размѣры бюджета византійской имперіи. Возражая, и не безъ основанія, противъ тѣхъ преувеличенныхъ цифръ, которыя предлагали греческіе ученые напр. Папарри-

гопуло, и которыя въ свое время были приняты рядомъ авторитетныхъ византинистовъ (Диль, Бюри), Штейнъ утверждаетъ, что бюджетъ византійскаго государства, — по крайней мѣрѣ въ эпохи, предшествующія македонской династіи, — не достигалъ и 8 милліоновъ солидовъ. (Папарригопуло принималъ цыфру въ 40,000.000).[1] Глава VIII посвящена изученію государственныхъ учрежденій и функцій различныхъ чиновниковъ Византійской имперіи; особенно существеннымъ намъ представляется § 4 этой главы: »Staatseigentum und Kronbesitz.«

Тому же кругу проблемъ посвященъ и рядъ весьма содержательныхъ статей этого ученаго. Назовемъ »Beiträge zur Geschichte von Ravenna in spätrömischer und byzantinischer Zeit«. (Klio 16 [1919.] 40—71), гдѣ излагается исторія муниципальнаго строя Равенны съ IV вѣка до конца византійскаго владычества въ 751 году. Затѣмъ »Ein Kapitel vom persischen und vom byzantinischen Staate.« (Byzantinisch-neugriechisches Jahrbuch I 1920) и »Untersuchungen zum Staatsrecht des Bas-Empire«. (Zeitschrift der Savigny-Stiftung für Rechtsgeschichte 41 [1920]. Rom. Abt. 195—251). Въ небольшой статьѣ »Des Tiberius Constantinus Novelle περὶ ἐπιβολῆς und der Edictus domini Chilperici regis« (Klio 16 [1920] 72—78) Штейнъ доказываетъ ошибочность высказаннаго Монье мнѣнія, будто недошедшая до насъ новелла Константина Тиберія объ ἐπιβολή содержала упраздненіе этого института. Интересна и богата выводами также брошюра »Untersuchungen über das Officium des Prätorianerpräfektes seit Diokletian« Wien 1922. 77 стр. Отмѣтимъ еще и статью »Die Abstammung des ökumenischen Patriarchen Germanus I«. (Klio 16 [1919] стр. 207 и сл.), гдѣ авторъ выясняетъ, что патр. Германъ происходилъ изъ боковой линіи Юстиніанова рода, въ которой постоянно чередавались имена Юстиніанъ и Германъ. Послѣдняя появившаяся въ печати работа Штейна »Untersuchungen zur spätbyzantinischen Verfassungs- und Wirtschaftsgeschichte«, (Mitteillungen zur osmanischen Geschichte II [1925] 1—62) представляетъ подготовительный этюдъ къ очерку, который, подъ заглавіемъ »Der byzantinische Staat«, появится въ 3-емъ, сильно дополненномъ и переработанномъ изданіи »Geschichte der byzantinischen Literatur« Krumbacher'a. Статья Штейна изобилуетъ цѣннымъ матеріаломъ для внутренней исторіи поздневизантійскаго государства, трактуя о вопросахъ финансоваго хозяйства, военнаго строя, центральной и провинціальной администраціи, дворцоваго управленія и т. д.; подъ поздневизантійской эпохой Штейнъ понимаетъ эпоху начиная съ воцаренія Алексѣя Комнина, что спеціально мотивируется авторомъ во введеніи къ его работѣ, предлагающемъ новую періодизацію византійской исторіи, и при подходѣ со стороны фактовъ экономической и административной исторіи въ значительной степени обосновано.

Рядъ новыхъ работъ по византійской исторіи далъ и заслуженный мюнхенскій византинистъ А. Гейзенбергъ (August Heisenberg). Во 2-омъ изданіи II тома IV отд. 1 вып. серіи. „Kultur der Gegenwart" (Leipzig. 1923. VI + 437 S. 8°) къ заново обработанному извѣстному труду Wilamowitz-Moellendorff'a „Staat und Gesellschaft der Griechen" (стр. 1—214) и замѣнившему очеркъ Niese труду Kromayer'a „Staat und Gesellschaft der Römer (стр. 215—363) прибавленъ новый очеркъ Heisenberg'a „Staat und Gesellschaft des byzantinischen Reiches" (стр. 364—437). Послѣ бѣглаго очерка внѣшне-политическаго развитія византійской имперіи, Гейзенбергъ въ общихъ чертахъ рисуетъ внутреннюю жизнь византійскаго общества и государства, посвящая отдѣльныя главы ипeраторскому двору, администраціи и чиновничеству, военному строю, финансамъ, праву, церкви и монашеству, образованію, торговлѣ и ремеслу, аграрному строю и крестьянству, и наконецъ городу Константинополю и его населенію. Авторъ не ставитъ себѣ цѣлью дать какіе-либо новые выводы; то, къ чему онъ стремится

---

[1]) Еще разъ вернулся къ этому вопросу Штейнъ въ обширной рецензіи (Byzant. Zeitschrift XXIV, 377—387) статьи Андреадиса, посвященной разрѣшенію этой проблемы. (Andréadès. »Le montant du budget de l'empire byzantin.« Revue des études grecques XXXIV. 1921. — Прим. ред. Профессоръ аѳинскаго университета А. М. Андреадисъ ('Ανδρεάδης) еще ранѣе изслѣдованія Э. Штейна пришелъ къ выводу о необходимости значительнаго сокращенія предполагавшихся до тѣхъ поръ размѣровъ византійскаго бюджета (ср. капитальный трудъ Андреадиса. Ἱστορία τῆς ἑλληνικῆς δημοσίας οἰκονομίας, т. I, Аѳины 1918). Однако Андреадисъ не идетъ такъ далеко, какъ Штейнъ, и считаетъ возможнымъ свести размѣры византійскаго бюджета къ цыфрѣ 10—15 милліоновъ золотыхъ номизмъ. Ср. Jiři Vernadský, K otázce o rozměrech byzantského rozpočtu (Český Časopis Historický, XXVIII [1922], стр. 421—425).

и что онъ сообщаетъ, — это живая и возможно полная картина, набросанная на основаніи достигнутыхъ новѣйшими изслѣдованіями результатовъ. На стр. 412—414 данъ обзоръ литературы.

Работа того же автора „Aus der Geschichte und Literatur der Palaiologenzeit" (Sitzungsberichte der Bayerischen Akademie der Wissenschaft, philos.-philol. und hist. Kl. 1920, 10 Abh. München, 1920. 144 S. mit 3 Taf. 8°) сообщаетъ на основаніи изученія текстовъ, грамотъ и миніатюръ, хранящихся въ мюнхенской государственной библіотекѣ рукописей, нѣкоторыя интересныя новыя данныя по ряду специальныхъ вопросовъ поздневизантійской имперіи и литературы. Гл. I изучаетъ Codex graecus 442 баварской госуд. библ. въ Мюнхенѣ, содержащій исторію Георгія Пахимера въ рукописи XIV в., еще неиспользованной при изданіяхъ и критикѣ текста. Гл. II представляетъ интересный этюдъ о двуглавомъ орлѣ, при помощи изученія миніатюръ (царскихъ портретовъ) мюнхенскихъ рукописей, проливающій новый свѣтъ на этотъ вопросъ. Гл. III посвящена двумъ хрисовуламъ царя Андроника II, въ которыхъ царь даетъ митрополиту монемвасійскому санъ экзарха Пелопоннеса. Гл. IV сообщаетъ текстъ (и даетъ къ нему комментарій) отрывка простагмы Михаила VIII отъ 1272, которой Михаилъ VIII назначилъ сына своего Андроника соправителемъ; текстъ этотъ найденъ Гейзенбергомъ въ вышеназванномъ кодексѣ исторіи Пахимера, ff. 353 и 354 коего онъ по недоразумѣнію занимаетъ. Наконецъ. Гл. V. „Von den Zeremonien des Kaiserhofs" трактуетъ о церемоніальныхъ шествіяхъ, именуемыхъ „περίπατος" и торжественномъ рождественскомъ и крещенскомъ праздненствѣ, именуемомъ „πρόκυψις", и даетъ текстъ стихотвореній Николая Ириника и Мануила Голобола, посвященныхъ послѣднему праздненству. Статьи Гейзенберга, собранныя подъ заглавіемъ „Neue Quellen zur Geschichte des Lateinischen Kaisertums und der Kirchenunion" (Sitzungsberichte der Bayerischen Akademie der Wissenschaft, philos.-philol. und hist. Klasse. Jahrgang 1922, 5 Abh. und 1923, 2 und 3. Abh., München, 1923) сообщаютъ съ подробными разъясненіями текстъ ряда сочиненій Николая Месарита, не лишенныхъ значенія для исторіи эпохи латинской имперіи и особенно для церковной политики этого времени.

Въ небольшомъ этюдѣ „Das Problem der Renaissance in Byzanz" (Hist. Zeitschr. 133. [1926] 393—412) Гейзенбергъ указываетъ на то, что въ Византіи античная культура не переставала существовать; видоизмѣняясь по формѣ, она постоянно была жива, и поэтому говорить о возрожденіи или обновленіи античнаго наслѣдія въ Византіи не приходится. Мысль свою авторъ иллюстрируетъ примѣрами изъ самихъ разнообразныхъ областей жизни византійской имперіи.

Въ извѣстной и популярной „Sammlung Göschen" появились двѣ маленькія книжечки какъ №№ 190 и 787 этой серіи (первая въ 1919 г. вышла уже 2-ымъ изданіемъ): K. Roth. Geschichte des byzantinischen Reiches. 2 verbesserte Aufl. Berlin und Leipzig, 1919. 171 S. 12° и K. Roth. Sozial- und Kulturgeschichte des byzantinischen Reiches. Berlin und Leipzig, 1919. 112 S. 12°. Эти сжатые очерки, отличающіеся умѣлымъ изложеніемъ, удачно составлены на основаніи новѣйшихъ научныхъ изслѣдованій. Для специалиста они конечно мало интересны, но начинающимъ они могутъ быть очень полезны.

Знаменитый нѣмецкій экономистъ Брентано опубликовалъ въ видѣ отдѣльной статьи главу изъ своихъ университетскихъ лекцій по исторіи хозяйственнаго быта, посвященную исторіи византійскаго хозяйства. Lujo Brentano. „Die byzantinische Volkswirtschaft". Ein Kapitel aus Vorlesungen über Wirtschaftsgeschichte. S. A. aus Schmollers Jahrbuch. 41 Jahrgang. 2 Heft. München und Leipzig. 50 S. Разумѣется, что статья эта не можетъ имѣть спеціальнаго значенія, но отраднымъ является самъ по себѣ уже тотъ фактъ, что маститый ученый, удѣляетъ въ своихъ лекціяхъ столько мѣста византійскому экономическому строю. За достоинства изложенія достаточнымъ ручательствомъ является само имя автора, однако съ освѣщеніемъ, которое даетъ Брентано излагаемымъ имъ фактамъ, согласиться нельзя: въ исторіи экономическаго и соціальнаго развитія Византіи Брентано всюду ищетъ параллели и аналогіи съ развитіемъ западнаго средневѣковья.

Приступая къ нашему обзору, мы отмѣтили, что за послѣднее время интересъ къ византійской исторіи въ Германіи повысился, и что представителямъ нѣмецкой исторической науки, не являющимся спеціалистами-византинистами, принадлежитъ немало работъ, удѣляющихъ серьезное вниманіе исторіи Византійской имперіи. Только что мы привели тому примѣръ. Отмѣтимъ еще рядъ такихъ работъ. Много интереснаго и существеннаго въ отношеніи интересующей насъ области можно найти въ книгѣ профессора средней исторіи

во Франкфуртѣ Ф. Шнейдера — Fedor Schneider. „Die Entstehung von Burg und Landgemeinde in Italien (Berlin, 1924. XVIII+326. 8°), — и въ статьѣ его „Untersuchungen zur italienischen Verfassungsgeschichte (Quellen und Forschungen aus italienischen Archiven und Bibliotheken, hrsg. vom Preuss. Hist. Inst. in Rom. B. XVII, Heft 2 [1924] 211—229); а также въ послѣднемъ его трудѣ „Rom und Romgedanke im Mittelalter. Die zeitigen Grundlagen der Renaissance“ (München, 1926. 309 S. mit 23 Tafeln 8°). Извѣстный своими трудами по дипломатикѣ геттингенскій историкъ K. Brandi, посвятилъ статью византійской дипломатикѣ, въ частности грамотѣ Константина III. отъ 666 г., дарующей Равеннѣ автокефалію (Archiv für Urkundenforschung, hrsg. v. K. Brandi und H. Bresslau. Bd. IX, 1924. S. 1—38). Въ I томѣ (1922) издаваемой Марксомъ и Мюллеромъ извѣстной серіи „Meister der Politik“ на стр. 171—223 появилась характеристика Константина Великаго, написанная мюнхенскимъ филологомъ, редакторомъ новаго изданія актовъ Вселенскихъ Соборовъ, Ed. Schwartz'омъ, который уже въ 1913 году написалъ очень интересную книгу объ императорѣ Константинѣ.

Рядъ цѣнныхъ для исторіи Византійской имперіи изслѣдованій далъ гейдельбергскій историкъ P. E. Schramm. Статья его „Kaiser, Basileus und Papst in der Zeit der Ottonen“ (Hist. Zeitschr. 129 [1924] 424—475) повѣствуетъ о соперничествѣ между германскимъ и византійскимъ императорами изъ-за права называться римскимъ императоромъ и изъ-за владычества надъ южной Италіей; авторъ подробно останавливается на попыткѣ Оттона I мирно уладить конфликтъ путемъ брака своего сына Оттона II съ византійской принцессой и доказываетъ, тѣмъ самымъ реабилитируя сообщеніе Thietmar'a, къ которому доселѣ относились скептически, что выданная за Оттона II Өеофано была племянницей Іоанна Цимисхія. Въ статьѣ „Neun Briefe des byzantinischen Gesandten Leo von seiner Reise zu Otto III aus den Jahren 997—998“ (Byz. Zeitschr. XXV [1925] 89—105) Шраммъ даетъ текстъ и устанавливаетъ точную хронологію девяти писемъ посла царя Василія II — Льва, выясняющихъ степень вліянія византійской политики на римскія событія 997—8 годовъ. Очень интересенъ чрезвычайно богатый матеріаломъ этюдъ того же автора „Das Herrscherbild in der Kunst des frühen Mittelalters“ (Vorträge der Bibliothek Warburg 1922/23, I Teil. 145—224). Авторъ изслѣдуетъ съ точки зрѣнія ихъ культурно-историческаго значенія изображенія средневѣковыхъ государей и извлекаетъ отсюда интересныя данныя для характеристики средневѣковыхъ воззрѣній на сущность и заданія императорской власти. На ряду съ западными много вниманія удѣлено и византійскимъ памятникамъ. Отмѣтимъ еще интересную работу Walter Holtzmann'a. „Studien zur Orientpolitik des Reformpapstums und zur Entstehung des ersten Kreuzzuges“ (Hist. Viertéljahrschr. hrsg. von E. Brandenburg. XXII [1924] 167—199). Авторъ изучаетъ взаимоотношенія запада и Византіи въ эпоху, непосредственно предшествующую крестовымъ походамъ, и особенно подробно останавливается на восточной политикѣ папы Григорія VII. Въ противоположность возникавшимъ за послѣднее время предположеніямъ Гольцманъ устанавливаетъ, что мысль о крестовомъ походѣ у Григорія VII еще не возникала, а стремился онъ исключительно къ церковной уніи съ православнымъ востокомъ, и что и для Урбана II унія и крестовый походъ были двѣ совершенно различныя задачи. Для исторіи позднѣйшаго періода укажемъ на цюрихскую докторскую диссертацію: Max Silberschmidt. Das orientalische Problem zur Zeit der Entstehung des Türkischen Reiches nach venezianischen Quellen. Ein Beitrag zur Geschichte der Beziehungen Venedigs zu Sultan Bajezid I, zu Byzanz, Ungarn und Genua und zum Reiche von Kiptschak (1381—1400). Beiträge zur Kulturgeschichte des Mittelaltes und der Renaissance, hrsg. von W. Goetz Bd. 27. Leipzig und Berlin. 1923. XIII+206 S.

Нѣсколько подробнѣе остановимся на книгѣ католическаго богослова А. Михеля — Anton Michel. Humbert und Kerullarios. Studien. I Teil. (Quellen und Forschungen aus dem Gebiete der Geschichte, hrsg. von der Görres-Gesellschaft. Bd. XXI. Paderborn, 1925. 131 S. 8°). Разсматривая взаимоотношенія Запада и Востока въ эпоху раздѣленія церквей, авторъ даетъ довольно много интереснаго матеріала, указываетъ между прочимъ, — какъ онъ это дѣлалъ уже и раньше (ср. Hist. Jahrb. 1922), — что раздѣленіе церквей существовало фактически и до „схизмы“ 1054 г., но къ оцѣнкѣ фактовъ авторъ къ сожалѣнію, подходитъ съ узко-раціоналистической точки зрѣнія. Такъ раздѣленіе церквей Михель считаетъ исключительно результатомъ политическихъ и націоналистическихъ стремленій Византіи. Несомнѣнно, подойти къ проблемѣ со стороны политическихъ событій можетъ быть и интересно и плодотворно, но отводить этимъ

событіямъ въ вопросѣ о раздѣленіи церквей центральное, а тѣмъ болѣе искючительное мѣсто, значитъ совершенно искажать картину. Основаніемъ такой концепціи служитъ автору пресловутый миѳъ о византійскомъ „цезарепапизмѣ" и полномъ подчиненіи въ Византіи церкви государству. Распространяется объ этомъ онъ подробно, но подкрѣпляетъ свои соображенія на этотъ счетъ не свидѣтельствомъ византійскихъ источниковъ, — что конечно сдѣлать было бы довольно трудно, — а свидѣтельствомъ... современной исторической литературы, особенно обильно цитируя Гельцера. Во второй главѣ своего изслѣдованія Михель старается доказать, что авторомъ извѣстнаго посланія къ Михаилу Керулларію былъ не самъ Левъ IX, а кардиналъ Гумбертъ. Въ III главѣ Михель издаетъ сочиненіе Гумберта объ исхожденіи Св. Духа отъ Отца и Сына. Тому же автору принадлежитъ статья „Die jährliche Eucharistia nach dem Bildersturm". („Oriens Christianus", 1926). Разбирая синодикъ, читавшійся въ день праздника Православія, Михель въ оцѣнкѣ характера и происхожденія этого памятника въ основныхъ пунктахъ приходитъ къ тѣмъ же выводамъ, что и Ѳ. И. Успенскій, работы котораго („Очерки византійской образованности", 1892 и „Синодикъ на недѣлю православія", 1893) ему, къ сожалѣнію, неизвѣстны.

Въ области средневѣковой исторіи балканскихъ государствъ необходимо отмѣтить появленіе II тома замѣчательнаго труда К. Иречка „Geschichte der Serben". Gotha, 1918. (I томъ появился тамъ же въ 1911 г.), а также третьей части труда того же автора, посвященнаго государственному и соціальному строю и культурѣ среднев. Сербіи. Constantin Jireček. Staat und Gesellschaft im mittelalterlichen Serbien. Studien zur Kulturgeschichte des 13—15 Jahrhunderts. III Teil, 1914. 77 S. 4°. Такимъ образомъ благодаря трудамъ покойнаго ученаго нѣмецкая литература имѣетъ превосходные очерки средневѣковой исторіи балканскихъ государствъ. — Тому же ученому принадлежитъ прекрасная, написанная еще пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ на нѣмецкомъ языкѣ исторія Болгаріи („Geschichte der Bulgaren". Prag, 1871). Съ тѣхъ поръ въ нѣмецкой литературѣ немало появилось популярныхъ пособій, посвященныхъ Болгаріи; въ новой же научной обработкѣ исторіи Болгаріи ощущался недостатокъ. Этотъ пробѣлъ теперь заполненъ сжатымъ очеркомъ извѣстнаго болгарскаго историка В. Н. Златарскаго, кратко излагающимъ исторію болгаръ отъ основанія Болгарскаго царства до начала турецкаго владычества (679—1396). W. N. Slatarski. „Geschichte der Bulgaren". (Bulgarische Bibliothek, hrsg. von G. Weigand. Bd. V. Leipzig, 1917. 182 S. 12°). Продолженіемъ и второй частью труда Златарскаго служитъ вышедшій въ той же серіи Вейганда, какъ VI томъ ея, очеркъ А. Станева, излагающій исторію Болгаріи отъ начала турецкаго завоеванія до нашихъ дней.

Въ заключеніе мы должны еще обратить особенное вниманіе на вышедшіе въ издательствѣ Ольденбурга въ Мюнхенѣ и Берлинѣ два первые тома регестъ актовъ византійскихъ императоровъ, изданные мюнхенской и вѣнской академіями наукъ трудами Ф. Дэльгера: „Regesten der Kaiserurkunden des oströmichen Reiches". Bearbeitet von Franz Dölger. I томъ (1924) охватываетъ эпоху отъ смерти Юстиніана I до смерти Василія II (565—1025), II томъ (1925) доводитъ до паденія Константинополя въ 1204 году. Дэльгеръ приводитъ всѣ акты византійскихъ императоровъ, дошедшіе до насъ, какъ въ греческомъ текстѣ (A), такъ и въ какомъ либо древнемъ переводномъ текстѣ (B), какъ сохранившіеся цѣлостью, такъ и извѣстные лишь въ видѣ отрывка (C); а равно и вовсе не дошедшіе до насъ акты, о которыхъ имѣются только сообщенія въ другихъ источникахъ (D). (За ранніе періоды подавляющее большинство, къ сожалѣнію, относится къ послѣдней категоріи). Отмѣчены Дэльгеромъ и степень достовѣрности сохранившихся текстовъ и достовѣрности ихъ даты; при каждомъ номерѣ приведена главнѣйшая литература къ нему. Конечно, имѣются въ этомъ изданіи кое-какіе недочеты (нѣкоторые изъ нихъ указаны уже въ рецензіяхъ на I томъ Регестъ, особенно А. Гофмейстеромъ [„Gnomon", 1925. I Heft 6, 354—366] и К. Бранди [„Göttinger Gelehrte Anzeigen". 1925. 111—118])[1] но въ подобномъ трудѣ упущенія неизбѣжны, а добавленія къ нему, по мѣрѣ открытія новыхъ документовъ, все равно потребуются. Изданія эти являются результатомъ огромной работы и свидѣтельствуютъ о большой начитанности и эрудиціи автора. О томъ, сколь необходимы для работы по византиновѣдѣнію эти изданія и какимъ цѣннымъ

[1]) Ср. также отзывъ Г. В. Вернадскаго въ „Обзорѣ трудовъ по византиновѣдѣнію съ 1914 г.", „Slavia" ročn. V (1926).

пособіемъ они являются для всякаго работающаго въ этой области, едва ли нужно еще особо распространяться. Къ тому же работа значительно облегчается еще благодаря ясной и раціональной системѣ, которую примѣнилъ Дэльгеръ при составленіи своихъ регестъ. Нельзя также не отмѣтить ту быстроту, съ какой составитель съумѣлъ подготовить къ печати эти два первые тома, а также его обѣщаніе, ежегодно выпускать по новой части начатаго имъ труда. Дѣло въ томъ, что данные два тома регестъ являются выполненіемъ малой лишь части обширнаго плана, возникшаго болѣе двадцати лѣтъ тому назадъ, по почину Крумбахера. Подъ общимъ заглавіемъ „Corpus der griechischen Urkunden des Mittelalters und der Neueren Zeit“ предполагается изданіе, какъ регестъ всѣхъ византійскихъ и новогреческихъ актовъ, — императорскихъ, патріаршихъ и прочихъ духовныхъ лицъ, чиновничьихъ и частныхъ грамотъ, — такъ равно и изданіе самыхъ этихъ документовъ; а затѣмъ и изданіе изслѣдованій по византійской дипломатикѣ.

Заканчивая нашъ обзоръ, отмѣтимъ, что въ Мюнхенѣ продолжаетъ выходить подъ редаціей A. Heisenberg'a, основанный еще Крумбахеромъ, посвященный византиновѣдѣнію журналъ „Byzantinische Zeitschrift“. Весьма цѣненъ библіографическій отдѣлъ этого журнала, регулярно и съ большой полнотой сообщающій о новыхъ работахъ по всѣмъ областямъ византиновѣдѣнія, какъ нѣмецкихъ, такъ и иноязычныхъ и дающій подробные отзывы о наиболѣе важныхъ трудахъ. Сходенъ съ B. Z. по характеру выходящій подъ редакціей N. Bees'a (Βέης) журналъ „Byzantischneugriechische Jahrbücher“. (Началъ издаваться въ Берлинѣ съ 1920 г., теперь издается въ Аѳинахъ).

Г. Острогорскій.

Charles Diehl. Manuel d'art byzantin. 2e édition revue et augmentée, suivie de deux index, p. 946. V. I. Paris 1925; V. II Paris 1926, (Aug. Picard).

Со времени появленія перваго изданія прошло 15 лѣтъ и чувствовалась настойчивая необходимость въ возобновленіи его. За это время руководство Diehl'я перестало быть единственнымъ и вышелъ въ свѣтъ рядъ другихъ. Но сочиненіе маститаго ученаго, какъ и всѣ его труды, написанное легко и красиво, продолжаетъ быть столь же желаннымъ, какъ единственное, дающее общую картину развитія византійскаго искусства въ его историческихъ рамкахъ (а не только систематическій перечень памятниковъ) и исторію развитія формъ, хотя и послѣднее, конечно, является весьма цѣннымъ для археолога и историка искусствъ. Въ этомъ отношеніи сочиненіе знаменитаго изслѣдователя и историка счастливо дополняетъ руководства Дальтона и Вульфа, и знакомство съ нимъ необходимо для каждаго желающаго заниматься византійскимъ искусствомъ.

Новое изданіе »Manuel«, раздѣленное на два тома, значительно увеличилось въ объемѣ. Планъ сочиненія и его направленіе остались прежними. Въ текстѣ прибавлено 88 стр. и 28 рис., кромѣ того нѣкоторые изъ прежнихъ увеличены. Въ концѣ сочиненія приложены 3 стр. дополненій, преимущественно къ библіографіи, и образцово составленные индексы, занимающіе стр. 919—40: общій и иконографическій, раздѣленный на 2: одинъ для религіозныхъ темъ, другой для свѣтскихъ, и прежнее оглавленіе.

Значительное приращеніе текста объясняется привлеченіемъ накопившагося за эти 15 лѣтъ матеріала. Diehl, по собственнымъ словамъ, задался цѣлью показать „самое современное состояніе нашихъ научныхъ знаній, для этого съ точностью резюмировалъ недавно пріобрѣтенныя данныя, которыя показались достаточно достовѣрными“. Библіографія также дополнена: въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ указывается новая литература. Эти новыя свѣдѣнія и теоріи падаютъ съ одной стороны на начало византійскаго искусства и вопросъ его происхожденія, гдѣ теоріямъ Стржиговскаго и даннымъ по искусству востока, именно Месопотаміи, Ирана и Арменіи, удѣлено мѣсто, въ особенности послѣдней. Отдавая должное научной дѣятельности Стржиговскаго, Diehl попрежнему принимаетъ его теоріи съ большими ограниченіями, а именно: въ теченіе первыхъ четырехъ вѣковъ христіанское искусство, въ зависимости отъ мѣстности и расъ, среди которыхъ христіанство распространялось, приняло различныя формы; извѣстное единство было внесено въ V вѣкѣ церковью; въ VI вѣкѣ дворъ создалъ своего рода государственное искусство, какимъ является византійское. Этотъ взглядъ на особое значеніе въ искусствѣ Константинополя, какъ руководящаго столичнаго центра, проводится болѣе рѣшительно, чѣмъ въ 1-мъ изд., хотя Diehl. попрежнему отрицаетъ это значеніе по отношенію къ Риму и оставляетъ его совершенно въ сторонѣ.

Съ другой стороны большая часть накопившагося матеріала относится къ концу византійскаго искусства и къ распространенію его въ славянскихъ странахъ. Она помѣщена въ IV книгѣ. Diehl опредѣленно высказывается за возрожденіе византійскаго искусства въ XIV вѣкѣ, не допускаетъ возможности сведенія причинъ его исключительно къ чужеземному вліянію и возстаетъ противъ западной и сирійской теорій. Значительное мѣсто удѣляется школамъ македонской и критской. Вторую Diehl понимаетъ иначе, чѣмъ Н. П. Кондаковъ и Лихачевъ, видя ея расцвѣтъ въ XIV вѣкѣ. Ей приписывается большое значеніе въ русскомъ искусствѣ (Новгородская школа и Рублевъ). Такъ же послѣдовательно проведено раздѣленіе на школы въ главахъ, посвященныхъ Сербіи, Болгаріи, Румыніи, Мистрѣ и Аѳону.

Въ заключеніе надо отмѣтить, что сдѣланы также добавленія о техникѣ исполненія нѣкоторыхъ памятниковъ.

М. А. Андрѣева.

O. M. Dalton. East Christian art. A Survey of the Monuments. Oxford. At the Clarendon Press. 1925. p. p. XV + 396, 70 plates. 4°.

Появленіе изъ подъ пера O. M. Dalton'a, автора извѣстнаго руководства Byzantine art and archaeology, новаго труда по византійскому или „восточно-христіанскому" искусству вызвано, какъ и 2-ое изданіе Manuel'я Ch. Diehl'я, накопленіемъ большого количества новаго матеріала, а также и самымъ движеніемъ науки византійской археологіи. Какъ указываетъ авторъ, въ своемъ предисловіи, планъ работы сохраненъ тотъ же, но, за исключеніемъ описаній памятниковъ, всѣ главы написаны заново и съ нѣсколько измѣненной точки зрѣнія, что отчасти отразилось и въ самомъ заглавіи, въ которомъ „византійское" замѣнено болѣе широкимъ понятіемъ „восточно-христіанскаго". Т. обр. новый трудъ Dalton'a не является переизданіемъ прежняго и имѣетъ цѣль не замѣнить его, а лишь дополнить. Насколько широко ставитъ себѣ задачу авторъ показываетъ его общее введеніе (general survey), имѣющее цѣлью познакомить читателя, какъ съ почвой, на которой могло возникнуть в.-хр. искусство, такъ и съ той — откуда могли происходить различныя отразившіяся въ немъ вліянія или куда проникали его памятники. Историко-географическій обзоръ обнимаетъ огромную территорію отъ Индіи, Ирана и Туркестана до Британскихъ острововъ. Въ противоположность своему прежнему труду, въ новомъ авторъ довольно много мѣста удѣляетъ архитектурѣ (глава II), причемъ въ этой области ему приходится пользоваться матеріаломъ, пущеннымъ въ оборотъ Стржиговскимъ, а также касаться поднятыхъ имъ вопросовъ и теорій о происхожденіи византійской архитектуры, ея общаго характера и отдѣльныхъ элементовъ (куполъ, декорація и т. п.). Рѣшивъ вопросъ о Востокѣ или Римѣ въ пользу перваго, авторъ, по выраженію одного изъ рецензентовъ (S.[alomon] R.[einach]. -- Revue archéologique, 1926, avril—juin, p. 371), „a filtré les idées enveloppées comme l'Olympe de nuages, à l'usages des lecteurs qui apprécient la clarté". Послѣднее несомнѣнно заслуга, и немалая. За обзоромъ главныхъ элементовъ архитектуры и важнѣйшихъ типовъ церквей и другихъ сооруженій религіознаго характера слѣдуетъ также и разсмотрѣніе свѣтской архитектуры (дворцовъ, домовъ, укрѣпленій, цистернъ, акведуковъ и т. п.).

Въ дальнѣйшемъ изложеніи авторъ добросовѣстно касается всего новаго не только въ смыслѣ памятниковъ, но и высказанныхъ мнѣній и сужденій. Замѣтно увеличился отдѣлъ металлическихъ издѣлій. По поводу происхожденія полихромной инкрустаціи авторъ высказывается въ согласіи съ выводами М. И. Ростовцева. Касаясь новыхъ памятниковъ византійской торевтики, авторъ останавливается также и на нашумѣвшей Антіохійской чашѣ, которую предлагаетъ датировать, на основаніи аналогіи въ стилѣ съ пиксидами Боббіо и Берлина, IV вѣкомъ. Какъ извѣстно къ этой датировкѣ склоняются и многіе другіе ученые, напр. Ch. Diehl (Manuel, t. I, p. 316, n. 3) и S. Reinach (см. вышеупомянутую рецензію). Выше уже указывалось, что работа не имѣетъ цѣли замѣнить предыдущую, къ которой читатель часто и отсылается. Задачею было поставлено сдѣлать къ ней необходимыя добавленія и дать новый и „свѣжій" обзоръ памятниковъ, и необходимо признать, что задача эта выполнена блестяще. Иллюстрація книги не преслѣдуетъ цѣли исчерпывающе представить всѣ роды византійскаго искусства (за исключеніемъ главы объ архитектурѣ, гдѣ такая задача была необходима ввиду ея отсутствія въ прежнемъ трудѣ), что было сдѣлано въ 1-ой работѣ O. M. Dalton'a. Поэтому количество (по сравненію съ предыдущей книгой) иллюстрацій невелико, зато качество очень высоко; послѣднее выводить разсма-

триваемый трудъ изъ ряда обычныхъ руководствъ по византійскому искусству.

Н. Бѣляевъ.

J. Ebersolt. La miniature byzantine. Ouvrage accompagné de la reproduction de 140 miniatures. Paris et Bruxelles. Librairie nationale d'art et d'histoire G. Vanoest, éditeur. 1926. p. p. XIII + 110, 72 planches. 4°.

Главнѣйшая заслуга этого хорошо изданнаго тома — то сравнительно полное впечатлѣніе о византійской миніатюрѣ, которое остается даже при бѣгломъ просмотрѣ таблицъ. Такой общій обзоръ, посвященный спеціально византійской миніатюрѣ, былъ необходимъ тѣмъ болѣе, что большія изданія отдѣльныхъ группъ рукописей (напр. Omont) или же единичныхъ кодексовъ (напр. итальянскія изданія Stornajolo и др.) далеко не всегда доступны, обзоры же, а главное иллюстраціи, общихъ руководствъ по византійскому искусству (Dalton, Diehl) часто оказываются недостаточными. Настоящее изданіе прекрасно заполняетъ пробѣлъ между обѣими группами работъ по византійской миніатюрѣ. Оно посвящено всей исторіи византійской миніатюры и знакомитъ читателя, въ большей или меньшей мѣрѣ, со всѣмъ извѣстнымъ въ этой области матеріаломъ (какъ памятниками, такъ и литературой предмета) въ несравненно болѣе широкомъ размѣрѣ, чѣмъ это могутъ сдѣлать общія руководства. Само собой разумѣется, что иллюстрація играетъ въ этомъ случаѣ важнѣйшую роль. И можно сказать, что съ этой стороны книга обставлена хорошо, на 72-хъ таблицахъ воспроизведено 140 миніатюръ иллюстративнаго и декоративнаго характера. Задача текста — не только служить поясненіемъ для приводимыхъ иллюстрацій, но и дать полное впечатлѣніе о ходѣ развитія византійской миніатюры. Главное свое вниманіе авторъ обратилъ на развитіе того, что принято называть стилемъ въ искусствѣ, и прослѣживаетъ онъ измѣненія и развитіе стиля въ миніатюрѣ на всемъ протяженіи тысячелѣтія византійскаго искусства, какъ въ иллюстраціи, такъ и декоративной части миніатюрной живописи, т. е. всевозможныхъ заставкахъ, концовкахъ, иниціалахъ, декоративныхъ страницахъ и т. п. Дѣлаетъ это авторъ достаточно полно и въ случаѣ отсутствія иллюстраціи (т. к. естественно, что несмотря даже на обильную иллюстрацію, все же каждаго пункта книги нельзя было иллюстрировать) замѣняетъ ее исчерпывающимъ описаніемъ. Въ краткомъ введеніи разсматриваются главнѣйшія формы рукописей (свитокъ и кодексъ), роды техники (каллиграфія, хризографія и зографія — живопись), а равно намѣчается основное дѣленіе миніатюрной живописи на иллюстраціонную и декоративную, а также указывается общее значеніе византійской миніатюры, связующей два элемента (античный и восточный) въ одно цѣлое, оказавшей существенное вліяніе на искусство всего средневѣковья и породившей рядъ „провинціальныхъ" подгруппъ византійскаго искусства. Въ дальнѣйшемъ изложеніе и разсмотрѣніе матеріала разбито по эпохамъ: V—VIII в. в. (Свитокъ Іисуса Навина, Иліада Амвросіанской библіотеки, хроника на папирусѣ, Вѣнская книга Бытія, книга Бытія Британскаго музея (т. н. Cotton'a), Синопскій фрагментъ Евангелія, Россанское Евангеліе, Вѣнскій Діоскоридъ, Козьма Индикопловъ); VIII—IX в. в. (Хлудовская псалтирь, рукописи Іоанна Дамаскина (Gr. 923) и Григорія Богослова (Gr. 510) Національной библіотеки въ Парижѣ); X—XII в. в. (Псалтири, Ватиканская Библія, Октатевхи, Пророки, Книга Іова, толкованія на Притчи и Еклезіастъ; Евангелія и т. д. различныхъ библіотекъ и собраній Европы; Менологій Василія II — агіографическая миніатюра; богословская литература — проповѣди Іоанна Златоуста и Григорія Богослова, Догматическая паноплія и т. д.; монастырская литература — Омиліи монаха Іакова, лѣствица Іоанна Климака; свѣтская литература — Кинегетики Оппіана и медицинскія сочиненія); XIII—XV в. в. (Проповѣди Григорія Богослова, Акаѳистъ Богоматери, книга Іова; книга Варлаама и Іоасафа; свѣтская литература — Ѳеокритъ, Оппіанъ; медицинскія сочиненія; историческія сочиненія — Скилица и др.). Нѣтъ возможности излагать подробно содержаніе работы. Скажу только, что на всѣхъ болѣе или менѣе крупныхъ явленіяхъ въ исторіи миніатюры авторъ останавливаетъ вниманіе свое и читателя. Кромѣ разсмотрѣнія матеріала, т. е. самихъ миніатюръ, авторомъ приводятся или упоминаются свѣдѣнія о рукописяхъ и византійскихъ библіотекахъ, черпаемыя изъ историческихъ источниковъ или же самихъ рукописей, отмѣчается вліяніе событій религіозной или политической жизни на созданіе тѣхъ или иныхъ сюжетовъ или иллюстрацій, а также и различныхъ бытовыхъ и художественныхъ формъ на орнаментику рукописей, (напр.: металлическихъ

издѣлій, тканей, эмали и т. п.). куда также слѣдуетъ отнести также и то, что авторъ называетъ археологической тенденціей, т. е. воспроизведеніе различныхъ современныхъ зданій (напр. особо почитаемыхъ церквей — храма Св. Апостоловъ и др.) и бытовыхъ мелочей въ родѣ киворіевъ и т. п. Любопытны разсмотрѣнія животныхъ и растительныхъ формъ въ орнаментикѣ рукописей, причемъ авторъ отмѣчаетъ рядъ чертъ, заимствованныхъ изъ восточнаго искусства (напр. въ изображеніяхъ животныхъ; мотивы, подражающіе куфическому письму и арабеску). Послѣдняя глава посвящена центрамъ производства рукописей и художественнымъ вліяніямъ, проявляющимся въ византійской миніатюрѣ. Отмѣчаются художественныя школы, давшія рядъ иллюминованныхъ рукописей, — Босфорская (т. е. Константинополь), Аѳины, Мистра, Египетъ, указывается, что византійская миніатюра продолжала жить на ближнемъ Востокѣ и послѣ арабскаго завоеванія. Отдавъ должное всевозможнымъ заимствованіямъ орнаментальныхъ схемъ, отдѣльныхъ мотивовъ и т. п., авторъ ставитъ въ заслугу византійскому искусству (а въ частности и миніатюрѣ) сліяніе этихъ элементовъ въ одно цѣлое.

Книга написана полно, просто и въ достаточной мѣрѣ популярно, чтобы быть доступной и неподготовленному читателю. Помимо обычныхъ ссылокъ и указаній она снабжена еще болѣе обширными примѣчаніями по отдѣльнымъ вопросамъ, вынесенными, чтобы не загромождать текста, въ конецъ. Снабжена книга кромѣ алфавитнаго указателя еще спискомъ рукописей и краткой библіографіей общаго характера. Иллюстраціи сдѣланы четко и вполнѣ удовлетворяютъ своей цѣли. Слѣдуетъ указать, что давая обзоръ стиллистическаго развитія византійской миніатюры, различныхъ системъ и манеръ иллюстраціи и орнаментаціи рукописей и отдѣльныхъ элементовъ этой орнаментаціи, разсматриваемая работа не даетъ историческаго обозрѣнія иконографіи въ византійской миніатюрѣ, каковое было въ свое время сдѣлано Н. П. Кондаковымъ. Объясняется это отчасти тѣмъ, что въ этомъ случаѣ работа должна была бы сильно разростись и что иконографія въ настоящее время обычно выдѣляется и ей посвящаются особыя спеціальныя сочиненія (напр. работы Millet, Brehier и т. п.). Однако несомнѣнна необходимость и спеціальной работы по иконографіи въ византійской миніатюрѣ. Классическій трудъ Кондакова, который до сихъ поръ остался непревзойденнымъ (да и будетъ таковымъ еще долго), лучше всего могъ бы служить этой цѣли при условіи изданія его съ соотвѣтствующими добавленіями о памятникахъ, открытыхъ послѣ его появленія, и библіографическаго характера, а также и достойной его иллюстраціи.

Н. Бѣляевъ.

Hans Gerstinger. Die Griechische Buchmalerei. Wien 1926. Textband s. s. VI + 54 + 5 taf. (22 abbild.); Tafelband: t. t. 28. Folio.

Названная работа представляетъ собой публикацію избранныхъ миніатюръ греческихъ рукописей Вѣнской Національной библіотеки, начиная съ извѣстной Книги Бытія (Theol. gr. 31), изъ которой воспроизведено въ краскахъ (вполнѣ соотвѣтствующихъ оригиналамъ) 3 страницы и кончая кодексомъ Никиты Акомината (Hist. gr. 53), писаннымъ уже на бумагѣ и содержащимъ два любопытныхъ изображенія: самого автора и императора Алексѣя V Мурзуфла, нынѣ впервые изданныхъ (t. t. XXIII—XXIV). Остальныя таблицы представляютъ выборку миніатюръ изъ различныхъ рукописей, часть изъ нихъ воспроизведена въ краскахъ. На трехъ послѣднихъ таблицахъ сгруппированы иниціалы изъ различныхъ рукописей. Текстъ представляетъ собой общій очеркъ исторіи греческой миніатюры отъ поздняго антика до конца XV вѣка. По сравненію съ работой на ту же тему Ebersolt'а, книганоситъ менѣе популярный характеръ, а также обращено больше вниманія на иконографическую сторону иллюстрацій и на происхожденіе миніатюрнаго цикла, т. е. связнаго разсказа въ иллюстраціи. Не лишены любопытства дѣленіе автора на періоды и ихъ названія: Erste Renaissance — до 723 г. (гл. II), Zweite Renaissance — IX—X в. в. (гл. IV A.), Dritte Renaissance — 1204—1453 (гл. V). Не автора разсматриваемой работы, конечно, нужно винить въ столь странной терминологіи, сдѣлавшейся обычной и принятой въ современной наукѣ, однако невольно возникаетъ вопросъ, неужели византійское искусство должно было на протяженіи тысячи лѣтъ своего существованія три раза умирать, чтобы три раза вновь возрождаться. И не лучше ли вернуться къ предложенной въ свое время Н. П. Кондаковымъ терминологіи: первый, второй расцвѣтъ, тѣмъ болѣе, что по существу здѣсь разницы нѣтъ, а лишь искусственное примѣненіе къ терминологіи западнаго искусства

(ср. т. н. Каролингскій Ренессансъ и т. п.). Текстъ иллюстрированъ (помимо атласа) воспроизведеніями ряда наиболѣе важныхъ миніатюръ рукописей не Вѣнской библіотеки. Несомнѣнно эта работа является и новымъ цѣннымъ вкладомъ въ исторію византійской миніатюры.

Н. Бѣляевъ.

R. P. Guillaume de Jerphanion: Une nouvelle province de l'art byzantin. Les églises rupestres de Cappadoce. Haut Commissariat de la République Française en Syrie et au Liban. Service des antiquités et des beaux-arts. Bibliothèque archéologique et historique t. V. Texte t. I (première partie) p. p, LXIII + 296; 4°. Album: Deux cartes dressées et dessinées par le P. Guillaume de Jerphanion. Aquarelles de M. M. Ernest Mamboury et Tito Ridolfi. Photographies des P. P. Guillaume de Jerphanion et Joannès Gransault. Dessins de M. M. Ernest Mamboury, Tito Ridolfi, Giorgio Guidi, Philippe Burnot et de l'auteur; 69 planches, folio. Ouvrage publié avec le concours de l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres. Paris. Librairie Orientaliste Paul Geuthner. 1925.

Нѣтъ нужды говорить о значеніи разсматриваемой публикаціи; громадный и исключительно интересный матеріалъ становится доступнымъ для изученія — цѣлая новая область византійскаго искусства, извѣстная до сихъ поръ только отчасти и во фрагментахъ. Поэтому самый фактъ появленія подобнаго изданія является крупнымъ событіемъ въ наукѣ византійской археологіи. Матеріалъ для публикаціи былъ собранъ въ теченіе нѣсколькихъ путешествій по Каппадокіи еще до 1911 года; отдѣльныя фрески росписи издавались, какъ авторомъ настоящаго труда, такъ и другими (напр. Millet), отчасти въ періодическихъ изданіяхъ или общихъ сочиненіяхъ; полное и систематическое изданіе подготовлялось еще до войны, которая его задержала и отчасти измѣнила его характеръ. Остается только порадоваться, что всѣ препятствія, вstававшія на пути этого изданія, преодолѣны; всевозможныя злоключенія его описываетъ авторъ со всей подробностью въ своемъ введеніи. Тамъ же намѣчена задача изданія — возможно болѣе полное опубликованіе и описаніе матеріала. Къ введенію приложены списки: путешествій по Каппадокіи, онъ же и библіографическій, а также каппадокскихъ епархій. Въ дальнѣйшемъ изложеніи первыя три главы являются вводными и носятъ общій характеръ; первая служитъ какъ бы географическимъ введеніемъ. Вторая — касается самаго устройства монастырей и своеобразной архитектуры пещерныхъ церквей и отдѣльныхъ ея элементовъ и формъ, а равно и примѣняемыхъ въ ней украшеній. Третья глава — иконографическая по содержанію — указываетъ основанія для проведенной авторомъ классификаціи матеріала: группа церквей, объединенная названіемъ „архаическихъ, характеризуется: 1) украшеніемъ абсиды (обычно изображеніе Христа на престолѣ, окруженномъ символами Евангелистовъ, апокалиптическими животными, серафимами и т. п., въ радужномъ сіяніи съ предстоящими архангелами Михаиломъ и Гавріиломъ, символами солнца и луны по сторонамъ и Десницею Божьею наверху); 2) составомъ Евангельскаго цикла a) циклъ дѣтства: Благовѣщеніе, Посѣщеніе Елизаветы, Рождество Христово; часто къ этому присоединены: Испытаніе водой обличенія, Путешествіе въ Виѳлеемъ, Поклоненіе волхвовъ, Бѣгство въ Египетъ; рѣже встрѣчаются: Убіеніе Захаріи, Бѣгство Елизаветы въ горы, Срѣтеніе; b) циклъ чудесъ: Крещеніе — иногда 4 композиціи: Явленіе ангела Іоанну Крестителю, Проповѣдь І. Кр., Встрѣча І. Кр. съ Христомъ, Крещеніе, — Преображеніе, Воскрешеніе Лазаря, Входъ Господень въ Іерусалимъ; c) циклъ страстей: Тайная Вечеря, Предательство Іуды, Распятіе; рѣдко — Снятіе со креста; Погребеніе, Жены у гроба, Воскресеніе = Сошествіе во адъ, Вознесеніе; 3) иконографическими особенностями отдѣльныхъ сценъ; 4) подборомъ изображеній Святыхъ и наконецъ 5) палеографіей и орѳографіей надписей и 6) орнаментикой. Въ связи съ этими перечисленными чертами и описательныя главы (IV—IX) содержатъ каждая: общее описаніе, затѣмъ описанія: декораціи абсиды, распредѣленія росписей въ нефѣ, деталей отдѣльныхъ сценъ, и заключенія о характерѣ живописи, орнамента, палеографіи и орѳографіи. Упомянутыя главы представляютъ собой описанія: „архаическихъ" церквей Гереме (Gueréme), ц. Св. Евстафія и прилегающихъ къ ней, ц. ель — Назаръ, ц. Келеджларъ (Queledjlar) и его окрестностей, и древней церкви Токале-Килиссе.

Настоящій выпускъ (томъ текста и атласъ) является лишь первой третью всей публикаціи (два тома текста, изъ нихъ первый въ двухъ частяхъ, и три атласа, всего 200 таблицъ), предназначенной къ выходу въ те-

ченіе 1925—27 годовъ. Остается лишь пожелать, чтобы появленіе въ свѣтъ дальнѣйшихъ частей изданія не заставило себя долго ждать.

Н. Бѣляевъ.

R. P. Guillaume de Jerphanion: Le calice d'Antioche. Les théories du Dr Eisen et la date probable du Calice. Orientalia Christiana, vol. VII (Num. 27 — Aug. — Sept. 1926). Pont. Institutum Orientalium Studiorum. Roma. p.p. 175 + pl. I—XXIV. 8°.

Чаша съ изображеніемъ Христа и апостоловъ, найденная въ 1910 г. около Антіохіи, давно уже привлекаетъ вниманіе не только занимающихся христіанской археологіей, но также и широкой публики. Въ 1923 г. чаша послужила матеріаломъ для большой и роскошной публикаціи Dr G. A. Eisen'a, взявшагося доказать, что изображенія на чашѣ суть воспроизведенія древнѣйшихъ портретовъ Христа и апостоловъ, сдѣланныхъ еще съ натуры, т. е. при ихъ жизни, а самая чаша ничто иное, какъ чаша Тайной Вечери. Эти предположенія не раздѣляются конечно всѣми, писавшими о чашѣ, однако нѣсколько ученыхъ все же считаетъ возможнымъ датировать чашу I вѣкомъ (Strzygowski, A. B. Cook). Наиболѣе вѣскіе голоса (Ch. Diehl, Dalton и др.) высказались за IV в., какъ возможную дату для чаши. Нѣкоторые изъ авторовъ, писавшихъ о чашѣ, считаютъ и эту дату слишкомъ ранней и предлагаютъ считать чашу V вѣка или даже VI в. Къ этой послѣдней датировкѣ склоняется и авторъ разсматриваемой работы (конецъ V в. или начало VI в., т. е. около 500 г.). Наконецъ существуетъ еще и скептическое мнѣніе, полагающее, что чаша фальшивая. Къ сожалѣнію версіи объ обстоятельствахъ находки чаши сильно расходятся, послѣднее и даетъ гл. обр. пищу для сомнѣній, къ чему присоединяется необычный характеръ памятника (однако находящій свои объясненія) и шумиха, поднятая вокругъ него, повидимому, не безъ вѣдома владѣльцевъ и съ цѣлями отъ научныхъ далеко отстоящими. Не лишнимъ м. б. было бы здѣсь замѣтить, что Н. П. Кондаковъ, увидѣвъ воспроизведеніе чаши, сразу же высказалъ мысль объ ея подозрительности и рекомендовалъ всяческую осторожность при пользованіи чашей съ цѣлью какихъ либо выводовъ. Вполнѣ понятно, что окончательно вопросъ о чашѣ м. б. разрѣшенъ лишь послѣ тщательнаго и детальнаго изученія самого памятника, его техники и фактуры гл. обр. (послѣднее затруднено еще тѣмъ, что чаша подверглась частичной реставраціи и дезоксидаціи). Разсматриваемая работа не пытается разрѣшить вопроса о подлинности (хотя и авторъ не избѣжалъ сомнѣній), авторъ не видалъ самаго памятника. Задача книжки заключается въ строгой критикѣ фантастическихъ теорій Dr Eisen'a, а также и въ томъ, чтобы найти мѣсто чаши среди памятниковъ древне-христіанскаго искусства. Теоріи Dr Eisen'a критиковались уже не разъ, однако несомнѣнно, что первая часть книжки R. P. de Jerphanion'a является наиболѣе исчерпывающей, основательной и строгой ихъ критикой. Въ особой главѣ отмѣчаются авторомъ ошибки, противорѣчія, наконецъ, библіографическая путаница большой публикаціи Eisen'a. Вторая часть работы посвящена сравнительному изученію самой чаши и содержитъ рядъ интересныхъ и цѣнныхъ (внѣ ихъ связи съ чашей) очерковъ по древнехристіанской археологіи: о формѣ чашъ на др. христіанскихъ изображеніяхъ, объ иконографической темѣ чаши (Христосъ, дающій законъ и учащій апостоловъ) и отдѣльныхъ деталяхъ этой темы въ различныхъ группахъ памятниковъ, о ключѣ какъ аттрибутѣ апостола Петра, о формахъ креселъ на др. христіанскихъ изображеніяхъ, о растительномъ орнаментѣ чаши (виноградная лоза), наконецъ о символическихъ аксесуарахъ и фигурахъ, каковы корзины, наполненныя хлѣбами, изображенія птицъ на разводахъ виноградной лозы, орелъ у ногъ Христа, агнецъ. Въ этихъ очеркахъ авторъ пользуется большимъ и весьма интереснымъ матеріаломъ, напр. палестинскими мозаиками; обзоръ отдѣльныхъ деталей и символическихъ изображеній на нихъ представляетъ самостоятельный интересъ и отличается полнотой. Свою дату чаши (около 500 г.) авторъ обосновываетъ очень сложнымъ толкованіемъ иконографической темы (см. табл. на стр. 111 — соединеніе въ одно цѣлое темъ: Traditio legis при всѣхъ апостолахъ, т. наз. сцены Величія и сцены отправленія апостоловъ на проповѣдь), наличіемъ ключа въ рукахъ у ап. Петра, наконецъ характеромъ растительной декораціи. Эллинистическій типъ юнаго Христа и нѣкоторыя аналогіи съ фресками катакомбъ и памятниками, по своему характеру еще чисто-эллинистическими, напр. Берлинской пиксидой, казалось бы плохо связуются съ датой автора, наоборотъ скорѣе подтверждаютъ дату, принятую Diehl'емъ, Dalton'омъ и др., т. е. IV вѣкъ. Однако разрѣшеніе вопроса о

датѣ не слѣдуетъ отрывать отъ разрѣшенія вопроса о подлинности чаши, послѣднее же необходимо обосновать подробнѣйшимъ изученіемъ внѣшности самого памятника и его техники. Внѣ зависимости отъ того или иного разрѣшенія вопроса книжка является наиболѣе полнымъ подборомъ матеріала, такъ или иначе связаннаго съ изученіемъ чаши, а рядъ главъ представляетъ и самостоятельную цѣнность, какъ очерки по отдѣльнымъ вопросамъ древне-христіанской археологіи.

Н. Бѣляевъ.

Hugo Mötefindt. Der Schatzfund von Nagy-Szent-Miklós. Ungarische Jahrbücher, Band V, Heft 4, s. s. 364—391. Berlin. 1925.

Задача названной статьи — найти прочное основаніе для опредѣленія времени зарытія въ землю Миклошскаго клада. Задача несомнѣнно заманчивая, т. к., опредѣливъ время зарытія клада, нетрудно рѣшить вопросъ и объ историческихъ владѣльцахъ и хозяевахъ клада. При этомъ авторъ хочетъ быть строго объективнымъ, исходить только изъ самыхъ вещей и свою теорію т. образомъ строить онъ на археологическихъ основаніяхъ. Въ первой части статьи авторъ разбираетъ библіографію клада, за годы послѣ войны сильно возросшую, и приходитъ къ убѣжденію, что до сихъ поръ нѣтъ твердыхъ основаній для датировки клада и одно толкованіе надписей такихъ основаній дать не можетъ, оно приводитъ къ противорѣчивымъ выводамъ. Изслѣдованіе орнамента тоже до сихъ поръ не привело къ опредѣленнымъ результатамъ. Остается путь изученія формы отдѣльныхъ предметовъ, къ нему авторъ и обращается и выбираетъ для этой цѣли пару кубковъ (по Hampel'ю n° n° 22 и 23) или, какъ онъ ихъ называетъ, чашъ (Kelche). Предпосылками для дальнѣйшаго изслѣдованія служатъ: 1) раздѣленіе всего клада на двѣ стиллистически разныя группы — *a)* сосудовъ съ обильномъ примѣненіемъ растительнаго и животнаго орнаментовъ и декоративныхъ сценъ, *b)* сосудовъ почти неорнаментированныхъ (этому же дѣленію соотвѣтствуетъ якобы и разница въ вѣсахъ, сосуды 1-ой группы тяжелые, 2-й — легкіе, а также и въ техникѣ, первые — кованные, вторые — изъ листового золота au repoussé), 2) аналогіи для первой группы находятся на Востокѣ, для второй могутъ находиться только на Западѣ и 3) авторъ, видимо, считаетъ кубки литургическими чашами, т. е. потирами, такъ какъ свой сравнительный матеріалъ онъ беретъ именно отсюда. На этихъ зыбкихъ основаніяхъ строится типологическій рядъ, въ которомъ и подыскивается мѣсто для кубковъ Миклошскаго клада. Такое мѣсто находится въ XII вѣкѣ, на основаніи аналогіи (весьма сомнительной см. рис. 30 и 31) съ чашей Св. Бернарда въ Citeaux, которую Fleury датировалъ X вѣкомъ, и предположенія, что эта группа чашъ возникла изъ смѣшенія формъ 2-хъ другихъ. Отсюда выводъ, что кубокъ Миклошскаго клада не ранѣе XII в., и значитъ и зарытъ кладъ былъ тоже не ранѣе XII вѣка. Основанъ этотъ преждевременный, по нашему мнѣнію, выводъ на двухъ ошибкахъ: 1) a priori установлена область возможныхъ аналогій — Западъ, 2) не доказано, что Миклошскій кубокъ могъ быть потиромъ. Благодаря этому самый типологическій рядъ оказывается во первыхъ неполнымъ и одностороннимъ, во вторыхъ неправильно примѣненнымъ и ненужнымъ. Изъ неполноты вытекаютъ неправильности въ опредѣленіи группъ, такъ автору неизвѣстна сирійская группа чашъ VI—VII в. в. (сейчасъ ихъ насчитывается порядочно; до появленія статьи было извѣстно не менѣе трехъ), поэтому онъ заключилъ форму чашъ или кубковъ Врапскаго клада (Албанія) въ группу, съ которой она не имѣетъ ничего общаго (нелишнимъ будетъ замѣтить, что Н. П. Кондаковъ считалъ весь Врапскій кладъ фальшивымъ). Далѣе совершенно произвольно авторъ датируетъ (вслѣдъ за Стржиговскимъ) одинъ изъ кубковъ Перещепинскаго клада ок. 900 г. и включаетъ его въ одну группу съ несомнѣнно уже литургическими чашами собора въ Nancy и изъ Wilten въ Тиролѣ. Если въ отношеніи Миклошскихъ кубковъ можно еще колебаться и предполагать ихъ литургическое назначеніе (весьма впрочемъ маловѣроятное), то относительно Перещепинскихъ (кстати довольно многочисленныхъ) никакихъ сомнѣній быть не можетъ. Такое произвольное внесеніе предметовъ по значенію своему совершенно иныхъ нарушаетъ строгость типологическаго ряда и уничтожаетъ его обязательность. Далѣе укажемъ, что автору неизвѣстенъ вовсе русскій матеріалъ (опубликованный), какъ въ области литургическихъ чашъ, такъ и въ области кубковъ, не говоря ужъ о Сибири (напр. воспроизведен. въ Вост. сер. Я. И. Смирнова, т. т. XCVI—C). Затѣмъ византійскіе потиры ризницы Св. Марка въ Венеціи сведены всѣ въ одну группу, обозначенную „венеціанскою" (?) и датированы концомъ X в. Большинство этихъ чашъ снабжены византійскими эмалями, грече-

скими надписями и т. п., что даетъ обильную возможность для ихъ изученія и точнаго опредѣленія. Наконецъ опредѣляющая аналогія автора (чаша св. Бернарда въ Citeaux) весьма приблизительна, какъ то можно судить по помѣщеннымъ рядомъ рисункамъ. Все изложенное заставляетъ насъ считать доводы автора неубѣдительными, построенный имъ типологическій рядъ внутренне необоснованнымъ и неправильно примѣненнымъ, и заключеніе о томъ, что Миклошскій кладъ не могъ быть зарытъ въ землю до XII в., недоказаннымъ.

Н. Бѣляевъ.

S. Reinach. Monuments nouveaux de l'art antique. T. I, p. p. IX + 415; 1924. T. II, p. p. 368; 1925. Paris. Simon Kra. 8°.

Настоящее изданіе представляетъ собой сборникъ сообщеній, напечатанныхъ авторомъ въ Gazette des Beaux Arts за 1886—1925 г. г. (всего 28), касающихся различныхъ памятниковъ античнаго искусства. Какъ имѣющее интересъ для изученія археологіи юга Россіи (греко-скиѳскаго періода), можно отмѣтить сообщеніе (24-ое) о курганѣ Солоха и Воронежской вазѣ, содержащее мнѣніе автора объ этихъ предметахъ. Ко второму тому приложены еще слѣдующія работы: Les sculptures en marbre et en pierre au Musée des antiques de Vienne (G. B. A. 1892); Le „blessé défaillant" de Crésilas (G. B. A. 1905); Les vases d'argent de Cheirisophos au Musée de Copenhague (G. B. A. 1923). Послѣдній изъ этихъ очерковъ трактуетъ о весьма любопытной находкѣ нѣсколькихъ римскихъ бронзовыхъ и серебряныхъ сосудовъ, сдѣланной въ Даніи въ 1920 г. Серебряные сосуды снабжены именемъ мастера ихъ сдѣлавшаго — Хиризофа. Орнаментированы они изображеніями сценъ изъ Иліады; относятся къ I в. по Р. Хр. Сборникъ хорошо иллюстрированъ. Соединеніе статей, разбросанныхъ по журналу на протяженіи 40 лѣтъ, въ одинъ сборникъ несомнѣнно сильно облегчаетъ пользованіе этими работами, касающимися часто немаловажныхъ памятниковъ и содержащими цѣнныя мнѣнія и указанія.

Н. Б.

Niederlův Sborník. Obzor praehistorický, ročník IV. 1925. Стр. 348 + 16 табл. [Прага].

Друзья и ученики заслуженнаго чешскаго ученаго, пражскаго профессора Lubora Niederle поднесли ему ко дню исполненія его шестидесятилѣтія сборникъ, содержащій въ себѣ двадцать четыре статьи по археологіи. Четыре изъ нихъ посвящены каменному вѣку (J. Kneis'a, Přehled moravského palaeolithu; J. Pasternak'a, Podkarpatská Rus v mladší době kamenné; J. Skutil'a, Palaeolithická stanice na Golštýně u Určic (Prostějovsko); Wł. Antononiewisz'a, Eneolityczne groby szkieletowe i ziemianki mieszkalne w Nowym Darominie (pow. Sandomierski, Malopolska); статья M. Grbič'a разбираетъ погребеніе латенской эпохи на территоріи Чехіи (Starolatènská mohyla u Mirkovic, nedaleko Hostouně na Domažlicku); двѣ статьи касаются памятниковъ римскихъ (J. Dobiáš, Nález římských cihel u Mušova; Vl. Groh, Spony v římských hrobech na Foru); и цѣлый рядъ статей посвященъ археологіи славянской, какъ Чехіи (J. Böhm, Bylanský hrob ve Střešovicích; L. Domečka, Žárové hroby hradištní u Stéblové, Lhoty Stračovské. Sadové a Ladína. Hradištní hroby v Hradci Král. a okolí; E. Šimek, Hradištní soustava nad Závistí (proti Zbraslavi); V. Birnbaum, Nový názor na počátky české křesťanské architektury), такъ и Польши (J. Kostrzewski, Znaki na dnach naczyń wczesno-historycznych z Wielkopolski), южной и западной Россіи (Е. Клетнова, Великій гнѣздовскій могильникъ, М. Макаренко, Орнаментація керамічних виробів в культурі городищ роменського типу; В. Щербаківський, Ліплявський могилник), Сербіи (J. Ерделановић, Трагови најстаријег словенског слоја у Банату), Словакіи и Подкарпатской Руси (J. Eisner, Slovensko a Podkarpatská Rus v době hradištní). Особенный интересъ для русской археологіи и культурной исторіи древней Руси вообще представляютъ собою двѣ статьи чешскихъ ученыхъ: J. Schránil'a, Několik příspěvků k poznání kulturních proudů v zemích českých v X. a XI. věku, и J. Květ'a, Enkolpion městského musea v Lounech, т. к. обѣ статьи касаются вопроса о вліяніи культуры Кіевской Руси на Чехію и Моравію въ XI—XIII столѣтіяхъ и о проникновеніи въ эти западно-славянскія области предметовъ кіевской художественной индустріи.

J. Schránil въ названномъ своемъ изслѣдованіи ставитъ себѣ цѣлью выяснить тѣ вліянія, подъ которыми слагалась художественная индустрія Чехіи X–XI стол., для чего производитъ подробный и очень обстоятельный пересмотръ вещей этой эпохи, найденныхъ въ кладахъ и погребеніяхъ на территоріи Чехіи. Разсмотрѣніе предметовъ украшеній (пуговицъ, ожерелій, серегъ) и вооруженія (мечей, сѣкиръ, шпоръ) погребеній у Kolín'a, Želenek, Žalov'a, Zakolan и др. мѣстъ Чехіи, а также ряда мо-

щехранительницъ (реликваріевъ), разсмотрѣніе, произведенное на фонѣ широкаго сравненія съ аналогичными вещами Востока (Руси и Византіи), Сѣвера (Скандинавіи) и Западной Европы, приводитъ автора къ выводу, что въ княжескую эпоху въ Чехіи можно установить три главныхъ вліянія: сѣверное—норманское; восточное (Русь — Византія — Азіатскій востокъ) и западно-европейское — романское, причемъ, вопреки прежнему представленію о культурѣ Чехіи X-XI в., какъ цѣликомъ романской, г. Schránil показываетъ, что вліяніе этой западно-европейской культуры было въ Чехіи и Моравіи описываемой эпохи какъ разъ наименѣе сильно, ибо элементы ея, приносимыя изъ Германской Имперіи католическою церковью и отчасти чешскимъ дворомъ, не проникали въ болѣе широкіе слои чешскаго общества. Норманская струя характеризуется главнымъ образомъ вооруженіемъ, въ остальныхъ же предметахъ личнаго убора, какъ и вообще въ предметахъ художественной индустріи, видимъ восточное вліяніе.

„Огромное большинство памятниковъ — заключаетъ г. Schránil — свидѣтельствуетъ о культурныхъ связяхъ чешскаго племени съ Востокомъ и это широкое понятіе можемъ опредѣлить еще ближе: оно свидѣтельствуетъ о связяхъ съ Русскою областью, именно съ Кіевскою, а далѣе — съ сферою культуры византійско-восточной".

Статья г. J. Květa, служащая какъ бы продолженіемъ изслѣдованія г. Schránil'a, разсматриваетъ вопросъ о происхожденіи бронзоваго креста-тѣльника (энколпіона) византійскаго типа, найденнаго въ городище Dřevič у города Loun въ Чехіи, еще въ 1890-ыхъ годахъ, и одновременно сравниваетъ сходный по типу съ Dřevič'скимъ энколпіономъ — энколпіонъ изъ Václavice, также найденный еще въ сер. XIX ст. Еще Píč на Археологическомъ съѣздѣ въ Черниговѣ и въ своихъ „Starožitnosti země české" (т. 3, ч. I, 1909 г.) поднималъ этотъ вопросъ — объ энколпіонахъ византійскаго типа, находимыхъ въ Чехіи; теперь очень детальный пересмотръ только этихъ упомянутыхъ двухъ крестовъ, при сравненіи ихъ съ аналогичными крестами Корсунскаго и Кіевскаго типа, приводятъ автора къ выводу, что „сравнительный матерьялъ позволяетъ намъ съ полною увѣренностью признать, что оба памятника принадлежатъ къ обширной группѣ тѣльниковъ южно-русскихъ XII вѣка и скорѣе кіевскихъ, чѣмъ херсонскихъ".

Обѣ эти статьи показываютъ намъ, какъ среди западно-европейскихъ ученыхъ и въ частности чешскихъ ростетъ признаніе культурнаго значенія Кіевской Руси XI-XII в.в. и г. Кіева, какъ ея центра. Въ частности, эти работы чешскихъ ученыхъ проливаютъ нѣкоторый свѣтъ въ очень мало изслѣдованную область сношенія Кіева съ Чехіей въ эпоху его расцвѣта въ XI-XII в. в., о чемъ до сихъ поръ приходилось довольствоваться лишь данными письменности. Сопоставляя эти письменныя извѣстія — чешскія хроники и русскія лѣтописи, — мы дѣйствительно видимъ непрекращающіяся сношенія между Чехіей и Кіевскою Русью на всемъ протяженіи съ конца X до середины XII столѣтій. Особенно интенсивны эти сношенія были, повидимому, на рубежѣ X и XI вѣковъ, въ эпоху Владиміра (980—1015), когда Русь непосредственно граничила съ Чехіей, и Владиміръ „жива съ князи околними миромъ" (въ томъ числѣ и съ чешскимъ) „и бѣ миръ межю ими и любы", и когда изъ Чехіи къ Кіевскому князю не разъ являлись различныя посольства. Отъ 1095 г. знаемъ уже о почитаніи русскихъ святыхъ, князей Бориса и Глѣба въ Сазавскомъ монастырѣ, гдѣ былъ имъ отведенъ отдѣльный алтарь. Отъ XII в. сохранились извѣстія о бракахъ русскихъ князей съ мораванками (1143 г., Святополка Мстиславича) и моравскихъ — съ русскими (1132 г., Вратислава Брненскаго), а также проѣздъ короля Владислава Чешскаго черезъ Русь, вѣроятно черезъ Кіевъ, на обратномъ пути въ Чехію изъ второго крестоваго похода (1147 г.). Въ 1130-ыхъ годахъ на Руси живетъ чешскій изгнанникъ, моравскій князь Оттонъ Дѣтлебъ. И на всемъ протяженіи отъ X до XIV в. имѣемъ свѣдѣнія о существованіи торговли между Русью и Чехіей, начиная отъ извѣстій объ этомъ Ибнъ-Якуба, кончая грамотами Карла IV.

Приведенныя обѣ работы чешскихъ ученыхъ бросаютъ свѣтъ на то, какъ отражались на Чехіи всѣ эти сношенія ея съ Русью, въ частности на ея художественной индустріи.

Д. Расовскій.

ОТЧЕТЪ
О РАБОТАХЪ СЕМИНАРІЯ ИМЕНИ Н. П. КОНДАКОВА
(SEMINARIUM KONDAKOVIANUM)
ЗА ВТОРОЙ ГОДЪ ЕГО СУЩЕСТВОВАНІЯ (ПО 17 ФЕВРАЛЯ 1927 Г.)[1]

Работы Семинарія имени Н. П. Кондакова за второй годъ его существованія являлись продолженіемъ работъ перваго года.

Семинаріемъ были организованы публичныя собранія въ память Н. П. Кондакова:

а) 24 февраля 1926 г. совмѣстно съ Русскимъ Институтомъ въ Прагѣ Семинарій устроилъ торжественное собраніе по случаю истеченія года со времени кончины Н. П. Кондакова (17 февраля 1925 г.). Собраніе было устроено въ Большой Аудиторіи Философскаго Факультета Карлова Университета на Бжеговой ул. въ Прагѣ. Предсѣдательствовалъ предсѣдатель Русскаго Института въ Прагѣ проф. В. А. Францевъ, сказавшій вступительное слово. Проф. А. П. Калитинскій сдѣлалъ сообщеніе „Н. П. Кондаковъ и археологія Кавказа"; Н. М. Бѣляевъ — „Иконографическая тема „Скиніи Завѣта" во фрескѣ Аржешской церкви". Н. П. Толль — „Ткани изъ монгольскихъ кургановъ, открытыхъ экспедиціей Козлова".

б) 2 ноября 1926 г. Семинарій устроилъ публичное собраніе въ память годовщины дня рожденія Н. П. Кондакова (1 ноября) въ Малой Аудиторіи того же Факультета на Бжеговой ул. Предсѣдательствовалъ проф. А. П. Калитинскій, произнесшій краткое слово памяти Н. П. Кондакова, послѣ чего проф. Г. В. Вернадскій сдѣлалъ сообщеніе „Памятники искусства средневѣковаго Пелопонниса" по личнымъ впечатлѣніямъ.

На нѣкоторыхъ закрытыхъ собраніяхъ Семинарія, кромѣ членовъ его, присутствовали въ качествѣ гостей: Высокопреосвященный митрополитъ Евлогій, Преосвященный епископъ Сергій, Д-ръ Алиса Масарикъ, М. Н. Германова, проф. Е. Ф. Шмурло, проф. кн. Трубецкой, приз. доц. П. Н. Савицкій, С. Б. Бояновъ, П. Н. Малевскій-Малевичъ, В. В. Чернавинъ. Кромѣ того посѣтилъ Семинарій проф. Арх. Института Гиссенскаго Университета R. Delbrueck.

Въ теченіе отчетнаго года въ Семинаріи состоялось 27 закрытыхъ засѣданій, на которыхъ прочитаны и обсуждены были слѣдующіе доклады и сдѣланы слѣдующія библіографическія сообщенія:

I. Доклады (въ алфавитномъ порядкѣ авторовъ): Андреева М. А. О происхожденіи церемоніи „прокипсисъ" (5. XI. 26), см. наст. сборникъ стр. 157—177. Бояновъ С. Б. О монгольскомъ эпосѣ: отрывки изъ цикла „Джангаръ" (23. IV. 26). — Бѣляевъ Н. М. 1) Temple Church — порталъ Іерусалимскаго храма, по новой фотографіи (26. III. 26). 2) О научной дѣятельности С. А. Жебелева (28. V. 26). 3) О находкѣ въ 1926 г. въ Палестинѣ (Гераса) мраморной головы (22. X. 26). 4) Икона Благовѣщенія, принадлежащая кн. Н. Г. Яшвиль (12. XI. 26), см. наст. сбор. стр. 215—224. 5) Фибулы римско-провинціальнаго типа и ихъ бытованіе въ Византіи (10. XII. 26). 6) Отчетъ о поѣздкѣ въ Будапештъ и Вѣну въ декабрѣ 1926 — январѣ 1927 г. (21. I. 27)[2]. Вернадскій Г. В. 1) Взаимоотношенія Золотой Орды, Византіи и Египта въ XIII в. (14. V. 26). См. въ наст. сборн. стр. 73—84. 2) Отчетъ о поѣздкѣ въ Аѳины и Пелопоннесъ лѣтомъ 1926 г. (1. X. 26). 3) Церковно-политическое ученіе Епанагоги и его вліяніе на русскую жизнь XVII в. (5. II. 27). — Калитинскій А. П. О фибулѣ подвязного типа (29. X. 26). См. въ наст. сборн. стр. 191—214. — Толль Н. П. 1) О сасанидо-византійскихъ вліяніяхъ въ народной русской вышивкѣ (12. III. 26). 2) О китайскомъ шелкѣ въ Россіи (15. X. 26), см. наст. сборн. стр. 85—92.

---

[1]) Отчетъ за первый годъ (по 17 февраля 1926 г.) см. въ сборникѣ Recueil N. P. Kondakov, стр. 297—298.

[2]) Подобный же отчетъ Н. П. Толлемъ былъ сдѣланъ уже въ слѣдующемъ отчетномъ году, 25 февраля 1927 г.

3) О китайскихъ пластинкахъ изъ жада (19. XI. 26). — Чернавинъ В. В. О дервишскихъ орденахъ (5. III. 26).

II. Библіографическія сообщенія (въ алфавитномъ порядкѣ — латинскаго алфавита — авторовъ или заглавій сочиненій, которыя были предметомъ сообщенія): Arnold T. W. The Survival of Sasanian motifs (Studien zur Kunst d. Ostens Jos. Strzygowski gewidmet) (Н. П. Толль, 11. II. 27). — Базилевич К. В. Имущество Московских князей в XIV—XVI в. в. Труды Гос. Ист. Муз., III, Москва 1926 (Д. А. Расовскій, 17. XII. 26). — Бенешевичъ В. Н. Die byzantinischen Ranglisten nach dem Kletorologion Philothei und nach den Jerusalemer Handschriften zusammengestellt und revidiert (Byz. Neugr. Jbb. V, 1926) (Г. В. Вернадскій, 28. I. 27). — Brown B. „The art in early England", 1921 (Н. М. Бѣляевъ, 26. III. 26). — Byzantinisch-neugriechische Jahrbücher, V. Bd. 1. und 2. (Doppel-)Heft, Athen, 1926 (М. А. Андреева, 11. IV. 27). — Byzantion, I, 1924 (М. А. Андреева, 7. V. 26). — Cumont F. L'uniforme de le cavallerie et le costume byzantin (Byzantion II, 1926) (Н. М. Бѣляевъ, 28. I 27). — Dalton O. M. East Christian Art, Oxford 1925 (Н. М. Бѣляевъ, 28. V. 26). — Delbrueck R. Zwei Porträts (Jahrb. d. D. Arch. Ind. t. XXXX. 1925) (Н. М. Бѣляевъ, 12. VI. 26). — Diehl Ch. Manuel d'art byzantin, 2-e éd. 1925—1926 (М. А. Андреева, 3. XII. 26). — Ebersolt J. La Miniature byzantine Paris—Bruxelles 1926. (Н. М. Бѣляевъ, 8. X. 26). — Grégoire H. Un nom mystique du Christ (Byzantion, II, 1926) (Н. М. Бѣляевъ, 28. I. 27). — Heuzey L. De la persistance du costume oriental à Palmyre (Revue arch. V s., t. XXIV, 1926) (Н. М. Бѣляевъ, 28. I. 27). — Jerphanion G. Le calice d'Antioche Orientalia Christiana VII, Roma 1926. (Н. М. Бѣляевъ, 8. X. 26). — Известия Росс. Академии Истории Материальной Культуры, I, 1921 (Д. А. Расовскій, 4 и 12. VI. 26). — Kendrick A. F. Stuffs from Egypt with Christian symbols (Studien z. Kunst d. Ost. Jos. Strzygowski gewidmet) (Н. П. Толль, 11. II. 27). — Ласкарис М. Византиске принцезе у средњевековоj Србиjи, Беогр. 1926 (Г. В. Вернадскій, 28. I. 27). — Мацулевич Л. А. Серебряная чаша из Керчи. Пам. Гос. Эрмитажа, 1926 (Н. М. Бѣляевъ, 22. X. 26). — Мещанинов. Змея и собака в памятниках Кавказа. Зап. Колл. Востоковедов, I, 1925 (А. П. Калитинскій, 22. VI. 26). — Morawcsik Gyula, Die Tochter Ladislaus des Heiligen und das Pantokrator. Kloster in Konstantinopel, Budapest 1923 (Г. В. Вернадскій, 4. V. 26). — Mötefindt, Der Schatzfund von Nagy-Szent-Miklós. Ungar. Jahrbb. Bd. V, Heft 4 (Н. М. Бѣляевъ, 12. VI. 26). — Муравьев М. В. Введение к изучению Новгородских древностей, Новгород, 1925 (А. П. Калитинскій, 25. V. 26). — Niederlův Sborník, 1925, Obzor praehistorický, ročník IV. (А. П. Калитинскій, 26. III. 26). — Никовъ П. 1) История на Видинското княжество до 1323 г., София 1922; 2) Татаробългарски отношения прѣзъ срѣднитѣ вѣкове, София 1921 (Г. В. Вернадскій, 26. III. 26). — Новый Восток. Москва, 1923—1926 г. (Д. А. Расовскій, 8. X. 26). Сборникъ въ честь на В. Н. Златарски, София 1925 (Г. В. Вернадскій, 2. IV. 26). — Соболевскій А. И. Русско-скиѳскіе этюды, Изв. ОРЯС, XXXI, 1921/22 (Д. А. Расовскій, 7. V. 26). — Σωτηρίου Г. А. 1) Ἡ δμορφη ἐκκλησιὰ Αἰγίνης (Ἐπετηρὶς Ἑταιρ. Βυζαντινῶν Σπουδῶν, I, 1925) (Г. В. Вернадскій, 26. III. 26); Ὁ ἐν Θήβαις βυζαντινὸς ναὸς Γρηγορίου τοῦ Θεολόγου (Ἀρχαιολογικὴ Ἐφημερίς, 1924) (Г. В. Вернадскій, тогда же). — Sulzberger M. Le symbole de la Croix (Byzantion, II, 1926) (Н. П. Толль, 11. II. 27). — Шмурло Е. Ф. Андрей Рублевъ. Прага, 1926 (А. П. Калитинскій, 25. VI. 26). — Tallgren, L'Orient et l'Occident dans l'age du fer Finno-Ougrien (Н. П. Толль, 22. X. 26). — Tizac, H. d'Ardenne de, L'art chinois classique, Paris 1926 (Н. П. Толль, 17. XII. 26). — Византійскій Временникъ, XVI и XXIII (Г. В. Вернадскій, 4. VI. 26). — Zakharov, Antiquities of Katanda. The Journ. of the Royal Anthropol. Inst. LV, Jan.-June 1925 (Н. П. Толль, 8. X. 26).

*

Кромѣ отмѣченныхъ работъ, отдѣльными членами Семинарія продолжались научныя работы, указанныя въ отчетѣ Семинарія за первый годъ его существованія.

Изъ поѣздокъ членовъ Семинарія съ научной цѣлью должны быть отмѣчены слѣдующія:

А. П. Калитинскій ѣздилъ весною 1927 г. въ Парижъ, для зянятій въ музеяхъ Лувра и др., и С.-Жермэнъ.

Г. В. Вернадскій ѣздилъ лѣтомъ 1926 г. въ Грецію; занимался въ Аѳинахъ въ картотекѣ Словаря греческаго языка и въ Библіотекахъ — Національной (Ἐθνικὴ) и Народнаго Собранія (Βιβλ. τῆς Βουλῆς); совершилъ поѣздку въ юго-восточный Пелопоннисъ, гдѣ осматривалъ памятники франко-византійскаго Средневѣковья (Монемвасія, Гераки, Мистра).

Н. М. Бѣляевъ и Н. П. Толль въ декабрѣ 1926 г. — январѣ 1917 г. совершили поѣздку въ Будапештъ и въ Вѣну для осмотра музеевъ; Н. М. Бѣляевъ осматривалъ Національный Музей въ Будапештѣ и въ Вѣнѣ — Kunsthistorisches Museum, Nationalbibliothek (рукописное отдѣленіе), Коллекцію Графа; Н. П. Толль — Націон. Музей въ Будапештѣ и въ Вѣнѣ — Oesterreichisches Museum für Kunstindustrie.

*

Благодаря присылкѣ книгъ авторами и учрежденіями, сочувствующими дѣлу Семинарія, за истекшій годъ въ Семинаріи создалась цѣнная библіотека, заключающая въ себѣ 437 номеровъ.

Слѣдующія лица и учрежденія прислали въ библіотеку свои работы и изданія:

N. Bănescu, Marquis J. de Baye, N. A. Bees, В. Н. Бенешевичъ, Ch. Diehl, J. Ebersolt, F. Fettich, С. А. Жебелевъ, Н. Н. Глубоковскій, И. Э. Грабаръ, Th. Hopfner, R. P. G. de Jerphanion, A. Λαμπρίνου, Л. А. Мацулевичъ, A. Mazon, G. Millet, В. Минорскій, H. Mötefindt, А. В. Орѣшниковъ, А. Протичъ, S. Reinach, G. Schlumberger, А. А. Спицынъ, Н. Сычевъ, Г. А. Σωτηρίου, И. М. Хозеровъ, Е. Ф. Шмурло, княгиня М. К. Тенишева; Государственная Академія Исторіи Матеріальной Культуры, Академія Наукъ, Государственный Институтъ Исторіи Искусствъ, Смоленскій Государственный Университетъ, Государственный Эрмитажъ, Государственный Русскій Музей, Оружейная Палата, Государственный Историческій Музей, Керченскій Музей, Смоленскіе Государственные Музеи, Центральныя Государственныя Реставраціонныя Мастерскія, Азербайджанскій Археологическій Комитетъ, Общество Культурной Связи съ заграницей, Общество Друзей Русской Книги въ Парижѣ, Болгарскій Археологическій Институтъ, Болгарскій Народный Музей, Историческій Семинарій Софійскаго Университета, Ἑταιρεία Βυζαντινῶν σπουδῶν, Ἑλληνικὴ λαογραφικὴ Ἑταιρεία, Ἀρχαιολογικὴ Ἑταιρεία, Ἑλληνικὴ γεωγραφικὴ Ἑταιρεία, Römische Abteilung d. Deutsch. Archäol. Instituts, Haut Commissariat de la Republique Française en Syrie et au Liban, Pontificium Institutum Orientalium Studiorum, Institut Archéologique de l'Université François — Joseph á Szeged, Musée National Hongrois à Budapest; редакціи журналовъ: Византійскій Временникъ, Byzantion, Byzantinische Neugriechische Jahrbücher, Archaeologiai Ertesitő.

Денежныя пожертвованія поступили въ Семинарій за истекшій годъ отъ слѣдующихъ лицъ: проф. С. А. Жебелева въ размѣрѣ $ 20. — и проф. J. B. Bury въ размѣрѣ £ 1. — Мелкихъ пожертвованій отъ лицъ, не пожелавшихъ себя назвать, всего на сумму 505 Kč 35 h. Деньги эти зачислены въ фондъ Семинарія.

Цѣнное пожертвованіе Семинарій получилъ отъ П. И. Чайковской и М. И. Терещенко черезъ посредство С. К. Терещенко, а именно клише для трехъ красочныхъ таблицъ, изготовленныхъ фирмой Seeman (Leipzig).

Кн. Н. Г. Яшвиль принесла въ даръ Семинарію написанный ею портретъ Н. П. Кондакова (воспроизведенный въ Recueil Kondakov 1926).

Всѣмъ названнымъ лицамъ Семинарій приноситъ глубокую благодарность.

Семинарій выражаетъ также искреннюю благодарность Министерствамъ Народнаго Просвѣщенія и Иностранныхъ Дѣлъ Чехословацкой Республики за ихъ содѣйствіе въ дѣлѣ изданія настоящаго сборника.

Руководители Семинарія:

Проф. Г. В. Вернадскій,
Проф. А. П. Калитинскій.

ОГЛАВЛЕНIЕ.—TABLE DES MATIÈRES

Personalia:

ДОБАВЛЕНІЯ

Къ статьѣ С. А. Жебелева: „Оранта“.

I. Когда статья была уже отпечатана, авторъ имѣлъ возможность ознакомиться съ работой объ орантахъ W. Neuss'а въ »Festschrift zum 60 Geburtstag von Paul Clemen« (Bonn, 1926); не останавливаясь на вопросѣ о возникновеніи типа орантъ, Neuss дѣлаетъ попытку прослѣдить эволюцію этого типа на основаніи литературныхъ данныхъ.

II. Къ стр. 7, прим. 2: Декоративный характеръ фигуры оранты, по сторонамъ которой помѣщены фигуры Добраго Пастыря, опредѣленно сказывается на композиціи передней стороны саркофага, найденнаго въ Римѣ на Via Ostiense, См. Notizie degli scavi, 1916, 123 сл., рис. 5. *С. Жебелевъ.*

Къ статьѣ Г. В. Вернадскаго: „Золотая Орда, Египетъ и Византія въ ихъ взаимоотношеніяхъ въ царствованіе Михаила Палеолога“. Авторомъ не могла быть принята во вниманіе работа Ѳ. И. Успенскаго „Византийские историки о монголах и египетских мамлюках“, т. к. томъ XXIV „Византійскаго Временника“ (гдѣ помѣщена работа Ѳ. И. Успенскаго) полученъ былъ въ Прагѣ лишь въ концѣ февраля 1927 г., когда статья была уже отпечатана. *Г. Вернадскій.*

Къ статьѣ А. В. Флоровскаго: „Извѣстія о древней Руси арабскаго писателя Мискавейхи X—XI“. Уже послѣ отпечатанія моей статьи о Мискавейхи — при любезномъ содѣйствіи проф. Г. В. Вернадскаго, я ознакомился со статьей на ту-же тему А. Ю. Якубовскаго въ XXIV томѣ „Византійскаго Временника“, напечатанномъ въ октябрѣ 1926 г. и дошедшемъ до Праги только въ послѣднихъ числахъ февраля 1927 г. Считаемъ необходимымъ особо отмѣтить здѣсь нѣсколько мѣстъ этой статьи, озаглавленной „Ибн-Мискавейх о походе Русов в Бердаа в 332 = 943/4 г.“, какъ въ исправленіе, такъ и въ дополненіе нашего небольшого изысканія.

1. Переводъ г. Якубовскаго и нашъ совпадаютъ по смыслу почти на всемъ протяженіи разсказа Мискавейхи, расходясь — и то не вездѣ — только въ словесной формѣ. Смысловыя расхожденія имѣются только въ слѣдующихъ мѣстахъ, правда, большею частію несущественныхъ для пониманія нашего автора. Такъ — 5-ой строкѣ нашего перевода соотвѣтствуютъ слова — „народъ этотъ могущественный, тѣлосложеніе у нихъ крупное, мужество большое“; вмѣсто „столбъ для палатки“ (11-ая строка) — „Дубина“ или „булава“ (стр. 90); вм. — „онъ побудилъ народъ выступить на войну“ (19—20) строки — „Простой народъ убѣжалъ отъ страху“; вмѣсто — „верховыя лошади“ или „лошади“ — повсюду „вьючное животное“; слова глашатая переданы въ первомъ лицѣ; къ имени Ибнъ-Сам'уна прибавлено — „писецъ“; вмѣсто „служатъ забавой“ — „имѣютъ спросъ“.

2. Наше указаніе о первомъ изданіи въ 1921 г. разсказа о походѣ 943/4 гг. надлежитъ исправить: еще въ 1918 г. Margoliouth опубликовалъ это повѣствованіе въ статьѣ: »The Russian Seizure of Bardha'ah in 943 A. D.« въ „Bulletin of the School of Oriental Studies, London Institution«; впрочемъ г. Якубовскій не знаетъ перевода Huart'а.

3. Подчеркнемъ, что и г. Якубовскій признаетъ разсказъ Мискавейхи оригинальнымъ, восходящимъ къ разсказамъ очевидцевъ и современниковъ — и впослѣдствіи использованнымъ Ибнъ-аль-Атиромъ (64, 70), о Табитѣ г. Якубовскій не упоминаетъ.

4. А. Ю. Якубовскій, какъ и мы, настаиваетъ на невозможности пользоваться разсказомъ Низами и согласно съ нами утверждаетъ, что русы и на этотъ разъ продвинулись въ Бердаа по Дону — Волгѣ — Каспію (стр. 82—3, 87).

5. Длительность пребыванія русовъ въ Берда'а г. Якубовскій склоненъ считать въ полгода (стр. 72), — хотя у Якута († 1229) имѣется и прямое указаніе на годичное владѣніе городомъ (стр. 70).

6. Связывая исторію похода 943—4 гг. съ извѣстіемъ еврейскаго документа Шехтера, г. Якубовскій предположительно приписываетъ руководство этой экспедиціей воеводѣ Игоря Олегу, потомъ погибшему у Бердаа (стр. 89), однако, мы и теперь предпочитаемъ не настаивать на имени этого воеводы.

7. А. Ю. Якубовскій впервые сообщаетъ выписку изъ извѣстной „рукописи Туманскаго“; она гласитъ: „Мубарактъ есть большое селеніе у воротъ Бердаа. Здѣсь находился военный лагерь Русовъ, когда они пришли сюда и захватили Бердаа“ (стр. 91).

Заканчивая эти доказательныя замѣчанія, позволимъ себѣ выразить увѣренность и надежду, что происшедшее вслѣдствіе вынужденной разобщенности русскихъ ученныхъ силъ одновременное обслѣдованіе разсказа Мискавейхи двумя авторами независимо другъ отъ друга — будетъ всеже къ пользѣ и къ лучшему познанію одной изъ самыхъ темныхъ эпохъ исторіи нашего народа.

27. II. 1927. Прага. *А. Флоровскій.*

ЗАМѢЧЕННЫЯ ОПЕЧАТКИ И ПРОПУСКИ.

Страница:	Строка:[1]	Напечатано:	Слѣдуетъ:
2	12 сн.	Кэлигомъ	Кэлюсомъ
5	11 сн.	ἱεροδοῦλον	ἱεροδοῦλοι
5	12 сн.	Herzog-Hanck	Herzog-Hauck
5	15 сн.	Römen	Römer
6	5 сн.	Schulter	Schultze
11	7 сн.	Λ	Δ
16	18 сн.	Предметы	Предметы,
60	13 св.	E. Clousot	E. Clouzot
62	14 сн.	E. Clousot	E. Clouzot
62	23 сн.	V. Schulz	V. Schultze
62	„ „	T. Stuhlzanth	T. Stuhlfauth
66	8 св.	главнѣйшія	главнѣйшія приближа-ютъ текстъ Pap. къ Not. III и
66	15 св.	ὁ Ἀριαράθης.	ὁ Ἀριαράθης, ὁ Κεομανῶν.
66	11 сн.	Есть	Далѣе слѣдуютъ
67	1 св.	Ῥῶς	Ῥὼς
67	2 св.	ὃ γίνεται καὶ μετὰ	ὃ γίνεται καὶ μέχρι
68	17 св.	Ἄρκε	Ἄρκε
68	7 сн.	θαλάσσης	θαλάσσης·
68	5 „	Ἄρκης	Ἄρ⟨κ⟩ης
68	„ „	ἕως	ἕως
69	3 св.	Ταύης	Τάνης
69	9 „	Ἰλίου	Ἰλιοῦ
69	18 „	Τῇ Πτολεμαΐδος	Τῇ ὁ Πτολεμαΐδος
69	23 „	Βαίου	Βαΐου
69	27 „	Τζαυτζάλλης	Τζαντζάλλης
71	18 св.	εἰλέγετο	ἐλέγετο
71	„ „	ἐχόμενος	ἐνεχόμενος
71	21 „	χρείας	χρείας καὶ
71	3 сн.	Greich.	Griech.
86		рис. 2 напечатанъ въ перевернутомъ видѣ	
107	5 сн.	его станутъ	его не станутъ
118	(заголовокъ)	М. Н. Максимова	М. И. Максимова
119	9 сн.	la-même	la même
123	3 сн.	I. Ebersolt	J. Ebersolt
129	11 св.	повторящимся	повторяющимся
130	4 св.	пряжкки	пряжки
131	6 сн.	L. Venturi	A. Venturi
135	1 сн.	L. Venturi	A. Venturi
138	7 сн.	Auzeiger	Anzeiger
158	6 сн.	τοίυυν	τοίνυν
160	20 св.	которой	который
160	2 сн.	τὸ	τὸ

[1]) При счетѣ снизу принимаются во вниманіе и строки примѣчаній.

Страница:	Строка:	Напечатано:	Слѣдуетъ:
161	9 сн.	царкви	церкви
162	13 св.	Т. О.	Т. о.
162	14 св.	Кодина	у Кодина
163	26 св.	палатикіями	пилатикіями
165	9 св.	омѣчены	отмѣчены
165	11 св.	псальты	псалты
171	4 св.	(см. таб. X, рис. 1)	(см. таб. XIII, рис. 2)
171	11 сн.	произопти	произойти
173	13 св.	икискомъ	ойкискомъ
173	28 св.	патью	пятью
191	16 сн.	отдѣльныя	отдѣльные
192	17 св.	фразы	фазы
196	16 св.	съ	въ
204	21 сн.	Въ нѣмецкой археологіи	Въ нѣмецкой археологіи (B. Meissner, Fibel. Reallexikon der Vorgeschichte von M. Ebert, III, 312)
211	4 св.	гибридная	гибридныя
226	2 сн.	т. III.	т. XXIII
258	10 сн.	посртоенія	построенія

[1]) При счетѣ снизу принимаются во вниманіе и строки примѣчаній.